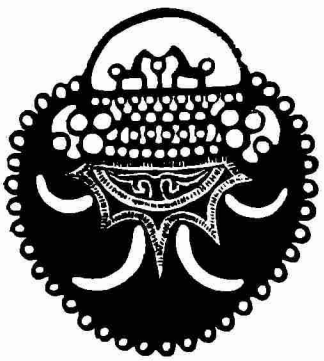
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

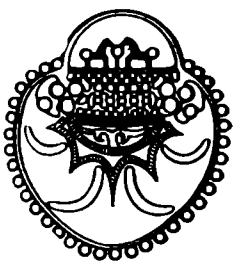
1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:

Москва, В-36, 1-я Черемушкинская, 19, тел. В 6-94-45

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-08053. Подписано к печати 21/VII 1962 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10,5
Печ. л. 28,77+3 вкл. Уч.-изд. л. 31,4 Тираж 1930 экз. Заказ 645

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

С. Н. БИБИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ КАМЕННЫХ СЕРПОВ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

Основываясь на материалистических принципах изучения исторического процесса в древнем обществе, советская археологическая наука много внимания уделяет изучению орудий труда. Такое направление открывает широкие возможности для определения уровня развития материального производства, уровня развития производительных сил изучаемого общества. В практике археологических исследований далеко не всегда имеется возможность изучать орудия труда в производственных комплексах, в больших сериях и в сохранном виде. Тогда, естественно, сужаются и сами перспективы исследования; заключения сводятся к установлению рода занятий у древних обществ и сопровождаются схематическими описаниями отдельных производственных процессов.

В качестве примера можно привести трипольскую культуру. В археологии прочно укоренилось определение трипольской культуры как земледельческо-скотоводческой.

Однако сумма научных знаний о состоянии земледельческого хозяйства триполья, о его объеме, технической оснащенности, продуктивности пока еще недостаточна. Остается, например, спорным и такой важный вопрос, какова была форма трипольского земледелия? Мотыжная ли, огороднического типа, или возделывание земли производилось с помощью тягловой силы крупного рогатого скота, при залежной системе землепользования.

В определении технических приемов, которые применялись в отдельных циклах земледельческого процесса, также много неясного. Так, до недавнего времени ответственнейший цикл в жизни трипольского земледельца — сбор урожая — не был освещен на основании данных материальной культуры. Даже в специальной литературе, посвященной орудиям труда трипольцев, не ставился вопрос о том, какими же орудиями убирали урожай [1]. Вследствие недостатка фактического материала возникали даже предположения, что урожай могли собирать без всяких орудий, т. е. колосья обрывали руками [2].

Вопрос о том, какими орудиями убирали урожай в эпоху раннего триполья, получил свое освещение после раскопок поселения в Луке-Врублевецкой на Днестре. В процессе полевого изучения Луки-Врублевецкой удалось найти большую группу (144 экз.) призматических пластинок со своеобразной угловой заполировкой. Их описанию и функциональному анализу отведено специальное место в нашей работе [3]. Там же приведены доступные в то время аналогии из работ Ф. Прошека и Д. Гоуля. Последний переиздал ранее опубликованный В. Миковым роговой серп из Каранова (Болгария), снабженный пластинчатыми вкладышами

---

[1] Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья, Л., 1937.

[2] К. Коршак. Землеробство давніх родових громад Середнього Подніпров'я Наукові записки ИИМК АН УРСР, кн. 5—6, Київ, 1935, стр. 25.

[3] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953. стр. 87—89, табл. 9 и 10.

с угловой заполировкой от употребления (рис. 1, *1*, *2*) [4]. Позднее там же, в Караново, в самом нижнем слое (Караново I) Г. Ил. Георгиевым был найден второй серп. В роговую оправу этого серпа были тоже вмонтированы наклонно поставленные кремневые призматические пластинки. Оба серпа из Каранова получили широкую известность [5]. Серпы из Каранова основательно поколебали реконструкцию жатвенных орудий, предложенную С. А. Семеновым по материалам Луки-Врублевецкой [6]. Правда, эта реконструкция вызывала возражения и раньше [7].

Рис. 1.

Налево — серп из Караново по В. Микову; направо — центрально-европейский неолитический серп по Ф. Прошеку

В настоящее время пластинки с угловой заполировкой (вкладыши от серпов) стали не редкими находками в памятниках раннего триполья. Они обнаружены среди материалов из старых сборов А. А. Кржевицкого в Попов-Городе (Озаринцы), на Среднем Днестре [8], в Ленковцах

---

[4] В. Миков. Селищната могила до с. Караново (Н.-Загорска ок.)... Изв. БГД, кн. 5, 1937, рис. 3; его же. Karanovo, Bulgaria. Antiquity, 1939, т. XIII, № 51; F. Prošek. Srpy z mladši doby kamienné. Obzor Prehistoricky, т. XIII, Praha, 1946, стр. 86—87; I. H. Gaul. The Neolitic Period in Bulgaria. ASPR, Bulletin № 16, Cambridge, 1948, табл. XVII.

[5] Г. Ил. Георгиев. За някои оръдия производство от неолита и енеолита в България. Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80 годишнината му. София, 1958, стр. 369—387, рис. 1—3; его же. Главни периоди в развитието на културата през неолита и медната епоха в България в светлината на най новете археологически проучвания. Swiatowit, т. XXIII, Warszawa, 1960, стр. 316—318, рис. 6; V. Mikov. The Prehistoric Mound, т. 12, № 2, 1959, стр. 90. Кроме двух этих серпов, в Болгарии найдены еще два обломка роговых оправ от подобных же серпов — в пещере Малката (район Тырнова) и Ясатепе (Пловдив). См. В. Миков. Селищната могила..., стр. 162; Г. Ил. Георгиев. За някои оръдия..., стр. 370.

[6] С. А. Семенов. Жатвенные кремневые ножи из позднеолитического поселения Лука-Врублевецкая на Днестре. СА, XI, 1949, стр. 151—154; его же. Древнейшие каменные серпы. СА, XXI, 1954, стр. 355—368; его же. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 142—150.

[7] С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 87—89.

[8] Хранятся в Историческом музее в Киеве, инв. № 36039.

(Средний Днестр) [9], а также на других раннетрипольских памятниках Среднего Поднестровья и Побужья (Сабатиновка II, Греновка) [10].

Пластинки с угловой заполировкой выявлены и в памятниках иной культурно-исторической принадлежности. Их выделил Ю. Н. Захарун

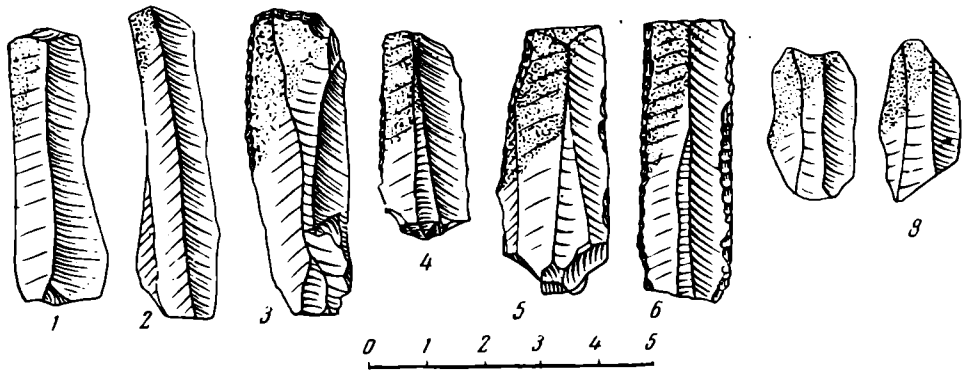


Рис. 2. Раннеэнеолитические вкладыши для серпов

1, 2 — Звенячин (по Ю. Н. Захаруку); *3, 4* — Лука-Врублевецкая (по С. Н. Бибикову); *5, 6* — Каранова (по Г. Ил. Георгиеву); *7* — Прага-Жарка (по Ф. Прошеку); *8* — Лисолайе (по Ф. Прошеку)

в комплексе археологических остатков культуры линейно-ленточной керамики из поселения Звенячин на Днестре [11].

В Чехословакии небольшие пластинки с угловой заполировкой найдены в памятниках линейно-ленточной керамики (Volutová) — пещера Пруходе, иордановской (иордансмюльской) культуры — в Прага-Жарке, культуры накольчатой (Vypichana) керамики, в Лисолайе [12] (рис. 2).

Таким образом, благодаря находкам пластинок с угловой заполировкой в Луке-Врублевецкой и возможности сопоставить их с аналогичными изделиями на юго-востоке и в Центральной Европе дискуссию о внешнем виде раннетрипольского серпа можно считать исчерпанной.

Раннетрипольский серп был значительно совершеннее жатвенного ножа, который представлял себе С. А. Семенов [13]. Это орудие состояло из деревянной, а иногда и роговой, несколько изогнутой оправы. С внутренней вогнутой стороны оправы в специальном пазу под углом к продольной оси оправы вставляли кремневые пластинки. Углы пластинок, выступающие из паза, образовывали зубчатое рабочее лезвие серпа. В серпах из Каранова сохранилось по четыре вкладыша. В энеолитических серпах из центрально-европейских местонахождений, судя по реконструкции Ф. Прошека, рабочее лезвие состояло из семи вкладышей. Принимая во внимание соотношение в размерах вкладышей из Луки-Врублевецкой, Каранова и центрально-европейских энеолитических поселений, можно думать, что серп из Луки-Врублевецкой содержал от пяти до семи вкладышей (рис. 3).

Пластинки закреплялись в пазу оправы при помощи смолистых веществ. Так, вкладыши карановского серпа были закреплены в пазу при помощи растительной смолы [14]. Остатки смолы сохранились на вкладыше из Лисолая [15], на кремневых серпах, происходящих с севера Европы [16],

[9] К. К. Черныш. Ранньотрипільске поселення Леньківці на Середньому Дністрі. Київ, 1959, стр. 46—48.

[10] Раскопки М. Л. Макаревича. Материал хранится в ИА АН УССР.

[11] Материалы раскопок Ю. Н. Захарука хранятся в ИА АН УССР в Киеве и во Львове.

[12] Fr. Prošek. Ук. соч., стр. 86, стр. 1—4. Воспроизведены затем Я. Филиппом (см. J. Filip. Pravěké Československo, Praha, 1948, стр. 102—128, стр. 104, рис. 17, *1, 2, 3*).

[13] С. А. Семенов. Первобытная техника, рис. 53, *1, 2, 3*.

[14] Г. Ил. Георгиев. За някои оръдия..., стр. 370.

[15] Fr. Prošek. Ук. соч., рис. 2.

[16] См. Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 118.

и из свайных поселений Южной Германии и Швейцарии [17]. В Египте для закрепления вкладышей серпов в оправе применялся битум [18]. В костяном острие, оснащенном кремневыми пластинками-вкладышами, найденном в Северском Донце, под Изюмом, вкладыши были закреплены с помощью смолы [19]. Острие это относится, вероятно, к мезолитическому времени.

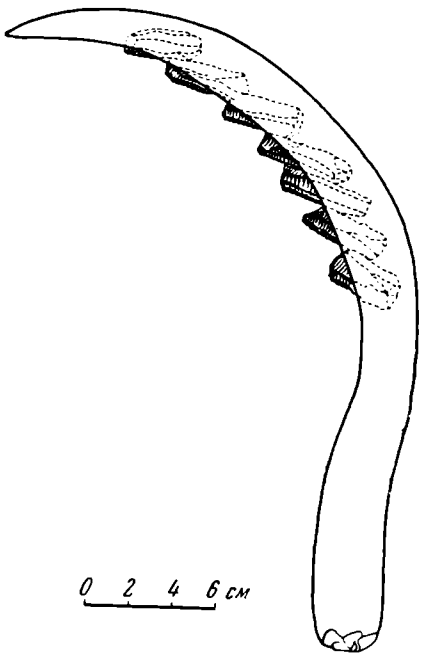


Рис. 3. Раннетрипольский серп с вкладышами из Луки-Врублевецкой. Реконструкция

Раннетрипольские серпы по принципу конструкции, внешнему виду и, вероятно, по способу закрепления вкладышей-пластинок вполне соответствовали серпам из Каранова и центрально-европейским энеолитическим серпам, реконструкцию которых дал Ф. Прошек [20]. Все они являются пока древнейшими из известных жатвенных орудий, найденных в Восточной и Центральной Европе. Это не жатвенные ножи, подобно, скажем, натуфийским или фаюмским, где расположение вкладышей в пазу прямого стержня направлено по длинной оси оправы. Серпы из Луки-Врублевецкой имели, так же как центрально-европейские и карановские серпы, изгиб оправы, что сближает их с настоящими серпами с высокими показателями полезного действия. По своей конструкции серпы из Луки-Врублевецкой и им подобные могут быть названы пластинчато-зубчатыми наборными серпами.

Значительно меньше известно о жатвенных орудиях развитого и позднего триполья, когда земледелие трипольцев достигает наиболее высокого уровня.

Еще В. В. Хвойко, изучая поселения трипольского времени в Среднем Поднепровье, не раз отмечал находки кремней, которые он называл серпами [21]. Это вызывало необоснованные возражения Ф. К. Волкова [22]. Серпами В. В. Хвойко называл и крупные кремневые пластины, встреченные им в виде кладов в Халепье.

Позднее стало принятым называть серпами или вкладышами для серпов кремневые пластины со следами зеркальной заполировки на длинных краях пластин. Такие наблюдения и определения делались К. Ю. Коршаком, Т. С. Пассек, С. С. Магурой, Е. Ю. Кричевским, Ю. Н. Захаруком и другими исследователями. Зеркальная заполировка на пластинах образовывалась в тех случаях, когда изделие соприкасалось с твердыми частицами стеблей, особенно колосковых растений, что могло иметь место при жатве или обмолоте. Сейчас находки пластин с краевой заполировкой на длинных гранях стали явлением обычным и отмечаются для памятников развитого и позднего триполья. Однако реконструировать тип серпа для этих периодов не удавалось; хотя само

[17] R. Strōbel. Die Feuersteingeräte der Pfahlbau-kultur. Leipzig, 1939, стр. 39, 40, 52, 54; там же, см. Anhang, табл. 2, 4, 6, 31.

[18] J. de Morgan. La Préhistoire Orientale, т. II, Paris, 1926, стр. 95, рис. 107, *1, 9*.

[19] М. В. Сібільов. Старовинності Ізюмщини, вып. IV, Изюм, 1930, стр. 16, табл. IV, *2а*.

[20] Fr. Prošek. Ук. соч., стр. 86, рис. 4.

[21] В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 774—775; его же. Начало земледелия и бронзовый век в Среднем Приднепровье. Тр. XIII АС, т. I. М., 1907, стр. 2.

[22] Ф. Вовк. Вироби передмікенського типу в неолітичних становищах на Україні. Антропологія. 1927, Киев, 1928, стр. 21—22.

присутствие пластин с краевой заполировкой и предполагало наличие какого-то жатвенного приспособления.

Кремневые пластины, применявшиеся для жатвы в развитом и позднем триполье, различаются по размерам, но всегда сохраняют удлиненные формы. Главное же отличие их от раннетрипольских вкладышей серпов состоит в том, что зеркальная заполировка на них располагается вдоль длинных краев пластин.

Это существенное обстоятельство сразу же определяет их иное положение в оправе серпа. И действительно, первая же находка оправы рогового серпа и обломка крупного кремневого вкладыша позволили реконструировать серп периода развитого, а по аналогии и позднего триполья.

Находки сделаны в 1961 при раскопках трипольского поселения у с. Гребени Ржищевского района Киевской области на площадке № 4.

Оправа серпа из Гребеней представляет собой несколько изогнутый, подобно карановскому, отросток рога благородного оленя, отделенный от основного стержня острым режущим, быть может, кремневым орудием (рис. 4). Следы отчленения от основного стержня сохранились очень рельефно. Длина серпа — 36 см [23]. С внутренней, вогнутой стороны рога располагается углубление-паз, длиной 7,4 *см*, шириной до 1 *см* и глубиной до 0,6 *см*. На полюсах этого паза имеются вмятины в губчатой массе, оставшиеся от упора концов кремневого вкладыша. Сохранность компактного и губчатого вещества рога хорошая.

Рис. 4. *1* — серп из Гребеней; *2* — фрагмент вкладыша серпа из Гребеней

На оправе серпа сохранились следы употребления в виде заполировки. Они распределяются в соответствии с нагрузками на отдельные части такого орудия во время работы. Сильно заполированной, с продольными линейными следами, ясно различимыми под сильным увеличением, оказывается внутренняя часть изделия, особенно на протяжении 16—17 *см* вниз от верхнего конца. Далее заполировка затухает и переходит в хорошо заметную залощенность на участке захвата орудия рукой. Это объясняется большей нагрузкой при работе именно на верхнюю и среднюю часть серпа, которые наиболее плотно соприкасались с растительными волокнам и испытывали наибольшую силу трения при срезании их.

Сильно заполирован и сточен свободный верхний конец орудия и с тыльной (внешней) стороны, но на небольшом участке (около 7 *см*). Это легко понять, так как тыльная сторона конца орудия испытывала на себе начальное трение только в процессе захвата пучка растительных стеблей во время жатвы, но не участвовала в срезании стеблей.

Серп удобно размещается в руке и, вероятно, был эффективным в работе.

---

[23] Привожу для сравнения размеры карановских серпов: серп (находка 1936 г.) — длина — 31 *см*, толщина у рукояти — 3.5 *см* (см. V. Mikov. Karanovo...); серп (находка 1956 г.), длина — 32,5 *см* (См. Г. Ил. Георгиев. За някои оръдия..., стр. 370).

На той же площадке № 4 в Гребенях, где была найдена роговая оправа серпа, был подобран фрагмент кремневого вкладыша. Он представляет собой обломок довольно широкой и тонкой призматической пластины темного с коричневатым отливом цвета: кремень чуть прозрачный. Размер фрагмента — 3 × 2,2 *см*. На спинке пластины остались три параллельные фасетки-негативы от предшествующих сколов с призматического нуклеуса. Пластина почти не имеет ударного бугорка, хотя место отжима выражено вполне отчетливо. По краям пластина несет подретушовку. Слева (если смотреть на пластину со стороны спинки) подретушовкой охвачен небольшой участок, сужающийся конец пластины. Ретушь здесь отжимная, мелко- и среднефасеточная. Справа по краю ретушь плоская, крупнофасеточная, имеющая цель выработать острый зубчатый край. На зубцах хорошо заметна зеркальная заполировка от работы.

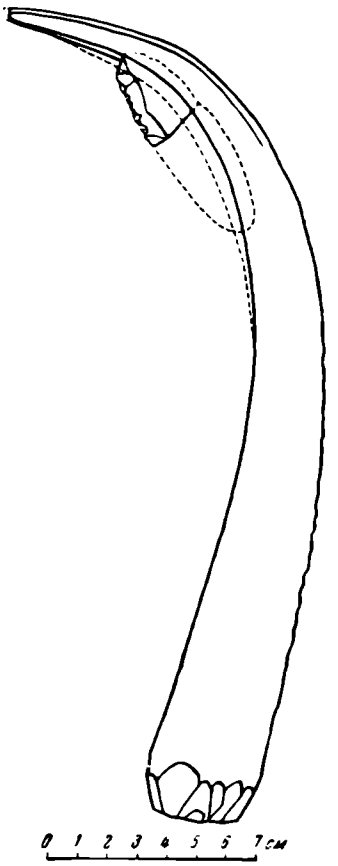


Рис. 5. Серп из Гребеней. Реконструкция

На примере вкладыша из Гребеней можно видеть примитивную форму «насечки» зубцов на вкладыше. Они нанесны на край пластинки с брюшка. Очевидно, более совершенный метод насекания зубьев «противолежащим» способом, характерным для кремневых вкладышей серпов эпохи бронзы, был в это время еще не выработан.

Краевая заполировка Гребеневского серпа говорит о том, что этот тип обычного пластинчатого вкладыша, помещавшегося в пазу оправы в горизонтальном, а не в наклонном положении.

Совместная находка оправы и вкладыша для серпа дает возможность реально реконструировать серп в виде изогнутого рогового стержня (оправы), в верхнюю половину которого с внутренней стороны вставлялся кремневый пластинчатый вкладыш, упиравшийся в концевые закраины паза (рис. 5). Внутри паза вкладыш закреплялся, возможно, смолистым веществом.

Насколько эффективно было такое орудие в работе, можно судить по опытам А. Стеенсберга, испытавшего кремневые серпы полулунной формы и зубчатый серп в работе [24]. Об этом же можно составить представление и по эксперименту С. А. Семенова. Испытанный им кремневый жатвенный нож, сделанный из пластинки, найденной в Луке-Врублевецкой, дал значительный производственный эффект, даже при очень коротком лезвии ножа [25].

Положение серпа из Гребней в эволюционном, типологическом ряду серпов Восточной Европы становится очевидным на фоне развития техники обработки кремня и типологии серпов. Можно считать установленным, что для памятников раннего триполья типа Луки-Врублевецкой является характерным сохранение в технике обработки кремня архаических черт, восходящих к производственным традициям мезолитического времени.

В основе производства кремневых орудий этого времени лежит пластинка, полученная путем скола или отжима от призматического или конического нуклеуса. Эта пластинка использовалась в качестве заго-

[24] A. Steensberg. Ancient Harvesting Implements. Copenhagen, 1943, стр. 17—20.
[25] С. А. Семенов. Первобытная техника, стр. 150.

товки для концевых скребков, пластинок со скошенным краем, вкладышей для серпов и других орудий, вплоть до встречающихся иногда резцов [26]. Резцы сами по себе являются хорошими показателями уровня кремневого производства.

Сохранение тех же архаических элементов в обработке кремня можно отметить и для памятников иной культурной принадлежности (Караново, Флорешти, Звенячин). Следовательно, эта черта не является локальной особенностью кремневого производства только раннего триполья. Впрочем, сечения призматических пластинок (даже геометрических очертаний, что является признаком мезолитической техники) бытуют и в культуре моравской расписной керамики [27]. Правда, использование геометрических микролитов как вкладышей для серпов в том виде, как это воспроизводит Р. Тихий, можно считать не более чем остроумной догадкой.

Изготовление вкладышей для серпов в период раннего триполья целиком подчинялось уровню развития кремневой техники, которая сохраняла еще архаические черты.

Отжимная кремневая техника развитого триполья хотя и следует еще старым производственным канонам, но направлена применительно к изготовлению крупных удлиненных пластин, идущих для изготовления орудий, в том числе и пластин для серпов. В этот период времени и начинается процесс преобразования кремневой техники. Угасает традиция использования небольших призматических нуклеусов, снижается в связи с этим производственная роль небольшой призматической пластинки, исчезают такие древние формы орудий, как резцы. Видоизменяются и приемы оснащения жатвенных орудий.

На поселении Поливанов Яр, относящемся к ранней поре развитого триполья, хорошо прослеживается переход от техники изготовления мелких пластинок к крупным, которые постепенно становятся основными заготовками. Здесь среди различных орудий было найдено 68 кремневых ножей на длинных, широких и массивных пластинах. Из них же выделаны и вкладыши для серпов (34 шт.). Последние, как указывает Т. С. Пассек, имеют следы заполировки, идущие наискось, т. е., по-видимому, так же, как располагается угловая заполировка на пластинах из Луки-Врублевецкой [28].

С. А. Семенов, уточняя характеристику кремневого инвентаря из Поливанова Яра, отмечает наличие там вкладышей для серпов с «разведенными» зубьями, специальную ретушировку краев жатвенных пластинок, пластинки с краевой заполировкой граней и пластинки с угловой заполировкой, которые он объясняет в соответствии со своими взглядами на реконструкцию ранних серпов [29]. В наблюдениях С. А. Семенова можно заметить тенденцию показать не только рост и совершенствование кремневой техники, но и сохранение старых производственных традиций.

То же явление, но в более смягченном виде, можно отметить и для несколько более поздних памятников. Так, в обильном кремневом инвентаре с трипольского поселения у с. Александровка Кодымского района

---

[26] С. Н. Бибиков. Ук. соч., стр. 306, табл. 14, *ж*; Е. К. Черныш. Резцы с трипольских поселений, КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 140—144; В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипільському поселенні в 1949 р. АП, т. VI, 1956, стр. 137, табл. 1, *б*; Т. Г. Мовша. Знаряддя праці з трипільського поселення Коломийщина I, Праці Київського Державного історичного музею, вып. I. Київ, 1958, стр. 189. В Звенячине, например, найден типичный угловой резец на пластинке (раскопки Ю. Н. Захарука).

[27] R. Tichy. Neoliticke sídliště v Mohilnici na Morave. Archeologické rozhledy, VIII, вып. I, Praha, 1950, стр. 3—8, рис. 2; Pravěké Ceskoslowenska, Praha, 1960, стр. 108.

[28] Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 53.

[29] С. А. Семенов. Первобытная техника, стр. 146.

Одесской области. крупные пластины встречаются вместе с небольшими пластинками, идущими на изготовление мелких орудий. Небольшой, но выразительной серией представлены здесь и призматические нуклеусы. В комплексе крупных пластин есть, без сомнения, вкладыши для серпов [30], о чем говорят следы от употребления по краям пластин. Крупные пластины для оснащения серпов известны с поселений Кукутени, Хабашешти, Кадиевцы, Кудринцы, Владимировка [31] и Кирилловка (Кодымский район Одесской области) [32]. Кирилловские вкладыши еще не опубликованы. Это фрагменты крупных пластин, обработанных по краям струйчатой ретушью, несущие заполировку по всей длине краев. Принадлежность их к вкладышам для серпов и долговременность употребления не вызывает сомнений. В кирилловском комплексе кремневого инвентаря уже трудно заметить архаические традиции. Здесь стремление к использованию крупных пластин в качестве заготовок выступает вполне наглядно.

Итак, для развитого триполья в кремневой технике можно установить постепенное угасание приемов использования мелких призматических пластинок и переход к употреблению крупных ножевидных пластин. Последние идут для изготовления вкладышей для серпов, но не составных, а цельных, подобных гребеневскому или кирилловским.

Процесс утраты архаических черт в кремневой технике шел, по-видимому, с запада на восток по мере продвижения племен. Архаические черты в кремневой индустрии дольше всего сохранились в триполье Поднестровья. Они ослабевают в кремневом производстве южнобугских трипольских памятников и почти совсем исчезают в Поднепровье.

В период позднего триполья окончательно утверждается приоритет техники изготовления и использования крупных пластин. В позднетрипольских памятниках го́родского типа, в самом Го́родске, на Тетереве [33], в Троянове на Гнилопяти [34], в Сандраках (в Южном Побужье) [35] они найдены в значительном числе и правильно истолкованы как вкладыши для серпов или заготовки для вкладышей. В Сандраках, например, был обнаружен клад кремневых пластин, подобный найденному в Халепье [36]. Некоторые пластины из клада имели краевую заполировку. Крупные пластины-вкладыши были обнаружены в Коломийщине [37], Томашевке [38] и других пунктах [39]. В Усатове (Большой Куяльник) под Одессой найдены

---

[30] А. Л. Есипенко. Раннетрипольское поселение Александровка. МАСП, вып. I, Одесса, 1957, табл. 4, *1, 2* (хранятся в Одесском археологическом музее, инв. № ПО 241. Размеры пластин: длина 11 *см* и 8 *см*, ширина — 2,4 и 2*см*).

[31] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 103, рис. 58, *2*. Пластина найдена в жилище № 17. Зеркальная заполировка располагается по одному краю пластины во всю длину ее. (Хранится в Киевском историческом музее, инв. № 176).

[32] Хранятся в Одесском археологическом музее, инв. №№ ПО 45, 1950, Кир. 24, 1951, Кир. 8, 1951.

[33] В. П. Петров. Поселення в Городську. «Трипільска культура», т. I, Київ, 1940, стр. 351, рис. 10. В коллекции из Го́родска, хранящейся в Историческом музее в Киеве, имеются два крупных обломка широких пластин с краевой заполировкой.

[34] Раскопки Т. Д. Белановской и Н. М. Шмаглия. Материал хранится в ИА АН УССР.

[35] О. Ф. Лагодовська. Пізньотрипільське поселення у с. Сандраках. АП, т. VI.

[36] О. Ф. Лагодовська. Ук. соч., стр. 123—125.

[37] Т. С. Пассек. Ук. соч., стр. 145, 147, рис. 80, *3, 4*, стр. 176, рис. 91, *1, 2*; Т. С. Мовша. Ук. соч., стр. 187.

[38] Коротке звідомлення Всеукраїнського Археологічного Комитету, р. 1926. Київ, 1927, стр. 60—61, табл. 4, рис. *1, 4*.

[39] В собраниях Исторического музея в Киеве хранится серия крупных кремневых пластин из разных пунктов Среднего Поднепровья, несомненно происходящих из трипольских памятников (Черняхов, окрестности с. Триполья, с. Грищенцы, инв. №№ 13978, 13952, 108), Житомирщины (Воздвиженка, инв. № 16804) и другие, например, № 32414. Пластины имеют сильную краевую заполировку по всей длине краев. Иногда заполировка двухсторонняя, полученная в результате попеременного пользования лезвиями пластин.

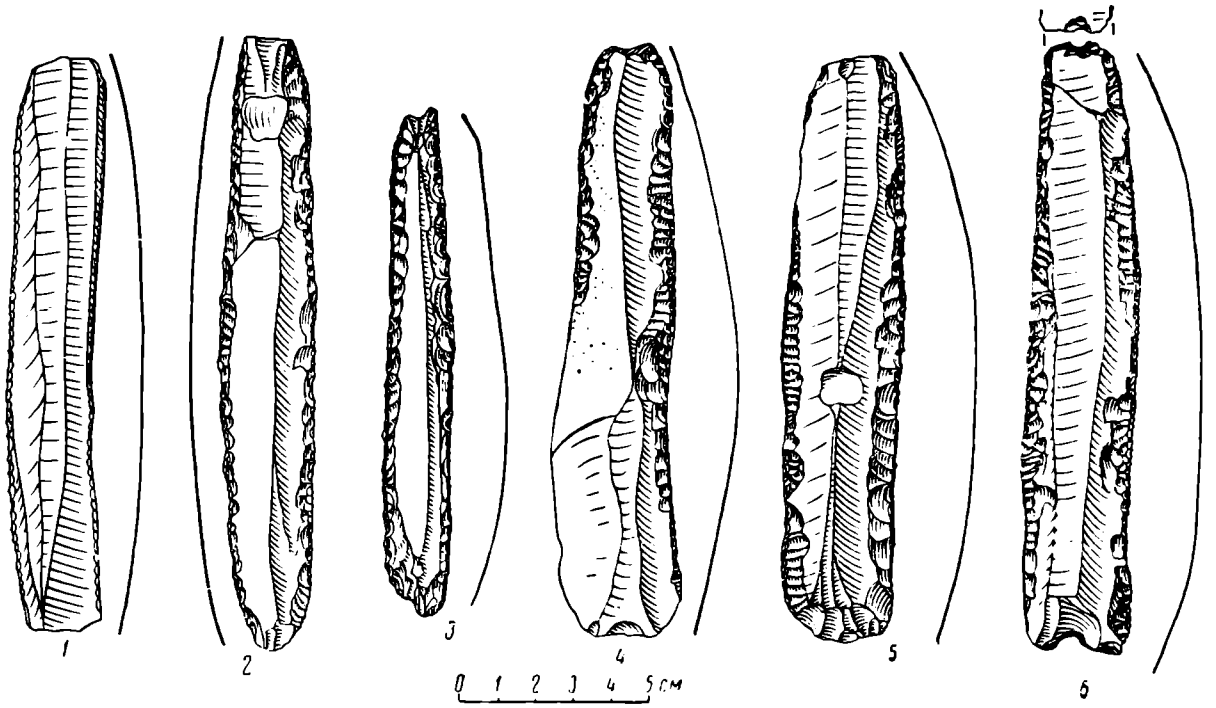


Рис. 6. Вкладыши серпов.

1 — Усатово, *2*, *3* — Чернин; *4* — Троянов, *5*, *6* — Красный Хутор

удлиненные тонкие пластины, а также крупные нуклеусы, иногда с двумя противолежащими ударными площадками[40]. На пластинах по всей длине граней ясно выступает зеркальная заполировка. Несколько экземпляров пластин имеют мелкую, искусно нанесенную зазубренность по краям. Подобные пластины встречены и в памятниках софиевского типа. Так, например, из Софиевского некрополя происходят крупные изящные пластины с краевой заполировкой[41]. Известны они также из могильника у с. Чернин[42]. Великолепный набор пластин-серпов найден в некрополе у с. Красный Хутор, в районе Киева[43]. Таким образом, в позднем триполье, в соответствии с нормами развития кремневой техники, серпы оснащаются крупными, цельными пластинами (рис. 6).

На концах ряда пластин имеются специальные выемки, сделанные с помощью ретуши для закрепления в оправе серпа. Такие пластины с выемками с одного или обоих концов найдены в Софиевке, Чернине, Красном Хуторе, в районе Триполья, в Бондаревке (Подолия). Две пластины с концевыми выемками происходят из Среднего Поднепровья[44].

Эти выемки способствовали, как правильно отметил Ю. Н. Захарук, лучшему скреплению вкладыша серпа с оправой[45]. Они создавали опорные точки на концах паза (возможно, в специально проделанных гнездах) и тем самым снижали возможность продольного движения вкладыша в пазу (рис. 7).

Предложенная реконструкция серпа на основании находки из Гребеней не исключает, однако, возможности и других реконструкций.

В Усатове, Софиевке, Чернине, Красном Хуторе и других позднетрипольских памятниках найдены крупные ножевидные пластины с краевой

[40] Хранятся в Одесском археологическом музее, инв. №№ 2960, 4463, 55952, А 10872.

[41] Ю. М. Захарук. Софіївський тілопальний могильник. АП, т. IV, 1952, стр. 114, 115, 117, табл. I, *1*, *3*.

[42] В. І. Канівець. Могильник епохи міді біля с. Чернина на Київщині. АП, т. VI, стр. 103, табл. I, *1*, *2*.

[43] Раскопки В. Н. Даниленко и М. Л. Макаревича в 1951 г. Материал хранится в ИА АН УССР.

[44] Хранятся в Историческом музее в Киеве.

[45] Ю. М. Захарук. Ук. соч., стр. 117.

заполировкой длиной 16—17 *см* при ширине в 1,5—2,5 *см*. Монтировка таких пластин в изогнутой оправе весьма затруднена. Вкладыш как бы висит в дуге оправы и имеет только две точки опоры, что конструктивно не оправдано. Для реконструкции позднетрипольских серпов можно воспользоваться серпами из свайных построек Швейцарии. Это деревянное орудие в виде стержня с загнутым почти под прямым углом концом, составляющим около $^1/_3$ общей длины стержня. В прямой части орудия, прилегающей к рукояти, вырезан продольный паз для кремневого вкладыша [46]. Такое орудие, возможно, служило также для сбора камыша. Интересно в связи с этим сообщение П. И. Борисковского. Находясь в Вьетнаме, он видел у вьетнамцев в провинции Тхань-Хоа изогнутый деревянный серп, подобный описанному выше швейцарскому, у которого выше рукояти в прямой части стержня располагался железный пластинчатый вкладыш [47].

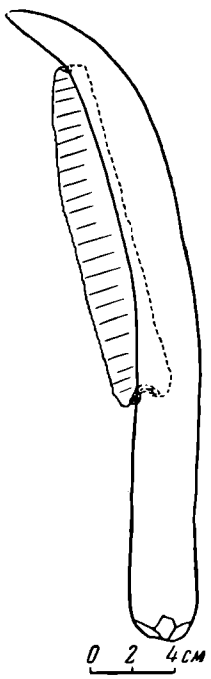


Рис. 7. Позднетрипольский серп с вкладышем из Красного Хутора. Реконструкция

Эволюцию серпов на Левобережье Украины проследить труднее, чем на Правобережье, вследствие отрывочности археологических материалов, но, очевидно, и здесь процесс развития кремневой техники в эпоху раннего металла шел теми же путями.

Крупная кремневая ножевидная пластина в эпоху энеолита становится и здесь основной заготовкой для режущих инструментов, в том числе и для серпов, что подтверждается работами Д. Я. Телегина на поселении Александрия в бассейне Северного Донца. К эпохе раннего металла относятся и клады крупных кремневых пластин-заготовок в с. Гончаровке на Изюмщине [48].

Хорошую подборку крупных ножевидных пластин дают материалы, опубликованные Н. В. Сибилевым [49]. Однако территориальная локализация этих предметов не всегда возможна, так же как и отнесение их к жатвенным приспособлениям не может быть доказано в виду отсутствия данных о наличии на пластинах краевой заполировки.

В энеолитическом поселении Михайловке на Днепре в Херсонской области найден обломок вкладыша от серпа с двухсторонней струйчатой ретушью, сильно заполированный [50]. Однако это пока единственная находка на поселении.

С наступлением эпохи бронзы наблюдаются значительные изменения в хозяйстве, образе жизни и социальных отношениях у обществ, населявших Восточную Европу. В связи с ростом населения увеличивается потребность в продуктах питания, расширяются посевы, появляются запасы, развивается обмен, растет необходимость защиты родовых ценностей. В таких условиях, естественно, растут потребности в совершенствовании орудий труда и вооружения. Однако на первых порах эпохи бронзы такое совершенствование не могло еще идти за счет широкого применения металла.

Следовательно, совершенствование орудий и оружия шло по линии использования имеющегося материала и, в первую очередь, кремня. Как совершался переход от серпов пластинчатых к серпам, выделанным при помощи двусторонней обработки кусков кремня, сказать пока трудно

[46] R. Ströbel. Ук. соч., стр. 52, 131, и Anhang, табл. 5, *6*.
[47] Устное сообщение П. И. Борисковского.
[48] С. Н. Одинцова. Клады кремневых изделий из с. Гончаровки. КСИА, вып. 6, 1956, стр. 43—46.
[49] М. В. Сібільов. Старовинності Ізюмщини, вып. I—IV, Изюм, 1926—1930.
[50] Вкладыш хранится в коллекции из Михайловки, ИА АН УССР.

вследствие слабой изученности памятников ранней бронзы в южной части европейской территории СССР.

Уже в раннюю эпоху бронзы можно отметить отход от использования призматического нуклеуса как основы для производства пластин-заготовок. При изготовлении орудий и оружия чаще всего используются крупные сколы, отщепы, плитки или желваки кремня. Новые технические приемы обработки кремня находят свое применение и при изготовлении жатвенных орудий — серпов. На территории Восточной Европы получают распространение разные типы серпов. Они появляются в культурных комплексах в различных типологических вариантах.

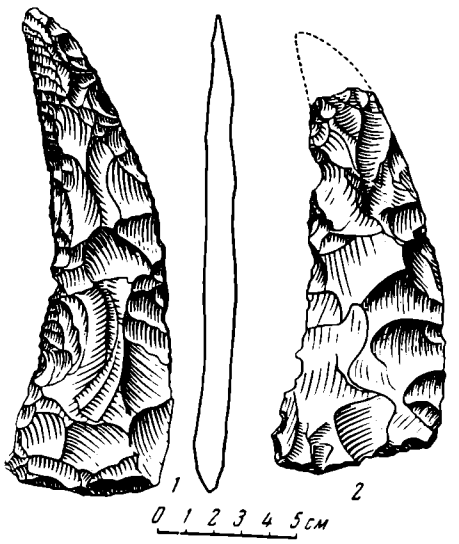


Рис. 8. Серпы волынского типа:
1 — Брыков (Тернопольская обл.); *2* — Нетешин (Волынь)

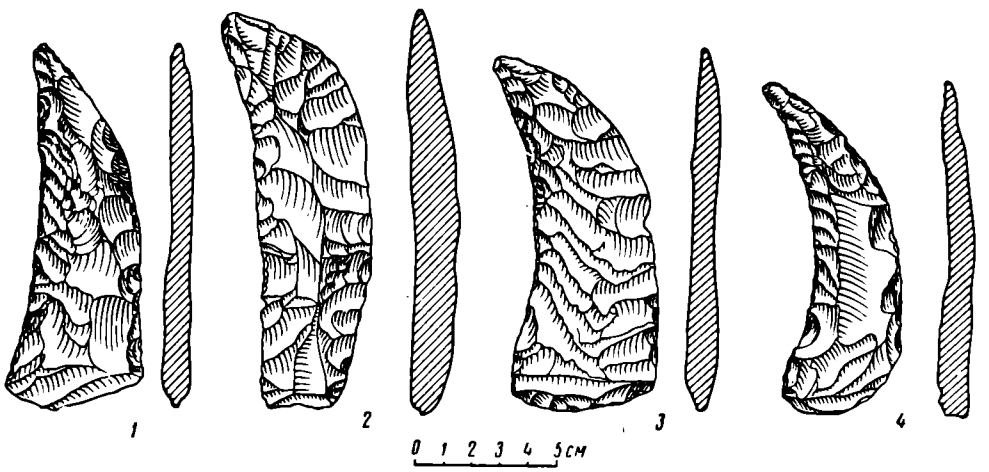


Рис. 9. Серпы волынского типа:
1 — Вишенки (Киевский район); *2* — Гришенцы (Каневский район); *3* — Стайки (Киевская обл.) *4* — Северинovка (Подолье).

Сравнительно ранними для эпохи бронзы являются двухсторонне обработанные клювовидные серпы из Торчинского могильника близ г. Луцка [51].

Большой серией кремневых серпов представлен средний и поздний периоды эпохи бронзы. Наибольшее распространение получили серпы волынского типа. Форма серпов волынского типа клювовидная, иногда изогнутая — серповидная, реже сегментовидная [52]. Они отличаются великолепной отделкой плоскостей, двухсторонней, крупнофасеточной и даже струйчатой ретушью. Тонкий, изящно изогнутый корпус орудия имеет рабочее лезвие, дополнительно обработанное мелкой двухсторонне направленной подретушовкой, часто придающей лезвию зазубренный вид

[51] Могильник исследован Я. Фицке в 1937 г. Зарисовки Ю. Н. Захарука. Хранятся в Институте археологии АН УССР.

[52] К. Коршак. Ук. соч. Автор различает три типа изогнутых орудий — сегментовидные, лунообразные и особую разновидность лунообразных изделий, которую он относит к бесспорным серпам.

(рис. 8, 9). Как правило, серпы имеют крупные размеры — до 18—20 *см* длины при ширине в 4—7 *см*. На Волыни серпы известны из многих местонахождений: Нетешин, Крутолец, Дермень, Соловье, Вельбовно, Сапанов [53], Будораж, Майдан, Збранка [54], Костянцы [55] и др. За пределами Волыни они известны в Черновицкой области (Овечий Ярок) [56], Славуте и Севериновке (Подолье) [57], а также в бассейне Днепра на Черниговщине (Леточки) [58], Киевщине (Вишенки, Халепье) [59], Черкасщине (Гришенцы, Думанцы) [60], Днепропетровщине (Огринь) [61].

В Среднем Поднестровье для позднего этапа эпохи бронзы спорадически выявляется несколько отличный от волынского тип серпа. По форме он приближается к треугольным очертаниям и имеет более укороченные, чем волынский серп, пропорции. Об этом вкладыше серпа можно составить себе представление по воспроизведениям серпов (?) из Гамарии (Черновицкая область) и Мерешовки (Молдавия) у С. А. Семенова [62].

Своеобразный вариант этого же типа вкладыша дают так называемые треугольные ножи в форме «вареников». Обычно такие изделия встречаются в низовьях Днепра. Они описаны И. В. Фабрициус как ножи для чистки рыбы [63].

К позднему этапу эпохи бронзы и началу железного века относятся серпы белогрудовского типа (рис. 10) [64]. Вкладыши белогрудовских и чернолесских серпов имеют вид несколько вытянутых и изогнутых треугольников. Они обработаны двусторонней ретушью, часто имеют аккуратно отделанное мелкими зубьями рабочее лезвие. Белогрудские вкладыши особенно распространены на Правобережье Днепра и в южных районах УССР.

---

[53] Материал хранится в фондах Института археологии АН УССР и Киевского исторического музея.

[54] Материалы хранятся в фондах Киевского исторического музея.

[55] І. К. Свешніков. Розкопки в с. Костянці на полі Лиственщина. АП, т. IV, стр. 132, рис. 5 (серп не входит в трипольский комплекс). В. Б. Антонович не признавал за изогнутыми кремневыми изделиями Волыни функций серпов. Он считал их пилками и относил к неолитическому возрасту (см. В. Б. Антонович. О каменном веке в Западной Волыни. Тр. XI АС, т. I, стр. 143).

[56] Т. С. Пассек. Стоянка комаровской культуры на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 157—159, рис. 57.

[57] Хранятся в Историческом музее в г. Киеве.

[58] Там же.

[59] К. Коршак. Ук. соч., табл. VI. Хранятся в Историческом музее в Киеве.

[60] Хранятся в Историческом музее в Киеве.

[61] Там же.

[62] С. А. Семенов. Первобытная техника, стр. 149, рис. 55.

[63] І. В. Фабріциус. Херсоньскі трикутні кремінні ножі. Антропологія, 1928, Київ, 1929, стр. 223—228, рис. 1—3.

[64] Коротке звідомлення... 1925 р., стр. 74, табл. XVIII; Коротке звідомлення 1926 р., стр. 79, табл. XVII, *5*; О. І. Тереножкін. Поселення білогрудівського типу біля Умані. Археологія, т. V, 1951, стр. 177, табл. II, *16, 17, 19, 20*; его же, Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області. Археологія, т. VII, 1952, табл. V, *4*; его же. Археологические исследования близ Смелы в 1952 г. КСИА, вып. 3, 1954, табл. II, *1*; С. С. Березанська. Поселення ранього залізного віку в Житомирській області. АП, т. VI, табл. I, 11; О. Ф. Лагодовська. Поселення часу пізньої бронзи в с. Сандраках. Археологія, т. IX, 1954, стр. 136, рис. 2, стр. 139. С. С. Березанська, Г. Т. Тітенко. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу. Археологія, т. IX, стр. 125, рис. 5, *1, 2*, стр. 126; Н. М. Шмаглий. Находки раннескифского времени у с. Троянова под Житомиром. СА, 1960, № 4, стр. 153, рис. 2. Вкладыши серпов из Субботова Кировоградской обл. (Раскопки А. И. Тереножкина чернолесская культура). Концевой вкладыш из пос. Рогалик Херсонской обл. (раскопки Д. Т. Березовца в 1951 г.) хранится в ИА АН УССР. Сборы Л. Мацкевого у с. Старая Пролетарка Херсонской обл. (1961 г.). Кремневые вкладыши из поселений Чапаево I и Ерофеево I на Керченском полуострове (Раскопки А. М. Лескова в 1960 г.). Хранятся в ИА АН УССР. Вкладыш серпа из Евпаторийского р-на Крымской обл. (сборы Л. Мацкевого в 1961 г.). Хранится в ИА АН УССР. Вкладыш из окрестностей Скалистого, Бахчисарайского р-на. Сборы Л. Мацкевого. Хранится в ИА АН УССР. Вкладыши серпов из коллекции Шпака. Хранятся в собраниях Гос. Херсонесского музея в Севастополе.

Типологически иные зубчатые вкладыши для серпов сегментовидной формы, найденные на дюнах в среднем течении Западного Буга (с. Заказанка, с. Прилуки). Н. Ф. Беляшевский называл их пилочками [65]. Эти миниатюрные изделия, отличаясь от вкладышей для серпов белогрудовского и волынского типов, близко стоят к энеолитическим вкладышам кавказского типа [66].

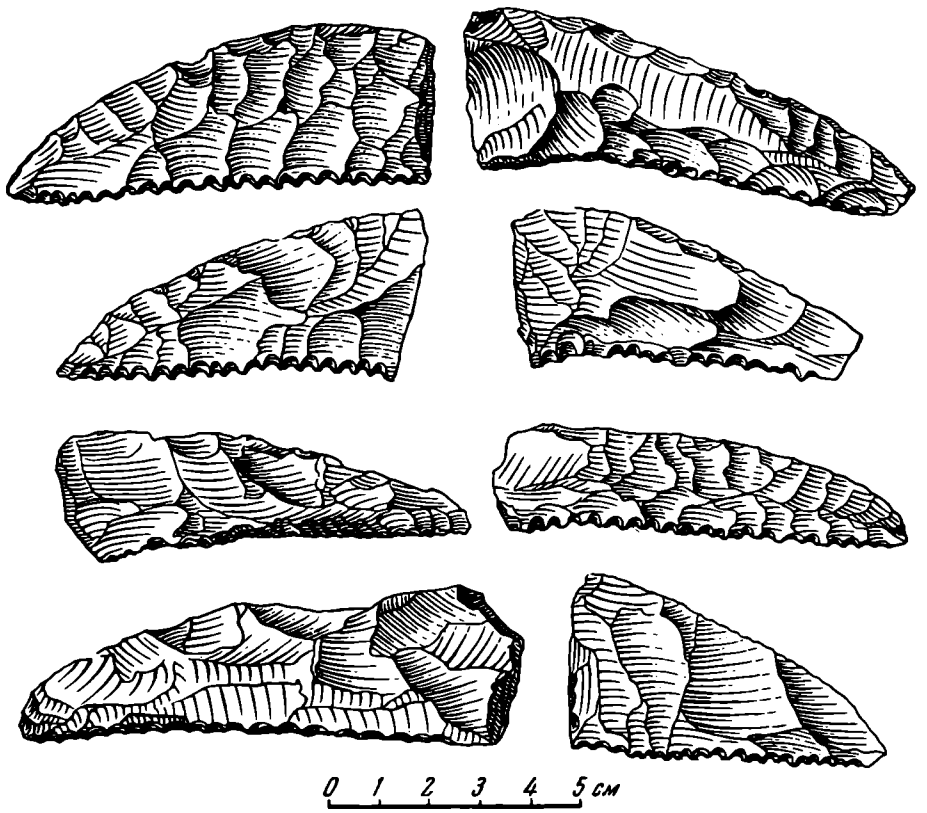


Рис. 10. Вкладыши серпов белогрудовского типа из Собковки

В эпоху поздней бронзы — начала железного века, т. е. в период, соответствующий на Правобережье белогрудовскому времени, на Левобережье и в восточных районах УССР бытовала так называемая бондарихинская культура.

Наиболее ранний вариант этой культуры представлен керамикой малобудковского типа. При раскопках стоянки около Ницахи в Сумской области, в верховьях р. Ворсклы, Г. Т. Титенко-Ковпаненко нашла крупный сегментовидный вкладыш серпа с сильной заполировкой лезвия. Изготовлен серп из тонкой плитки кремня (рис. 11). Это пока единственная находка серпа, представляющего раннее время бондарихинской культуры [67].

В очень выразительном комплексе Бондарихи были встречены двухсторонне обработанные кремневые изделия вытянуто-полулунной формы или близкие к сегменту (рис. 12) [68]. Наблюдения над характером изношен-

[65] Н. Ф. Беляшевский. Дюнные стоянки неолитической эпохи на берегах реки Западного Буга в среднем его течении. Тр. XI АС, т. I, стр. 691, 694, табл. XIV, *18, 19*.

[66] Ср. вкладыши серпа из погр. № 19 эпохи поздней бронзы, найденного у дороги Бешташени — Сафар-Хараба. См. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, табл. XLV, стр. 224.

[67] Хранится в фондах ИА АН УССР.

[68] Д. Я. Телегін. Дослідження поселення епохи бронзи на Дінці, АП, т. VI стр. 79, рис. 4, *4*; В. А. Іллінська. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному лісостепу. Археологія, т. X, 1957, стр. 57, 58, табл. III, *2, 3, 5*.

ности и заполировки на орудиях подтверждает предположение, что это своеобразные вкладыши серпов. Бондарихинские вкладыши серпов составляют особый тип орудий эпохи поздней бронзы для Левобережья, отличный от вкладышей для серпов Правобережной Украины того же времени.

Пока еще недостаточно ясно хронологическое и типологическое место двух серпов, найденных Д. Я. Телегиным около с. Скуносово на Сейме, недалеко от Путивля. Оба серпа выделаны из крупных кварцитовых отщепов. По дуге они обработаны крупнофасеточной, притупляющей ретушью (рис. 13), на рабочем крае — мелкие зубчики; видны следы заполировки [69]. Серпы из Скуносово могут быть сопоставлены с серпами бондарихинского типа, а еще в большей степени с серпом из Ницахи. Ком-

Рис. 11. Вкладыш серпа из Ницахи

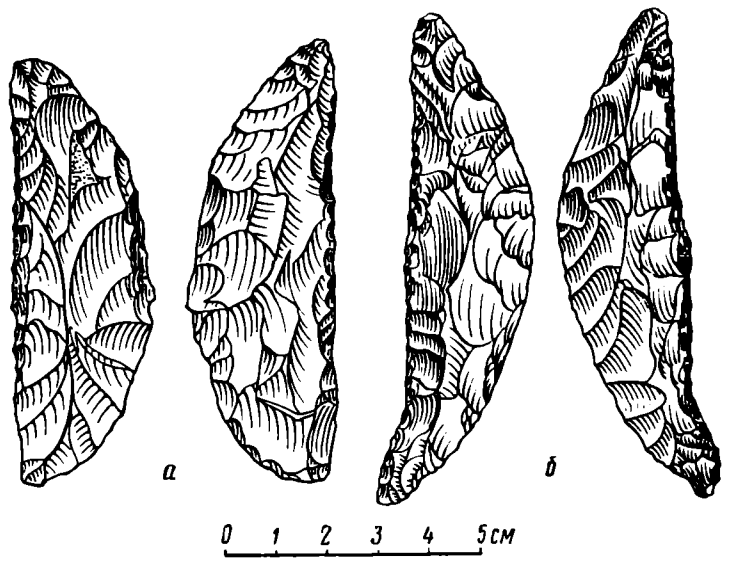


Рис. 12. Вкладыши серпов бондарихинского типа из Бондарихи

плекс, в котором встречены серпы, содержит ямочно-гребенчатую керамику, в целом датирующуюся более ранним временем, чем эпоха бронзы. Здесь, в северной лесной полосе Подесенья, земледельческие навыки развивались позднее, чем на юге, и архаические формы культуры сохраняли еще неолитические черты. Возможно, что серпы из Скуносово действительно древнее бондарихинских серпов.

Неясно, как крепились к рукояти кремневые вкладыши для серпов эпохи бронзы. К. Ю. Коршак, опираясь на археологические и этнографические аналогии (пластинка, вставленная перпендикулярно в держак, из Харборо в Ютландии, египетский серп и железный серп у алтайцев), бегло указал, что вероятно, серпы типа, найденного в Вишенках, укреплялись перпендикулярно к держаку [70]. Несмотря на столь отдаленные аналогии, мысль К. Ю. Коршака помогает восстановить конструкцию волынского серпа. Этому способствуют и наблюдения над заполировкой

Еще до выделения серии серпов бондарихинского типа Н. В. Сибилев опубликовал образцы этих орудий, в том числе изделия из Бондарихи. См. М. В. Сібільов. Старовинності Ізюмщини, вып. I, табл. XV, *3*, табл. XXI, *1—3*; вып. IV, 1930, табл. XLIX, *3а*, табл. LXXII, *3а*. Ср. также серпы из Кибикинской стоянки (С. А. Локтюшев. Доисторический очерк Средней Донеччины. Луганск, 1930, стр. 24, табл. II, *2*, *3*).

[69] Д. Я. Телегин. Неолітичні поселення лісостепового Лівобережжя і Полісся України. Археологія, т. XI, 1957, стр. 79—80, рис. 6.

[70] К. Коршак. Ук. соч., стр. 29.

на серпах. На серпах из Вишенок С. С. Березанская заметила заполировку на корпусе, идущую от суженной части к обушку. Поверхность ближе к обушку (около $^1/_4$ всей площади серпа) лишена заполировки и часто носит следы залощенности. Это же наблюдалось на серпах из Майдана, Северновки, Славуты, Думанцев, Грищенцев, Халепья и др. Граница заполировки (ближе к обушку) выделяется линией, идущей наискось от спинки орудия к лезвию. Сам обушок либо несколько утоньшен специальной стесывающей ретушью, либо сохраняет даже желвачную корку[71]. Отсутствие заполировки на орудиях, ближе к обушку, и граница, отделяющая заполированную от незаполированной части, говорит о том, что серп крепился в оправе под тупым углом (рис. 14). Способы крепления были, вероятно, различными (с помощью смолы, заклинивания деревянными клинышками и т. п.). На некоторых серпах (из Смелы, Думанцев в районе Смелы, Нетешина, Крутолец и др.) у обушка имеется выступ, который, возможно, входил в специально углубленное гнездо в рукояти, усиливая скрепление рабочей части серпа с рукоятью. Такой способ крепления применялся на клювовидных серпах[72].

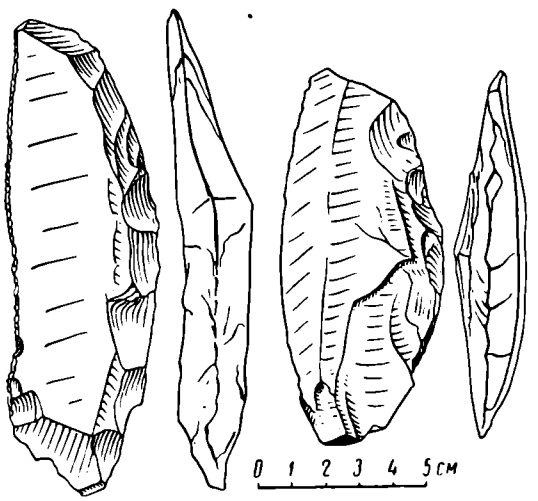


Рис. 13

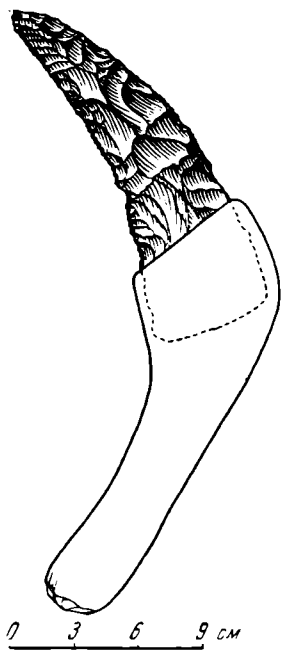


Рис. 14

Рис. 13. Кварцитовые вкладыши серпов из Скуносова

Рис. 14. Серп волынского типа из с. Брыкин Тернопольской обл. Реконструкция

Другой способ мог применяться к серпам изогнутым, сегментовидным. Серпы эти хорошо закреплялись в изогнутой оправе, подобно тому как это отмечается для полулунных серпов севера Европы, т. е. спинка кремневого серпа вводилась в паз изогнутой деревянной оправы[73]. Убедительной аналогией для такой реконструкции может послужить серп из слоя «Б» поселения Эшенз на о. Верд[74]. Это изогнутый плоский серп, в общем не характерный для европейских свайных поселений. Он стоит ближе к сер-

[71] Серп из окрестностей Халепья (хранится в Киевском историческом музее, № П 359); серп из окрестностей Черкасс (хранится там же, № 17049); серп из района г. Львова (см. L. Kozłowski. Mładsza epoka kamienna w Polsce. Lwów, 1924, стр. 216, табл. XXIII, *3*).

[72] Подобную реконструкцию для плоского клювовидного серпа британского типа, заделанного перпендикулярно к рукояти, дает E. C. Curwen. Plough and Pasture. London, 1946, табл. 14, *3*.

[73] Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 118, рис. 53, *с*.

[74] R. Ströbel. Ук. соч., табл. 31.

пам эпохи бронзы Восточной Европы. На его корпусе сохранились частицы минеральной смолы.

Таким образом, серпы волынского и бондарихинского типов могут быть реконструированы не только на основании логических доводов и сравнительно далеких аналогий, но с помощью фактических наблюдений и прямых сопоставлений. Возможны и другие реконструкции, дополняющие и уточняющие предложенные.

Так, серпы типа мерешовского правдоподобно реконструированы С. А. Семеновым [75]. Возможно, аналогичная реконструкция может быть применена и для кремневых изделий типа «вареников», происходящих с Херсонщины.

В отличие от волынских, белогрудовские серпы представляют собой тип составных серпов, подобно египетским и испанским (энеолитическим) и итальянским типа Сольферино [76]. Вкладыши их имеют удлиненную форму, приближающуюся к разностороннему треугольнику, несколько изогнуты. Их сходство с уменьшенными в размерах серпами волынского типа усиливается, когда обушок белогрудовского вкладыша утоньшен с помощью подтески плоской ретушью и несколько скошен. В памятниках белогрудовского типа значительно чаще встречаются концевые вкладыши, чем срединные [77].

Вероятно, это объясняется тем, что лезвие серпа составлялось не из одного, а из двух треугольных концевых вкладышей, заделанных в паз и обращенных друг к другу обушками (рис. 15). При таком положении рабочее лезвие имело достаточную протяженность и на месте стыка двух вкладышей, положенных иногда обушками «внакладку», не было зазора. Преимущество белогрудовского жатвенного орудия перед серпом волынского типа заключается в совершенстве конструкции самого лезвия, имеющего мелкозубчатый рабочий край. К тому же белогрудовские вкладыши относительно стандартны, что обеспечивало сравнительную легкость их изготовления и замену поломанных или утраченных кремневых частей серпа. Возможно, что в употреблении были и серпы с тремя вкладышами — двумя концевыми и одним серединным.

Аналогичную реконструкцию можно предложить для чернолесского серпа, причем в двух вариантах; с двумя вкладышами и с одним крупным вкладышем (рис. 16).

Бондарихинский серп — одновкладышевый, менее совершенный и по своей продуктивности, вероятно, уступающий белогрудовскому серпу. Он может быть реконструирован по схеме белогрудовского серпа. Это в полной мере относится и к серпам из Скуносова.

Наше изложение имело целью показать путь развития кремневых серпов в южной половине Восточной Европы, как территории, с которой связывается возникновение начальных форм земледелия с посевами злаковых культур и выращиванием некоторых огородных растений.

Не претендуя на показ эволюции серпов во всех их разновидностях, мы стремились обратить внимание на общее направление этого процесса, на связь развития серпов с общим подъемом материального производва и совершенствованием кремневой техники. Таким образом, установление этапов развития кремневых серпов в южной половине Восточной Европы составляет одну из задач настоящей статьи.

Другая задача состоит в том, чтобы проследить своего рода культурно-историческую атрибуцию для некоторых групп серпов. Задача эта

---

[75] С. А. Семенов. Первобытная техника, стр. 149, рис. 55.

[76] J. de Morgan. La préhistoire Orientale. T. II, Paris, 1926, стр. 95, рис. 107, *1*, стр. 299, рис. 342, 1; A. Vayson. Faucille préhistorique de Solférino. L'Antropologie, XXIX, 1918—1919, стр. 395, рис. 2, стр. 408, рис. 9, стр. 411, рис. 11.

[77] Материалы хранятся в ИА АН УССР. Так, раскопки С. С. Березанской в 1951—1952 гг. в районе Собковка на Уманщине дали 47 экземпляров серпов белогрудовского типа. Из этого же района происходят еще 40 вкладышей из старых сборов. Из 87 вкладышей 65 принадлежат концевым, 2 — серединным и 15 остались невыясненными.

затруднена отсутствием точных датировок энеолитических культур Восточной Европы, что можно сказать и о культурах эпохи бронзы. Для решения этих вопросов каменные серпы как источник, определяющий культурно-историческую принадлежность исследуемых археологических комплексов, оказываются в менее выгодном положении, чем, скажем, керамика, топоры, предметы быта и украшения.

Известно, что культура типа Караново, линейно-ленточной керамики и трипольская культура укладываются в один значительный промежуток

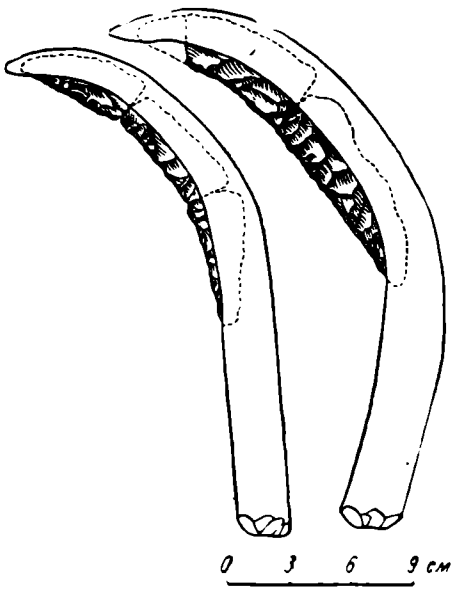


Рис. 15

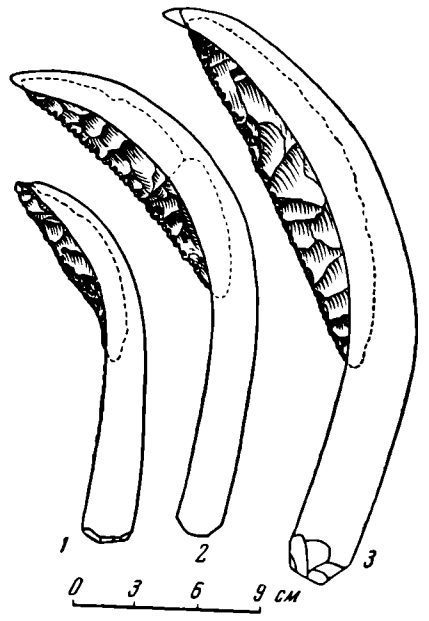


Рис. 16

Рис. 15. Серпы белогрудовского типа со вкладышами из Собковки. Реконструкция

Рис. 16. Серпы с кремневыми вкладышами. Реконструкция)

1 — бондарихинский тип с вкладышем из Бондарихи, *2* — чернолесский тип с вкладышем из р-на Троянова; *3* — чернолесский тип с вкладышем из Пирогова

времени — энеолит. Не раз делались попытки установить хронологическое соответствие культур болгарских теллей и триполья или соотношения между культурами линейно-ленточной керамики и трипольем.

Вопрос этот стал проясняться только с обнаружением стратифицированных памятников типа Незвиско или Флорешти.

В археологии для установления культурно-хронологических соответствий часто большое значение имеют на первый взгляд мало приметные детали: форма, следы употребления на предметах и пр. Такое значение, видимо, имеют и пластинки-вкладыши для серпов с угловой заполировкой. Такие пластинки распространены в пределах определенного ареала, очерченного следующими памятниками: Лука-Врублевецкая, Звенячин на Днестре, Сабатиновка II, Греновка на Южном Буге. Центрально-Европейские местонахождения — Прага-Жарка, Лисолайе, пещера Пруходе (Чехословакия) и, наконец, Караново I в Болгарии.

Ф. Прошек[78], стремясь подкрепить предложенную им реконструкцию серпа, привлекает находку из Финельца (Швейцария) — деревянное изделие с наклонно поставленными кремневыми вкладышами[79]. Внимательное ознакомление с ней и подобного рода аналогиями убеждает, что ни

[78] F. Prošek. Ук. соч., стр. 87.
[79] R. Ströbel. Ук. соч., стр. 55, рис. 8.

находка из Ридшахена [80], ни из Финельца, так же, как и изделие из Куева (Испания) [81], не являются серпами. Оснащены они перпендикулярно поставленными вкладышами (Куева) или наклонно «к себе». Вкладыши в эти орудия не пластинчатые, а выделаны из отщепов, рабочей частью которых является острие. Р. Штрёбель и не называет эти изделия серпами, а видит в них специализированные разрывные (рвущие) ножи. Серпы свайных построек представлены совершенно иными, морфологически сложившимися типами [82].

Итак, пластинки с угловой заполировкой находятся на определенной территории Юго-Восточной и Центральной Европы и нигде в других местонахождениях, кроме указанных, пока не встречены. Они характерны для памятников ранней поры внедрения земледелия и являются продуктом развития архаической кремневой техники в новых хозяйственных условиях.

Невыявленность их в раннетрипольских памятниках Румынии, видимо, стоит в прямой связи со слабой изученностью памятников раннего триполья к западу от Днестра. Следовательно, изготовление и применение пластинок с угловой заполировкой можно считать явлением локальным, бытовавшим в определенное время, и, следовательно, признаком, достаточно устойчивым для синхронизации комплексов разной культурно-исторической принадлежности. Это заключение распространяется на древнейшие периоды энеолита — культуру Караново I, подстилающую основание многометрового жилого холма, культуру линейно-ленточной керамики (Юго-Восточной и Центральной Европы) и, наконец, культуру раннего триполья. Чехословацкие местонахождения с накольчатой керамикой и остатками иордановской (иордансмюльской) культуры, в которых встречены пластинки с угловой заполировкой, не выходят из круга ранних энеолитических культур Центральной Европы. Следовательно, сближение во времени ранних энеолитических культур Юго-Восточной и Центральной Европы разной культурно-исторической принадлежности получает еще один аргумент, придающий этому сближению реальные формы. Таково хронологическое значение пластинок с угловой заполировкой.

Конструкция серпов с одним вкладышем типа гребеневского серпа, т. е. серпа развитого или позднего триполья, пока еще мало дает для выяснения хронологических соотношений этого культурного пласта с культурами других областей Юго-Восточной и Центральной Европы. Нельзя, однако, не отметить одного важного факта, дающего возможность как-то культурно-исторически сблизить позднетрипольские памятники южных областей с северными памятниками того же времени.

Одно из первых раскопанных погребений в позднетрипольском могильнике в Выхватинцах (Рыбинский район, Молдавская ССР) принадлежало земледельцу. В погр. № 2, помимо типичного позднетрипольского инвентаря, в том числе и керамики, были найдены пластины с краевой заполировкой [83]. В могилу они были положены в виде серпов или символов этих орудий. Несколько позднее в том же могильнике, в погр. №№ 9 и 12, были найдены серпы [84].

Аналогичное явление отмечается в позднетрипольских памятниках, отстоящих от Выхватинского могильника далеко на северо-восток. В мо-

---

[80] Там же, стр. 81, рис. 19. Искаженное изображение этого орудия дано у Вайзона (см. A. Vayson. Ук. соч., стр. 407, рис. 8).

[81] A. Vayson. Ук. соч., стр. 411—412, рис. 12. Картальяк назвал это изделие ножом.

[82] R. Ströbel. Ук. соч. и Anhang, табл. 5, *1*, *2*, табл. 6, *1*, *2*.

[83] И. Г. Розенфельдт. Выхватинский могильник по раскопкам 1951 года. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 101—102, рис. 53, *2*, *5*.

[84] Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. КСИИМК, вып. 56, стр. 86—88, рис. 42, *2*, рис. 44, *2*; е е ж е. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г. КСИИМК, вып. 70, 1955, стр. 84.

гильниках у сс. Софиевка, Чернин, Красный Хутор на Киевщине в погребениях найдены пластины с боковой заполировкой, т. е. серпы [85]. В 1946 г. Е. Ф. Лагодовской под каменной закладкой № 1 эпохи бронзы на Сурском о-ве [86], кроме основного погребения, было найдено захоронение худшей сохранности, с роговой мотыгой и крупной ретушированной пластиной. Е. Ф. Лагодовская определила это погребение как более раннее, не уточняя, однако, его даты [87]. Судя по аналогиям с захоронениями с серпами в Выхватинском некрополе и могильниках софиевского типа, погребение под закладкой № 1 можно датировать позднетрипольским временем.

Из приведенных фактов нельзя не констатировать наличия у позднетрипольских племен земледельческого заупокойного, анимистического культа, проявившегося в обряде положения в могилу серпов вместе с другими орудиями и утварью.

Следует отметить, что серпы встречаются при позднетрипольских погребениях с трупосожжением и трупоположением разной половой принадлежности. Инвентарь из Софиевского могильника еще недостаточно исследован с этой точки зрения [88].

Не легко различается инвентарь по его принадлежности к женским или мужским захоронениям из могильника у с. Чернин. Пластина-серп из чернинского погр. № 66 была найдена вместе с кремневой стрелой. Такое сочетание инвентаря может указывать на мужское захоронение [89].

В могильнике у с. Красный Хутор исследователями отмечается отсутствие при погребениях типичного женского инвентаря, кроме, как говорят авторы, пряслиц. В публикации же не приведено ни одного погребения с пряслицами [90].

В Выхватинском могильнике с трупоположением кремневые серпы найдены при мужском погребении вождя (№ 12) и в могиле девочки-подростка (№ 9) [91].

Такая нерасчлененность обряда положения серпов при погребениях по половой и возрастной принадлежности может указывать на несоподчиненность этого обряда с утвердившимся в позднем триполье разделением труда между полами.

Серпы в позднетрипольских погребениях, вероятно, могут свидетельствовать о существовании многообрядового культа плодородия, в котором серп выступает как символ благополучия и достатка.

Другая сторона вопроса заключается в поисках объяснения сходства в погребальных обрядах южных и северных позднетрипольских племен. Может быть, аналогию в погребальном обряде в Выхватинцах и могильниках софиевского типа следует понимать как признак, указывающий на синхроничность столь территориально удаленных позднетрипольских обществ, а может быть, даже как признак их генетической связи. Последнее, естественно, более вероятно.

Интересных результатов можно ожидать от изучения серпов волынского типа. Серпы эти в общем кажутся однотипными и при совершенствовании методов типологического и функционального изучения могут оказать существенную помощь в синхронизации археологических культур в эпоху бронзы на востоке Европы.

---

[85] Ю. М. Захарук. Ук. соч., стр. 115, табл. I, *1, 3*

[86] І. Канівець. Ук. соч., стр. 103, табл. I, *1, 3*; В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Червонохутірський могильник мідного віку з трупоспаленням. АП, т. VI, стр. 97.

[87] О. Ф. Лагодовська. Кам'яні закладки Надпоріжжя. АП, т. II, 1949, стр. 163—166, рис. 3.

[88] Ю. М. Захарук. Ук. соч.

[89] В. І. Канівець. Ук. соч., стр. 105.

[90] В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Ук. соч., стр. 95.

[91] Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии..., стр. 86.

Последние были распространены на очень широкой территории [92] и, видимо, в пестрой этнографической среде. Наиболее интенсивное размещение серпов волынского типа отмечается в пределах Волынской земли. На запад они идут в бассейне Вислы, на востоке доходят до Днепра, не переходя, однако, на левый берег. На юге граница их распространения проходит в районе Черновицкого Прикарпатья. Северный ареал серпов волынского типа подходит к Прибалтике, а в зоне украинского Полесья — где-то к району Чернигова.

Серпы волынского типа редко встречаются с хорошо датированными археологическими комплексами, а чаще всего являются случайными находками. Тем не менее, совершенно определенно можно говорить о принадлежности волынских серпов к культурам шнуровой керамики. Их присутствие отмечают в комплексах так называемой почапской культуры, стшижовской, комаровско-тшцинецкой и др. [93].

Распространению серпов волынского типа из одного центра способствовал межплеменной обмен. Кремневый материал высокого качества, шедший на изготовление серпов, великолепная выделка их обеспечивали большой спрос на эти изделия. Серпы волынского типа встречаются на всех этапах эпохи бронзы. Уточнению датировок и синхронизации культур эпохи бронзы в западных областях Восточной Европы могут помочь серпы, встреченные в погребениях. Фактов нахождения серпов в погребениях культур шнуровой керамики пока немного, однако они есть и ждут обобщения и объяснения. В уже названном Торчинском могильнике культуры шнуровой керамики около Луцка находились кремневые серпы. В одном из погребений в Злотском могильнике в районе Сандомира тоже найден серп «надбужанского» типа. Могильник датируется XVIII—XVII вв. [94] Таким образом, подобно раннеэнеолитическим серпам, волынские серпы не принадлежат к какому-то этнически единому образованию, а бытовали в обществах с близкими культурно-историческими чертами, близкими во времени и стоящими на одинаковом уровне развития производительных сил.

К такому же выводу можно прийти при изучении серпов белогрудовской, бондарихинской и чернолесской культур. Белогрудовские серпы обрисовывают определенный географический ареал, охватывающий лесостепное и степное Правобережье Украины, до Крыма включительно. На севере присутствие серпов белогрудовского типа отмечается до устья Припяти, на востоке они доходят до Днепра почти на всем его протяжении. С. С. Березанская, устанавливая границы распространения белогрудовских серпов, прослеживает их и к западу от Среднего и Нижнего Днестра.

Нужно отметить, что серпы белогрудовского типа обычно встречаются в поселениях и, особенно, в зольниках, что придает им единую этнографическую окраску. Однако это этнографическое единство может оказаться и не столь убедительным, как только будут разработаны региональные признаки для белогрудовской культуры. В эпоху перехода от бронзы к железу, видимо, в известной мере снивелировались этнографические черты в родо-племенных объединениях. Это коснулось, прежде всего, производственных сторон деятельности благодаря широким межплеменным связям, торговле, обмену населением и пр. В эту эпоху на Правобережье и далее к западу на рубеже эпохи бронзы и раннего

---

[92] L. Kosłowski. Ук. соч., стр. 86—87, рис. 4; T. Sulimirski. Polska przedhistoryczna, ч. II, London, 1957—1959, стр. 240—242.

[93] Точка зрения о принадлежности серпов волынского типа к неолиту устарела и не находит своих защитников, хотя рецидивы условных названий серпов орудиями «Надбужанского неолита» иногда встречаются.

[94] W. Antoniewicz. Eneolityczne groby szkieletowe we wsi Złota w pow. Sandomierskim. Wiadomości Archeologiczne, т. IX, кн. 3—4, Warszawa, 1925, стр. 222—223 рис. 26, *1*.

железа устанавливается довольно единообразный тип белогрудовской культуры, но, видимо, этнически все же разнородной.

Левобережье в этот период времени изучено пока недостаточно, и очень редко встречающиеся орудия земледельческого труда на этой территории, может быть, свидетельствуют о том, что здесь обитали скотоводческие племена. Только в восточных районах Левобережья, на Северском Донце и его притоках развивается бондарихинская культура, имеющая земледельческий характер. Серпы бондарихинского типа занимают свой придонецкий ареал и типологически не связываются с серпами белогрудовского и чернолесского типов, а также с кавказскими серпами. С большими оговорками их можно сопоставить с серпами северной, лесной полосы Украины (Скуносов близ Путивля). Здесь также, как и на Донеччине, земледелие долго было примитивным и в хозяйстве большое значение сохраняли охота и рыболовство.

Серпы чернолесского времени характерны для Правобережья и являются хронологически поздним аналогом белогрудовских серпов.

Было бы неправильно рассматривать первые этапы развития серпа, как явление чисто автохтонное для каждой области, где формировались определенные типы этих орудий. Исследование этого вопроса нельзя отрывать от проблемы внедрения земледелия в Европе. Историческая обстановка, сложившаяся в эпоху энеолита и бронзы в Юго-Восточной Европе, позволяет думать, что развитие хозяйственных и общественных форм проходило здесь не без влияний цивилизации древнего Востока, Восточного Средиземноморья и Южной Европы. Эти влияния шли также через Кавказ в степные просторы Волго-Донского массива. Древнеземледельческие цивилизации южной полосы Старого Света дали тот импульс, который определил быстрое развитие земледельческо-скотоводческого направления хозяйства у племен Центральной и Юго-Восточной Европы.

Если принять эту довольно распространенную точку зрения, то следует признать и возможность того, что вместе с навыками разведения культурных растений из областей южных земледельческих цивилизаций проникли в Европу и первые земледельческие орудия.

Что касается жатвенных орудий, то так называемый челюстевидный серп египетского типа считают родоначальником европейских серпов, прототипом которых был серп из Сольферино[95]. В Юго-Восточной Европе серп подвергся местной конструктивной переработке в соответствии с местными нормами техники, бытовавшими в кремневом производстве.

Центральная и Юго-Восточная Европа, видимо, не знала жатвенного ножа в применении к посевам, хотя различные инструменты вкладышевого типа здесь были известны со времени мезолита. Первым жатвенным орудием в Юго-Восточной и Центральной Европе был серп, правда, еще примитивный, с очень ограниченными возможностями производства колебательных движений, но все же орудие, вполне сформированное и эффективное. Серп этот отличался от южных серпов типа египетского или Сольферино, имевших массивную челюстевидную оправу и часто оснащенную двухсторонне обработанными кремневыми вкладышами.

Раннеэнеолитические племена Юго-Восточной и Центральной Европы еще не развили у себя техники двухсторонней обработки кремня и поэтому пользовались для оснащения серпов мелкими призматическими пластинками. Оправа первых юго-восточных и центрально-европейских серпов была облегченного типа по сравнению с египетским челюстевидным серпом. Это подтверждается карановскими серпами[96].

[95] A. Vayson. Ук. соч., стр. 415.

[96] Возможно, что на Кавказе жатвенные приспособления ведут свое начало от жатвенного ножа. При раскопках грота Сосруко в Кабардино-Балкарии в верхней части мезолитического слоя (М — I) С. Н. Замятнин обнаружил костяную пластину

Трансформация пластинчато-зубчатых наборных серпов в серпы с одним пластинчатым вкладышем, так, как мы это видели на примере серпа из Гребеней или позднетрипольских серпов, тоже явилась следствием местного развития и совершенствования этого жатвенного орудия и шла в соответствии с изменениями техники обработки кремня (замена призматических пластинок крупными пластинами). В позднетрипольском хозяйстве могли использовать и серпы типа европейских свайных построек с сильно загнутым концом оправы и вкладышем, расположенным выше рукояти. Опыт изготовления подобного типа серпов мог быть заимствован из Южной Европы.

Позднетрипольские серпы завершают цикл развития серпов, оснащенных пластинчатыми вкладышами. Со вступлением в эпоху бронзы происходит видоизменение серпа, особенно его рабочего лезвия. Получает широкое распространение общее для серпов эпохи бронзы изготовление двухсторонне обработанных вкладышей; вырабатывается некоторая общность типологических признаков даже для территориально отдаленных групп серпов. Например, серпы волынского типа составляют свою, довольно устойчивую типологическую группу с четко прослеживаемым географическим ареалом. Вместе с тем типологическая близость их к серпам британского и норвежского типов очевидна.

В типологическом отношении волынские серпы имеют общие черты с бондарихинскими и белогрудовскими серпами.

Есть еще другой важный источник, способствующий уточнению культурно-исторической хронологизации кремневых серпов эпохи бронзы в Восточной Европе. Имеется в виду сравнительно-типологический анализ кремневых и металлических серпов. В генетическом плане его очень осторожно касались А. М. Тальгрен [97] и В. Данилевич [98].

В нашем изложении мы сознательно ограничили свою задачу рассмотрением истории серпов главным образом пределами Юго-Восточной Европы [99]. Привлечение других материалов, (например, по серпам Кавказа) заставило бы придать работе другое направление, связанное с расширением круга генетических вопросов, что выходит за пределы данной работы.

длиной 15,5 *см* удлиненно-сегментовидной формы. Прямой край пластины имеет паз, куда вставлены кремневые пластинки. Изогнутый край снабжен насечками. Форма предмета и насечки, имеющие практическое значение, предотвращающие скольжение предмета во время работы в руке, дают основание определить нож из Сосруко как жатвенный нож. Таким образом, это первое наиболее раннее достоверное жатвенное приспособление, найденное в СССР (см. С. Н. Замятнин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко. Уч. зап. КБНИИ, т. XIII, 1957, стр. 440—442, рис. 7).

[97] A. M. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction de métaux. ESA, т. II, Helsinki, 1926, стр. 189, 193.

[98] В. Данилевич. Цікавий серп. Антропологія, т. I, Київ, 1928, стр. 173—175.

[99] Выражаю благодарность С. С. Березанской, Т. Г. Мовше и Я. А. Шаповалову за большую помощь, оказанную мне при подготовке этой работы.

Л. А. МАЦУЛЕВИЧ

ЧАША ИЗ БАРТЫМА

В настоящей статье автор обращается к памятнику уже достаточно известному. Речь идет о серебряной чаше, хранящейся в Гос. Историческом музее в Москве, обнаруженной во время пахоты летом 1947 г. в Пермской области у селения Бартым [1].

Ладьевидная форма сосуда позволила разместить крупную композицию на каждой из продольных стенок, длиной до 26 *см*. С обеих сторон повторена одна и та же сцена, выполненная невысоким рельефом (рис. 1). Внутри чаша лишена каких-либо изображений. На поддоне же, обведенном овальной лентовидной ножкой, напаян рельеф рыбы.

Чаша, по всей видимости, была предназначена для торжественной церемонии. Содержание изображения явно стояло в тесной связи с назначением сосуда. Представленная на стенках сцена передает момент, когда два павлина стремительно подходят к жертвеннику с противоположных сторон.

Сам жертвенник изображен в виде утончающейся колонки, увенчанной капителью с волютами. Поверх нее покоится жертвенничная подушка. Это один из вариантов типичных, широко распространенных сооружений этого рода. Аналогичную форму использовали и для переносных небольших жертвенников из бронзы.

Шеи приблизившихся к жертвеннику павлинов повязаны длинными шарфами с расширяющимися концами, развевающимися сзади и образующими несколько рядов волнообразных складок. Грудь павлина оформлена как человеческая голова с выступающим вперед профилем. При этом она слита с телом птицы и составляет ее неотъемлемую часть, как бы единое неразрывное целое.

Если же обратить внимание на крылья, то у каждого из павлинов они окажутся, в сущности, не крыльями, а опять-таки человеческой головой в шлеме или в шапке с четко очерченным профилем и длинной бородой. Итак перед нами не реальное изображение, а какой-то абстрактный художественный образ. Римский поэт Энний (239—169 до н. э.) утверждал, что однажды он был во сне чудесно восхищен на Парнас и там ему явился Гомер. Поведал он, что его душа, переселившаяся после его смерти в павлина, ныне, мол, переходит к Эннию [2]. В этом «откровении» Энния легко узнается отражение доктрины пифагорийцев о переселении душ.

Содержание художественных образов на рельефах чаши не может быть сведено к подобной пифагорейской басне о переселении душ. Я. И.

---

[1] О. Н. Бадер. Бартымская чаша. КСИИМК, вып. 29, 1949, стр. 84—91; его же. Уникальный сассанидский сосуд из-под Кунгура. ВДИ, 1948, № 3, стр. 166—169; его же. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье. Сб. «На Западном Урале». Пермь, стр. 189—190; О. Н. Бадер, А. П. Смирнов. «Серебро Закамское» первых веков нашей эры, М., 1954, стр. 17—19.

[2] М. М. Покровский. История римской литературы. М.—Л., 1942, стр. 42—43.

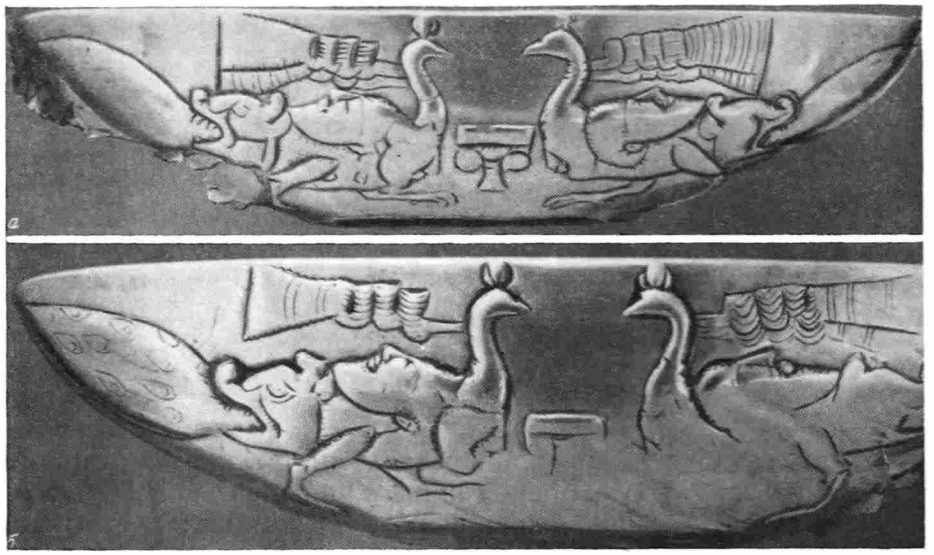


Рис. 1. Рисунки на обеих сторонах чаши

Смирнов поднял в свое время вопрос, не подразумевается ли в различных сказаниях о героях, поглощаемых драконом, то, что они пребывали во чреве чудовища невредимыми, подобно трехдневному пребыванию библейского Ионы во чреве кита. Однако древние изображения Ионы, несмотря на широкое распространение их в первые века нашей эры, не рисуют Иону на теле чудища или как бы сквозящим из его недр. Обычно показывался начальный момент драмы — нападение кита и конечный этап — извержение китом проглоченного им Ионы. Поэтому было бы неоправданным толковать человеческие головы на чаше как изображение поглощенных героев[3]. Сложный нереальный образ павлина хранит в своей основе древний фольклорный комплекс.

Крыло каждого павлина — точнее человек-крыло — короткое. Оно не прикрывает всего тела и даже не доходит до хвостовых перьев. Не покрытая им половина фигуры оказывается чешуйчатым драконом с большой кабаньей головой. У него пальметообразный, загнутый кверху нос, что столь характерно в эллинистическое время, и зубастые челюсти. Из оскаленной пасти вырывается огненный язык; кажется, что чудище пожирает пламя.

Однако по всей поверхности этого пламевидного языка выгравированы характерные длинные стебельки — перья, несущие розетки с глазками. Переданы они с такой отчетливостью, что в них нельзя не узнать покрывающего павлиный хвост верхнего оперенья. Следовательно, сам художник считал рассматриваемую часть изображения хвостом павлина, а последний приравнивал к пламенному языку, извергаемому огнедышащей пастью или поглощаемому ею. Из этого следует, что в представлении художника даже главные чары павлиньей красоты — его глазастый хвост неотъемлем от образа дракона — чудища подземелья. Таким образом изображенный на чаше павлино-дракон полностью был образом преисподней; это подчеркивалось и тем, что бедренная часть птичьей ноги представлена у каждого из павлинов в виде рыбы.

Образ рыбы — существа водной стихии — обычно противопоставляется земному, солнечному миру. Как образ скрытых мрачных глубин, рыба ближе к чудищу-дракону, чем к птице. Но вместе с тем фольклорный образ рыбы наделен и добрыми качествами. Так, в Грузии он неотъемлем от образа женщины, рассматривается как оплодотворяющее маги-

[3] Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Вишапы. Тр. ГАИМК, т. 1, Л., 1931, стр. 73—74.

ческое начало. В народном искусстве Закавказья образ рыбы уподобляется иногда древу жизни.

Иллюстрацией к этому служит рельеф на каменной плите в Дагестане[4]. На рельефе изображена сцена с двумя птицами по сторонам, обращенными к центральному предмету — рыбе, поставленной на хвост, в виде древа. Так подтверждается тематическое единство этих двух образов. Г. С. Читая и А. И. Робакидзе был собран и освещен значительный материал по вопросу о пережитках культа рыбы в Грузии[5]. Характерной чертой собранного ими этнографического материала является понимание образа рыбы как доброго, милостивого, благодатного. Однако можно ли приписывать ему благодатные качества, если он составляет только частность, а образ павлино-дракона в целом принадлежит мрачному подземелью, преисподней?

Дело в том, однако, что силы преисподней не всегда и не повсеместно представлялись качественно одинаковыми, при этом вовсе не обязательно враждебными человеку. Так, персидское войско Ксеркса, когда он подошел к Греции, было многоплеменным, представлявшим обычаи, образы и верования отдаленных стран. Маги, видимо, широко объединяли в своих действиях разноплеменные обычаи. Геродот сообщает, что войско Ксеркса, подойдя к Халкидике, сделало остановку у р. Стримона. Этой реке маги принесли жертву, умертвив над ней белых коней[6]. Жертва показательна, если учесть, что в войске были и мидяне, и мосхи, и колхи, и другие закавказские народы[7]. В такой этнической среде не обязательно рассматривать белого коня как земное воплощение исключительно иранского божества. Мы знаем, что конь был тотемом некоторых древнейших племен Грузии.

Геродот далее пишет: «Совершивши над рекой эти и многие другие культовые действа, персы прошли подле Девяти Путей, что в земле едонов, через мосты, уже наведенные на Стримоне. Узнав о названии данного места именно девятью путями, персы закопали здесь в землю девять юношей и столько же девушек из среды живших там. Живых закапывать в землю в обычае у персов. Действительно, я слышал, что жена Ксеркса Аместида дважды велела закопать семь персидских юношей знатного происхождения в честь божества, которое помещают под землей в благодарность за достижение глубокой старости»[8].

В этом рассказе живительные, жизнедательные силы, обычно связывавшиеся в представлениях о мироздании с солнцем, приписаны подземному миру, преисподней. Подобные представления о мироздании и связанные с ними религиозные обряды, названные Геродотом «персидскими», описаны им в V в. до н. э. Но и через тысячелетие пережитки их оставались действенными в отдельных районах Закавказья. По данным историков IV в., в отдельных районах Армении почитали в их время вишапов и приносили им в жертву девушек и юношей. При внедрении христианства его апологетам приходилось вести упорную борьбу с живучестью языческих культов в христианизируемой среде. Они старались подменить народный образ благодетельного вишапа образом чудовищной змеи, внушали, что в вишапе надо видеть соблазнителя рода челове-

---

[4] А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. М., 1931, табл. 37. Найден в ауле Кубачи, собр. С. Магометова, хранится в Дагестанском музее.

[5] Г. С. Читая. Мотив древа жизни в лазском орнаменте. Изв. ИЯИМК АН Груз. ССР, т. X. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.); его же. Этнографическая экспедиция в Имеретии. Изв. ИЯИМК АН Груз. ССР, т. II, вып. 3. Тбилиси, 1937, стр. 339 (на груз. яз.); А. И. Робакидзе. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы. СЭ, 1948, № 3, стр. 121—125.

[6] Herod., VII, 114.

[7] Herod., VII, 62, 78—79.

[8] Herod., VII, 114 сл.

ческого, беса, врага [9]. Они утверждали, что в вишапов вселились дэвы, имя которых отождествлялось христианской проповедью с силами зла.

Можно считать несомненным, что первоначально эти языческие святыни считались благоприятными человеку и жертвы им приносились «в благодарность». Впоследствии они могли превратиться в умилостивляемые силы.

Бартымская чаша свидетельствует, что у нас нет оснований заподозрить Геродота в относительной правильности передачи концепции. В самом деле, именно пышноцветному павлину, с раскрывающимся навстречу солнцу великолепием оперения, поручено на ней служить образом преисподней, хотя, казалось бы, павлин совершенно не подходит для выражения подземного мира. Но как раз в этом-то якобы несоответствии мы черпаем лишнее подтверждение того, что в идеологии, которая запечатлена Бартымской чашей, преисподняя связывалась отнюдь не со злом и враждебностью человеку.

Рассматриваемая чаша — поистине выдающийся источник по древней истории Переднего Востока. Конечно, между концепциями времен Ксеркса и временем художественного оформления изменявшихся и осложнявшихся образов, представленных на Бартымской чаше, прошло не менее четырех столетий. Чаша много старше датировки, предложенной ее первым издателем. Смутившие его шарфы наличествуют на знаменитом парфянском блюде из Раваль-Пинди в Пенджабе [10]. На нем таким шарфам, с характерной формой расширяющихся концов, придается сакральное значение.

Рельефы Пенджабского блюда выделяются мягкостью своих форм, эластичностью композиции. Она свободна от геометризации, фигуры расположены не тесно. Центральный круг блюда окружен небольшим валиком. Верхнюю, бóльшую часть круга занимает изображение Ормузда, протягивающего венец предстоящему. Ормузд сидит на троне, поддерживаемом двумя крылатыми драконами, обращенными в противоположные стороны. Постановка их свободная, они лишены одеревенелости и схематичности. Рельеф передан пластично. По стилю они сближаются с павлинами Бартымской чаши, полными движения и грации.

Поза Ормузда иератическая. Правой рукой он протягивает венец. Голова, окруженная лучистым сиянием, повернута в полоборота. Слева видны два спускающихся конца священной повязки, на которых проведено семь-восемь полосок. Фигура предстоящего поставлена в строгой позе. Характерна массивная голова в профиль, с прямым тяжелым носом, низким лбом. Борода, довольно большая, лежит треугольником. Вся фигура сохраняет реалистические черты. Она лишена сассанидской схематичности. Вверху летит гений, несущий Ормузду длинную священную повязку, завершающуюся треугольно. В нижнем сегменте центрального круга у сидящей слева фигуры за головой развеваются два длинных конца повязки. У стоящей справа в церемониальной позе за спиной тоже вьется повязка, расширяющаяся к концам. Все эти черты сближают рассмотренный памятник с Бартымской чашей.

Однако не одни шарфы, а рельеф блюда из Раваль-Пинди в целом, его стиль и стиль Бартымской чаши представляют ближайшее и тесное родство. Изображенные на них лица крупноносатые, низколобые; торчащие вперед плотно сжатые губы громоздки и прижаты к носу; широко раскрытый глаз в профиль сдвинут вплотную к переносью, что еще более подчеркнуто преувеличенно длинной и почти выпрямленной дугой бровей. Бороды то длинные (что, может быть, вызвано сближением с формой крыла), то широкие, утяжеляющие лицо. Нахлобученная шапка очерчивает ухо и опускается за него, подчеркивая череп. Все эти черты придают

[9] Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Ук. соч., стр. 68, 102; Б. Б. Пиотровский. Вишапы. Л., 1939, стр. 22.

[10] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XVI, *39*.

изображению человеческого лица характер неподвижной маски из кожи или подобного материала, превращают образ человека в личину. Близость этих стилистических черт с рельефами Бартымской чаши имеет решающее значение. Тем самым Бартымская чаша уходит по своей датировке за пределы нашей эры. Она отнюдь не моложе рубежа нашей эры.

Сопоставление ее с другим известным памятником ранней торевтики — блюдом из Парижской Национальной библиотеки, посвященным лунному культу богини Нана, позволяет установить дополнительные данные в подтверждение высказанной точки зрения. Общая композиция рельефа на парижском блюде отмечена местным своеобразием. Изображение, находящееся в середине круга, не выделено в центральный медальон, не имеет особого обрамления. Тем самым приобретает большее значение единство центральной фигуры с остальными частями. Сидящая на невиданном животном женщина составляет замкнутую группу с помещенными над ней женскими фигурами. Последние же, в свою очередь, неотделимы от изображения месяца, представленного в виде тонкого серпа, с безбородым юношей, обращенным вправо от зрителя (т. е. он виден зрителю правой стороной). Бюст юноши, помещенный в серпе, тоже своеобразный. Вторая группа — из двух женских фигур и серпа месяца с бюстом — расположена диаметрально противоположно первой.

Противоположение это не случайно. У группы ее антиподов в серпе месяца бюст обращен влево, т. е. изображена левая сторона его головы. Это нарождающийся месяц, ему противостоит серп последней четверти, серп затухающей луны с бюстом, обращенным вправо. В этой группе обе женщины изображены с лентами в волосах, месяцу возносят наполненную чашу. Изображение в целом отражает четыре фазы луны, объединенные в двух группах. Верхняя левая фигура, видимо, олицетворяет последнюю фазу. Она без лент, через ее плечо перекинут полосатый шарф.

Румынский ученый Одобеско выделил на парижском блюде левую фигуру в группе затухающей луны. Он усматривал в ней представительницу высшего жреческого сана. Однако этому противоречит то, что она единственная из всех четырех фигур, непосредственно обращенных к лунному серпу, как народившемуся, так и затухающему, лишена головной повязки в длинными лентами на концах. Такая повязка прежде всего указывала бы на посвящение божеству (особенно при высшей степени посвящения) или даже на обожествленность. От других фигур рассматриваемая фигура отличается тем, что она повязана широким шарфом через левое плечо наискось и что ничего не держит в руках. Единственно лишь ее движение на носках показывает, что она исполняет перед затухающей луной особый танец. Обособленный жест гиеродулы среди остальных вызывает в памяти рассказ Страбона о годовом (вероятно, осеннем) лунном празднике в Албании [11]. Человеческие жертвы совершались в одном албанском святилище, посвященном Луне — точнее Луну (образ мужского рода). Для этой цели ежегодно подготовляли одного посвященного из числа специально содержавшихся при святилище одержимых.

По словам Страбона, «того из них, кто в более сильном экстазе блуждает один по лесам, жрец схватывает, сковывает священной цепью и роскошно кормит в течение всего года; затем этот человек приводится для жертвоприношения богине, умащается благовониями и закалывается вместе с другими жертвами. Способ жертвоприношения таков: кто-нибудь со священным копьем, которым установлено убивать людей в жертву, выходит из толпы и опытной рукой наносит обреченному удар

[11] Имеется в виду Кавказская Албания на территории современного Азербайджана.

сбоку в сердце; когда пораженный упадет, отмечаются разные приметы по его падению и объявляют их во всеуслышание; а когда труп отнесут в определенное место, все наступают на него ногой для очищения» [12].

В албанском культе затухающей луны подчеркнуто особое содержание жертвенного гиеродула. Прежде всего, избранным для жертвы гиеродулом мог быть не всякий. Для этого было обязательным признавать его за боговдохновенного прорицателя. Перед самым жертвоприношением его освящали через миропомазание. Эти особенности получают необходимое объяснение в изображениях парижского блюда, посвященных культу затухающей луны. Существование в Закавказье представлений о недрах земных как о подземном мире, отнюдь не враждебном людям, подтверждено письменными источниками, как указано выше, только для Армении. Относительно Мидии (с Албанией) оно оставалось только допустимым, поскольку не было приведено конкретных местных указаний. После же установления характера особенностей культа затухающей луны в Албанском святилище существование там подобных представлений становится несомненным. К тому же верой именно в жизнедательные силы подземного мира может быть полнее объяснено и то, что у албанцев вообще считалось грехом заботиться и даже вспоминать об умерших [13].

С большим вниманием отнесся к словам Страбона академик И. А. Джавахишвили. Он вскрыл в этнографической практике празднование Белого Георгия в сел. Ацхури пережитки поразительной инерции [14]. В течение 20 веков детали обряда, описанного Страбоном, сохранились в неприкосновенности, только из подлинного жертвоприношения они превратились в символическое действо. В Ацхури наблюдали и непрестанно вертящуюся фигуру, как в состоянии высшего возбуждения и экстаза. Белая одежда на ней подчеркивала специальную подготовку к обряду. Имелась в Ацхури и своеобразная имитация из проволоки священной цепи, возлагавшейся на человека, который должен был изображать предназначенного к умерщвлению. В соответственный момент он падал как бы замертво у порога храма и каждый входящий должен был перешагнуть через него. Празднование начиналось к ночи и длилось до утра, т. е. в лунную часть суток. Отмеченные своеобразные черты дали право И. А. Джавахишвили заключить, что в празднике в целом сохранился пережиток древнего почитания луны. Из этого можно почерпнуть указание также на то, что в Албании действительно почитался бог Лун, а не народившийся месяц.

В грузинском культе преимущественное значение имела луна в состоянии месячного затухания, захода. Как раз то же самое относительно Албании позволяет с вероятностью признать комплекс пережитков Ацхури.

Вместе с тем противоположение ущербной, затухающей луны месяцу, народившемуся и нарастающему, свидетельствует о том, что месячный заход луны воспринимался в единстве с восхождением нового месяца. Таким образом, луна почиталась не за неизбежное затухание, не за свою возрастающую ущербность, а как непосредственная и необходимая ступень к нарождению месяца. Этим устанавливается, что местный культ затухающей луны, отраженный в рельефах блюда, был лишен зловещей мрачности. При данном понимании лунного цикла необходим как посредствующее звено образ подземного мира, качественно подобный тому, о котором сообщал Геродот. В его время на Переднем Востоке и в Закавказье существовало верование, что бог, находившийся

---

[12] Strabo., XI, 4, 7.
[13] Strabo., XI, 4, 8.
[14] И. А. Джавахишвили. История грузинского народа. Т. I, Тбилиси, 1913—1914, гл. 3.

под землей, предоставлял людям счастье долгой жизни в ответ на взаимное воздаяние ему человеческих жертв.

Итак, пережитки представлений о первоначально благостной преисподней распространены в Закавказье, можно сказать, повсеместно. Очевидно, и образ павлина имел гораздо более широкое распространение. Вполне допустима вероятность общего культа павлина.

В свете изображений на Бартымской чаше может быть объяснена и композиция на памятнике грузинской торевтики — серебряном ковше с изображением павлинов из Армазисхеви (из погр. № 6). Он представляет собой открытый неглубокий сосуд с сильно выпуклыми стенками и прямой закраиной. Середина дна образует полусферическую выпуклину, характерный омфал, снаружи опоясанный кольцом ножки. От верхнего края ковша горизонтально отходит цилиндрическая, рубчатая ручка с бараньей головой на конце [15].

На наружной стороне стенок помещены чеканные изображения трех павлинов, представляющие собой единую группу, расположенную фризом.

Изображения на армазском ковше имеют не только орнаментальное значение. Перед нами единая, внутренне сосредоточенная композиция с центральным устремлением фигур. Трактовка ее говорит о глубоком содержании образов, о связи их с идеями мироздания, со своеобразно претворенными космическими представлениями.

Главенствующая фигура представленной сцены, павлин-самец, стоит впрямь. Хвост его с глазастыми перьями распущен веером, голова величественно поднята и со своей коронкой-хохолком выделяется на ряби хвоста. Крылья разведены в стороны и раскрыты, как обычно у геральдического орла [16]. Павлин представлен во всем великолепии своего оперения. Два других павлина обращены к нему. Они почтительно подошли к нему, или, вероятнее, торжественно предстоят перед ним. Их хвостовое оперение сложено, крылья плотно прижаты к телу, голова склонена. Композиция группы напоминает сцену этикета, подобно тому как византийская икона Деисуса [17] отображала подлинную церемонию императорского двора.

Возможно и другое предположение — что фриз воспроизводит реально существовавшую, скорее всего скульптурную церемониальную группу [18]. Ковш сделан в Иберии. Художественный образ павлина в Закавказье был крайне сложным в понимании людей того времени.

Выраженные в образе павлинов общественные отношения переводились из области реальной в область космогонии. Однако приписывать культовое содержание изображения на серебряном ковше из Армазисхеви нет оснований. Об этом говорит и язык художественных форм. Несмотря на некоторую схематичность графического воспроизведения скульптурной группы, во фризе нет ничего условного или мистически искаженного.

Армазский ковш, таким образом, глубоко противоположен Бартымской чаще, исследование последней бросает на него свой отсвет. Она показывает столько местного своеобразия в трактовке образа павлина, что не остается сомнений в глубоких народных корнях его в Закавказье.

---

[15] А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Мцхета. Т. I. Тбилиси, 1955, стр. 76, рис. 38 и табл. XVII (на груз. яз.).

[16] Ср. изображение на серебряной чаше из саркофага питиахша Берсумы, Армазисхеви, погр. № 3; См. П. Ингороква. Памятники грузинского письма античной эпохи. Изв. ИЯИМК АН Груз. ССР, т. X, стр. 411—427.

[17] В. Н. Лазарев. Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII вв. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 73.

[18] Л. А. Мацулевич. К вопросу о художественном убранстве Тбилиси в начальный период. Журн. «Мнатоби», Тбилиси, 1958, № 10.

Бартымские павлины помогают нам раскрывать особенности древних космогонических представлений, частично доживающих в среде разновременных наслоений иезидства. Курдский иезидский термин Мелек-Та'ус означает царь-павлин, или ангел-павлин. Культовой статуэткой Мелек-Та'уса служит в настоящее время изображение сидящего петуха, помещаемого на колонке типа переносного канделябра [19]. По крайней мере, такого показывали европейцам в XIX в. Согласно же «Черной книге» иезидского вероучения, изображение петуха должно быть «видом личности Иезида», их легендарного родоначальника, а вовсе не Мелек-Та'уса. Изображением же последнего должен был служить, согласно их учению, павлин (такие несоответствия указывают на позднейшие наслоения и на составной характер иезидства). Поэтому мы можем предположить, что образ павлина на Бартымской чаше изображал владыку преисподней.

Все в целом сказанное выше о сложной космогонии изображений павлина позволяет признать, что в Закавказье была соответственная обстановка, в которой могли сложиться основные образы рассмотренной выше ладьевидной чаши из-под Бартыма. Изображения чаши, размещенные с расчетом на всеобщее обозрение исключительно при наклоне сосуда, т. е. при возлиянии, свидетельствуют, что сосуд был предназначен для культового действа. Во время наибольшего наклона чаши открывалось для обозрения и ее дно с рыбой на нем. Рыба, как показал приведенный выше материал, была образом оплодотворяющей силы благостного подземного мира.

Возлияние совершалось, видимо, на специальный жертвенник. Об этом говорит изображение павлинов перед жертвенником, на котором нет возженного огня. Возлияние на жертвенник можно считать высшим моментом действа, заменившим былые кровавые жертвы. Участник таинства должен был приравнивать совершаемое возлияние к истинной жертве, так как он видел на стенках священного сосуда образно представленную сцену жертвоприношения в виде церемониального предстояния жертвенных павлинов. Перед нами характерный пример явно пережиточных форм жертвоприношения.

Культовое назначение чаши, пронизанность всех ее образов своеобразной космогонией отражена и в самой подаче художественных форм, не говоря уже об ирреальности изображенного существа, которое может быть названо павлином только весьма условно. На основании рассмотрения Бартымской чаши следует подчеркнуть возможность ее закавказского происхождения, скорее всего из Азербайджана.

---

[19] Изображение такой статуэтки переиздано. См. А. А. Семенов. Поклонение сатане у переднеазиатских курдов-езидов. Ташкент, 1927, табл. V, *1*.

А. А. БОБРИНСКИЙ

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОНЧАРНЫЙ КРУГ

Древнерусский гончарный круг изучен еще слабо. Представления о нем, вошедшие в научный обиход, очень суммарны и, как теперь стало выясняться, не совсем точны. Эти неточности объясняются прежде всего неразработанностью методики исследования круга по археологическим источникам.

В свое время М. В. Воеводский предложил использовать для выявления случаев применения ручного и ножного круга особенности формовочной технологии древнерусской керамики. Он полагал, что с ножным кругом следует связывать керамику, не имеющую следов ленточной техники формовки и срезанную с круга ниткой или проволокой, а с ручным кругом легкого типа — керамику со следами ленточной техники, подсыпкой и бортиком на днище [1].

Согласно установившейся после М. В. Воеводского традиции, принято думать, что на территории древней Руси в домонгольское время был известен лишь ручной круг легкого типа. Появление же ножного круга относили к XIV в.— на юге русских земель, и к XVI—XVII вв.— в центральных и северо-западных районах [2].

Однако в последние годы, когда автором были собраны и изучены новые данные о гончарной технике, ранее не привлекавшиеся для исследования круга, выяснилось, что по особенностям формовочной технологии древнерусской керамики нельзя делать аргументированных заключений о случаях применения ручного и ножного круга. Следовательно, представления о начале применения этих орудий в древней Руси, сложившиеся у М. В. Воеводского, были гипотетическими. Оказалось, что для выработки методики учета керамики, сформованной на ручном и ножном круге, необходимо исходить из особенностей устройства самих орудий, применявшихся древнерусскими гончарами [3].

В предлагаемой статье рассматриваются конструктивные особенности гончарных кругов древнерусского времени.

Важные наблюдения, позволившие наметить первоначальные шаги в исследовании вопроса, были сделаны при изучении конструктивных особенностей этнографических образцов орудий.

---

[1] М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. Этнография, т. IV, 1930; его же. Глиняная посуда Москвы XVI—XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя. Сб. «По трассе первой очереди Московского метрополитена». М., 1936.

[2] См., например, Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд-во АН СССР, 1948, и многие другие работы обобщающего характера последних десятилетий.

[3] А. А. Бобринский. Древнерусский гончарный круг легкого типа на территории северо-западных областей РСФСР. Вестник Московского университета, вып. 4, серия историческая. М., 1961; его же. К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области. СЭ, 1962, № 2; его же. К изучению древнерусской гончарной техники. Вестник Московского университета, вып. 2, серия историческая, 1962.

Выяснилось, что некоторые гончарные круги, употребляемые в современном гончарстве Восточной Европы и Средней Азии, обладают способностью оставлять на днищах сосудов определенные категории следов. В рабочих дисках таких кругов делается сквозное отверстие для оси. У одних орудий оно вырубается или высверливается при изготовлении, а у других образуется в результате протирания диска осью. И в том и в другом случае конец оси может занимать три основных положения по отношению к рабочей плоскости, на которой производится формовка сосуда: быть выше, на одном уровне или ниже ее. В зависимости от положения оси на днищах могут возникнуть углубленные, контурные или выпуклые оттиски, воспроизводящие на глине форму и размеры конца оси или отверстия в рабочем диске.

К настоящему времени выявлено шесть конструкций гончарных кругов со следообразовательными свойствами. Одни из них имеют неподвижную ось, другие — подвижную. Орудия с неподвижной осью представлены тремя конструкциями ручных и одной — ножного круга, а орудия с подвижной осью — одной конструкцией ножного круга и одной ручного круга (рис. 1).

Гончарные круги с неподвижной осью способны оставить на днищах сосудов динамические или статические следы круглой или эллиптической формы, а орудия с подвижной осью — только статические. Выяснилась одна любопытнейшая особенность следообразовательных элементов. Оказывается, между формой и размерами их и устройством самого круга существует определенная зависимость. Так, почти все ножные круги с подпятником (рис. 1, *б*) имеют в диске квадратное или прямоугольное отверстие со сторонами от 2 до 5 *см*, а ручные круги грибовидной формы (рис. 1, *I*) — круглые или эллиптические отверстия диаметрами от 0,2 до 0,7 *см*. Но самые замечательные свойства следообразовательных элементов были выявлены при изучении следов, какие способны они оставить на днищах посуды. Оказалось, что следы эти могут быть разделены на индивидуальные, групповые и неопределимые. Индивидуальными мы назвали следы, которые способны оставить орудия только одной определенной конструкции, групповыми — следы, образующиеся при работе или на ножных кругах или ручных, но различных конструкций, а к числу неопределимых отнесены следы, получавшиеся как на ножных, так и на ручных кругах.

Повышенный интерес к изучению современных орудий со следообразовательными свойствами объясняется тем, что ими обладали и гончарные круги древнерусского времени. Об этом красноречиво свидетельствуют керамические находки со следами от оси круга на днищах. Правда, в нашей литературе о таких находках почти ничего не сообщалось, но в составе многих керамических коллекций они имеются. Керамика со следами от оси на днищах была зафиксирована, например, автором среди находок, добытых при раскопках Старой Ладоги, приладожских курганов, Новгорода, Пскова, Изборска, гнездовских курганов, подмосковных курганов, Вщижа, Киев, Шестовицких курганов, Колодяжина, Воинской Гребли, Вышгорода, Переяславля-Хмельницкого, Плиснеска, Судовой Вишни, Звенигорода, Крилоса, Львова и многих других памятников древнерусского времени. Следы на днищах древнерусской керамики также делятся на статические и динамические.

Ниже приводятся краткие итоги изучения следообразовательных свойств шести современных конструкций гончарных кругов, а также результаты сравнительного анализа следов, полученных экспериментально, и следов, обнаруженных на днищах древнерусской керамики[4].

[4] Следообразовательные свойства каждой конструкции рассматривались на этнографических образцах кругов и их моделях. В качестве следовоспринимающего материала был использован глинит (род пластилина), который в размягченном состоянии близок по своим пластическим свойствам к природной глине. Изучались оттиски, об-

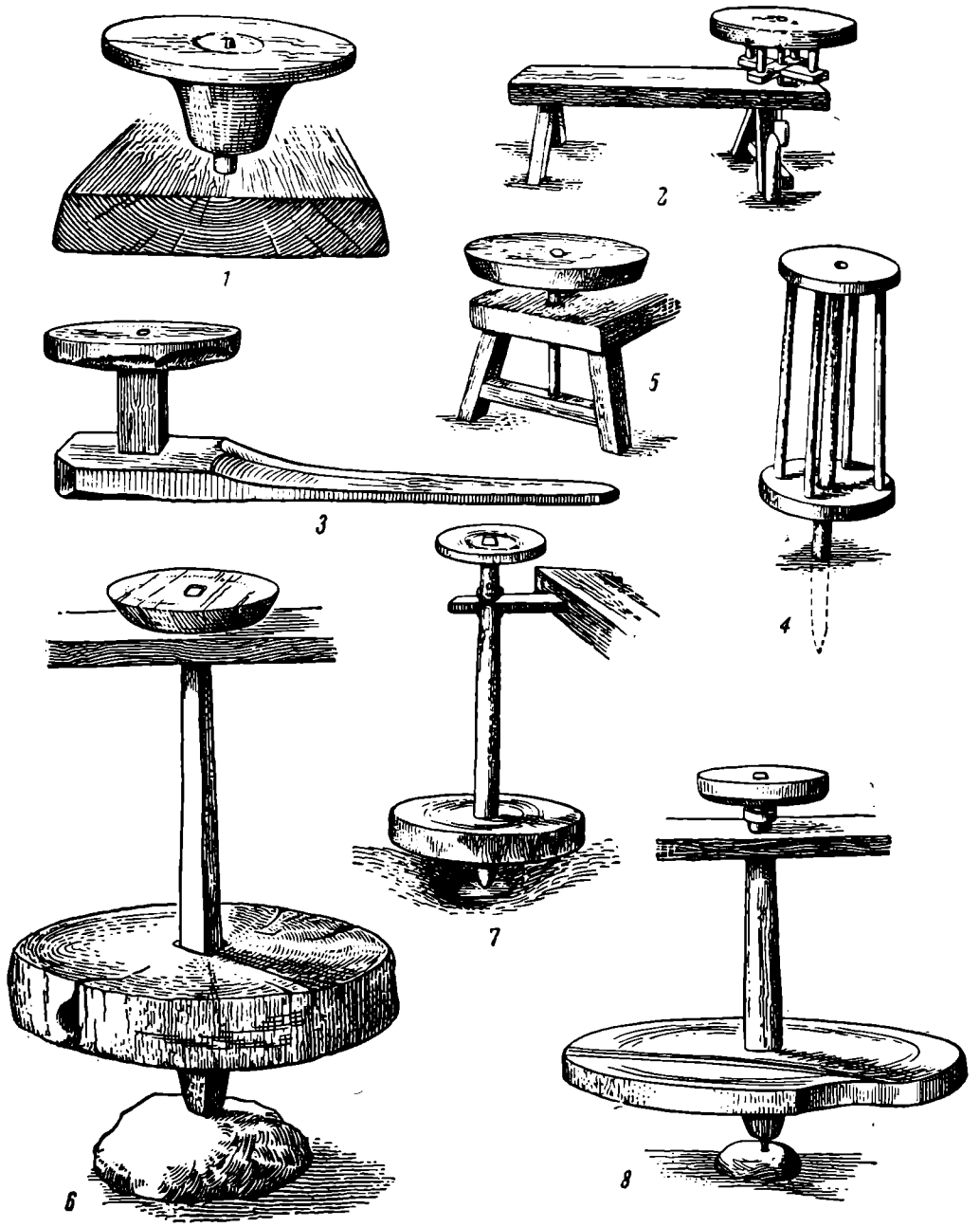


Рис. 1. Этнографические образцы гончарных кругов со следообразующими свойствами

С неподвижной осью: *1* — ручной круг с грибовидным диском (дер. Чудское, Капшинского р-на, Ленинградской обл.); *2* — ручной круг со спицами (дер. Белец, Шимского р-на, Новгородской обл.); *3* — поворотный столик (Уймонские селения, Бийского у., Томской губ.); *4* — ножной круг со спицами (м. Бешенковичи, Витебской губ.);

с подвижной осью: *5* — ручной круг со сборным диском (дер. Вангуда, Онежского у., Архангельской губ.); *6* — среднеазиатский вид ножного круга с подпятником (г. Гиждуван, Бухарской обл.); *7, 8* — восточноевропейские виды ножных кругов с подпятником (соответственно — Украинская ССР и РСФСР)

I. Ручной круг с грибовидным диском и осью без опорных плечиков (рис. 2). Следообразовательную способность приобретает в результате протирания диска осью. Конец оси, протершей диск, имеет форму конусовидного острия со сферической вершиной

разующиеся в трех различных положениях конца оси относительно рабочей плоскости орудий: выше, на одном уровне или ниже этой плоскости. Фиксировались: форма и ее особенности, размеры, особенности контакта следовоспринимающего объекта, особенности очертаний углубленных и выпуклых оттисков. Наблюдения производились визуально или при помощи лупы. Способ фиксации наблюдений — зарисовки и описание.

небольшого радиуса. Допустимое выступание оси не более 0,4—0,5 *см*. В этом случае остаются наиболее крупные следы диаметром около 0,6 *см*. Отмечено два способа ремонта изношенных кругов (деревня Белец и село Голино, Шимского района, Новгородской области), при которых сохранялись следообразовательные свойства орудий, но сами следы приобретали уже иные очертания. Первый способ — подрезание конца оси. Второй — замена старой оси на новую или исправление формы старой.

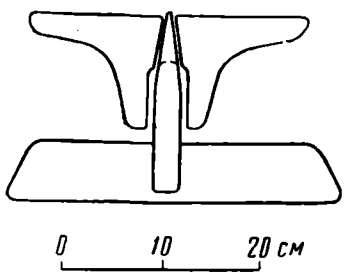


Рис. 2. Разрез ручного круга с грибовидным диском

Всего выделено пять разновидностей следов:

1. Углубленные круглые оттиски диаметрами от 0,2 до 0,6 *см* с основанием в виде смещенной сферы небольшого радиуса и наклонными стенками (рис. 3, *А*, a_1).

2. Углубленные оттиски эллиптической формы (рис. 3, *А* и *а*). Абсолютные размеры их обычно бо́льшие, чем у следов первой разновидности. Однако они не превышают 0,7 *см* по вытянутой стороне.

3. Углубленные круглые оттиски, имеющие дно в виде сферы большого радиуса, обращенной вершиной вниз (рис. 3, *Б* и *б*). Образуются в случае подрезания конца оси, протершей диск. Из-за непараллельности торца оси к рабочей плоскости и различной степени износа отверстия в диске круга сфера дна углубления может быть большего или меньшего радиуса, но во всех случаях она остается с вершиной, обращенной вниз. После подрезания конца оси, выступавшего на 0,5 *см*, боковые поверхности которой имели наклон 30°, получались оттиски диаметрами около 0,7 *см*. Возможны оттиски с меньшим диаметром. Допустив существование осей с наклоном боковых поверхностей в 45°, можно получить следы диаметром 0,8 *см*.

4. Выпуклые отпечатки круглой формы (рис. 3, *В* и $в_1$). Образуются в случае, когда подрезанный конец оси оказывается ниже рабочей плоскости круга. В зависимости от диаметра протертого в диске отверстия могут остаться отпечатки диаметрами от 0,2 до 0,8 *см*.

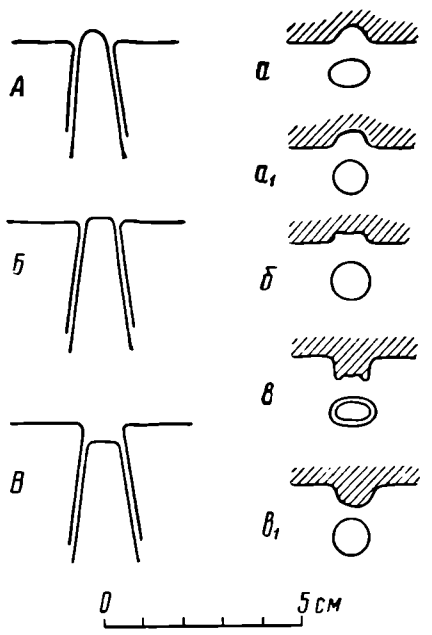


Рис.3. Схематическое изображение следообразующих элементов и следов ручного круга с грибовидным диском

5. Выпуклые отпечатки эллиптической формы (рис. 3, *В* и *в*). Образуются в случае замены или ремонта оси, конец которой оказывался ниже рабочей плоскости круга. Эти оттиски указывают на сильную изношенность отверстия, имевшегося в диске. На высоких отпечатках (0,5—0,4 *см*) наблюдалось возникновение тонкого бортика по краю торца от перемещения глиняных частиц с боковых поверхностей. Наиболее часто такие бортики возникали на отпечатках больших размеров — 0,5—0,8 *см*, по вытянутой стороне. На отпечатках меньшего диаметра и невысоких (0,2—0,3 *см*) на боковых поверхностях прослеживались следы от перемещения глиняных частиц, направленных вверх.

Три из этих разновидностей — индивидуальные (рис. 3, *а*, $а_1$, *в*), две — групповые (рис. 3, *б*, $в_1$). Индивидуальные разновидности (рис. 3, *а*, $а_1$)

отражают характерную особенность следообразовательного механизма гончарных кругов с грибовидным диском, а именно: способность оставлять следы с основанием в виде смещенной сферы небольшого радиуса. Непосредственной причиной, ведущей к образованию таких следов, является наклонное положение рабочей плоскости круга относительно выступающего конца оси, какое постоянно занимает она во время вращения. Другие конструкции не способны сохранять постоянно такое положение во время вращения, что объясняется особенностями устройства их трущихся деталей. Наклонное положение рабочего диска

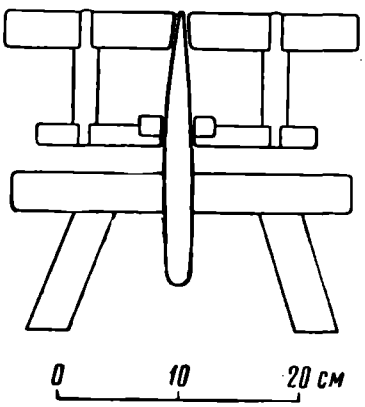


Рис. 4. Разрез ручного круга со спицами

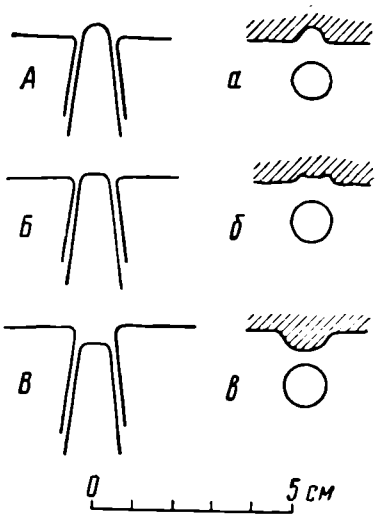


Рис. 5. Схематическое изображение следообразующих элементов и следов ручного круга со спицами

относительно оси создает условия для неравномерного распределения трения: какой-то одной своей стороной отверстие, имеющееся в диске, с наибольшей силой трется о поверхность оси, в результате чего из круглого оно становится эллиптическим. Остальные разновидности следов с меньшей определенностью отражают особенности следообразовательного механизма рассматриваемой конструкции. Наиболее интересны среди них следы индивидуальной разновидности *в*, указывающие на два признака, свойственные гончарным кругам с изношенным грибовидным диском: на конусовидную форму отверстия и нарушение его первоначальной формы по диаметру.

II. Ручной круг со спицами и осью без опорных плечиков (рис. 4). Следообразовательную способность круг приобретает в результате протирания диска осью. Конец оси, протершей диск, имеет заостренную конусовидную форму, как и у круга с грибовидным диском. Практически допустимый предел выступания не более 0,4—0,5 *см*. В этом случае возможны наиболее крупные следы — диаметрами 0,5—0,6 *см*.

Способы ремонта, при которых бы сохранялись следообразовательные свойства круга, не установлены. Можно думать, однако, что, как и в случае с грибовидными кругами, гончары прибегали и к подрезанию оси, и к замене старой оси на новую.

Всего было выделено три разновидности следов:

1. Углубленные круглые оттиски с основанием в виде сферы небольшого радиуса, не имеющей заметного смещения с осевой линии (рис. 5, *А* и *а*). При длине выступающего конца оси, равной 0,4 *см*, оставались углубления диаметрами 0,5—0,6 *см*. Увеличение диаметра следов при изменении угла наклона боковых поверхностей оси незначительно. В зависимости от длины выступающего конца оси возможны следы от 0,2 до 0,7 *см*.

2. Углубленные круглые оттиски с основанием в виде сферы большого радиуса, обращенной своей вершиной вниз (рис. 5, *Б* и *б*). Допустимые диаметры следов: примерно от 0,3—0,4 *см* до 0,8 *см*.

3. Выпуклые отпечатки круглой формы (рис. 5, *В* и *в*). Размеры отпечатков зависят от диаметра протертого отверстия. Допустимы отпечатки, не превышающие по диаметру 0,6 *см*, так как при бо́льшем отверстии конец оси должен был бы выступать более чем на 0,5 *см*, что практически почти невозможно.

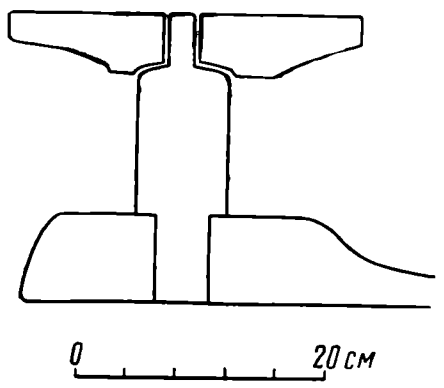


Рис. 6. Разрез поворотного столика

Одна из выделенных разновидностей индивидуальная (рис. 5, *а*), две другие — групповые. Эти последние были получены и при работе на грибовидном круге. Использовать их для идентификации с какой-то одной конструкцией круга невозможно из-за очень близкого сходства между ними по всем учитывавшимся признакам: размерам, форме и т. д.

Способность ручных кругов со спицами оставлять следы с основанием в виде несмещенной сферы объясняется центрированным устройством вращающейся части конструкции: вся она опирается на конец оси, но ее колебательные движения во время вращения частично «гасятся» в результате трения стенок отверстия, сделанного в крестовине, о боковые цилиндрические поверхности оси.

Круглые углубления с основанием в виде несмещенной сферы могли бы возникнуть не только в результате износа ручного, но и ножного круга со спицами. Поэтому полученную индивидуальную разновидность следует рассматривать как вероятный, а не безусловный идентифицирующий признак ручного круга со спицами.

III. Ручной круг с плоским диском и осью с опорными плечиками — поворотный столик (рис. 6). В диске имеется сквозное цилиндрическое отверстие. Торец оси плоский, обычно находится несколько выше рабочей поверхности диска. Диск круга во время вращения опирается на плечики оси, в результате чего происходит постепенный износ плечиков и нижней плоскости диска.

Выделено три разновидности следов:

1. Углубленные оттиски круглой формы диаметром 2,5 *см* с основанием в виде сферы большого радиуса, обращенной своей вершиной вниз (рис. 7, *А* и *а*).

2. Углубленные оттиски круглой формы с плоским центром и тем же диаметром (рис. 7, *Б* и *б*).

3. Выпуклые отпечатки круглой формы диаметром 2,5 *см* (рис. 7, *В* и *в*).

Одна из выявленных разновидностей (рис. 7, *а*) — индивидуальная, две другие — неопределимые.

Непосредственные причины, ведущие к образованию оттисков с такими очертаниями донных оснований, заключаются в особенностях колебательных движений, возникающих при вращении круга. Как показали опыты, только с изменением конструктивной схемы орудий возможны изменения их очертаний. Это обстоятельство позволяет рассматривать полученную индивидуальную разновидность в качестве идентифицирующего признака орудий описываемой конструкции.

IV. Ножной круг со спицами и сквозным отверстием для оси (рис. 8). Диск имеет сквозное цилиндрическое отверстие для оси размером 1,5—2 *см*. Верхний конец обработан по диаметру в виде цилиндрика, длина которого определяется толщиной рабочего

диска (обычно 4—4,5 *см*). Диск круга опирается на плечики оси. Плоский торец оси чаще всего находится несколько ниже рабочей плоскости диска или же на одном уровне с нею. При работе на круге происходит постепенный износ трущихся участков, особенно плечиков оси и нижней плоскости рабочего диска, а также утоньшение окончания оси. Выступа-

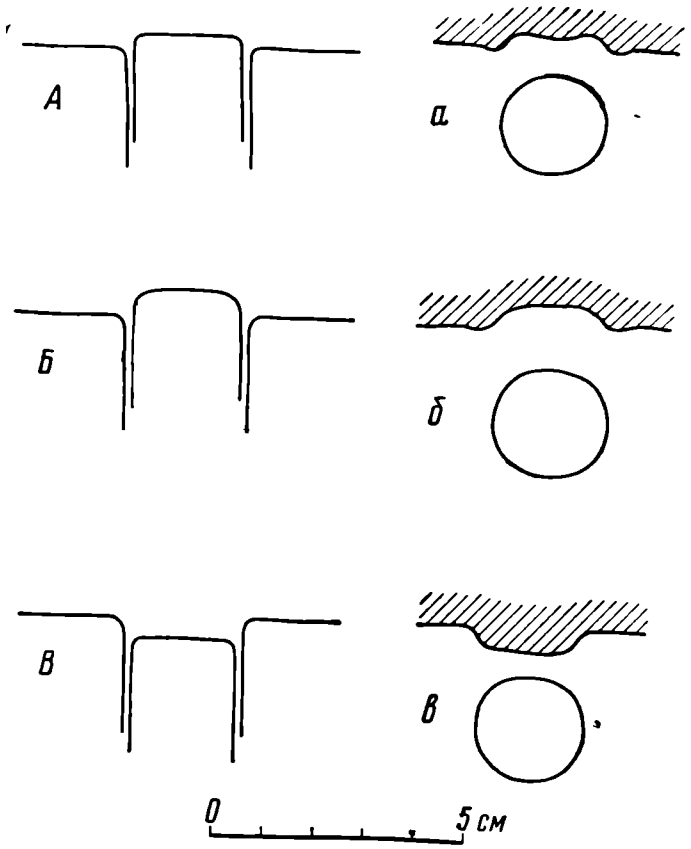


Рис. 7. Схематическое изображение следообразующих элементов и следов поворотного столика

ющий торец оси из плоского постепенно становится овальным из-за долгого трения с частицами подсыпки или обрабатываемой глины.

Выделено три разновидности следов:

1. Углубленные круглые оттиски диаметрами 1,5—2 *см*, в центральной части которых — выпуклость сферической формы, меньшего радиуса, обращенная вершиной вниз (рис. 9, *А* и *а*).

2. Углубленные круглые оттиски с основанием в виде обычной сферы большого радиуса с уплощенной вершиной (рис. 9, *Б* и *б*).

3. Выпуклые круглые отпечатки с уплощенным торцо́м и сваленными краями (рис. 9, *В* и *в*).

Одна разновидность — индивидуальная (рис. 9, *а*), две другие — неопределимые. Причины, ведущие к образованию следов со сферической выпуклостью на днищах сосудов, заключаются в особенностях колебательных движений, возникающих при вращении ножного круга со спицами. Как показали опыты, на очертания следов влияют не скорость или продолжительность движения круга, а высота вращающейся части конструкции и соотношения в диаметрах трущихся участков оси. При работе на круге с длиной вращающейся части 70 *см* и диаметрами трудящихся участков оси 2 *см* (верхний конец) и 4 *см* (нижняя часть, где происходит трение нижнего диска об ось) были получены первые следы с описан-

ными очертаниями. Когда диаметр нижней части оси был увеличен до 8 *см*, а все остальные размеры оставлены прежними, получились оттиски с более четкой и высокой выпуклостью. Когда же диаметр нижней части оси был приравнен к диаметру верхней (2 *см*), но сохранены плечики, на которые опирался рабочий диск конструкции, были получены оттиски

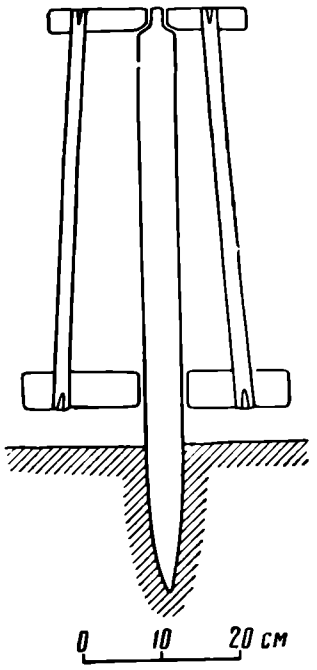


Рис. 8. Разрез ножного круга со спицами

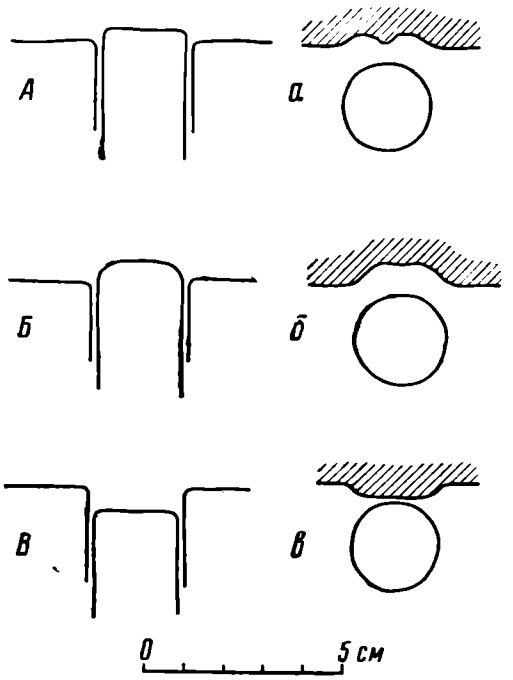


Рис. 9. Схематическое изображение следообразующих элементов и следов ножного круга со спицами

с наименее четкой выпуклостью. Характер очертаний изменялся при сокращении длины вращающейся части и устранении опорных плечиков у верхнего конца оси. В этих случаях оттиск становился похожим на сферу большого радиуса, характерную для ручного круга с уплощенным диском (конструкция № III).

Таким образом выяснилось, что оттиски с основаниями, в центре которых имеется сферическая выпуклость, могут быть идентифицированы с ножным кругом со спицами, который имел ось с опорными плечиками, расположенными под верхним (рабочим) диском.

V. Ручной круг со сборным диском и сквозным отверстием для оси (рис. 10). В сквозное круглое отверстие диска вбита деревянная ось с концом в форме шестигранника со сторонами около 1 *см*. Многогранная форма оси, по-видимому, предохраняла ее от проворачивания. Незапрессованная часть оси цилиндрическая, диаметром 2 *см* и длиной 18,5 *см*. Торец оси дополнительно расклинен.

В отличие от всех предыдущих, описываемый круг способен оставить только статические отпечатки. Рассматривались следы, образующиеся при контакте донной поверхности сосуда с расклиненным и нерасклиненным торцо́м оси. Последний случай этнографически не зафиксирован, но существование гончарных кругов с нерасклиненным торцо́м практически вполне допустимо.

Следы, полученные на модели с нерасклиненным торцо́м, были названы монолитными, а образованные при контакте с расклиненным торцо́м — составными. Форма и размеры торца сохранены такими, какими они были зафиксированы на этнографическом образце орудия.

Всего учтено шесть разновидностей следов монолитной группы:

1. Углубленные отпечатки шестигранной формы размерами 1,5 *см* (рис. 11, *А* и *а*).

2. Контурные отпечатки в виде кольца, внешняя линия которого круглой или округлой формы, а внутренняя имеет вид шестигранника. Внешние размеры кольца — около 2 *см* (рис. 11, *Б* и *б* в верхнем ряду).

3. Контурные выпуклые отпечатки в виде кольца, внешняя и внутреняя линия которого составлена из ломаных прямых (рис. 11, *Б* и $б_1$). Получены при имитации нарушения первоначальной формы отверстия во время вбивания в него шестигранного торца оси.

4. Контурные выпуклые отпечатки в виде кольца с округлыми очертаниями внешней и внутренней линии диаметром около 2 *см* (рис. 11, *Б* и *б* в среднем ряду). Образованы при имитации случая «засорения» торца оси частицами налипшей глины.

5. Выпуклые отпечатки некруглой формы с нечеткими признаками многогранности (рис. 11, *В* и *в*). Размеры отпечатков около 2 *см*. Образовались после того, как торец оси был опущен ниже рабочей плоскости диска.

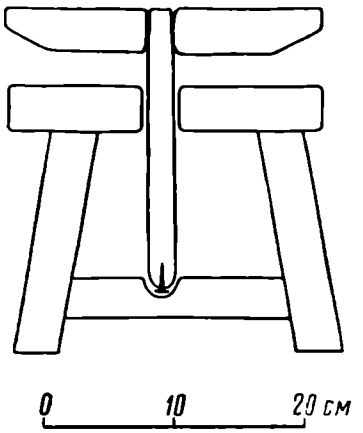


Рис. 10. Разрез ручного круга со сборным диском

6. Выпуклые отпечатки круглой или округлой формы с уплощенным торцóм и размерами около 2 *см* (рис. 11, *В* и $в_1$).

Две из выделенных разновидностей предположительно отнесены к числу индивидуальных (рис. 11, *а* и *в*), остальные — к неопределимым.

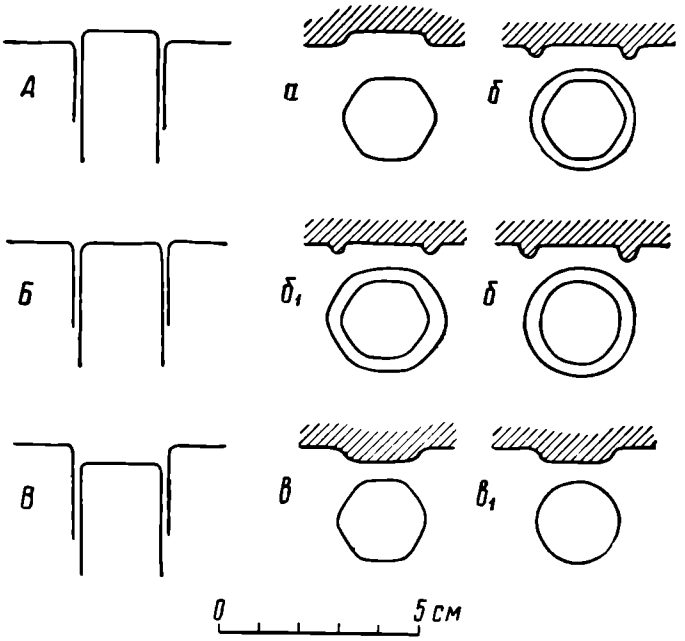


Рис. 11. Схематическое изображение следообразующих элементов и следов ручного круга со сборным диском

Отметим, что такие разновидности отпечатков, как $б_1$ и $б_2$, имеют очень сходные внешние признаки с другими отпечатками — клеймами [5].

[5] По крайней мере, такие следы на древнерусской керамике принято рассматривать именно в качестве клейм. По данным Н. В. Тухтиной, клейма в виде круга встречаются наиболее часто на древнерусской керамике (см. Н. В. Тухтина. Средневековые славянские гончарные клейма. Археологический сборник. Тр. ГИМ, вып. 37, 1960, стр. 149—150).

Многогранность углубленных отпечатков — достаточно надежный признак, свидетельствующий о неподвижном положении оси в отверстии диска, что свойственно именно орудиям рассматриваемой конструкции. На это же указывают и выпуклые отпечатки с признаками многогранности (разновидность *в*).

Однако по одной многогранности отпечатки нельзя идентифицировать с ручными кругами. Дело в том, что среди осмотренных образцов орудий со следообразовательными свойствами известны и ножные круги, способные оставить такие отпечатки. Так, например, в фондах Этнографического музея народов СССР хранятся два рабочих диска от ножных кругов со сквозными отверстиями для оси, круглые очертания которых составлены из множества граней. Они образовались в результате вырубания, а не высверливания отверстий [6]. На пластическом материале эти грани также могут отобразиться. Но в отличие от следов с многогранными очертаниями, какие были получены при работе на модели ручного круга, диски ножных кругов способны оставить оттиски значительно большего размера: диаметр отверстия у одного осмотренного рабочего диска — 4 *см*, у другого — 3,4 *см*, а следы, полученные от ручного круга, были не более 2 *см*. Если принять во внимание эти различия и считать их не случайными, то, по-видимому, в качестве идентифицирующих признаков ручного круга с подвижной осью можно будет рассматривать многогранные отпечатки размерами не более 2 *см*.

При рассмотрении случая контакта донной поверхности сосудов с торцом расклиненной оси выяснилось, что при этом возможно образование значительно большего числа разновидностей. Например, только в условиях двух положений клина по отношению к плоскости торца оси (выше и ниже ее) могут получиться 16 разновидностей оттисков, а при изменении формы и числа клиньев — несколько десятков разновидностей. Воспроизвести их все экспериментально оказалось затруднительным. В рамках поставленной задачи этого и не требовалось, так как важно было определить принципиальные различия следов, возникающих при работе на ручном круге с подвижной осью, от всех других следов, какие способны оставить выделенные конструкции.

Эта задача в основном была решена на модели с нерасклиненным торцом оси.

VI. Ножной гончарный круг с подпятником. По особенностям устройства верхней части оси выделено два вида орудий: 1) с квадратной конусовидной и 2) с квадратной прямой головкой оси (рис. 12 и 14). В отличие от всех предыдущих конструкций, бытование которых отмечено автором в пределах РСФСР, первый вид ножного круга известен с территории Средней Азии (Ташкент, Самарканд, Бухара, Гиждуван), а второй вид — в пределах европейской части СССР.

Помимо различий в устройстве верхней части оси, они имеют и некоторые другие отличительные признаки; например, все среднеазиатские образцы орудий массивнее и выше. Однако несравнимо больше деталей, общих для того и другого вида. Оси у них по существу имеют одинаковое устройство: они, как правило, квадратные или прямоугольные в сечении, реже круглые, обычно утолщаются книзу. Нижнее окончание оси — в виде квадратного конусовидного острия, на плечиках которого лежит диск круга. Оба вида орудий почти целиком деревянные, только наконечник оси металлический. Рабочие диски делаются со сквозным отвер-

[6] Изготовлены из березы, диаметры 22—24 *см*, толщина одного — 4 *см*, другого — 5 *см*. Происхождение предметов неизвестно. Шифры хранения: ГМЭ, инв. № 964, «д» ГМЭ, инв. № 965.

стием. Оно квадратное или прямоугольное. У орудий первого вида отверстие конусовидное (сужается кверху, т. е. к рабочей плоскости), у второго вида — прямое. Зафиксированные размеры отверстий гончарных кругов первого вида — 2,5—3,5 *см*, реже — 4 *см*, второго вида — 2—5 *см*.

Рабочие диски среднеазиатских кругов насаживаются на конусовидное окончание оси и обычно, для более плотной посадки, дополнительно подбиваются камнем. Из-за несовпадения углов наклона поверхности оси и стенок отверстия бывает трудно сохранить постоянно правильное положение диска по отношению к осевой линии. Особенно часто это наблюдается у изношенных орудий. Перед работой круг приходится предварительно устанавливать. Диски восточноевропейских кругов такой конструкции, наоборот, укреплены на оси при помощи расклинивания. Поэтому при изучении следообразовательных способностей орудий первого вида рассматривалась лишь монолитная группа следов, а у второго вида — монолитная и составная.

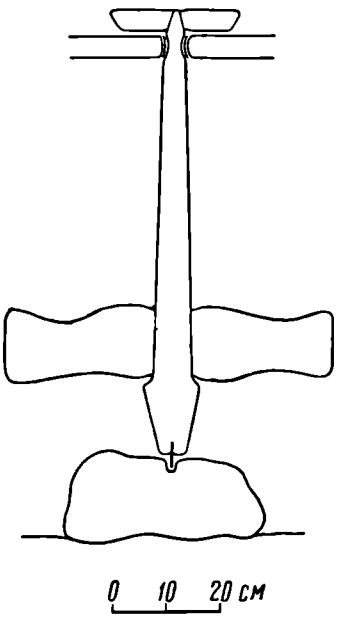


Рис. 12. Разрез ножного круга с подпятником среднеазиатского вида

Выяснилось, что гончарные круги первого вида способны оставить четыре разновидности отпечатков.

1. Углубленные отпечатки квадратной или прямоугольной формы с плоским основанием и размерами от 2,5 до 4 *см* (рис. 13, *А* и *а*).

2. Углубленные или углубленно-выпуклые отпечатки квадратной или же прямоугольной формы, с наклонным плоским основанием (рис. 13, $Б_1$ и $б_1$). Размеры те же. Получены при имитации перекоса рабочего диска по отношению к торцу оси.

3. Контурные выпуклые отпечатки квадратной или прямоугольной формы (рис. 13, *Б* и *б*). Они оставались при имитации изношенности очертаний торца (свалены края), а сам он находился на одном уровне с рабочей плоскостью круга.

4. Выпуклые квадратные или прямоугольные отпечатки с плоским торцо́м и сваленными краями (рис. 13, *В* и *в*).

Одна из выделенных разновидностей — индивидуальная (рис. 13, $б_1$), две — групповые (рис. 13, *а* и *в*) и одна отнесена к числу неопределимых (рис. 13, *б*).

Индивидуальная разновидность отражает одну характерную черту следообразовательного механизма гончарных кругов первого вида — способность оставлять отпечатки с наклонными, в частности, с углубленно-выпуклыми основаниями. Непосредственные причины, ведущие к образованию таких отпечатков, заключаются в особенностях посадки рабочего диска на конусовидной оси. Образование таких же отпечатков при работе на ножном круге второго вида, как показали опыты, практически невозможно. Это обстоятельство позволяет рассматривать индивидуальную разновидность таких отпечатков в качестве идентифицирующего признака ножного круга первого вида.

При изучении следообразовательных способностей орудий второго вида (рис. 14) было получено три разновидности монолитных следов.

1. Углубленные отпечатки квадратной или прямоугольной формы с плоским основанием (рис. 15, *А* и *а*). Размеры их могут быть от 2 до 5 *см*.

2. Контурные выпуклые отпечатки (рис. 15, *Б* и *б*).

3. Выпуклые отпечатки квадратной или прямоугольной формы с уплощенным торцом и сваленными краями (рис. 15, *В* и *в*). Все три разновидности монолитных следов трудно отделить от соответствующей разновидности, полученной от первого вида орудий.

Итак, ни одной индивидуальной разновидности рассмотренный случай следообразования не дал. Две разновидности — групповые (рис. 15,

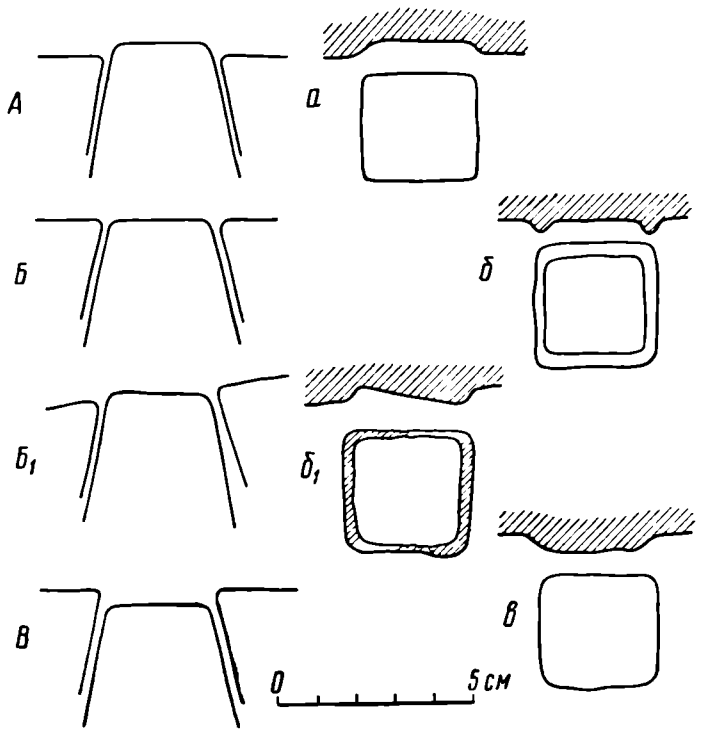


Рис. 13. Схематическое изображение следообразующих элементов и следов ножного круга с подпятником среднеазиатского вида

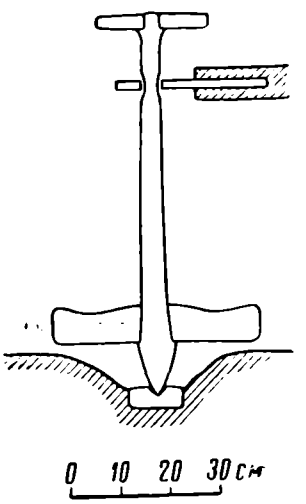


Рис. 14. Разрез ножного круга с подпятником восточноевропейскоговида

а и *в*) и одна — неопределимая (рис. 15, б). Групповые разновидности возможно рассматривать в качестве идентифицирующего признака ножного круга с подпятником, но без каких-либо уточнений относительно его конструктивных особенностей.

Выше уже отмечалось, что рабочие диски ножных кругов второго вида обычно расклинивались по торцу оси. Учтено два способа расклинивания: 1) по боковым сторонам торца оси, когда клинья забиваются в зазор, существующий между стенками оси и отверстия диска; 2) непосредственно в тело самого торца оси. Возможно применение и комбинированного способа расклинивания. При первом и втором способах расклинивания может быть несколько вариантов его выполнения.

При каждом из этих вариантов возможно образование нескольких разновидностей очертаний следообразующих элементов, любая из них, в свою очередь, способна дать несколько разновидностей отпечатков. Учесть их все практически затруднительно. В рамках поставленной задачи важно подчеркнуть одно — расклиненные торцы, в отличие от нерасклиненных, способны оставить отпечатки со ступенчатым основанием. Они могут рассматриваться в качестве идентифицирующего признака ножных гончарных кругов второго вида.

Суммируя итоги изучения следообразовательных свойств гончарных

кругов, можно заметить закономерный характер связей индивидуальных разновидностей следов с орудиями определенного устройства. Распространять этот вывод на все индивидуальные разновидности было бы преждевременно. Наиболее четко закономерность связей индивидуальных следов выявилась по отношению к четырем конструкциям: ручному

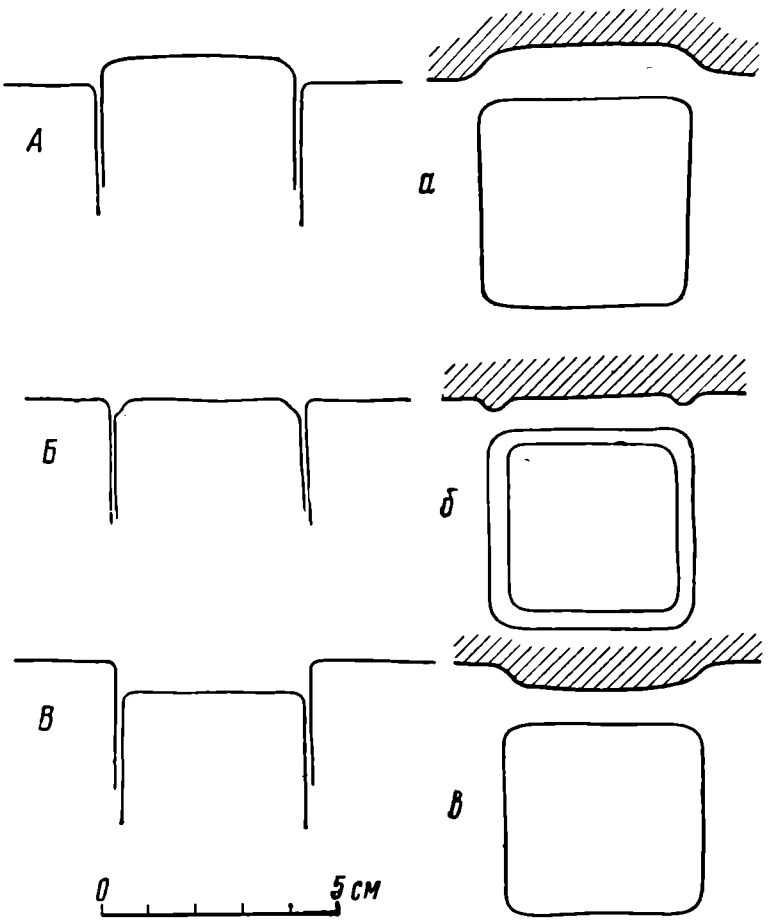


Рис. 15. Схематическое изображение следообразующих элементов и следов ножного круга с подпятником восточноевропейского вида

кругу с грибовидным диском, ручному кругу с плоским диском, ножному кругу со спицами и ножному кругу с подпятником.

Возможность идентификации современных гончарных кругов по этим следам позволяет думать, что и круги древнерусского времени, обладавшие следообразовательными свойствами, также могут быть идентифицированы по следам, встречающимся на днищах древнерусских сосудов.

Выше уже отмечалось, что на днищах древнерусской керамики известны как динамические, так и статические отпечатки. По особенностям очертаний и размерам они также делятся на разновидности. К настоящему времени таких разновидностей зафиксировано уже более двадцати. В числе их есть следы, которые ни разу не были выявлены на современных кругах. Но есть и такие, которые чрезвычайно сходны или даже тождественны следам, полученным экспериментально при изучении следообразовательных свойств современных конструкций. По форме, размерам и очертаниям донных оснований одни из них (по аналогии с экспериментальными) могут быть отнесены к числу неопределимых или групповых, а другие — к индивидуальным. Эти последние, как, впрочем, и остальные,

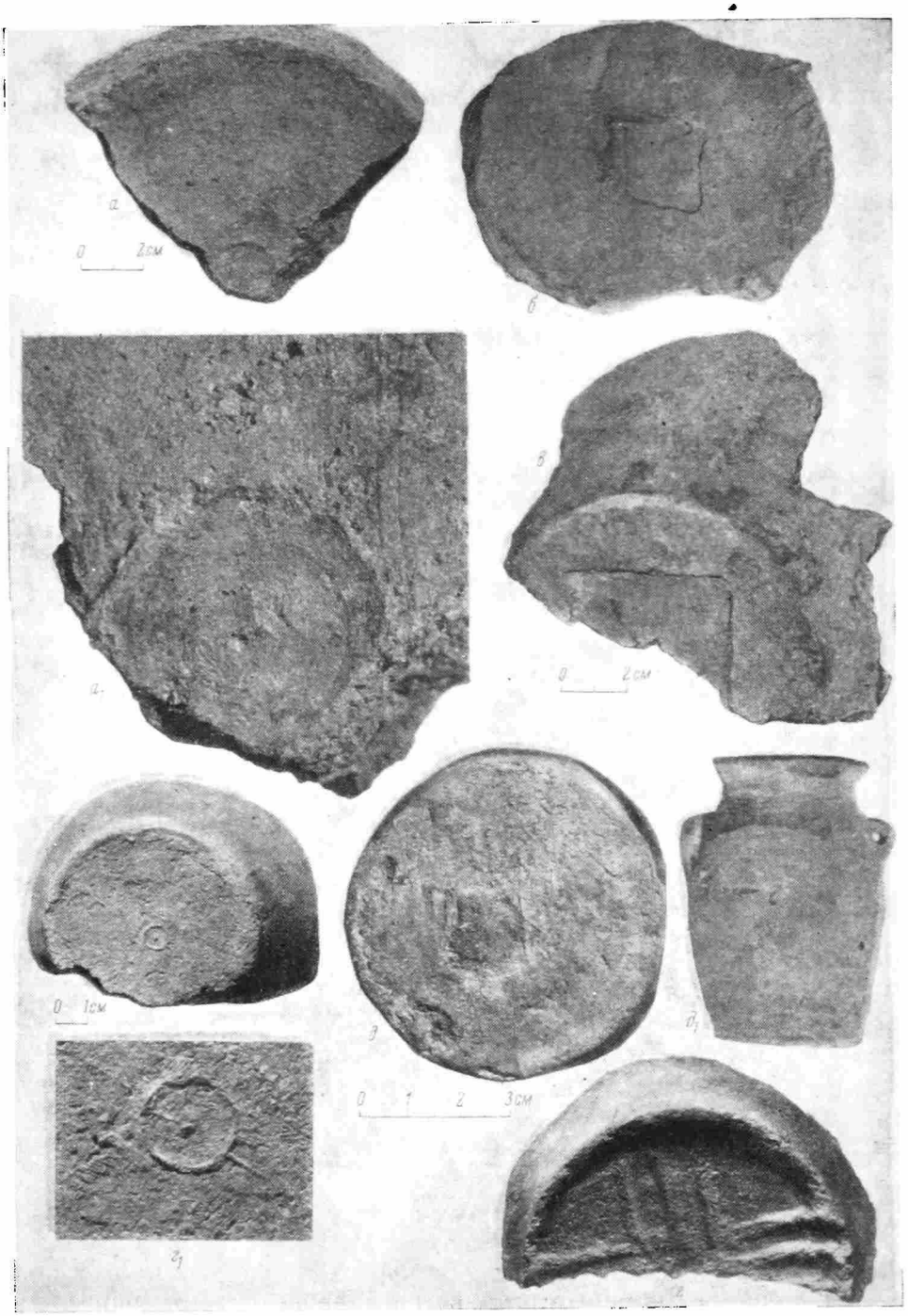


Рис. 16. Образцы древнерусской керамики с групповыми и индивидуальными разновидностями следов от ручных и ножных кругов

а — индивидуальная разновидность следа от ножного круга со спицами (Старая Ладога, XI—XII вв.); $а_1$ — тот же след, увеличенный в несколько раз; *б* — индивидуальная разновидность следа от ножного круга с подпятником первого вида (Саркел, X—XI вв.); *в* — групповая разновидность следа от ножного круга с подпятником (Саркел, X—XI вв.); *г* — индивидуальная разновидность следа ножного круга со спицами (Каневское поселение IX—X вв.); $г_1$ — тот же след, увеличенный в несколько раз; *д* — групповая разновидность следа от ножного круга с подпятником (Киев, XII в.); $д_1$ — общий вид сосуда, имеющего этот след; *е* — индивидуальная разновидность следа от ручного круга с грибовидным диском (Новгород, X в.)

встречены при раскопках многих археологических памятников на территории Украины, Белоруссии и РСФСР.

На днищах древнерусской керамики пока не удалось выявить аналогий индивидуальной разновидности следов, полученных при работе на ручном круге со спицами. Но зато довольно обычными оказались следы, определенные экспериментально как индивидуальные разновидности

ручного круга с грибовидным диском, ручного круга с плоским диском (поворотного столика), ножного круга со спицами и ножного круга с подпятником первого и второго вида (рис. 16).

Аналогии индивидуальным разновидностям ручного круга с грибовидным диском неоднократно встречены на керамике из раскопок Старой Ладоги, Новгорода, Пскова, гнездовских и подмосковных курганов. Редки они в древнерусских памятниках на территории современной Украины. Наиболее ранние образцы индивидуальных разновидностей следов ручного круга с грибовидным диском относятся к X в. [7].

Индивидуальная разновидность ручного круга с плоским диском (поворотного столика) зафиксирована пока в трех пунктах: Старой Ладоге, Новгороде и Пскове. Даты их — XI—XII вв.[8]. Следы индивидуальной разновидности ножного круга со спицами выявлены на керамике как южных, так и северных древнерусских памятников, например, в Старой Ладоге, Новгороде, Пскове, Вщиже, Киеве, Саркеле, Плиснеске. В отличие от экспериментальных следов, они имеют лишь колебания в размерах, но очертания донного основания у них однотипно (со сферической выпуклостью в центре). Наиболее ранние образцы древнерусской керамики с такими следами датируются IX—X вв.

Индивидуальная разновидность ножного круга с подпятником первого вида зафиксирована только на днищах керамики, найденной при раскопках Саркела — Белой Вежи. Дата их — X в.

Но групповые разновидности этой конструкции, а также индивидуальная разновидность следов ножных кругов второго вида были выявлены неоднократно. Так, групповые разновидности встречены в Новгороде, Киеве, Саркеле, Львове, а индивидуальные следы ножного круга с подпятником второго вида — в Пскове, Колодяжине, Плиснеске, Шестовицких курганах и в некоторых других древнерусских памятниках на территории Украины. В южнорусских памятниках такие следы известны на днищах керамики городских и сельских центров, на севере же они обнаружены пока только в городских центрах. Наиболее ранние образцы керамики со следами групповых разновидностей этого круга относятся к X в., а находки индивидуальной разновидности ножных кругов второго вида — к X—XI вв.

Помимо этих следов, на днищах древнерусской керамики известны и следы, чрезвычайно сходные по своим формам и размерам с теми, какие были определены в качестве индивидуальной разновидности ручного круга со сборным диском (конструкция IV). Они зафиксированы, например, на керамике приладожских курганов, в Новгороде и некоторых других памятниках на территории центральных областей РСФСР. Однако до уточнения степени индивидуализации этих следов мы воздерживаемся идентифицировать их только с ручными кругами со сборным диском.

На основании известных сегодня аналогий индивидуальным следам на днищах древнерусской керамики можно считать, что на территории древнерусского государства уже в X—XI вв. были хорошо известны, по меньшей мере, четыре конструкции гончарных кругов: 1) ручной круг с грибовидным диском; 2) ручной круг с плоским диском; 3) ножной круг со спицами; 4) ножной круг с подпятником.

Справедливость этого вывода подтверждается и находками самих деталей от ручных и ножных гончарных кругов. О находках гончарных дисков грибовидной формы, обнаруженных при раскопках Новгорода,

[7] См., например, сосуды из гнездовских курганов: раскопки 1950 г., кург. № 54, инв. № 2641; кург. № 55, инв. № 2499 и др. Хранятся в Смоленском областном краеведческом музее.

[8] См., например, днище в сосуде из Старой Ладоги, раскопки 1945 г., шифр: 18/3185; днище сосуда из Пскова, раскопки 1955 г., шифр: Пс 171. Коллекция хранятся в Гос. Эрмитаже.

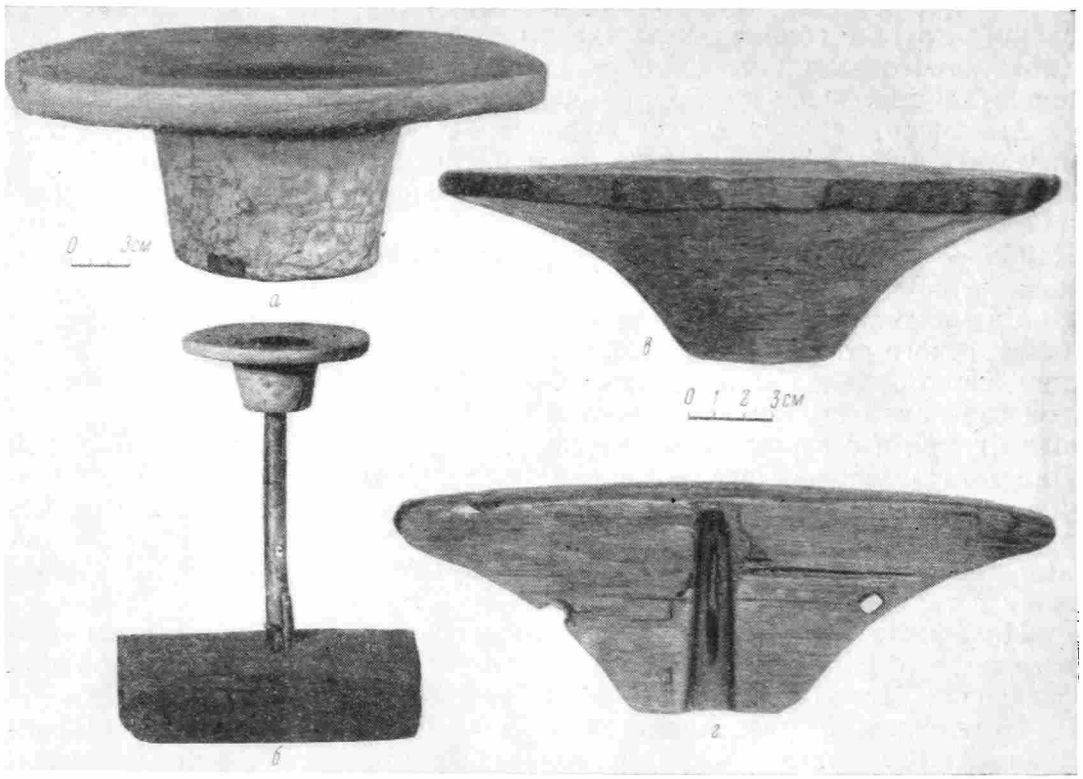


Рис. 17. Современный и древнерусский образец ручного круга с грибовидным диском

а, б — современный образец (дер. Гришина Гора, Пустошкинского р-на, Псковской обл.); *в, г* — обломок грибовидного диска ручного круга, найденный при раскопках в Новгороде

автор уже писал [9]. На рис. 17 дано изображение еще одного диска. Диск найден в 1954 г. при раскопках А. В. Арциховского на Неревском конце города в слое XI—XII вв. Он вырублен из дубового бруса. Судя по изношенности его верхней плоскости, работали на нем продолжительное время. Диск ремонтировали — рассохшееся утолщение было скреплено шпильками. Несмотря на столь твердую породу дерева, он почти насквозь протерт осью. Клейма на рабочей плоскости нет.

При раскопках Новгорода и Пскова были найдены и диски от ручных поворотных столиков. Обломок диска одного из новгородских столиков представлен на рис. 18, *в, г*. Диск имеет характерные следы износа на нижней плоскости, образовавшиеся от трения ее о плечики оси (рис. 18, *в*), а на верхней — выработку от зерен подсыпки и конца деревянного ножа, каким срезали лишний слой глины с формуемого сосуда. Стратиграфическая дата его — XI в.

При идентификации деталей с той или иной конструкцией круга наибольшие затруднения возникли по отношению к одной из них — ручному кругу со сборным диском и сквозным отверстием для оси (конструкция IV).

Диски этих орудий не имели устойчивой формы в пределах европейской части РСФСР. Здесь у ручных кругов с подвижной осью применялись как плоские, так и грибовидные диски, причем последние имеют много общего с грибовидными формами дисков ручных кругов. Как показывают результаты этнографических наблюдений, произведенных на территории северо-западных областей РСФСР, грибовидная форма диска у кругов с подвижной осью (конструкция IV) указывает на преемствен-

[9] А. Бобринский. Гончары-пидбляне. СА, 1959, № 1; его же. К изучению гончарного круга на территории СССР. СА, 1961, № 2; его же. Древнерусский гончарный круг легкого типа на территории северо-западных областей РСФСР. Вестник Московского университета, вып. 4, 1961.

ную связь этих орудий с более архаичными для данной территории ручными кругами с неподвижной осью, имевшими диски грибовидной формы [10]. Отделить диски того и другого круга, имеющие одинаковую форму, можно по особенностям отверстий: у изношенных ручных кругов с неподвижной осью оно конусовидное и округлое по диаметру, а у ручных кругов с подвижной осью — многогранное и прямое.

Любопытный случай сочетания этих двух признаков был выявлен

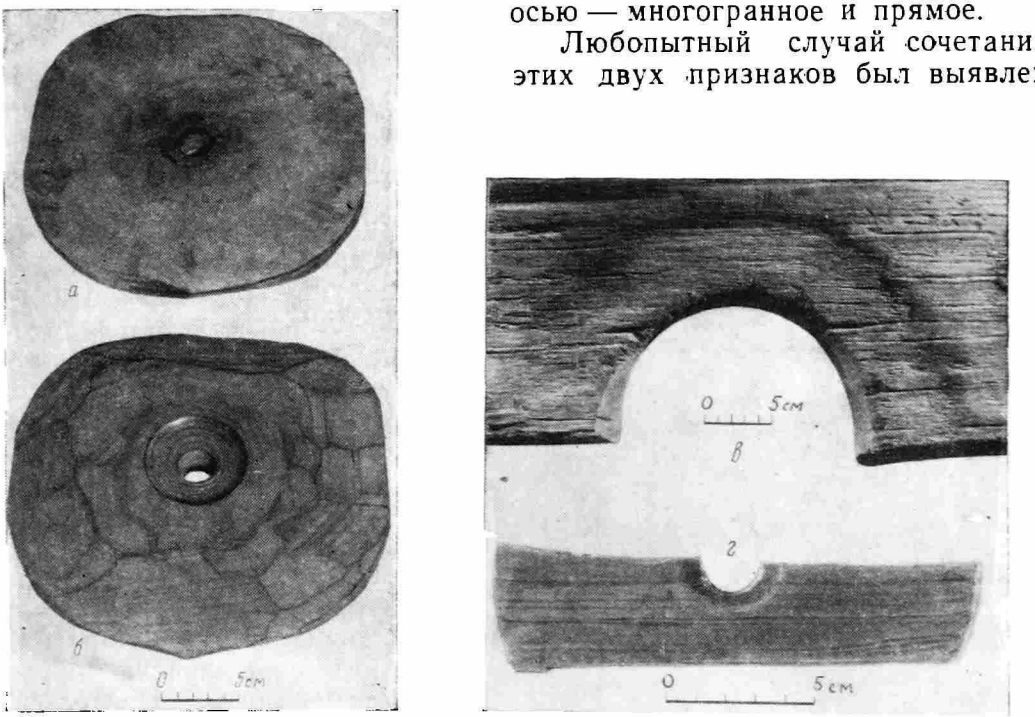


Рис. 18. Современный и древнерусский образец диска поворотного столика
а, б — современный образец (Уймонские селения Бийского у. б. Томской губ.);
в, г — обломок диска поворотного столика, найденный в Новгороде (общий вид диска с нижней стороны и участок, испытывавший трение о плечики оси; увеличено)

при осмотре одного грибовидного диска, найденного в Новгороде на Неревском конце города в слое XI—XII вв. При визуальном и микроскопическом осмотре его отверстия выяснилось, что первоначально он выполнял функции гончарного диска ручного круга, имевшего неподвижную ось (конструкция I), а позднее был переделан в диск ручного круга с подвижной осью (конструкция IV). Об этих изменениях свидетельствуют особенности очертаний отверстия и следы трения, оставшиеся на его стенках.

Но особенно важно, что, помимо деталей от ручных гончарных кругов, при раскопках древнерусских городов, в частности Новгорода и Пскова, были найдены и детали от ножных гончарных кругов.

В Новгороде, например, в слое X—XI вв. были обнаружены рабочие диски и обломок нижней части оси от ножного круга с подпятником (рис. 19).

Кроме общего внешнего сходства с соответствующими деталями этнографических образцов орудий этой конструкции, рабочие диски имеют некоторые характерные признаки, отмеченные только для ножных гончарных кругов второго вида: квадратное отверстие, вырубленное в диске, несколько расширено кверху для более плотной посадки диска на оси с помощью клиньев, забивавшихся по четырем сторонам (рис. 19, *б*). Такой способ расклинивания этнографически зафиксирован, например, на образце ножного круга, хранящегося в краеведческом музее г. Дмитрова.

[10] А. А. Бобринский. Древнерусский гончарный круг легкого типа..., стр. 58—59.

Обломок нижней части оси (рис. 19, *1*) также имеет большое сходство с подобными деталями, сохранившимися в конструкциях ножных гончарных кругов с подпятником до нашего времени. Любопытно, что эта архаичная форма оси сохранилась и при изготовлении ее из металла уже в позднейшие времена (рис. 19, *3*). При осмотре обломка выяснилось, что в нижней части квадратного стержня и плечиках конусовидной головки, а также на утоньшенном конце ее имеются следы трения (рис. 19, *2*). Такое же расположение трущихся участков наблюдалось и у современных осей ножных гончарных кругов. Возникновение их связано с колебательными движениями (люфтом) нижнего диска круга, опирающегося на плечики квадратной конусовидной головки.

По нашей просьбе, следы трения, оказавшиеся на поверхности стержня, были дополнительно изучены научными сотрудниками Центральной научно-исследовательской криминалистической лаборатории, к которым мы обратились со следующими вопросами. 1. Являются ли замеченные следы следами именно трения? 2. Если да, то можно ли думать, что они возникли в результате длительного влияния следообразующих факторов? 3. Какое положение (вертикальное или горизонтальное) занимал предмет во время следообразования? 4. Можно ли думать, что при этом он совершал вращательное движение?

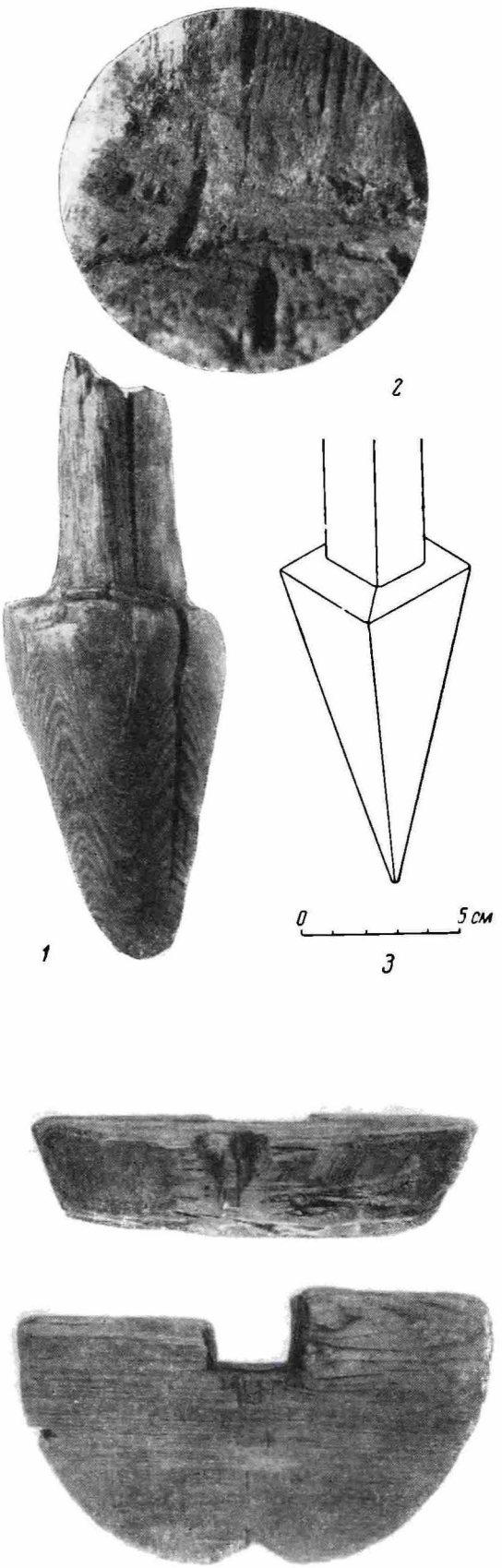


Рис. 19. Детали ножного гончарного круга, найденные в Новгороде

1 — обломок нижней части оси ножного круга; *2* — следы трения у плечиков конусовидной головки (увеличено в несколько раз); *3* — нижняя часть металлической оси современного ножного круга с подпятником (Гжель Московской обл.— кол. ГИМ); *а, б* — обломок рабочего диска.

После изучения предмета научные сотрудники трассологической группы лаборатории высказали следующее мнение [11].

«1. На исследуемом предмете имеются следы трения. Наиболее четко они выражены в местах постоянного соприкосновения четырехгранного стержня с другим предметом — у основания стержня, переходящего в пирамидальную головку. Предмет, находившийся в постоянном контакте с данным исследуемым объектом, имел четырехгранное отверстие.

2. Указанные следы являются результатом длительного воздействия следообразующих факторов. Об этом свидетельствует структура древесины у основания стержня: волокна здесь сглажены и отшлифованы, причем на некоторых участках древесина сглажена до блеска.

Рис. 20. Детали от ножных гончарных кругов, найденные в Пскове

а — ось от ножного круга со спицами; *б* — схематическое изображение следов трения на оси; *в, г* — заготовка рабочего диска ножного круга с подпятником

3. Изучение следов трения у основания стержня позволяет думать, что они образованы при вертикальном положении стержня, пирамидальной головкой вниз. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют следующие признаки: а) увеличенная ширина стержня в местах перехода его в пирамидальную головку; б) скошенное основание пирамидальной головки (от центра к периферии).

4. На вершине пирамидальной головки также имеются следы трения, свидетельствующие о том, что этой вершиной исследуемый предмет

[11] Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую признательность Ю. Г. Корухову, А. Н. Василевскому и другим научным сотрудникам трассологической группы лаборатории.

соприкасался длительное время с каким-то другим предметом. Вероятнее всего, образовавшиеся здесь следы трения возникли в результате вращательного движения пирамидальной головки. На это указывают: а) закругленность вершины и б) сглаженность волокон древесины.»

Таким образом, внешнее сходство этой детали с соответствующими деталями этнографических образцов ножных гончарных кругов, вертикальное положение, какое занимала она во время следообразования, а также и другие признаки, выявленные при изучении следов износа, убеждают в справедливости ее идентификации с осью ножного гончарного круга.

Детали от ножных гончарных кругов в последние годы были обнаружены и при раскопках Пскова. Так, в 1959 г. при раскопках Г. П. Гроздилова на территории Старого Застенья в слое XII в. был найден деревянный стержень длиной 108 *см* и диаметром около 6 *см*[12], форма и размеры которого чрезвычайно сходны со стержнями, выполнявшими функции осей ножных гончарных кругов со спицами у этнографически известных орудий такой конструкции (рис. 20, *а*; рис. 1, *4*).

При осмотре стержня на его поверхности выявлено два участка, испытавшие длительное трение с вращавшимися на нем деталями: один участок — верхний цилиндрик, другой — участок стержня, расположенный ниже первого примерно на 60 *см* (рис. 20, *б*).

Здесь оказались стертыми поверхностные слои древесины по всему диаметру, причем поверхность утоньшенного цилиндрика сильно отшлифовалась.

На территории Восточной и Западной Европы, помимо ножных гончарных кругов со спицами, хорошо известны и ручные круги с двумя дисками или диском и крестовиной, соединенные между собой спицами. На поверхностях их осей также остаются кольцевые выработки. Но, как правило, высота вращающейся части конструкции ручных кругов не превышает 30—35 *см*. Только ножной круг мог иметь столь удлиненную часть вращающейся конструкции (около 60 *см*), следы трения которой обнаружены на поверхности найденного в Пскове стержня.

Интересно также и то, что он был найден вертикально воткнутым в землю своим заостренным концом. Оси этнографически сохранившихся ножных кругов со спицами также обычно вбиваются прямо в землю (см. рис. 1, *4*).

Кроме того, в Пскове при раскопках на территории Старого Застенья, проводившихся в 1960 г., была обнаружена в слое XI—XII вв. и уникальная в своем роде находка — заготовка рабочего диска ножного круга с подпятником, указывающая на изготовление подобных орудий в древнерусских городах (рис. 20, *в*, *г*).

Заготовка представляет собой диск, вырубленный из дубового кряжа, торец которого срезан под углом к его плоскостям, как и на этнографических образцах таких деталей. Диаметр верхней плоскости — 18,5 *см*, нижней — 15 *см*, толщина — около 8 *см*. В центре нижней плоскости мастер начал было вырубать квадратное отверстие, но так как этот участок чрезвычайно трудно поддавался обработке из-за проходящего здесь по всей толщине свила, работа была остановлена. В хозяйстве диску нашлось другое применение — на нем что-то рубили, от чего на нижней плоскости остались многочисленные следы.

Итоги изучения конструктивных особенностей ножных и ручных гончарных кругов, изложенные выше, позволяют существенно исправить представления о круге древнерусского времени, вошедшие в широкий научный обиход, и приступить к изучению истории этих орудий на основе комплексного анализа этнографических и археологических данных.

---

[12] Пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность Г. П. Гроздилову, любезно сообщившему мне дату находок и разрешившему их опубликовать

Л. А. ГОЛУБЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕСИ НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

До недавнего времени белозерская весь оставалась археологической загадкой. Историки, опираясь как на прямые указания летописи [1], так и на данные топонимики [2], не сомневаются в том, что весь составляла древнейший этнический массив Белозерья перед приходом сюда славян. А. П. Смирнов убедительно показал, что именно с районом Белоозера следует связывать рассказы арабских авторов о «стране вису» и что отождествление «вису» и веси вполне правомерно [3].

Однако памятники, с которыми лингвисты [4] и этнографы [5] все более уверенно связывают летописную весь и от которых они ведут прямую нить этногенеза к современным вепсам, известны не в Белозерье, а в Юго-Восточном Приладожье. Я имею в виду курганы X — начала XIII в. по рр. Сяси, Паше, Ояти, Свири, раскопанные Д. Е. Европеусом, Н. П. Барсовым, Л. Н. Целеппи, Н. И. Бранденбургом, А. Колмогоровым, В. И. Равдоникасом и А. М. Линевским.

То обстоятельство, что по восточную сторону Вепсской возвышенности такие курганы не были известны, заставляло историков колебаться в этнической интерпретации памятников Юго-Восточного Приладожья. Их относили то к предкам вепсов [6], то карел, то к населению, являвшемуся якобы общим предком вепсов и карел [7]. Мне кажутся наиболее убедительными выводы Я. В. Станкевич, высказанные ею в диссертации «Хронологическая классификация погребений юго-восточного Приладожья IX—XIII вв.», к сожалению оставшейся неопубликованной [8].

---

[1] «На Белеозере седять Весь» (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910, стр. 10). «...а перьвии насельници в Новегороде Словене, в Полотьсте Кривичи, в Ростове Меря, в Белеозере весь» (там же, стр. 19).

[2] А. И. Попов. Топонимика Белозерского края. Уч. зап. ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1949; Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873, стр. 49—50.

[3] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 225—231.

[4] Д. В. Бубрих. О двух этнических элементах в составе карельского народа. Уч. зап. ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948; его же. Не достаточно ли емских теорий? Изв. Карело-Финского филиала АН СССР, 1951, № 1; Н. И. Богданов. Народность вепсы и их язык. Тр. Карельского филиала АН СССР, вып. XII, Петрозаводск, 1958.

[5] В. В. Пименов. К вопросу о карельско-вепсских культурных связях. СЭ, 1960, № 5, стр. 31.

[6] Н. П. Барсов. Ук. соч.; А. Колмогоров. Тихвинские курганы. М., 1914; В. И. Равдоникас. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924. Впоследствии В. И. Равдоникас изменил свою точку зрения и стал считать приладожские курганы памятниками карел (см. W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, стр. 122.

[7] A. M. Tallgren. Les provinces culturelles finnoises de l'âge recent de fer dans la Russie du Nord. ESA, т. III, стр. 19.

[8] Рукопись. См. опись дел и чертежей Я. В. Станкевич в ЛОИА АН СССР, д. № 5; ее же. Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 74—77.

Выступив в защиту первоначального мнения В. И. Равдоникаса, относившего эти памятники к предкам вепсов, Я. В. Станкевич показала самобытные черты культуры, оставленной населением Юго-Восточного Приладожья, ее отличие от культуры родственных карел и соседних племен води и ижоры. Она указала также, что хотя для X—XI вв. памятников, подтверждающих наличие веси в Белозерье, нет, но для более позднего времени они есть [9]. Я. В. Станкевич имела при этом в виду курганы по р. Суде, раскопанные А. В. Паниным в 1894 г. и изданные А. А. Спицыным в 1896 г.[10]. К этим материалам мы вернемся позже.

Настоящая статья имеет целью привлечь внимание к тем памятникам Белозерья X—XII вв., которые можно связать с весью.

В Юго-Восточном Приладожье, как и в Белозерье, местное население, по-видимому, вплоть до прихода славян не имело укрепленных поселений. Я. В. Станкевич относила к городищам веси два поселения: в устье р. Сяси и Старую Ладогу. Однако при обследовании В. И. Равдоникасом «городища» на Сяси не было установлено явных признаков насыпного вала. Последние раскопки в Старой Ладоге заставляют утверждать, что древнейшее укрепление возникло здесь в связи с появлением славян и не раньше X в. [11].

В междуречье Шексны и Мологи, в бассейнах Суды и Шексны ранее XIV в. не известно ни одного достоверного земляного городища. Это обстоятельство опровергает утверждение А. М. Тальгрена о варяжских крепостях в Приладожье и Белозерске [12].

В Белозерье разведывательным раскопкам подвергались только поселения в верхнем течении р. Шексны. Расположенные на возвышенных речных грядах, они удобны для обороны и, возможно, были в древности обнесены частоколом; валов и рвов на них нет. Поселение, открытое в 1939 г. П. А. Суховым у дер. Городище, Кирилловского района, Вологодской области [13], занимало площадь 120 × 30 *м*. Находящийся в 8 *км* от него «Федосьин городок» имеет бóльшие размеры (около 400 × 200 м), но неясно, какая часть его была занята древним поселением [14]. На первом поселении (своеобразная лепная керамика его, опубликованная П. А. Суховым, вызвала большой интерес) жизнь прекратилась в начале XI в. На «Федосьином городке» нижний слой с такой же лепной посудой был перекрыт слоями XI—XIV вв. с русской круговой керамикой.

Такое же поселение существовало в нижнем течении р. Шексны, на месте дер. Луковец под Череповцом (древняя Луковесь), затопленной водами Рыбинского моря. Оттуда происходит подъемный материал, хранящийся в Череповецком музее. Наибольший результат получен при систематических раскопках в 1949—1952 и 1957—1961 гг. на поселении у истоков Шексны из Белого озера — летописном Белоозере [15]. Древнейший поселок располагался здесь на возвышенной части берега — первой речной террасе, на расстоянии 50—60 *м* от реки. Естественными

---

[9] Я. В. Станкевич. Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археологический сборник. Петрозаводск, 1957, стр. 109.

[10] А. А. Спицын. Курганы Белозерского уезда. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2 н. с. СПб., 1896, стр. 160—162.

[11] Г. Ф. Корзухина. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. СА, 1961, № 3, стр. 84.

[12] А. М. Tallgren. Ук. соч., стр. 15—16.

[13] П. А. Сухов. Славянское городище IX—X вв. в южном Белозерье. МИА, 1941, № 6, стр. 90.

[14] М. В. Фехнер. Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского районов Вологодской обл. Археологический сборник. Тр. ГИМ, вып. XXII. 1953, стр. 132—135.

[15] Л. А. Голубева. Древнее Белоозеро. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 37—39; ее же. Белозерская экспедиция. КСИИМК, вып. 81, 1960, стр. 84—85; ее же. Славянские памятники на Белом озере. Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, стр. 30—32.

границами поселения служили ручьи, впадающие в Шексну,— Васильевский с востока и безымянный, ныне пересохший, с запада.

Вытянутое вдоль речной гряды с запада на восток поселение имело размеры около 500 × 50 *м*. Раскопками, заложенными в разных местах, вскрыто около 1480 *м*^{2}. Поселок возник в X в. и погиб от пожара в начале XI в. Слой XI — начала XII в. отложился лишь над некоторыми участками древнего поселения; в основном город конца XI—XIV в. строился на новом месте, у самой реки и вдоль нее. Раскопками вскрыты нижние венцы домов с печами-каменками. В X в. здесь еще сохранились большие дома типа староладожских, о чем свидетельствуют остатки постройки длиной 10,75 *м*. Усадебные участки обносились косой изгородью. Такая изгородь бытует в Белозерье и до настоящего времени. В прошлом она была распространена по всему северо-западу и, в частности, во всех районах, заселенных вепсами [16].

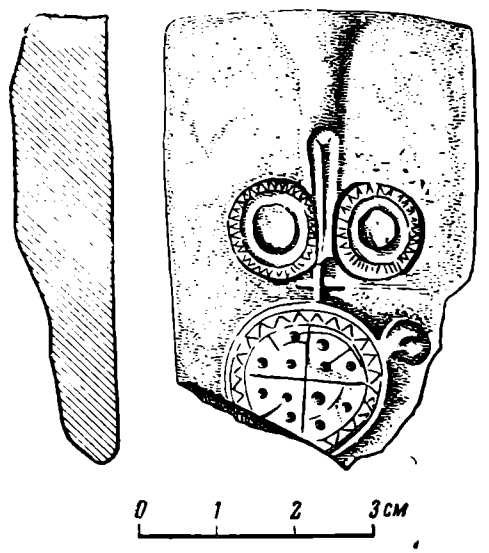


Рис. 1. Каменная форма для отливки медальона и спиральной подвески (Белоозеро, 1959 г.)

Хотя сельскохозяйственные орудия найдены лишь в слоях XI — XIII вв., можно утверждать, что древние насельники Белоозера были земледельцами. Об этом свидетельствуют находки конопляных веревок, льняной костры, деревянных крюков, сходных с теми, которыми, по свидетельству научного сотрудника Вологодского областного краеведческого музея Н. И. Калаева, до недавнего времени в Белозерском крае убирали лен со стлищ [17]. Найдены и деревянные трепальные ножи для кудели, подобные староладожским [18] и новгородским. Из домашних животных первое место в хозяйстве занимал крупный рогатый скот; овца, свинья, лошадь представлены небольшим количеством особей [19]. Найдены кости лося, волка, северного оленя, бобра. На охоте наряду с железными наконечниками стрел типа гнездовских применялись в большом количестве стрелы с костяными двушипными наконечниками. Близость реки и озера способствовала развитию рыболовства.

Так же как и в Юго-Восточном Приладожье, обработка металлов на Белоозере достигла высокого уровня. На всех раскопах найдены в большом количестве шлаки и крицы. Подавляющее большинство орудий труда и оружия, найденных на поселении, изготовлялось на месте. О развитии меднолитейного дела свидетельствуют обломки тигельков с коническим дном, льячки в виде ковшичка и литейная форма (рис. 1). Односторонняя форма вырезана из белого известняка; она предназначалась для одновременной выплавки медальона и спиральной очковидной подвески с крестиком у основания петли.

Из домашних промыслов были развиты прядение и ткачество. Пряслица применялись глиняные, сланцевые и костяные, точеные на примитивном токарном станке (рис. 2, *7*). Отмечено всего несколько экземпляров шиферных пряслиц в горизонте конца X в. Большой интерес представляет находка глиняных дисков, сделанных из хорошо

[16] В. В. Пименов. Ук. соч., стр. 36.
[17] Устное сообщение Н. И. Калаева.
[18] Сб. «Старая Ладога», Л., 1948, табл. VIII, *6*.
[19] Определение костных остатков животных сделано В. И. Цалкиным.

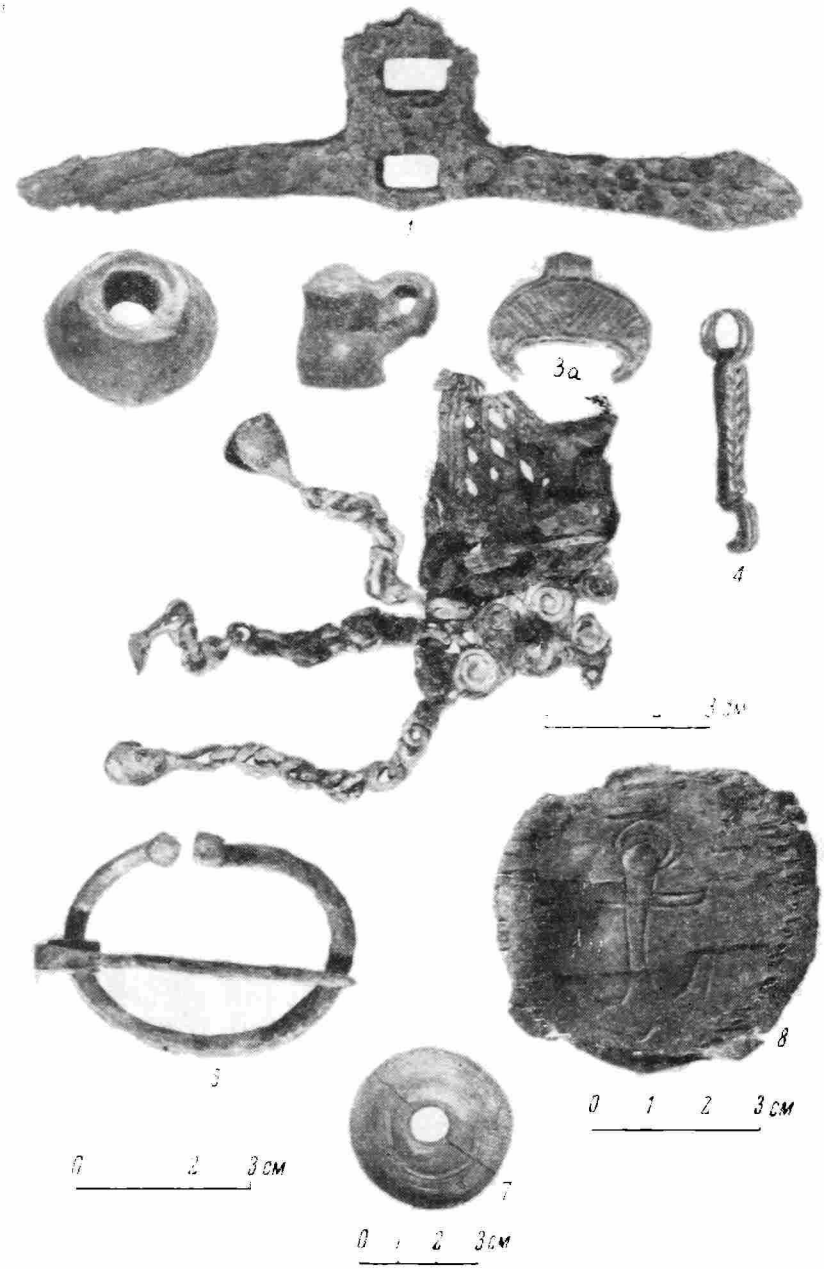


Рис. 2. Вещи из слоя X — начала XI в. на Белоозере

1 — псалий от удил, *2* — глиняное пряслице, *3* — амулет из кости бобра, *3а* — лунница, *4*—костылек для шумящих подвесок, *5* — шумящая подвеска, *6* — подковообразная пряжка, *7* — костяное пряслице, *8* — крышка берестяного туеска с изображением якоря

отмученной глины (рис. 3). Диски, диаметром 0,12 и 0,13 *м* и толщиной до 0,04 *м*, имеют по центру круглое отверстие. Одни из них орнаментированы ямочными вдавлениями, другие — гладкие. Такие же диски и их обломки [20] найдены в нижнем ярусе горизонта «Д» Старой Ладоги, датируемом IX—X вв. Как сообщил мне Ю. И. Штакельберг, ему известен еще один экземпляр подобного диска из Шестовицких курганов. Судя по условиям находок аналогичных дисков в Швеции, Норвегии, Финляндии, Ю. И. Штакельберг убедительно предполагает, что они служили грузилами вертикального ткацкого станка [21].

[20] Сб. «Старая Ладога», табл. IX, *22*.

[21] Устное сообщение Ю. И. Штакельберга, за которое выражаю ему свою признательность.

Так же как в Старой Ладоге, на Белоозере обнаружено много изделий из кости, к которым относятся кочедыки, гарпуны, иглы, ложки, гребни. Ложки плоские, ручки их иногда украшены резьбой. На тыльной стороне одной ложки вырезано изображение плящущего человека. Гребни односторонние, орнаментированные насечками, как в Старой Ладоге [22], или плетенкой с циркульным орнаментом, как в Киснемском могильнике на северном берегу Белого озера [23]. В ряде случаев гребни найдены вместе с футлярами.

Наряду с костерезным делом были развиты обработка дерева и бересты. Берестяные туески и короба были наиболее распространенным видом домашней утвари; их часто украшали геометрическим орнаментом. На крышке одного туеска процарапано изображение якоря (см. рис. 2, *8*). Береста применялась, очевидно, и для изготовления обуви, так как при раскопках находили аккуратно нарезанные полоски бересты, а в слое начала XII в.— целый лапоть, изготовленный приемом косого переплетения, с низкими бортиками и без оборин. Заметим, что берестяные лапти — характерная особенность обуви вепсов вплоть до начала XX в. [24].

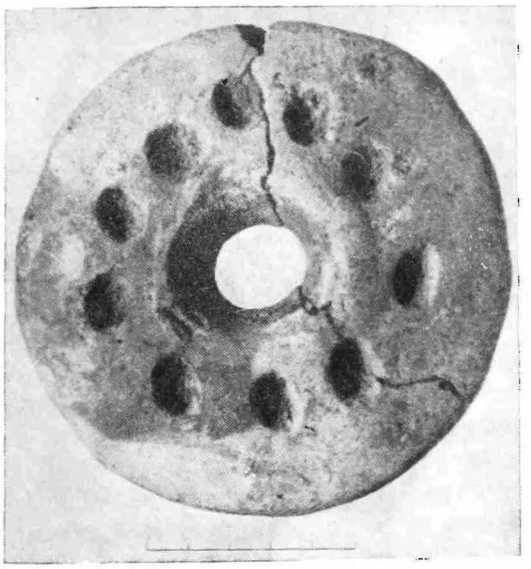


Рис. 3. Глиняное грузило для ткацкого станка

Раскопки поселений дают несравненно меньше сведений относительно одежды и характера украшений, чем раскопки погребений, но по некоторым, хотя и не полным данным можно предположить, что наряд белозерской веси в X — начале XI в. был сходен с тем, который установлен на материале приладожских курганов [25]. В этом наряде (речь идет о женском костюме, этнографически более определенном) большое место занимали шумящие украшения. Форму для литья спиральных подвесок, найденную на Белоозере, можно рассматривать как доказательство того, что подобные подвески здесь не только изготовляли, но и носили. Литые спиральные подвески (их называют еще «восьмеркообразными» или «очковидными») — одно из характернейших украшений угро-финских племен X — начала XI в. от Приладожья до Прикамья (рис. 4, *4*). Они ведут свое начало от проволочных спиралей ананьинской культуры. В могильниках Прикамья (Юмском, Кочергинском) и Поветлужья («Черемисское кладбище», Веселовский могильник) такие подвески (рис. 5, VIII), снабженные звенящими бронзовыми утиными лапками, служили украшением женской кожаной обуви. В Приладожье, где обычай пышно украшать обувь не имел распространения, спиральные подвески известны как поясное украшение [26].

---

[22] Сб. «Старая Ладога», табл. VIII, *4*.

[23] Л. А. Голубева. Могильник X — середины XI в. на Белом озере. СА, 1961, № 1, рис. 7.

[24] В. В. Пименов. Поездка к прионежским вепсам. СЭ, 1957, № 13, стр. 162. Лапти так называемого северного типа, к которым относится белозерская находка, были распространены в прошлом в б. Вологодской и Архангельской губ. и у русского населения.

[25] Я. В. Станкевич. Курганы юго-восточного Приладожья..., стр. 103.

[26] W. J. Raudonikas. Ук. соч., рис. 100а и 101. Комплекс VII из кургана XIV у дер. Новосельск Тихвинского р-на.

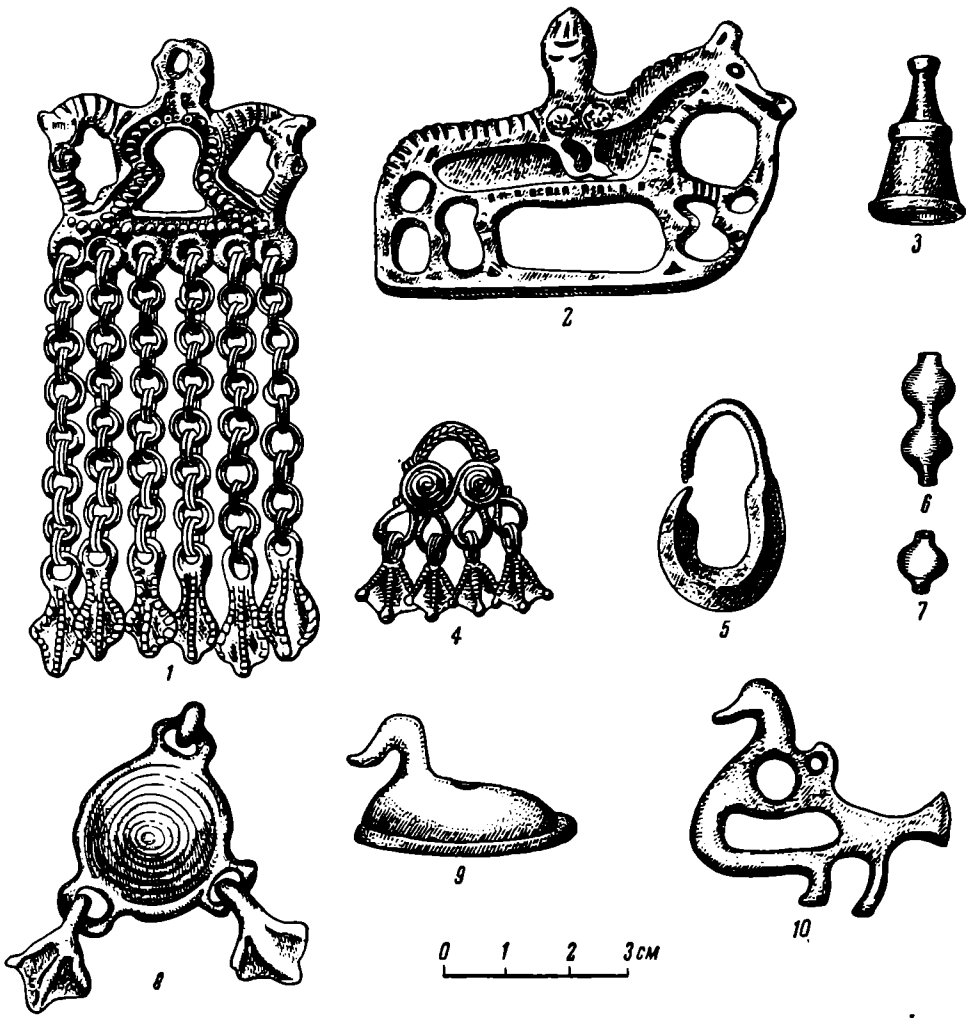


Рис. 4. Женские украшения X — середины XI в. (распространенные от Приладожья до Прикамья)

1 — коньковая подвеска; *2* — «всадница»; *3* — коническая подвеска; *4* — спиральная подвеска; *5* — калачевидная серьга; *6*, *7* — пронизки; *8* — умбоновидная подвеска; *9* — полая подвеска-уточка; *10* — ажурная подвеска-уточка

Впоследствии в Белозерье спиральные подвески с крестиком носят в составе ожерелий вплоть до XII в. Подвески из кургана № 2 начала XII в., раскопанного А. В. Паниным на р. Суде в 1894 г.,— полная аналогия подвеске, отливавшейся на Белоозере в конце X в.

Отдельные находки спиральных подвесок с крестом известны из курганов по р. Сорогоже [27], а также у радимичей и вятичей.

Спираль составляла основу многих других подвесок, популярных в угро-финской среде,— односпиральных, трехспиральных и многоспиральных в виде треугольника; последние Е. И. Горюнова считает характерными для мерян [28]. На Белоозере найдена такая многоспиральная треугольная подвеска, выполненная в технике литья по восковой модели, совершенно сходная с подвесками X — начала XI в. из Михайловского могильника [29] и из Сарского городища [30]. Многоспиральные подвески встречаются как в Приладожье, так и в Прикамье (рис. 5, X).

[27] Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 году. ИАК, вып. 6, 1904, стр. 17 и табл. III, 7.

[28] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 98, рис. 40, *3*; рис. 41.

[29] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА, № 6, 1941, табл. III, *2*.

[30] Е. И. Горюнова. Ук. соч., рис. 39, *3*.

Большое значение в украшении женской одежды угро-финских племен имели так называемые коньковые подвески, отражавшие древний культ коня, «общий для всей огромной территории Волго-Камского бассейна» [31]. Коньковые подвески, сделанные из бронзовой плетеной проволоки, являлись этнографическим признаком мери X — середины XI в. [32]. В это же время на соседних территориях бытовали литые коньковые подвески, подражающие ажурным плетеным. Один экземпляр такой подвески найден на Белоозере в слое X в. (см. рис. 2, *5*). Основание подвески украшено двойными спиралями, на цепочках висят уплощенные привески; верх обломан. Наиболее близкую аналогию белозерская подвеска имеет в парных коньковых подвесках из женского погребения № 12 Веселовского могильника, служивших нагрудным украшением [33]. Некоторое сходство наблюдается и с подвеской из могильника из с. Городище, Переславского района [34].

Особое значение в костюме приладожской веси, как и других финно-угорских племен, придавалось поясу. На узких ремешках или шерстяных шнурах, на которые нанизывались бронзовые бусы (рис. 3, *6*, *7*), к нему прикреплялись специальные подвески-обереги: уточки, коньки, просверленные клыки медведя и кости бобра (рис. 2, *3*), а также конические привески. В раннем слое Белоозера были найдены бронзовые пронизки, конические привески (рис. 3, *3*), бронзовые костыльки (рис. 2, *6*) и поясные бляшки. В слое начала XII в. найдены стилизованные коньковые подвески. Поэтому можно предположить, что своеобразные литые подвески, изображающие парные конские головки прикамского типа (рис. 4, *1*), найденные в Приладожье [35], могли в X в. носить и на Белоозере.

* * *

Об экономических и культурных связях Приладожья и Прикамья в X—XI вв., обусловленных этнической историей севера европейской части СССР, неоднократно упоминалось в литературе. Е. И. Горюнова подчеркнула большую роль в этих связях Сухоно-Вычегодского водного пути [36], отмеченного кладами и отдельными находками восточных монет (рис. 5, XV). Но путь Вычегда — Сухона ведет в Приладожье через Кубенское озеро и Шексну. Таким образом, Белозерье, географически и исторически близкое к Приладожью, являлось непосредственным связующим звеном между ним и Прикамьем. Центральное положение на водоразделе между водными системами Волги, Белого и Балтийского морей давало ему дополнительное преимущество перед широтным Сухоно-Вычегодским путем.

В X—XI вв. в Прикамье на базе древней металлургии меди сложился ряд центров, выпускавших на массовый рынок большое количество украшений, выполненных в технике литья. Одним из видов таких украшений являлись коньковые подвески. Ранние образцы их восходят к ломоватовской культуре [37], но расцвет производства и известная стандартизация образцов падает на X — середину XI в. Тогда же появляются коньковые подвески с сильно оттянутой петлей, которой иногда придавалось изображение человеческой головы (рис. 4, *2*).

Область распространения литых коньковых подвесок очень обширна (рис. 5, XVII, XVIII). Самые восточные находки их известны из могиль-

[31] Там же, стр. 140.
[32] Там же, рис. 40 и 41.
[33] А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960, рис. 40.
[34] Е. И. Горюнова. Ук. соч., рис. 42, *2*.
[35] Н. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895, табл. III, *6*; W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 49, 50, рис. 29, *50*. Коньковые подвески в кург. VI. компл. VIII, у дер. Заозерье найдены с дирхемом 922—923 гг.
[36] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 150—152.
[37] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 181.

Рис. 5. Археологические памятники X — середины XI в. на территории веси и других племен

I — VII огнива с бронзовыми оковками разных типов (I — человек и две птицы; II — борющиеся медведи; III — всадники; IV — козел; V — неповторяющийся тип оковок; VI — стилизованные головы животных; VII — стилизованные головы животных с силуэтом ромба); VIII — спиральные подвески; IX — якоревидные подвески; X — шумящие подвески мерянских типов; XI — монетовидные подвески; XII — калачевидные серьги; XIII — подвеска-«всадница»; XIV — умбоновидные подвески; XV — монеты IX—X вв.; XVI — монеты XI в.; XVII — коньковые подвески прикамского типа; XVIII — коньковые подвески с личиной.

1 — Челмужи; *2* — о. Кокорин; *3* — Петрозаводск; *4* — Большие Горы; *5, 6* — Видлица; *7* — Рабола; *8* — Гиттола; *9* — Шангиничи; *10* — Подъяндебское; *11* — Свирьстрой; *12* — Лодейное поле; *12а* — Кузнецы; *13, 13а* — Новинка; *14* — *16а* — Карлуха; *17* — Мергино; *18* — 19*а* — Яровщина; *20* — Валданика; *21* — Кургино; *22* — Алеховщина; *22а* — Винница; *23* — Рыбежна; *24* — Большая Нововесь; *25* — Новая; *26* — Дедово поле; *27* — Вихмес; *28* — Болдино; *29, 30* — Сязнига; *31* — выше дер. Щуковщины; *31а* — ниже дер. Щуковщины; *32* — Костино; *33* — *33а* — Подъелье; *33б* — Кирилина; *34, 34а, б,* — Вахрушева; *35* — Рыгачево; *36* — Вичугино; *36а* — Винницкий район; *36б* — Винница; *37* — Новосельск; *37а* — Мозолево; *38* — Ильино; *39* — Заозерье; *39а* — Залющик; *40* — Красная Заря; *41* — Новая Ладога; *41а* — дер. Шахнова; *42* — Старая Ладога, *43* — ст. Волхов; *44* — ст. Мишкино; *45* — Ушаково; *46* — б. Ораниенбаумский уезд; *47* — Тяглино; *48* — Княщино; *49* — Шпаньково; *50* — Вырица; *51* — г. Новгород; *52* — Собачьи горбы; *53* — Новая Мельница; *54* — Потерпельцы; *55* — Шлинское озеро; *56* — Шумилово; *57* — Семенов Городок; *57а* — б. Старицкий уезд; *58* — Осташков; *59* — Подборовье; *60* — г. Демьянск; *61* — г. Торопец; *62* — Куштозеро; *63* — Болтинская; *64* — б. Валдайский уезд; *65* — Белоозеро; *66* — Дмитриевское; *67* — Панкино; *68* — Минино; *69* — Варнакушка; *70* — Митино; *71* — Степанова; *72* — Дудино; *73* — Белые Кресты; *74* — Кривые Луки; *75* — Пестовские курганы; *76* — Мотыли; *77* — р. Сорогожа, левый берег; *77а* — р. Сорогожа, правый берег; *78* — Курово; *78 а* — левый берег р. Водчины. *79* — Николина Рень; *79а* — Старая; *80* — Залужье; *81* — Кузнецкая; *82* — Зубаревские курганы; *83* — г. Мышкин; *84* — г. Углич; *84а* — Посад; *85, 86* — Михайловский могильник; *87—88* — Темеревский могильник; *89* — Глинкина; *90* — монетные находки близ Ростова; *91* — монетные находки близ Переславля-Залесского; *92* — Осипова пустынь; *93* — Глухово; *94* — Каргополь; *95* — с. Благовещенское; *96* — Аксенова; *97* — Стрелецкая Слобода; *97а* — В. Устюг; *98, 99* — г. Сыктывкар; *100* — Усть-Кулом; *101* — Чудской Городок; *102* — «Черемисское кладбище»; *103* — Веселовский могильник; *104* — Юмский могильник; *104а* — Лелекский клад; *105* — Кочергинский могильник; *105а* — Еманаевское городище; *106* — Лопьяльский могильник; *107* — Ижевское городище; *108* — г. Киров; *109* — Кушманское городище; *110* — Солдырьское городище и могильник; *111* — Донды-Кар; *112* — Дондинский клад; *113* — Омутницкий клад; *114* — Весья-Кар; *115* — Поркар Уханский; *116* — Ягошурский клад; *117* — Поломский могильник I; *118* — Богдановский клад; *119* — Рябиновский клад; *120* — Юксеевская волость; *121* — г. Чердынь; *122* — Байдары; *123* — Малый Аниковский могильник; *124* — Ратеговский могильник; *125* — Редикорское городище; *126* — Кондратьева Слобода; *127* — Амбор; *128* — Нижнее Мошево; *129* — Плеховский могильник; *130* — Соликамск; *131* — Чаньвенская пещера; *132* — Баяновский могильник; *133* — пещера М. Вашкур; *134* — Вереино; *135* — Шудья-Кар; *136* — Афанасьево; *137* — Чажегова; *137а* — Урьинский могильник; *138* — Михалевский могильник; *139* — Елева; *140* — Пятигорский могильник; *140а* — Кудесево; *141* — Гора; *141а* — Мысовское городище; *141б* — Гаинское; *142* — Харина; *142а* — Агафоновский могильник; *143* — Шишигина; *144* — Пяньтежское; *145* — Тиминское городище; *145а* — Урольское городище; *146* — Эсперово городище; *147* — Пожвинский могильник; *148* — Купрос; *149* — Загарьевский могильник; *150* — Федоровщина; *151* — Вакина; *152* — у впадения р. Вельвы в р. Иньву; *153* — Кудымкар; *154* — Мальцевский могильник и клад; *155* — Анюшкар; *156* — Зелевское городище; *157* — Онина; *158* — Рождественский могильник; *159* — Ильинское; *160* — Деменский могильник

ника IX — начала X в. «Барсов городок» на Оби [38]. Они встречались неоднократно в городах Булгарского царства и в Башкирии, отдельные экземпляры их через Приладожье достигали Швеции. На Средней Мологе (Сорогожские курганы) такая подвеска найдена с дирхемами 971 и 975 гг. [39]. На Вычегде, в окрестностях Сыктывкара, коньковая подвеска с личиной встречена с дирхемом 971 г. [40].

Как и в Приладожье, так и в других местах коньковые подвески, происходящие из раскопок, найдены в женских погребениях, обычно у тазовых костей. Охранительный характер таких подвесок и связь их с культом коня и женского божества бесспорны. Б. А. Рыбаков считал, что коньковая подвеска с личиной, найденная в Приладожье, представляет собой занесенный славянами на север образ великой богини [41]. Вслед за ним это повторил В. А. Оборин [42]. Однако подвески с личиной являются лишь одним из вариантов литых коньковых подвесок и произ-

[38] T. Arne. Barsoff Corodok. Stockholm, 1935, табл. 93, *14*.

[39] Отчет о раскопках Н. И. Репникова..., стр. 16.

[40] П. С. Савельев. Археологические поиски в окрестностях Усть-Сысольска. ЗАО, т. IV, СПб., 1852, стр. 123—124; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Запада, кол. 652, № 22.

[41] Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, № 1, стр. 100—101.

[42] В. А. Оборин. К вопросу о ранних этапах проникновения русской культуры в Прикамье. Сб. «Из истории нашего края», Пермь, 1956, стр. 14, рис. 5, 6 на стр. 12.

водились в Прикамье раньше, чем появились в Приладожье, и прежде, чем в Прикамье появились славяне.

В Приладожье они найдены в погребениях веси, в славянских памятниках такие подвески неизвестны. Они бытуют с определенным комплексом женских украшений и исчезают к концу XI в. Рождественский этап родановской культуры в Прикамье их уже не знает [43].

Как показали работы А. В. Збруевой [44] и А. П. Смирнова [45], образ женского божества с конем имеет в Прикамье глубокие местные корни. Подвеска, изображающая обнаженную женщину на коне, попирающем змея (рис. 3, *2*), передает древний восточный сюжет. Такие подвески неоднократно найдены с монетами X в., а также вместе с коньковыми подвесками в составе клада [46].

Так же как и эти последние, они относятся к типу женских поясных украшений.

Подвески из Прикамья, из Веселовского могильника, из кургана № 6 у дер. Карлухи на Ояти и из кургана № LI, *1* на р. Сязниге сходны между собой. Экземпляры, найденные на р. Ваге у с. Аксенова, в Прионежье (у с. Видлицы) и в Ленинградской области (у Вырицы), (рис. 5, *13*; см. также приложение), представляют собой другой вариант: они меньше по размерам, схематичнее, встречаются как в комплексах X в. (Вырица), так и с монетами середины XI в. Известен также самый поздний вариант таких подвесок, в которых фигура женщины исчезает, замененная петлей на спине коня [47].

В Рябиновском кладе женских украшений X в., в женском погребении № 8 Веселовского могильника и в комплексе находок из клада (?) или погребения у с. Аксеново на Ваге привески со всадницей найдены вместе с калачевидными серьгами. Как в Веселовском могильнике, так и в погребениях у дер. Вахрушевой и Рыгачево в Приладожье и в могиле № 1 на Вычегде найдено всего по одному экземпляру таких серег. Возможно, что их носили не как парное украшение, причем не только женщины, но и мужчины [48]. Наиболее восточные и ранние находки таких серег сделаны в могильнике Барсов городок [49]. Они отличаются особо крупными размерами.

Картографирование женских украшений прикамских типов — литых коньковых подвесок, «всадниц», калачевидных серег, а также умбоновидных (рис. 4, *8*), монетовидных со знаком спирали [50] и якорьковых [51] подвесок, сплошь и рядом совместно встречавшихся в погребальных комплексах, указывает на определенную идеологическую и культурную общность между весью и народами Прикамья. В славянскую среду эти украшения не проникали.

Назовем и некоторые другие предметы материальной культуры, подкрепляющие наше положение о существовании традиционных для веси связей с Прикамьем. На Белоозере известны псалии от удил с прямоугольным выступом (рис. 2, *1*), совершенно сходные с псалиями из

---

[43] О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 209.

[44] А. В. Збруева. Пермский всадник. ВДИ, 1950, № 1, стр. 205—211.

[45] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 257; см. также М. Г. Худяков. Культ коня в Прикамье. ИГАИМК, № 100, 1933, стр. 260.

[46] Ф. А. Теплоухов. Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных. Сб. «Пермский край», Пермь, т. II, 1893, табл. III, *1*.

[47] В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье, ИГАИМК, вып. 94, 1934, табл. V, *3*; Е. И. Горюнова. Мерянский могильник на Рыбинском море..., рис. 77, *3*.

[48] П. С. Савельев. Ук. соч. В могиле № 1, кроме серьги, найден дирхем 951—952 гг., две железные стрелы и медная пряжка.

[49] А. Арне. Ук. соч., погр. 11 и 19; табл. III, *29* и *104*, *47*.

[50] В. И. Равдоникас. Памятники..., табл. X, *11*; А. А. Спицын. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26, СПб., 1902, табл. XXIII, *14*.

[51] А. А. Спицын. Древности..., табл. XIII, *14*, табл. XXXII, *9*.

Прикамья, датированными А. А. Спицыным X в.[52]. Такие же псалии найдены в ряде погребений Поломского могильника [53] на р. Чепце.

Огнива местного производства, которыми пользовались в X в. на Белоозере и в Приладожье [54], представляли собой прямоугольную удлиненную пластину, один конец которой, суженный и изогнутый, привешивали к поясу. Судя по находкам в курганах на р. Суде, такие огнива сохранялись у белозерской веси и в XII в. Этот тип огнив, несомненно, заимствован весью из Прикамья, где он неоднократно встречен в погребениях Поломского могильника [55]. Первые огнива с бронзовой оковкой, появившиеся в Приладожье в X в., также проникли сюда из Прикамья. Самые ранние огнива с оковкой в виде трапециевидной рамки известны из Загарьевского [56] и Поломского могильников. Огниво Поломского могильника снабжено конской головкой и петлей для подвешивания; орнаментация его напоминает узор на коньковых подвесках [57].

Дата этих огнив — начало X в. Следующая группа огнив — с рукоятями в виде реалистически выполненных фигур медведей, ставших на дыбы и обхвативших друг друга лапами,— представлена самым ранним экземпляром из могильника Барсов городок [58]. По времени за этой находкой следуют огнива из Приладожья (Подъяндебское, Валданика) и Прионежья (курган № 2 у дер. Челмужи) (рис. 5, II; см также приложение), Мало-Аниковского могильника (рис. 6, *5*) и др.

Чрезвычайно интересны огнива с рукоятями в виде козла с повернутой назад головой, фантастического животного в виде барса, обернувшегося назад и яростно кусающего собственный хвост, и сказочного крылатого зверя, встреченные только в Зауралье [59], Прикамье и Поветлужье (рис. 5, IV, V; приложение). Фигуры на этих оковках напоминают образцы западносибирского звериного стиля.

Самостоятельное место занимает группа огнив с оковками, изображающими двух птиц и стоящего между ними человека. Птицы в виде грифонов не терзают человека, а лишь касаются клювами его головы. Возможно, что в основе сюжета лежит восточный мотив, воплощенный в известных круглых подвесках X в. с изображением человека между двумя птицами [60]. Все огнива с этими оковками найдены в Прикамье (рис. 5, I и приложение), в Поветлужье (рис. 6, *6*) и только одно — в Киеве, в большом дружинном кургане с сожжением [61]. Эти огнива бытовали во второй половине X в.

Можно назвать еще одну группу огнив с оковками, на которых различимы головы зверей (медведей?), повернутые друг к другу. На наиболее ранних огнивах звериные морды изображены реалистически, подчеркнута густая шерсть на шее, торчащие уши (Поломский могильник, находка в Чердынском уезде: см. рис. 6, *7* и приложение). В более поздних экземплярах головы превращаются в симметричные выступы в верхней части оковки. Огнива этого типа наиболее многочисленны. Они из-

---

[52] Там же, табл. XXV, *14;* стр. 63.

[53] Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 606, №№ 22, 26. Поломские могильники (I и II) датируются VI—IX вв. [см. В. Ф. Генинг, В. Б. Стоянов. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье). Вопросы археологии Урала, вып. I, Свердловск, 1961, стр. 87], но в них встречается несколько погребений начала X в.

[54] W. J. Raudonikas. Ук. соч., рис. 106.

[55] Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 606, № 830; МАЭ, кол. 1384, №№ 359, 452, 526.

[56] А. А. Спицын. Древности..., табл. XVIII, *5*.

[57] МАЭ, кол. 1384, № 745.

[58] Т. Arne. Ук. соч., погр. 29, табл. 112, *81*.

[59] Там же, табл. 123, 136.

[60] Владимирские курганы с сожжением, Гнездовский клад 1868 г.; Швеция. См. Н. П. Журжалина. Древнерусские привески-амулеты и их датировка. СА, 1961, № 2, стр. 135, рис. 1, *4*.

[61] М. К. Каргер. Древний Киев. Л., 1958, рис. 39, *1, 2*.

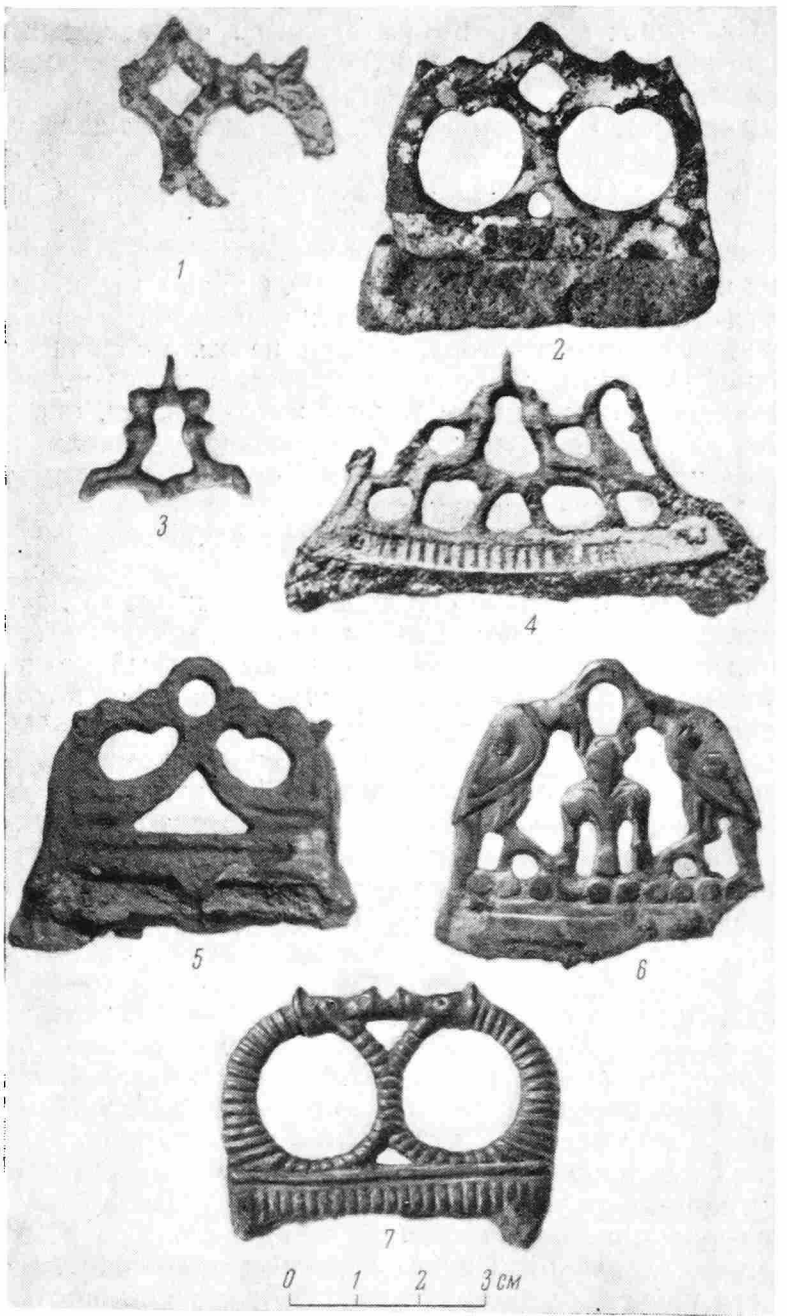


Рис. 6. Огнива с бронзовыми рукоятями

1 — часть оковки огнива с силуэтом ромба (Белоозеро, 1960 г.); *2* — огниво с силуэтом ромба (Финляндия); *3* — часть оковки огнива с изображением всадников (Белоозеро, 1960 г.); *4* — огниво с всадниками (Норвегия; по Петерсену); *5* — огниво с борющимися медведями (Малая Аникова, б. Чердынский уезд; ГИМ, инв. № 35711); *6* — огниво с изображением человека и двух птиц («Черемисское кладбище», погр. VI); *7* — огниво со стилизованными головами животных (б. Чердынский уезд Пермской губ.)

вестны от Прикамья до Приладожья (Яровщина) (рис. 5, VI и приложение); один экземпляр найден на жертвенном месте в Большеземельской тундре [62].

Следующая группа огнив имеет на оковках стилизованные головы зверей, раскрытые пасти которых, обращенные друг к другу, образуют силуэт ромба. А. П. Смирнов считал, что эти головы напоминают кон-

[62] Г. А. Чернов. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре. СА, XXIII, табл. V. 2.

ские; Я. В. Станкевич видела в них сходство с медвежьими. Огнива с силуэтом ромба представляют собой стандартизированную продукцию ремесленных мастерских. Они известны в погребениях Финляндии [63] и Швеции (Бирка [64]). Из восьми огнив, найденных на территории СССР, пять происходят из курганов по Ояти (Карлуха, Валданика, Мергино, Яровщина) и Паше (Вахрушева), одно — из Белоозера (рис. 6, *1*) и только два — из Прикамья. Б. А. Рыбаков полагал, что приладожские огнива с ромбом воспроизводят сюжет великой богини с двумя конями и относил их к северорусским древностям [65]. Однако мы не можем оторвать этот тип огнив от других, вместе с которыми он бытовал в определенной этнической среде и которая отнюдь не была славянской.

У последней группы огнив оковка изображает двух всадников, повернутых в разные стороны, причем головы их сливаются, образуя петлю. Такие огнива найдены в дружинных погребениях Швеции (в Бирке [66] и Туне [67]), в Финляндии. На территории Норвегии известно три подобных огнива [68]. Я. Петерсен датирует их второй половиной X в. и считает, что они производились в Швеции. Шведские и норвежские огнива стандартны. На Белоозере найден обломок оковки такого огнива в слое конца X в. (рис. 6, *3*). Другие образцы подобных огнив на территории СССР представляют собой более позднюю стилизацию сюжета со всадниками, переходящую впоследствии в орнаментальный мотив. Они производились в местных мастерских, и каждая находка не похожа на другую. Наиболее ранние из них происходят из Веселовского [69] и Гнездовского могильников [70], наиболее поздние — из Прикамья [71].

Скандинавский импорт в Приладожье в X в. был значителен. На материале Белоозера он прослеживается гораздо слабее. Можно назвать гребни с вертикальными чертами на лопастях (рис. 7, *1*) и хорошо отшлифованными зубьями. Такие гребни найдены в Швеции вместе с огнивом с изображением всадников [72]. Помимо Белоозера, подобные гребни известны в Михайловском могильнике, Старой Ладоге [73] и Пскове [74].

Бусы, найденные в слое X — начале XI в. на Белоозере, почти все сделаны из отрезков стеклянной трубочки и в огромном большинстве представляют собой лимонки всех видов (рис. 7, *6—9*). Наряду с ними найдены бисер, мозаичные и глазчатые бусы (рис. 7, *2*, *3*, *5*), немного сердоликовых и хрустальных. Состав бус соответствует набору бус из приладожских курганов. Как и там, они представляют собой ближневосточный импорт.

Подвеска-лунница из слоя конца X в. на Белоозере позволяет говорить о связи со славянами. Синий с росписью стеклянный браслет — византийского происхождения, так же как и грецкие орехи, найденные в этом же слое. Бронзовые подковообразные пряжки (рис. 2, *6*) свидетельствуют о западнобалтийских связях.

---

[63] J. K. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, т. IV, Helsingfors, 1878, рис. 1379.

[64] H. Arbman. Birka. Die Gräber. Tafeln. Stockholm, 1943, табл. 144, *2*.

[65] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 102.

[66] H. Arbman. Ук. соч., т. I, табл. 144, *1*, могила 776.

[67] T. Arne. Das bootgräberfeld von Tuna in Aliske. Uppland. Stockholm, 1934, могила XI, табл. XVII, *1*.

[68] J. Peterson. Vikingertidens Redskaper. Oslo, 1951, рис. 236.

[69] А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Ук. соч., рис. 21, *13*.

[70] В. И. Сизов. Гнездовский могильник. МАР, № 28, СПб., 1902, табл. VII, *15*.

[71] А. А. Спицын. Древности..., табл. XVIII, *1* (Кудымкарская волость); табл. XXXIX, *7*, *22* (Рождественское городище и др.). Огниво, найденное на Пировом селище близ Вязников, датируется XI в. См. В. В. Седов. Древнерусское поселение близ г. Вязники. КСИА АН СССР, вып. 85, 1961, рис. 37, *1*, стр. 103.

[72] T. Arne. Das bootgräberfeld..., табл. XVIII, *1*, погр. XI.

[73] W. J. Raudonikas. Ук. соч., рис. 9, *c*.

[74] Псковский исторический музей, кол. 2208, №№ 295, 325.

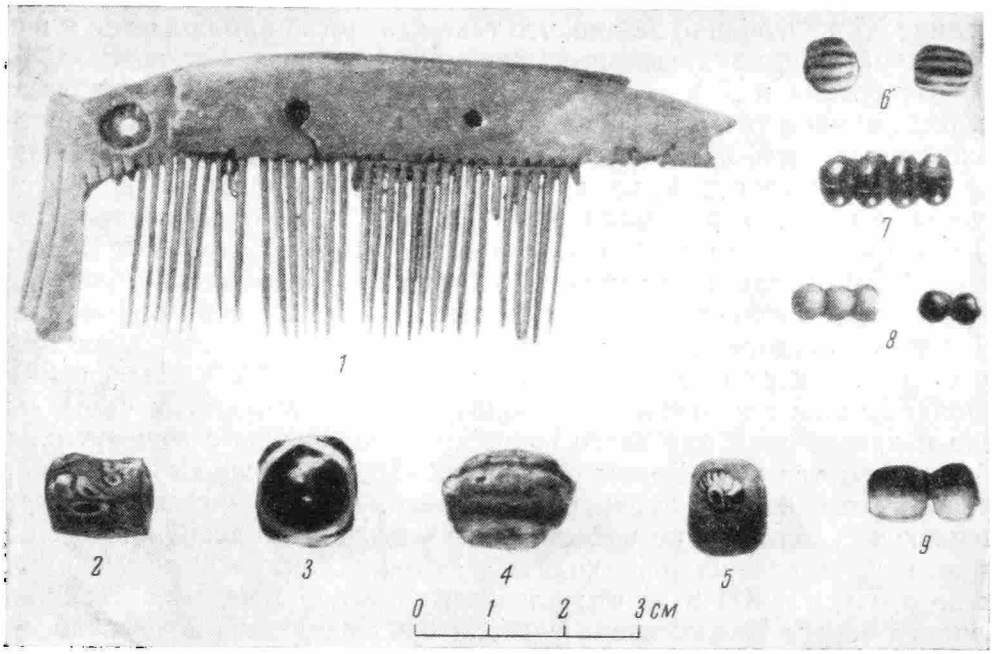


Рис. 7. Вещи из слоя X — начала XI в. на Белоозере
1 — костяной гребень; *2—9* — бусы

При раскопках Белоозера до сих пор не найдено монет. Однако в среднем течении Шексны известен клад дирхемов X в. (Панкино, под Череповцом), а отдельные монеты X в. встречались в погребениях по р. Колпи. Путь из Белоозера в Приладожье отмечен монетными находками XI в. в курганах по р. Суде, которая верховьем сближается с р. Оятью. Судя по значительному кладу монет XI в., на Куш-озере, возможно, существовал и более северный путь на Оять. Вероятно, уже в X в. действовал и путь из Белого озера к Онежскому через Вытегру, но монетными находками он не обозначен. Самое большое число монетных находок и кладов, некоторые из которых имели более 13 000 монет (у дер. Вихмес), сделано в Приладожье, причем монеты XI в. здесь преобладали.

А. М. Тальгрен, признавая существование самобытной «чудской» культуры Приладожья (древности вепсов на Белом озере ему не были известны), считал, что экономическая и культурная гегемония в этой среде принадлежала варягам. Он полагал, что колонии варягов в Ладоге, на Белом озере (см. карту на стр. 5 упомянутой работы А. М. Тальгрена) были главным фактором экономического развития на севере России. Т. Арне и Н. Оберг говорили о массовой колонизации шведским населением этих областей. Норманская теория уже не раз подвергалась критике со стороны советских археологов. Уровень экономического развития местного общества был достаточно высоким, а распад патриархальных отношений способствовал тому, что варяжский импорт находил спрос в местной среде, удовлетворяя потребности дружинной знати в оружии и украшениях. Археологические памятники указывают на варягов — купцов, но не земледельцев. А. М. Тальгрен явно недооценивал как уровень культуры местного населения, так и степень влияния Прикамья на весь в X в., а оно было значительным. Именно это влияние способствовало формированию той «чудской» местной культуры, о которой говорил Тальгрен, ссылаясь на вещи из кургана Подъяндебского на Свири (кресало с медведями, гривна, поясные бляшки) [75].

Мы проследили черты сходства в хозяйстве, в материальной культуре и направлении экономических связей Приладожья и Белозерья в X —

[75] A. M. Tallgren. Ук. соч., стр. 19, рис. 13.

середине XI в. Особенно важно, что такое сходство наблюдается и в отношении керамики, являющейся важнейшим этническим признаком. Керамика Белоозера в X в.— лепная, ее основные формы представлены на рис. 8. Глиняное тесто имеет большую примесь дресвы, обжиг чаще неравномерный, чем хороший. Ознакомление с керамикой из Городища на р. Сясь [76], с посудой из кургана Верхняя Мандрога на Свири [77], а также с керамикой приладожских и прионежских курганов (Челмужи) [78] убеждает нас в том, что лепная посуда Приладожья и Белозерья как по формам, так и по технике изготовления чрезвычайно близка. Мы найдем также сходство лепной посуды Белоозера с керамикой горизонта Е Старой Ладоги [79]. Так, все сосуды из этого горизонта, представленные на рис. 5 в работе Я. В. Станкевич, посвященной классификации староладожской керамики (за исключением круглодонных чаш), в том числе и древнейший для этого горизонта тип посуды с горизонтальным ребром, имеются и на Белом озере. Мы найдем также сходство в орнаментации этой посуды зубчатым штампом, в виде зигзага, строенных отпечатков [80], оттисков по венчику. Мне уже приходилось указывать, что лепная посуда, совершенно сходная с белозерской, сохраняется в курганах по р. Суде в XII в. и что для всего течения Шексны, а также для северного берега Белого озера [81] характерна одна и та же посуда, впервые опубликованная П. А. Суховым, который назвал ее славянской [82]. П. Н. Третьяков [83] и Я. В. Станкевич [84] подтвердили положение П. А. Сухова.

Но форма славянских лепных горшков совсем другая; эти сосуды имеют вытянутые пропорции. Редко встречающийся зигзаговый орнамент нанесен обычно перевитой веревочкой или щепкой, а не зубчатым штампом [85]. П. А. Сухов располагал небольшим количеством материала, полученным из разведывательных раскопок. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что древнейшая посуда всего бассейна Шексны неславянская. Она имеет много общего с широкогорлой посудой мери [86] и сходна с плоскодонными горшками из Веселовского могильника [87], но имеет свои особенности. В ее орнаментации мы найдем такие черты, которые роднят ее с прикамской керамикой, хотя форма последней чужда белозерской посуде. Так, на белозерской посуде встречены оттиски в форме подковки, нанесенные веревочкой, комбинация оттисков веревочки и твердого штампа; применение чеканов: рамочного (рис. 9, *4*), ромбического, звездчатого (рис. 8, *4*), круглого полого [88] (рис. 8, *5*).

Если в Новгороде на Неревском раскопе обломки лепной посуды составляют ничтожную часть находок, а практически вся керамика в X в. изготовлялась на гончарном круге, то на Белоозере лепная посуда, гос-

---

[76] Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Запада, кол. 1305, № 1.

[77] Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Запада, кол. 881, № 22.

[78] Там же, кол. 1553, №№ 63, 79, 80.

[79] Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, XV, 1951, рис. 5.

[80] Там же, рис. 5, *9*.

[81] Л. А. Голубева. Могильник X — сер. XI в. на Белом озере, СА, 1961, № 1, стр. 211—214.

[82] П. А. Сухов. Ук. соч., стр. 90.

[83] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 46—47.

[84] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья, табл. XV, *5*, *8*; табл. XXIII.

[85] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 33, табл. XXIII, *8* и *10*.

[86] Е. И. Горюнова. Этнический состав..., рис. 59, *1*, *2*.

[87] А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Ук. соч., рис. 33, *1*, *2*.

[88] А. П. Смирнов. Очерки..., табл. XLVIII, *1*, *5*, *15*; табл. XLIX, *14*; И. Г. Первухин. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. МАВГР, т. II, М., 1896, табл. VII, *15*; табл. VIII, *4*, *9*, *10*, *12*, *20*.

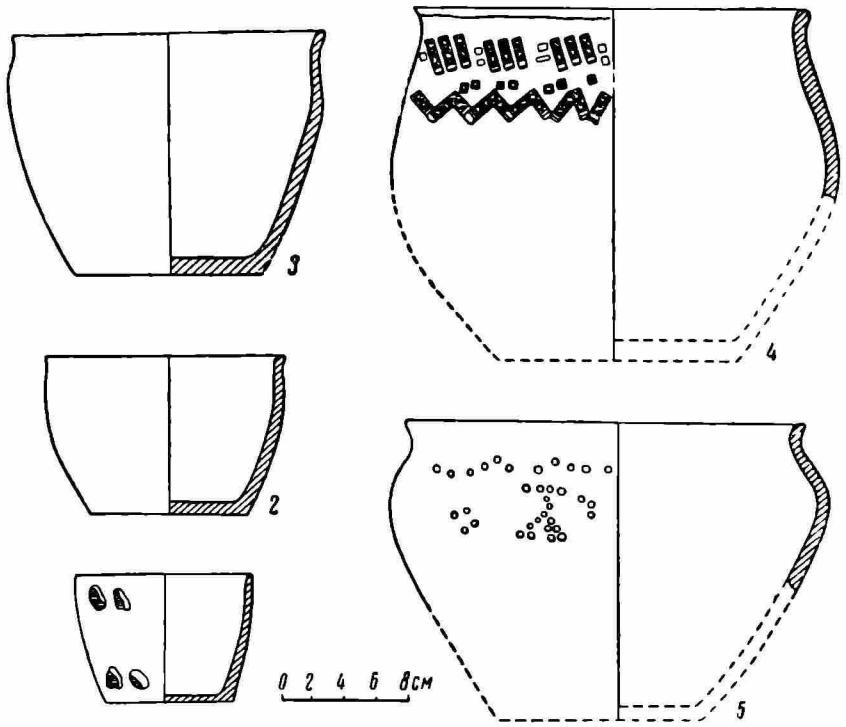


Рис. 8. Основные типы лепной посуды Белоозера

подствовавшая в X в., лишь постепенно уступала место круговой на протяжении всего XI в. Здесь мы наблюдаем переходные формы посуды и перенесение на круговую посуду привычных приемов орнаментации твердым штампом. Это обстоятельство, как и некоторые другие особенности в культуре городского населения Белоозера, представляют собой следы влияния веси, поглощенной славянами. К концу XI в. Белоозеро является уже типичным русским городом.

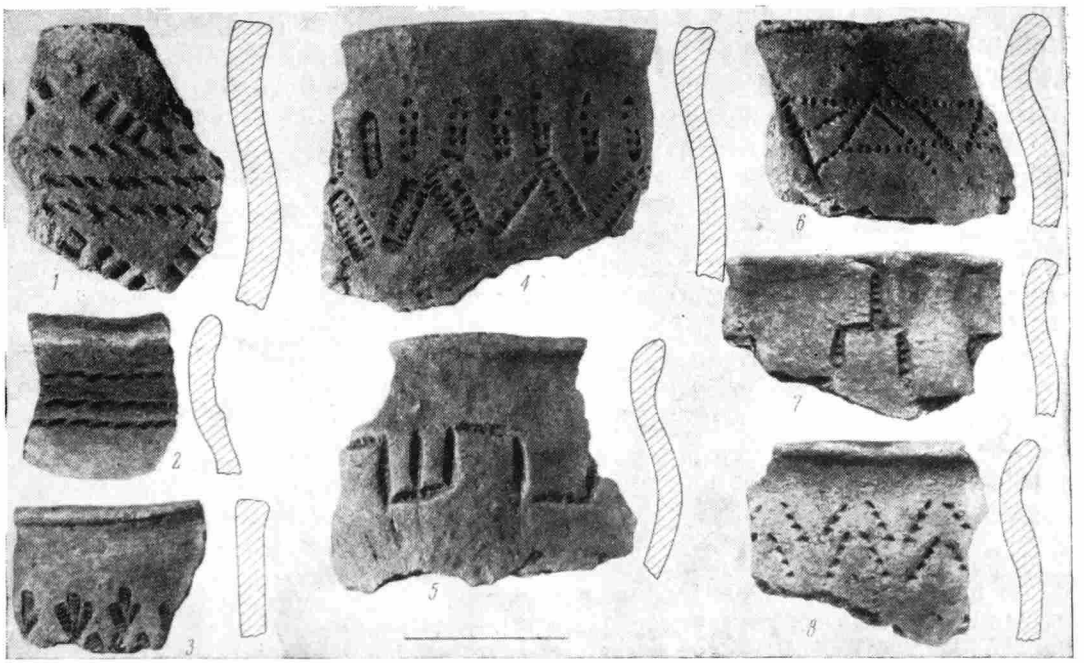


Рис. 9. Орнамент на лепной посуде из Белоозера

1 — оттиск зубчатым штампом и веревочкой; *2* — оттиск веревочкой; *3* — оттиск мелким зубчатым штампом; *4* — оттиск рамочным штампом; *5—8* — оттиски твердым зубчатым штампом

* * *

Обратимся теперь к погребальным памятникам Белозера, которые мы считаем возможным отнести к веси (рис. 10). Памятники, характеризующие наиболее ранние этапы славянской колонизации (сопки, курганы с трупосожжением, крупные курганные группы, насчитывающие по 200—100 насыпей), сосредоточены на Мологе, в верховьях Кобожи, Чагодощи и по течению Колпи. В нижнем течении Кобожи, Чагодощи и Суды курганные группы малочисленны, а сопок почти нет. Нет их и по всему течению Шексны. На основании разведывательных раскопок сопкообразных возвышенностей в верхнем течении Шексны, отмеченных на археологической карте Вологодской области у деревень Бутаково[89] и Емельяновской[90], можно предполагать естественное происхождение этих всхолмлений. К такому же выводу склонялись А. А. Спицын и П. А. Сухов в отношении знаменитого кургана Синеуса под г. Белозерском.

Значительная часть «курганов», нанесенных на археологическую карту Вологодской области по течению Шексны, представляет собой жальники, в чем нас убедила разведка в дер. Бор, Белозерского района, в 1960 г. Таким образом, замечание П. А. Сухова о том, что славяне проникали на Шексну, очевидно, в такое время, когда обычай возводить сопки сменился уже другой погребальной обрядностью, т. е. не ранее X в., следует признать справедливым.

Вероятно, первые славянские поселенцы освоили раньше всего территорию по течению Шексны, удобную для земледелия область между Белым и Кубенским озерами, где проходил волок на Сухону и северное побережье Белого озера, где пролегал путь на Северную Двину[91].

В районе волока с Шексны на Сухону зарегистрированы три небольшие курганные группы, но они не раскапывались. Курганы X — середины XI в. на северном берегу Белого озера были погребениями веси, уже принявшей славянский обычай захоронения покойников в гробу, головой на запад (правда, с некоторыми отклонениями). Характерной чертой, по которой эти погребения оказалось возможным отнести к веси, был обильный погребальный инвентарь, сходный с инвентарем приладожских курганов[92]. Раскопанная на западном берегу озера курганная группа у дер. Болтинской дала несколько славянских погребений с монетами XI в. Но в нижнем течении Шексны, у дер. Минино (на р. Юг), мы уже встречаемся с курганным захоронением, где сохранена южная ориентировка погребений, типичная для приладожской веси. В богатом погребальном инвентаре видное место занимает ажурная литая фибула (рис. 11), аналогичная фибулам из кургана № 2 у дер. Винницы на Ояти и фибулам из Подболотьевского и Максимовского могильников. Дата погребения — конец X — начало XI в.

Лучше всего погребальные памятники веси сохранились по р. Суде. Близость к р. Ояти, с которой Суда сближается в своих истоках, объясняет и пути их распространения. Я имею в виду курганы, раскопанные в 1894 г. А. В. Паниным в двух курганных группах у деревень Митино и Зворыкино, б. Белозерского уезда[93]. Скелеты лежали на угольной

---

[89] М. В. Фехнер. Ук. соч., стр. 129 и 131.

[90] Разведка Т. В. Равдиной у дер. Бутаковой в 1960 г. Разведка Н. В. Тухтиной у дер. Емельяновской в 1961 г. Устное сообщение Н. В. Тухтиной.

[91] Л. А. Голубева. Славянские памятники на Белом озере, стр. 36—38.

[92] Л. А. Голубева. Могильник X — сер. XI в. на Белом озере, стр. 213.

[93] А. А. Спицын по южной ориентировке погребений отнес их к мерянской культуре (см. А. А. Спицын. Курганы Белозерского уезда..., стр. 160—162).

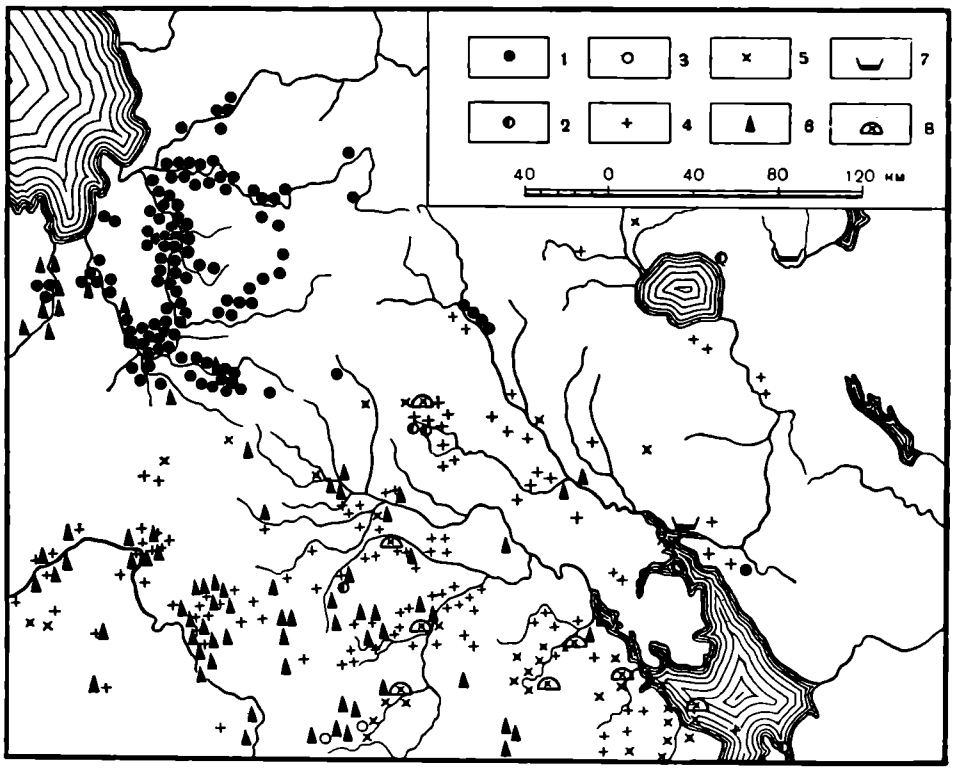


Рис. 10. Погребальные памятники веси и славян

1 — курганы с южной ориентировкой погребений (для Приладожья в эту группу включены и курганы с очагами и трупосожжениями); *2* — курганы с неустойчивой ориентировкой погребений; *3* — курганы с северной ориентировкой погребений; *4* — славянские курганы и жальники неисследованные, *5* — раскопанные курганы с западной ориентировкой погребений; *6* — сопки; *7* — курганы с трупосожжениями в бассейне Шексны и Мологи; *8* — грунтовые погребения

прослойке в подошве насыпи, головой на юг. В мужском погребении был топор, два наконечника стрелы (ромбовидный и листовидный), огниво в виде узкой пластинки с ушком, браслет разомкнутый, круглопроволочный, нож, «грубый горшок с углями». В трех женских погребениях были найдены височные проволочные кольца разных размеров, гривны[94] (рис. 12, *8*), браслеты пластинчатые массивные с змеиными головками, круглопроволочные разомкнутые и проволочные витые с завязанными концами, односторонние костяные гребни, перстни рубчатые, пряжки (рис. 12, *28*, *30*). В составе ожерелий — бусы из глухого стекла типа бисера и крупнее, бубенчики и бронзовые двойные пронизки (рис. 12, *27*).

В качестве привесок к ожерелью были найдены две монеты XI в. (города Базеля и Кельнская, архиепископа Пилигрима) и две подвески в виде монет.

Наибольший интерес представляет состав украшений женского погребения (№ 1) второй курганной группы. Помимо зонных бус из глухого стекла, на нити ожерелья были продеты 12 проволочных колечек диаметром около 1,8 *см*; у семи из них концы заходят друг за друга, а у пяти один из концов образует петлю, изогнутую по половине окружности кольца (рис. 12, *4*, *7*). Большой интерес представляет также набор подвесок к этому ожерелью, состоявший из трех лунниц, одной крестопрорезной подвески, шести круглых образков с Успением и трех четырехугольных с изображением Николая Чудотворца, образка с грубым изо-

[94] Фотография женских украшений из раскопок А. В. Панина публикуется впервые. Фотоархив ЛОИА АН СССР, IV, 1561.

бражением богоматери и 15 крестиков шести разных типов (рис. 12, *10—11, 13—26*).

Лунницы, образки с Успением и Николаем и крестики двух типов отлиты в пяти литейных формах. К набору христианских образков в этом ожерелье были присоединены 13 подвесок, также литых в одной форме и представляющих собой спиральную подвеску с крестиком.

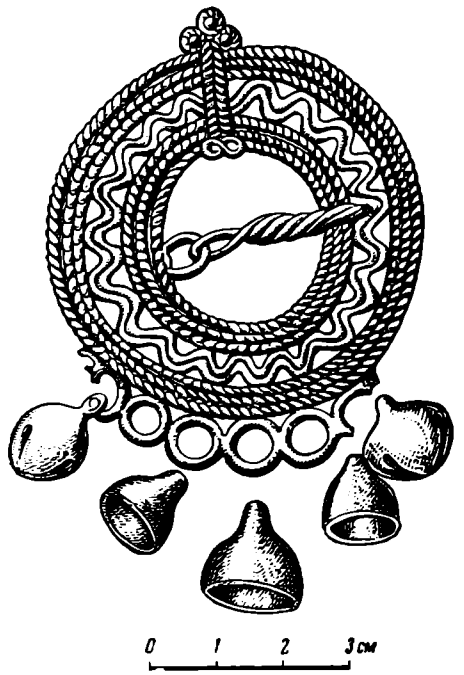


Рис. 11. Фибула из женского погребения у дер. Минино, Мяксинского р-на, Вологодской области

Столь большое количество разнообразных образков и крестов в одном ожерелье заставляет предполагать, что им придавалось значение украшений, а вовсе не христианских символов. Это подтверждает наличие уже знакомой нам по литейной форме из Белоозера спиральной подвески с крестиком. Как видим, традиции производства таких подвесок в Белозерье оказались очень устойчивыми.

На поясных костях скелета женщины было найдено пять подвесок (рис. 12, *9, 12*): «конек обыкновенный», плоская ажурная подвеска в виде петушка, стилизованная коньковая подвеска и две подвески-уточки (рис. 12, *1, 3*). Подвески в виде конька и петушка принадлежат к числу широкораспространенных. Фигурка полой уточки (рис. 12, *3*) повторяет сложившийся в Приладожье в X—XII вв. тип украшений (см. рис. 4, *9*). Другая фигурка близка к поздним приладожским подвескам XI—XII вв. Что касается стилизованной коньковой подвески (рис. 12, *5*), то в свете сказанного выше о коньковых подвесках X—XI вв. мы не можем не признать в этих украшениях определенную связь. Ареал их имеет свои особенности. Так, их, по-видимому, очень мало в Прикамье, хотя отдельные находки известны [95]. Их нет в Приладожье. Экземпляр, близкий к судской подвеске, происходит из славянского курганного погребения XII в. у дер. Мозолево на р. Воложбе [96]. Такого же рисунка подвески, как на Суде, найдены в могильнике XI—XII вв. на Рыбинском водохранилище [97] и в женском погребении XII в. у дер. Погостище, Кирилловского района, Вологодской области. На Белоозере в слое начала XII в. найдены две подвески (рис. 13), представляющие собой по сравнению с судской находкой два других варианта стилизованных коньковых подвесок. В одном из них можно видеть переданный весьма условно мотив человеческой фигурки между двумя изображениями коней (рис. 13, *1*). Такая же подвеска, отлитая в одной форме с белозерской, найдена в 1929 г. на р. Суде [98]. Очевидно, эти три варианта стилизованных коньковых подвесок были одинаково популярны среди местных ремесленников, так как все они представлены, например, в составе клада (?!), происходящего с Васильевского городища у с. Воскресенского, б. Шенкурского уезда, Вологодской губ., на р. Ваге [99]. Производ-

[95] ГИМ, инв. № 35106. Чердынский уезд.
[96] В. И. Равдоникас. Памятники эпохи феодализма..., табл. XVIII, *5*.
[97] Е. И. Горюнова. Мерянский могильник на Рыбинском море, стр. 157, рис. 71, *12*.
[98] МАЭ, кол. 6012, № 20.
[99] А. Спицын. Археологический альбом, рис. 38—40.

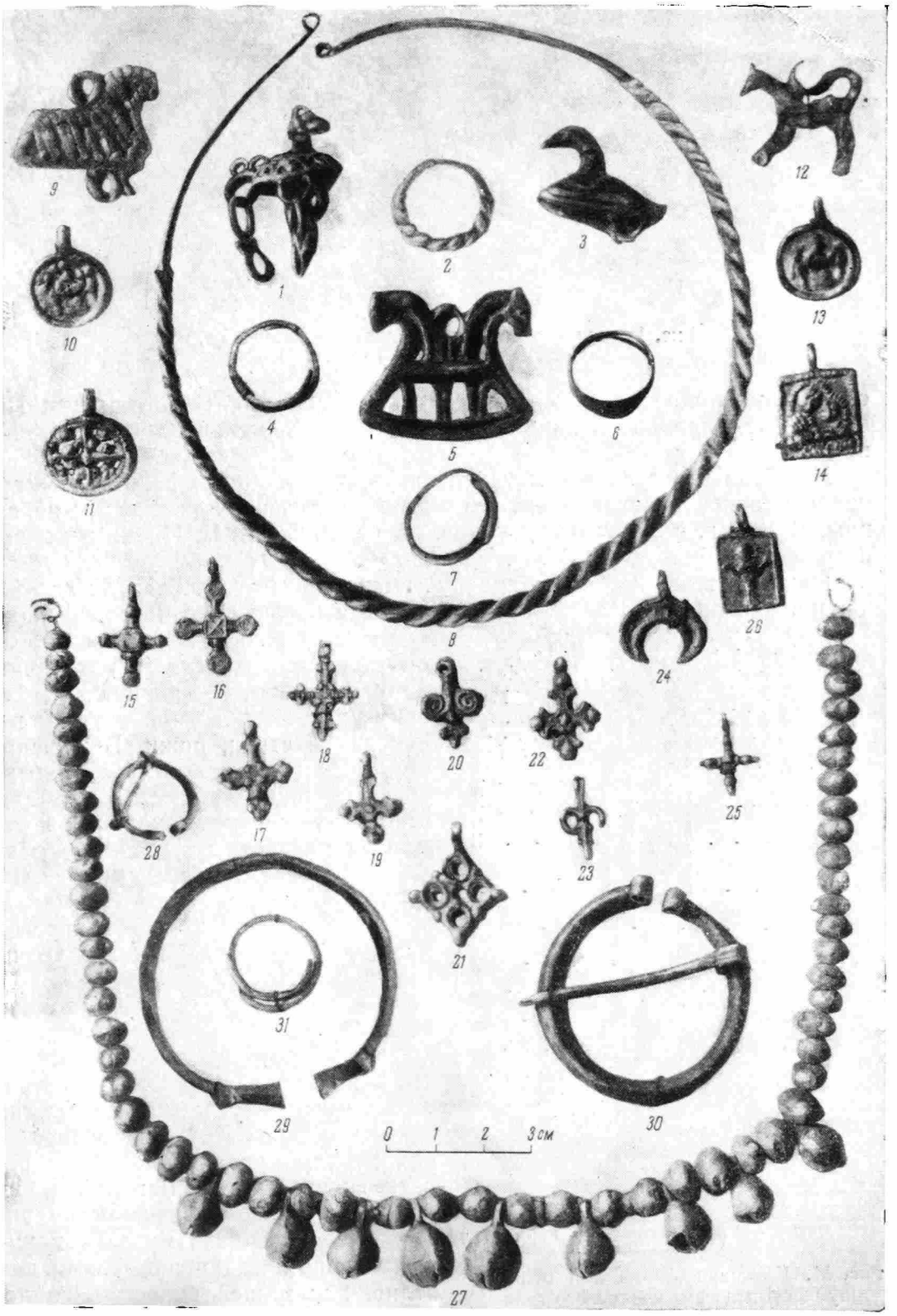


Рис. 12. Вещи из курганов у д. д. Митино и Зворыкино на р. Суде

1—26 — из кургана № 1 второй группы; *27—29* — из кургана № 3 первой группы; *30, 31* — из кургана № 4 первой группы

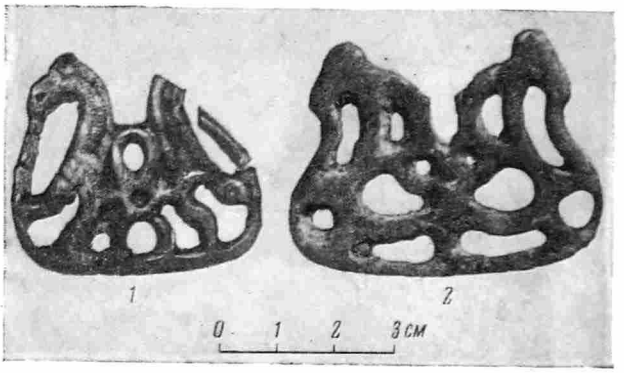


Рис. 13. Стилизованные коньковые подвески XII в. из Белоозера

ство таких подвесок, вероятно, сосредоточивалось в Костромском Поволжье, где найдено и наибольшее количество вариантов этих украшений [100].

На Суде известно еще несколько курганных погребений с южной ориентировкой и инвентарем, близким к поздним приладожским курганам. В 1960 г. в 200 *м* от курганов, раскопанных А. В. Паниным, такие погребения обнаружила Н. В. Тухтина [101].

Ниже по течению Суды близ дер. Пожарищи, у хут. Стан, Г. П. Гроздилов раскопал в 1929 г. пять курганов с погребениями на материке. Одни погребения имели западную ориентировку, другие (и в том числе одно женское) — южную. В мужских погребениях были топоры, наконечники стрел, ножи. В женском погребении головной убор носил уже славянский характер (браслетообразные височные кольца), а пояс был украшен по древнему обычаю подвесками-оберегами: полой фигуркой уточки, уже упоминавшейся стилизованной коньковой подвеской и просверленным волчьим клыком [102].

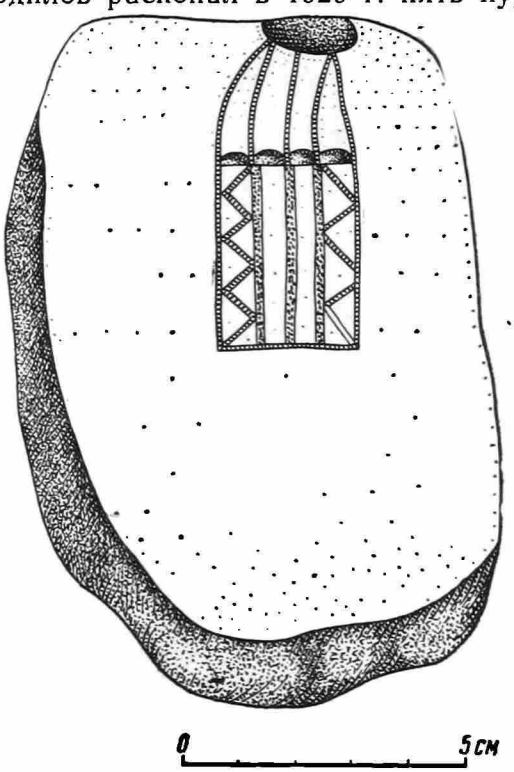


Рис. 14. Каменная форма для отливки шумящей подвески мерянского типа

По притоку р. Суды, р. Колпи, Н. В. Тухтиной открыт ряд курганных погребений, которые по неустойчивой ориентировке и погребальному инвентарю также можно связать с весью [103]. При обследовании группы курганов на левом берегу Колпи, у дер. Верхний Двор, Заэрапского сельсовета, сотрудниками Череповецкого музея обнаружено копье и сланцевая форма для отливки шумящей подвески, аналогичной найденным (рис. 14) во Вла-

[100] Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. МАВГР, т. III, табл. 5, *17—20*; П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, табл. II, *15*, *16*.

[101] Н. В. Тухтина. Отчет о работе Белозерской экспедиции ГИМ в 1960 г. Архив ИА АН СССР, р. 1/2180.

[102] Г. П. Гроздилов. Археологические памятники IX—XIII вв. в Белозерье. Рукопись. Устюженский музей, ф. 7, д. № 9.

[103] Н. В. Тухтина. Ук. соч.

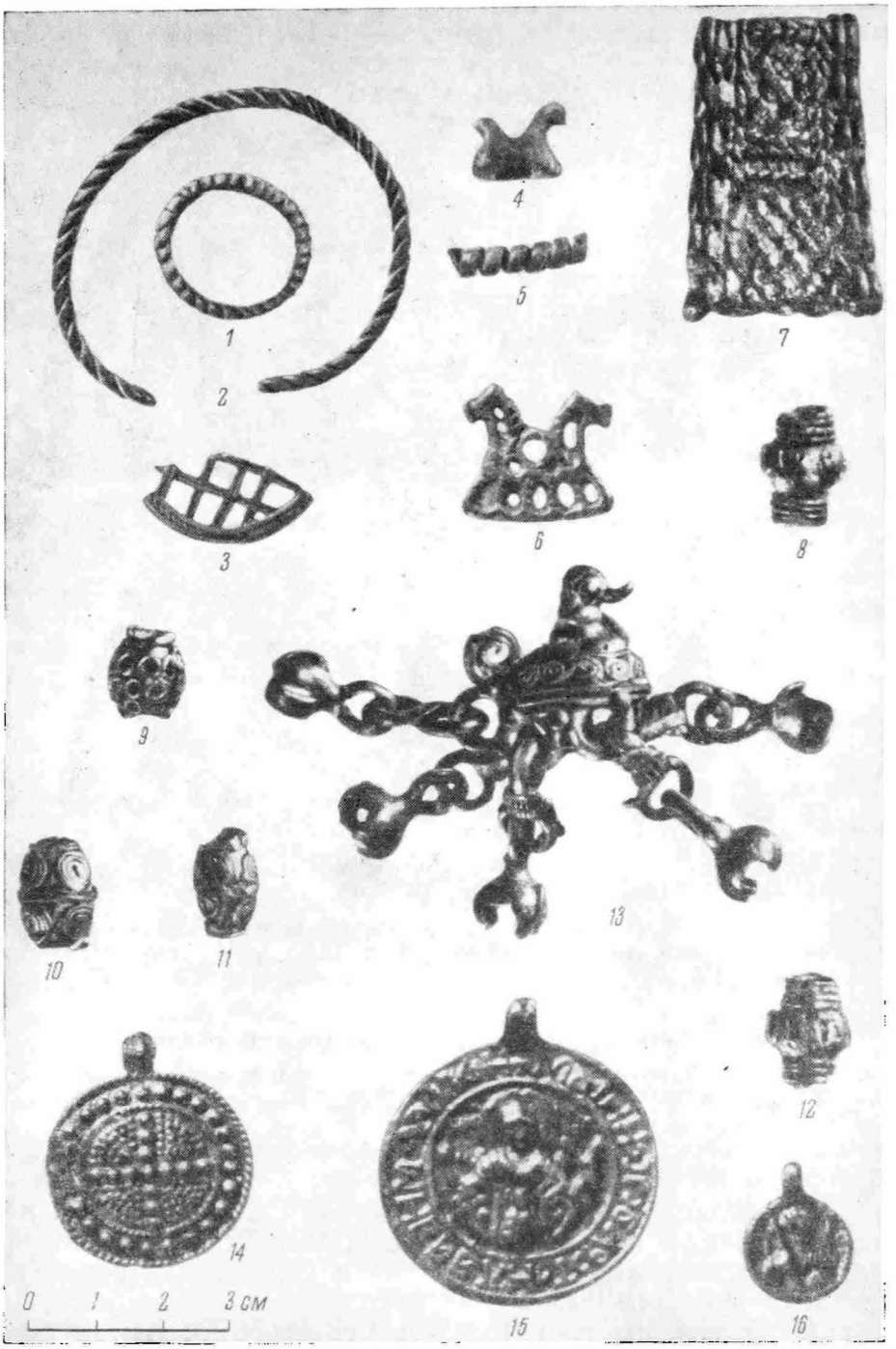


Рис. 15. Вещи из женского погребения у дер. Погостище

1 — перстень; *2* — браслет; *3* — косорешетчатая подвеска; *4* — костяная подвеска; *5* — спиральная пронизка; *6* — стилизованная коньковая подвеска; *7* — средник к ожерелью; *8—12* — бронзовые бусы; *13* — подвеска-уточка; *14* — медальон; *15,16* — образки

димирских курганах[104]. Памятники веси, применявшей курганный обряд погребения, могут быть выявлены в значительном количестве, так как курганные группы по Суде и Колпи еще не исследованы. В верхнем течении притоков Мологи — Кобожи и Сорогожи, освоенным славянским населением издавна, также обнаруживаются островки неславянского населения, хоронившего своих покойников головой на юго-запад, северо-запад

[104] КОПИ ИА АН СССР; А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, рис. 429.

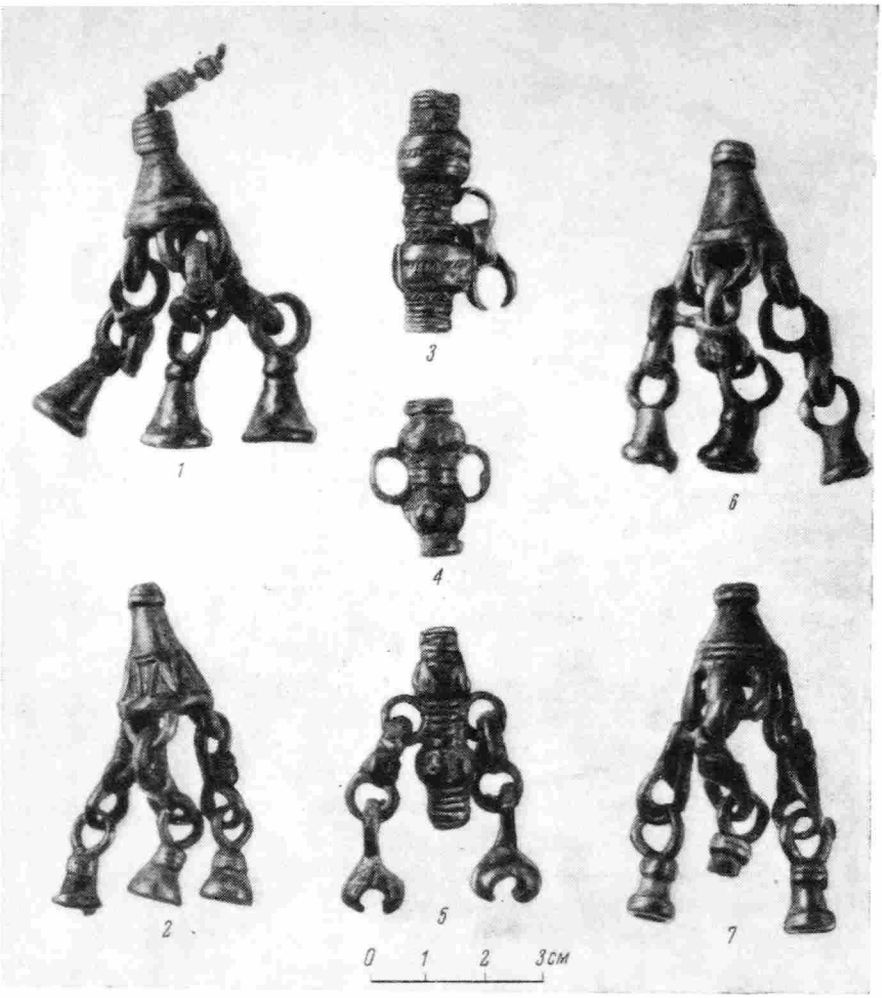


Рис. 16. Вещи из женского погребения у дер. Погостище

1, 2, 6, 7 — конусовидные шумящие подвески; *3—5* — цилиндрические пронизки со вздутиями и шумящими привесками

и север. Этническая принадлежность захороненных пока неясна. Курганные погребения веси, обнаруженные по Суде и Колпи,— поздние, одни одновременны поздним курганным погребениям Приладожья и, как последние, содержат уже значительное число славянских украшений. Как хоронила своих покойных приладожская и белозерская весь до X в., остается пока неизвестным.

Вероятно, захоронение производилось в грунтовых могильниках, которые сохранились у белозерской веси и в XII в. Один такой могильник открыт в 1956 г. А. А. Алексеевой у дер. Торово, под Череповцом. При погребенных, ориентировку которых трудно установить, так как костяки были размыты водой, найдены литые трехбусинные височные кольца, проволочные кольца, загнутые в петлю (как в Судских курганах), мелкие бусы, обломки бубенчиков.

Второй могильник открыл в 1959 г. А. Я. Брюсов в дер. Погостище, Кирилловского района, Вологодской области [105]. Женский костяк лежал головой на восток в грунтовой могиле, где сохранились тлен от гроба и гвозди. За затылком скелета лежали круглые образки с ушками (7 экз.) и два змеевика, превращенные в подвески к головному убору (рис. 15,

[105] А. Я. Брюсов. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в 1959 г. Архив ИВ АН СССР, р. I, № 2066. Приношу благодарность А. Я. Брюсову за разрешение опубликовать это погребение.

15, 16). На груди найдены бронзовые бусы и подвески к ожерелью, среди которых: ажурная косорешетчатая (рис. 15, *3*), литая с выпуклым изображением креста (рис. 15, *14*), средник к ожерелью на шесть нитей (рис. 15, *7*). В составе ожерелья были спиральки (18 экз.) и мелкие колечки (всего 243 экз.), располагавшиеся отдельными скоплениями не только на груди, но и в области пояса и ниже тазовых костей. В состав нагрудных украшений входили также четыре конических и восемь цилиндрических со вздутиями шумящих подвесок (рис. 16), стилизованная коньковая подвеска (рис. 15, *6*) и костяная подвеска с двумя конскими головками (рис. 15, *4*), а также массивная подвеска-уточка (рис. 15, *13*). На правой руке были бронзовый ложновитой браслет, кольцо; у пояса — нож.

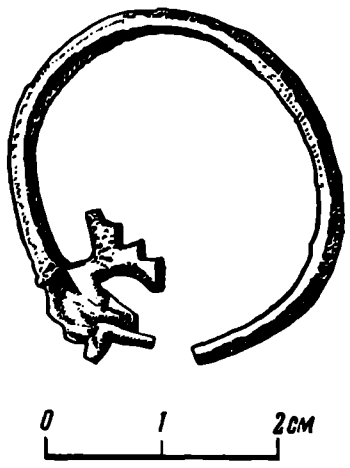


Рис. 17. Височное кольцо из Белоозера. XIII в.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что в XII в. среди сельского населения Белозерского края существовали поселения веси, сохранявшей свои древние языческие верования, погребальные обычаи и костюм, несмотря на влияние, оказанное на нее окружающей славянской средой.

В Судских курганах это влияние ощущается сильнее; в Погостище заметна связь с культурой Костромского Поволжья, этнически близкой веси. Местной, белозерской особенностью женских украшений веси этого времени следует признать спиральные подвески с крестом, проволочные кольца с петлеобразно загнутыми концами в составе ожерелья, литые височные кольца, стилизованные коньковые подвески. К этим украшениям следует присоединить еще литые височные кольца, конец которых оформлен в виде головы лося (?) (рис. 17). Такие кольца найдены в погребении начала XI в. в Киснемском могильнике и в культурном слое Белоозера XIII в.

ПРИЛОЖЕНИЕ (к рисунку 5)

1 — Г. П. Гроздилов. Курганы у д. Челмужи. Археологический сборник. Петрозаводск, 1947, стр. 111—113, кург. 2, погр. 1, 2, 3; монеты XI в. в кург. 5; *2* — В. И. Равдоникас. Скандинавские находки в курганах Прионежья. ПИДО, № 9—10, 1934, стр. 170—171; *3* — А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910, № 158; *4* — В. И. Равдоникас. Памятники..., стр. 19—20, кург. 4; *5* — там же, стр. 14—15, кург. 3; *6* — там же, стр. 18, кург. 8; *7* — там же, стр. 12, кург. 4; *8* — W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 52, кург. VI; стр. 68, кург. XIV; *9* — А. М. Линевский. Отчет о раскопках курганов XI в. на р. Ояти Ленинградской области в 1948 г. Архив ИА АН СССР, № 258, кург. 3, с монетами XI в.; *10* — А. М. Tallgren. Ук. соч., рис. 13; *11* — данные В. М. Потина *12* — данные В. М. Потина; *12а* — Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 3, кург. III; *13* — А. М. Линевский. Отчет об исследовании курганов X—XI вв. на р. Ояти Ленинградской области в 1947 г. Архив ИА АН СССР, № 154, кург. 4; *13а* — Л. Н. Целеппи. Отчет о раскопках курганов на р. Сясь в 1907 г. Дело АК, № 62 за 1907 г. Архив ЛОИА АН СССР, кург. 2, дирхем 914—943 гг.; *14* — В. И. Равдоникас. Памятники..., кург. 17; стр. 33—34, табл. XII, *5*; *15* — там же, стр. 30, табл. IX, *3*, кург. 6; *16* — там же, стр. 31, кург. 7, стр. 33, кург. 12; *16а* — там же, стр. 32, кург. 9, табл. X, *11*; *17* — А. М. Линевский. Отчет о раскопках... в 1948 г., кург. 10; *18* — В. И. Равдоникас. Памятники..., кург. 7, стр. 22, табл. VIII, *10*; *19* — А. М. Линевский. Отчет о раскопках... в 1948 г., стр. 43; *19а* — Я. В. Станкевич. Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья IX—XIII вв. Рукопись, стр. 133. Яровщина кург. 6, погр. 11; *20* — J. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, т. III, Helsingfors, 1878, рис. 1115, 1119; *21* — В. И. Равдоникас. Памятники..., стр. 24, кург. 5; *22* — W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 55, кург. 1; *22а* — Я. В. Станкевич. Хронологическая классификация..., рукопись, кург. 2, стр. 133—134; *23* — Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 4, кург. XVII, *2*; ХС, *1*; *24* — там же, кург. XXV; *25* — там же, стр. 4, кург. XXXII, *3*; *26* — данные В. М. Потина; *27* — В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, табл. II; *28* — Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., ст. 103;

29 — там же, кург. LI, *1*, табл. III, *2*; *30* — там же, стр. 3—4, кург. XLVII, *2*, *3*, *5*; LIX, LXI, *1*; *31* — там же, стр. 4, кург. XLIV, *2*; *31а* — там же, стр. 4, кург. LIV, LV, LVII; *32* — там же, стр. 3; *33* — там же, стр. 3, кург. CIV, *1*; *33а* — там же, кург. CIII, табл. III, *6*; *33б* — там же, стр. 4, кург. XC, XCIII; *34* — там же, кург. CXV, *1*, табл. III, *23*; *34а* — там же, стр. 3, кург. CXVII, погр. 2, 4 и погр. 11, табл. IV, *1*; *35* — там же, кург. IV, *1*; *36* — данные В. М. Потина; *36а* — А. М. Линевский. Отчет о раскопках курганов XI в. по р. Ояти, в Ленинградской области в 1949 г. Архив ИА АН СССР, № 400, кург. 2; 37 — W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 73, 77, 78, рис. 100а, 101; кург. 14, комплекс VII; *37а* — В. И. Равдоникас. Памятники..., стр. 51, кург. 9; *38* — данные В. М. Потина; *39* — W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 40—49, рис. 50; *39а* — данные В. М. Потина; *40* — В. И. Равдоникас. Памятники..., стр. 41—45, кург. 12, 14 — с монетами X в.; кург. 8, 16, 20 — с монетами сер. XI в.; *41* — А. К. Марков. Ук. соч., № 173; *41а* — Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 3; кург. CXVIII, *1*; *42* — А. К. Марков. Ук. соч., №№ 178, 181, 186, 187; стр. 40, № 24; В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 75; *43* — данные В. М. Потина; *44* — ОАК за 1904 г., СПб., 1907, стр. 109; *45* — данные В. М. Потина; *46* — А. К. Марков. Ук. соч., № 175; *47* — данные В. М. Потина; *48* — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 74; *49* — данные В. М. Потина; *50* — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Запада, кол. 703, № 7; *51* — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 76, 131; *52* — там же, стр. 131; *53* — там же, стр. 76; *54* — там же, стр. 102; *55* — А. К. Марков. Ук. соч., № 156; *56* — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 75; *57* — там же, стр. 131; *57а* — там же; *58* — А. К. Марков. Ук. соч., № 268; *59* — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 77; *60* — А. К. Марков. Ук. соч., № 154; *61* — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 120; *62* — данные В. М. Потина; *63* — W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 124; *64* — В. Л. Янин. Ук. соч., стр 120; *65* — раскопки Л. А. Голубевой в 1957 и 1960—1961 гг.; *66* — КОПИ ИА АН СССР; *67* — А. К. Марков. Ук. соч., № 155; В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 120; *68* — Череповецкий краеведческий музей, инв. № 1089; *69* — данные В. М. Потина; *70* — А. А. Спицын. Курганы Белозерского уезда..., стр. 162; *71* — Л. А. Голубева. Славянские памятники на Белоозере, стр. 29; *72* — Н. В. Тухтина. Отчет о работе Белозерской экспедиции ГИМ в 1960 г. Архив ИА АН СССР, № 2180; *73* — ESA, т. III, стр. 148; *74* — Г. П. Гроздилов. Археологические памятники...; *75* — Г. Ушаков. Дневник разрытия курганов в Устюженском уезде. СПб., Ведомости 1844 г., №№ 262, 263; Отчеты В. И. Равдоникаса, Б. Кириллова, М. Е. Арсаковой о раскопках в Устюженском уезде в 1925 и 1926 гг. Архив ЛОИА АН СССР; *76* — Отчет о раскопках Н. И. Репникова..., стр. 17; *77* — В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903, стр. 473—480; *77а* — Отчет о раскопках Н. И. Репникова..., стр. 17—18; *78* — А. К. Марков. Ук. соч., № 275; *78а* — там же, № 274; *79* — В. А. Плетнев. Ук. соч., стр. 505 и 510; *79а* — там же; *80* — там же; *81* — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 102; *82* — Е. И. Горюнова. Этническая история..., карта № 3; *83* — там же; *84* — там же; *84а* — там же; *85* — Я. В. Станкевич. К вопросу..., стр. 73; *86* — там же, табл. III, *8*; *87* — Темеревский могильник, кург. 18; раскопки Я. В. Станкевич в 1939 г.; *88* — Я. В. Станкевич. К вопросу..., стр. 70; *89* — Е. В. Горюнова. Этническая история..., карта № 3; *90—93* — там же; *94* — А. К. Марков. Ук. соч., № 159; *95* — данные В. М. Потина; *96* — ОАК за 1913—1915 гг., стр. 179; Гос. Эрмитаж ОПК, секция Северо-Запада, кол. 655, №№ 1—10; *97* — А. А. Спицын. Древности Севера. Тотьма, 1926, стр. 12; *97а* — там же; *98, 99* — П. Савельев. Ук. соч., стр. 123—124; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Запада, кол. 652, №№ 8, 22; *100* — данные В. М. Потина; *101* — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 120; *102* — МАЭ, кол. 1265, №№ 103, 107, 128, 296, 337—343, 357, 367, 405; *103* — А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Ук. соч., стр. 28—54; *104* — Отчет АК за 1891 г., стр. 106; *104а* — А. К. Марков. Ук. соч., № 32; *105* — М. В. Талицкий. Кочергинский могильник. МИА, № 1, 1940, погр. 3, стр. 164, табл. III, *37, 38*; погр. 5, стр. 167, табл. V, *65*; *105а* — И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. МИА, № 27, 1952, № 123; *106* — там же, № 94; *107* — там же, № 120; *108* — А. К. Марков. Ук. соч., № 35; *109* — там же, № 168; *110* — там же, № 196 ГИМ, кол. 42 360, № *1*, *2* и кол. 37 914; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 535; А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 204; *111* — А. П. Смирнов. Донды-Карское городище. Тр. Научн. об-ва по изучению Вятского края, вып. 4, М., 1929; *112* — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 199; *113* — там же, № 223; *114* — там же, № 222; *115* — А. К. Марков. Ук. соч., № 265; *116* — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 102; *117* — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 606, №№ 144, 513, 577; *118* — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 120; *119* — А. А. Спицын. Археологическая находка конца X в. в Глазовском уезде Вятской губернии. ЗРАО, т. VII, табл. 32, *1*; *120* — А. А. Спицын. Древности..., табл. XIX, *7*; *121* — А. К. Марков. Ук. соч., № 159; *122* — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1228; *123* — А. П. Смирнов. Очерки..., стр 209—212; А. А. Спицын. Археологический альбом. рис. 23, 24; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 540, №№ 1, 9, 12; кол. 571, №№ 109, 110, 117, 192; ГИМ, кол. 35711, № 683; *124* — ГИМ, инв. 35110; *125* — А. А. Спицын. Древности..., табл. XXII, *3*; А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 214; И. А. Лунегов. Редикарский могильник КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 124—128; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 535, №№ 85, 86, 93; *126* — ГИМ, кол. 35711, № 1; *127* — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. № 539, № 1; *128* — там же, кол. 57, № 208; *129* — В. А. Оборин. Плёховский могильник на Каме.

КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 200—202; *130* — данные В. М. Потина; *131* — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1167; *132* — В. А. Оборин. Баяновский могильник на р. Косьве. Уч. зап. Пермского университета, т. XI, вып. 3, Харьков 1953; *133* — Н. А. Прокошев. Погребения на р. Чусовой. СА, III, 1937, стр. 129—134, рис. 1, *12*, рис. 5, *1*; *134* — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 831; *135* — Н. Г. Первухин. Ук. соч., табл. XIV, *4*; *136* — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1468; *137* — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 571, № 91; *137а* — А. А. Спицын. Древности..., табл. XI, *6*; *138* — там же, табл. VII, *4*; XI, *1*; XVII, *4*; XXIII, *14*; *139* — там же, табл. XI, *5*; *140* — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 586, №№ 23—25; *140а* — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1417; *141* — там же, № 1420; *141а* — А. А. Спицын. Древности..., табл. XXXV, *8*; *141б* — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1418; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 573; *142* — А. А. Спицын. Древности..., табл. XVII, *2*; XXII, *14*; *142а* — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 573; *143* — там же, кол. 540; *1*; *144* — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1303; *145* — ГИМ, кол. 44794; *145а* — М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, № 33; *146* — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1177; *147* — там же, № 1151; *148* — А. А. Спицын. Древности..., табл. XXXIX, *16*; Ф. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. III, *1*; *149* — А. А. Спицын. Древности..., табл. V, *14*; табл. XII, *11*; табл. XVIII, *3*; табл. XXXVII, *9*; *150* — там же, табл. XXXIX, *25*; *151* — там же, табл. XXXII, *8*; А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 213; *152* — А. А. Спицын. Древности, табл. XXXIX, *11*; *153* — там же, табл. XIII, *6*; табл. XVIII, *1*; *154* — там же, табл. XI, *3*; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 577, №№ 4—6; *155* — В. А. Оборин. Камская археологическая экспедиция 1955 года КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 103; *156* — М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье..., № 38; *157* — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 117; *158* — А. А. Спицын. Древности..., табл. VII, *9*; табл. XXXIX, *7*, *22*; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 546, №№ 24—25; В. А. Оборин. Рождественское городище и могильник. Уч. зап. Пермского госуниверситета, т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 172—173; *159* — А. А. Спицын. Древности..., табл. XXXIX, *2*; XL, *13*; *160* — Гос. Эрмитаж, кол. 568, №№ 144—145, погр. 43.

Приношу благодарность В. М. Потину за предоставление мне данных о находках монет XI в.

Г. К. ВАГНЕР

ГРИФОН ВО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ ФАСАДНОЙ СКУЛЬПТУРЕ

Образы владимиро-суздальской фасадной пластики чрезвычайно разнообразны. Изображения реальных зверей и птиц перемежаются здесь с фантастическими чудищами. В зооморфный мир включены рельефы на библейские и евангельские темы. На некоторых памятниках, например на Георгиевском соборе г. Юрьева-Польского, все эти сюжеты образуют сплошной «ковер», что не встречается нигде в других памятниках средневекового зодчества.

Владимиро-суздальская скульптура своей загадочностью давно привлекает внимание исследователей. Дискутировались вопросы и о ее происхождении, и о смысловом содержании. Мнение Д. Н. Бережкова, что скульптура Дмитриевского собора является не более как декоративным «оживлением стен» [1], осталось одиноким. Подавляющее большинство исследователей считало и считает, что во владимиро-суздальской фасадной пластике содержится более глубокий смысл [2].

Многие стороны этого сложного вопроса уже выяснены [3], но дальнейшее его раскрытие затрудняется недостаточной изученностью отдельных групп сюжетов, их истории, стилистики и семантики.

Грифон, как и лев, принадлежит к числу центральных образов «звериного стиля» древних и средневековых художественных культур. Его изображения, как и изображения льва, занимают «ключевые» места на фасадах владимиро-суздальских храмов [4]. Поэтому выбор сюжета для написания статьи представляется закономерным.

* * *

Изображения грифонов впервые встречаются во владимиро-суздальской пластике в рельефной композиции «Вознесение Александра Македонского на небо», находившейся на одном из фасадов Успенского собора г. Владимира (1158—1160 гг.) [5].

---

[1] Д. Бережков. О храмах Владимиро-Суздальского княжества ТВУАК, т. V, 1903, стр. 83.

[2] В. Доброхотов. Памятники древностей во Владимире Клязьменском. М., 1849 стр. 140—141; Н. Кондаков. О научных задачах истории древнерусского искусства. Памятники древней письменности и искусства, вып. CXXII, СПб., 1899, стр. 1—47; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI, СПб., 1899, стр. 26—58; F. Halle. Die Bauplastik von Wladimir Susdal. Berlin, 1929, стр. 57 сл.; D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin — Leipzig, 1932, стр. 78—82; Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII веков. М., 1945, стр. 32—33.

[3] В. Н. Лазарев. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. История русского искусства, т. I, М., 1953, стр. 402—416; Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 92—93.

[4] По количеству изображений грифоны занимают второе место после изображений львов. Львы изображены 82 раза, грифон — 55 раз. (В этот подсчет не входят изображения на консолях.)

[5] После обстройки собора князем Всеволодом (1185—1189 гг.) этот рельеф попал в кладку новой южной стены галереи. Подробнее см. Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. т. I. М., 1961, стр. 173—174.

Более широко изображения грифонов применены в оформлении церкви Покрова на Нерли (1165 г.). Во всех боковых закомарах (кроме восточного фасада) помещены большие фигуры грифонов, держащих в лапах тельца или ягненка [6].

Кроме того, рельефы с грифонами (без животных в лапах) находились на лестничной стене, фланкировавшей с юго-запада не существующую ныне круговую галерею храма [7]. Сохранились два парных рельефа; третий известен по рисунку Н. А. Артлебена [8]. Вероятно, и он входил в геральдическую группу.

Еще шире цикл грифоновых сюжетов развернут на фасадах Дмитриевского собора (1193—1197 гг.). В восточной закомаре южного фасада снова изображен сюжет «Вознесение Александра Македонского» на двух грифонах; рядом с ним — грифон, держащий в лапах животное, и шагающий грифон [9]. В центральной и западной закомарах того же фасада помещены парные грифоны — по сторонам псалмопевца Давида и композиции «Крещение». В первом случае грифоны с животным в лапах, во втором — без него [10]. На северном фасаде в центральной закомаре по сторонам Давида тоже видим грифонов, держащих в лапах животное, и без него [11]. Один шагающий грифон помещен рядом с изображением семьи князя Всеволода [12] и два таких же грифона — вверху западного окна [13]. Грифон с животным в лапах помещен у перемычки центрального окна западного фасада [14], а без животного и в геральдической композиции — над левым окном того же фасада [15]. На всех трех фасадах есть изображения грифонов и по сторонам окон, но они более мелкие. Одновременно небольшие изображения грифонов с животными в лапах появляются и на консолях колончатого пояса собора [16].

Несомненно, крупные рельефы грифонов были на фасадах Суздальского собора 1222—1225 гг., но об этом мы можем судить лишь по остаткам изображений грифонов на некоторых консолях междуярусного колончатого пояса.

Последний по времени «грифоновый цикл» был на фасадах Георгиевского собора г. Юрьева-Польского (1230—1234 гг.). Сохранилось только шесть рельефов с грифонами; они вставлены В. Д. Ермолиным (при восстановлении собора в 1471 г.) в разные части южного фасада [17]. Эти рельефы не могли находиться в закомарах, так как в последних были рельефные композиции на библейские и евангельские темы. Но несомненно, что изображения грифонов находились над колончатым поясом собора, вероятно, по сторонам верхних окон [18].

Уже из сказанного видно, что изображения грифонов на фасадах владимиро-суздальских храмов существенно различаются по своему значе-

---

[6] А. А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. 3, *2*; 4, *1*, *2*; 7, *2*.

[7] Подробнее см. Н. Н. Воронин. Покров на Нерли. СА, 1958, № 4, стр. 88—89.

[8] Там же, рис. 17 и 18 *б*.

[9] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 12, *3*.

[10] Там же, табл. 12, *1*—*2*.

[11] Там же, табл. 17, *2*.

[12] Там же, табл. 17, *1*.

[13] Там же, табл. 17, *3*.

[14] Там же, табл. 9.

[15] Там же, табл. 10.

[16] Впервые, по-видимому, в колончатом поясе галерей Успенского собора (1185—1189).

[17] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 32, *1*; 40, *2*; 41, *4*, *6*—*8*. Несомненно, грифонов было больше, так как оставшиеся шесть грифонов не дают полных геральдических групп.

[18] Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество XI—XIII вв. Докторская диссертация. Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 359, стр. 761.; В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 434; Г. К. Вагнер. К изучению рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском, СА, 1960, № 1, стр. 102.

нию. В Успенском соборе и в церкви Покрова на Нерли на них возложена очень большая роль. Грифоны выступают здесь не в виде единичных фигур, а в сюжетных композициях [19]. Рельеф «Вознесение Александра Македонского», будучи, по-видимому, единственной крупной композицией на западном или южном фасаде Успенского собора, должен был сосредоточивать на себе внимание зрителей. Почти столь же важную роль выполняли и грифоны церкви Покрова на Нерли. Хотя они и занимают боковые закомары, но их связь с центральными изображениями псалмопевца Давида не нарушается никакими другими сюжетами, а шестикратное повторение грифонов придает им особое значение.

В Дмитриевском соборе подобное значение грифоны сохраняют лишь до некоторой степени. Это прежде всего относится к изображениям, входящим в композицию «Вознесение Александра Македонского», и «когтящим» грифонам. Эти рельефы наиболее значительные и расположены также в «ключевых» местах. Но, помимо их, на фасадах много и других изображений грифонов, преимущественно без животных в лапах, шагающих или адорирующих. Эти изображения хотя и тяготеют к верхним частям фасадов, но все же довольно разбросаны.

В Георгиевском соборе грифоны явно отходят на второй план, уступая место христианским сюжетам.

* * *

Хотя все грифоны владимиро-суздальской пластики относятся к одному орлиноголовому типу, но в их художественной трактовке замечается существенная эволюция.

К сожалению, мы не можем судить о самых ранних грифонах Успенского собора 1158—1160 гг., так как от них сохранились ничтожные фрагменты.

Грифоны церкви Покрова на Нерли имеют серповидные крылья, поднятые вверх и сложенные вместе. Лапы грифонов — орлиные, так же как и клювы (рис. 1, *1*). Вместе с тем с пластической точки зрения эти грифоны наиболее скульптурны. Тело грифонов не имеет еще оперения и графической разделки.

Грифоны, бывшие ранее на лестничной башне церкви Покрова на Нерли, несколько иного облика. Их лапы уже не столь когтисты; есть грифоны не с орлиными, а с львиными лапами [20]. Крылья грифонов тоже серповидные, но не сложены вместе, а распахнуты (рис. 1, *2*).

Грифоны с животным в лапах на Дмитриевском соборе лишь иконографически восходят к грифонам церкви Покрова. В художественном отношении они очень отличаются от последних. Грифоны здесь более стройных форм, с длинными вытянутыми шеями. Хвосты не просто загнуты на спину, а пропущены сначала под живот (рис. 1, *3*). Среди изображений грифонов на Дмитриевском соборе имеется большое количество «шагающих» грифонов. Грудь их гордо выпячена вперед, одна лапа поднята. Кстати, лапы этих грифонов тоже более похожи на львиные, чем на птичьи. Крылья их увеличены и более пышны, концы перьев закруглены. Окончание хвоста стилизуется в виде растительного побега. Туловища грифонов, до сих пор гладкие (за исключением шеи и бородки), начинают приобретать графическую разделку различными концентрическими кривыми бороздками (рис. 1, *4*). Высота рельефа в ряде случаев снижается. Особенно заметны все эти новые черты в трактовке грифонов запад-

[19] Имеется в виду не только сюжет «Вознесение Александра Македонского», но и грифоны с животным в лапах. Последний сюжет известен под названием «когтящего» или «терзающего» грифона.

[20] По мнению Н. Н. Воронина, эта особенность появилась лишь в графической передаче Н. А. Артлебена (см. Н. Н. Воронин. Покров на Нерли, стр. 89).

Рис. 1. Рельефные изображения грифонов

1 — на фасаде церкви Покрова на Нерли; *2* — на исчезнувшей лестничной стене церкви Покрова на Нерли; *3, 4* — на фасадах Дмитриевского собора; *5* — на фасаде Георгиевского собора

ного прясла южного фасада [21]. Плоский характер рельефов и графичность резьбы выделяет эту группу из других рельефов [22].

Перечисленные особенности получают дальнейшее развитие в грифонах Георгиевского собора. Грифонов с животными в лапах здесь совсем нет. Шагающие грифоны приобретают еще большую горделивость

[21] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 12, *1*.

[22] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества..., стр. 57.

осанки. Шеи их отклонены назад, а грудь еще больше выгнута вперед, лапы скорее звериные, чем птичьи. Особенно же увеличивается живописность в трактовке туловищ грифонов. Последние сплошь покрыты перьями, сами крылья и хвосты грифонов обогащаются замысловатой разделкой (рис. 1, *5*).

Отмеченная эволюция, несомненно, находилась в связи с изменением роли образов грифонов в пластике владимиро-суздальских храмов. Но само это изменение невозможно понять без раскрытия значения образа грифона в исторической перспективе.

* * *

Изображение грифона в древневосточном и античном искусстве достаточно изучено [23], что позволяет ограничиться здесь лишь изложением основных положений. Полиморфный образ орлиноголового грифона возник у хеттов, по-видимому, в результате слияния племенных тотемов, что соответствует мифотворчеству периода образования союзов племен. Первоначально грифон считался божеством или воплощением божества. Это видно из египетской мифологии, в которой грифон иногда именуется «великим богом, владыкой неба» и изображается внутри солнечного диска. Однако очень рано, в связи с централизацией государств и введением общегосударственных религий, грифон переходит в разряд служителя божества. Таковым он выступает уже в хеттских древностях II тысячелетия до н. э. [24]. Ахеменидские рельефы, изображающие борьбу царя с полиморфными существами, в том числе с грифоном, являются поздним выражением этого процесса [25].

Распространившись в мифотворчестве древневосточного и эгейского миров, грифон продолжал сохранять связь с солярным культом [26]. Как атрибут бога солнца Аполлона грифон выступает в греческом искусстве [27]. По мнению А. Лаппо-Данилевского, грифон и у скифов считался символом бога солнца Гойтосара [28]. Вместе с этим появляются и другие смысловые значения грифона. В древневосточных государствах в связи с обожествлением царя грифон стал и его охранителем, превращаясь, таким образом, в своего рода «верховный» государственный символ. Поэтому широко распространенные в искусстве Востока изображения грифона, «когтящего» животное (чаще всего травоядное), правильнее рассматривать не как извечную борьбу Добра и Зла и т. п., а как символические выражения победы военного государства над окружающими племенами [29]. В Греции этот мотив не мог иметь аналогичного значения, он был, по-видимому, скорее декоративным. Но у скифов и близких им племен степей Евразии он приближался по своему значению к восточному. Распространение рассматриваемого сюжета на скифском оружии позволяет считать, что ему придавали еще и апотропеическое значение [30]. Следует отметить, что скульптурные изображения грифонов были при дворе скифского царя Скила (в Ольвии) [31], что напоминает восточный обычай [32]. Поэтому нельзя согласиться с мнением Н. П. Кондакова, считавшего (вслед за Миннсом), что грифон был «эмблемой скифского кочевья» [33].

Апотропеические изображения грифона были очень многообразны. Кроме оружия, они употреблялись на навершиях [34], предметах конского снаряжения, а также на головных уборах, саркофагах [35] и т. д.

---

[23] Н. Н. Погребова. Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации. Кандидатская диссертация. Архив ИА АН СССР, разд. 2, д. № 340. (Здесь же приведена большая библиография.)

[24] Там же, стр. 15.

[25] Г. А. Пугаченкова. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. СА, 1959, № 2, стр. 71.

[26] Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 17, 21, 24, 32.

[27] Там же, стр. 36—37, 45—46.

[28] А. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. ЗОРСА, т. 4, СПб., 1887, стр. 532.

[29] Н. П. Кондаков. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929, стр. 92.

[30] Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 64, 76 сл.

[31] В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947, стр. 11.

[32] О стремлении скифов к государственности и в связи с этим к различным регалиям и восточным церемониям подробнее см. Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 10—11.

[33] Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., стр. 29, 102.

[34] В. В. Шлеев. К вопросу о скифских навершиях. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 60 сл.

[35] Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 58, 62, 83, 91, 119.

В зависимости от характера мифологии той или иной страны классического Востока образ орлиноголового грифона получил определенные иконографические и художественные черты. Так, например, искусство Передней Азии знало свой тип грифона, оказавший известное влияние на иконографию эгейского, финикийского и архаического греческого грифона. Переднеазиатский грифон изображался с мощным львиным туловищем, но с задними орлиными ногами; крылья серповидно загнуты вперед; шея осложнена гребнем из стоячих перьев; клюв грифона всегда яростно раскрыт [36]. В греческом искусстве в классический период сложился иной образ. Грифон изображался с львиным туловищем, но с крыльями, изогнутыми под прямым углом назад; гребень из торчащих перьев заменен зубчатым; все тело грифона приобрело гибкость и стройность [37].

В «зверином стиле» скифов и близких им племен были известны оба описанные типа, но широкое распространение получил и собственный образ грифона. Он более упрощен, но вместе с тем внутренне чрезвычайно напряжен и экспрессивен. Акцентируются отдельные части грифона, чаще всего — клюв, глаз, когтистые лапы; хвост нередко усложняется зооморфным окончанием [38].

Изображения грифона приобретают тот или иной вид и в зависимости от вкладываемого в них смысла или назначения. Грифоны — стражи божества и его алтаря и царя и его трона — чаще всего изображались в спокойных позах и в геральдической композиции [39]. Но как стражи золота Скифии они всегда показаны в борьбе с аримаспами [40]. Как эмблемы победы или как апотропеи воина грифоны изображались в сцене борьбы с каким-либо животным, причем грифон всегда выступает победителем. Возможно, что специально апотропеическое значение имели лежащие грифоны с повернутой назад головой [41].

Необыкновенно широкое развитие образов грифонов в скифском «зверином стиле», частично сохранившееся и у сарматов [42], все же не может рассматриваться как непосредственный источник средневековой «грифонологии».

* * *

Для понимания истоков «звериного стиля» средневековья необходимо учитывать следующее: 1) интерес к звериным образам сохранялся в искусстве «варваров» послескифского времени; 2) в связи с передвижениями «варваров» с Востока на Запад и тесным соприкосновением их с ранее обитавшими здесь племенами закладывались основы относительной общности «звериного стиля» эпохи раннего средневековья; 3) связи «варваров» с Передней Азией сохраняли за последней роль дополнительного источника родственных художественных образов; 4) многие звериные образы перешли из эллинистического искусства в раннехристианское искусство еще до появления в Европе «варваров». Из сплава всех этих встречных и параллельных движений рождался «звериный стиль» средневекового искусства, развивавшийся как будто в общем русле, но тем не менее в разных странах различно.

Поскольку главным «субстратом» европейского искусства раннего средневековья оставалось творчество молодых «варварских» народов, то естественно, что в развившемся в это время «зверином стиле» образ грифона продолжал занимать одно из центральных мест. Сложная картина рождения средневековой «грифонологии» может быть лучше всего прослежена на древностях Болгарии.

Еще до прихода болгар из Приазовья на Балканы здесь остались памятники «варварского» искусства, среди которых есть и произведения с изображениями грифонов. Н. П. Кондаков допускает их принадлежность сарматам [43]. Следующий этап в развитии местного «звериного стиля» связан уже с приходом болгар, в мифологии которых грифон продолжал занимать особое место [44].

Самое важное, однако, состояло в том, что в это время «звериный стиль» (и, в частности, изображение грифона) усваиваются монументальной архитектурой. Изображение «когтящего» грифона на знаменитой новозагорской капители при кажущемся сохранении старых «степных» традиций [45] отличается уже новым качеством. Грубоватый по пропорциям ушастый грифон хотя и «терзает» свою жертву, но в нем совершенно не выражена яростность. Датировка капители VII—VIII вв. встретила возра-

[36] Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 18—19, 26—29.
[37] Там же, стр. 41.
[38] Там же, стр. 53 сл.
[39] Там же, стр. 17—48.
[40] Там же, стр. 43—45.
[41] Там же, стр. 97.
[42] Ср., например, фалары Янчокракского клада, а также поясные бляшки, распространенные на широкой территории от Сибири до Венгрии (см. М. И. Ростовцев. Сарматские и индо-скифские древности. Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926, стр. 247).
[43] Ср. находки из Березовского могильника (см. Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., стр. 81—83, рис. 34).
[44] Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство. София 1958, стр. 81, рис. 73.
[45] Ср. грифона из раскопок на Алтае (см. С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. 11, *1*, *2*).

жения [46], но, несомненно, это один из ранних памятников подобного рода. Н. П. Кондаков не случайно интерпретировал этот рельеф как эмблему победы молодого северного народа [47]. Сохранение среди болгар даже и в IX в. представлений о грифоне как о покровительствующем воину-герою существе видно из мифологических сцен, вырезанных на деревянном ларце из Терачина. В одной из сцен грифон помогает воину-стрельцу победить чудовище [48]. И в этом изображении еще чувствуется традиция далекого скифского времени, но образ грифона уже более репрезентативен. В целом же для болгарских грифонов этого времени характерно отсутствие гребня, загнутые серповидно вперед крылья и сильное тело с львиными лапами. Как увидим ниже, эти черты станут характерными для тех средневековых изображений грифона, которые не зависят от античных образцов. Рассмотренные памятники относятся еще к дохристианскому искусству Болгарии. Для понимания дальнейшей истории развития образа грифона необходимо исходить из факта признания его христианской иконографией.

На раннехристианских саркофагах изображения грифона понимались в древнем апотропеическом смысле [49]. При этом господствовала геральдическая композиция. «Легализация» грифона раннехристианским искусством несомненно способствовала развитию этого образа в Византии. Н. П. Кондаков привел интересные данные о том, что начальники византийских воинских дружин, набиравшихся большей частью из «варваров», имели изображение грифона своей эмблемой и даже назывались «грифами». Постепенно грифон стал эмблемой кесарского чина Византии [50].

Во второй половине I тысячелетия образ грифона был настолько усвоен византийским искусством, что им стали заменять старые символы. Наиболее интересно это рассмотреть на сюжете «Вознесение Александра Македонского на небо», столь популярном в средневековом мире.

В древнейших греческих редакциях этой легенды Александр вознесен на небо сильными птицами белого цвета, ручными, но питающимися мясом [51]. В X или до X в. птицы в византийских легендах были заменены грифонами [52] (!), и в таком варианте легенда стала известна в Западной Европе. Замещение белых ручных птиц грифонами могло произойти при условии, что с грифонами связывались представления как о сильных существах, близких к небу и содействующих прославлению Александра, т. е. «апофеозу царской власти» [53]. Далее, от XI—XII вв. известна каменная резная плита (собор св. Марка в Венеции) [54] с изображением двух геральдических грифонов, стоящих перед фонтаном, из которого произрастают виноградные лозы. Обычно в этой сакральной сцене у фонтана изображаются две «райские» птицы (фениксы, павлины, фазаны) [55]. Следовательно, и тут райские птицы могли быть замещены грифонами при условии, что с образом грифонов связывались какие-то синкретические культовые и, во всяком случае, доброжелательные представления.

В рассмотренных рельефах собора св. Марка грифоны даны в античном типе. На византийских тканях они преимущественно изображались в восточном изводе [56]. Однако и тот и другой типы существенно упрощены. У грифонов исчезли гребни и мощные царственные туловища. Если бы не клювы и крылья, то они ничем не отличались бы от облика реального животного.

* * *

Судьбы образа грифона в западном и восточном европейском средневековом искусстве не совсем одинаковы. В западноевропейском искусстве грифон некоторое время еще осмыслялся в традиционном восточном духе, т. е. как существо доброе, покровительствующее, как страж или охранитель [57]. Мотив двух грифонов в геральдической композиции был чрезвычайно распространен на могильных памятниках раннe-

---

[46] Н. П. Кондаков относит капитель к VIII—IX вв. (см. Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., стр. 101, 131); Н. Мавродинов отодвигает дату до X в. (см. Н. Мавродинов. Ук. соч., стр. 214—215).

[47] Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., стр. 105—106.

[48] Н. Мавродинов. Ук. соч., стр. 76, рис. 69.

[49] Л. Стефани. Описание некоторых вещей, найденных в 1863 году в Южной России. ОАК за 1864 г., стр. 141.

[50] Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., стр. 29, 106, 347—348, 360.

[51] А. В. Банк. Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо. ТОВЭ, т. III, Л., 1940, стр. 185.

[52] Там же, стр. 193.

[53] Таков смысл этого сюжета (см. А. В. Банк. Ук. соч., стр. 186; В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 398—399).

[54] Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., стр. 105. Считается, что эти плиты были вывезены из Византии.

[55] Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., стр. 108 сл.

[56] Византийские ткани из раскопок Старой Рязани см. А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 48, 1955, рис. 131.

[57] E. Mâle. L'art religieux du XII siècle en France. Paris, 1924, стр. 324.

средневековой Франции [58]. Особенно интересны раннесредневековые памятники Италии, например резная каменная плита VIII в. из церкви в Чивидале [59]. В центре плиты изображен крест, под ним — древо жизни и два грифона огрубевших античных форм. По углам плиты изображены евангелисты. «Двоеверие» выражено здесь в классической форме. В XII в. грифон еще привлекал интерес как таинственное культовое существо [60]. Существовали даже легенды о храмах, у которых вымостки пола с изображениями грифонов будто бы свидетельствовали о том, что место построения храма было указано грифонами [61]. Грифонов изображали на алтарных преградах [62] и, что особенно интересно,— на крестильных купелях в качестве охранителей от греховных сил. Наконец, изображение грифона было очень распространено в значении символа Христа [63]. Охранительное значение образа грифона настолько многообразно, что в настоящей статье охватить эту тему невозможно.

Однако с быстрым развитием критики богословия древнее мифологическое значение образа грифона неуклонно исчезало. Оно сохранялось в известной степени в феодальной эмблематике [64], но и здесь грифон превращался в «химерический образ». Он стал наделяться подчеркнуто устрашающими чертами, сближаться с драконом, химерой [65]. В таком виде грифоно-змей изображен и на печати польского князя середины XIII в. Рыцарь пронзает чудовище мечом [66]. В немецком «Травнике» XV в. грифон выступает как враг человека [67].

В средневековом искусстве Восточной Европы древние мифологические традиции сохранялись в более цельном виде. Христианство, развивавшееся здесь на основе неоплатонизма [68], допускало многие древние языческие образы, не наделяя их враждебно-демоническим содержанием.

Очень интересны болгарские грифоны на сосудах Миклошского клада (последняя треть IX в.). Наряду с традиционным грифоном-победителем [69] здесь изображены еще более фантастические образы грифонов, но не в демоническом, а скорее в пережиточном тотемистическом значении [70]. Вместе с тем в Болгарии, Грузии и Армении в X—XIII вв. грифоны изображались на фасадах и в интерьерах храмов в древнем значении охранителей [71]. Возможно, что в живучести подобных представлений сказывалось

---

[58] É. Mâle. Ук. соч., стр. 360.

[59] Карл Верман. История искусства всех времен и народов, т. II. СПб., 1896, стр. 102—103.

[60] Показательно, что в описаниях искушений монахов демонами фигурируют не грифоны и тому подобные восточные мифические существа, а реальные животные: львы, волки, медведи, змеи и т. д. (ср. É. Mâle. Ук. соч., стр. 370).

[61] É. Mâle. Ук. соч., стр. 345.

[62] Там же, стр. 326.

[63] W. von Blankenburg. Heilige und dämonische Tiere. Leipzig, 1943, стр. 241, табл. 112—113; Louis Réau. Iconographie de l'art Chretien, т. I, Paris, 1955, стр. 84, 88, 116.

[64] Крестовые походы способствовали появлению изображений восточных образов животных на щитах и знаменах рыцарей. Поскольку эти эмблемы не выражали широких государственных идей, они становились символами личного мужества, в них акцентировались преимущественно устрашающие черты. Об одном из таких образов хорошо сказал А. Блок:

«А над ними — символ своеволья —
Перуджийский гриф когтит тельца...»

(Александр Блок. Стихотворения и поэмы. М., 1958, стр. 127).

[65] Julius Baum. Romanische Baukunst in Frankreich. Stuttgart, 1910, табл. 14, 15, 88. Яркую характеристику романской пластики см. М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. I, М.— Л., 1948, стр. 321 сл.

[66] M. Haisig. Sfragistika Kalisza. В кн.: Osiemnascie wieków Kalisza, T. I, Kalisz, 1960, стр. 213, рис. 5. За указание на это изображение благодарю Н. Н. Воронина. Грифоны в чешской пластике XII в. сохраняют свое обычное туловище, но клюв и когти лап резко подчеркнуты, хвост наделен зооморфным окончанием в духе скифского искусства (см. V. Denkstein, Dr. J. Kybalová. Lapidarium Nádodního musea.. Praha, 1958, табл. 23).

[67] Ф. И. Буслаев. Сочинения, т. I. СПб., 1908, стр. 340.

[68] М. В. Алпатов. Ук. соч., стр. 307.

[69] Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., рис. 39.

[70] Н. Мавродинов. Ук. соч., стр. 115 сл., рис. 117, 124, 127, 129.

[71] Ср., например, рельефы из Старой Загоры, происходящие, по-видимому, из иконостасной стенки. Грифон и лев стоят здесь по сторонам креста (см. Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., стр. 106—107; Н. Мавродинов. Ук. соч., стр. 215—219). На фасаде грузинского храма Никорцминда (начало XI в.) грифоны изображены вокруг портала (см. Н. Аладашвили. Рельефы Никорцминда. Тбилиси, 1958, табл. 17), т. е. на обычном месте «духов-охранителей» (ср. А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII веков. М.— Л., 1950, стр. 79). На капители ку-

и соседство искусства Азии, в котором грифоны и в XII в. изображались в том же значении [72]. Азиатские грифоны по древней традиции имеют целиком львиное тело, но у них уже нет гребней и прочих замысловатых деталей. К азиатскому типу ближе всего «мощный» грифон на армянском храме Креста в Ахтамаре [73]. Грузинские грифоны, как и болгарские, ближе к византийским. В отличие от последних в них почти нет античных пережитков. В грифонах, несмотря на схематизм по сравнению с древними прообразами, сохраняется выражение спокойствия и известной репрезентативности. Показательно, что даже в композициях «когтящего» грифона последний уже не клюет животное, находящееся в его лапах, а изображается с повернутой в сторону головой [74]. Покровительственное значение грифона в соединении с императивностью его облика способствовало переходу грифона в феодальную геральдику.

Все сказанное непосредственно подводит нас к вопросу о происхождении и смысловом значении владимиро-суздальских грифонов.

* * *

Грифоны владимиро-суздальской пластики не были новостью для древнерусского искусства. Мы видим их изображение уже на лестничных фресках Киево-Софийского собора (XI в.) [75]. Находка в Новгороде деревянной резной колонки с изображениями грифона и кентавра (XI в.) [76] свидетельствует, что в XI в. эти образы стали частично переходить в область декорации. Следовательно, период, когда они полностью сохраняли свое древнее смысловое значение, относится ко времени до XI в.

Ранние изображения грифонов можно видеть в двух крылатых орлиноголовых зверях, включенных в орнамент одного из турьих рогов Чернигова (IX—X вв.) [77]. Они противопоставлены двум другим чудовищам, которых нельзя считать грифонами [78]. С другой стороны, грифоны выступают здесь в сюжете, в котором одну из главных ролей играет орел, по-видимому, особо почитавшийся черниговцами как покровитель города, а в древности — племени [79]. Интерес славянских дружинников к образу орла-грифа как к дружинной эмблеме засвидетельствован находкой статуэтки орла (с монограммой «Петр») в приднепровском погребении VII—VIII вв. [80]. Небезынтересно напомнить малоизвестное мнение Н. П. Кондакова, что в «Слове о полку Игореве» под образом Дива подразумевался гриф. [81]. Образ грифа и внешне, и по связи с солярным культом тесно смыкается с образом грифона. В условиях укрепления союзов племен интерес к полиморфным образам должен был все более развиваться [82]. Б. А. Рыбаков допускает, что в виде крылатого зверя славяна-

---

таисского храма Баграта грифон «когтит» какое-то чудище (см. МАК, вып. III, М., 1893, стр. 41, рис. 27), т. е. может быть истолкован по аналогии с ново-загорским грифоном. Очень интересны грифоны-охранители на епископском троне XIII в. из церкви в г. Рачеве в Сербии (см. G. Millet. Étude sur les églises de Rascie. L'art Byzantin chez les Slaves les Balkans. T. I, Paris, 1930, стр. 178, рис. 115, 116).

[72] Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 83. Изображение грифона имело охранительное значение и в позднеаланском искусстве Северного Кавказа. Ср., например, грифона на кошельке из раскопок 1957 г. (см. В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, № 2, стр. 115, рис. 18. Автор публикации называет грифона «сэнмурвом»).

[73] См. А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 77, рис. 60.

[74] См. А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. М., 1931, табл. 91.

[75] Древности Российского Государства. Киево-Софийский собор, вып. IV. СПб., 1887, табл. 53, *5, 10*; табл. 55, *6*.

[76] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 34. Изображение колонки см. «История русского искусства», т. IV, М., 1959, стр. 616.

[77] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 48, рис. 20 (сверху).

[78] Ср. А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, стр. 55, табл. III, *2* и *4*.

[79] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 47, 54.

[80] А. Л. Мацулевич. Войсковой знак V в. ВВ, т. XVI, 1959, стр. 183—185, 202—205.

[81] Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., стр. 359.

[82] Аналогичное явление наблюдалось у народов Среднего Поволжья и Прикамья (см. А. П. Смирнов Великие болгары. Тр. ГИМ, вып. XIX, 1951, стр. 9).

ми мог почитаться Симаргл[83]. Изображения грифонов на колтах и амулетах (змеевиках) связывались с оберегательными функциями[84]. Даже в случае декоративного их понимания изображения грифонов свидетельствуют о том, что образ этот был далеко не чужд интересам широких слоев городского населения и входил в народную художественную культуру русского средневековья.

Связанные с грифоном пережиточно-апотропеические представления сохранялись даже в оформлении храмовых интерьеров. На древнерусских хоросах фигурки грифонов по-прежнему связывались с огнем, а через это — с апотропеическими функциями[85]. На фресках Киево-Софийского собора два грифона изображены по сторонам «солярного» знака, который, впрочем, можно считать и декоративной эмблемой Христа — хризмой. В храмовых росписях собора по сторонам такой идеограммы изображены ангелы[86]. Следовательно, грифоны выступают как их своеобразные «эквиваленты»[87].

Однако несомненно, что изображения грифонов были особенно тесно связаны с княжеской средой. На одном из грифонов турьего рога из Чернигова имеется знак, являющийся, возможно, княжеской тамгой[88]. В росписях Киево-Софийского собора грифоны помещены на лестничных фресках и, следовательно, адресованы непосредственно княжеской среде. В середине XII в. то же самое наблюдалось в древнем Галиче, где грифоновые циклы (на керамических плитках) развертывались в интерьерах княжеского дворца или княжеского храма Спаса[89]. Адорирующие грифоны на шлеме князя Ярослава Всеволодовича[90], помимо того, что они имели апотропеическое значение, служили символами власти или знатности происхождения, как это было на коронах сасанидских царей, на шлеме Александра Македонского[91] и т. д. Такое же значение изображения грифонов имели на великокняжеских одеждах (Владимир, Старая Рязань).

Выше уже говорилось, что в Византии грифон постепенно превратился в эмблему кесарского чина. Таким образом, в известной степени можно согласиться с мнением Н. П. Кондакова, что великими князьями древ-

---

[83] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI веков и южнорусских княжеств XII—XIII веков. История русского искусства, т. I, стр. 284.

[84] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство..., стр. 270—271; Г. К. Вагнер. О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках. КСИА АН СССР, вып. 85, М., 1961, стр. 28—29. Очевидно, охранительное значение имело изображение грифона на круглой костяной пластинке, найденной при раскопках в Чернигове (1956 г.). Пластинка, по-видимому, прикрывала замочную скважину шкатулки. За сообщение этих сведений благодарю Б. А. Рыбакова.

[85] Г. К. Вагнер. О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах. КСИА АН СССР, вып. 81, 1960, стр. 28.

[86] Древности Российского государства. Киево-Софийский собор, вып. I—III. СПб., 1871, табл. 32.

[87] Ср. грифонов по бокам такой же идеограммы в храме Никорцминда (см. Н. Аладашвили. Ук. соч., табл. 26—27). Доброжелательное значение грифонов подтверждается изображением их рядом с сэнмурвами. О сэнмурве см. К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскундж, собака-птица. Л., 1937.

[88] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 45.

[89] М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. КСИА АН СССР, вып. 81, 1960, стр. 64. Воспроизведение см. В. К. Гончаров. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. АП, т. V, 1955, стр. 29. Судя по этим небольшим публикациям, галичские грифоны выдержаны в восточноевропейском духе, но здесь, конечно, было много точек соприкосновения с западноевропейской «грифонологией».

[90] Древности Российского государства, отделение III, вып. 2, табл. 4. В. Л. Янин доказал, что этот шлем первоначально принадлежал князю Мстиславу Юрьевичу и был изготовлен между 1149 и 1162 гг., следовательно, еще до появления первых грифоновых изображений на фасадах владимиро-суздальских храмов (см. В. Л. Янин. О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича. СА, 1958, № 3, стр. 60).

[91] Л. Стефани. Ук. соч., стр. 121—124; Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 48.

ней Руси эта эмблема стала усваиваться «по историческому праву» [92]. В связи с этим становится понятным, почему во владимиро-суздальской пластике был популярен сюжет «Вознесение Александра Македонского на небо». На рельефе Дмитриевского собора Александр Македонский держит в руках фигуры небольших львов [93]. Лев, как и барс, был геральдической эмблемой владимиро-суздальских князей [94]. В грузинской пластике XII—XIII вв. известна композиция, в которой Александр представлен орантом, а львы, обхватив лапами крылья грифонов, как бы помогают последним возносить Александра на небо [95]. Приведенные примеры говорят о том, что грифоны в рассматриваемом владимиро-суздальском сюжете являются существами, неразрывно связанными (как и львы) с идеями сильной княжеской власти. Не случайно рельефы с изображением Вознесения Александра были на фасадах трех прославленных владимиро-суздальских храмов [96].

В соответствии со сказанным следует понимать и мотив «когтящего грифона». Мы не можем видеть в нем символ злых сил [97], тем более что ни один «когтящий» грифон во владимиро-суздальской пластике не изображен терзающим или когтящим животное. Все владимиро-суздальские грифоны с животными в лапах изображены с головами, поднятыми на вытянутых шеях вверх, явно в сторону от животного. Создается впечатление, что грифоны не «когтят» животное, а возносят его вверх. Учитывая все сказанное выше о мотиве «когтящего» грифона, можно и во владимиро-суздальских рельефах видеть либо символы победы над язычеством, либо вообще феодально-покровительственные охранительные эмблемы. История постройки церкви Покрова на Нерли как будто подтверждает сказанное. Храм строился как памятник победы над волжско-камскими болгарами и как своего рода «триумфальные ворота», стоящие в начале речного пути (по р. Нерли) в глубь Суздальской земли [98]. Однако предлагаемое истолкование грифонов, как и мнение Н. П. Кондакова, нуждается в уточнении.

В церкви Покрова на Нерли геральдические барсы были расположены на лестничной стене, причем именно на стороне, обращенной к устью р. Нерли [99]. Где-то здесь же находились ранее и рельефы грифонов (без животного в лапах). Таких рельефов было, по-видимому, две геральдические пары. Поскольку угловая лестничная клетка имела две наружные стены, то естественно предположить, что каждая из них была оформлена геральдическими парами грифонов. Эти изображения грифонов можно понимать либо как традиционных охранителей, либо как образы, тоже входящие, наряду с барсами, в круг княжеской эмблематики и, таким образом, усиливающие ее воздействие. Подобные примеры известны из феодального быта Армении. Гербовой эмблемой рода князей Камсараканов была бычья голова, но по сторонам ее еще изображались змеевидные

---

[92] Ср. Н. П. Кондаков. Очерки и заметки..., стр. 29. Ниже будет сказано, что это мнение требует уточнения.

[93] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 12, *3*. На эту особенность обратил мое внимание Н. Н. Воронин.

[94] См. А. Некрасов. О гербе суздальских князей. Сборник в честь А. М. Соболевского. Л., 1928, стр. 406—409; Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества..., стр. 27; В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр 406; А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 33; его же. Древнерусские областные гербы. Уч. зап. МГУ, история, вып. 93, 1946, стр. 54—55.

[95] МАК, вып. IV, М., 1894, табл. VII.

[96] В 1927 г. в г. Старице был найден бронзовый барельеф XIII — начала XIV в., на котором изображен князь, сидящий на троне, оформленном фигурами грифоноподобных зверей (см. М. В. Сузин. Бронзовый барельеф XIII—XIV вв. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 142).

[97] См. А. Карнеев. Физиолог. СПб., 1890, стр. 147. Злые силы символизируются в «физиологе» лисицей, онагром, куропаткой и т. п.

[98] Н. Н. Воронин. Покров на Нерли, стр. 92, 93.

[99] Там же, стр. 88, 92.

драконы [100]. Кроме драконов, в эмблематике армянских феодалов известны и другие звериные образы, в частности львы [101].

Если изображения грифонов на лестничной башне церкви Покрова входили в круг геральдической эмблематики, то «когтящие» грифоны, расположенные в закомарах, могли сохранять какие-то культовые функции. Апотропеическое значение грифона состояло и в том, что он считался охранителем душ в загробном мире, а также проводником их в рай [102]. Учитывая, что храм Покрова был одновременно памятником сыну Андрея Боголюбского — Изяславу, погибшему в походе на болгар [103], можно думать, что закомарные рельефы грифонов имели какое-то апотропеическое значение в указанном смысле.

На фасадах Дмитриевского собора тот же сюжет, конечно, уже не имел апотропеического значения. Сам характер храма и его назначение допускали более широкое развитие именно триумфальных образов, каковыми были львы, пардусы, кентавры, орлы, а также вкладывание в них «державного» смысла, что хорошо соответствует политическим стремлениям владимиро-суздальских князей-самовластцев [104]. При этом все большее значение приобретали изображения спокойно и гордо шагающих грифонов.

Очень показательно, что в связи с появлением в пластике Дмитриевского собора ряда «химерических» образов в духе западноевропейского романского искусства (Василиск и др.) образ грифона не переходит в разряд демонов. Только на фасадах Георгиевского собора появляется грифон со змеиным хвостом [105]. Но в данном случае имелся в виду уже не столько грифон, сколько вообще сказочное существо, так как аналогичное чудище тут же изображено с головою не грифа, а собаки. Грифоны Георгиевского собора хорошо согласуются с триумфальным смыслом всего фасадного декора этого исключительного памятника. Вместе с тем сказочная красота юрьев-польских грифонов свидетельствует об ослаблении феодально-эмблематического значения этого образа и о наполнении его каким-то более широким содержанием, сливающимся с фольклором.

С развитием христианства образ грифона и в древней Руси стал переходить в область демонологии. В сценах Страшного суда XV в. грифон символизировал Македонское царство. Одновременно он все более и более превращался в элемент декора, в котором все же никогда не следует забывать древней смысловой подосновы.

* * *

Н. П. Кондаков относил владимиро-суздальских грифонов к греко-болгарскому типу [106]. Это справедливо в той степени, в какой византийские и болгарские грифоны восходят к восточным (азиатским) прообразам. Однако многие византийские грифоны трансформируют не азиатские, а античные прообразы, которые не чувствуются в облике владимиро-суздальских грифонов. С последними могут быть сближены не только бол-

---

[100] Н. Я. Марр. Ани. Ереван, 1939, стр. 95, 109.

[101] Там же, стр. 109. Эти «дополнительные» геральдические фигуры можно рассматривать как прообразы будущих «щитодержателей». Геральдическое значение грифонов во владимиро-суздальской пластике было началом популярности образа грифона в позднейшей геральдике.

[102] Ср. античный миф о грифоне, уносящем души умерших в рай Аполлона (см. Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 46).

[103] Н. Н. Воронин. Покров на Нерли, стр. 92.

[104] См. характеристику пластики Дмитриевского собора, данную Н. Н. Ворониным (см. Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской, стр. 92—94).

[105] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 41, *1*.

[106] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI. СПб., 1899, стр. 31, 43—44.

гарские, но и некоторые чешские грифоны [107], а также грузинские. Следовательно, речь должна идти не о греко-болгарских образцах, а о сравнительно общем для средневековой Восточной Европы типе грифона, хотя каждая из восточноевропейских «грифонологий» имела и свои особенности. Ранние владимиро-суздальские грифоны (церковь Покрова на Нерли) более рельефны, пластичны, но вместе с тем и массивны, приземисты. Они напоминают болгарского новозагорского грифона. Некоторые грифоны Дмитриевского собора близки к галичским и чешским произведениям. Все это говорит о большом опыте и широком художественном кругозоре владимиро-суздальских мастеров, которых в это время «не искали от немец». Коротконогие и плоские грифоны Дмитриевского собора, с закруглениями на концах больших красивых крыльев, не вызывают никаких ассоциаций, хотя трактовка крыльев восходит к сассанидскому типу [108]. Самобытные черты этих грифонов особенно расцвели в грифонах Георгиевского собора. Эволюция образа в сторону сказочности, а рельефа — в сторону все большего уплощения характерна не только для владимиро-суздальской пластики. То же явление наблюдается и в Болгарии. Отличительной чертой владимиро-суздальских грифонов (как, впрочем, киевских, черниговских и др.) является то, что они никогда не изображаются «когтящими» животное. Проанализированные здесь черты владимиро-суздальской «грифонологии» должны помочь интерпретации других сюжетов. В то же время анализ всех сюжетов может внести коррективы в сказанное здесь о грифонах.

---

[107] V. Denkstein, Dr. J. Kybalová. Ук. соч., табл. 20.

[108] «Сассанидского» типа крылья с завитками на концах перьев характерны для полиморфных существ почти всей средневековой тератологии, поэтому и в данном случае нельзя говорить о каких-либо определенных «образцах».

Н. В. РЫНДИНА

О ДРЕВНЕРУССКОМ ЛИТЬЕ «НАВЫПЛЕСК»

Литье «навыплеск» — одно из самых интересных изобретений древнерусских литейщиков. Обратиться к истории возникновения и технологии этого приема тем более важно, что, преемственно развиваясь и усложняясь, он перешел в современное литейное производство [1].

Древнерусские ювелиры отливали «навыплеск» различные полые изделия: колты, бусы, трехбусинные височные кольца. Возможность отливки тонкостенных изделий основывается на том, что при заливке в форму металл кристаллизуется, т. е. застывает, прежде всего в местах соприкосновения с ее стенками. Успех определяется своевременным удалением не успевшего застыть металла из формы. Главная трудность сводится к тому, чтобы правильно угадать этот момент. Чем выше температура плавления сплава, тем быстрее он настывает, тем короче должна быть выдержка его в форме до выплеска. Время выдержки для новых форм и сплавов ювелир устанавливал опытным путем.

Литье «навыплеск» требовало использования особых, так называемых имитационных форм. Следует заметить, что не все формы, известные в археологической литературе под этим названием, были приспособлены для тонкостенного литья. Основой для отнесения форм к имитационным служит типологический признак: это тщательно вырезанные из камня формы для отливки изделий, имитирующих дорогие украшения княжеско-боярского убора [2]. Среди этих форм для литья «навыплеск», по мнению Н. Н. Стосковой, предназначены только те, у которых на створках вырезано по два литника: один — длинный, для наливания металла, другой — короткий, для его выплескивания [3]. Подметив устойчивую закономерность в соотношении длин литников, Н. Н. Стоскова предложила технологическое объяснение этому явлению. Она считает, что прохождение металла по длинному литнику снижало температуру сплава к моменту его попадания в рабочую полость формы и облегчало тем самым получение тонкостенных изделий. Выплескивать густеющий металл рациональнее через короткий литник, чтобы металл не успел в нем застыть [4].

Нельзя не согласиться с тем, что удлинение литника способствует остыванию заливаемого в форму сплава. Однако польза от этого для литья сомнительна. Во всяком случае, при литье «навыплеск» из быстро остывающих тугоплавких сплавов выгоднее несколько перегревать их, иначе и без того короткое время кристаллизации настолько сокращается, что

---

[1] А. Г. Спасский. Основы литейного производства. М., 1950, стр. 118 В. Н. Бехалов, И. М. Гершович. Отливка отопительных радиаторов методом поверхностной кристаллизации. Журн. «Тяжелая промышленность Подмосковья» 1958, № 3.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 270—271; Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, 1950, стр. 218—219, 221—227; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.— Л., 1958, стр. 381.

[3] Н. Н. Стоскова. Литье способом «навыплеск» в древней Руси. Журн. «Вопросы истории естествознания и техники», 1956, № 1, стр. 155—156.

[4] Там же.

получить тонкостенное изделие трудно. Таким образом, удлинение верхнего литника было подсказано иными требованиями, которые заставляли пренебречь этими неудобствами и искать иные пути их преодоления. При литье «навыплеск», чтобы получить изделие с равномерной толщиной стенок, важна по возможности одинаковая температура металла в залитой форме. Последнее возможно только при единовременном ее заполнении. Длинный и широкий литник позволял повысить напор заливаемого металла и ускорить его проникновение в самые удаленные участки формы. С этой же целью на некоторых формах, предназначенных для литья звездчатых колтов, прорезались веерообразные литники.

Обращает на себя внимание отношение диаметров нижнего и верхнего литников. На некоторых формах они одинаковы [5]. Среди них преобладают формы для литья трехбусинных и многобусинных височных колец и бус. К этой же группе можно отнести некоторые формы для отливки звездчатых колтов. Диаметр их длинного и широкого верхнего литника равен сумме диаметров двух литников, предназначенных для выплескивания металла [6].

В отличие от описанной группы, среди киевских имитационных форм есть такие, у которых диаметр верхнего литника значительно больше диаметра нижнего, вернее той его части, которая входит в рабочую полость формы. Вспомним формы для литья округлых колтов, на щитках которых изображены животные [7], и формы с массивными звездчатыми колтами и веерообразными литниками [8].

Особого внимания заслуживает створка от четырехсторонней формы для отливки полой бусины, найденная на Неревском конце Новгорода в слое 70—80-х годов XIII в. (12—18—1364 [9]). Она имеет вид трехгранного бруска с одной полукруглой и двумя сходящимися под углом 90° плоскими гранями. На ребре вырезано грушевидное углубление, поверхность которого украшена ложной зернью и поперечным пояском рельефной веревочки. К углублению подведены два литника. Длина литника для заполнения формы металлом — 55 *мм*, а полный диаметр — 4 *мм*. Литник для удаления металла значительно короче и у́же: длина — 21 *мм*, диаметр — 2 *мм*. На одной плоской грани формы сделано два полукруглых углубления, на другой — два сквозных отверстия для укрепления штифтов смежных створок. Итак, диаметр верхнего литника этой формы в два раза больше нижнего диаметра.

Возникает вопрос: чем определялось отношение диаметров у литников — техническими соображениями или оно носило случайный характер? Ответить на этот вопрос нам удалось, моделируя литье «навыплеск».

Прежде чем приступить к изготовлению формы, необходимо было выяснить, из каких пород камня резали свои формы древнерусские ремесленники. С этой целью был проведен анализ петрографическим методом форм из раскопок на Неревском конце Новгорода. Большинство из них (в том числе и описанная выше имитационная форма для литья грушевидной бусины) вырезано из мелкозернистого, очень плотного известняка [10]. Из похожего по минералогическому строению известняка мы выполнили двустороннюю форму для литья полой круглой бусины, поверхность которой украшена ложной зернью (рис. 1). Диаметр бусины — 15 *мм*,

---

[5] М. К. Каргер. Ук. соч., табл. LIII, LIV, LVI; Z. Durczewski. Stary zamek w Grodnie w świetle wykopalisk dokonanych w latach 1937—1938. Grodno, 1939, стр. 15, рис. 96.

[6] М. К. Каргер. Ук. соч., табл. LV, LVII.

[7] Там же, табл. LV, LVII.

[8] Там же, табл. LV, *а*.

[9] Здесь и ниже первая цифра обозначает ярус, вторая — пласт, третья — квадрат.

[10] Анализ выполнен О. Ю. Круг в кабинете петрографии Института археологии АН СССР.

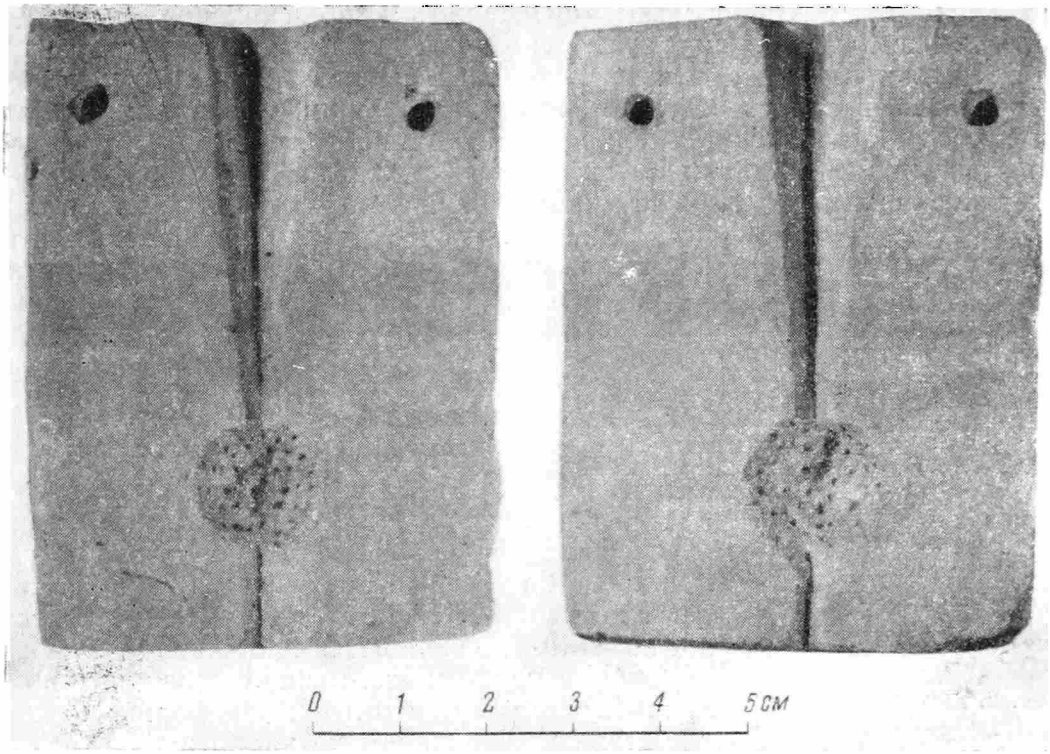


Рис. 1. Литейная форма, вырезанная из мелкозернистого известняка

длина верхнего литника — 48 *мм*, нижнего — 12 *мм*. Диаметр входящей в рабочую полость формы части длинного литника — 5 *мм*, кверху он расширяется до 14 *мм*. Диаметр нижнего, короткого литника по всей его длине — 2—3 *мм*. На изготовление формы было затрачено полтора часа. При этом использовались инструменты, известные древнерусскому ремесленнику: пила-ножовка, напильники разного профиля, стамеска, молоток, толстая игла.

В этой форме нам удалось отлить из бронзы, содержащей 2% олова и 2% свинца [11], 13 полых бусин с толщиной стенок 0,4—0,6 *мм* [12]. Непременным условием успешного литья было: 1) нагревание формы до 200°; 2) выплескивание тотчас после заполнения избыточного металла. Последнее достигалось тем, что в момент литья нижний литник был открыт; для этого форма неподвижно укреплялась на весу между двумя кирпичами. От разности диаметров верхнего и нижнего литников скорость заполнения формы металлом значительно превосходила скорость вытекания не успевшего застыть металла.

Для сравнения условий литья в той же форме было отлито пять бусин с толщиной стенок 0,4 *мм*, из легкоплавкого сплава на оловянной основе с 10% свинца (рис. 2). Металл заливался в холодную форму, нижняя плоскость которой была плотно притерта к каменной подставке. Выдержав металл в форме в течение 5 *сек*, мы приподнимали ее над подставкой. Пробка, образовавшаяся в нижнем литнике от застывшего металла, выбивалась под давлением жидкого, вытекавшего вслед металла. В данном случае выгоднее, чтобы нижний литник был широким; его сужение, так же как и удлинение, способствует закупориванию формы.

---

[11] Сплав получен переплавкой части слитка XII в., найденного на Неревском раскопе.

[12] После литья форма не претерпела никаких существенных изменений, поэтому при желании отливка бусин могла быть продолжена.

Эти опыты позволяют нам предложить классификацию форм для литья «навыплеск», исходя из соотношения диаметров литников. Тонкостенные украшения из бронзы, латуни или сплавов на серебряной основе отливались в тех из перечисленных выше форм, у которых диаметр верхнего литника значительно превышает диаметр нижнего. Менее четкие конструктивные признаки имеют формы, служившие для изготовления оловянно-свинцовых отливок: диаметр нижнего литника не играет в данном случае столь существенной роли, хотя выгоднее выплескивать металл через широкий литник.

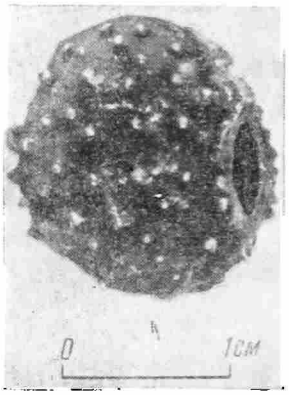


Рис. 2. Бусина, отлитая при лабораторном моделировании литья «навыплеск»

Г. Ф. Корзухина, исходя из характера нанесения орнамента на имитационных формах, предполагала, что отливки в некоторых из них делались из бронзы. К этой группе автор относит, прежде всего, формы для круглых колтов с изображением животных в виде гладких плоских силуэтов [13]. Предположение Г. Ф. Корзухиной подтверждается явной разницей в диаметрах литников у выделенных ею форм. С бронзолитейным производством Г. Ф. Корзухина считает возможным связывать и формы для круглых колтов, щитки которых украшены плетенкой [14]. Все известные нам формы этого типа сохранились в обломках, поэтому судить о их назначении по конструктивным признакам не удается.

Исследователи, занимавшиеся изучением имитационных форм, пришли к единому мнению, что их появление знаменует переход ювелиров от работы на индивидуальный заказ к работе на рынок [15]. Изобретение этих форм и связанной с ними технологии литья «навыплеск» упростило обработку цветного металла, заменив литьем тиснение, напаивание зерни и скани. Тем самым ювелир удешевил свои изделия и сделал их доступными для рядовых горожан.

Однако если в вопросе о причинах появления имитационных форм существует единство мнений, то вопрос о времени их появления все еще спорен. А. С. Гущин, основываясь на том, что «Киев как экономический центр перестал уже играть роль с первой половины XII в.», датирует их временем «не позднее первой половины XII в.» [16]. Б. А. Рыбаков склонен считать, что имитационные формы появились в конце XII в. [17]. Наиболее развернутую аргументацию в подтверждение своей точки зрения приводит Г. Ф. Корзухина. Она сравнивает украшения, вырезанные на формах, с княжеско-боярским убором X — первой половины XIII в. и приходит к выводу, что их бытование можно отнести к началу XIII в. [18]. Среди признаков придворного убора, обычных для украшений имитационных форм, Г. Ф. Корзухина перечисляет следующие: 1) трехбусинные серьги — разнобусинны, средняя бусина по форме и орнаментации отличается от боковых, бусы чаще всего овальные; 2) колты сумкообразные, маленькие; кайма их чрезвычайно разнообразна, на щитках появляется геометрический орнамент; 3) звездчатые колты, крупные, с грушевидными лучами, на концах лучей — крупные шары или конусы [19].

---

[13] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 224—225.
[14] Там же.
[15] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 271, 497—498; Г. Ф. Корзухина. Ук. соч. стр. 234; М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 387, 542.
[16] А. С. Гущин. К вопросу о славянском земледельческом искусстве. Сб. «Изобразительное искусство», Л., 1927, стр. 74—75.
[17] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 271—272, 278.
[18] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 217.
[19] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 228.

Два первых признака Г. Ф. Корзухина считает типичными для убора начала XIII в., третий признак — для конца XII в. На основе этих посылок нам кажется правильнее предложить для форм более широкую дату — конец XII — начало XIII в.

Ювелирные изделия, найденные при раскопках на Неревском конце Новгорода, дают возможность уточнить время появления литья «навыплеск». И Б. А. Рыбаков, и Г. Ф. Корзухина опирались в своих исследованиях на имитационные формы, почти не зная литой продукции этих форм. До недавнего времени украшения, отлитые способом «навыплеск», были известны в единичных экземплярах [20].

Несоответствие между количеством дошедших до нас литейных форм и готовых изделий Б. А. Рыбаков в свое время правильно объяснял тем, что эта дешевая продукция имела хождение в среде рядовых горожан, бытовые памятники которых нам не известны ни по кладам, ни по погребениям [21]. Справедливость этого мнения очевидна, если обратиться к ювелирной коллекции Новгородской экспедиции. Большие раскопки городских районов, которые были заселены рядовым посадским людом, дали изумительные по тонкости исполнения украшения, отлитые «навыплеск». Среди них наиболее многочисленную группу составляют колты.

1. К 70—80-м годам XII в. относится колт из оловянно-свинцового сплава (17—23—124), который не имеет себе аналогий в русских древностях и является, видимо, результатом проявления творческой фантазии новгородского ювелира. Это совершенно круглый колт, диаметром 35 *мм*, по краю украшенный шаровидными зернами, отлитыми вместе с корпусом изделия. Круглый щиток колта разделен пересекающимися нитями ложной зерни на правильные, чуть выпуклые ромбы (рис. 3, *1*).

2. Колт второй половины XII в. отлит из бронзы и покрыт серебристым сплавом (16/17—21—1250). Это звездчатый шестилучевой колт. Каждый луч разделен на восемь граней, подчеркнутых жгутиками ложной скани (рис. 3, *2*). Обломок аналогичного украшения, отлитого из оловянно-свинцового сплава, найден при раскопках древнего Гродно в слоях XI—XIII вв. [22]. Близкий по форме колт, но спаянный из множества тончайших серебряных пластинок, известен из клада с городища Княжая Гора б. Киевской губ. [23]. Г. Ф. Корзухина отнесла время зарытия этого клада к периоду между 1170 и 1240 гг.

3. Два колта XIII в. отлиты из оловянно-свинцового сплава (15—22—143; 12—18—1118). Они очень близки друг другу по форме: это чуть сплюснутые по вертикали округлые украшения (диаметром 26—30 *мм*), края которых обрамлены ажурной проволочной каймой. Щитки этих колтов украшены рельефными завитками, подражающими тиснению (рис. 3, *3*, *4*).

4. Колт XIII в. (14-й ярус) из биллона. (Диаметр — 35 *мм*). На лицевой стороне колта — рельефное изображение двух птиц. Между птичьими клювами помещена стилизованная лилия. По ребру колта проходит кайма из мелких литых шариков (рис. 3, *5*). Такие колты известны по домонгольским кладам, но все они выполнены техникой тиснения [24].

5. Звездчатый шестилучевой колт найден в слоях начала XIV в., отлит из оловянно-свинцового сплава. Вся его поверхность покрыта

---

[20] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 386; Н. Н. Стоскова. Ук. соч., стр. 153; Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 222—223. (Следует заметить, что из литых изделий, перечисленных Г. Ф. Корзухиной, литьем «навыплеск» исполнен только один свинцовый колт, найденный на территории б. усадьбы Михайловского монастыря в Киеве.)

[21] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 277.

[22] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 69, рис. 32.

[23] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, табл. XLIX, *1*.

[24] Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, табл. XXIX, *969—970*.

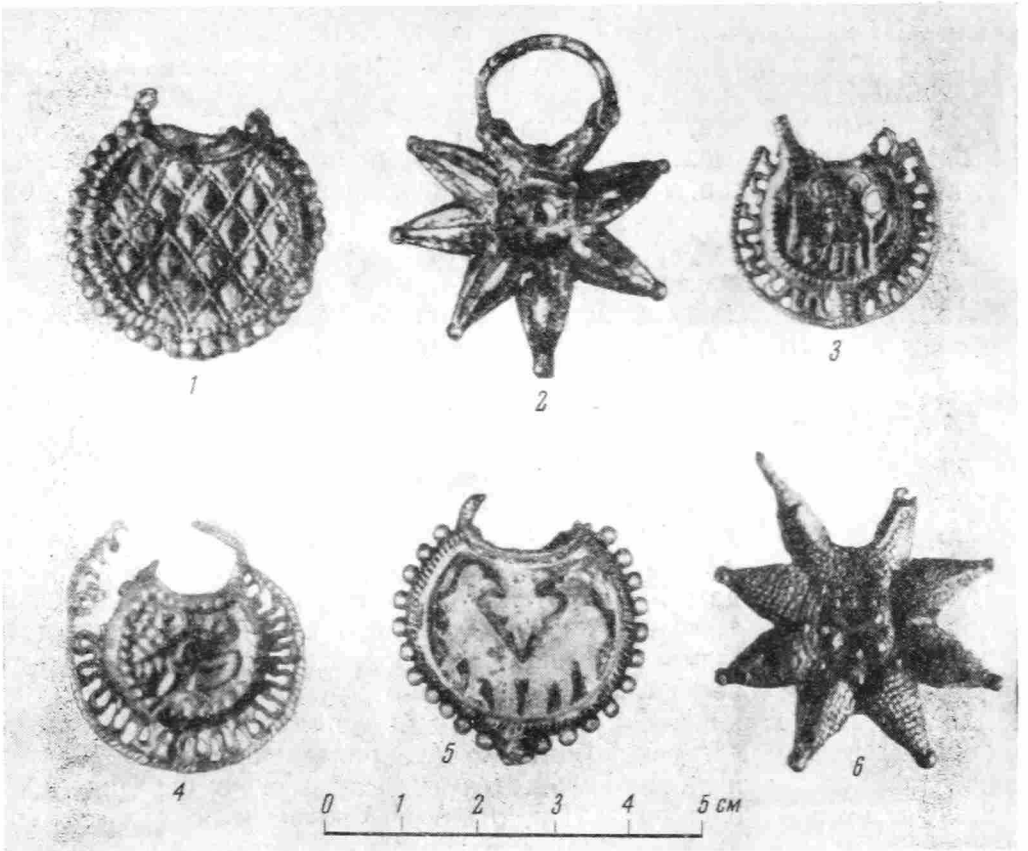


Рис. 3. Литые новгородские колты

мельчайшими капельками ложной зерни (рис. 3, *6*). Он изготовлен по образцу богатых серебряных колтов, спаянных из шести или семи полых конусов, на которые напаивалось по нескольку тысяч зерен металла [25]. Известны и имитационные формы для отливки таких колтов [26].

Кроме перечисленных колтов, на Неревском раскопе найдено два многобусинных височных кольца, полые бусины которых отлиты способом «навыплеск» из оловянно-свинцового сплава. Оба височных кольца найдены в слое XIV в. [27] (10—1121А и 8—6—518).

В двусторонних имитационных формах отлиты из оловянно-свинцового сплава бусины трех трехбусинных височных колец (XIII в.). Все три дошли до нас не целиком. У каждого сохранилось по две бусины и небольшие обломки стержня кольца. Не только бусины, но и стержни колец — полые (14—21—150; рис. 4; а также 15—23—742 и 12/13—20—1416).

Близкое к новгородским экземплярам трехбусинное височное кольцо из биллона с позолотой найдено в 1957 г. при раскопках Белоозера (№ 215, раскоп VI. пл. 4, постройка № 4) [28]. Судя по остаткам литейных швов, соединенные перемычками бусины единовременно отлиты в трех-

[25] Б. И. и В. Н. Ханенко. Ук. соч., табл. XXVI, *918* и *919*.

[26] М. К. Каргер. Киев и монгольское завоевание. СА, XI, 1949, рис. 27.

[27] Технологическое изучение ювелирных комплексов из курганов Новгородской земли (собрания Гос. исторического музея и Гос. Эрмитажа) показало, что в деревне литье «навыплеск» было неизвестно. Многобусинные височные кольца являются этническим признаком водских племен. Производство этих украшений городскими ювелирами свидетельствует о том, что среди населения Новгорода в первой половине XIV в. была и водь.

[28] Л. А. Голубева. Белозерская экспедиция 1957 года. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 39.

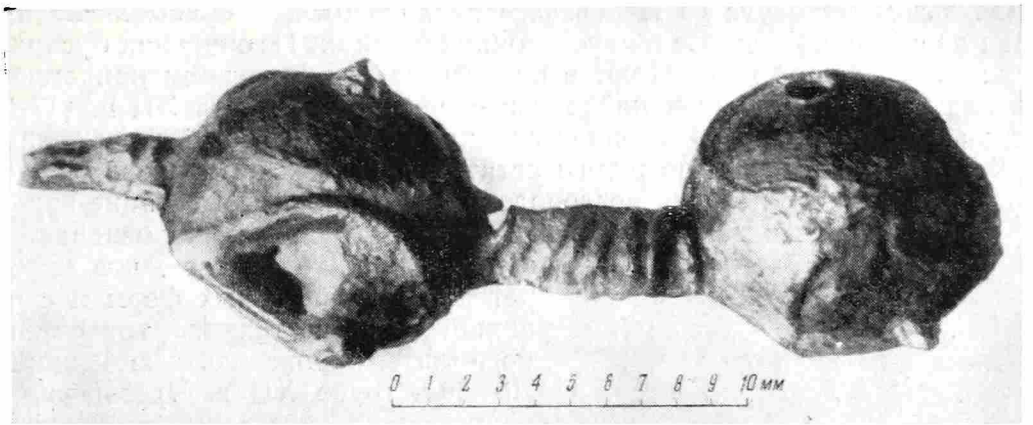


Рис. 4. Обломок новгородского трехбусинного височного кольца, отлитого «навыплеск» в двусторонней форме

сторонней форме (рис. 5). В готовую, полую внутри отливку продевалась проволочка, после нагрева она изгибалась вместе с надетыми на нее бусинами.

В заключение обзора украшений, исполненных литьем «навыплеск», остановимся на технологии некоторых металлических бус из Новгородской ювелирной коллекции. Три экземпляра из числа бус, найденных на Неревском раскопе, отлиты из сплава на серебряной основе в четырехсторонних имитационных формах: 1) тройная бусина (XIII в.) украшена треугольничками ложной зерни; ее корпус в продольном направлении пересекают четыре литейных шва (13—11—703; рис. 6, *1*); 2) оваль-

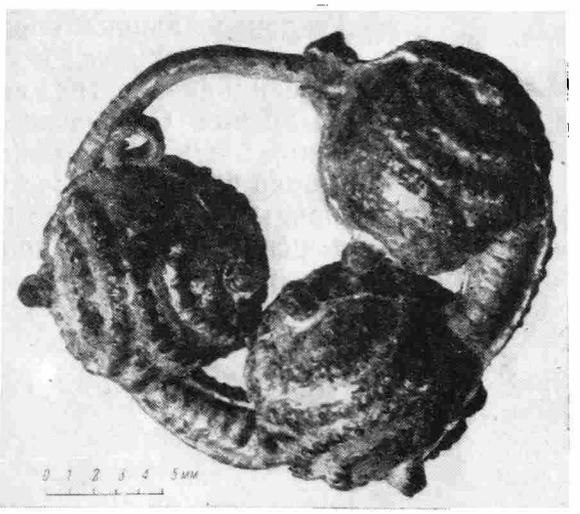


Рис. 5. Белозерское трехбусинное височное кольцо, отлитое «навыплеск» в трехсторонней форме

ная бусина нач. XIV в., с поверхностью, украшенной двумя поперечными поясками ложной скани, пространство между которыми заполнено косыми треугольниками ложной зерни; хорошо заметны остатки четырех литейных швов (11—18—1168; рис. 6, *2*); 3) овальная бусина из слоя рубежа XIV—XV вв. (5/6—12—1460); посередине бусины и по ее краям проходят выпуклые пояски ложной скани. Литейные швы разделяют корпус бусины на четыре части, создавая впечатление четырех самостоятельных граней (рис. 6, *3*).

Два экземпляра бус из Неревского раскопа отлиты «навыплеск» из сплава на серебяной основе в двусторонних формах: 1) овальная бусина, поверхность которой пересекают в поперечном и продольном направлениях два выпуклых валика, найдена в слое 70—80-х годов XII в. (17-й ярус, кв. 170; рис. 6, *5*); 2) тройная гладкая бусина XIV в. (7/8—3—680; рис. 6, *4*), по бокам хорошо видны остатки литейных заусенцев.

Из приведенного перечня новгородских находок самые древние изделия, отлитые «навыплеск»,— колт и бусина 17-го яруса. На основании этого возможно считать, что изобретение имитационных форм и связанной с ними техники тонкостенного литья происходит не позднее 70—80-х годов XII в. Чрезвычайно важно, что литье «навыплеск» хорошо прослеживается по материалам новгородской коллекции на протяжении XIII, XIV, XV вв. без всяких перерывов, в то время как в других древнерусских городах этот прием был утрачен в связи с монгольским завоеванием.

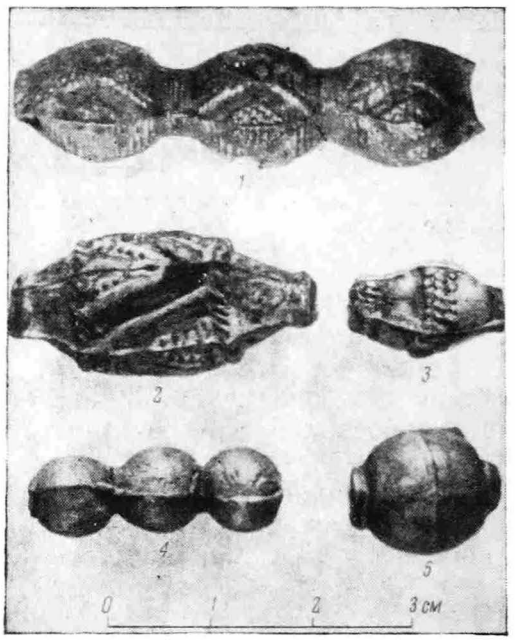


Рис. 6. Новгородские бусы, отлитые «навыплеск»

Вернемся к вопросу о месте возникновения литья «навыплеск». Так как бóльшая часть известных имитационных форм происходит из Киева, существует мнение о киевском изобретении этой литейной техники, откуда она распространилась в другие древнерусские города [29]. Учитывая раннюю дату новгородских находок и наличие среди них изделий, не имеющих себе аналогий в русских древностях, естественно усомниться в правильности этой точки зрения. Скорее всего идея отливки полых тонкостенных изделий, похожих на тисненые украшения дорогого придворного убора, возникла примерно в одно и то же время в ювелирных мастерских различных ремесленных центров. Она была подсказана растущим рыночным спросом на дешевую, массовую продукцию ювелирного ремесла. Техническим воплощением ее явилось изобретение литья «навыплеск».

[29] Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 71; Н. Н. Стоскова. Ук. соч., стр. 155.

С. П. БУРЛАЦКАЯ

О ДАТИРОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ АРХЕОМАГНИТНЫМ МЕТОДОМ

Современная археология все чаще прибегает к методам физических и технических дисциплин для решения ряда проблем, в том числе и проблемы хронологии изучаемых ею явлений. Одним из таких методов является радиоактивный метод C^{14}, основанный на распаде изотопа углерода. Этот метод базируется на постоянстве концентрации углерода C^{14} в атмосфере, которая, в свою очередь, зависит от интенсивности магнитного поля Земли. Последние работы Е. и О. Телье [1] показали, что интенсивность магнитного поля Земли меняется не только в пространстве, но и во времени, что имеет существенное значение для степени точности этого метода. Безусловно, более надежными могут явиться результаты, полученные различными методами. Примером такого рода сочетаний могут служить радиоуглеродный и магнитный методы.

Магнитные методы датирования (палеомагнитный и археомагнитный) различаются по времени исследования и объектам изучения. Если временем исследования в палеомагнетизме является вся геохронологическая шкала, а объектом исследования являются горные породы, то в археомагнитных исследованиях измеряются археологические объекты, относящиеся к различным историческим эпохам. Образцами в этих исследованиях являются изделия из обожженной глины: куски из древних печей и очагов, кирпичи древних строений и памятников культуры, старинные глиняные сосуды, черепица и т. д.

Возможность магнитного датирования базируется на двух существенных обстоятельствах: во-первых, на том, что направление и величина земного магнитного поля изменяются от века к веку медленно и плавно, и, во-вторых, на том основании, что «отпечаток» этого поля в виде естественной остаточной намагниченности сохранился до нас благодаря явлению «термореманенца» и высокой стабильности. Явление термореманенца заключается в том, что образец приобретает остаточную намагниченность при остывании в магнитном поле от температур выше точки Кюри [2]; способность сохранять полученную остаточную намагниченность в течение веков без изменения до наших дней называется стабильностью [3].

Горные породы приобретают остаточную намагниченность при остывании в геомагнитном поле от температур красного каления, т. е. во время своего образования. Поэтому «возраст» остаточной намагниченности считается равным возрасту самой породы. У обожженных глин

---

[1] E. Thellier, O. Thellier. Sur l'intensité du champ magnétique terrestre en France, à l'époque gallo-romaine. Compte Rendue Mensuels de Séances de l'Académie des Sciences d'Outre-Mer. Paris, 1946, т. 222.

[2] Г. Н. Петрова. Три вида намагничивания горных пород. ИАН, серия геофиз., 1956, № 4, стр. 431.

[3] Г. Н. Петрова, В. А. Жиляева. Лабораторный критерий магнитной стабильности горных пород. ИАН, серия геофиз., 1960, № 9, стр. 1329.

возраст определяется со времени последнего обжига. Возраст можно определять только на образцах, обладающих высокой стабильностью остаточной намагниченности, а также стабильных в минералогическом отношении, т. е. таких, у которых минералогический состав не менялся за время истории образца и во время исследований [4].

Одним из первых, кто пытался производить датировку магнитным методом, был И. Кенигсбергер [5]. Он пытался проводить датировку по фактору Q (отношение естественной остаточной намагниченности к намагниченности, индуцированной земным полем) и нашел, что Q древних пород меньше по сравнению со значением Q молодых пород. Считая, что интенсивность магнитного поля Земли должна оставаться постоянной, он приписывает уменьшение Q прогрессивному уменьшению термоостаточной намагниченности с течением времени. По его мнению, Q может быть мерой времени в геологическом масштабе.

По фактору Q пытался проводить датирование А. Г. Комаров [6]. Им установлена функциональная зависимость между возрастом пород (исследовались эффузивы) и интенсивностью их естественной остаточной намагниченности.

В последние годы появилось много работ по палеомагнетизму, в которых по среднему направлению намагниченности датированной породы вычислялось местоположение магнитного полюса [7]. В результате такого рода исследований авторы строили кривые изменения местоположения магнитного полюса в разные геологические эпохи. Эти работы могут служить основанием для палеомагнитного датирования горных пород — определения примерного возраста исследуемой породы по вычисленному значению положения полюса.

В самое последнее время все большее внимание привлекает проблема археомагнитного датирования. Археомагнетизм — это раздел палеомагнетизма, который изучает только конец четвертичного периода (вплоть до современности). Если в работах, относящихся к области палеомагнетизма, оперирующего отрезками времени, соизмеримыми со всей геохронологической шкалой, точность метода соизмерима с историческими эпохами, то в археомагнетизме исследуемые отрезки времени гораздо меньше, что значительно повышает требования, предъявляемые к точности датировки.

О возможности датирования археомагнитным методом писали Е. Телье [8] и М. И. Аиткен [9]. В этом методе, так же как и в палеомагнетизме, сначала по измерениям датированных объектов строятся кривые изменения магнитного поля Земли во времени, а затем уже, на основании этой кривой, производится определение возраста изучаемых образцов.

---

[4] С. П. Бурлацкая, Г. Н. Петрова. Первые результаты изучения геомагнитного поля в прошлом археомагнитным методом. Геомагнетизм и аэрономия, 1961, т. I, № 2, стр. 262.

[5] I. Koenigsberger. Zu Folgheraiter's Bestimmungen des magnetischen Erdfeldes aus der Magnitfisierung gebrannter Tongegenstände. Gerlands Beiträge zur Geophisik, 1932, т. 35, тетр. 1, стр. 51.

[6] А. Г. Комаров. К вопросу об остаточной намагниченности изверженных горных пород в связи с их возрастом. ДАН, 1956, т. 110, № 2, стр. 260; его же. Остаточное намагничивание горных пород и их возраст. ИАН, серия геологич., 1957, № 10, стр. 48.

[7] А. Н. Храмов. Палеомагнитная корреляция осадочных толщ. Тр. ВНИГРИ. 1958, вып. 116; А. Г. Калашников. Палеомагнетизм и его значение для познания Земли. ВАН, 1961, № 1, стр. 27; П. Н. Кропоткин. Палеомагнетизм, палеоклиматы и проблема крупных горизонтальных движений земной коры. «Советская геология», 1961, № 5.

[8] Е. Телье, О. Телье. Об интенсивности магнитного поля Земли в историческом и геологическом прошлом. ИАН, серия геофиз., 1959, № 9, стр. 1296.

[9] M. I. Aitken. Magnetic Dating. The Bulletin of the Research Laboratory for Archaeology and the History of Art. Oxford, 1958, т. I, № 1.

Основными археомагнитными работами являются работы Телье во Франции, М. И. Аиткена в Англии, ведущиеся по методу и под наблюдением Телье, и работы Н. Ватанабе в Японии [10]. В СССР подобные работы также ведутся [11]. Пока они находятся еще в своей первой стадии: решается прямая задача — построение картины геомагнитного поля в прошлом на основе археомагнитных исследований. Имея точные сведения об изменении элементов магнитного поля Земли во времени, можно будет решить обратную задачу прикладного характера — датировать археологические объекты по величине и направлению остаточной намагниченности.

Объектами исследований в археомагнитных работах, как уже говорилось, являются различные изделия из обожженной глины. Очень большое значение имеет отбор образцов, так как наибольшее количество ошибок вносят в измерения именно сами объекты исследования за счет: а) неправильной (не строго вертикальной) установки сосуда или кирпича в печи при обжиге; б) неравномерного прогревания печи; в) влияния железных решеток под подом печи и соседства других железных предметов; г) ошибок в ориентации и при распиловке образцов. Влияние предметов, искажающих магнитное поле Земли, может быть оценено, устранено или хотя бы выявлено при сравнении образцов, взятых из различных мест объекта исследования. Остальные ошибки выявляются только статистическим путем. В отличие от палеомагнитных исследований, в археомагнетизме статистический метод ограничен небольшим количеством объектов. Поэтому надо использовать все объекты, которые могут быть в распоряжении экспериментатора, и из каждого брать минимум три образца.

Опыт зарубежных ученых показывает, что археомагнитные исследования лучше всего проводить на объектах, которые не смещались со времени последнего нагрева, т. е. со времени приобретения ими остаточной намагниченности I_n, и у которых, следовательно, можно определить как наклонение I, так и склонение D. Такими объектами являются древние печи и очаги, в которых производился обжиг кирпичей и строительной керамики. Кирпичи древних зданий дают возможность измерять только I. Эта возможность измерения I у кирпичей базируется на утверждении археологов и архитекторов, что кирпичи во все времена обжигались, как правило, на длинном ребре. Опыт показал, что на кирпичах исследования можно проводить с большей уверенностью, а измерения кирпичей или кусков из древних сыродутных печей могут служить проверочными, опорными. Наиболее трудны и менее надежны для измерений сосуды и их фрагменты. Методике археомагнитных исследований посвящена специальная работа [12]. Здесь же надо сказать, что более точные результаты можно получить, основываясь на большом статистическом материале, причем объекты для измерений должны быть отобраны соответствующим образом. Необходимо также тщательно проверять стабильность образцов в магнитном отношении и устойчивость их минералогического состава. Работами Телье и нашими показано, что обожженные глины мало чувствительны к внешним воздействиям и удовлетворяют полностью требованиям стабильности.

---

[10] N. Watanabe. Secular Variation on the Direction of Geomagnetism as the Standard Scale for Geomagnetochronology in Japan. «Nature», 1958, August 9, № 4632, стр. 383.

[11] С. П. Бурлацкая, Г. Н. Петрова. Археомагнитный метод изучения изменений геомагнитного поля в прошлом. Геомагнетизм и аэрономия, 1961, т. I, № 1, стр. 111; их же. Восстановление картины изменения магнитного поля Земли в прошлом с помощью археомагнитного метода. Геомагнетизм и аэрономия, 1961, т. I, № 3, стр. 426; С. П. Бурлацкая. Древнее магнитное поле Земли. ИАН, серия геофиз., 1962, № 4; ее же. Древнее магнитное поле Земли в районе г. Тбилиси по археомагнитным данным. Геомагнетизм и аэрономия, 1961, т. I, № 5, стр. 803.

[12] С. П. Бурлацкая, Г. Н. Петрова. Первые результаты...

Тем не менее тщательный отбор и проверка образцов необходимы, так как они влияют на точность измерений, которая в археомагнитном методе исследования имеет решающее значение. Изменение вектора магнитного поля Земли во времени происходит чрезвычайно медленно; например, изменение направления этого вектора составляет всего несколько градусов за столетие. Поэтому точность измерений в 5°, приемлемая в палеомагнетизме, не является удовлетворительной для археомагнитных исследований. При такой точности измерений нельзя построить кривую изменения направления магнитного поля Земли во времени, так как измеряемая величина будет лежать в пределах ошибки измерений.

Точность археомагнитных работ, ведущихся во Франции Е. Телье, при определении направления геомагнитного поля равна 30′; в Англии эти работы ведутся с точностью порядка 1°; на аппаратуре, имеющейся в нашем распоряжении и приспособленной для таких измерений, нами достигнута точность в несколько десятков минут (до 1°). Если учесть, что средняя скорость наблюдаемого изменения направления вектора геомагнитного поля для Великобритании примерно равна 2° в 12 лет, то при такой скорости изменения инструментальная точность измерений порядка ± 1° или даже 2° должна разрешать достаточно точное хронологическое датирование. В этом случае (при аккуратно выполненных измерениях и вычислениях) возможна датировка в четверть века. То же относится к Франции.

Детальное исследование изменения магнитного поля Земли археомагнитным методом за весьма длительный период времени — от начала нашей эры до наших дней, произведенное нами для района г. Тбилиси, показало, что скорость изменения направления геомагнитного поля неодинакова, меняется от века к веку, а поэтому и датировка для каждой конкретной эпохи будет производиться с разной точностью: от 25 до 50 лет при инструментальной точности измерений в 1° и прочих равных условиях.

Изменение направления (наклонения) геомагнитного поля во времени, полученное на основе археомагнитных измерений, представлено на рис. 1. Методика получения этой кривой описана в работе С. П. Бурлацкой и Г. Н. Петровой [13]. Это и есть кривая датировки, по которой производится определение возраста исследуемого образца, по сравнению величин наклонения I в образце и на кривой. Предполагая, что естественная остаточная намагниченность в образце по своему направлению и величине соответствует тому магнитному полю, которое существовало во время обжига, мы определяем это время.

Надо также сказать, что точность датировки сильно зависит от того, насколько точно датированы образцы, на основании измерения которых строилась кривая датировки. В частности, при построении кривой на рис. 1 объекты измерения были датированы с различной степенью точности: объекты, относящиеся к XVI—XIX вв. н. э., с точностью от одного года до пяти лет; объекты, относящиеся ко времени от начала нашей эры до XVI в.— с точностью до 100 лет. Был измерен еще один очень древний образец, относящийся к XXIV—XXVII вв. до н. э., который был датирован с помощью радиоактивного метода C^{14} с обычной для этого метода точностью. Всего при измерениях были использованы образцы из 40 объектов, перечень которых дан в приложении. Естественно, что кривая для времени до XVI в. построена с меньшей точностью, чем для более позднего времени. Можно считать, что средняя точность датировки по этой кривой равна 50 годам. Точность может быть выше: скорость изменения кривой допускает увеличение точности при условии, если кривая датировки строится по более точно датированным образцам

[13] С. П. Бурлацкая, Г. Н. Петрова. Первые результаты...

(и по возможно большему количеству измерений). В этом случае можно получить датировку с точностью в четверть века.

Надо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Как видно из кривой на рис. 1, изменение направления геомагнитного поля (наклонения) носит циклический характер. Поэтому при датировке, казалось бы, может возникнуть затруднение в связи с тем, что одно и то же значение наклонения характерно для разных циклов. Однако археомагнитный метод дает возможность проводить датирование (определять возраст) не по одной величине (не по одной кривой), а по двум, так как этим

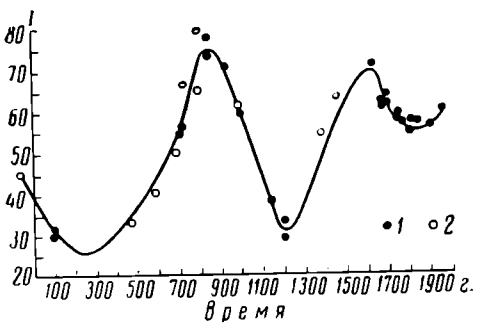


Рис. 1. Изменение направления (наклонения) геомагнитного поля по археомагнитным данным. (По оси абсцисс отложено время, по оси ординат — наклонение)

1 — результаты измерений образцов из районов г. Тбилиси, полученные методом последовательных нагревов; *2* — результаты измерений образцов из района г. Баку, полученные «бестемпературным» методом

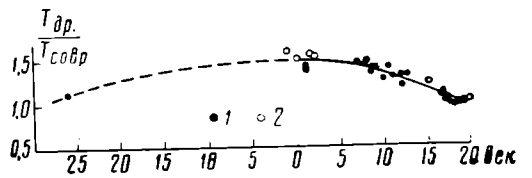


Рис. 2. Изменение интенсивности геомагнитного поля по археомагнитным данным. (По оси абсцисс отложено время; по оси ординат — отношение абсолютного значения геомагнитного поля в прошлом к современному значению)

1 — результаты археомагнитных измерений по образцам г. Тбилиси; *2* — результаты, полученные Телье

методом определяется не только изменение направления геомагнитного поля, но также и его абсолютной величины. Таким образом, каждый раз датирование производится дважды, что является хорошей проверкой метода. Это возможно тем более потому, что величины циклов направления поля и его абсолютной величины (интенсивности) существенно различны. Это видно из сравнения кривых на рис. 1 и 2. На рис. 2 представлена кривая изменения интенсивности геомагнитного поля во времени. Из кривых видно, что если для изменения направления цикл равен примерно 900 годам, то для изменения интенсивности он равен примерно промежутку времени в 100 веков. Поэтому, если одинаковые значения наклонения могут встретиться примерно через 450—500 лет, то одинаковые значения интенсивности могут появиться лишь через интервалы в 50 веков. Сочетание этих двух величин дает возможность проводить датировку более уверенно, чем если бы она производилась только по одной величине (по одной характеристике).

Наконец, в вопросах датирования надо решить еще один вопрос: на какую территорию распространяется кривая датировки, построенная по образцам одного района? Зарубежные ученые считают, что экстраполировать результаты измерений можно на места, удаленные друг от друга не более чем на несколько сотен километров. Детальное сравнение кривых изменения геомагнитного поля для разных мест Советского Союза, проведенное нами на основе обсерваторских измерений, заставило нас первоначально предположить, что район одинакового изменения поля ограничивается десятками километров. Однако последующие исследования привели к следующему выводу: если кривая датировки охватывает несколько десятков веков и она построена по образцам, датированным с точностью до одного века, то ее ход отражает в основном планетарную часть изменения геомагнитного поля. Такая кривая может быть экстраполирована на несколько сотен километров; если же кривая датировки строится по образцам, датированным с точностью до пяти лет, то эта

кривая выявит некоторые локальные изменения, а поэтому может быть экстраполирована только в пределах десятков километров.

Согласованное расположение черных и светлых точек на кривой (рис. 1), а именно то, что они ложатся на одну кривую, показывает, что при исследовании за большой интервал времени (от начала нашей эры до наших дней) для гг. Тбилиси и Баку можно строить одну кривую датировки.

В заключение можно сказать, что как в решении прямой задачи археомагнитного метода — восстановлении геомагнитного поля в прошлом, так и в решении обратной задачи — датировании образцов (и уточнения датировок другими методами) этот метод обладает возможностями, которых не дает ни один другой метод.

Пользуюсь случаем выразить благодарность руководителю работы старшему научному сотруднику Г. Н. Петровой, лаборанту И. Т. Лазаренко за проведение экспериментальной части этой работы, а также за консультацию и помощь при отборе образцов сотруднику Грузинского общества охраны памятников культуры Г. Э. Алшибая, сотрудникам Академии наук ГрузССР В. Г. Цинцадзе и И. А. Гзелишвили и сотруднику музея истории Азербайджана АН Азербайджанской ССР Ш. Т. Садыг-Заде.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБЪЕКТЫ ОТБОРА ОБРАЗЦОВ ДЛЯ АРХЕОМАГНИТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

I. Образцы Г. Э. Алшибая (Грузинское общество охраны памятников культуры) 1) современные образцы (Сабурталинский з-д, Тбилиси) 1959 г.; 2) современные (реставрационные образцы, используемые при реставрации колокольни Анчисхати, 1958 г.); 3) жилой дом по ул. Атарбекова, № 2 (1900—1901 гг.); 4) пристройка к церкви св. Николая, ул. Хетагурова, № 7/9 (1901 г.); 5) жилой дом по ул. Атарбекова, № 29/27 (проект 1860 г.); 6) церковь св. Николая, ул. Хетагурова, № 7/9 (1856 г.); 7) храм св. Николая (Греческая церковь) (1846—1853 гг.); 8) жилой дом по ул. Дзнеладзе, № 40 (проект 1851 г.); 9) жилой дом по ул. Дзнеладзе, № 33 (проект 1850 г.); 10) башня Метехской тюрьмы (середина XIX в.); 11) жилой дом по ул. А. Чавчавадзе, № 4 (проект 1846 г.); 12) Шамхореци (Армянская церковь) (1844 г.); 13) колокольня Сионского собора (1812 г.); 14) Норашени (библиотека) (1793 г.); 15) Могниси (1751 г.); 16) Сурб-Нишани (1701 г.); 17) колокольня Анчисхати (1675 г.); 18) Лурджи Монастери (голубая черепица) (конец XII в.); 19) Урбниси — кирпич из кладки древнего жилого здания в городище Урбниси, квартал Квацхелеби; датирован археологически XXIV—XXVI вв. до н. э., датирован радиоактивным методом C^{14} XXVII—XXVIII вв. до н. э.

II. Образцы В. Г. Цинцадзе (Институт истории грузинского искусства АН ГрузССР) 20) десять образцов из древнего грузинского дворца Гегути, относящихся к VIII—XIII вв. н. э.; Образцы из различных районов Грузии в пределах λ 42°—46° и φ 42°—45°; 21) из Гурджаани — VIII — IX вв. н. э.; 22) из Санагире — IX—X вв. н. э.; 23) из Шиомгвиме — начало XII в. н. э.; 24) из Кинцвиси — XII—XIII вв. н. э.; 25) из Кимотесубани — XII—XIV вв. н. э.

III. Образцы И. А. Гзелишвили (Лаборатория археологической технологии АН ГрузССР)

26) кирпич из свода Тбилисского моста — 1640—1650 гг.; 27) кирпич из стены Базилики — VI—VII вв. н. э., Вашнарское городище Западной Грузии, Махарадзевский район, станция Мерия; 28) кирпич из облицовки ямы VII—IX вв., г. Тбилиси, площадь Ираклия II; 29) кирпич из черепичного погребения № 32, Мцхета, Самтаврский могильник, южный участок,— примерно I в. н. э.

IV. Образцы Ш. Т. Садыг-Заде (музей истории Азербайджана АН АзССР)

30) Барда — перв. полов. XIV в. н. э.; 31) Барда — сер. XIV в. н. э.; 32) Орен-Кала, АзССР (черепица) — X—XIII вв. н. э.; 33) Мингечаур, черепица (три образца) — VIII в. н. э.; 34) Мингечаур, черепица — VI—VII вв. н. э.; 35) АзССР, Хызы Юхары Фыхдыхан Бищмиш, кирпич V—VII вв. н. э.; 36) Хыныслы, № 404—III—V вв. н. э.; 37) Шамахы — Хыныслы, инв. № 385, очажная подставка — I в. до н. э.; 38) Шамахы — Хыныслы, 1290, черепица — I в. до н. э. или I в. н. э.; 39) Кюль-Тепе, АзССР, кт-58, № 6, уч. 5, гл. 12 *м*, часть очажной подставки подковообразной формы с выступом — втор. пол. III тысячелетия до н. э.; 40) Кюль-Тепе, 1956 г., АзССР, кирпич (?) — втор. половина III тысячелетия до н. э.

Часть образцов из вышеперечисленных объектов подвергалась лишь бестемпературным измерениям, а большинство исследовалось методом последовательных нагревов.

К. ДОМБРОВСКИЙ, В. СТОПИНЬСКИЙ, Е. СТУПНИЦКАЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МЕТОДОМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕЛИЧИНЫ ЭЛЕКТРОСОПРОТИВЛЯЕМОСТИ ГРУНТА [1]

Основным элементом рационального планирования раскопочных работ является предварительное всестороннее ознакомление с избранным памятником. В археологической практике это ознакомление обычно сводится к детальному осмотру поверхности и к небольшим разведочным раскопкам (шурфовке), имеющим целью определить площадь, занятую памятником, его стратиграфию, культурную принадлежность и время. Этим выясняется многое, однако далеко не все, что нам необходимо знать. Остаются невыясненными такие важные вопросы, как размещение построек, расположение погребений и т. д. Установление этих фактов с самого начала полевых работ исключило бы случайность в выборе места для раскопок и, позволило бы сосредоточить внимание именно на тех участках площади, исследование которых наиболее полным образом раскрывало бы интересующие нас вопросы.

Опыт, проведенный нами в 1960 г. в Калише, когда методом определения величины электросопротивляемости грунта [2] были исследованы средневековое городище на Заводзье [3] и участки, прилегающие к нему, а также часть неукрепленного поселения римского времени у с. Пивонице [4] Калишского повята, свидетельствует о несомненной пригодности этого метода для первичного обследования археологических памятников.

Метод определения величины электросопротивляемости грунта, разработанный в 1920 г. К. Шлюмберже [5], в последнее время все более привлекает внимание археологов [6], поскольку он позволяет проследить, и в известной мере раскрыть характер слоев, залегающих неглубоко от поверхности памятника. Для локализации отдельных археологических объектов этот метод впервые был применен во время раскопок в Дорчестере [7] около Оксфорда. К сожалению, в отчете об этих столь важных

---

[1] Исследования проводились Калишской археологической станцией Института истории материальной культуры Польской АН совместно с Отделением геофизики Польской АН и Отделом региональной геологии Варшавского университета.

[2] K. Dąbrowski, W. Stopiński. Zastosowanie metody elektrycznooporowej w badaniach archeologicznych. Kwartalnik historii kultury materialnej, т. IX, № 1, Warszawa, 1961, стр. 75—87.

[3] J. Dąbrowska. Grodzisko na Zawodziu w Kaliszu. Studia i materialy do Dziejów Kalisza i regionu kaliskiego. Kalisz, 1960, стр. 31—67.

[4] K. Dąbrowski. Osadnictwo z okresów późnolateńskiego i rzymskiego na stanowisku 1 w Piwonicach, pow. Kalisz. Materialy starożytne, т. IV. Warszawa, 1958, стр. 7—86.

[5] C. Schlumberger. La prospection électrique par les procédés Schlumberger. Paris, 1927.

[6] S. J. de Laet. Archeologia i jej problemy. Warszawa, 1960, стр. 39—40.

[7] R. J. C. Atkinson, C. M. Piggot, N. K. Sandars. Excavations at Dorchester, Oxon. First Report. Department of Antiquities Ashmolean Museum, Oxford, 1951, стр. 4—61. Теоретические обоснования, а также подробное описание проведенных ис-

исследованиях излагаются лишь общие результаты раскопок и не приводятся подробные сведения, касающиеся техники применения метода, отсутствует необходимая документация. Более широкое освещение этот метод получил после исследования с его помощью этрусских гробниц, проведенного миланским инженером К. Леричи[8]. Определение величины электросопротивляемости грунта оказалось в данном случае вполне пригодным для локализации отдельных гробниц и установления расположения их на площади могильника еще до начала собственно раскопочных работ. Итальянские исследователи на практике доказали, что применение этого метода позволяет значительно ускорить время раскопок (вскрываются только участки, на которых зафиксировано наличие гробниц) и тем самым намного снизить стоимость исследования каждого погребения[9].

Не приходится удивляться, что интерес археологов к методу определения величины электросопротивляемости грунта все более возрастает и метод этот получает повсеместное распространение. Об этом свидетельствуют публикации результатов исследований, произведенных в Англии[10] и в Италии.

Исследования методом определения величины электросопротивляемости грунта, произведенные нами в Калише, имели целью установить пригодность этого метода для обследования археологических памятников разного вида, а также определить исходные параметры сопротивления. Разрешение последней задачи, по нашему мнению, имеет особо важное значение, поскольку установление параметров электросопротивляемости важнейших археологических объектов — каменных и деревянных сооружений, остатков пожарищ и т. д.— является ключом для распознания характера памятника в целом. Так как археологические памятники, исследованные нами, весьма разнородны и каждый из них имеет свою специфику, то в начальной стадии работ пришлось ограничиться выявлением лишь основных особенностей. И в данном случае зафиксированные приборами параметры величины электросопротивляемости грунта оказались крайне необходимыми. Их мы сравнивали с данными, полученными в результате геологического бурения этой же площади, а также с материалами, добытыми во время археологической шурфовки.

Уже первые результаты, полученные таким образом, подтвердили правильность такого комплексного направления исследований, не получившего до сих пор в литературе надлежащей оценки. Геологическая экспертиза, например, оказалась совершенно необходимой для объяснения изменений величины электросопротивляемости грунта, зафиксированных при зондировании участков, прилегающих к городищу, рвов и заболоченной старой речной долины. Геологические исследования, кроме того, позволили сделать определенные выводы о морфологии местности перед ее заселением, а также об изменениях, наступивших в результате деятельности человека.

Калишский опыт был проведен на археологических памятниках, стратиграфия которых, а также основные элементы застройки которых частично были изучены до этого, во время проведения археологических раскопок. Сделано это было сознательно, чтобы по возможности в крат-

---

следований по применению метода определения величины электросопротивляемости грунта во время археологических раскопок см. L. S. Palmer. Geoelectrical Surveying of Archaeological Sites. Proceedings of the Prehistoric Society, Новая серия, т. XXVI, London, 1960, стр. 64—75.

[8] C. M. Lerici. Science et technique au service de l'archéologie. Politecnico di Milano (б/г); S. Diceglia, F. Mossetti. Applicazione dei metodi geoelettrici alle esplorazioni archeologiche. Estratto dal Bolletino dal Geodezia e Scienze Affini. Anno, XVI. № 3, 1957.

[9] C. M. Lerici. Ук. соч., стр. 21.

[10] A. Laming. La découverte du passé. Paris, 1952, стр. 59—70.

чайшие сроки установить пригодность метода определения величины электросопротивляемости грунта для археологических раскопок многослойных памятников. Легче всего это было сделать, имея уже некоторые сравнительные данные, полученные до этого путем археологических раскопок

* * *

Исследования неукрепленного поселения. Методом определения величины электросопротивляемости грунта был исследован значительный участок площади поселения у с. Пивонице (участок I, *га* XVII, *ары* 42—45 и 22). Во время предварительных раскопок было установлено наличие отложений позднелатенского и римского времени. Поселение располагается на плейстоценовой террасе р. Просны, на высоте от 10 до 15 *м* от уровня современной поймы реки. Геологической шурфовкой установлено, что терраса состоит из среднезернистых песков, содержащих частые линзовидные включения крупнозернистых песков, а иногда и мелкого гравия. Стратиграфия поселения весьма проста. Под слоем перепаханной почвы, толщиною в среднем 0,3—0,4 *м*, залегает ненарушенный культурный слой мощностью от 0,1 до 0,3 *м*, а ниже, в материковом песке, находятся остатки построек, очагов, печей, горнов и различные ямы хозяйственного назначения. Контуры этих объектов иногда прослеживаются уже в культурном слое. Площадь остатков в среднем составляет 16—50 $м^2$, мощность их зольно-угольного заполнения различна и зависит от степени разрушения (в среднем — от 0,15 до 1,2 *м*). Диаметр печей и горнов составляет около 2 *м*, ям — от 0,5 до 2 *м*, очагов — 0,8—1,6 *м*. Жилища и другие сооружения на поселении располагаются свободно, без какого-либо строго выдержанного порядка (рис. 1).

Знание устройства и размеров различных объектов, а также средней глубины их залегания (например, очагов, сложенных из камней, скоплений пережженной глины на месте разрушенных печей) явилось основанием для выбора места расположения соответствующей сетки электрозондирования. В начальной стадии исследования электрозондирование производилось на участке, с которого предварительно был снят слой перепаханной почвы (*га* XXII, *ары* 42—45). Параметры электросопротивляемости, измеренные на уровне поверхности культурного слоя, в разных местах оказались различными. Там, где потом были вскрыты остатки жилищ и различные ямы, приборы зарегистрировали аномалии, характеризующиеся более низким сопротивлением, чем окружающая среда,— от 60 до 100 *ом*. В то же время остатки пожарищ, очаги и скопления камней дали аномалии, характерные большим сопротивлением, достигающим 250 *ом*. Подстилающий грунт, как правило, показывал более высокое сопротивление, чем культурный слой. Анализ полученных при этом данных позволил в дальнейшем ограничить общее количество мест электрозондирования и проводить его в пределах обычных двухметровых квадратов.

На другом участке поселения, почвенный слой с которого предварительно не был удален (*га* XXII, *ар* 22), электрозондированию подверглась площадь размерами 6 × 8 *м*. При этом была выявлена аномалия, характеризующаяся низким сопротивлением,— в среднем 80 *ом*. Контуры этой аномалии, зафиксированные на глубине около 0,75 *м*, указывали на наличие здесь нескольких не зависящих друг от друга явлений. Можно поэтому было предположить, что на указанной глубине находится несколько отдельных объектов. Глубже отмеченная особенность уже не прослеживалась столь отчетливо. Контрольные раскопки, произведенные в этом месте, подтвердили наличие двух построек и разрушенной печи (рис. 2). Изменения величины электросопротивляемости грунта, зафиксированные в юго-восточной части площади поселения, нашли свое подтверждение в обнаружении там остатков разрушенной каменной печи.

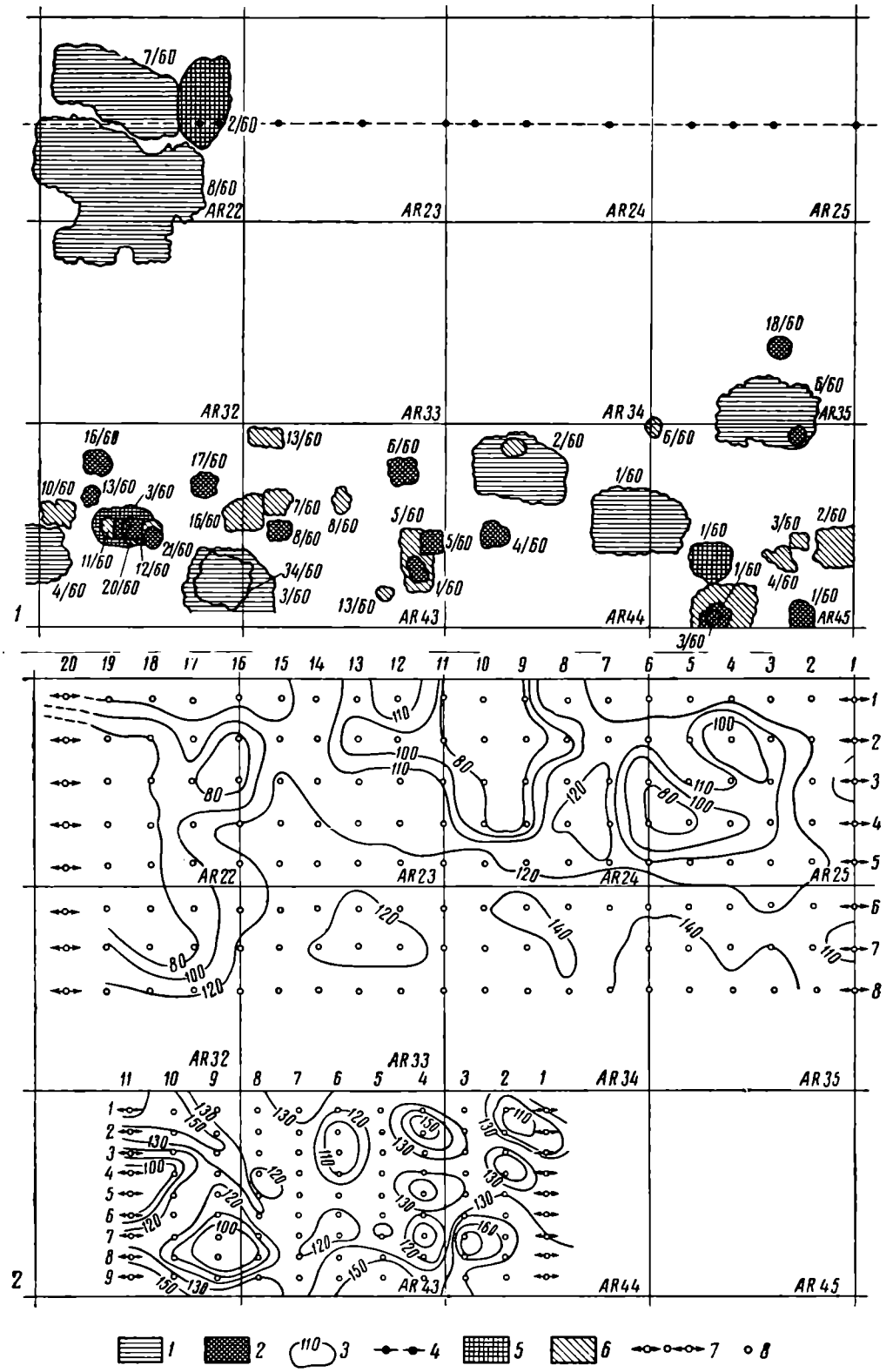


Рис. 1.

1 — план участка I, вскрытого на поселении Пивонице (Калишский повят) в 1960 г.; *2* — план расположения разных величин электросопротивляемости на этом же участке поселения, зафиксированных на глубине 0,75 *м*

Условные обозначения: *1* — постройка; *2* — кострище; *3* — изоомы; *4* — места геологического бурения; *5* — печи; *6* — ямы; *7* — места электрозондирования; *8* — сетка электрозондирования

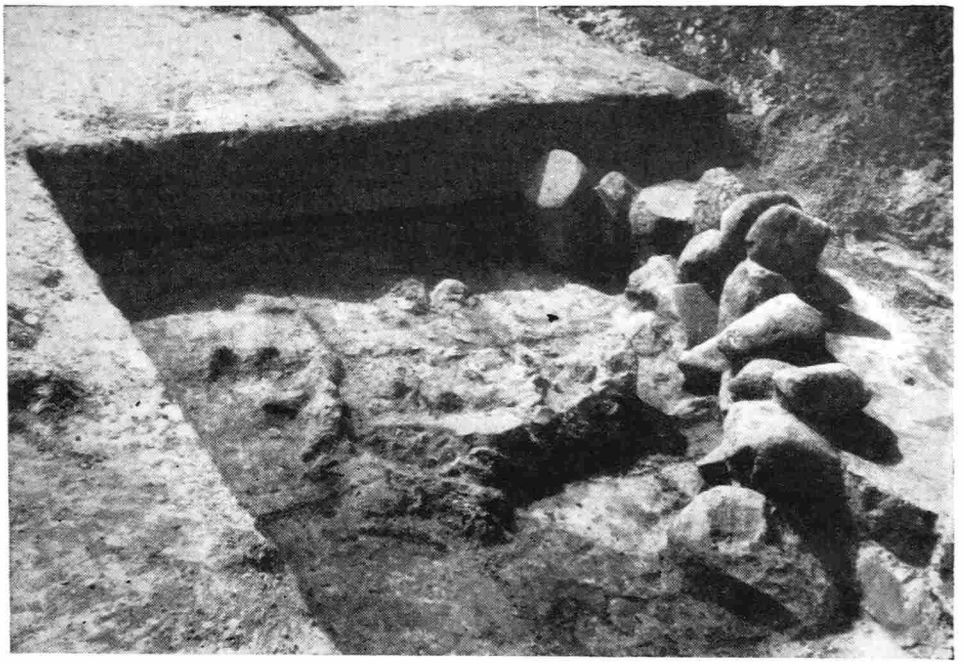


Рис. 2. Остатки печи № 2, 60, открытой на поселении (*ар* 22) в Пивонице (Калишский повят)

Комплексные исследования — определение величины электросопротивляемости грунта, геологические разведки и археологические раскопки — подтвердили целесообразность применения этих методов во время раскопок неукрепленных поселений. С помощью этих методов реальным становится предварительное установление характера застройки поселения, что значительно облегчит проведение систематических раскопочных работ.

* * *

Исследование многослойного памятника. Как уже упоминалось, исследования по определению величины электросопротивляемости грунта и геологическое бурение были произведены также на площади средневекового городища на Заводзье[11] и примыкающих к нему участках (рис. 3). Систематические археологические раскопки на этом городище проводятся ежегодно, начиная с 1958 г. Геологический фон этого участка долины р. Просны литологически более разнообразен, чем участка, где расположено описанное выше поселение у Пивонице. Городище находится на голоценовой террасе, состоящей из отложений глины, песков и ила. Площадь поселения характеризуется большими колебаниями электросопротивляемости в пределах от 18 до 220 *ом*. Это осложняет интерпретацию и расчленение геофизических аномалий с примерно одинаковыми показателями величины электросопротивляемости, которые в равной степени могут соответствовать как археологическим объектам, так и естественным, т. е. геологическим, факторам (рис. 4).

В начальный период исследования электрозондирование было проведено в 82 пунктах, что позволило выделить участки, характеризующиеся максимумами и минимумами сопротивления. Если же эти данные графически изобразить на профиле разреза городища, то сразу же выделяются три основные зоны (рис. 5). Начиная с левой стороны, мы видим зону I — луг. Зона эта доходит до заплывших теперь рвов (зондирования

[11] J. Dąbrowska. Ук. соч., стр. 31.

1—8), наличие которых подтверждено геологическим бурением. Зона II охватывает городище вместе с валами и рвами (зондирования 9—76), а зона III — луг и поле к северо-западу от городища (зондирования 77—82).

В зоне I на глубине в среднем от 3 до 4 *м* зафиксировано три минимума и три максимума. Это, как видим, аномалии, весьма ограниченные по глубине. Ширина их контуров примерно такая же, как и глубина. В зоне II зарегистрированы аномалии больших амплитуд. В большинстве случаев они находятся на значительной глубине и неоднократно прорезают напластования культурного слоя. Отрицательные аномалии этой зоны достигают величины от 40 до 110 *ом*,

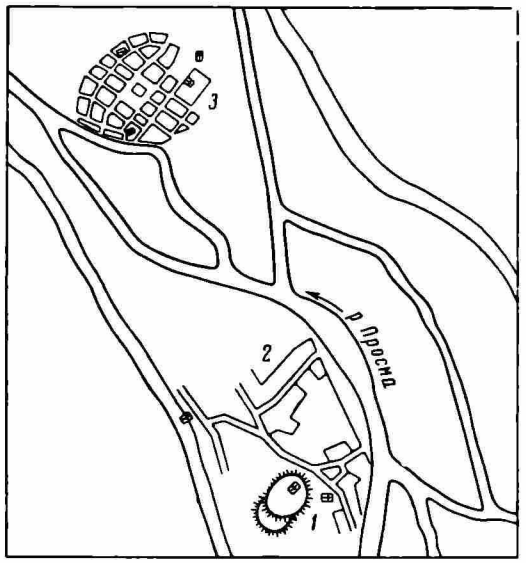


Рис. 3. Схематический план средневекового Калиша

1 — городище и предградье на Заводзье в IX—XIV вв.; *2* — торговое поселение XII—XIII вв.; *3* — город XII—XIV вв.

положительные — от 120 до 370 *ом*. В зоне III в расположении показателей сопротивляемости никаких изменений, вызванных деятельностью человека, не наблюдается. На всем охваченном здесь зондированием пространстве грунт в отношении электросопротивляемости однороден (рис. 6).

Очень трудна локализация отмеченных выше явлений, т. е. расположение их в вертикальной и горизонтальной плоскостях в соответствии с установленными величинами электросопротивления. Однако при тесном сотрудничестве геофизика, геолога и археолога задача эта вполне раз-

Рис. 4. Калиш. Общий вид городища на Заводзье

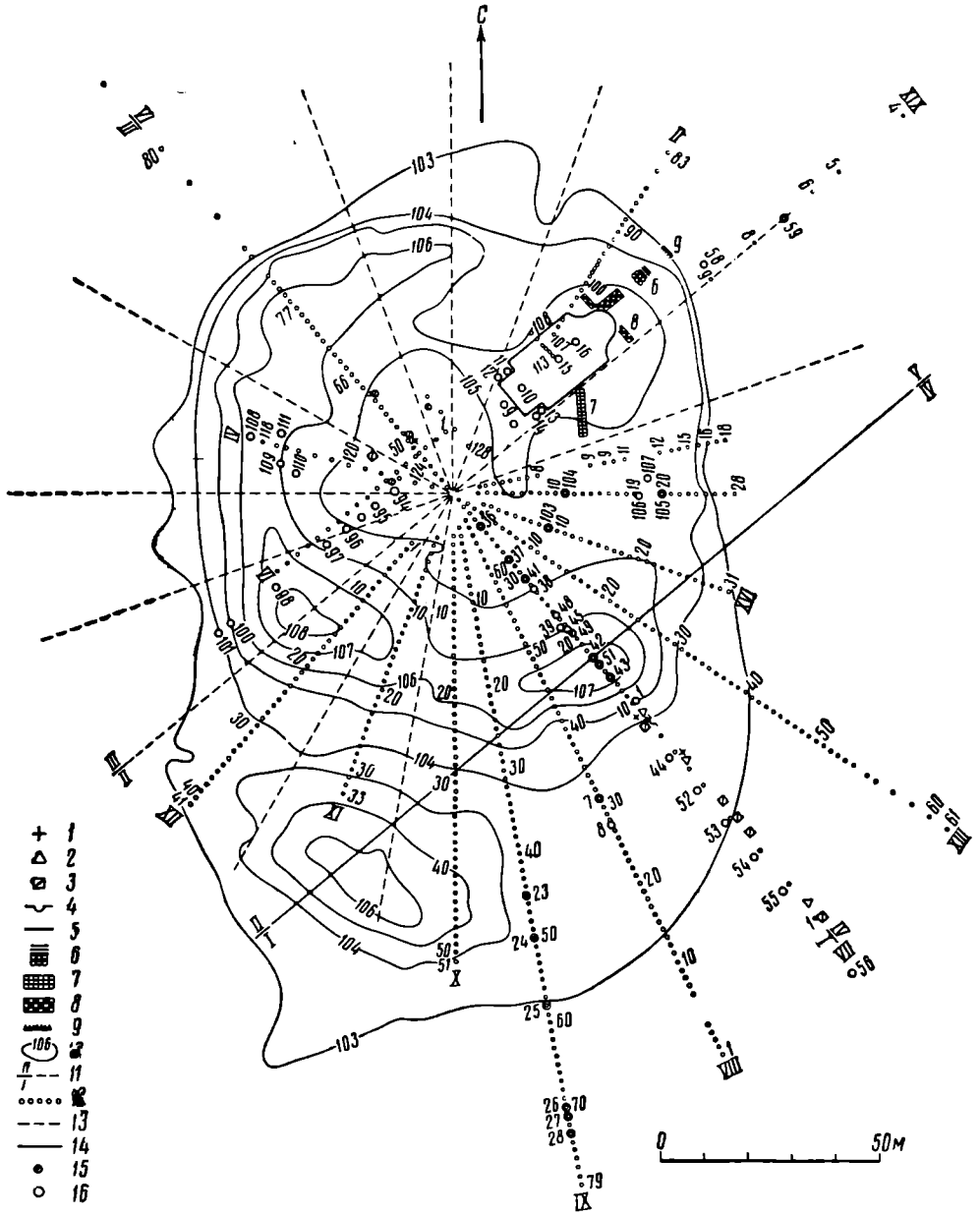


Рис. 5. Калиш. Городище на Заводзье. Ситуационный план расположения мест электрозондирования и геологического бурения

Условные обозначения: *1* — каменные конструкции; *2* — глина; *3* — деревянные конструкции; *4* — ров; *5* — фундаменты костела; *6* — оборонительный вал XII в.; *7* — оборонительный вал IX—X вв.; *8* — оборонительный вал X—XI вв.; *9* — палисад; *10* — горизонтали; *11* — секторы; *12* — направление электрозондирования; *13* — предполагавшееся направление электрозондирования; *14* — зондирования, проведенные на первой стадии работ; *15* — шурфы; *16* — места геологического бурения

решима: каждую зафиксированную аномалию можно увязать (гипотетически, конечно) с тем или иным археологическим объектом.

На пространстве зоны II зафиксированы аномалии как с низким, так и с высоким сопротивлением. Учитывая место, контуры и характер величины сопротивления аномалий с низкими, т. е. отрицательными, показателями, их можно связать со рвами, окружавшими укрепление в разные периоды его существования. Первая такая аномалия (зондирование 9) соответствует внешнему рву городища. Ширина рва, установленная исходя из данных электрозондирования, приближается к фактической ширине рва, установленной путем археологических раскопок. Вторая

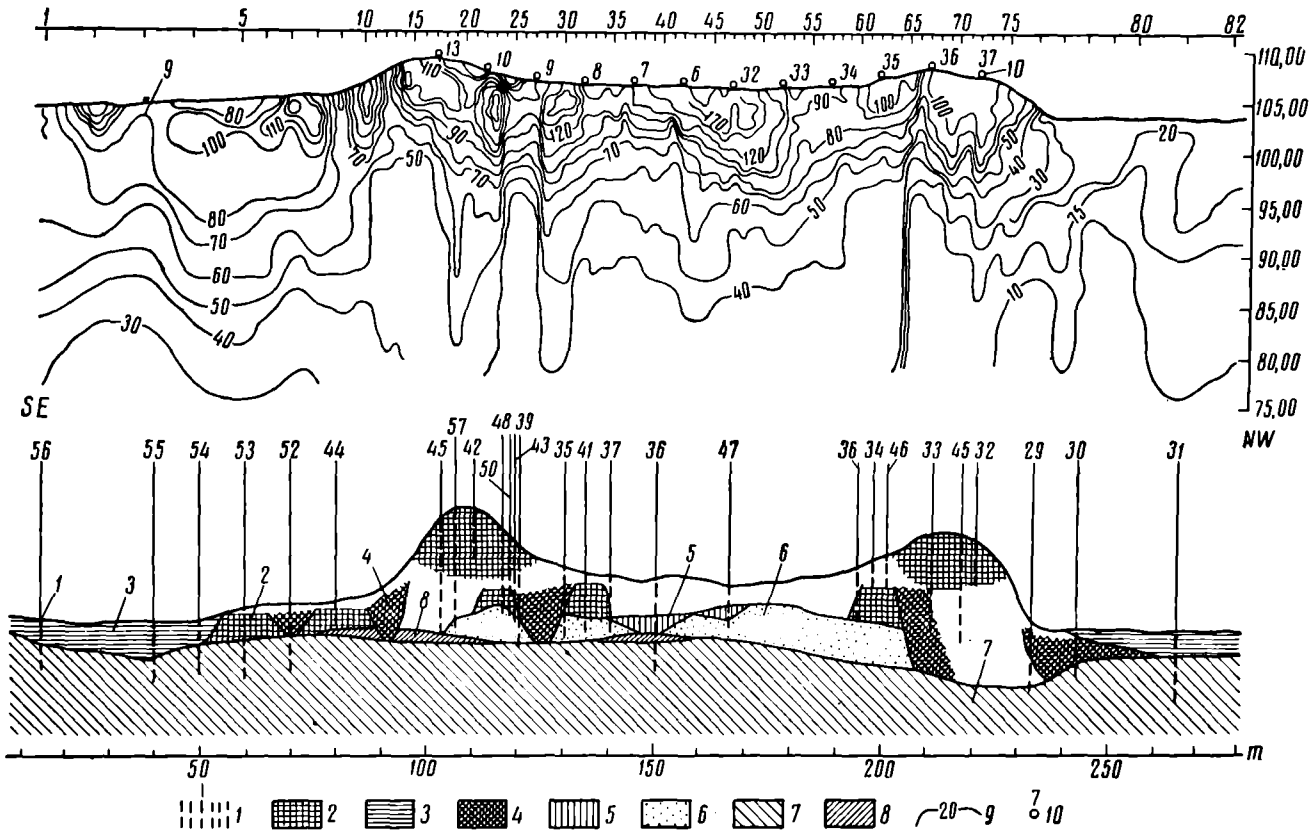


Рис. 6. Калиш. Разрез городища на Заводзье (согласно археологическим, геофизическим и геологическим данным)

Условные обозначения: *1* — места геологического бурения; *2* — оборонительные укрепления; *3* — заплывшая долина; *4* — рвы; *5* — подсыпка; *6* — наносной речной песок; *7* — речной песок с примесью ила; *8* — речная глина; *9* — изоомы; *10* — места электрозондирования

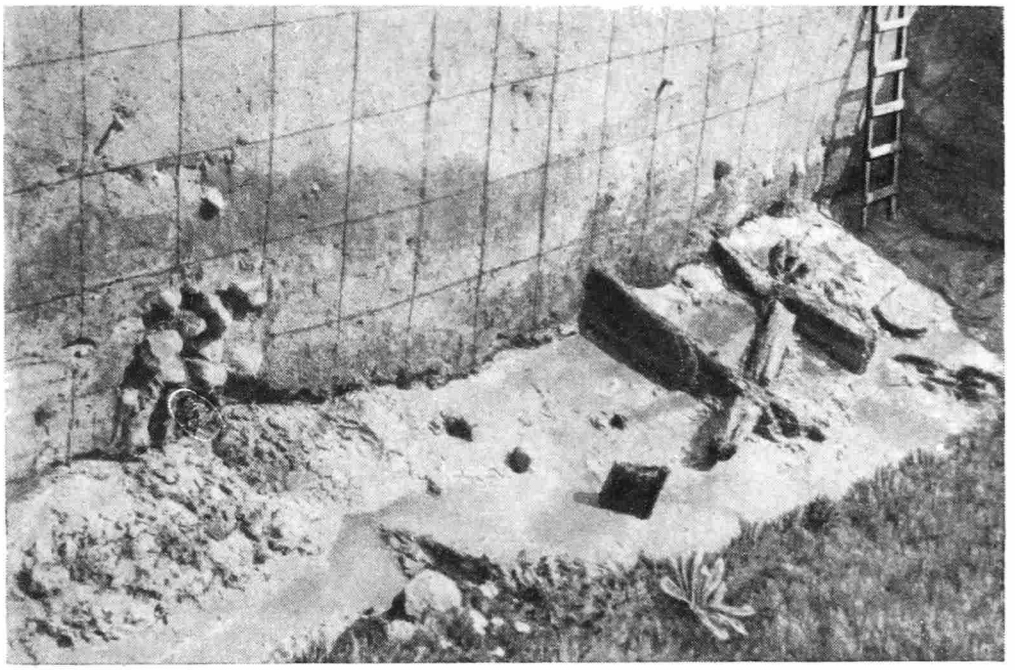


Рис. 7. Калиш. Городище на Заводзье. Контрольный раскоп на месте, где электрозондированием была зафиксирована аномалия. Остатки деревянно-каменных конструкций и следы рва (зондирования 7—12, см. рис. 6)

отрицательная аномалия (зондирования 19—31) обнаружена с внутренней стороны современного вала городища. Она зафиксирована на сравнительно небольшой глубине и имеет ширину около 3 *м*. Третья аномалия (зондирования 24—28) зафиксирована на глубине более значительной, чем предыдущая, и, согласно геофизическим данным, имеет ширину около 9 *м*. Эта аномалия может соответствовать рву, окружавшему городище в IX—X вв.[12]. Это тем более вероятно, если мы учтем, что и на противоположном краю площадки городища, возле вала, обнаружена подобная же аномалия (зондирования 63—67). Аналогичное же соответствие на этом же краю площадки городища имеет и вторая из упомянутых выше аномалий. Это пятая отрицательная аномалия (зондирования 75—76). Ширина и глубина ее фиксации такие же, как и у второй.

Обнаруженные на пространстве зоны II шесть положительных аномалий с высоким сопротивлением можно увязать с оборонительными сооружениями. Мы имеем в виду валы, сооруженные из земли, камней и дерева (рис. 7). Первая положительная аномалия находится в юго-восточной части исследованной площади (зондирования 13—20). Ширина аномалии — около 13 *м*. Соответствием ей в северо-западной (т. е. противоположной) части городища является шестая положительная аномалия шириною 4—5 *м* (зондирования 72—75). Вторая положительная аномалия в юго-восточной части имеет ширину 4 *м* (зондирования 22—24), а соответствующая ей в северо-западной — 3 *м* (зондирования 68—70). Третья положительная аномалия в юго-восточной части городища имеет ширину 7,5 *м* (зондирования 28—33). Соответствующая ей аномалия на противоположной стороне обнаружена в зондированиях 59—64. Аномалии эти соответствуют расположению оборонительного вала на данных участках. Во время археологических раскопок было установлено, что вал этот сооружен из деревянных клетей, забутованных камнем, и дати-

[12] K. Dąbrowski. Prace wykopaliskowe na Zawodziu w Kaliszu. Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza, т. VI, № 1, Poznań, 1960, стр. 560.

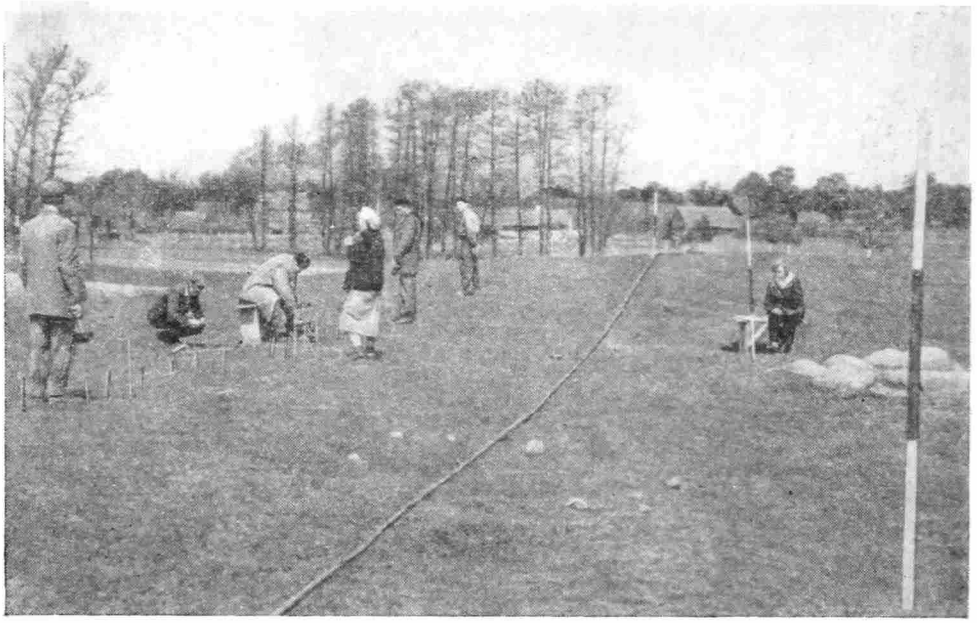


Рис. 8. Калиш. Электрозондирование на валу городища на Заводзье. 1960 г.

руется IX—X вв. [13]. Расположение вала, установленное археологическим путем на других участках, тоже совпадает с указаниями на наличие там вала, полученными во время электрозондирования.

На пространстве зоны I также обнаружены положительные аномалии. Первая из них (зондирование 8) находилась около упомянутой выше отрицательной аномалии зоны II. На этом месте был заложен нами небольшой шурф, в котором открыто скопление камней,— по-видимому, остатки каменных конструкций оборонительного вала. Таким же образом следует объяснять и остальные аномалии, зафиксированные в этой зоне. На площади, примыкающей к городищу с северо-запада, во время электрозондирования зафиксированы лишь геологические явления, но это уже особый вопрос.

После завершения электрозондирования по тем же самым направлениям было произведено геологическое бурение. Сопоставление полученных при этом данных позволило выделить из аномалий, зафиксированных при электрозондировании, те, которые объясняются геологическими факторами, и те, которые соответствуют археологическим объектам (рис. 8).

В результате работ, проведенных нами на Заводзье, можно сделать следующие выводы: 1) метод определения величины электросопротивляемости грунта позволяет установить местоположение отдельных археологических объектов и геологических явлений, встречающихся на многослойном памятнике; 2) при помощи контрольного бурения (исключив аномалии, вызванные геологическими факторами) можно установить местоположение и глубину залегания отдельных археологических объектов (кострища, хозяйственные ямы, постройки, оборонительные укрепления, рвы и т. д.); 3) установлены параметрические значения электросопротивления основных археологических объектов, что позволяет определять характер застройки исследуемого памятника в целом; 4) комплексная интерпретация результатов геофизических, геологических и археологических исследований позволяет восстановить естественную среду и проследить перемены, вызванные деятельностью человека (опре-

[13] J. Dąbrowska. Ук. соч., стр. 52—53.

деление площади, занятой поселением, расположение старой речной долины, островов и т. д.); 5) установлена пригодность метода определения величины электросопротивляемости грунта для первичного определения стратиграфии многослойного памятника.

Выполнение программы опытных работ на многослойном памятнике показало полную пригодность метода определения величины электросопротивляемости грунта для археологических исследований памятников этого типа. Стала очевидной также необходимость продолжения экспериментальных работ для установления параметров электросопротивления объектов, особенно важных для археологов.

* * *

Калишский эксперимент по применению метода определения величины электросопротивляемости грунта для археологических исследований указывает на необходимость проведения дальнейших исследований, касающихся как методики и техники зондирования, так и использования и интерпретации полученных данных в раскопочных работах. Установлено, что метод определения величины электросопротивляемости грунта должен быть использован до начала раскопок, после того как будет составлен детальный план памятника с помощью инструментальной съемки. Открытые раскопы и выбросы земли затрудняют применение этого метода.

Примененный археологами метод определения величины электросопротивляемости грунта может сыграть положительную роль и в период разведочного описания памятников, таких, как заброшенные рудники, шахты, гончарные мастерские и места выплавки металлов, курганы, городища, селища, могильники. В перспективе этот метод должен найти широкое применение при охране памятников и в различных работах по предотвращению их разрушения.

Экономические выгоды применения этого метода, значение которых подчеркивали итальянские исследователи, нашли свое подтверждение и во время работ, проведенных нами в районе Калиша. Несомненно, что дальнейшее усовершенствование способов применения метода на практике приведет к еще большему удешевлению стоимости как археологических исследований, так и самих электрозондирований. Не следует, однако, думать, что метод определения величины электросопротивляемости грунта, как и много других методов, нашедших применение в археологии, может заменить собственно раскопочные работы. Ведь только во время раскопок можно разрешить вопрос о хронологии и характере исследуемых явлений. Тем не менее внедрение одного из методов геофизики в предварительные археологические исследования представляется нам необходимым и вполне своевременным. Оно поднимает полевые работы на более высокий и современный уровень.

К. С. НИКОЛЭЕСКУ-ПЛОПШОР

К ИЗУЧЕНИЮ ПАЛЕОЛИТА РУМЫНИИ

Предположение о существовании палеолита на территории Румынии, которое высказывали А. Одобеску, Ч. Боллиак и Г. Точилеску, получило впервые подтверждение в 1885 г., когда геолог Г. Стефенеску нашел первые бесспорные палеолитические орудия в лёссе Миток на берегу р. Прута (область Сучавы) [1]. Однако это открытие не послужило исходным пунктом для исследований в области румынского палеолита; оно прошло незамеченным. Первые работы в области палеолита Румынии были лишены официальной поддержки, какой-либо координации друг с другом, равно как и научного метода. Они производились спорадически, в изолированных, удаленных одно от другого местах и являлись делом нескольких исследователей-энтузиастов. Можно утверждать, что до начала второй мировой войны исследования палеолита в Румынии были незначительны.

В Трансильвании, помимо первой находки палеолитических остатков в террасовых отложениях, сделанной Ю. Тейчем в 1910 г. (Кременя, окрестности Сита Бузэулуй), был известен только подъемный материал. Ряд шурфов был заложен М. Рошка в пещерах Чёкловина и Охаба-Понор, а И. Малласом — в одной из пещер Нандру. В Банате М. Мога и Э. Балог провели разведку в гротах Ромынешти и Карасова, не давшую существенных результатов. В Добрудже Н. Н. Морошан и И. Бэнкилэ отметили две случайные маловыразительные находки в Топалу и в Кап Мидиа. Зато исследования, проведенные Н. Н. Морошаном на северо-востоке Молдавии, в частности, на правом берегу Прута, привели к открытию ряда палеолитических памятников и к важным геологическим наблюдениям. В Валахии можно отметить лишь несколько случайных, малозначительных находок, сделанных Д. В. Розетти в каменоломнях окрестностей Бухареста, а в Ольтении — наши открытия в Бая де Фер и Сухару. Если сюда добавить еще несколько находок меньшего значения, то обзор, посвященный открытиям и исследованиям в области палеолита Румынии до 1941 г., можно считать законченным. Этим открытиям посвящены заметки, отчеты и несколько общих работ [2].

Вторая мировая война прервала работы по исследованию палеолита. Они возобновились в 1949 г. вместе с общим подъемом археологических исследований в Румынии. Развернувшиеся археологические работы, получившие поддержку государства и руководимые Академией наук Румынской Народной Республики, включили в себя и систематические

---

[1] Gr. Ştefănescu. Relaţiune sumară de lucrările Biuroului Geologic în campania anului 1885. Anuarul Biuroului Geologic, III, 1855, № 1, Bucureşti, 1888.

[2] См. N. N. Moroşan. Le pléistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. Anuarul Institutului geologic al României, т. XIX. Bucureşti, 1938; C. S. Nicoláescu-Plopşor. Le paléolithique en Roumanie. Dacia, т. V—VI, Bucureşti, 1938.

исследования по палеолиту Румынии. В результате разведок и раскопок, предпринятых Центром антропологических исследований, а затем продолженных Институтом археологии Румынской Академии, за сравнительно короткий срок были получены многочисленные археологические и палеоантропологические материалы; была проведена и серия стратиграфических наблюдений.

На основании этого мы кратко изложим важнейшие данные по палеолиту Румынии.

Геологические замечания. За время, соответствующее началу четвертичного периода, горная цепь Карпат постепенно поднялась более чем на 1000 *м*, в результате чего основные вершины покрылись ледниками. Следы ледников видны на всех массивах, превышающих 2000 *м* высоты: на Парынг, Ретезат, Фэгэраш, Бучеги, Чюкаш и т. д. Вследствие подъема Карпат озера, которые покрывали значительную часть Валахии, Трансильвании, Южной Молдавии и Паннонии, постепенно отступили в более низменные области. Водные потоки стали более мощными, заполняя впадины от озер массой галечника, песка и ила.

В результате подъема земной коры реки углубили свои долины, образовав плато, холмы и террасы, поверх которых под воздействием ветра и атмосферных вод распространился лёсс — слой, образовавшийся в результате ледниковой и перигляциальной деятельности.

Нижний палеолит. Первая попытка отнести археологическую находку к нижнему палеолиту была сделана в Румынии в 1913 г. Она принадлежит историку Н. Денсушяну, который в своей работе «Доисторическая Дакия» описал двусторонне оббитый миндалевидный кремень, найденный на берегу р. Няжлов в Креведя Маре. Но эта работа содержит столько фантастических элементов, что определение Денсушяну не было принято всерьез.

В 20-х годах XX в. в нескольких пунктах в областях Орадя, Бая Маре и Хунедоара в речных аллювиях и у основания террас археолог М. Рошка нашел ряд предметов, в большей или меньшей степени напоминающих нижнепалеолитические рубила [3]. Однако критическая проверка материалов показала, что это обломки, получившиеся в результате распада опала под механическим воздействием воды или смены температур (мороза). Новые исследования, проведенные нами в Иосэшель, в Прэвэлень и в Бротуна (область Орадя), доказали, что на террасах бассейна р. Белый Криш мы имеем дело с верхнепалеолитическими мастерскими. В Иосэшель преобладают орудия нижнего ориньяка со следами влияния селетской техники [4]. Таким образом, к числу бесспорных находок нижнего палеолита мы можем отнести (из старых поступлений) для Трансильвании — ашельское рубило из Кэпушул Маре, открытое А. Брейлем, посетившим Румынию в 1924 г., для Молдавии — верхний леваллуа Рипичень, а для Валахии — отщеп из Бухареста и скребло из Лица, оба леваллуазские.

Однако, возобновив поиски нижнего палеолита, мы смогли (начиная с 1952 г.) добыть серию материалов, которые совершенно меняют наши представления об этом отдаленном периоде.

Культура оббитых галек (pebble culture). Протопалеолит представлен недавними находками, сделанными в долине Дыржова (район Слатины, область Питешти [5]). Они состоят из орудий, сде-

[3] M. Roska. Das Altpaläolithikum von Baszarabsza-Brotuna in Siebenbürgen. Die Eiszeit, т. IV, Leipzig, 1927; M. Roska. Le paléolithique inférieur de Transylvanie. Bulletin de la Société des sciences de Cluj, т. III, Cluj, 1927.

[4] C. S. Nicolăescu-Plopşor. Cercetări asupra paleoliticului timpuriu. Materiale şi cercetări arheologice, т. III, Bucureşti, 1957.

[5] C. S. Nicolăescu-Plopşor, J. N. Moroşan. Sur le commencement du paléolithique en Roumanie. Dacia, новая серия, т. III, Bucureşti, 1959.

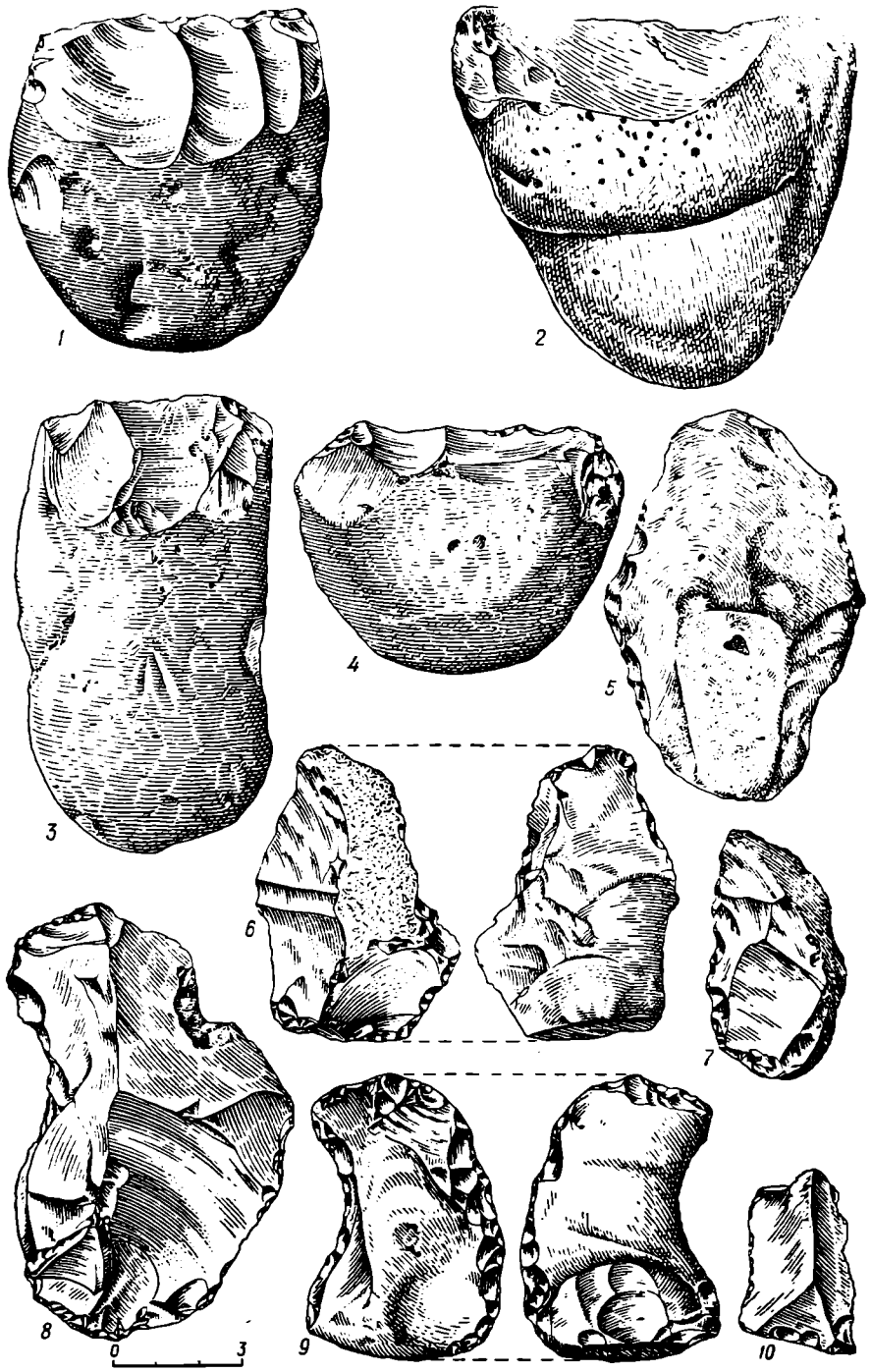


Рис. 1. Долина Дыржова

1—4 — орудия из галек; *5—10* — отщепы

ланных из галек («pebble-tools»; см. рис. 1, *1—4*), а также из кремневых отщепов, служивших режущими орудиями (рис. 1, *5—10*). Орудия из галек принадлежат к ольдовайским формам Африки и тесно связаны с протопалеолитом Юго-Восточной Азии. Долина Дыржова и верхние террасы Ольта дали фаунистические остатки, принадлежащие Elephas meridionalis, Elephas antiquus, Rhinoceros etruscus, Equus cabballus fossilis и Camelus alutensis. Климат, благоприятствовавший появлению обильной растительности и многочисленной дичи, так же как и наличие

кремня, служившего сырьем, привлекали на эти берега бродячие группы обезьяноподобных людей, занимавшихся собирательством и охотой и уже начавших изготовлять первые орудия. Орудия, найденные в Дыржове, принадлежали обезьяноподобным людям более древнего типа, чем синантропы из Чжоукоудяня и близкие к ним формы из Тернифина и Казабланки; последние, как это доказано, относятся к более позднему времени — к фазе развитого ашеля. Орудия же Дыржова, возможно, принадлежали форме более древней, чем питекантроп. Проблема подобных орудий уже ставилась ранее. Находки в Стеркфонтейн позволяют предположить, что орудия этой категории изготовлялись австралопитеками.

Аббевилль и ашель. Там же, в долине Дыржова, были обнаружены первые ручные рубила, целиком соответствующие как по форме, так и по технике двусторонней обработки аббевиллю и ашелю (рис. 2). Одно из открытых здесь ашельских рубил близко напоминает по форме и размерам рубило, найденное П. И. Борисковским в Луке Врублевецкой на Днестре. К ашелю также уже давно относят (правда, не безоговорочно) оббитое только с одной строны рубило, найденное в Капушул Мик, недалеко от Клужа.

Клектон. В Миток на Пруте в отложениях последнего, рисс-вюрмского межледникового периода было обнаружено скопление необработанных рукой человека отщепов с острыми краями и острым концом. Они происходят из аллювиальных отложений Прута. Вместе с ними найдены типичные клектонские отщепы, несомненно обработанные человеком [6]. Несколько изолированных клектонских отщепов было также найдено в карьерах в окрестностях Бухареста, в Добромире и в Фэркашеле (область Крайовы), в Валя Лупулуй, близ Ясс, и, наконец, в Джурджу (Малул Рошу [7]). Основная же масса клектонских орудий, одновременных протопалеолиту, найдена в долине Дыржова и в долине Ольта в Слатине.

Леваллуа. Леваллуазские орудия найдены в Рипичень, в галечниках нижней террасы Прута, относящейся к концу последнего, риссвюрмского межледникового периода. Находки их сделаны также в разработках гравия в окрестностях Бухареста, в Джурджу и в Лица.

Находки древнего палеолита в Румынии указывают, что эта территория, имевшая в те времена благоприятные условия для обитания людей, входила в зону, где происходил процесс антропогенеза.

Протопалеолит и аббевилль Дыржова является как бы связующей нитью между соответствующими культурами Европы, с одной стороны, Африки и Азии, с другой. Сторонники расистских теорий в археологии утверждают, что человеческие группы, заселявшие европейский континент, состояли из носителей культуры рубила, с одной стороны, культуры отщепа — с другой, и что они, уже начиная с древнего палеолита, делились по уровню развития своей материальной культуры на передовых и отсталых. В противовес этим теориям можно утверждать, что рубила в настоящее время известны не только на западе Европы, но и во всей Африке, а также в Чехословакии. Находки в Чехословакии и Румынии связывают в культурном отношении Западную Европу с Африкой, а через Луку Врублевецкую на Украине и Сатани Дар в Армении соединяют ее с юго-востоком Азии.

---

[6] C. S. Nicolăescu-Plopşor. Cercetările de la Mitoc. Materiale şi cercetări arheologice, т. VI, Bucureşti, 1959.

[7] C. S. Nicolăescu-Plopşor. Rezultatele principale ale cercetărilor paleolitice în ultimi patru ani în R. P. R. SCIV, т. VII, № 1—2, Bucureşti, 1956; его же. Le paléolithique dans la République Populaire Roumaine à la lumière des dernières recherches Dacia, новая серия, т. I, Bucureşti, 1957.

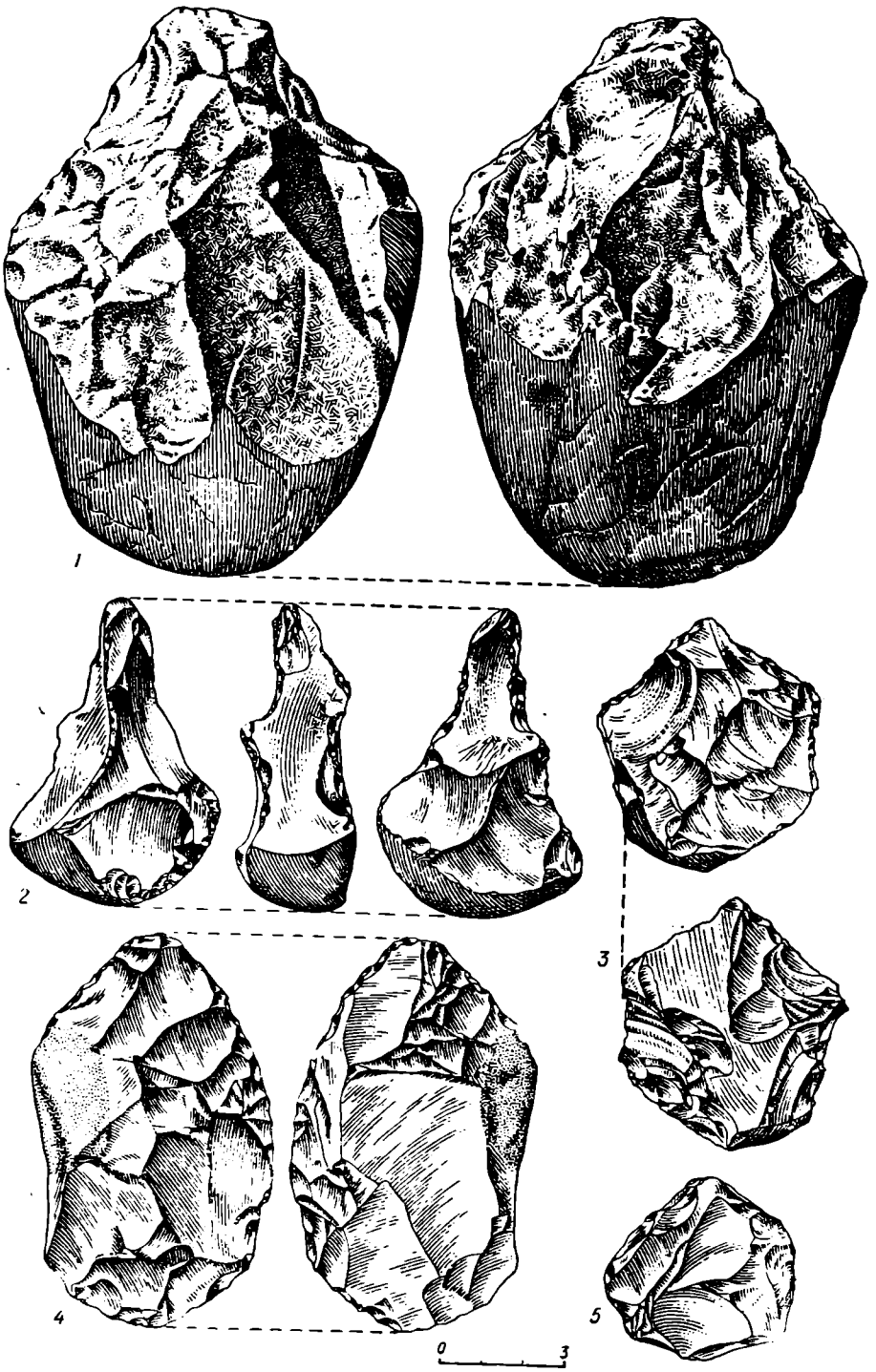


Рис. 2. Долина Дыржова. Аббевильско-ашельские рубила

Средний палеолит представлен в Румынии, прежде всего, находками, сделанными в пещерах, а также на стоянках на открытом воздухе (рис. 3 и 4). В Бая де Фер и в Бороштени в Ольтении [8], в Охаба Понор, Нандру и Пештера в Трансильвании [9], как и в Кея в Добруд-

[8] Al. Gheorghiu, C. S. Nicolăescu-Plopşor, N. Haas и др. Raport preliminar asupra cercetărilor de paleontologie umană dela Baia de Fier din 1951. Probleme de Antropologie, № 1, Bucureşti, 1954.

[9] C. S. Nicolăescu-Plopşor, N. Haas, Al. Păunescu, Al. Bolomey. Santierul arheologic Ohaba-Ponor. Materiale..., т. III, Bucureşti, 1957; C. S. Nicolăescu—Plopşor, Al. Păunescu, Al. Bolomey. Şantierul arheologic Nandru Materiale..., т. III.

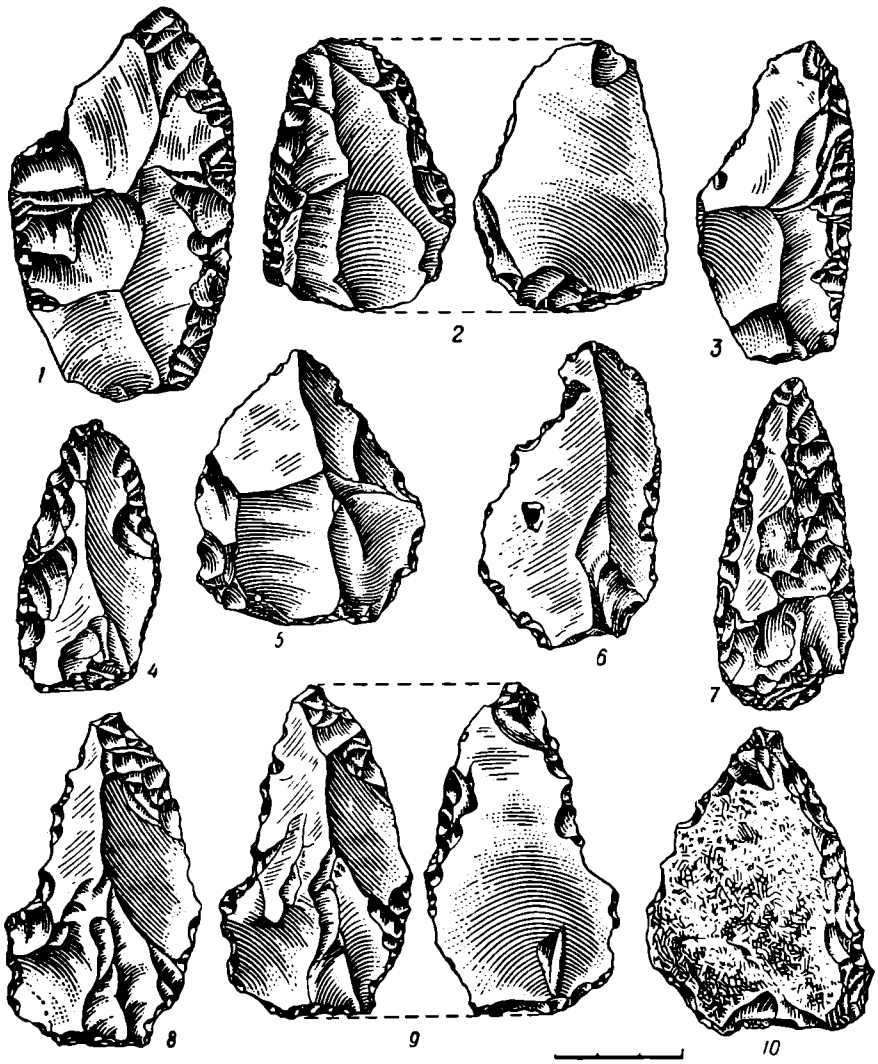


Рис. 3. Мустьерская культура

1—3 — Рипичень; *4, 5* — Бая де Фер; *6* — Нандру; *7* — Бухарест; *8—10* — Охаба-Понор

же [10], время заселения пещер соответствует холодному климату (стадии оледенения вюрм I). Об этом свидетельствует наличие в пещерах костных остатков представителей холодолюбивой фауны, таких, например, как мамонт, шерстистый носорог, северный олень и росомаха, не говоря уже о пещерном медведе, пещерном льве и пещерной гиене. Анализ углей из очагов показывает, что в эту эпоху хвойные леса спустились в долины и на плато, заняв место лиственных лесов.

Культурный слой достигает в Бая де Фер 1,4 *м* толщины, в Охаба-Понор и в Нандру-Пештера-Куратэ — 2 *м* толщины. Это свидетельствует о долговременном обитании людей в пещерах. Мустьерская культура пещер Бая де Фер и Охаба-Понор в своей начальной фазе сохраняет по традиции некоторые обработанные с двух сторон рубила, напоминающие ашельские (рис. 4, *1*, *6*). К концу мустьерской эпохи в Нандру-Пештера-Спуркатэ, в Миток и в Рипичень-Извор (рис. 4, *2—5*) рубила приобретают более изящные формы, их тщательная двусторонняя обработка известна под названием селетской техники. Появляются костяные орудия: шилья, употреблявшиеся при шитье одежды из шкур,

[10] C. S. Nicolăescu-Plopşor. Cercetări paleolitice in Dôbrogea. Materiale..., т. VI.

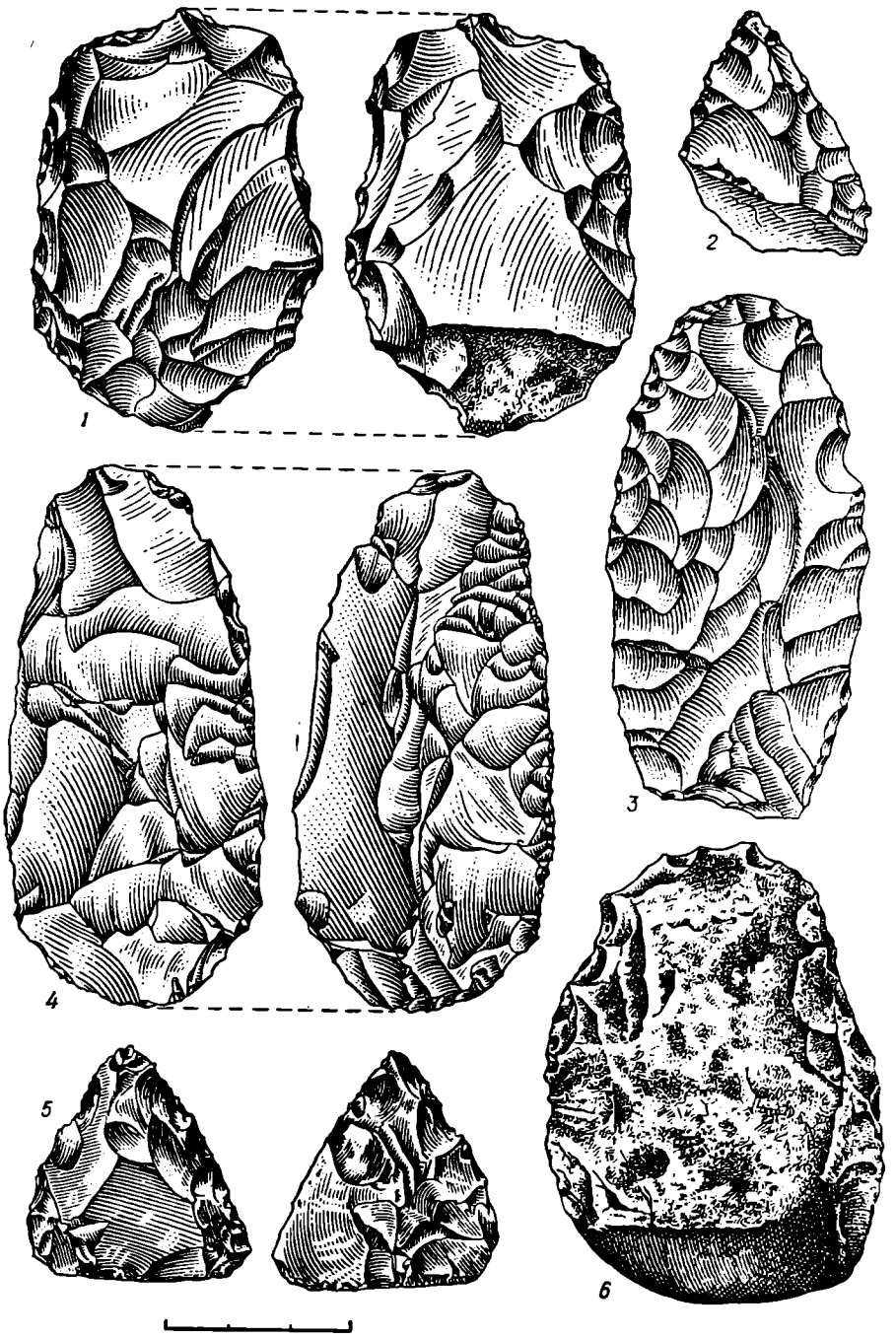


Рис. 4. Мустьерская культура. Орудия, обработанные с обеих поверхностей
1 — Бая де Фер; *2* — Миток; *3* — Рипичень; *4*, *5* — Нандру; *6* — Охаба-Понор

и маленькие мотыги, которыми выкапывали из земли съедобные коренья.

Мустье румынских пещер во многих отношениях напоминает альпийский палеолит, открытый, кроме Альп, также в Бюккских горах в Венгрии. Для альпийского палеолита характерно обилие отщепов и кусков кварцита, а также большое количество фаунистических остатков по сравнению с количеством орудий. Малое число каменных изделий свидетельствует о том, что охота производилась главным образом с помощью оружия из дерева. Как исключительную для этого времени находку отметим открытый в Охаба-Понор двойной очаг, сооруженный из кам-

ней вокруг каменной плиты, установленной у входа в пещеру [11]. Обе его части круглые в плане, с возвышающимися краями. Они были заполнены углем, золой, орудиями и пережженными костями. Устройство этого очага преследовало три цели: обеспечивать хорошее распространение тепла, воспрепятствовать диким животным проникать в пещеру и, разумеется, служить для приготовления пищи. Центральный камень, вероятно, должен был накапливать тепло, а затем излучать его, после того как огонь в очаге погасал. Этот очаг является наиболее древним сооружением такого рода, известным как на территории Румынии, так и в соседних странах.

Мустьерская культура террас одновременна в своей начальной фазе мустьерской культуре пещер. Доказательством этого является наличие в Рипичень-Извор остатков холодолюбивых животных, таких, как мамонт, шерстистый носорог и северный олень. Но прутский кремень позволял изготовлять здесь рубила, остроконечники и скребла замечательного совершенства. Была известна и обработка кости.

Наиболее древними остатками мустьерского человека являются найденные в Охаба-Понор три фаланги, принадлежащие Homo primigenius [12]. Столь же древние найденные в Бая де Фер череп, обломок нижней челюсти и другие кости женщины возраста 40—45 лет, принадлежащей типу Homo sapiens, с отдельными негроидными влияниями и с отдельными более примитивными признаками. Стертость коронок коренных зубов говорит о том, что растения (и особенно корни) занимали очень важное место в пище мустьерских обитателей Бая де Фер. Появление в мустьерском комплексе человека с хорошо выраженными признаками неоантропа не должно нас смущать, хотя в Западной Европе для мустьерской эпохи и характерно существование неандертальца. Находка в Бая де Фер не является изолированной. Позднее в верхнемустьерских слоях пещер Староселье (Крым) и Шанидар (Ирак) в детских погребениях также были найдены формы, переходные от неандертальца к Homo sapiens и больше напоминающие Homo sapiens. В пещере Святы Прокоп в Чехии также в мустьерском комплексе были найдены ископаемые остатки Homo sapiens.

Эти находки позволяют проследить переход от неандертальца к человеку современного физического типа. Они показывают, что процесс антропогенеза начинает завершаться уже в конце среднего палеолита, когда можно констатировать бесспорное появление форм, ближе всего стоящих к неоантропу, а также и самого неоантропа. Ископаемый человек из Бая де Фер дает доказательство того, что территория Румынии входила в область, где завершался этот длинный процесс.

Верхний палеолит. Не так давно, механически перенося схему, установленную для палеолита Западной Европы, на территорию Румынии, исследователи признавали существование здесь ориньяка, солютре и мадлена. В результате новейших исследований эти построения были коренным образом изменены. В действительности верхний палеолит Румынии представляет собой в общих чертах одну культуру — ориньякскую. Эта культура имеет три фазы развития: нижний, средний и восточный ориньяк.

Нижний ориньяк, сохраняющий некоторые формы и технику мустьерской и селетской культур в основном характеризуется новой, пластинчатой техникой. Самой богатой стоянкой является Иосэшель (район Гура Хонц, область Орадя). Здесь, на холмах Вилчеле и Прося,

---

[11] C. S. Nicolăescu-Plopşor. Le paléolithique dans la République Populaire Roumaine à la lumière des dernières recherches; M. Bitiri. Vetrele paleolitice in Romînia. SCIV, anul XII, № 1, Bucureşti, 1961.

[12] Stefan Gáal. Der erste mitteldiluviale Menschenknochen aus Siebenbürgen Publicaţiun le Muzeului judeţului Hunedoara, т. III—IV, 1927— 1928.

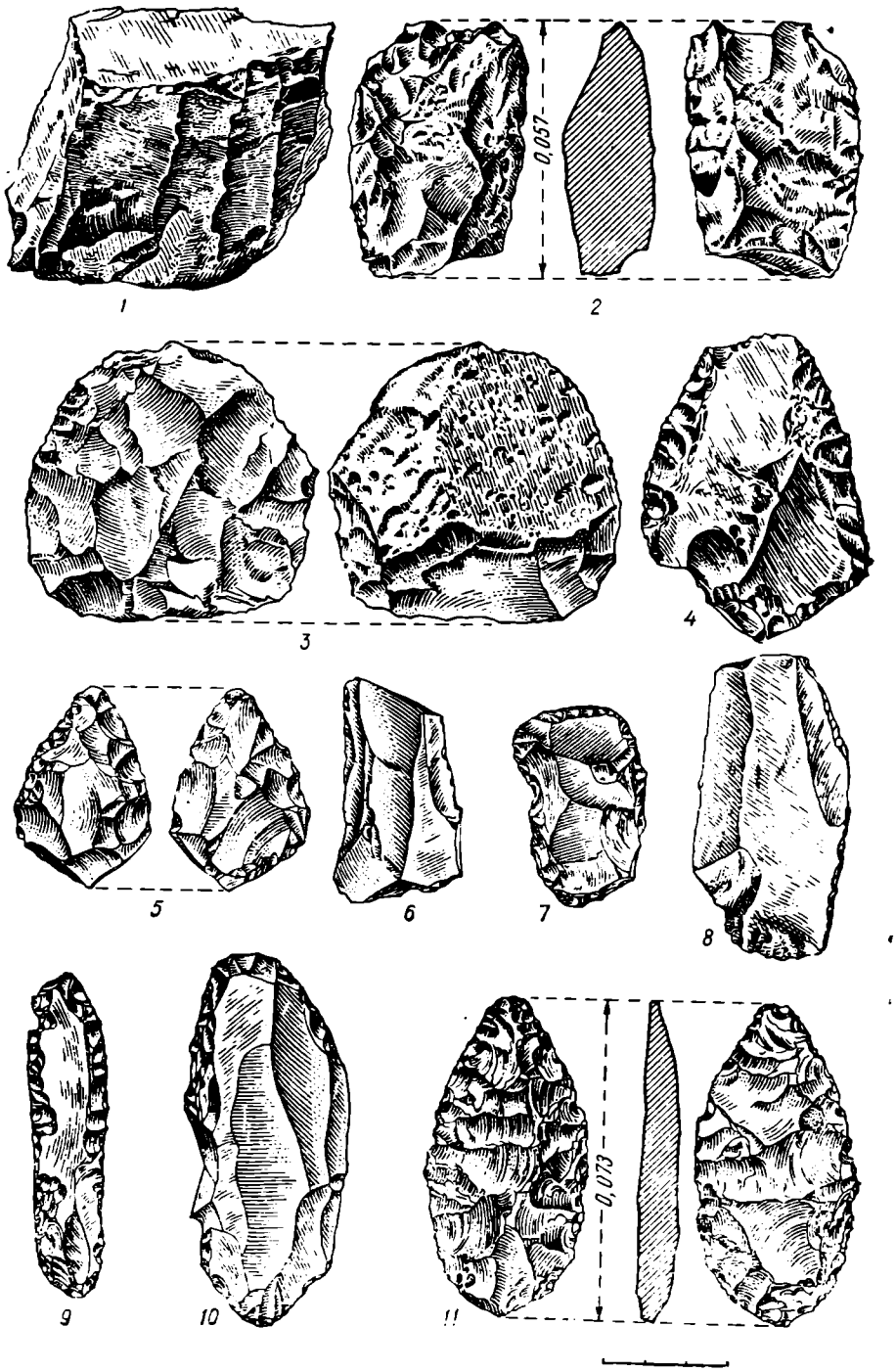


Рис. 5. Нижний ориньяк. Орудия, обработанные с обеих поверхностей
1—10 — Чахлеу-Четэцика; *11* — Иосэшель

открыты две большие мастерские по оббивке опала, месторождения которого встречаются в ближайших окрестностях Плопэта. Новая пластинчатая техника представлена призматическими нуклеусами, пластинками и одним резцом. Наряду с этим продолжают существовать клектонская и мустьерская техники. Имеется также несколько листовидных, обработанных с обеих поверхностей острий селетского облика (рис. 5, *11*).

Раскопки в Чахлеу (область Бакэу) позволяют установить с известной определенностью последовательность хронологических этапов ниж-

него ориньяка Румынии. Здесь, в Четэцика, в геологических отложениях, относящихся к интерстадиалу вюрм I — вюрм II и расположенных на останце древней высокой террасы, был обнаружен нижнеориньякский культурный слой с отщепами, носящими признаки более древней клектонской и мустьерской техники, а также с удлиненными пластинками и с селетскими листовидными остриями(рис. 5, *1—10*).

Находки в Иосэшель, Чахлеу и Митоке позволяют предполагать, что представители этих культур не были просто потомками мустьерских обитателей пещер. Возвращение к древней, клектонской технике, исчезнувшей в среднем палеолите, а также внезапное появление до того не известной пластинчатой техники, вероятно, было связано с медленным проникновением новых групп охотников из других стран. Следует отметить также важный в общественно-экономическом отношении факт появления специализации в изготовлении орудий. Значительное количество отбросов производства по сравнению с немногими законченными изделиями свидетельствует о том, что в Иосэшель мы имеем дело с мастерскими. Целые, законченные орудия здесь редки, так как в порядке обмена их отправляли в другие районы, где сырья для приготовления орудий было мало или оно вовсе отсутствовало. Эта столь древняя специализация в изготовлении каменных орудий служит доказательством того, что развитая верхнепалеолитическая техника уже не была всеобщим достоянием. Некоторые группы людей, обладавшие этой техникой, селились близ выходов камня и обрабатывали его для обмена. Такая специализация в свою очередь объясняет быстрый прогресс техники изготовления каменных орудий в эпоху палеолита.

Средний ориньяк, характеризующийся орудиями, приготовленными на пластинках, появляется в первых слоях геологических отложений, принадлежащих к стадии оледенения вюрм II. Этой стадии соответствует похолодание климата и образование на вершинах Карпат новых ледников.

Среднеориньякская фаза, обнаруженная на средних террасах долины Бистрицы в Чахлеу, непосредственно следует за нижним ориньяком Четэцика и представлена двумя культурными слоями. К первому, более бедному, относится несколько очагов, вокруг которых был найден ряд ножей и скобелей, изготовленных в пластинчатой технике; резцы отсутствуют; отдельные отщепы еще сохраняют признаки мустьерской техники раскалывания. Второй культурный слой распространен на широкой площади и представляет собой остатки не кратковременного становища, а охотничьего поселения, существовавшего довольно долго. Широкие, со слегка закругленными углами очаги окружены углублениями, служившими для сохранения огня.

Известен и ряд среднеориньякских стоянок на открытом воздухе. Среди тех из них, которые подвергались раскопкам, назовем наиболее важную — Вэдастра (район Корабя, область Крайовы), а также Миток. Представлен средний ориньяк и в пещерах. Так, в Бая де Фер, Бэйле Херкулане, Бороштень, Кея, Чёкловина и Охаба-Понор найдено несколько малотипичных кремневых пластинок; лучше выражен ориньяк только в Пештера, где, кроме пластинок, обнаружены скребки. Из Бая де Фер происходит еще несколько костяных наконечников. Все это были кратковременные стойбища.

В долине Бистрицы, в Бистричоара, установлена фаза самого позднего среднего ориньяка. Она характеризуется некоторыми более развитыми формами орудий и грубыми заготовками отретушированных пластин. Очаги глубже и содержат камни. В то время как более ранние обитатели этих мест изготовляли орудия только из местного кремня, в этой фазе спорадически употребляется меловой кремень с берегов Прута, что указывает на начало связей с районами, расположенными к востоку. Количество маленьких резцов очень быстро возрастает.

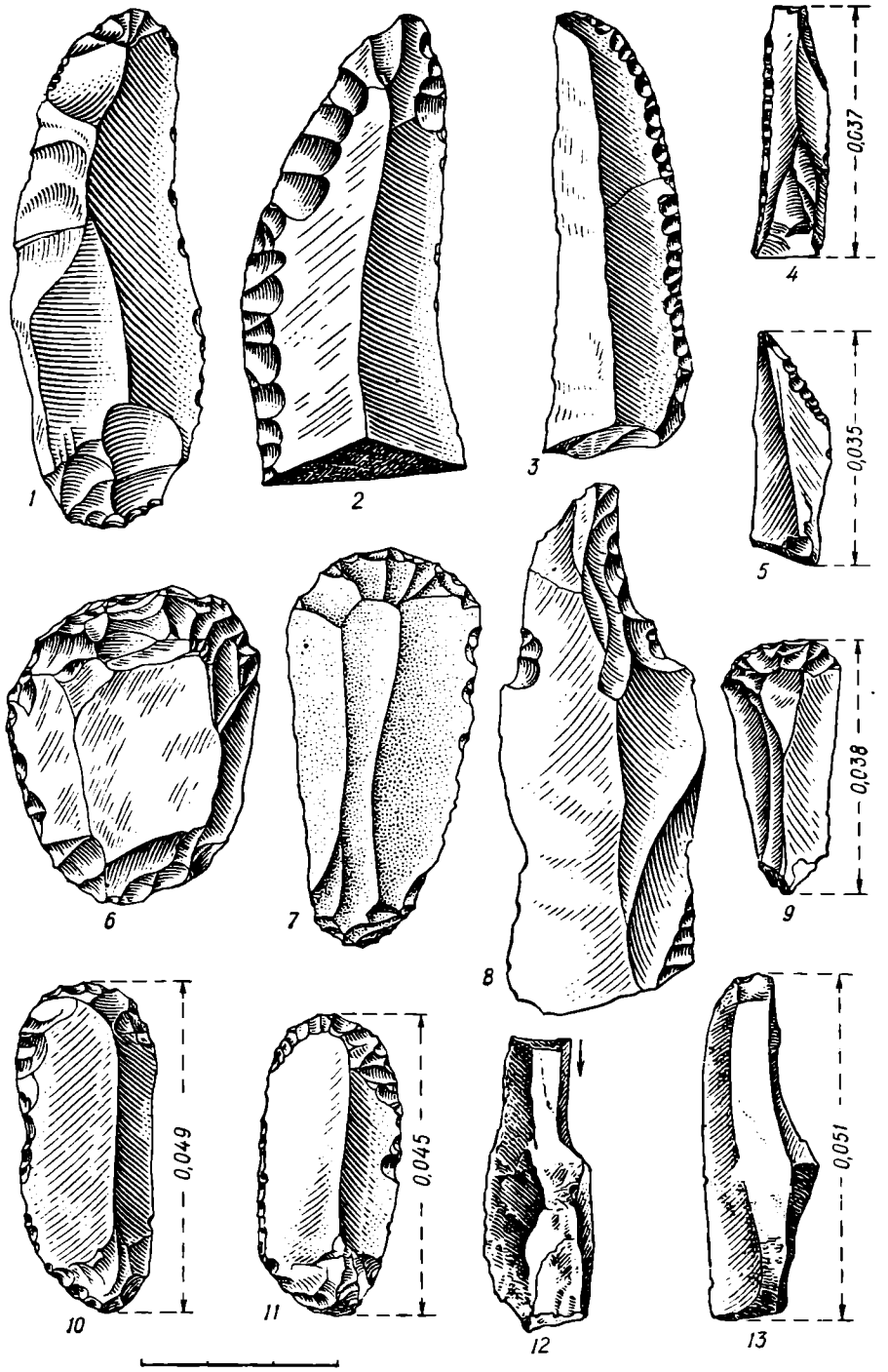


Рис. 6. Средний ориньяк. Чахлеу-Дырцу

Борьба между старыми и новыми методами заканчивается, как всегда, торжеством последних. На протяжении среднего ориньяка можно наблюдать постепенное изживание старой, клектонской и мустьерской техники, а также полное исчезновение селетской техники двусторонней обработки. Пластинчатая техника начинает полностью господствовать (рис. 6).

Восточный ориньяк. На террасах долины Бистрицы, в частности в Чахлеу, на террасах Подиш, Дырцу и Бистричоара-Лутэрь в верхних слоях геологических отложений ледниковой стадии вюрм II и в

начале ледникового интерстадиала вюрм II — вюрм III открыты остатки более развитой культуры, которая еще и теперь ошибочно именуется граветтской. Эту культуру правильнее было бы называть костенковской, так как она впервые была установлена в Костенках на Дону, откуда распространилась в Румынию и в Центральную Европу.

Раскопки в широких масштабах, проведенные в долине Бистрицы [13], позволили получить полное представление об этом последнем этапе развития верхнего палеолита. Мы делим этот этап на три фазы, хотя различия между ними не являются особенно четкими.

В первой фазе развития восточного ориньяка в отличие от предшествующих этапов появляется острие типа Граветт — орудие, известное в среднем ориньяке Западной Европы (рис. 7, *1—7*). Именно по этому орудию данная фаза получила ошибочное название культуры, которая как в своем генезисе, так и хронологически не имеет связей с палеолитическими культурами Центральной и Восточной Европы. В этой фазе преобладают более короткие скребки (рис. 7, *9—11*, *13*, *15*, *16*, *17*); резцы встречаются разных типов (рис. 7, *12*, *14*, *15*). Но наиболее существенно то, что прутский меловой камень составляет 50% всех находок. Если учесть и большие размеры поселений, то можно утверждать, что теперь уже речь идет не о каких-то связях с востоком, а о большом переселении оттуда групп охотников. Перед нами новая культура, которую нельзя рассматривать как простое развитие среднего ориньяка, известного на террасах и в пещерах Румынии.

Вторая фраза восточного ориньяка совпадает с концентрацией охотничьих лагерей на обширных пространствах «Подиш» (плато) Чахлеу. Орудия уменьшаются в размерах (рис. 8). Преобладают острия, сделанные из узких пластиночек с затупленным краем. Возрастает число маленьких резцов. Увеличивается до 60% количество прутского кремня.

На протяжении последней фазы восточного ориньяка происходит дальнейшая микролитизация орудий (рис. 9), но процент прутского кремня падает, ибо люди возвращаются к использованию местных пород камня.

Эти группы охотников долины Бистрицы охотились на зубра, лошадь и северного оленя; более всего был распространен зубр. Восточный ориньяк Чахлеу не стоит особняком. Его первая фаза уже давно известна в III культурном слое грота Рипичень, где фаунистические остатки также принадлежат лошади, зубру, благородному оленю, северному оленю, гиене, волку, лисице, зайцу и сурку [14]. Его вторая фаза представлена в V культурном слое того же грота Рипичень, а также в слоях I стоянок Дялул Вей с. Буда (район Бухушь, область Бакэу) и Кременя. Фауна V слоя Рипичень включает зубра, лошадь, северного оленя и лисицу, фауна Буды — зубра, северного оленя и благородного оленя. Что же касается последней фазы восточного ориньяка, то она представлена в VII слое грота Рипичень и сопровождается бедной фауной, включающей только лошадь.

Восточный ориньяк Румынии тесно связан с находками в бассейне Дона; аналогии между некоторыми этапами развития этих двух культур иногда доходят до полного сходства. Территория Румынии находилась как раз на дороге переселений с востока, и обитатели ее первыми испытали влияние этой новой, более развитой культуры. В пределах этой культуры, занимавшей, кроме части территории Румынии, также территорию Венгрии, Чехословакии, Австрии, север и восток Болгарии и хронологически соответствовавшей периоду между концом интерста-

---

[13] C. S. Nicolăescu-Plopşor, M. Petrescu-Dîmbovița. Prinzipalele rezultate ale cercetărilor arheologice de la Bicaz. Materiale..., т. V, Bucureşti, 1959.

[14] N. Moroşan. La station paléolithique de grotte de Stânca Ripiceni. Dacia, тт. V—VI. Bucuresti. 1938

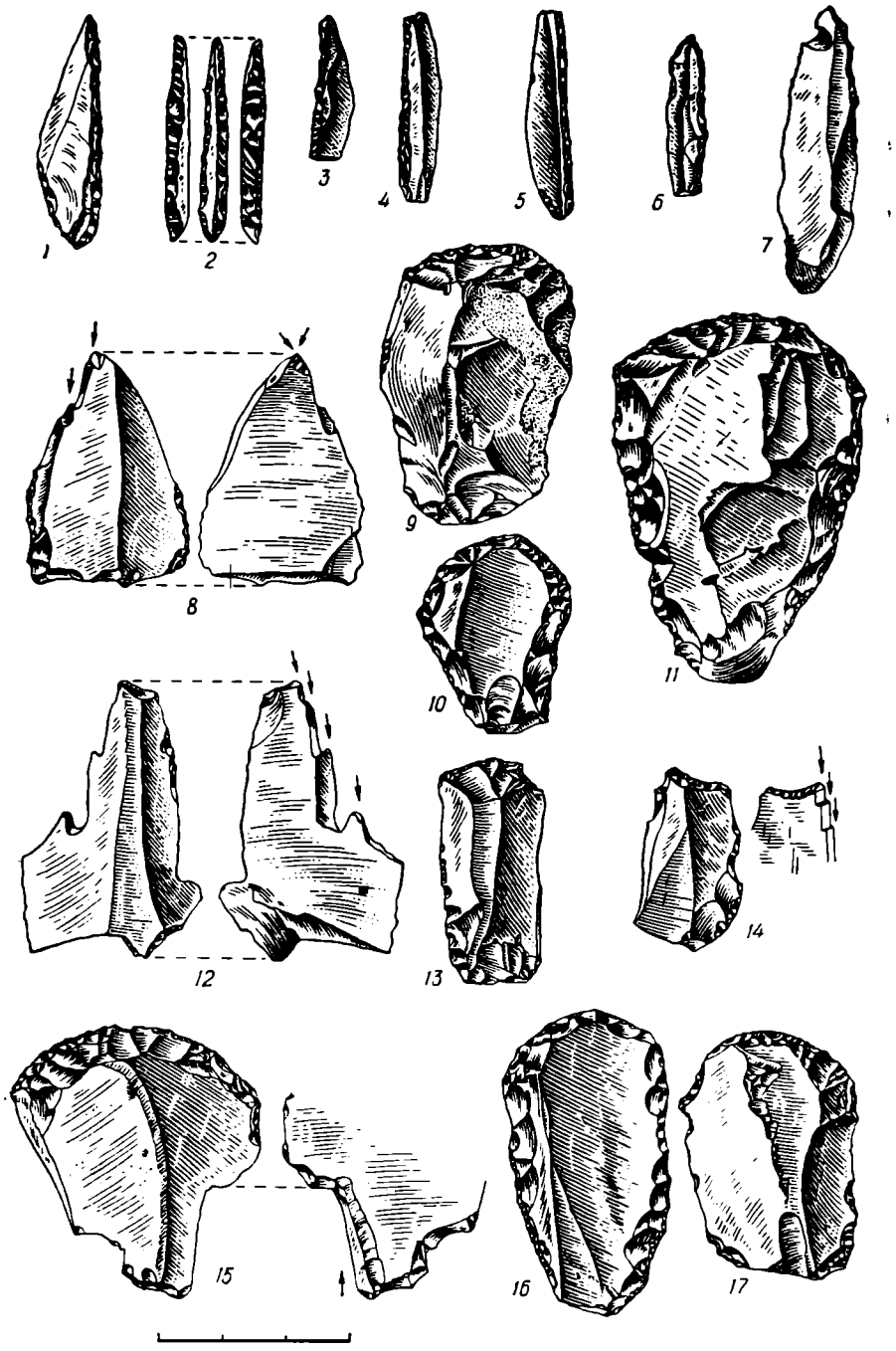


Рис. 7. Нижняя костенковская культура. Чахлеу

диала вюрм II и началом голоцена, можно выделить некоторые локальные черты. Отделившиеся от общего восточного ствола ветви этой культуры на начальных фазах своего развития легко поддаются распознаванию. Но впоследствии их изоляция в глубоких долинах Бистрицы в Чахлеу и Бузэу в Кременя способствует их независимому развитию; в результате они начинают существенно отличаться не только от их общего ствола, но и друг от друга. Распространение верхнего восточного ориньяка в Румынии происходит не в одинаковых формах. Существуют обширные области, куда он вообще не проникал, как, например, Тинкова (район Карансебеш, область Тимишоара), где нами обнаружен средний ориньяк, одновременный верхнему восточному ориньяку, но не под-

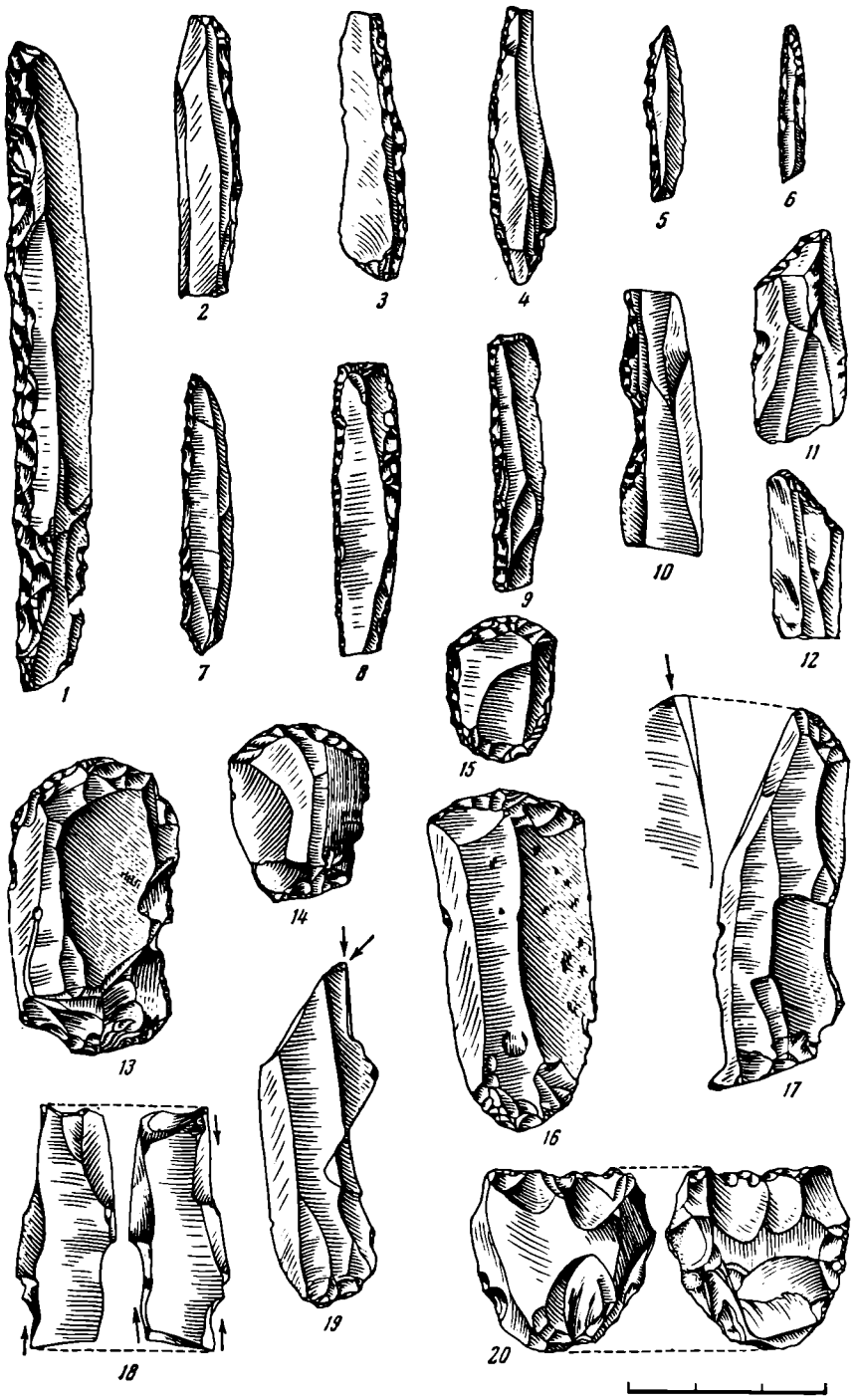


Рис. 8. Неолитизированная верхняя костенковская культура. Чахлеу-Дырцу

вергшийся его влиянию. На юге Карпат средний ориньяк со своими простыми, малохарактерными формами продолжает существовать почти до голоцена. Пример этому дает стоянка Малул Рошу близ Джурджу, где в самых поздних лёссовых отложениях найдены остатки временных мастерских, в которых использовались желваки кремня, принесенные из-за Дуная. Другой пример — стоянка Пояна Роман (окрестности Лапош, область Плоешти), где были открыты богатые мастерские, служившие для изготовления нуклеусов, пластин и скребков. Излюбленными местами для стоянок и более долговременных поселений охотничьих групп восточного ориньяка были террасы, возвышающиеся над

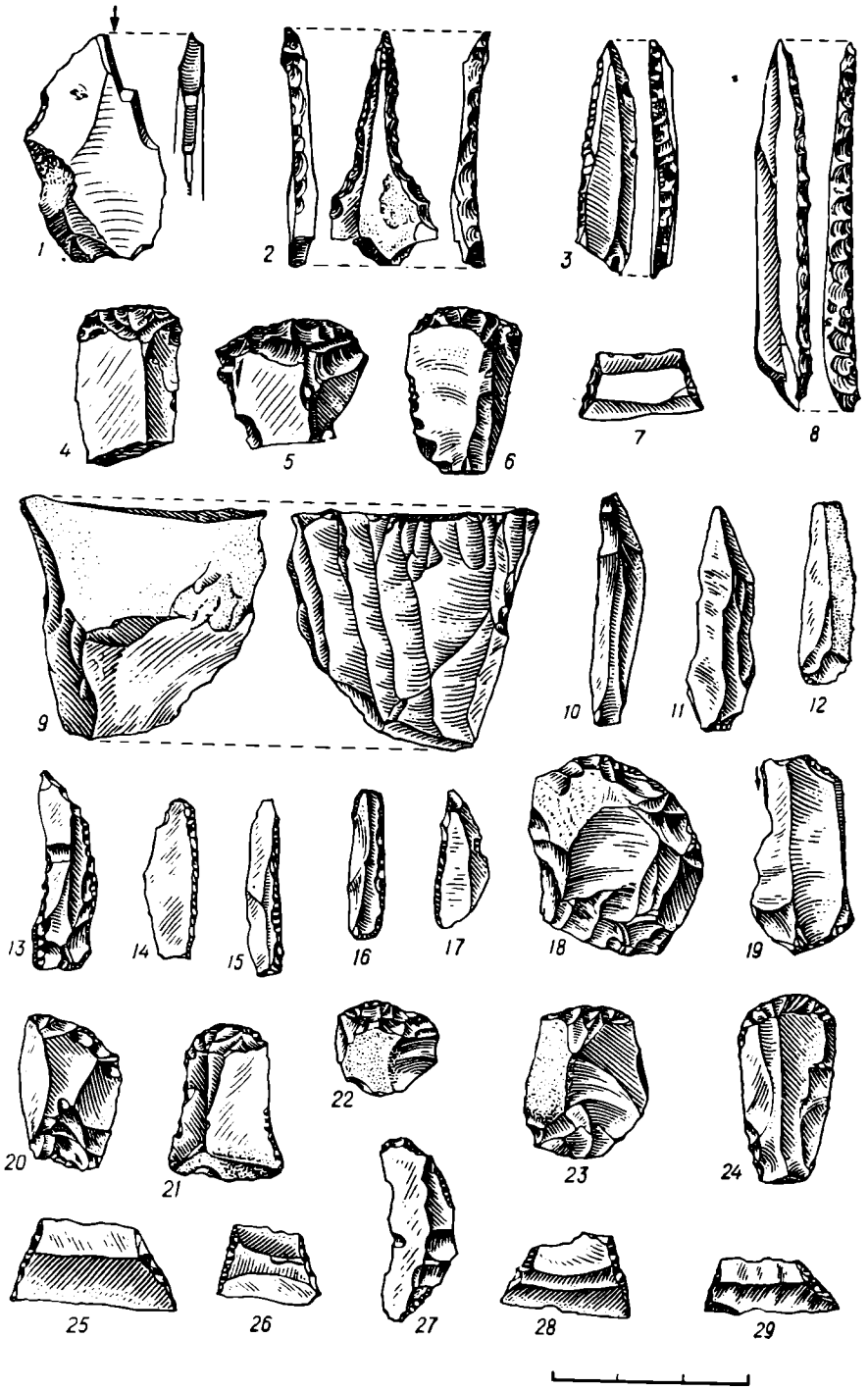


Рис. 9. Неолитизированная верхняя костенковская культура

1—8—Кремня; *9—29*— Джильма

течением реки, особенно средние террасы, как в Чахлеу. Иногда, но только к концу развития этой культуры, поселения переносят на нижние террасы, как в Чахлеу и в Кременя, или, наоборот, на вершины, как, например, в Кременишул Чахлеулуй и в Джильма (окрестности Сита Бузэулуй). Известен лишь один случай (в Рипичень на Пруте), когда сравнительно долговременное охотничье стойбище располагалось в гроте.

В восточном ориньяке возрастает количество небольших охотничьих групп. Численно увеличиваясь, они покидают свою первоначальную

территорию, переселяясь в другие, более благоприятные для охоты районы. Переход от легких временных жилищ типа шалашей к долговременным обширным жилищам позволил людям также заселить районы с более суровым климатом, но в то же время более богатые дичью. Охотничьи группы носителей этой культуры, двигаясь с востока, проникают через горные проходы за Карпаты, по направлению к Центральной и Юго-Восточной Европе, создавая зону культурного единства.

В восточном ориньяке кремневые орудия значительно совершенствуются, что предполагает использование сырья лучшего качества. Меловой кремень приносят издалека: от Чахлеу на Бистрице до Миток на Пруте, по прямой линии — около 140 *км*. Подобные примеры известны и в других местах. Палеолитические обитатели Чехословакии доходили в поисках кремня до Балтийского моря. В Костенки кремень приносили более чем за 100 *км* из долины Оскола. Наличие кремня соответствующего качества является непременным условием для прогресса техники изготовления орудий. Взаимные связи, устанавливающиеся вследствие этих движений взад и вперед и переселений, становятся все более широкими и многочисленными, и в результате уровень развития делается повсюду одинаковым, возникает такая однородность орудий, что их часто становится трудно отделять друг от друга на обширных территориях.

Остатки палеолитических обрядов охотничьей магии отмечены в поселении Буда, где охотники складывали кости зубров и северных оленей в особом месте, на возвышенности, господствующей над долиной Бистрицы [15]. Буда представляет собой культовое место, аналогичное Амвросиевке в Приазовье, где также были сложены вместе кости, принадлежавшие более чем тысяче зубров, в расчете, что подобное жертвоприношение обеспечит охотничью добычу.

Восточный ориньяк продолжается в Чахлеу, как и в Кременя, вплоть до голоцена, когда количество стоянок значительно увеличивается. В эту эпоху снова начинают использовать по преимуществу местные породы камня; связи с отдаленными районами, где добывали кремень высокого качества, приходят к концу. В позднем комплексе восточного ориньяка в Чахлеу (в частности, в местонахождениях Бофу Мик и Бистричоара Лутэрие) чувствуются некоторые мадленские влияния. Среди форм, свидетельствующих об этом влиянии, назовем проколки, сечения пластинок и пилки, не говоря уж о распространении маленьких резцов, служивших для обработки кости. Микролитизация распространяется и на острия с затупленным краем.

Азиль. В Бэйле Херкулане, в «Пещере воров» были обнаружены три очага вместе с остатками временного стойбища охотников и рыболовов, относящегося к началу отступления карпатских ледников [16]. Обитатели этого грота употребляли мелкие кремневые орудия: пластинки, скребки, маленькие резцы. Длина пластинок не превышает 5 *см*; некоторые имеют 2 *см* длины. Отсутствие геометрических форм и наличие маленьких пластинок с выпуклым затупленным краем сближает эту культуру с азилем. Тут не может идти речь ни об азиле западного типа, ни о непосредственном происхождении этой культуры из более древней местной палеолитической культуры; культуру Бэйле Херкулане можно предположительно рассматривать как местную форму азиля, имеющую

[15] C. S. Nisolăescu-Plopşor, Viorel Căpitanu, C. Buzdugan, V. Ursache. Cercetările şi săpăturile arheologice de la Buda. Materiale..., т. VII, Bucureşti, 1961.

[16] C. S. Nicolăescu-Plopşor, Eugen Comşa, Al. Păunescu. Şantierul arcbeologic Baile Herculane. Materiale..., т. III; C. S. Nicolăescu-Plopşor si Eugen Comşa. Microlitele de la Baile Herculane. SCIV, anul VIII, № 1—4, Bucureşti, 1957.

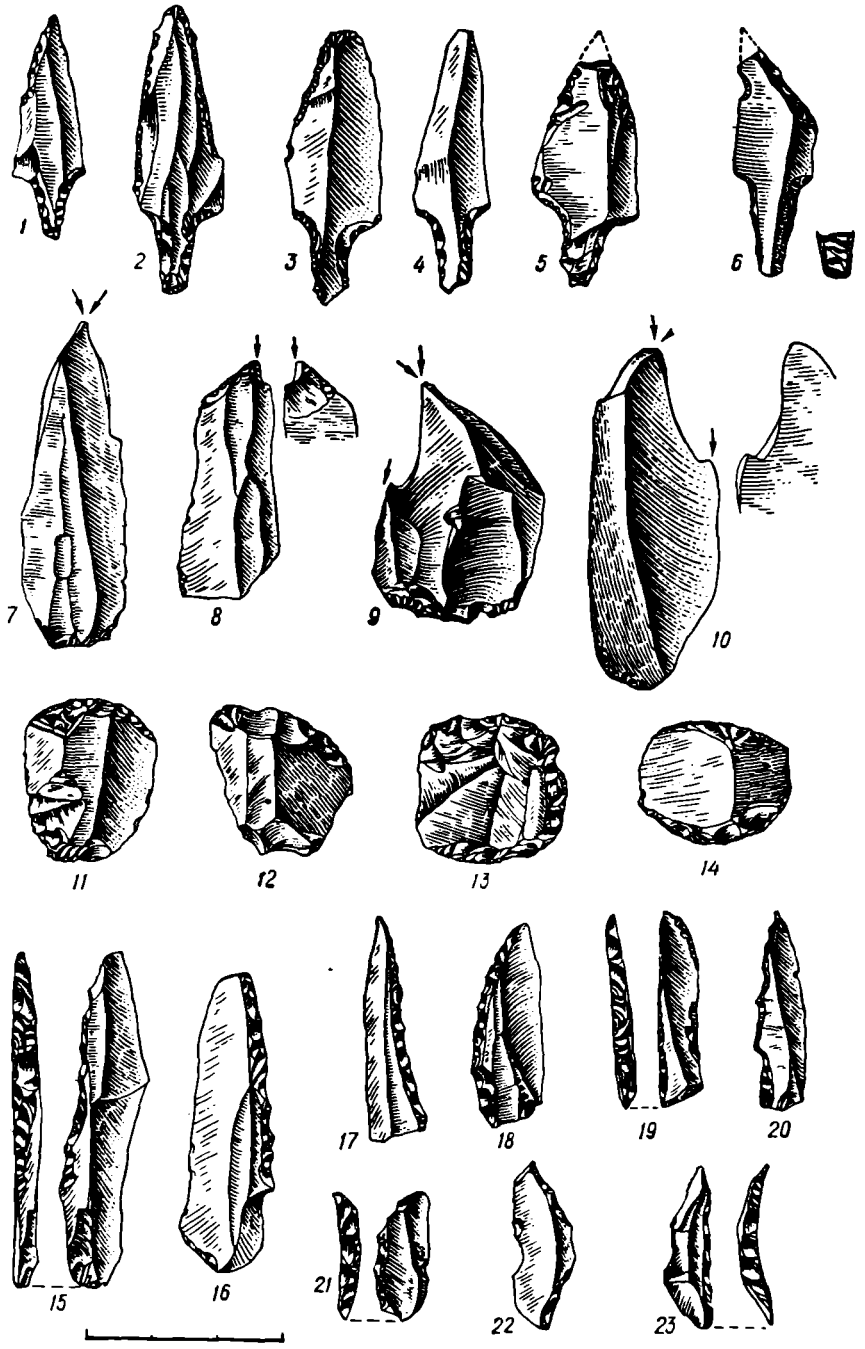


Рис. 10. Свидер. Чахлеу-Скаунэ

тесные связи со сходной культурой Црвена-Стиена (Красный грот) в Югославии.

Свидер. Точно так же не обнаруживает никаких связей с предшествующим развитием верхнепалеолитической культуры Румынии очень важная стоянка «Ла Скаунэ» (троны), расположенная в горном массиве Чахлеу, на высоте 1328 *м* над уровнем моря [17]. Культура скаунэ ведет свое происхождение от верхнегамбургской и аренсбургской культур Северо-Западной Германии, а последние, в свою очередь, происходят из западноевропейского верхнего палеолита, из мадлена и азиля. Из Се-

[17] C. S. Nicolăescu-Plopşor. Sur la présence du swidérien en Roumanie. Dacia, новая серия, т. II, Bucureşti, 1958.

веро-Западной Германии эта культура распространяется в Северную Польшу, затем в верховья Волги, чтобы потом неожиданно дойти вплоть до Чахлеу. Некоторые резцы с выпуклым затупленным краем, короткие и круглые скребки, а также скребки со скошенным лезвием азильского типа, маленькие резцы мадленского облика представляют собой здесь как бы отдаленный отзвук или пережиток элементов западного мадлена и азиля (рис. 10).

Свидерцы употребляли обычные верхнепалеолитические орудия. Но они значительно превзошли всех своих современников в том, что первыми стали постоянно употреблять лук и стрелы.

Найденные в Скаунэ многочисленные треугольные кремневые наконечники стрел с очень острым концом и с черешком, служившим для скрепления с древком (рис. 10, *1—6*), доказывают превосходство свидерцев над их современниками, которым принадлежала культура последней фазы восточного ориньяка и которые не пошли дальше стадии употребления дротиков. Свидерцы во время своих постоянных перекочевок вслед за охотничьей добычей ограничивали себя лишь немногими, самыми необходимыми предметами домашнего обихода, но зато они значительно усовершенствовали охоту с помощью лука и стрел. Только этим можно объяснить проникновение группы свидерских охотников из центра Польши вплоть до вершин Чахлеу.

Свидерские охотники массива Чахлеу — умелые стрелки из лука — обитали в зоне альпийских лугов, тогда как долина Бистрицы, у подножья горного массива, была по-прежнему заселена носителями культуры восточного ориньяка. Мы не знаем ни одного случая, когда бы в восточном ориньяке употреблялся свидерский кремневый наконечник стрелы; это свидетельствует о том, что между соседними охотничьими группами, принадлежавшими к разным культурам, не было дружеских сношений.

К концу своего развития верхний восточный ориньяк начинает подвергаться как в Чахлеу, так и в Кременя некоторым неолитическим влияниям, являющимся в Румынии первыми проявлениями культуры Криш. Эти влияния особенно хорошо заметны в Кременя, где одновременно появляются некоторые орудия тарденуазской традиции, в частности трапеции, типичные для примитивного неолита Румынии (рис. 9, *1—8*).

Это одна из первых идущих с юга волн новой культуры, знаменующая переход от стадии охоты и собирательства к земледелию и кладущая конец палеолиту.

В эту эпоху распространяются кремневые мастерские. Так, в Джильма Маре, близ Кременя, кремень, добывавшийся из расположенного поблизости холма Тэтуле, служил для изготовления пластин, скребков, резцов, сегментов и трапеций (рис. 9, *9—29*). В ряде мест обнаруживают орудия этой эпохи на расстоянии до 60 *км* от места их приготовления.

Можно констатировать, что финальный верхний восточный ориньяк продолжает существовать в Молдавии, в Чахлеу на Бистрице, и в Трансильвании, в Кременя и в Джильма, вплоть до начала неолита. В обширной области его распространения имеются отдельные районы запоздалого развития ориньякской культуры, как в Малул Рошу, Лапош и Тинкова, а также отдельные изолированные островки, подобные азилю Бэйле Херкулане и свидеру Скаунэ, свидетельствующие о переселениях отдаленных групп охотников. Все это говорит о том, что в Румынии в конце верхнего палеолита уже обитали группы людей, принадлежавших к разным культурам. Такой вывод помогает понять возникновение румынского неолита [18].

[18] Статья была закончена в 1960 г., открытия после 1960 г. сюда не включены.

Л. А. ФАДЕЕВ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АФРИКАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Египет с его поразительными памятниками издавна считается обетованной землей археологов, но Африка в целом, весь этот необъятный континент, вплоть до начала XX в. был почти совершенно неизвестен археологам. Африканская археология — еще совсем молодая отрасль науки, и перспективы ее изучения почти безграничны.

Мы говорим об этом с уверенностью потому, что материал, накопленный за сравнительно короткий (70—80 лет) срок изучения африканских древностей поражает своей грандиозностью, многообразием и значимостью для исторической науки в целом. Африка не является изолированной археологической провинцией; изучение процессов, совершавшихся на ее территории, не только восполнит некоторые пробелы во всемирной истории, но позволит глубже понять ряд основных исторических закономерностей, раскроет ту громадную роль, которую народы Африки сыграли в истории человечества и которая замалчивалась и принижалась реакционной буржуазной наукой.

Здесь мы сталкиваемся с одной из характерных особенностей африканской археологии. Археологические исследования в Африке развернулись уже в период зрелости археологической науки. Большинство исследователей Африки прошло хорошую школу классических раскопок в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Это определило в общем высокий уровень полевых работ в Африке, но в то же время археология Африки превратилась в объект приложения всяческих реакционных теорий. В основе этого обрастания африканской археологии модными реакционными теориями лежало порожденное экспансией колониальных держав желание реакционной части буржуазных ученых доказать извечную культурную отсталость африканских народов, обосновать «право» колониализма на порабощение этих народов, объявленных «неисторическими» и неспособными распоряжаться своими судьбами.

Африканская археология развивалась и развивается в условиях острой идеологической борьбы. Прогрессивная часть ученых стремится отстоять достижения африканской археологии, восстановить действительную картину исторического развития Африки. Особое значение борьба за восстановление исторической правды о народах Африки приобретает в наше время, когда «мощный вал национально-освободительных революций сметает колониальную систему, подрывает устои империализма» [1]. «Неуклонный рост классового и национального самосознания народных масс — характерная черта современного периода общественного развития» [2].

В то время как закладываются основы будущего африканских народов, вопрос о путях развития африканской культуры, о ее самоценности

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, стр. 45.
[2] Там же, стр. 80.

приобретает первостепенное значение. Проблематика археологии Африки имеет в настоящее время большой теоретический и практический интерес.

Советские археологи, вооруженные единственно научным, марксистским историческим методом, могут внести ценный вклад в изучение археологии и истории африканских народов и тем самым помочь борьбе африканских народов за окончательное освобождение от ига колониализма, за лучшее будущее. Мы уже не говорим о необходимости популяризации знаний о культуре и истории Африки, тяга к которым растет с каждым днем.

* * *

После находки Э. Дюбуа на Яве, пожалуй, наиболее яркой страницей палеоантропологии было открытие в 1924 г. М. Бруином останков человекообразной обезьяны Australopithecus africanus в Бечуаналенде. Это открытие может внести существенные коррективы в теорию антропогенеза. Находка в третичных или раннечетвертичных отложениях Южной Африки останков прямоходящей человекообразной обезьяны заставляет по-новому взглянуть на установившееся мнение о Южной Азии как о прародине человечества. Африка, долгое время считавшаяся одной из последних областей расселения человека, может теперь рассматриваться как место его первоначального становления. На протяжении второй четверти XX в. палеантропология Африки обогатилась рядом замечательных находок, позволивших почти полностью проследить эволюцию человека на территории Африки от «телантропа» и неандерталоидов Ньярасы и Брокен-хилла до современных рас. Возможно, что последующие полевые работы позволят твердо установить плиоценовый или нижнеплейстоценовый, т. е. более древний возраст австралопитецид, нежели питекантропа. В этом случае питекантропа можно будет рассматривать как одну из производных форм в антропогенезе. Даже если австралопитециды окажутся одной из тупиковых ветвей человекообразных, самый факт расширения ареала антропоидов имеет величайшее значение для проблем антропогенеза. Он с очевидностью показывает, что «вопрос о локализации области превращения обезьяны в человека еще не решен окончательно» [3].

Следует отметить, что ряд буржуазных исследователей пытается связать непосредственно с австралопитеком происхождение современных южноафриканских рас. Такая трактовка роли австралопитека могла быть проведена лишь с помощью значительной модернизации «культуры» австралопитецид. Несмотря на отсутствие и малейших намеков на пользование каменными орудиями, Р. Дарт, П. Тобиас и Дж. Робинсон в своей работе 1952 г. пытаются доказать, что австралопитек умел пользоваться огнем. Отсутствие каменных орудий и, следовательно, отсутствие трудовых навыков, без которых немыслимо становление человека, эти исследователи пытаются компенсировать открытой ими «техникой кости-дубины».

Несмотря на то что австралопитециды ушли в своем развитии значительно дальше современных человекообразных обезьян, они не могут быть отнесены к семейству гоминид. Должен был пройти огромный промежуток времени, прежде чем антропоид, подобный австралопитеку, смог превратиться в Homo primigenius. Еще более сложным был длительный путь формирования современных южноафриканских рас.

По меткому замечанию А. Алиман, в настоящее время в Африке насчитывается гораздо больше археологических культур, чем было найдено человеческих костяков при раскопках на всей ее территории [4]. Перед каждым исследователем встает громадная проблема систематизации и

[3] Г. Ф. Дебец. Антропологические данные о заселении Африки. Тр. ИЭ новая серия, т. XVI, 1951, стр. 393.

[4] А. Алиман. Доисторическая Африка. М., 1960, стр. 451.

выяснения места той или иной культуры среди множества африканских археологических культур, что немыслимо без выяснения относительной и абсолютной хронологии африканских древностей.

Наиболее надежным методом установления относительной хронологии древнейших африканских археологических культур является определение последовательности геологических слоев. Для Магреба и Южной Африки особую роль играют морские террасы с остатками четвертичной фауны, хорошо известной геологам. Однако ввиду большой широтной разницы до сих пор еще не удалось синхронизировать морские трансгрессии в этих местах. Большое значение имеет изучение речных и озерных террас. Особенно важны тщательно прослеженные геологами и археологами колебания уровня Фаюмского озера в Египте, благодаря которым была выяснена хронология египетских культур от нижнего палеолита до эпохи бронзы. Зачастую, к сожалению, даже в пределах одного речного бассейна синхронизация культур оказывается невозможной вследствие различного темпа геологического развития отдельных районов.

Важными хронологическими ориентирами служат сохранившиеся на территории Магреба следы оледенения и моренные гряды в Кении — явления, тесно связанные с общими изменениями климата на территории Африки.

Для четвертичной геологии Африки характерна последовательная смена влажных (плювиальных) и засушливых (аридных) периодов. Можно выделить три максимальных плювиала — кагер, камас и гемблий, влияние которых прослеживается на всей территории Африки. Однако развитие этих климатических фаз настолько своеобразно для различных районов материка, что возможна лишь приблизительная синхронизация археологических культур.

Еще более важна проблема синхронизации африканских культур с культурами других материков и в первую очередь с Европой. Вопрос этот особенно интересен, поскольку благодаря ему можно выяснить, отставала ли Африка в своем развитии от других материков, а если отставала, то когда и насколько.

Естественно, ключ к этой хронологической проблеме следует искать в наиболее близкой к Европе Северной Африке, где, казалось бы, можно ожидать близкое соответствие палеоклимата и культур.

Однако если мы обратимся к тщательно разработанной Е. Гарднером и Г. Кэтон-Томпсон схеме колебаний климата в районе оазиса Эль-Харга в Египте, то увидим весьма большое расхождение с Европой. Все археологические культуры Египта — от ашеля до неолита — эти авторы связывают со вторым, соответствующим вюрму плювиалом [5]. Схема Г. Кэтон-Томпсон и Е. Гарднера как будто подтверждает гипотезу С. Хусейн, полагающей, что европейскому миндель-рисскому межледниковью в Египте соответствовало наиболее полное развитие камасского плювиального периода, а первый и второй плювиалы Эль-Харги соответствуют вюрму.

Столь укороченная хронология представляется нам нереальной. В самом деле, темп развития африканских археологических культур от нижнего палеолита до неолита в течение одного лишь последнего плювиала представляется неоправданно быстрым.

В последнее время среди ряда геологов-четвертичников и археологов сложилось представление о синхронности оледенений Евразии, плювиальных периодов Африки и морских регрессий. Если допустить правильность этого положения, то наиболее вероятной следует признать гипотезу А. Алиман. Она полагает, что первый плювиал Эль-Харги соответствует риссу, а вюрмское оледенение может быть сопоставлено с по-

[5] G. Caton-Thompson, E. Gardner. Kharga Oasis in Prehistory. London. 1952.

следним, гемблийским плювиалом Африки. По мнению А. Алиман, значительное похолодание климата в эпоху вюрма-гемблия привело к тому, что и в Европе, и в Африке человек стал селиться в пещерах и под навесами [6]. Соответственно с этим Алиман считает, что вплоть до эпохи мустье Европа и Африка развивались одинаково и лишь с эпохи верхнего палеолита началось отставание Африки.

Что касается схемы Эль-Харги, то авторы ее, по-видимому, не учли специфики этого района, климатические фазы которого нивелировались его пустынным характером на протяжении большей части четвертичного периода.

Неравномерность развития отдельных частей Африки давно уже установлена и на первый взгляд кажется само собой разумеющейся для столь обширного континента. Однако именно этой проблеме за последние 100 лет посвящено большое количество работ. Это внимание не случайно, так как в решении этой проблемы содержится ключ к вопросу о причинах относительного отставания ряда африканских народов. Сторонники разнообразных реакционных течений объединяются в стремлении доказать, что лишь те части Африки, которые попадали под влияние более высоких культур соседних материков или же были районами расселения цивилизованных мигрантов из Европы и Азии, становились очагами культуры. Последователи «школы культурных кругов», диффузионисты, так же как и сторонники «хамитской» теории, единодушно старались и стараются доказать неспособность к культурному творчеству и «неисторичность» коренных обитателей Африки.

Традиционным является противопоставление Египта остальной Африке. Был сделан ряд попыток доказать, что замечательная цивилизация древнего Египта обязана своим происхождением «высокоцивилизованным» пришельцам из Азии. Некоторые зарубежные специалисты считают, что ознаменовавшаяся крупными сдвигами в хозяйстве и культуре и предшествовавшая ранним династиям герцейская культура появилась в результате проникновения в долину Нила (через Красное море и Вади-Хаммамат) волны азиатских переселенцев. Е. Баумгартель говорит о том, что герцейцы спустились к водам Нила вниз по Вади-Хаммамат в чужеземной ладье [7]. Влияние переднеазиатских культур на Египет ясно прослеживается по археологическим материалам, но еще более определенной является глубокая связь герцейской культуры с предшествующей, амратской культурой, происхождение которой связывают с областями среднего течения Нила, и, предположительно — с культурами бассейна Нигера [8]. Значение переднеазиатских влияний может быть выявлено путем дальнейшего изучения их роли в формировании металлургии, керамического производства и искусства герцейской культуры, а также исследованием путей проникновения этих влияний. В целом следует сказать, что на современном этапе решение проблемы происхождения древнеегипетской цивилизации немыслимо без тщательного изучения ее связей с глубинными районами Африки.

Территория Африки южнее Сахары отстала в своем развитии от Египта в среднем на пять тысячелетий. Только на рубеже I и II тысячелетий н. э. начинают складываться первые цивилизации в Западном Судане и Южной Африке. Этот огромный разрыв позволил ряду специалистов заявить об органической неспособности народов Черной Африки к самостоятельному развитию. «Дикость» была объявлена последней ступенью, на которую могут подняться эти народы. Появление металлургии, строительства из камня, начатков государственности — все это связывалось с влиянием более развитых народов и рас. Пределом развития африканцев считалась неолитическая стадия каменного века.

[6] А. Алиман. Ук. соч., стр. 455.
[7] E. Baumgärtel. The Cultures of Prehistoric Egypt. Oxford, 1947.
[8] A. Arkell. Early Khartoum, Oxford, 1949.

Крупнейший специалист по археологии Восточной Африки С. Коул заявляла в 1954 г.: «... Черная Африка не имела действительной цивилизации до сравнительно недавнего времени... После эпохи каменного века на большей части Африки южнее Сахары установился культурный застой. Здесь не было бронзового века, а железный век проникал к югу и внутрь континента очень медленно и постепенно»[9]. По ее мнению, только «хамиты», заимствовавшие свою культуру у древних аксумитов, принесли на юг металлургию и строительство из камня. Подобные взгляды поддерживают и такие исследователи, как Дж. Уэйрайт, П. Брейтц, Дж. Хантингфорд и др. Тезис Л. Фробениуса о решающей роли «хамитов» в культурном развитии Африки южнее Сахары встретил полную поддержку со стороны наиболее реакционной, проколониалистской части буржуазных археологов.

Однако широкие полевые исследования, развернувшиеся на территории Африки в последние десятилетия, и неустанная работа по обобщению накопленного материала позволяют по-новому поставить проблему относительного отставания народов Африки к югу от Сахары.

Крупнейшую роль сыграли теоретические исследования советских ученых — этнографов и африканистов (в первую очередь — работы Д. А. Ольдерогге), в которых была подвергнута сокрушительной критике и раскрыта антинаучная сущность реакционной «хамитской» теории [10]. Абсурдность основных положений «хамитской» теории выявляется все более отчетливо по мере накопления конкретного археологического материала. Вместе с тем становятся очевидными имеющие мировое значение достижения африканской культуры. Работы У. Кляйна [11], Н. Гранде, Р. Саммерса, Р. Дарта с очевидностью доказывают, что коренным жителям Африки удалось самостоятельно открыть металлургию железа и создать развитые культуры железного века уже к концу I тысячелетия н. э. Один из учеников Л. Фробениуса, Х. Вишхофф, доказал, что каменное строительство Южной Африки имеет глубокие местные корни и уже в начале II тысячелетия н. э. достигло высокой ступени развития [12]. Сходным образом обстоит дело и с рядом других важных сторон культуры африканцев. Черная Африка задолго до прихода европейцев самостоятельно создала выдающиеся цивилизации в Западном Судане, Конго и Южной Африке (ниже мы остановимся на них).

Очевидно, решающую роль в относительном отставании народов Африки южнее Сахары сыграли, как считает С. П. Толстов, такие факторы, как особо суровые природные условия экваториального и тропического пояса, а также необходимость освоения огромных территорий [13], относительная изолированность и удаленность этих областей Африки от центров цивилизации и, наконец, большая протяженность и неудобство внутренних сообщений. Археологам предстоит еще детальное изучение на конкретном материале степени влияния всех этих факторов.

Народы Черной Африки не только самостоятельно пришли к культуре металла, но и совершили известный скачок в своем развитии, миновав стадию энеолита и бронзы, через которые прошло большинство народов мира, в том числе и народы Северной Африки.

Еще Ф. Энгельс отметил исключительную роль железа в развитии человеческой культуры. Археологам хорошо известно, что только этот металл сумел окончательно вытеснить из обихода каменные орудия. Африка не является исключением. Среди материалов железного века, открытых на огромной территории междуречья Замбези — Лимпопо,

---

[9] S. Cole. Prehistory of East Africa. London, 1954, стр. 271.
[10] Д. А. Ольдерогге. Хамитская проблема в африканистике. СЭ, 1949, № 3.
[11] W. Kline. Mining and Metallurgy in Negro Africa. Menasha, 1937.
[12] H. Wieschhoff. The Zimbabwe-Monomotapa Culture. Menasha, 1941.
[13] С. П. Толстов. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии. ВИ, № 11, 1961, стр. 116.

даже на самых ранних этапах, дающих еще очень бедный и однообразный железный инвентарь, отсутствуют каменные и костяные орудия, хотя некоторые железные орудия еще имитируют форму каменных. Эти же материалы показывают удивительно быстрый темп развития культуры железа. Быстрый переход к культуре железа не мог не оказать глубокого влияния на хозяйство аборигенов и на процесс образования африканских цивилизаций. Убыстрился процесс исчезновения ряда остаточных первобытнообщинных отношений. Можно с уверенностью сказать, что, например, развитие Мономотапы шло в более быстром темпе, чем развитие додинастического Египта, знавшего лишь металлургию бронзы.

Чрезвычайно интересен вопрос о причинах перехода от камня непосредственно к железу, а не к более удобной для обработки меди. Известно, что в ряде богатых медью районов Африки, южнее Сахары, сложились высокоразвитые культуры бронзового века, но это были уже более поздние культуры. Так, в богатой медью Нигерии блестящим культурам Ифе и Бенина предшествовала культура железа Нок. Культура железного века в междуречье Замбези — Лимпопо сложилась в районе, исключительно богатом медью. Таким образом, переход непосредственно к железу нельзя объяснить недостатком меди. Окончательное решение этой интереснейшей проблемы — дело будущего. На наш взгляд, наиболее правильный путь ее решения намечает С. П. Толстов, считающий, что здесь проявляется один из законов всемирно-исторического порядка. Он полагает, что области, находившиеся на периферии ойкумены, могли не повторять всех этапов развития ее центральной, наиболее развитой части. Благодаря контактам, осуществлявшимся иногда опосредствованно и на протяжении очень больших промежутков времени, окраинные области как бы накапливали культурные достижения центра и могли совершать скачки в своем развитии.

Вне зависимости от решения этой проблемы сравнительное изучение африканского железного века и железного века Евразии даст богатейший материал для последующих обобщений в археологической науке.

Частично мы уже затрагивали вопрос о связях между различными культурами и отдельными районами Африки. Дальнейшее накопление материала, вероятно, позволит поставить проблему о связях между культурами мустьерского времени Калин — Тумба — Санго — Форсмит, а также между более поздними культурами типа Капси. Более определенно о межафриканских связях можно говорить с эпохи неолита, когда области Африки, богатые определенными видами сырья или специализировавшиеся на изготовлении каких-то предметов, ценившихся среди аборигенов, вступали в обмен иногда с очень отдаленными частями континента. Такой обмен не представляется чем-то исключительным. Австралийские племена, например, очень широко пользовались межплеменным обменом, причем изделия племен дальнего запада поставлялись за тысячи километров на восточное побережье, и наоборот. Ассортимент и пути подобного обмена были, по-видимому, чрезвычайно стабильными и поэтому данные африканской этнографии, свидетельствующие о распространении керамики, раковин каури, кусков соли, калебас и т. д., должны служить надежным подспорьем в работе археолога, изучающего эту проблему. Особенно характерны для установления путей обмена и контактов керамические изделия. Для примера можно указать на зафиксированное керамическим материалом длительное мирное общение в эпоху Вильтона между предками банту и бушменоидным населением междуречья Замбези — Лимпопо. В XVIII—XIX вв. некоторые группы бушменов из области Калахари, долгое время не знавшие металла и керамического производства, заимствовали, как это установлено Дж. Шофилдом [14], керамику у своих соседей — банту.

[14] J. F. Schofield. Primitive Pottery. Cape Town, 1948.

Межафриканские связи значительно расширяются после появления металлургии, в эпоху перехода от первобытных к раннеклассовым отношениям. Значительно увеличивается ассортимент обмениваемых вещей. Особую роль приобретают слитки и изделия из металла. В Центральной и Юго-Восточной Африке появляются слитки металла — «ханда» — в виде косого креста, предназначенные для переноски на большие расстояния. Данные археологии и этнографии свидетельствуют о возрастающем значении Катанги в этом обмене. Для всего периода от раннего средневековья до наших дней характерно распространение готовых изделий из металла и заимствование техники обработки металлов. На большей части Восточной, Центральной и Юго-Восточной Африки до недавнего времени бытовали сходные наконечники копий и стрел, основные типы которых были обнаружены в слоях Зимбабве XIII—XVI вв.[15]. Связи эти, возможно, имели трансконтинентальное значение. На Зимбабве было найдено декоративное бронзовое копье, идентичное бенинским копьям.

Наряду с металлом входят в оборот и ткани из хлопчатника и льна. Находки пряслиц свидетельствуют о распространении прядения и ткачества в различных районах Африки. Растет и количество вывозимых изделий и богатств. Так, например, соляные копи Такказа и Таудени начинают поставлять соль в большинство стран Западной Африки. Крупные источники природных богатств становятся объектом борьбы между государствами и союзами племен.

Рост обмена повлек за собой появление предметов, игравших роль примитивных денег. Раковины каури, соль, слитки металлов (иногда со значками) приобретают значение всеобщего эквивалента для ряда районов Африки. В руках археологов уже сейчас находится значительный материал, позволяющий глубоко изучить данную проблему.

Еще более грандиозной является проблема связей Африки с другими материками. В этой теме можно выделить несколько аспектов. Это, прежде всего, вопрос о миграциях аборигенов Африки на соседние материки и обитателей соседних материков в Африку. Вопрос этот запутан реакционными теоретиками, создавшими большое количество схем заселения Африки выходцами с других материков. Все эти построения не имеют ничего общего с действительностью. Столь же абсурдны и выкладки некоторых теоретиков панафриканизма, пытающихся объявить Африку прародиной ряда культур Европы и Азии.

Реальную ценность имеет разработка проблемы становления основных рас Африки и Европы, совершавшегося на территории обоих континентов. Некоторые данные говорят о том, что в эпоху верхнего палеолита имели место передвижения обитателей Северной Африки, по-видимому, через Гибралтар в Южную Европу. Столь же не разработана и проблематика другой крупной миграции, связанной уже с более близким к нам временем. Речь идет о заселении Мадагаскара народами малайской языковой группы. До сих пор не определена роль азиатского и южноевропейского компонента в создании древнеегипетской цивилизации. Несомненным является сходство некоторых египетских энеолитических культур с культурами Передней Азии, известны нашествия на Египет гиксосов и «народов моря», но только дальнейшие исследования позволят выработать более или менее определенный взгляд на все эти факты.

Столь же сложным представляется и вопрос об аналогиях в археологических культурах Африки и соседних материков. Давно уже отмечена близость наскальных изображений Испании к мотивам росписи амратских сосудов в Египте. Традиция «колоколовидных» кубков тасийской и бадарийской культур долины Нила находит близкие параллели в куль-

[15] H. Wieschhoff. Ук. соч., стр. 80.

турах «колоколовидных» кубков Южной Европы [16]. Ниже нам придется говорить об удивительных совпадениях в мегалитических культурах Индии и Эфиопии. К сожалению, все эти замечательные факты породили пока лишь сугубо умозрительные выкладки последователей безнадежно устаревших концепций школы «культурных кругов» и теории «диффузионизма».

В настоящее время все указанные выше вопросы могут быть лишь выявлены и поставлены перед наукой. Решение их, установление действительных связей или стадиальных совпадений будет возможным лишь после тщательного исследования конкретных культур.

Грандиозна по своему объему проблематика культурных и торговых связей между Африкой и другими материками, но возможностей для ее решения значительно больше, поскольку речь здесь идет о таких конкретных вещах, как обмен культурными растениями и различными изделиями.

Африка — родина ряда культурных растений, и некоторые из них, как, например, клещевина, хлопок, жемчужное просо и сорго, в настоящее время играют первостепенную роль в хозяйстве аборигенов; однако можно выделить большой комплекс не менее важных ввозных культур. В сравнительно позднее время с запада при посредничестве европейцев в Африку проникли кукуруза, маниок и табак. Значительно большую древность имеет распространение растений восточного происхождения. Не менее 25 видов культурных растений проникло в Африку из Индии и Индонезии, в том числе такие важные культуры, как рис, таро, йамс и банан. Индийский ученый Дж. Аммал установил в 1956 г., что из 17 главных хлебных растений Индии 5 происходят из Африки [17]. Находки зерен в культурных слоях различных эпох при сопоставлении с распространением определенных видов растений сначала на Мадагаскаре, а затем на материке, как, например, арековая пальма и бетель, позволяют подойти к решению ряда интереснейших вопросов из области культурных связей Африки и Азии.

Уже в греко-римскую эпоху совершались многочисленные попытки проникнуть в глубь Африки по долине Нила, через Сахару и в обход ее западных берегов. Некоторые из них увенчались успехом, а транссахарские связи с Западным Суданом играли громадную роль на протяжении всего средневековья, но все же наиболее надежным и удобным был древний муссонный путь вдоль восточного побережья. Этот путь использовали еще в эпоху фараонов, и значение его возрастало вплоть до плаваний Диаса и Васко да Гамы, проложивших путь вокруг мыса Доброй Надежды. Греческие, арабские и португальские источники содержат ценнейшие сведения, но лишь археологические раскопки позволяют восстановить реальную картину оживленных сношений Африки с другими материками.

Изучение найденных во время раскопок многочисленных привозных вещей — стеклянных бус, фаянса, фарфора и др.— знакомит нас со сложными путями проникновения чужеземных вещей в глубь Африки, с организацией обмена и даже позволяет судить о некоторых сторонах общественных отношений у аборигенов. Анализ архитектуры, прикладного искусства, наряду с привлечением лингвистических данных, свидетельствует о творческой переработке аборигенами Африки чужеземных влияний, об изменении ряда местных традиций под влиянием культурного обмена. Интересно, что даже в полосе побережья, как это показали раскопки Д. Мэтью, характерна постепенная трансформация арабской культуры под влиянием культуры банту и африканизация арабских пересе-

[16] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 70; его же. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, гл. XII.

[17] G. P. Murdock. Africa. Its Peoples and Their Culture History. New York, Toronto, London, 1959, стр. 207.

ленцев, приведшая в конечном счете к образованию своеобразного мавританского населения. В глубинных районах, куда арабы и прочие чужеземцы проникали лишь спорадически, их влияние было еще меньшим. Это лишний раз доказывает ошибочность многочисленных теорий, связывающих происхождение африканских культур с арабами, финикийцами, индийцами и другими чужеземцами.

В данной статье в той или иной связи неоднократно упоминалось о взглядах сторонников реакционных теорий в буржуазной африканистике. Мы упоминали о последователях «школы культурных кругов», теории «диффузионизма», «хамитской теории».

В настоящее время наибольшее влияние на развитие африканской археологии оказывает «хамитская теория». Основные ее положения были сформулированы в 20-х годах нашего века известным исследователем африканских культур Л. Фробениусом. Согласно этой теории, все народы Африки являются носителями двух основных культур: активной, заключающей в себе мужское начало, культурно самостоятельной — «хамитской культуры» и пассивной, культурно зависимой, женской — «эритрейской культуры» [18]. По мнению Л. Фробениуса и его последователей, культура большинства народов Африки южнее Сахары возникла под влиянием «хамитов». Посредством миграций и контактов «хамиты» внесли в Черную Африку такие важные элементы культуры, как обработку металлов, строительство из камня и пр. и, наконец, элементы государственности. «Хамитам» приписывается также роль передатчиков народам Африки ряда обычаев и культурных достижений народов, создавших знаменитые цивилизации древнего Востока. «Хамитская» теория возрождает наиболее реакционные, проникнутые духом расизма взгляды. Она основана на представлениях о неполноценности большинства аборигенов Африки. В конечном счете «хамитская» теория служит интересам империалистов, пытающихся удержать народы Африки под игом колониализма.

Как упоминалось выше, основные положения «хамитской» теории были подвергнуты сокрушительной критике со стороны ряда советских ученых. Однако полностью раскрыть реакционную, антинаучную сущность этой теории удастся лишь после тщательного изучения археологических культур, на материале которых основана аргументация сторонников «хамитизма».

Археологические материалы Восточной, Центральной и Южной Африки уже сейчас могут с достаточной наглядностью показать всю беспочвенность основных положений «хамитской» теории. Между тем огромное количество данных, накопленных археологией Африки, фактически еще не подвергалось анализу и обобщению с позиций критики «хамитской» теории.

Вклад народов Африки в мировую культуру может быть более или менее полно оценен лишь после основательного изучения хотя бы наиболее выдающихся африканских цивилизаций. Сейчас грандиозная картина расцвета доевропейских африканских культур известна нам лишь фрагментарно. (Культура древнего Египта и тяготеющих к нему областей, так же, как и арабская культура, давно уже являются объектом изучения, поэтому мы не будем на них останавливаться.)

В эпоху раннего средневековья крупнейшие цивилизации сложились в странах Западного Судана. Здесь, на территории, равной половине Европы, на Верхнем и Среднем Нигере в IX—XIII вв. возникли древнейшие в Черной Африке государства — Гана, Мали и Сонгаи, а в междуречье Нигера и Бенуэ — многочисленные государства народов хауса, достигшие расцвета в XIII в. Наиболее известны из них Гобир, Кацин и

[18] Leo Frobenius. Monumenta Afrikana. Frankfurt am Main, 1929; его же. Erÿthräa, Länder und Zeiten des heiligen Königsmordes. Berlin, 1931.

Кано. На северных берегах оз. Чад уже в X в. сложилось государство Канем. Культуры этих районов были в основном связаны с полосой степей, саванн и опушек влажных тропических лесов Западного Судана. Значительно позже (не считая культуры Нок) возникают очаги культуры на Гвинейском побережье, по южной кромке тропических лесов. В эпоху позднего средневековья высокого расцвета достигли здесь цивилизации Йоруба, Бенина, Дагомеи и Ашанти.

Западный Судан представлял собой мощный очаг культуры с большими городами, развитыми формами хозяйства и широкими торговыми связями. Цивилизации Западного Судана сыграли большую роль не только в истории коренных народов Африки, но и оказали значительное влияние на сложившуюся в средние века арабскую культуру северных африканских стран. Тимбукту с его университетом Санкоре становится в XII—XIII вв. крупнейшим центром мусульманской учености. Многочисленные местные хроники позволяют восстановить многие страницы истории Западного Судана в эпоху позднего средневековья, но происхождение этих цивилизаций, их материальная культура фактически неизвестны. Д. А. Ольдерогге в своей книге «Западный Судан в XV—XIX вв.» приходит к выводу, что железо было первым металлом у народов Судана, а медь появилась значительно позже [19]. Однако вывод этот основан лишь на единичных находках железных предметов, а также на сравнительно поздних показаниях арабских географов и историков и на анализе лингвистических данных. Вероятно, Д. А. Ольдерогге прав, но окончательное доказательство преобладания культуры железа в Западном Судане будет возможно лишь после проведения широких археологических исследований.

Особый интерес представляет изучение культуры бронзы в странах Гвинейского побережья. В настоящее время собрано большое количество выдающихся произведений бронзового литья Бенина, установлена связь бенинской бронзы с культурой Ифе. Но нам почти ничего не известно о производственном значении этого металла в странах Западного Судана. Трудно поверить, что культура бронзы ограничивалась лишь сферой художественного литья.

Появление блестящих цивилизаций в этой относительно изолированной от окружающего мира области наводит на мысль о глубокой самобытности и автохтонности этих культур. Однако ряд буржуазных исследователей, основываясь на расистском положении о неспособности негроидов к самостоятельному культурному творчеству, до сих пор продолжает поиски чужеземных культур-прародительниц цивилизаций Западного Судана.

Можно не останавливаться на многочисленных «теориях», связывающих Судан с мифической Атлантидой; несостоятельность их очевидна. Большое значение в историографии имеет концепция Л. Фробениуса, выводящего культуру йоруба из древней Этрурии, а также взгляды некоторых специалистов, приписывающих появление культуры йоруба гиксосам, якобы пришедшим на гвинейское побережье после изгнания из Египта. Археология этрусков и Египта в настоящее время разработана настолько хорошо, что принимать всерьез такого рода взгляды уже немыслимо. Однако только после создания археологически аргументированной концепции автохтонного происхождения культур Западного Судана можно будет говорить об окончательной ликвидации перечисленных выше антинаучных представлений.

В этой области можно выделить еще и другие темы, как, например, вопрос о характере орудий производства, о формах хозяйства, о транссахарских и экваториальных связях и т. д. Западный Судан является узлом интереснейших нерешенных проблем.

[19] Д. А. Ольдерогге. Западный Судан в XV—XIX вв. ИЭ, новая серия, т. 53. 1960, стр. 16.

Центральной и Юго-Восточной Африке историческая наука обязана появлением проблемы культуры Зимбабве, загадкой происхождения громадного количества колоссальных каменных сооружений, расположенных на территории междуречья Замбези — Лимпопо.

В отличие от Западного Судана Юго-Восточная Африка уже в глубокой древности благодаря муссонным течениям и ветрам вступила в контакт со странами Средиземноморья, Западной и Южной Азии. В I тысячелетии до н. э. частые плавания вдоль восточных берегов Африки совершали арабы из Йемена, а несколько позже — греческие и, вероятно, индийские купцы. Ярким доказательством этих древних связей служит заселение Мадагаскара народами малайской языковой группы. Об этом же свидетельствуют находки на территории Юго-Восточной Африки бус североафриканского, индийского и малайского происхождения, арабского стекла, персидского фаянса, китайского фарфора и, наконец, римских монет.

Бесспорное существование древних связей позволило ряду исследователей выдвинуть многочисленные теории экстраафриканского происхождения культуры Зимбабве. Т. Бент [20] и Р. Холл [21] связывали ее происхождение с финикийцами и сабейцами, Ван-Оордт — с индийцами, а Л. Фробениус [22], Дж. Уйнрайт [23] и П. Брейтц [24] — с «хамитами». Все эти теории противопоставляли блестящую культуру Зимбабве культуре «полудиких» банту.

Работами прогрессивных археологов Г. Кэтон-Томпсон [25], Д. Шофилда [26], Р. Саммерса [27] и др. был установлен типично африканский, местный характер большинства найденных на руинах вещей. Доказано, что культура Зимбабве уходит своими корнями в неолит и ранний железный век междуречья Замбези — Лимпопо; установлено тождество культуры Зимбабве с известным по португальским источникам государственным образованием местных народов банту — Мономотапой. Вещи иноземного происхождения появились в междуречье в результате торговых сношений, которые местные жители поддерживали с глубокой древности.

Нет сомнения, что междуречье Замбези — Лимпопо миновало стадию бронзового века, а культура железа существовала там издревле и достигла высокого развития. Находки экспедицией А. Гатти в 1931 г.[28] железоплавильной печи в пещере Мумбва, позволяют отодвинуть появление культуры железа в этой области к очень отдаленному времени, задолго до нашей эры. По традиции древнейшим центром культуры железа в Африке считается Западный Судан. Может быть, дальнейшее изучение родезийского железного века позволит пересмотреть эти взгляды. Требует дальнейшего изучения и проблема влияния культуры Зимбабве на окружающие страны, в том числе и такие отдаленные, как Конго, Кения и Уганда.

Очень важен вопрос о происхождении каменного строительства. Многочисленные сооружения из камня найдены на всем востоке Африки —

---

[20] T. Bent. The Ruined Cities of Mashonaland. London, 1893.
[21] R. Hall. Prehistoric Rhodesia. London, 1909.
[22] L. Frobenius. Monumenta Africana; его же. Simbabwe. Umschlau, т. 35, 1931.
[23] G. Wainwright. The Founders of the Zimbabwe Civilization. Man, т. XLIX, 1949.
[24] P. L. Breutz. Stone Kraal Settlements in South Africa. African Studies, т. 15, № 4, 1956.
[25] G. Caton-Thompson. The Zimbabwe Culture. Oxford, 1931.
[26] J. Schofield. A Survey of the Recent Prehistory of Southern Rhodesia. South African Journal of Science, т. XXXVIII, 1942.
[27] R. Summers. Iron Age Cultures in Southern Rhodesia. South African Journal of Science, т. XLVII, 1950.
[28] R. A. Dart, N. Grande. The Ancient Iron Smelting Cave at Mumbwa. Transactions of the Royal South African Society, т. XIX, 1931.

от Драконовых гор на юге до Голубого Нила на севере. Археологические работы 20—50-х годов XX в. позволяют выделить, кроме каменных сооружений культуры Зимбабве, культуру каменных краалей на территории Трансвааля и Оранжевой республики, а также так называемую Азанийскую цивилизацию, памятники которой найдены на огромной территории, охватывающей Кению, Танганьику, Уганду, западную часть Сомали и юг Эфиопии [29].

Кроме каменных жилищ и хозяйственных построек, здесь найдены каменные пирамиды, мегалитические сооружения, каналы, колодцы и сельскохозяйственные террасы. Часть этих памятников, несомненно, восходит к очень отдаленным временам, может быть, к I в. н. э., когда греческие купцы торговали со страной черных Азанией, порты которой лежали далеко на юг от мыса Ароматов (Гвардафуи). Арабские источники позволяют думать, что эти области уже в X в. н. э. были заселены народами банту. Дальнейшие археологические исследования, может быть, позволят считать, что памятники Азанийской цивилизации были созданы народами банту или их соседями — нилотами и кушитами во время больших переселений средневековья. Без археологии в настоящее время немыслимо изучение сложных этногонических процессов, совершавшихся в Восточной Африке.

Выдающийся интерес представляет выяснение связей восточноафриканских культур с древними цивилизациями Мероэ, Напаты и Аксума, средневековой Эфиопией и культурой арабов.

В последнее время особое внимание привлекает проблема мегалитических памятников, ареал которых прослеживается от Британских островов на западе до Малакки на востоке, от кубанских степей на севере до оз. Ньяса на юге. Еще А. Невилль в начале 20-х годов XX в. обратил внимание на близкое сходство мегалитов из Эфиопии и Ассама. На Верхнем Ниле можно найти аналогии классическим мегалитам Бретани и Северного Кавказа, однако проблема эта только начинает разрабатываться.

Археология экваториальных районов Западной Африки (и в, частности, огромной котловины Конго) изучена очень слабо. Чрезвычайно влажный климат и непобедимая сила растительности тропических лесов в высшей степени препятствует сохранению вещей и сооружений и затрудняют их поиски. Поэтому археологам Западной Африки лучше известны культуры каменного века, нежели памятники эпохи железа и перехода к классовому обществу. Кроме того, области Западной Экваториальной Африки долгое время принадлежали к числу самых отсталых колоний, где изучение археологии велось лишь отдельными исследователями. Мы уже не говорим об Анголе с ее средневековым режимом, ставшим почти непроходимым барьером на пути развития науки.

О расцвете культуры аборигенов Западной Экваториальной Африки перед появлением европейцев мы знаем лишь по литературным источникам и по сравнительно немногим вещам, собранным в музеях. Тем большее значение имеет сравнительное изучение всего комплекса письменных источников, лингвистических данных и остатков материальной культуры царства Конго, достигшего расцвета в XV в., государства Бакуба (XIV—XVI вв.) и двух государств балуба, из которых одно процветало в XV в., а другое — в XVII в.

Особую ценность для изучения культуры и истории этих цивилизаций имеют собранные путешественниками и этнографами данные о более поздних (XIX в.) государствах, возникших на этих землях: Казембе, Муата-Ямво и Марутсе-Мабунда.

---

[29] G. B. Huntingford. The Azanian Civilization of Kenya. Antiquity, т. VII, 1933.

Со временем должно быть определено в истории Африки действительное место бушменских народов, принадлежащих к койсанской группе.

Европейские исследователи проводят резкую грань между знавшими железо скотоводческими племенами готтентотов и бродячими охотниками и собирателями-бушменами, носителями позднемезолитической и неолитической смисфильдской культуры. На наш взгляд, представление о всех бушменах как о примитивных охотниках и собирателях в какой-то мере соответствует порочному отождествлению расы с культурой и на деле далеко от действительности. Открытие на Среднем Лимпопо блестящей (родственной Зимбабве) культуры Мапунгубве[30], созданной людьми бушменоидного антропологического типа[31], позволяет думать, что часть бушменского народа знала когда-то более высокую цивилизацию, нежели их собратья, отступившие под ударами теснивших их со всех сторон могущественных соседей в жгучие пески Калахари и дикие ущелья Драконовых гор.

Изучение африканской археологии уже сейчас показывает, что накануне колониального завоевания Африка знала высокие государственные цивилизации. Изучение культур Зимбабве, Бенина, древней Ганы и др. не оставляют в этом сомнения. Эти культуры показывают, как велики были возможности самостоятельного развития многих африканских народов, которое было прервано колонизаторами. Археология имеет поэтому для Африки большое политическое значение.

---

[30] Leo Fouché. Mapungubwe, Ancient Bantu Civilization on the Limpopo. Cambridge, 1937.

[31] Там же, стр. 175.

Публикации

З. А. АБРАМОВА

КРАСНЫЙ ЯР — НОВАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА АНГАРЕ

Хорошо изученный палеолит Восточной Сибири, главным образом по бассейнам крупных рек — Енисея, Ангары, Лены и Селенги, дополняется с каждым годом новыми данными. История изучения палеолита Ангары имеет 90-летнюю давность: здесь, на территории Иркутска, в 1871 г. был открыт первый не только в Сибири, но и во всей России палеолитический памятник. Широкую известность получили ангарские стоянки Мальта и Буреть, представляющие собой памятники наиболее раннего этапа развития палеолитической культуры в Сибири.

Во время работ Братской археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова в 1957 г. была открыта стоянка Красный Яр. Материалы этой стоянки помогут разрешить вопрос о хронологической последовательности различных памятников палеолита Сибири и об этнических связях населения бассейна Ангары в эпоху палеолита.

Стоянка находится в местности Красный Яр, получившей это название по отвесному обнажению выходов красного песчаника на правом берегу Ангары, в 200 *км* ниже г. Иркутска и в 10 *км* выше пос. Малышевка. Она расположена на мысу второй надпойменной террасы, ниже впадения в Ангару р. Осы. Мыс этот ограничен с запада дорожной выемкой, а с востока — узким и глубоким оврагом. В обрезе дороги А. П. Окладников заметил тонкий культурный слой, насыщенный обломками пережженного горючего сланца. В месте выхода культурного слоя на поверхность дороги в 1957 г. была произведена зачистка и заложен разведочный раскоп площадью 40 $м^2$. Было выявлено, что культурный слой с остатками позднепалеолитических вещей залегает на глубине 2,85 *м* от поверхности. Ниже его на 30—40 *см*, в северо-западной части раскопа, попадались отдельные находки.

В 1959 г. были предприняты более широкие раскопки. Для снятия земляного балласта был использован бульдозер, и на расчищенном месте заложен раскоп площадью 220 $м^2$. В юго-восточной части раскопа, на глубине 2,5 *м* от поверхности, над основным культурным слоем обнаружен еще один — верхний.

Стратиграфия северной стенки раскопа (рис. 1) следующая.

1. Дерн — толщиной до 5 *см*. Под ним переходный почвенный горизонт, песчаный, серого цвета — 0,3—0,4 *м*.

2. Супесь, очень плотная, светлая, розовато-желтой окраски. Мощность слоя 0,5—0,6 *м*. Этот слой делится на три горизонта, одинаковых по структуре, но различающихся по цвету: а) светлая супесь с белыми известковистыми примазками; б) переходный горизонт более темного цвета; в) более темный горизонт.

3. Песок, однородный, чистый, среднезернистый, серого цвета — 0,3 *м*.

4. Свита тонких перемежающихся прослоек серого песка и супеси розоватого цвета. Четко выделяется горизонт светло-серого песка в верхней части свиты и довольно мощный слой супеси в ее нижней части. Общая мощность слоя — 0,5 *м*.

5. Прослойка песка, неоднородного по структуре, местами с крупнозернистыми включениями, светло-серого цвета — до 0,1 *м*.

6. Свита прослоек песка неоднородной структуры, серого цвета и супеси, преимущественно розовато-серых тонов с зеленоватыми илистыми прослойками. Залегание — горизонтальное, спокойное, местами, особенно в нижней части, слегка волнистое. Общая мощность свиты — до 0,9 *м*.

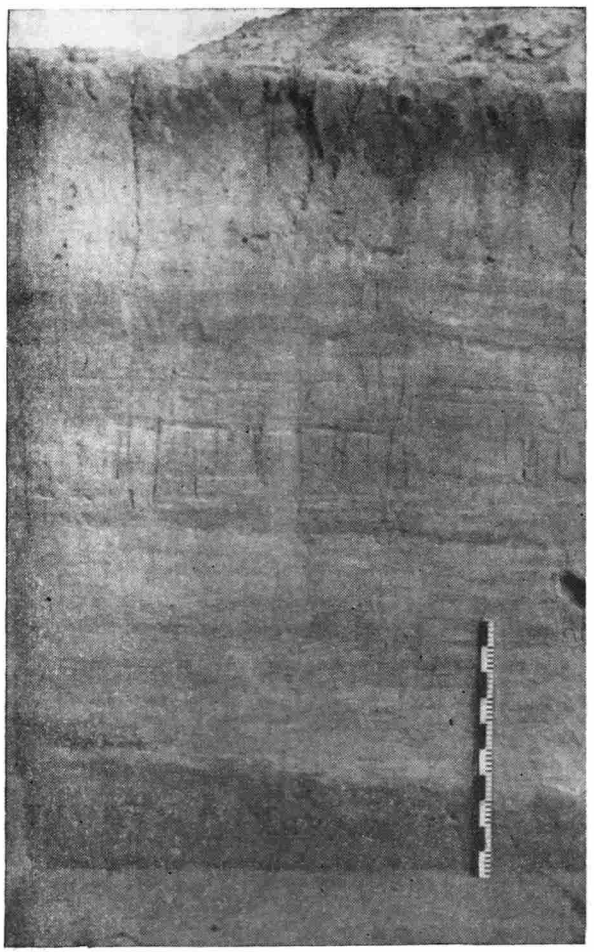


Рис. 1. Стратиграфия северной стенки раскопа

В нижней части этой свиты, на глубине — 2,5—2,6 *м* от поверхности, в юго-восточной части раскопа с прослойкой розоватой супеси связаны находки верхнего культурного горизонта.

7. Супесь, почти песок, влажная, темно-бурого цвета. Мощность супеси очень велика, так как геологический шурф, заложенный в 1957 г. на глубину 7 *м* от поверхности, не достиг материка.

8. В верхней части этой супеси, на глубине 2,75—2,85 *м* от поверхности, прослеживается основной культурный слой, толщиной до 10 *см*, в виде тонкой прослойки, насыщенной обломками горючего сланца.

9. Ниже основного культурного слоя находится еще один горизонт находок, главным образом отдельных осколков и орудий из кварцита, на глубине 3,15—3,25 *м* от поверхности.

Таким образом, можно констатировать наличие трех различных горизонтов культурных остатков. Верхний горизонт открыт на ограниченной площади — около 50 $м^2$, на глубине 2,5—2,6 *м* от поверхности и представляет собой расплывшиеся очажные пятна бесформенных очертаний, в которых, помимо угля, находились мелкие пережженные обломки костей. Среди них были обнаружены каменные, преимущественно кварцитовые изделия. Из 103 изделий — 9 кремневых и 1 чешуйка горного хрусталя, остальные 93 — из кварцита. Из кремня изготовлены орудия: остроконечник (рис. 2,*1*), режущее орудие (рис. 2,*4*) и скребок (рис. 2,*2*), остальные 6 — мелкие кремневые отщепы и чешуйки. Кварцитовыми являются 3 обломка скребел (рис. 2, *3, 5,6*), 20 отщепов и 69 чешуек, 1 обломок пластинки. Характерно также наличие крупных необожженных окатанных плиток горючего сланца вне связи с очажными пятнами.

Основной культурный горизонт прослеживался на всей вскрытой площади, за исключением северо-восточного угла, что, по-видимому, объясняется древним рельефом местности.

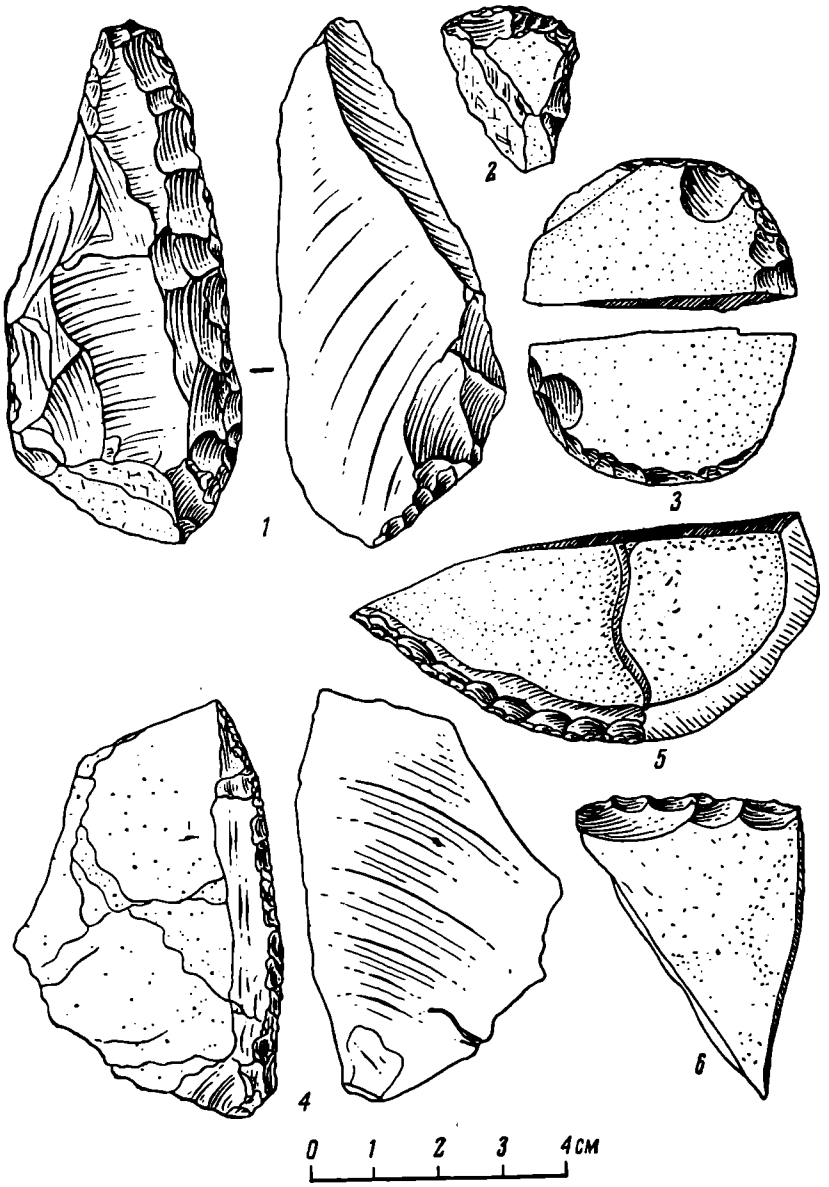


Рис. 2. Верхний горизонт. Орудия из кремня и кварцита

Толщина культурного слоя почти на всей площади раскопа не превышает 10 *см*, поверхность его неровная, отдельные камни выступают на глубину 2,73 *м*. Основная масса находок залегала в среднем на глубине 2,85 *м*. Насыщенность культурного слоя неравномерна: обилен находками юго-западный край раскопа и определенная полоса шириной 1,5—2 *м*, которая тянется в направлении с северо-запада на юго-восток, параллельно древней ложбинке. Именно в этих зонах расположены и очажные пятна, вытянутые двумя неправильными линиями в том же направлении. Культурный слой характеризуется прежде всего большим содержанием горючего сланца, который встречается здесь или в виде крупных плоских окатанных плиток, или в виде угольков различной степени пережженности.

В слое обнаружено 12 очажных пятен — скоплений угля и золы, округлых в плане и линзовидных в сечении (рис. 3), некоторые из них имели до 40 *см* в диаметре, другие достигали 60—80 *см*.

Любопытным элементом культурного слоя являются ямки, расположенные по большей части вблизи очагов. Это — небольшие кармашкоподобные западины, чаще всего параболоидной формы, углубленные в под-

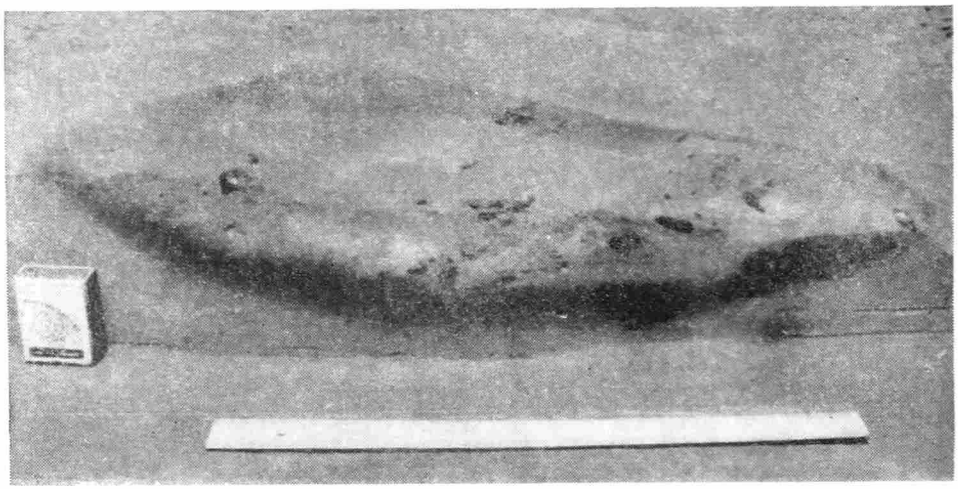


Рис. 3. Очажное пятно. Разрез по линии запад-восток

стилающий культурный слой бурый песок. Таких ямок было обнаружено 23. Диаметр их — 10—15 *см*, глубина — до 26 *см*. Заполнение ямок, обычное для культурного слоя, густо насыщено кусками горючего сланца. Иногда внутри ямы встречаются обожженные камни, мелкие осколки костей животных и кремни. Малая толщина культурного слоя, отсутствие крупных западин и конструктивных деталей (скоплений крупных камней, костей), распространение культурного слоя с большей или меньшей равномерностью по всей площади раскопа свидетельствует, что никаких видимых следов жилых сооружений здесь нет. Беспорядочное расположение ямок, их различные размеры и форма не позволяют видеть в них ямки от столбов жилых сооружений. Возможно, они могли служить для опоры каких-то конструкций, защищавших очаг от ветра. Наличие же в этих ямках большого количества угля, часто встречающиеся обломки костей животных и, главное, расположение их вблизи очагов позволяет высказать предположение, что ямки могли иметь специальное назначение для запекания в них пищи, может быть, кусков мяса.

В культурном слое находилось много мелких осколков костей животных, разбитых и раздробленных. Только малая часть их поддается определению. Фаунистический комплекс из раскопок 1957 г. определен И. М. Громовым, из раскопок 1959 г.— Н. М. Ермоловой, кости птиц определены А. В. Таттар.

	1957 г.	1959 г.	Всего
Дикая лощадь	4	5	9
Северный олень	3	4	7
Зубр	—	2	2
Заяц-беляк	1—2	1—2	2—4
Медведь бурый	—	1	1
Хищник из семейства куньих	1	—	1
Мелкая полевка	2	1	3
Куропатка белая	1	1	2
Птица	1	—	1
Рыба (таймень?)	—	1	1

На всей площади культурного слоя встречаются камни различных размеров, без следов обработки, и обломки тонких плиток красного песчаника.

Сырьем для изготовления орудий служил главным образом местный кремень черного и серого цвета. Кремень серого цвета с темными про-

жилками широко распространен на р. Ангаре и встречается как в палеолитических, так и в неолитических поселениях. Значительно реже употреблялся кремень желтоватого цвета с белыми включениями и полупрозрачный кремень хорошего качества. Из других пород часто встречается кварцит. Найдены также осколки кварца, песчаника и других каменных пород.

Среди материала совершенно нет следов первичного производства; нет желваков, заготовок, крайне редки краевые отщепы. По-видимому, вся первичная обработка камня производилась где-то на стороне, а на поселение приносились уже полностью подготовленные заготовки. Этим объясняется наличие сравнительно большого количества так называемых нуклеусов-скребков или клиновидных нуклеусов (термин, предложенный М. З. Паничкиной) и наоборот, почти полное отсутствие нуклеусов других форм. Клиновидные нуклеусы в массе своей имеют небольшие размеры. Форма их своеобразна и весьма выдержана: хорошо подготовленная прямая или слегка скошенная ударная площадка, перпендикулярно к ней идут параллельные следы сколов узких тонких микропластинок, расположенных на одном из узких боковых краев. Край, противоположный ударной площадке, прямой или полукруглый, иногда с выемкой, обработан двусторонней ретушью. Размеры таких нуклеусов от 2,3 × 1,9 *см* до 4,0 × 3,3 *см* (рис. 4,*1—3*). Помимо этой выдержанной серии нуклеусов, можно отметить несколько отдельных подпризматических нуклеусов из кремня, которые, возможно, являются первой стадией подготовки клиновидных нуклеусов. О наличии призматических нуклеусов свидетельствуют обломки сравнительно крупных размеров: краевой скол и особенно скол оживления, ударная площадка, снятая с призматического нуклеуса, размерами 4,7 × 3,1 × 1,0 *см*. Кварцитовые нуклеусы единичны: это два нуклеуса, по очертаниям близкие к призматическим, и один крупный дисковидный нуклеус, со следами сколов коротких и широких отщепов.

В противоположность нуклеусам, большинство осколков не кремневые, а кварцитовые, кварцевые и других пород. Они имеют крупные размеры и довольно бесформенные очертания. Кремневые же осколки — мелкие. Соответственно различаются по размерам и отщепы: кварцитовые — крупные, кремневые — мелкие. Кремневые отщепы не превышают 5 *см* длины, в массе своей они имеют 2—3 *см* или вообще представляют крошечные чешуйки, получившиеся в процессе обработки орудий. Отсюда можно заключить, что кварцитовые желваки, соответственным образом подготовленные, приносили на стоянку и раскалывали для получения крупных скребел, ножей и других орудий. Кремень же до степени полуфабрикатов обрабатывался где-то в другом месте. Это же доказывает и количественное соотношение: кварцитовых осколков в три раза больше, чем кремневых, отщепов — в пять раз меньше, чешуек — в десять раз меньше. Количество чешуек соответствует и числу орудий: из кварцита изготовлены единичные скребла и ножи, из кремня — подавляющее большинство орудий. Клиновидным нуклеусам соответствует большое число микропластинок, их почти столько же, сколько и кремневых отщепов. Некоторая часть пластинок имеет правильные призматические очертания с параллельными гранями; остальные, сохраняя общий характер микропластинок, имеют неровные, неправильные грани.

Из общей массы каменных изделий орудия составляют около 6%. Типы орудий немногочисленны. Это — острия, проколки, скребки, долотовидные орудия с прямым или вогнутым двусторонне обработанным краем типа pièces écaillées микропластинки с ретушью, орудия с резцовыми сколами, пластины, пластинки и отщепы с ретушью, кремневые и кварцитовые скребла и ножи. Долотовидные орудия и близкие к ним менее выразительные формы особенно многочисленны и составляют почти $^1/_3$ всей коллекции орудий. Они разнообразны и по форме, и по

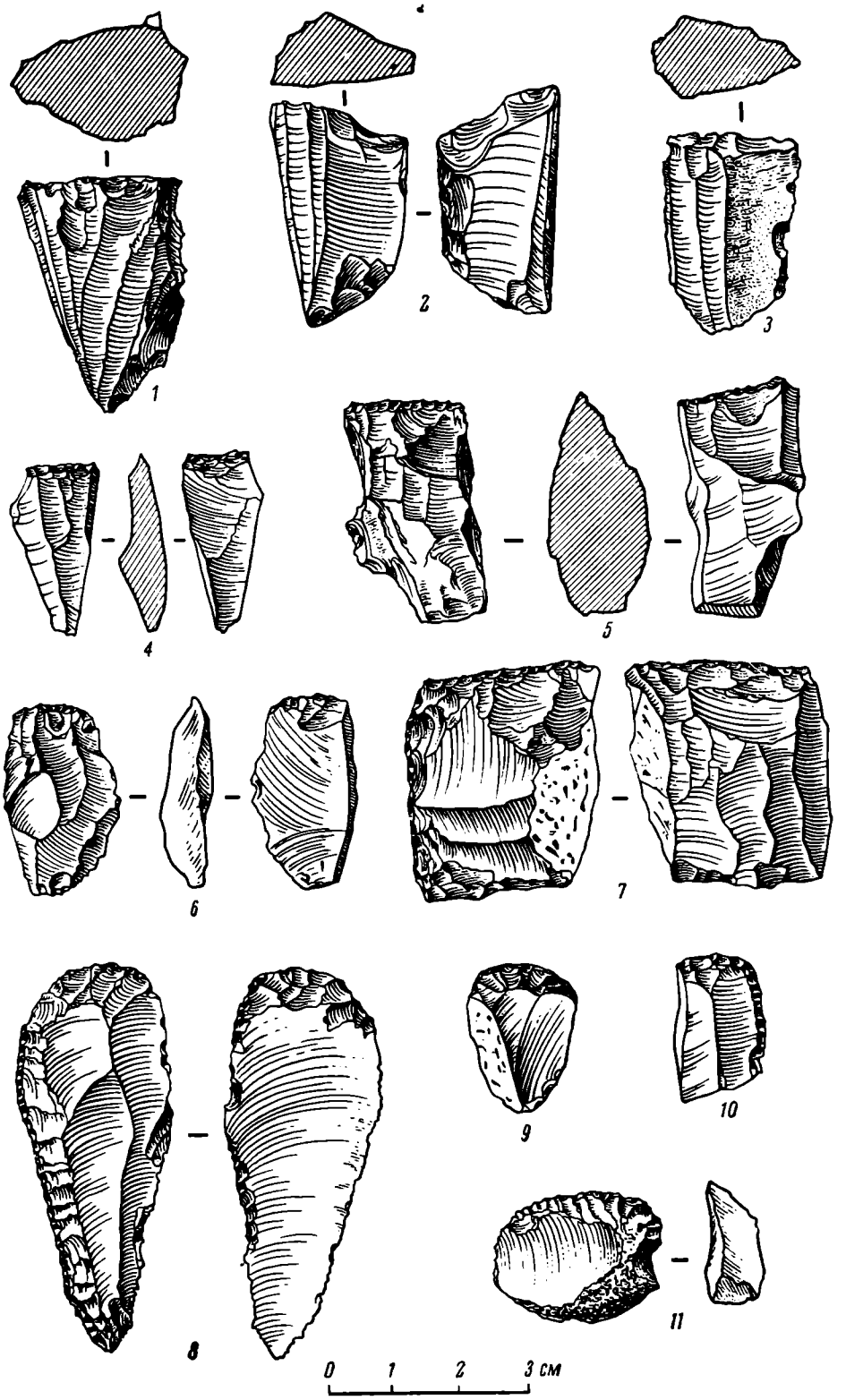


Рис. 4. Основной слой. Кремневый инвентарь
1—3— нуклеусы; *4—7*— долотовидные орудия; *8—11*— скребки

материалу. Объединяет их общий признак: один или два противолежащих прямых или вогнутых рабочих края, обработанных с двух сторон. Чаще всего эти орудия изготовлены из отщепов, преимущественно небольших размеров, в исключительных случаях — из пластинок. Мате-

риалом для изготовления служил кремень разного качества и цвета, и только в трех случаях был употреблен кварц. Подавляющее большинство составляют орудия с одним рабочим краем. Поверхность этих орудий подвергалась почти сплошной обработке. Размеры орудий — от 1,6 × 1,0 *см* до 4,0 × 2,5 *см* (рис. 4, *4—7*).

Острия и проколки единичны. Они изготовлены из пластинок различных размеров. Проколки делали из микропластинок; на концах, противоположных ударной площадке, крутой ретушью обрабатывали острое жальце (рис. 5, *1—3, 6—9, 11*).

Скребки разнотипны. Большинство их изготовлено из отщепов размерами от 1,8 × 1,2 *см* до 3,8 × 4 *см*. Только четыре скребка изготовлены из пластинок, но и они различны по обработке. Также разнообразен и материал: кремнистый сланец, кремень различного качества и цвета и, возможно, халцедон. Любопытны мелкие скребки — один с правильным овальным рабочим краем из отщепа темного кремня, второй со скошенным рабочим краем из отщепа коричневатого кремня. Рабочие лезвия этих скребков сильно сработаны (рис. 4, *8—11*).

Небольшую серию орудий составляют удлиненные тонкие пластинки, обработанные ретушью по краям (рис. 5, *4, 5, 10*).

Орудия типа резцов — невыразительные и единичные. Следует отметить, что миниатюрное орудьице из серого кремня с резцовыми сколами было найдено на одном квадрате, а резцовый скол с него — в другом месте.

Большую группу орудий — свыше $^1/_3$ — составляют пластины и отщепы с ретушью. Некоторые из них, очевидно, служили ножами. Об этом свидетельствует правильность формы пластины и тщательная ретушь по краю. Часть пластин обработана ретушью по обоим длинным краям. На большинстве изделий ретушь мелкая, эпизодическая, наряду с другими следами работы свидетельствующая, что эти вещи были в употреблении.

Особую группу изделий составляют кремневые и кварцитовые ножи-скребла (рис. 5, *12*). Некоторые из них не вызывают сомнений, но определение других затруднительно (по своей форме они ближе всего стоят к режущим инструментам).

Костяной инвентарь Красного Яра не многочислен, но достаточно характерен. За два года раскопок здесь найдено 20 обломков костяных иголок, размерами немного больше современных стальных игл. Они тщательно обработаны и заполированы (не сохранилось ни одного целого экземпляра; больше всего найдено обломков срединной части).

Четыре поделки из кости по своей форме и размерами близки к иголкам, но они значительно худшей сохранности и большего диаметра: возможно, что они являются обломками небольших шильцев. Еще четыре обломка костяных стержней, тоже плохой сохранности, но длиннее предыдущих; скорее всего, это обломки шильев, хотя ни на одном из них не сохранилось рабочего конца.

Некоторые предметы относятся, по-видимому, к произведениям искусства. Это костяная фигурка, найденная в 1957 г.; ее можно рассматривать как стилизованное изображение полусидящей женщины, сходной с фигуркой из Петерсфельса и других позднепалеолитических стоянок Запада [1].

Любопытна миниатюрная поделка в виде округлого стерженька с выступающей плоской головкой. Концы поделки ровно срезаны, и, видимо, она подверглась только незначительному разрушению, не искажающему общую форму. Длина поделки — 1,1 *см*, диаметр — 0,2 *см*. Другая миниатюрная поделка выполнена, по-видимому, из плотной раковины. Это четырехугольная уплощенная пластинка со слегка закругленными

[1] З. А. Абрамова. К вопросу о женских изображениях в мадленскую эпоху. КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 103—107, рис. 47.

углами и тщательно заглаженной со всех сторон поверхностью. Длина поделки — 1,4 *см*, ширина — 0,6 *см*, толщина — 0,15 *см*.

Украшения обитателей палеолитического стойбища Красный Яр представлены округлыми бусинками, изготовленными из необычного материала — эмали зуба крупного животного. Всего найдены три целые

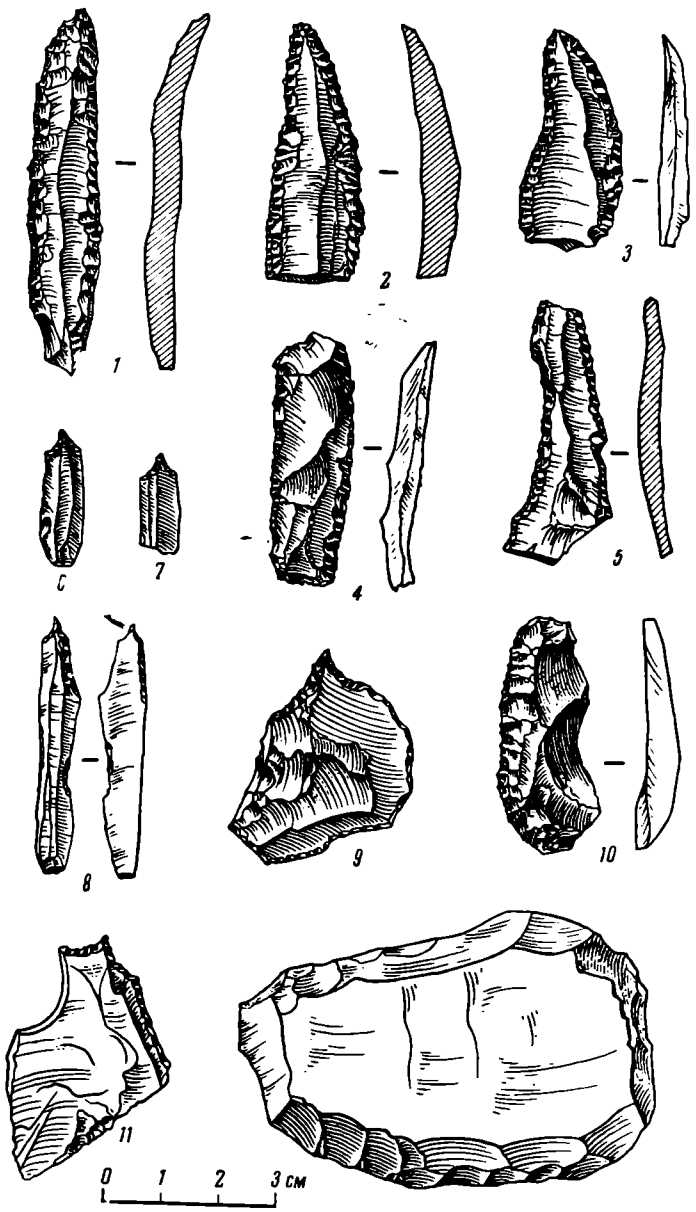


Рис. 5. Основной слой. Кремневый инвентарь

1—3 — острия; *4, 5, 10* — пластинки с ретушью; *6—9, 11* — проколки; *12* — скребло

и два обломка таких бусинок. Бусинки имеют неправильно округлую форму, в сечении они односторонне выпуклые — нижняя сторона плоская и заглаженная, в центре просверлено круглое отверстие.

Под основным культурным слоем стоянки Красный Яр залегает нижний горизонт находок, отделенный от него стерильной прослойкой мощностью около 30 *см*. Здесь нет явно выраженного культурного слоя — на одном уровне, в слое плотной бурой супеси встречаются отдельные находки в виде расщепленного кварцита и значительно реже — кремня,

а также лежащих горизонтально плиток красного песчаника, почти разложившегося в мягком грунте. Этот горизонт находок наблюдается в западной, главным образом — в северо-западной части раскопа. Наибольшее число находок было сделано в северо-западном углу раскопа 1959 г. и в северо-восточном углу разведочного раскопа 1957 г. На глубине 0,27—0,30 *м* от основного культурного слоя расположено скопление камней и плиток известняка, между которыми находились мелкие обломки трубчатых костей плохой сохранности. Интересно отметить, что на всем протяжении находок нижнего горизонта не было найдено ни одного обломка горючего сланца, столь характерного для основного горизонта. Лишь в одном месте, на глубине — 3,23 *м*, прослежено очажное пятно почти расплывшихся очертаний. Толщина пятна не превышала 2 *см*, на его поверхности были найдены два кремневых отщепа, две чешуйки, два мелких обломка костей и несколько угольков.

Большинство находок из нижнего горизонта — кварцитовые, только небольшая часть — из кремня. Орудий немного, не более 7% от общего числа находок: два обломка скребков небольших размеров, из черного кремнистого сланца. Из кремня изготовлен обломок скребла с рабочим краем, обработанным с одной стороны. Противоположная сторона изделия оставлена без обработки и сохраняет окатанную поверхность кремневого желвака. Кварцитовые орудия — это скребла, различные по форме и технике обработки и только условно объединяемые в одну группу. Основную массу находок нижнего горизонта составляют кварцитовые отщепы и осколки. Осколки, преимущественно крупных размеров, происходили от дробления желваков кварцита, принесенных на стоянку, с тем чтобы в дальнейшем выбрать удобную заготовку. Крупных отщепов немного. Ярко выраженных нуклеусов (или их обломков) нет.

По-видимому, нет оснований считать три горизонта, обнаруженные на стоянке Красный Яр, значительно отстоящими друг от друга по времени. Основной и нижний горизонт находятся в одном геологическом слое; верхний — в слое розоватой супеси. Материалы нижнего и верхнего горизонтов недостаточны для отнесения их к предшествующему и последующему культурным этапам, характеризующим качественно другие культуры. Очевидно, это были очень непродолжительные стоянки людей, располагавшиеся на берегу ручья. По времени они не особенно отстоят от основного культурного горизонта, который представляет собой остатки более долговременного поселения.

К сожалению, нет геологического заключения об условиях залегания стоянки. Можно лишь утверждать, что люди поселились на этом мысу во время образования второй надпойменной террасы. Об археологическом возрасте стоянки могут свидетельствовать и обнаруженные на склоне, в переходном почвенном слое, типично неолитические отщепы и орудия, которые отделены от палеолитического культурного слоя напластованиями почти в 2,5 *м*.

Культура Красного Яра выросла на местной основе культуры Мальты и Бурети. Сохраняя пластинчатую технику этих ранних памятников (острия, концевые скребки, пластины и пластинчатые отщепы с ретушью) и имея определенную преемственность в костяном инвентаре и произведениях искусства, материал Красного Яра в то же время обладает специфически сибирскими чертами. Об этом говорит наличие типичных так называемых нуклеусов-скребков, микропластинок, крупных кварцитовых скребел и рубящих орудий, отсутствие резцов [2]. Для Красного Яра мы находим аналогии в таких типично сибирских позднепалеолитических стоянках, как Афонтова гора II и III. Здесь также имеются проколки из отщепов и пластинок с вытянутыми жальцами, микропла-

[2] М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. ИГАИМК. вып. 118, 1935, рис. 22. стр. 103—104.

стинки с ретушью и мелкие скребки, долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской концов, не говоря уже об общих сибирских формах крупных орудий, хотя на стоянке Красный Яр их немного и они имеют меньшие размеры.

О более позднем возрасте Красного Яра по сравнению с упомянутыми стоянками свидетельствует ее фауна, без мамонта и носорога, но нет и косули, характеризующей мезолитические слои стоянки Усть-Белой.

Интересно отметить, что Красный Яр имеет много общих черт со стоянкой Талицкого, больше, чем с любой палеолитической стоянкой Сибири, несмотря на значительный территориальный и хронологический разрыв [3]. Обоснование и объяснение этого вопроса — дело будущего. В настоящее время можно лишь утверждать, что стоянка Красный Яр относится ко времени, следующему за ранним этапом верхнего палеолита Прибайкалья, представленным стоянками Мальта и Буреть. В то же время в Красном Яру мы имеем первое свидетельство употребления древними насельниками Сибири каменного угля в качестве топлива.

---

[3] О. Н. Бадер. Основные этапы этнокультурной истории палеогеографии Урала. МИА, № 79, 1960, стр. 88—103.

В. М. МАССОН

НОВЫЕ РАСКОПКИ НА ДЖЕЙТУНЕ И КАРА-ТЕПЕ

(К эволюции жилых домов у раннеземледельческих племен)

Среди раннеземледельческих поселений Южного Туркменистана важное место занимают один из древнейших памятников этого типа — неолитический Джейтун и крупное поселение поры развитого энеолита — Кара-Тепе у Артыка. На обоих памятниках первые разведочные раскопки были произведены еще в 1952 г. отрядом ЮТАКЭ под руководством Б. А. Куфтина [1]. В 1955—1958 гг. эти работы были развернуты в широких масштабах и дали значительный новый материал по истории раннеземледельческих племен юга Средней Азии [2]. Систематическое изучение памятников этих племен продолжалось и в 1959—1960 гг. совместными усилиями ЮТАКЭ АН ТуркмССР и ЛОИА АН СССР [3]. В ходе этих работ в связи со строительством второй очереди Кара-Кумского канала основное внимание уделялось поселениям геоксюрского оазиса поры энеолита, расположенным в зоне этого строительства [4]. Вместе с тем определенное внимание было уделено и продолжению раскопок на Джейтуне (1959 г.) и Кара-Тепе (1960 г.). Предварительной характеристике полученных здесь результатов и будет посвящена настоящая статья.

На поселении Джейтун, расположенном в 30 *км* к северо-востоку от г. Ашхабада, уже в ходе работ 1957—1958 гг. была вскрыта площадь около 1200 $м^2$. Тогда же был выявлен стандартный для этого поселения тип небольших однокомнатных домов с прилегающими к ним хозяйственными участками. Осенью 1959 г. на площади около 1100 $м^2$ была вскрыта западная часть поселения. Перекрывавший культурные наслоения барханный песок был отодвинут при помощи бульдозера. Открытые здесь строения также представляли собой однокомнатные дома с тяготеющими к каждому из домов хозяйственными участками. Как и в центральной части Джейтуна, на раскопе 1959 г. постройки верхнего строительного горизонта почти не сохранились. Лишь в двух случаях с большим трудом удалось проследить остатки жилых домов верхнего слоя со стенами, сохранившимися в высоту на 10—15 *см* (помещ. №№ 31 и 37). В основной своей массе вскрытые строения в центре Джейтуна, относятся ко второму культурному слою. Жилые дома этого слоя, как правило, забутованы глиняными, как мы их называем, «булками»,

[1] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур «Анау». ИАН ТуркмССР, 1954, № 1.

[2] В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, № 1; его же. Джейтунская культура. Тр. ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960; его же. Кара-депе у Артыка. Там же.

[3] Работы производились отрядом в составе: начальник отряда — В. М. Массон, археологи — И. Н. Хлопин, В. И. Сарианиди, А. Я. Щетенко, А. Аскаров, О. Н. Евтюхова, геоморфолог — Г. Н. Лисицына, коллектор — Г. Дадабаев.

[4] К. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТуркмССР, 1960, № 2; см. также сб. «Древности Теджен-Мургабского междуречья». Под ред. К. Адыкова и В. М. Массона. Ашхабад, 1962.

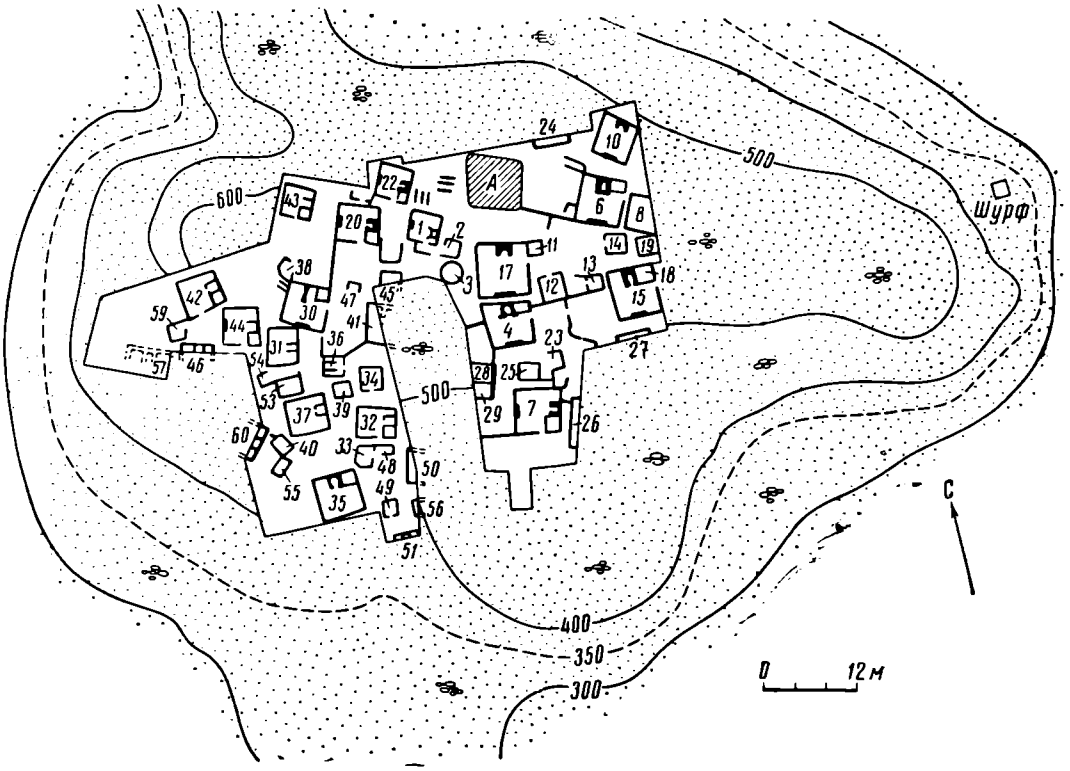


Рис. 1. Общий план раскопок на поселении Джейтун

длиной до 70 *см*, с овальным сечением, диаметром в 20—23 *см*. Из таких «булок» возводились и стены всех построек Джейтуна. Забутованные дома второго слоя образовывали как бы фундамент для более поздних помещений.

Всего в 1959 г. полностью или частично было вскрыто 11 жилых домов второго слоя. Охарактеризуем кратко некоторые из них (рис. 1).

Типичным жилым домом является помещ. № 30 (5,3 × 5,5 × 5,3 × × 4,9 *м*). У северной его стены находится крупный глинобитный очаг, у южной стены, напротив очага,— прямоугольный выступ. Дверь расположена в восточной стене, а северо-восточный угол отгорожен тонкой стенкой так, что образует небольшой хозяйственный отсек. Пол покрыт толстой известковой обмазкой, сохранившей следы красновато-коричневой краски. Этот тип жилого дома, который можно называть стандартным, с исключительным единообразием повторяется в других вскрытых строениях (рис. 2). Разница заключается лишь в том, что очаг иногда располагался не у северной, а у восточной стены, в связи с чем меняется ориентация выступа и хозяйственного отсека. К востоку от помещ. № 30 располагался хозяйственный участок, заполненный рыхлым барханным песком и серыми зольными прослойками. К числу подсобных построек может быть отнесено небольшое помещ. № 47.

Жилой дом, прдставленный помещ. № 32 (5,5 × 4 × 4,9 × 3,6 *м*), имеет очаг, расположенный у восточной стены. Соответственно его дверь выходит на юг, а хозяйственный отсек находится в юго-восточном углу дома. Хозяйственный участок этого дома был, видимо, в какой-то мере общим с другим домом (помещ. № 35) и заполнен рыхлыми зольнопесчаными или местами коричневыми слоями. Помещ. №№ 33 и 48 следует считать подсобными постройками, тяготеющими к этому дому.

Сходной была планировка и других домов, полностью вскрытых в 1959 г. (помещ. №№ 35, 42—44). Другие дома были вскрыты лишь ча-

Рис. 2. Джейтун. Помещение № 20. Вид с севера

стично (помещ. №№ 41, 46, 51, 60) или сохранились настолько плохо, что могли быть прослежены лишь по остаткам известкового пола (помещ. № 57). Также полностью или частично были раскопаны хозяйственные участки, тяготеющие к этим домам. Отметим, что, например, у помещ. № 42 такой участок очень мал. Видимо, к моменту возведения этого дома уже существовали помещ. №№ 44 и 46, что и определило размеры хозяйственного участка нового строения. К числу подсобных строений этого дома, несомненно, принадлежит помещ. № 59.

Как общую черту, характеризующую вскрытые дома, можно отметить находки внутри них, преимущественно около очагов, камней, обычно растрескавшихся, со следами пребывания в огне. Возможно, эти камни нагревали и использовали для варки жидкой пищи, поскольку среди джейтунской керамики еще нет фрагментов кухонных котлов с характерной дресвой в тесте. Такие котлы появляются в Южном Туркменистане только в пору Намазга I.

Находки, сделанные при раскопках на Джейтуне в 1959 г., в основном повторяют материалы, ранее полученные с этого поселения (рис. 3) [5]. Материальная культура Джейтуна представляет собой как бы соединение двух элементов: одного, связанного с более древней еще мезолитической традицией культуры охотников-собирателей, и другого, нового, прогрессивного, связанного с переходом к оседлому земледелию. Наличию первого архаического элемента, надо полагать, во многом способствовало сохранение большого значения охоты. Как показало специальное исследование, проведенное А. И. Шевченко, мясная пища обитателей Джейтуна складывалась из следующих компонентов: дикие животные (безоаровый козел, баран, джейран, сайга) — 61%, козы-овцы, возможно, с начальными признаками доместикации — 28,9% и неясные мелкокопытные — около 8% [6]. Видимо, не случайно значительная часть кремневых орудий и почти все костяные орудия, по заключению Г. Ф. Коробковой, связаны с обработкой шкур. Надо полагать, что выделанная кожа занимала важное место в быту обитателей Джейтуна, где ткачество, по-видимому, было еще в зачаточном состоянии, поскольку здесь

[5] См. В. М. Массон. Джейтунская культура; Г. Ф. Коробкова. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы Тр. ЮТАКЭ, т. X.

[6] А. И. Шевченко. К истории домашних животных Южного Туркменистана Тр. ЮТАКЭ, т. X.

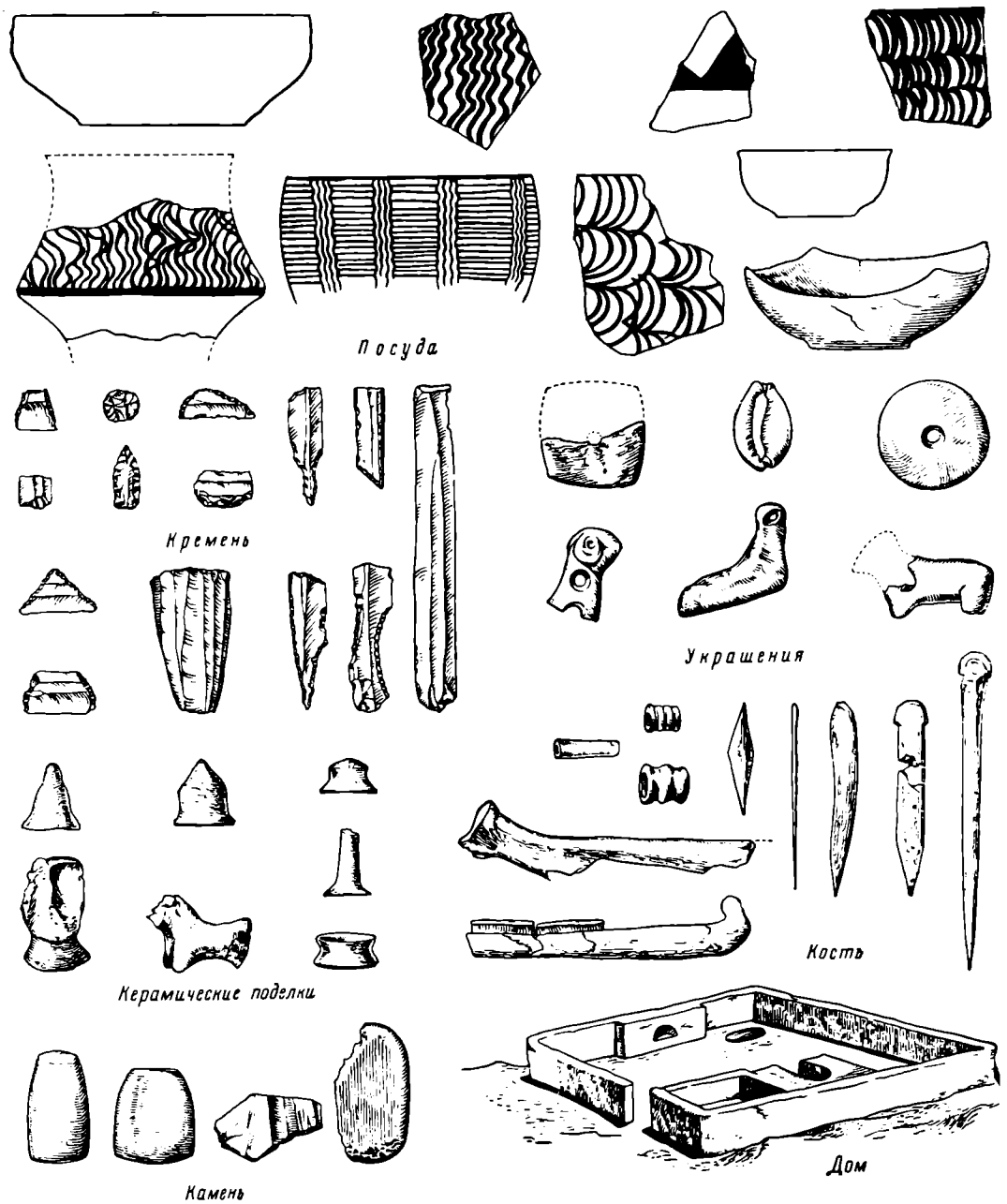


Рис. 3. Джейтунская культура. Сводная таблица

совершенно не встречаются характерные терракотовые напрясла, в изобилии находимые на поселениях времени Намазга I.

Архаический элемент материальной культуры Джейтуна ярко представлен кремневой индустрией, образующей как бы заключительную фазу кремневой индустрии прикаспийского мезолита (Дам-Дам-Чешме, Кайлю, Джебел, Хоту, Гари-Камарбанд). Здесь широко распространены мелкие симметричные трапеции, пластины с выемками, проколки. Особенно характерен большой набор различных скребков: боковые скребки на пластинах, редко встречающиеся скребки на отщепах, концевые скребки и наиболее многочисленные микролитические скребки разных форм, в том числе и очень своеобразные скребки в виде острия (рис. 3). Все скребки, по заключению Г. Ф. Коробковой, использовались для выделки шкур на разной стадии их обработки. С обработкой шкур связаны

и костяные изделия — проколки, иглы и сделанные из лопаток животных скребки для очистки кожи от мездры.

Вместе с тем новые черты сказались уже и в наборе кремневых орудий: значительная их часть являлась вкладышами для жатвенных ножей. Костяная основа такого жатвенного ножа была найдена на одном из памятников джейтунского типа. Видимо, в отдельных случаях такими вкладышами являлись и трапеции. Широко распространяются миниатюрные топорики и тесла из шлифованного камня, характерные для раннеземледельческих культур Сиро-Киликии (Джудейде, Мерсин) и Северного Ирака (Хассуна, Джармо). В 1959 г. на Джейтуне было найдено два таких тесла: одно — темно-зеленого, другое — светло-зеленого камня.

Но особенно характерно широкое употребление изделий из глины, преимущественно обожженной. Таковы, например, терракотовые поделки в виде конусов, усеченных конусов и т. п., скорее всего являвшиеся фишками для какой-то игры. Глиняные фигурки животных обычно не обжигались. Следует отметить найденную в 1959 г. в помещ. № 35 терракотовую человеческую головку, выполненную в условно плоскостной манере [7].

Посуда Джейтуна представляет собой одну из архаических ступеней гончарного производства. Показательно, что даже само количество посуды, находимой на Джейтуне, весьма невелико по сравнению с более поздними поселениями Южной Туркмении. Так, в 1959 г. на вскрытом участке джейтунского поселения, площадью около 1100 $м^2$, было найдено 1076 обломков сосудов, т. е. почти столько, сколько в одном из дворов Кара-Тепе времени Намазга III. В глиняное тесто посуды Джейтуна добавлен крупнорубленый саман. Количество форм весьма ограничено. Это — хумча с подкошенной придонной частью, чаши, кубковидные сосуды и весьма архаические по виду четырехугольные «салатницы», возможно подражающие каким-либо формам сосудов «докерамического» периода. Красновато-коричневая роспись наносилась на кремовый фон, причем расписывались преимущественно хумчи. Из находок 1959 г. 116 (или 10,7 %) фрагментов сосудов имели роспись.

В целом работы 1959 г. на Джейтуне существенно увеличили конкретный материал, которым мы располагаем для изучения одной из древнейших земледельческих культур на территории СССР. Эта культура, которую можно именовать джейтунской, является одним из звеньев того важнейшего исторического процесса перехода племен охотников-собирателей к оседлому земледелию и скотоводству, который в VI—V тысячелетиях до н. э. происходит на территории Ближнего Востока. Связи джейтунской культуры с другими раннеземледельческими культурами Ближнего Востока заслуживают специального рассмотрения. Отметим только, что новые материалы подтверждают указанное П. П. Ефименко сходство между расписной посудой из XXV слоя Мерсина и посудой из Джейтуна [8]. Полная публикация материалов Амука свидетельствует, что и здесь, в фазе «В», имеется сравнительно редкая группа расписной посуды, по гамме и мотивам (прямые и волнистые линии) почти идентичная джейтунской [9]. Отметим, однако, что в формах сосудов наблюдается существенное различие. Значение сходства посуды Джейтуна с древнейшей расписной керамикой сиро-киликийского неолита остается неясным, поскольку сходные комплексы пока не обнаружены ни в Ираке, ни в Иране.

[7] А. Я. Щетенко. Терракотовая головка с поселения Джейтун. ИАН ТуркмССР, 1960, № 4.

[8] П. П. Ефименко. Неолитический Мерсин. СА, 1959, № 1, стр. 286; J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, стр. 37, рис. 20, *1—10*.

[9] R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch. The Earlier Assemblages. Phasis A.-J., OIP, т. LXI, Chicago, 1960, стр. 81, рис. 55; табл. 80, *2*.

Если джейтунское поселение отражает архаическую ступень оседло-земледельческой культуры, то Кара-Тепе у Артыка раскрывает нам жизнь раннеземледельческих племен в период значительного подъема и совершенства. Это крупное поселение, площадью около 15 *га*, возникло еще в пору Намазга I и последовательно развивалось в пору Намазга II и раннего Намазга III. Слои последнего периода являются для Кара-Тепе наиболее верхними и датированы радиокарбоновым анализом 2750 (± 220) г. до н. э., что согласуется с датой для всего этапа Намазга III как конец IV—первая половина III тысячелетия до н. э., полученной на основании сравнительного археологического исследования. В 1955—1957 гг. на Кара-Тепе, наряду с изучением стратиграфии, было осуществлено вскрытие строений верхнего слоя в восточной части поселения на площади около 3000 *м*^{2}. Весной 1960 г. работы по раскопкам строений верхнего слоя были продолжены на раскопе № 3, и одновременно у юго-восточной окраины поселения был заложен новый раскоп — № 5.

Раскоп № 3, заложенный в 1956 г.[10], вскрыл части нескольких многокомнатных домов, которые состояли из крупных жилых комнат с небольшими обогревательными очагами в полу (типа современных среднеазиатских сандалов) и мелких хозяйственных отсеков и закромов. В 1960 г. была завершена расчистка помещ. № 26 и обнаружено восемь новых помещений (помещ. №№ 48—54). Среди них выделяется крупное помещение (№ 48), размером 5,75 × 4,55 *м*, бывшее скорее всего жилым. Около дверного проема найден каменный подпятник. С этим помещением узким проходом было связано помещ. № 50 (1,8 × 4,5 *м*), имевшее, надо полагать, подсобное назначение. Такое соединение жилой и хозяйственной комнат (причем в хозяйственную можно было попасть только через жилую) часто наблюдается в кара-тепинских домах. Вероятно, это было место обитания одной парной семьи и хранилище ее личного имущества, подобное тем отсекам, на которые делился длинный дом большесемейной общины ирокезов. Добавим, что площадь жилых комнат кара-тепинских домов почти такая же, как и площадь однокомнатных домов Джейтуна.

Раскопанные в 1960 г. узкие помещ. №№ 51, 52, 54 и 55, несомненно, принадлежат к числу хозяйственных. Напротив, в помещ. №№ 49 и 53 скорее можно видеть жилые комнаты, что уточнится после завершения раскопок.

Не вполне ясным остается характер помещ. № 26— крупной комнаты (6,1 × 7,9 *м*), подвергшейся перестройке, в ходе которой в ее северной части был отгорожен и образован узкий коридор. Средняя часть южной стены сохранила следы длительного воздействия огня, от которого покрывающая стену штукатурка сделалась красной. В заполнении помещения часто встречались крупные куски обгорелого дерева, в том числе части балок диаметром до 18 *см* (отсюда еще в 1956 г. были взяты образцы для радиокарбонового анализа). Хотя было бы соблазнительно видеть в этой комнате помещение какого-то особого назначения (напомним, что именно здесь в 1956 г. была найдена терракотовая головка «воина в шлеме»), но, скорее всего, здесь вскрыты следы пожара, постигшего одно из строений раскапываемого дома.

Под полом помещ. № 26 было расчищено погребение № 102, в котором скелет располагался с вытянутыми ногами, головой на северо-северо-запад, с руками, вытянутыми перед грудной клеткой. Левая рука касалась высокого каменного сосуда с небольшим сливом. Положение скелета совершенно необычно для кара-тепинских захоронений, в которых погребенные лежали с подогнутыми ногами.

[10] В. М. Массон. Изучение анауских культур в 1956 году. КСИИМК, вып. 73, 1959, стр. 74, рис. 23; И. Н. Хлопин. Верхний слой поселения Кара-депе. КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 42—47.

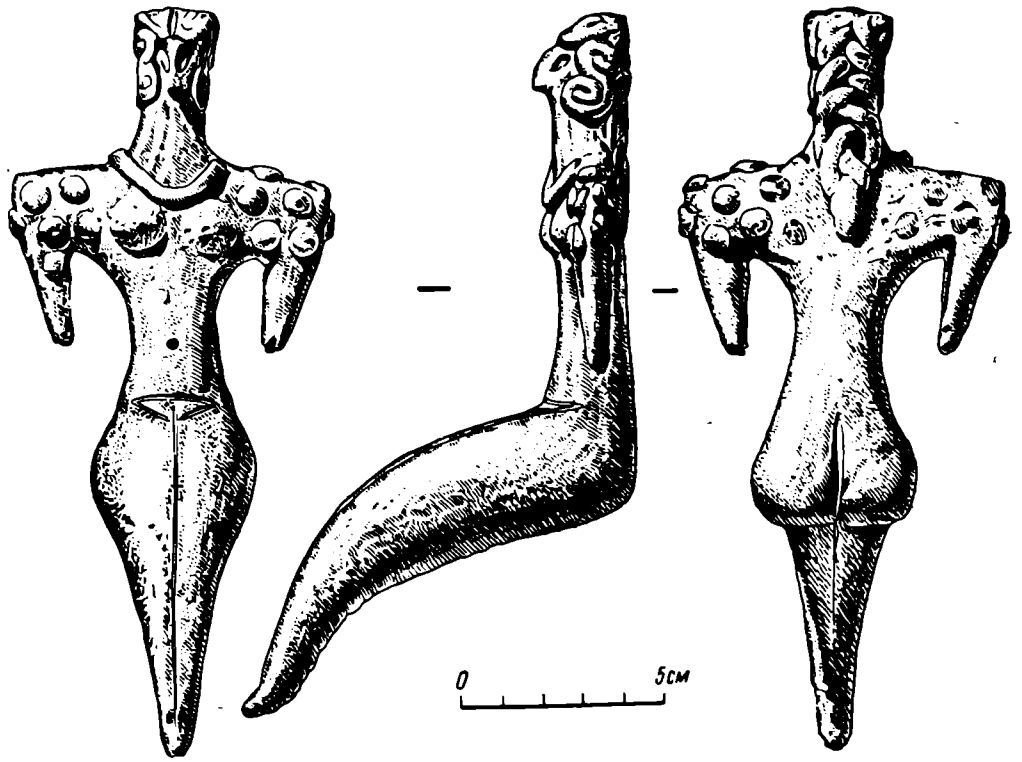


Рис. 4. Кара-Тепе. Женская статуэтка из погребения № 100

На раскопе № 3 во дворе III Б были расчищены остатки другого сильно разрушенного погребения № 100. Оно относится к периоду, когда находившиеся здесь дома уже пришли в запустение. К сожалению, то обстоятельство, что погребение находилось непосредственно под дерновым слоем, привело к сильному разрушению костей; это не позволило судить о положении скелета. Частично поврежденным известковой коркой оказался погребальный инвентарь, бывший, по кара-тепинским масштабам, довольно богатым. Здесь находилось восемь расписных сосудов, в том числе две миски с росписью дугами вдоль венчика, одна тарелка с росписью изнутри и пять глубоких чаш. На двух из них нарисованы птицы в сочетании с солярными кругами. Особый интерес представляет найденная здесь крупная терракотовая статуэтка сидящей женщины с прямыми подпрямоугольными плечами (рис. 4.) На ее спину спускается налепная коса, по бокам головы налеплены S-образные завитки (подвески?), наконец, на плечах и на спине помещены круглые налепы, окрашенные в красный цвет.

Возможно, к инвентарю этого погребения следует отнести и найденную поблизости нижнюю часть другой статуэтки, выполненной значительно более грубо и схематично.

Раскоп № 5 был заложен, как уже отмечалось выше, на юго-восточной окраине холма, но, к сожалению, и здесь не удалось обнаружить древнего края поселения, который в настоящее время полностью смыт. К современному краю холма выходят части помещений обычного многокомнатного дома. Для уточнения характера смыва культурных слоев раскоп № 5 был продолжен в виде траншеи, которая показала, что ниже по склону на современную дневную поверхность выходят слои позднего Намазга II и еще ниже — раннего Намазга II. В слоях раннего Намазга II расчищена часть стены из сырцового кирпича размером 47 (46,5) × 26(25) × 11 *см*. Среди найденной здесь посуды с двухцветной росписью выделяется фрагмент с изображением схематической челове-

ческой фигуры (рис. 5, *1*). Часть сосуда с идентичным, но лучше сохранившимся изображением была найдена в 1959 г. на поселении Ялангач-Тепе в геоксюрском оазисе. Кроме расписных сосудов, в слоях раннего Намазга II найдены красноангобированные и краснолощеные сосуды с примесью гипса в тесте (рис. 5, *11—13, 15*), венчики кухонных котлов с примесью гравия и гипса в тесте (рис. 5, *14*) и части толстостенных

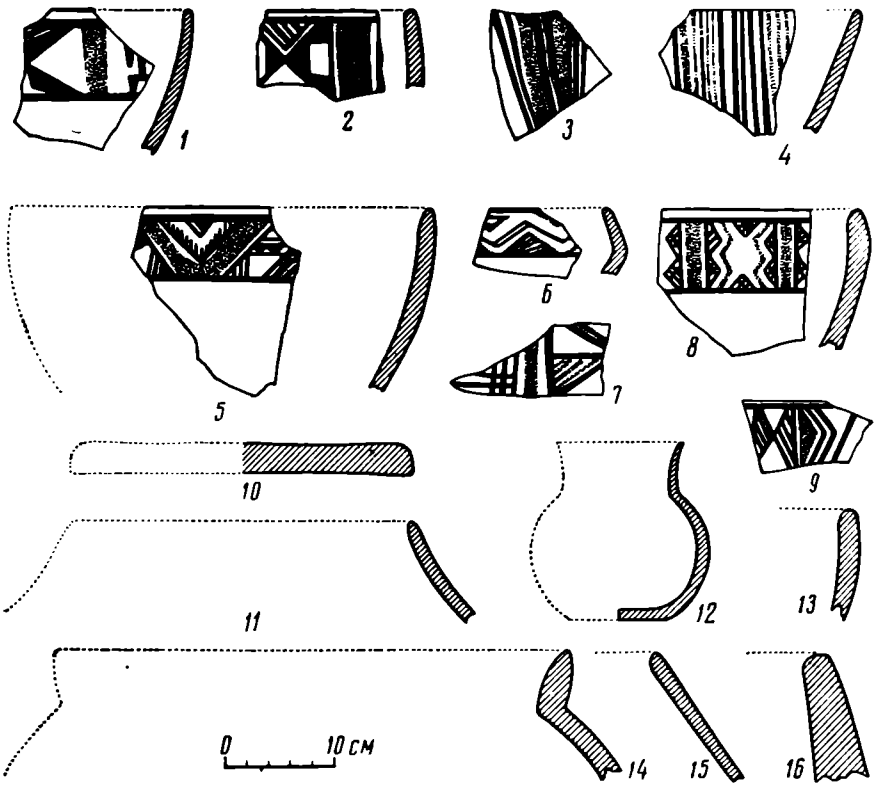


Рис. 5. Кара-Тепе. Керамика типа Намазга II

сосудов, преимущественно корчаг (рис. 5, *16*), с примесью крупнорубленого самана в тесте. Следующий подсчет количества обломков посуды дает представление о соотношении ее различных групп.

I. Расписная (18 %):

1. С полихромной росписью на светлом фоне	30 обломков
2. С монохромной росписью на светлом фоне	5 »
3. С монохромной росписью на красном фоне	25 »

II. Нерасписная (82 %)

1. Тонкостенная красноангобированная	15 обломков
2. Краснолощеная с гипсом в тесте	13 »
3. Кухонные котлы	87 »
4. Толстостенная с саманом в тесте	160 »

Ниже уровня с остатками здания времени раннего Намазга II залегали мусорные слои с посудой типа Намазга I. Вполне вероятно, что при продолжении раскопок ниже по склону удастся обнаружить остатки строений времени Намазга I.

Основные постройки, открытые на раскопе № 5, относятся ко времени Намазга III, как об этом можно судить по характерной расписной посуде с изображениями козлов, птиц и пятнистых животных (слой Кара I А — по стратиграфии Кара-Тепе). Эти постройки были возведены непосредственно на культурных слоях с посудой типа Кара I Б, украшенной характерной фризовой росписью с крупными геометрическими элементами. Эта

керамика в большом количестве встречается на территории «двора А» и «улицы», а ее фрагменты использованы при облицовке стен помещ. №№ 2, 3 и 4.

Весьма примечательна планировка построек, обнаруженных на этом раскопе (рис. 6). Значительную часть занимает незастроенный участок,

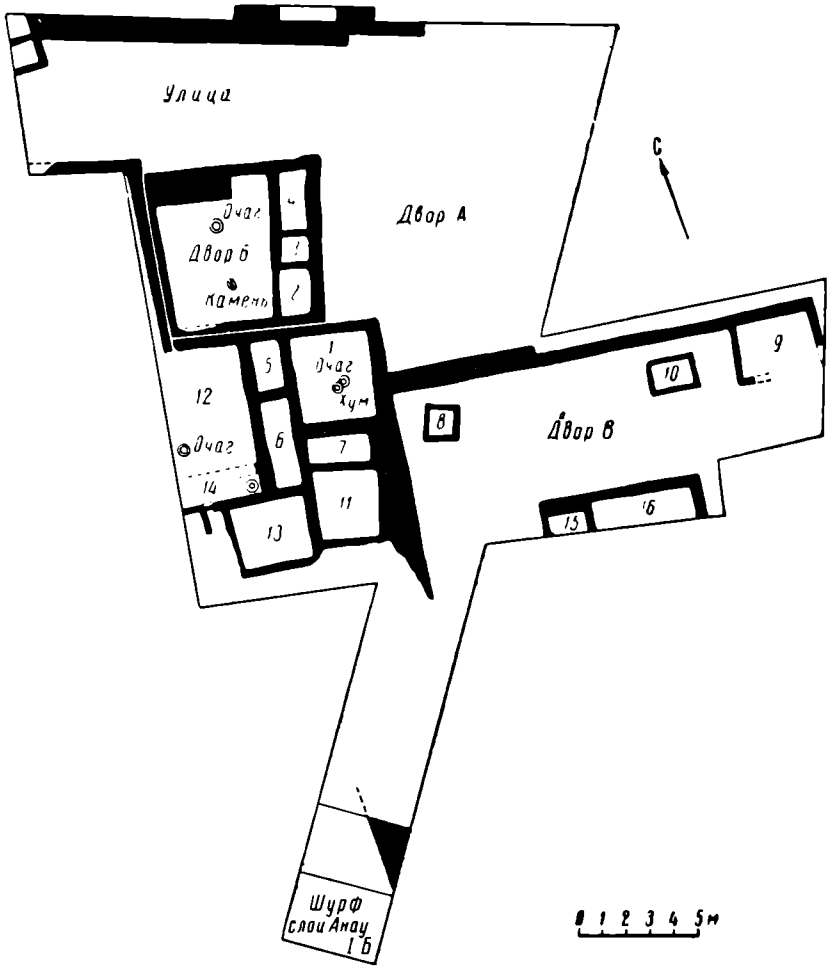


Рис. 6. Кара-Тепе. План раскопа № 5

обозначенный как «двор А», но, возможно, в древности являвшийся не двором, а чем-то вроде площади. Здесь культурный слой представлен рыхлыми натечно-надувными слоями, с большим количеством золы, углей, костей животных и посуды. На запад от этого двора отходит незастроенная полоса, шириной около 5 *м*, ограниченная с севера и с юга стенами домов и условно названная «улицей». Сам «двор А» на юге огражден сплошной стеной, за которой располагался участок, названный «двором В». Его заполнение отлично от заполнения «двора А»: здесь преобладают натечно-надувные слои с включением мелких материалов разрушения сырцового кирпича, рыхлой земли коричневого цвета и зеленоватых прослоек, образовавшихся в результате перегноя органического мусора. В этом дворе находились две отдельно стоящие небольшие постройки — помещ. №№ 8 и 10. Второе было заполнено плотным завалом обгоревшего докрасна сырцового кирпича, а в первом найдено три целых сосуда и два человеческих зуба, что, вполне вероятно, является остатками разрушенного погребения. В этой связи напрашивается вопрос: не имеем ли мы здесь остатков погребальных камер, находящихся внутри специально огороженного пространства, подобно тому, как это имело место на поселении Геоксюр? По общему плану

открытых построек это весьма вероятно [11], но до открытия на Кара-Тепе погребальных камер с сохранившимися внутри них захоронениями остается в известной мере гипотетичным. Правда, в пределах «двора В», к юго-востоку от помещ. № 10, было найдено погребение № 104, но оно не имело никаких следов обкладки из сырцового кирпича. Скелет лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на юг. Обе руки были согнуты в локтях, и кисти их лежали перед грудной клеткой. У тазовых костей стоял сосуд сферической формы, с росписью в виде двух горизонтальных полос, заполненных точками. В южной части раскопа «двора В», видимо, открыта часть обычного жилого дома (помещ. №№ 15 и 16). В западной части раскопа № 5 находились помещения, образующие часть многокомнатного дома, планировка которого весьма типична для верхнего слоя Кара-Тепе. Дом был построен из сырцового кирпича размером 48 (49) × 23 × 10 *см*. В нем мы вскрыли относительно большие помещения с обогревательными очагами (помещ. №№ 1, 12, «двор Б», названный так ошибочно, а в действительности являвшийся обычным жилым помещением). Рядом с ними располагались небольшие, обычно узкие подсобные помещения и закрома (помещ. №№ 2—5, 14, 16). При этом, например, помещ. № 11 и помещ. № 14, в углу которого находился хум, надо полагать, образовывали уже отмечавшееся выше сочетание жилой комнаты, принадлежавшей одной семье, и тяготевшей к этой комнате подсобной постройки. Особый интерес представляет комплекс, образованный «двором Б» и помещ. №№ 2, 3 и 4. Как можно видеть по плану, этот комплекс был пристроен позднее к уже существовавшему многокомнатному дому. В частности, уровень пола во «дворе Б» на 0,4 *м* выше первоначального пола в помещ. № 1. Между тем легко заметить, что помещения, входящие в эту постройку, весьма характерны по своему составу. Это прежде всего большое жилое помещение «двор Б» с очагом, сделанным из врытой в пол горловины хума, и три хозяйственных постройки типа закромов со стенами и полом, облицованными обломками сосудов (помещ. №№ 2, 3 и 4). Можно считать наиболее вероятным, что эта постройка была сделана еще для одной семьи, на которую, видимо, увеличилась семейная община, обитавшая в этом доме.

При раскопках описанных выше строений было обнаружено значительное количество различных предметов, существенно пополнивших богатую кара-тепинскую коллекцию. Так, помимо названной выше эффектной женской статуэтки из погребения № 100, были найдены еще три терракотовые женские фигурки. Следует отметить целые и фрагментированные сосуды, выточенные из мягкого розоватого камня, терракотовые конические напрясла, медное изделие в виде палочки с утолщением на одной стороне и лопаточкой на другой — тип, весьма характерный для комплекса Намазга III. Но особенно значительна коллекция фрагментов посуды, среди которой свыше 20% составляют обломки сосудов со следами росписи. Часто, как в погребениях, так и в заброшенных помещениях, встречались целые сосуды. Общее количество фрагментов посуды, обнаруженных на раскопе № 5, может быть объединено в нижеследующую таблицу.

Следует, однако, оговориться, что эти подсчеты характеризуют состав культурного слоя и лишь косвенным образом выражают соотношение различных видов керамических изделий в быту обитателей Кара-Тепе.

Среди посуды, относящейся к комплексу типа Намазга III, следует выделить более раннюю группу (типа слоя Кара I Б) и более позднюю (типа слоя Кара I А). Первая из них образует как бы переходный этап от комплекса Намазга II к комплексу Намазга III. Значительное количество этой посуды происходит со «двора А» раскопа № 5, где, видимо,

[11] План см. В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Тр. ЮТАКЭ, т. X.

Таблица

Раскапываемый участок	Расписная посуда				Нерасписная посуда		
	с геометрическим орнаментом	с изображениями			серая	котлы	толстостенная
		барсов	козлов	птиц			
Помещ. №1	137	3	4	2	9	185	495
Помещ. №2	45	—	—	—	—	32	179
Помещ. №3	14	—	—	—	—	7	23
Помещ. №4	13	—	—	—	—	8	122
Помещ. №5	34	2	2	—	—	15	102
Помещ. №6	63	3	2	—	—	25	52
Помещ. №7	42	—	—	—	—	58	55
Помещ. №8	1	—	—	—	2	—	—
Помещ. №10	14	—	2	—	—	7	17
Помещ. №11	35	—	1	3	13	19	103
Помещ. №12	100	—	1	2	9	23	129
Помещ. №13	15	—	3	—	2	5	49
Помещ. №14	31	—	—	1	1	18	67
«Двор А»	681	1	3	2	24	657	2277
«Двор Б»	258	—	9	4	—	253	962
«Двор В»	205	9	10	3	38	200	735
Улица	124	—	5	1	3	34	326
Всего в фрагментах	1812	18	42	18	101	1546	5693
Всего в %	19,8	0,2	0,45	0,2	1,1	16,7	61,55

находилась в пору Кара I Б мусорная свалка. В росписи обнаруженных здесь сосудов еще не встречаются изображения пятнистых животных. Весьма своеобразен геометрический орнамент, образованный из четких крупных элементов и еще лишенный той дробности и пестроты, которые характеризуют роспись посуды типа Кара I А. Для расписной посуды Кара I Б отметим такие типичные мотивы, как пирамида из трех треугольников (рис. 7, *18, 20*) и ромбы или части их с зубчатыми краями и косой или сетчатой штриховкой внутри (рис. 7, *9—11, 17*). Отмечается влияние росписи так называемого геоксюрского стиля, характерного для восточной группы раннеземледельческих поселений Южного Туркменистана. Таков, например, мотив из соединенных вершинами треугольников с фигурой полукреста в каждом из них (рис. 7, *15*). Влиянием восточных поселений можно объяснять и появление такого мотива, как крупный крест, вписанный в ромб (рис. 8, *5*). По сути дела, и упомянутые выше ромбы с зубчатыми краями восходят к мотивам росписи геоксюрского стиля [12]. С другой стороны, в росписи посуды типа Кара I Б имеются и фигуры крестов, типичные для росписи сосудов типа Намазга II (рис. 8, *8, 7, 5*).

Среди найденной в 1960 г. посуды типа Кара I А следует прежде всего отметить сосуды и их фрагменты с изображениями животных. Таковы рисунки пятнистых животных — барсов, помещаемые обычно на глубоких полусферических чашах (рис. 9, *5, 6*). Можно указать на такие сравнительно редкие варианты, как изображение рядом с барсами фигур птиц (рис. 9, *1*) и солярного круга или спирали (рис. 9, *4*). Особый интерес представляет чаша (к сожалению, сохранившаяся не полностью), где во фризе помещены четыре фигуры барса, выполненные в своеобразной, как бы угловатой манере (рис. 9, *7*). Над барсами в одном случае нарисованы фигурки козлов, в другом — небольшие пирамидки. Следует отметить, что

[12] В. И. Сарианиди. Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр. КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 53, рис. 20, *9*. Возможно, что имелся и какой-то общий источник, повлиявший на появление сходных элементов росписи в одно и то же время и на Кара-Тепе, и на Геоксюре.

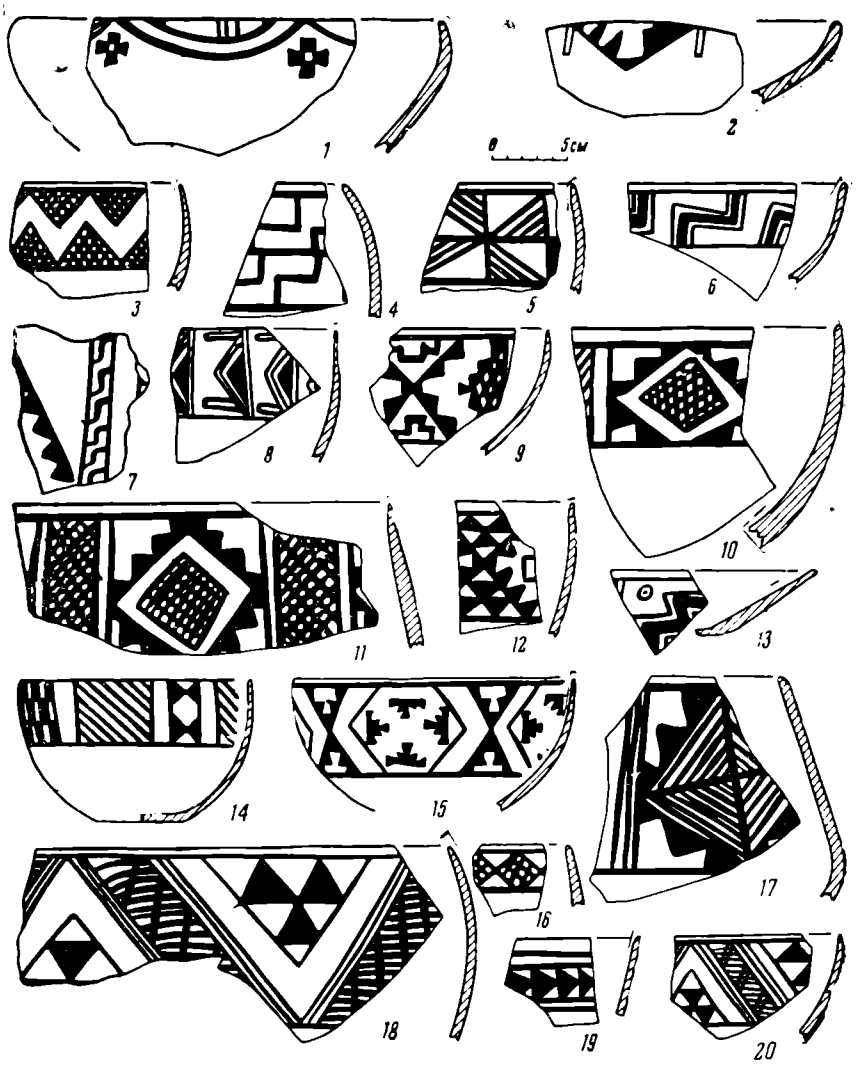


Рис. 7. Кара-Тепе. Керамика типа Намазга III

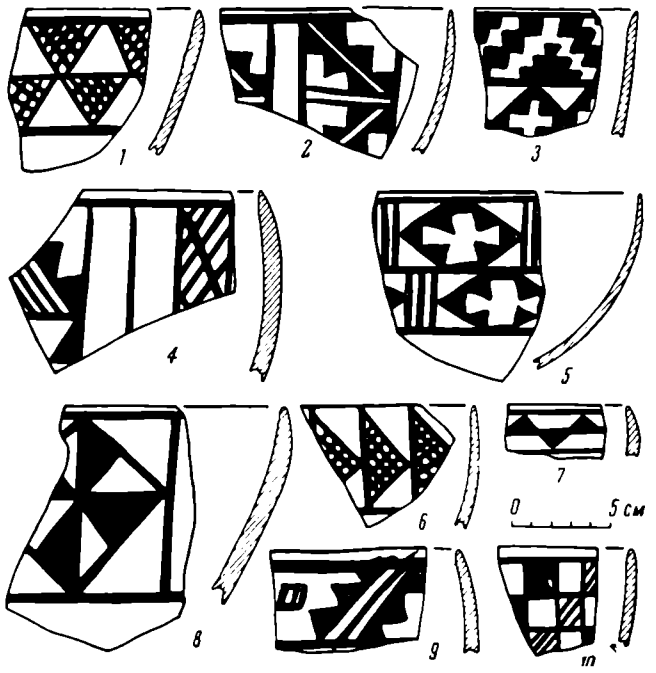


Рис. 8. Кара-Тепе. Керамика типа Намазга III

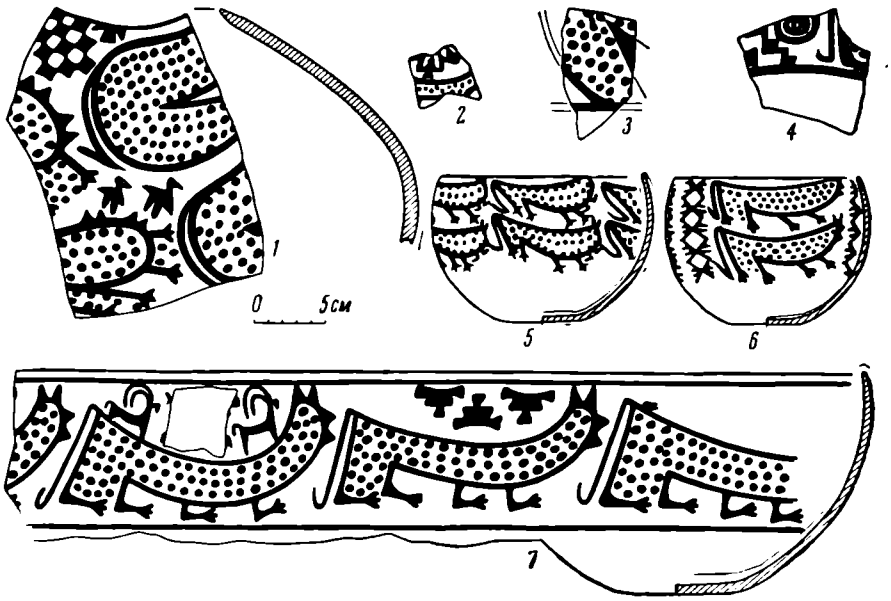


Рис. 9. Кара-Тепе. Керамика с изображениями барсов

в Южном Туркменистане фигуры барсов довольно быстро схематизируются и, возможно, сосуд с двумя поясами, заполненными крупными точками (рис. 10, *16*) является образцом такой схематизации.

Из композиций, включающих рисунки козлов, для Кара-Тепе наиболее типичны чаши с фризами, где козлы разделены геометрическим орнаментом (рис. 10, *5*, *6*). Очень редко встречаются рисунки козлов, лишенные разделяющих фигур (рис. 10, *1*, *3*). На внутренней стороне одной из мисок была нарисована угловатая фигура сидящего человека (рис. 10, *12*), по стилю выполнения близкая ранее найденному на Кара-Тепе рисунку человеческой фигуры на фрагменте сосуда [13]. Наконец, весьма примечательным является мотив двух соединенных вершинами треугольников с парой спиралей у основания этих треугольников (рис. 10, *14*).

Сосуды с идентичной росписью известны нам из Южного Белуджистана [14]. Детальный разбор расписной посуды, найденной на Кара-Тепе, несомненно, позволит широко осветить ее место в ряду одновременных комплексов расписных сосудов Ирана, Афганистана и Индии.

Обращаясь к общей характеристике результатов раскопок на Джейтуне и Кара-Тепе, необходимо прежде всего отметить большое значение установления типов планировки этих поселений. Установление эволюции жилых домов выдвигалось в 1955 г. как одна из основных задач изучения раннеземледельческих поселений Южного Туркменистана [15]. В настоящее время широкие раскопки разновременных памятников намечают в этом отношении достаточно яркую картину. Обратимся к ее конкретной характеристике.

Наиболее раннее из раскопанных поселений, Джейтун, дает и наиболее архаичную планировку строений, лежащую в основе последующих планировок. Это поселение состоит из стандартных однокомнатных домов, площадью преимущественно от 20 до 30 $м^2$, хотя встречаются и более мелкие (площадью в 13 и 17 $м^2$) и более крупные (площадью до 40 $м^2$)

[13] В. М. Массон. О культе женского божества у анаусских племен. КСИИМК, вып. 73, 1959, стр. 15, рис. 1.

[14] J. Marshall and oth. Mohenjo-daro and the Indus Civilization, т. II, London, 1931, стр. 293; т. III, табл. XCIII, 9SB, 10 SB.

[15] В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе, стр. 144.

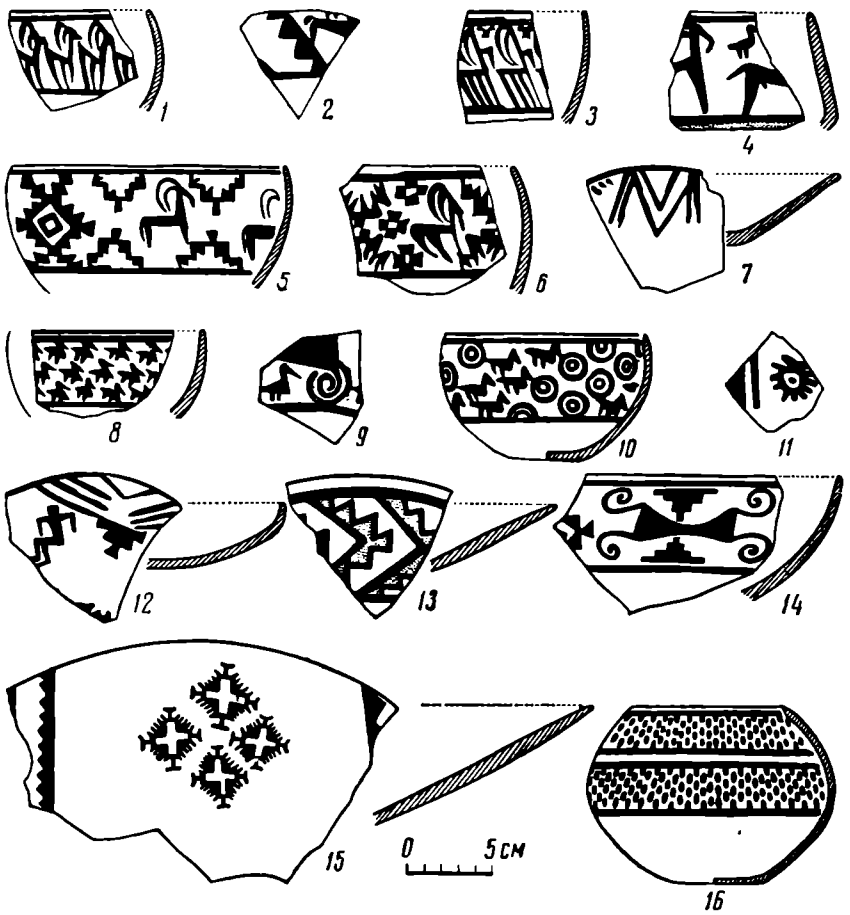


Рис. 10. Кара-Тепе. Керамика типа Намазга III

строения. Всего на вскрытой части поселения отмечены остатки 21 подобного дома, а всего на Джейтуне их число достигало по крайней мере 35. Судя по размерам домов, каждый из них был местом обитания парной семьи, из которых и состоял родовой поселок с населением около 200 человек [16]. Для нас важно отметить, что родовой поселок в целом в данном случае состоял именно из парных семей, обитавших в небольших однокомнатных домах.

Позднее на территории Южного Туркменистана мы наблюдаем довольно стойкое сохранение этого планировочного принципа. Так, на поселении Дашлыджи-Тепе, относящемся ко времени Намазга I, было вскрыто три строительных горизонта, причем принцип планировки всех трех оказался одинаков [17]. Поселок состоял из шести или восьми хозяйственно-жилых комплексов, каждый из которых заключал один небольшой однокомнатный жилой дом с прямоугольным очагом в одном из углов и расположенный перед домом дворик с подсобными строениями и клетушками (рис. 11). Таким образом, и здесь, как и на Джейтуне, поселение объединяло несколько парных семей, каждая из которых жила в отдельном доме.

---

[16] Если исходить из того, что численность семьи в колониальных странах в среднем пять человек. Ту же цифру дает и подсчет состава семьи в Шумере III тысячелетия до н. э. См. И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, стр. 20.

[17] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. X.

Поселение Дашлыджи-Тепе принадлежит к числу памятников геоксюрского оазиса поры энеолита, и именно в этом оазисе были раскопаны поселения, рисующие картину дальнейшей эволюции жилой архитектуры раннеземледельческих племен. Здесь ко времени раннего Намазга II относятся такие сравнительно небольшие поселения, как Ялангач-Тепе и Муллали-Тепе [18]. Эти поселки, охваченные по периметру обводной стеной из сырцового кирпича, также состояли из однокомнатных жилых

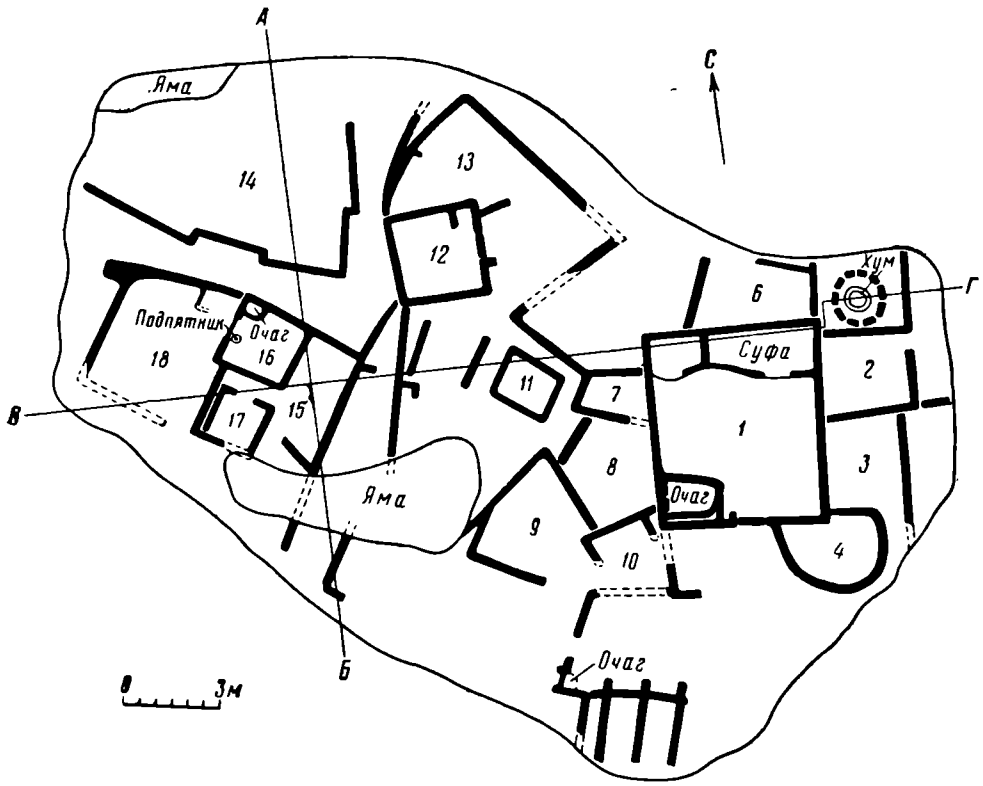


Рис. 11. Дашлыджи-Тепе. План поселения

домов того же типа, что и на Дашлыджи-Тепе. Здесь, однако, отмечается тенденция к их слиянию в один большой многокомнатный дом. Особенно ярко это заметно по постройкам второго слоя Ялангач-Тепе, где два однокомнатных дома с очагами в углу построены впритык друг к другу.

Эта тенденция получает свое завершение в пору позднего Намазга II, когда появляются большие дома, сразу возводимые как многокомнатные массивы, отделяемые друг от друга узкими проходами-улочками. Таковы дома, частично вскрытые в стратиграфическом раскопе на Кара-Тепе [19] и дома верхнего слоя поселения Геоксюр [20]. Аналогична и застройка Кара-Тепе у Артыка времени Намазга III (рис. 12). Выше были описаны части таких многокомнатных домов, вскрытые при работах 1960 г.

Такой дом состоял из нескольких больших комнат, обычно с отопительными очагами в полу, типа современных среднеазиатских сандалов. Эти комнаты следует считать жилыми. Кроме того, имелось большое число мелких комнат, являвшихся скорее всего подсобными помещениями и закромами. На это указывает облицовка стен и пола некоторых из них фрагментами сосудов, а также находка зерен пшеницы в подобном помещении одного из геоксюрских домов. В тех случаях, когда это удава-

[18] И. Н. Хлопин. Раскопки Ялангач-депе и Муллали-депе. Древности Теджен-Мургабского междуречья, вып. I, Ашхабад, 1962.

[19] В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе, стр. 149, рис. 6.

[20] В. И. Сарианиди. Раскопки жилых комплексов...; его же. Энеолитическое поселение Геоксюр. Тр. ЮТАКЭ, т. X.

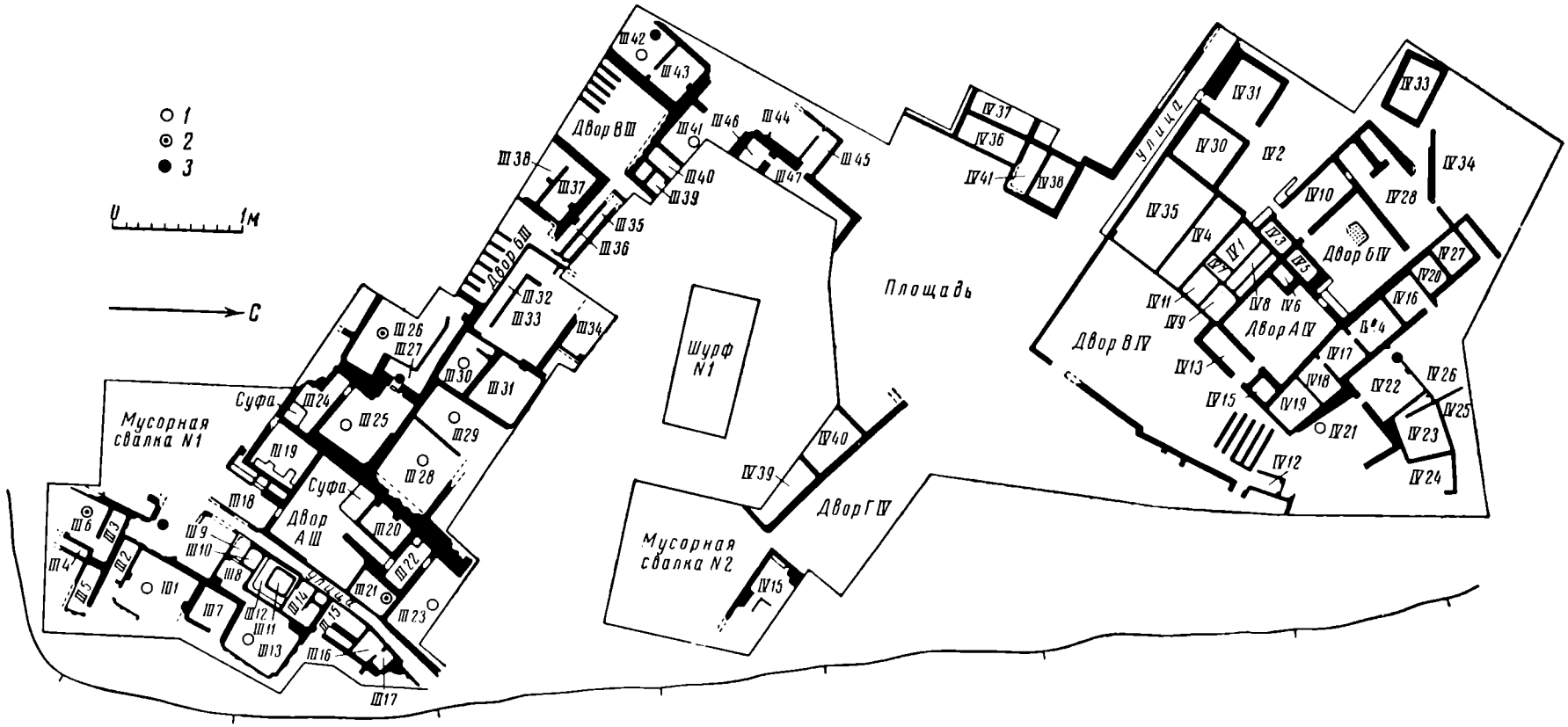


Рис. 12. Кара-Тепе. Общий план раскопок 1956—1957 гг.

лось, мы проследили, что эти дома имели одну общую кухню и большой хозяйственный двор, общий для всего этого дома (Кара-Тепе, «двор В → → IV). Все это позволяет заключить, что подобные дома являлись жилищем большесемейной общины, состоящей из нескольких родственных между собой парных семей, объединенных под одной крышей и ведших, судя по всему, общее хозяйство. Поселок древних земледельцев состоял не из однокомнатных домов парных семей, а из больших многокомнатных жилых массивов, принадлежавших большесемейным общинам. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что если на Джейтуне основной ячейкой общества еще был род, скорее всего материнский, то теперь общество состояло из хозяйственно самостоятельных семейных общин, на которые, видимо, и распадался каждый род, если считать селение вроде Кара-Тепе местом обитания одного рода. Именно такая семейная община постепенно перерастает в большую патриархальную семью, что знаменует дальнейший распад родовой организации. Изучение этого процесса на археологическом материале раннеземледельческих племен требует еще дальнейших усилий.

Нарисованная выше эволюция жилых строений у ранних земледельцев Южного Туркменистана дает лишь общее представление о ходе этого процесса. Нам, например, неизвестна пока планировка крупных поселений типа Кара-Тепе в пору Намазга I и раннего Намазга II. И Дашлыджи-Тепе, и Муллали-Тепе, и Ялангач-Тепе — все это сравнительно небольшие поселения, и не исключена возможность того, что их планировка по сравнению с крупными поселениями носила несколько иной характер.

Необходимо также оговориться, что едва ли следует точно синхронизировать появление больших многокомнатных домов и выделение в родовой организации больших семейных общин. Скорее следует ожидать, что изменения в архитектуре имели место уже после изменений в общественном укладе и тип жилых домов был приспособлен к новым потребностям. В этой связи вполне вероятно, что такие небольшие поселения раннего Намазга II, как Муллали-Тепе и Ялангач-Тепе, служившие местом проживания семи — десяти парных семей, являлись не родовым поселком, а местом обитания одной большесемейной общины, которая пользовалась еще традиционными однокомнатными домами.

Есть основания полагать, что тенденция к замене однокомнатных домов большими, многокомнатными окажется закономерностью, охватывавшей не одни лишь раннеземледельческие племена Южного Туркменистана. К сожалению, западноевропейские и американские археологи, раскапывающие древнейшие поселения Ближнего Востока, как правило, больше внимания уделяют эволюции расписной посуды и вопросам стратиграфии, чем изучению типа домов и хозяйства племен, оставивших эффектные раскрашенные сосуды. Однако в ряде случаев планировка древних строений была прослежена с большей или меньшей достоверностью.

Так, широко известен целый ряд поселений, состоявших из больших многокомнатных домов. Таковы, например, дома Тепе-Сиалк [21] и Тали-Бакуна [22], убейдские комплексы Гавры [23], все относящиеся к IV тысячелетию до н. э. Между тем раскопки последних лет показывают, что подобная застройка поселений отнюдь не была неизменной для всех периодов истории ранних земледельцев Ближнего Востока. Недавние раскопки слоев докерамического неолита Иерихона, относящегося по крайней мере

---

[21] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan, т. I, Paris, 1939, табл. LX—LXI.

[22] A. Langsdorff, D. Mc Cown. Tall-i-Bakun A. Season of 1932, Chicago, 1942, рис. 4. Этот памятник Э. Херцфельд называл персепольским поселением и ошибочно относил к концу неолита.

[23] A. J. Tobler. Excavations at Tepe Gawra, т. II, Philadelphia, 1950, табл. XV—XX.

к VII—VI тысячелетиям до н. э., показали, что здесь тип жилых строений был принципиально иным. В наиболее ранних слоях (так называемый Pre-Pottery Neolithic A) раскопаны овальные дома, строившиеся слегка углубленными в землю, как показывают ведущие в них ступени. Эти дома, диаметром около 6—7 *м*, не имели внутренних перегородок и по своим размерам представляют собой близкую аналогию однокомнатным домам Джейтуна [24]. В более позднее время (Pre-Pottery Neolithic B) были распространены прямоугольные жилые комнаты, размером около 6,5 × 4 *м* и 7 × 3 *м*, с полом, покрытым известковой штукатуркой, окрашенной (как в Джейтуне!) в красный или кремовый цвет. Рядом находились небольшие комнатки, определяемые К. Кеньон как хозяйственные постройки [25].

Далее, если мы обратимся к древнейшим домам Южной Месопотамии, то и здесь мы находим достаточно примечательную картину. В Эриду, где открыты древнейшие для Шумера слои оседлоземледельческого поселения, наиболее ранние постройки (Эриду XVI и Эриду XVII) представляют собой небольшие однокомнатные дома, которые, судя по ряду признаков, скорее всего являются простейшими святилищами [26]. Добавим, что по своим размерам и ориентировке эти строения Эриду весьма близки однокомнатным зданиям Муллали-Тепе, Ялангач-Тепе и Акча-Тепе в Геоксюрском оазисе, с полным основанием определяемым как общественные сооружения [27]. Сам характер этих древнейших построек Эриду позволяет предполагать, что они, подобно названным поселениям Геоксюрского оазиса, повторяют тип жилых домов, бывших также небольшими однокомнатными сооружениями. Эриду, эта древнейшая оседло-земледельческая культура Шумера, своим происхождением скорее всего обязана колонизации в V тысячелетии до н. э. Южной Месопотамии племенами, происходящими из Юго-Западного Ирана [28]. В Северной Месопотамии в этом тысячелетии получили развитие такие комплексы, как Хассуна, а затем Халаф.

Здесь, на севере, значительный материал для изучения планировки поселений доставляют раскопки Хассуны [29]. В поздних слоях Хассуны (III—V) вскрыты, без сомнения, остатки больших многокомнатных домов, построенных первоначально именно как большие жилые массивы. Вместе с тем планировка строений слоя I «в» дает нам как будто иную картину. На вскрытом участке прослеживаются остатки двух небольших однокомнатных домов с примыкающими к ним хозяйственными постройками и отсеками. Если обратиться к южнотуркменистанским материалам, эта планировка близка планировке поселения Джейтун или скорее Дашлыджи-Тепе. Постройки Хассуны слоя II представляют собой, как нам кажется, нечто вроде переходного этапа к застройке поселения заранее спланированными многокомнатными домами. В этой связи нельзя не высказать сожаления об отсутствии в литературе публикаций планов раскопок такого раннего поселения Северного Ирака, как Джармо (по изданным фотографиям и схеме-реконструкции зданий трудно судить, с каким именно типом строений мы имеем дело в данном случае).

---

[24] K. Kenyon. Earliest Jericho. «Antiquity», 1959, № 129, стр. 6—7.

[25] K. Kenyon. Digging up Jericho. New York, 1957, стр. 53—55, рис. 5.

[26] S. Lloyd and F. Safar. Eridu. A Preliminary Communications on the Second Season's Excavations, 1947—48. Summer, IV, № 2, 1948, стр. 121; табл. VI.

[27] И. Н. Хлопин. Раскопки Ялангач-депе...

[28] Старую точку зрения о происхождении Убейда, предшественником которого, несомненно, является Эриду из Ирана, см. D. McCown. The Comparative Stratigraphy of Early Iran. Chicago, 1942, стр. 36—39. A. Perkins. Relative Chronology of Mesopotamia. В кн.: R. Ehrich. Relative Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1954, стр. 45. Предположение Р. Брейдвуда о появлении в Шумере Убейда в результате продвижения с севера носителей халафской культуры (см. R. J. Braidwood. The Near East and the Foundations for Civilization, Oregon, 1952, стр. 36) не может быть подтверждено конкретными археологическими материалами.

[29] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. JNES, т. IV, N 4, 1945.

Поскольку слой V Хассуны датирован радиокарбоновым анализом 5090 (±200) г. до н. э. [30], можно заключить, что в Северном Ираке весьма рано произошло сложение большесемейных общин, опередив в этом отношении не только такие отдаленные районы, как Южный Туркменистан, но, судя по раскопкам Эриду, и область позднейшего Шумера. Следует отметить, что это «отставание» южнотуркменистанской группы раннеземледельческих племен, все увеличивающееся по мере развития месопотамских общин, проявляется уже на такой ранней стадии, как джейтунская культура.

Приведенный выше фактический материал свидетельствует о необходимости внимательного и пристального изучения типов жилых домов раннеземледельческих племен. Возможно, при этом могут быть установлены закономерности общественного развития, имеющие не локальный, а всеобщий характер. Можно напомнить, что в Новом Свете у оседлоземледельческих племен пуэбло знаменитым многокомнатным домам предшествуют так называемые однокамерные дома-землянки (период Basket Maker III или Post Basket Makers). В Перу этапы развития, отраженные в археологии, имеют много общего с Месопотамией; в пору культуры докерамического неолита (Уака-Приета, радиокарбоновая дата 2350 г. до н. э. ± 230) древнейшие земледельцы жили в небольших однокамерных полуземлянках, где стены были обложены камнем или сырцовым кирпичом [31]. Этот вопрос, однако, требует более подробного и специального рассмотрения.

---

[30] R. J. Braidwood. Near Eastern Prehistory Science, т. 127, № 3312, 20 June 1958, стр. 1426.

[31] W. C. Bennett, J. B. Bird. Andean Culture History. New York, 1949, стр. 120—121; J. A. Mason. The Ancient Civilizations of Peru. 1957 стр. 33

Р. М. МУНЧАЕВ

ПАМЯТНИКИ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

(Из результатов работ Северо-Кавказской экспедиции)

Чечено-Ингушетия является одной из наименее исследованных в археологическом отношении областей Кавказа. Крайне слабо изучена восточная часть ЧИАССР, т. е. территория собственно Чечни. Все данные по археологии Чечни вплоть до недавнего времени ограничивались небольшим кругом памятников, исследованных преимущественно в предвоенные годы экспедициями под руководством покойного А. П. Круглова. Это почти исключительно могильники. Самыми ранними из них являлись несколько могильников конца II — начала I тысячелетия до н. э. в Веденском районе, в том числе Хорочоевский могильник, давший вместе с Каякентским могильником в Дагестане наименование позднебронзовой культуре Северо-Восточного Кавказа (каякентско-хорочоевская культура) [1].

Следующий этап культурно-исторического развития края характеризовался памятниками VI—V вв. до н. э., в частности, курганами в урочище Ани-Ирзо и Байси-Ирзо в Урус-Мартановском районе (раскопки Г. А. Вертепова в 1900 и 1901 гг.) [2] и могильником Исти-Су, исследованном А. П. Кругловым в 1939 г. [3]

Из памятников более позднего времени следует отметить позднесарматский могильник Алхан-Кала близ станицы Ермоловской, в районе г. Грозного (раскопки А. А. Бобринского) [4], и катакомбный могильник VIII—IX вв. у сел. Дуба-Юрт, Шалинского района (раскопки А. П. Круглова в 1936—1939 гг.) [5]. Этим, пожалуй, исчерпывается весь список памятников на территории Чечни, открытых и в разной степени исследованных до начала работ Северо-Кавказской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, проводимой совместно с Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы и Чечено-Ингушским Республиканским музеем краеведения под руководством Е. И. Крупнова [6].

---

[1] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, 1957, стр. 51 сл.

[2] ОАК за 1900 г., стр. 54—60; ОАК за 1910 г., стр. 86—92.

[3] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 20—101.

[4] Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и катакомбные памятники сарматского времени на Северном Кавказе. Автореферат канд. диссертации, Л., 1956.

[5] А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Зап. Чечено-Ингушского научно-исследоват. института языка и истории, вып. I, Грозный, 1938.

[6] В фондах Республиканского краеведческого музея в г. Грозном, кроме того, хранится подъемный материал из сборов разных лет Т. М. Минаевой, Н. И. Штанько и М. П. Севастьянова с ряда древних поселений и раннесредневековых городищ и могильников. См. Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.

Учитывая слабую изученность Чечни в археологическом отношении, начиная с 1958 г. Северо-Кавказская экспедиция сосредоточила свои основные работы на этой территории [7].

Предполагая проведение больших исследовательских работ на территории Чечено-Ингушской АССР, коллектив экспедиции поставил перед собой задачу выявить, собрать и детально изучить все виды исторических источников для решения основных проблем, освещающих происхождение, этапы истории и сложение культуры чеченцев и ингушей с древнейших времен до позднего средневековья [8].

Работы экспедиции за последние годы благодаря широко и серьезно поставленным стационарным исследованиям ознаменовались открытием в ЧИАССР (главным образом на территории собственно Чечни) целого ряда важных памятников материальной культуры края, начиная от эпохи палеолита и кончая поздним средневековьем.

Среди них впервые открытые в ЧИАССР местонахождения кремневых орудий палеолитической эпохи в Веденском и Назрановском районах [9], Гатынкалинский могильник эпохи бронзы в Советском районе [10], двухслойное поселение (эпохи энеолита и раннего железного века) у сел. Сержень-Юрт, Шалинского района [11], курганы с погребениями III—II тысячелетий до н. э. у станицы Мекенской на Тереке [12], Бамутский курганный могильник эпохи меди и бронзы и позднесредневекового периода в Ачхой-Мартановском районе и целый ряд других памятников.

В настоящей статье мы ставим своей целью ввести в научный оборот некоторые из отмеченных памятников, в частности материалы из раскопок Серженюртовского поселения в 1958—1959 гг. и Бамутского курганного могильника, исследованного в 1958—1961 гг.

Серженюртовское поселение — это первый бытовой памятник, подвергнутый стационарным раскопкам на территории Чечни. Оно находится примерно в 1 *км* к юго-западу от сел. Сержень-Юрт [13]. Поселение расположено на высоком холмообразном возвышении, имеющем уплощенную вершину эллипсоидной формы, ориентированную по направлению северо-востоко-восток — юго-запад-запад. Длина плоской вершины холма по оси запад — восток составляет около 120 *м*, ширина (север — юг) — 65 *м*. Склоны холма почти отвесные со всех сторон. Сред-

[7] До 1958 г. в течение нескольких полевых сезонов Северо-Кавказская экспедиция проводила свои основные работы на территории Ингушетии, в частности, в Ассинском ущелье, где были полностью раскопаны Луговое поселение III тысячелетия до н. э. и одноименный могильник скифского времени (VI—V вв. до н. э.). См. Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 95—100; его же. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 155—163; его же. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 97—110; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961; его же. Археологические исследования в Ассинском ущелье в 1956 г. Изв. Чечено-Ингушского Республиканского краеведческого музея, вып. 10, Грозный, 1961, стр. 73—94.

[8] Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники..., стр. 25.

[9] Открыты отрядами Северо-Кавказской экспедиции 1961 г. под руководством В. И. Марковина и В. П. Любина.

[10] Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа, стр. 97—98; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). МИА, № 93, 1960, стр. 129—131; В. И. Марковин и В. А. Кузнецов. Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуни в 1956 г. Изв. Чечено-Ингушского Республиканского краеведческого музея, вып. 10, стр. 107—111.

[11] Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники..., стр. 27—31.

[12] В 1956 г. раскопки курганов у ст. Мекенской провел Е. И. Крупнов (см. Е. И. Крупнов. Мекенские курганы. Изв. Чечено-Ингушского Республиканского краеведческого музея, вып. 10, стр. 53—72), а в 1959 г.— Н. Я. Мерперт.

[13] В окрестностях с. Сержень-Юрта имеется еще ряд древних поселений. В частности, одно из них, находящееся на горной террасе, в 0,8—1 *км* к юго-западо-западу от села, обследовано нами в 1958 г., а второе, расположенное в самой непосредственной близости от описываемого поселения, на соседнем, близлежащем холме, раскопано в 1961 г. Е. И. Крупновым.

няя высота холма — около 10 *м*. Таким образом, поселение было естественно укреплено.

Холм возвышается на левом берегу реки, древнее русло которой сохранилось, но название ее неизвестно. Поверхность вершины была сильно задернована и местами заросла ежевикой, алычой, дикой вишней и шиповником. С 1960 г. вершина холма распахивается под кукурузу. Склоны холма густо покрыты молодым дубовым лесом, а кое-где заросли алычой и мушмалой.

В 1958 г. для выяснения характера и мощности культурного слоя, а также хронологического и культурно-исторического осмысления памятника нами были заложены здесь два разведочных раскопа площадью 16 $м^2$ — один на западной оконечности холма, у края вершины, а второй — в 25 *м* к юго-востоку от него, ближе к центру холма.

В 1959 г. мы заложили на поселении один раскоп, площадью 124 $м^2$, привязав его ко второму раскопу 1958 г. Таким образом, за два года [14] на поселении была исследована площадь в 140 $м^2$. Здесь добыт значительный вещественный материал, представляющий большой интерес и позволяющий судить о культурной принадлежности и датировке памятника.

Мощность культурного слоя поселения — 0,8 *м*. Особенно насыщен культурный слой на глубине 0,2—0,5 *м*. На этом уровне культурный слой представляет собой темный гумусированный суглинок, а ниже, на глубине 0,5—0,8 *м*, он глинистый, плотный и менее насыщен находками. Таким образом, культурный слой поселения по цвету, структуре и насыщенности находками разделяется на два горизонта, между которыми, однако, никакой стерильной прослойки нет. Характер материала по всей толще культурного слоя одинаков. Установить существенное различие между находками в верхнем и нижнем горизонтах не удается, хотя типологически материал разделяется, по крайней мере, на две разновременные группы.

Культурный слой поселения насыщен большим количеством фрагментов глиняных сосудов и различных керамических поделок, костяных и роговых изделий, каменных зернотерок и пестов, кремневых вкладышей в составные серпа и наконечников стрел. Встречаются и металлические предметы. Весьма значителен остеологический материал — кости различных домашних и диких животных.

В значительном количестве обнаружены на поселении и остатки бытовых сооружений. Это — остатки фундаментов жилищ, сложенных из плашмя положенных камней, и преимущественно большие куски и мелкие обломки глиняной обожженной обмазки от стен легких плетеных построек турлучного типа. Характерно, что в больших скоплениях куски глиняной обожженной обмазки обнаружены рядом и поблизости от каменных стен, являвшихся остатками фундаментов жилищ. Жилые постройки имели, скорее всего, прямоугольную форму.

Самой характерной особенностью Серженюртовского поселения следует признать, пожалуй, наличие на нем большого числа различных по форме и размерам ям. Только на небольшом участке поселения, исследованном в 1959 г., было открыто шесть таких ям [15]. Различны ямы, по-видимому, и по назначению. Устья всех ям находятся на одном уровне, во всех случаях они прослежены на глубине 0,5—0,6 *м*. Ямы вырыты в материковом слое, представляющем собой суглинок, ниже которого идет желтая легкая глина. Ограничимся описанием двух ям.

---

[14] Раскопки Серженюртовского поселения продолжались в 1960 и 1961 гг. Общая исследованная площадь поселения составляет теперь более 1000 $м^2$. О раскопках Серженюртовского поселения в 1960 г. см. Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники..., стр. 27—31. Более подробная информация о раскопках 1960 г., составленная Н. Я. Мерпертом, печатается в КСИА АН СССР, № 88. Публикация материалов из раскопок поселения в 1961 г. подготавливается Е. И. Крупновым.

[15] В 1960 г. на площади поселения в 600 $м^2$ открыто 47 ям. См. Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники..., стр. 29.

Первая яма имела в плане неправильную округло-овальную форму, а в разрезе — неправильную цилиндрическую форму. Длина ямы (восток — запад) составляла 2,8 *м*, максимальная ширина — 2,6 *м*, а минимальная — 1,7 *м*, глубина — 1,4 *м*. В средней части яма была несколько расширена — до 3 *м*, а в основании сужена до 1,65 *м*. Заполнение ямы — интенсивно гумусированный суглинок с большими включениями мелких угольков. В яме найдено около 400 фрагментов керамики, глиняная фигурка животного с отломанной головой и еще четыре фрагмента глиняных фигурок животных, каменный оселок, кусок керамического шлака, много кремневых отщепов, кости животных (в том числе обожженные), угли и зола.

Вторая яма была в плане почти округлой формы (1,8×1,5 *м*). В средней части, на глубине от 0,25 до 0,8 *м*, она суживалась до 0,8—0,9 *м*, а затем постепенно расширялась. В основании она достигала в диаметре 2,7 *м*. Глубина ямы составляла 1,65 *м*. На дне ямы залегала плотная угольная прослойка толщиной 0,15 *м*, а выше ее шел слой желтого суглинка мощностью до 0,25—0,3 *см*, над которым находилась опять угольная прослойка толщиной около 0,2 *м*. Выше последней наблюдался сначала желтый, а потом до самого верха ямы гумусированный суглинок. В яме обнаружено более 500 фрагментов сосудов, 50 кусков глиняной обмазки от стен жилища, каменный пестик, глиняная фигурка быка и два обломка других глиняных фигурок животных, обломок орудия из рога, кремневые отщепы и много костей животных, в том числе обгорелые. Находки встречались по всей глубине ямы почти равномерно. Они были и в угольных прослойках.

Назначение описанных ям, как нам представляется, не вызывает сомнений. Это — мусорные ямы. Но не все исследованные здесь ямы имели такое назначение. Как установлено раскопками 1960 г., некоторые из ям являлись хранилищами зерна (их стены и, особенно, полы были обмазаны толстым слоем глины и затем обожжены), а в других хранились мясные продукты [16].

Материал из раскопок на поселении типологически может быть расчленен на две разновременные группы. К первой, более ранней по времени группе, относятся каменные зернотерки и терочники, кремневые вкладыши в составные серпа и наконечники стрел, костяные проколки и отдельные фрагменты красноглиняных сосудов с пачкающей поверхностью.

Найденные здесь зернотерки ладьевидной формы и терочники ничем не отличаются от аналогичных орудий, распространенных в древнейших памятниках Кавказа и, в частности, на энеолитических поселениях Дагестана и Чечено-Ингушетии (Луговое поселение) [17]. Не оригинальны и кремневые вкладыши в серпы. Они имеют зубчатый рабочий край, отличающийся большой заполированностью, и представляют собой как срединные (рис. 1, *6, 7, 9, 11*), так и концевые вкладыши (рис. 1, *10*). Наиболее близкие им аналогии обнаруживаются в тех же древнейших памятниках Кавказа. Они найдены, например, в Долинском поселении близ Нальчика [18], известны из Лугового поселения [19], встречены в памятниках Дагестана [20] и других областей Кавказа.

Интересны кремневые наконечники стрел. Все они треугольной формы. Их можно разделить на два типа. К первому относятся сравнительно большие стрелы (высотой 3—5 *см*), с плоским основанием (рис. 1, *3, 4, 5, 8*), ко второму — стрелы с выемкой в основании (рис. 1, *1, 2*). Аналогичные наконечники стрел обнаружены в целом ряде кавказских памятников

---

[16] Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники..., стр. 29.
[17] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 53—55.
[18] А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА. № 3, 1941, стр. 177, рис. 23.
[19] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 50, рис. 8.
[20] Там же.

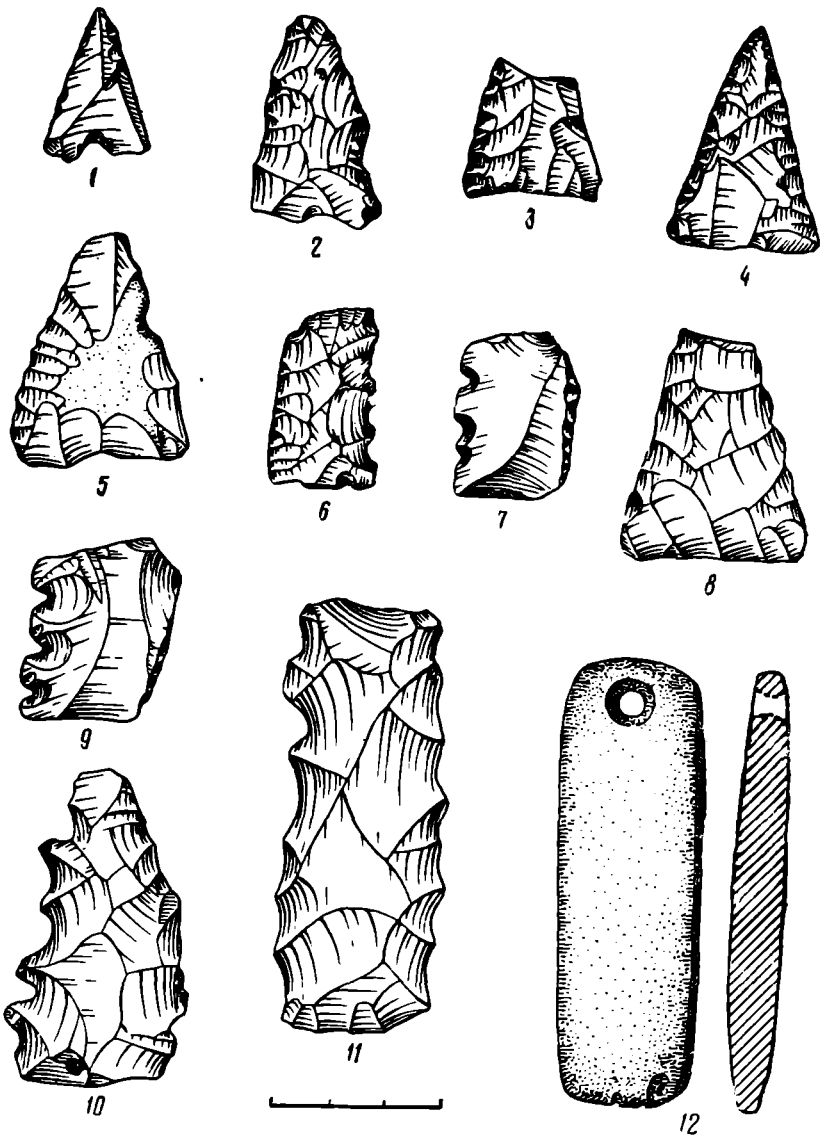


Рис. 1. Материалы из Серженюртовского поселения

1—5, 8 — кремневые наконечники стрел; *6, 7, 9—11* — кремневые вкладыши в серпы; *12* — каменный оселок

III тысячелетия до н. э., в частности, в древнейших поселениях Северо-Восточного Кавказа. Любопытно, что в памятниках Дагестана и Чечено-Ингушетии эпохи энеолита нет черешковых стрел, во всяком случае, они до сих пор здесь не найдены [21].

Обнаруженные на Серженюртовском поселении костяные проколки (рис. 2, *1*) также представляют собой категорию находок, часто встречаемую в древнейших комплексах ранних земледельческо-скотоводческих племен и, в частности, племен Кавказа [22].

Большой интерес представляют находки глиняных сосудов с пачкающей поверхностью красно-охристого цвета. Правда, их довольно немного. Судить по ним о точных формах сосудов трудно. Важен, однако, самый факт обнаружения на данном поселении именно этой посуды. Дело в том, что такая керамика весьма характерна для ряда древнейших памятников

[21] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 65—66.

[22] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 23—24, рис. 1, *1—3*; Р. М. Мунчаев. Ук. соч., стр. 62—63.

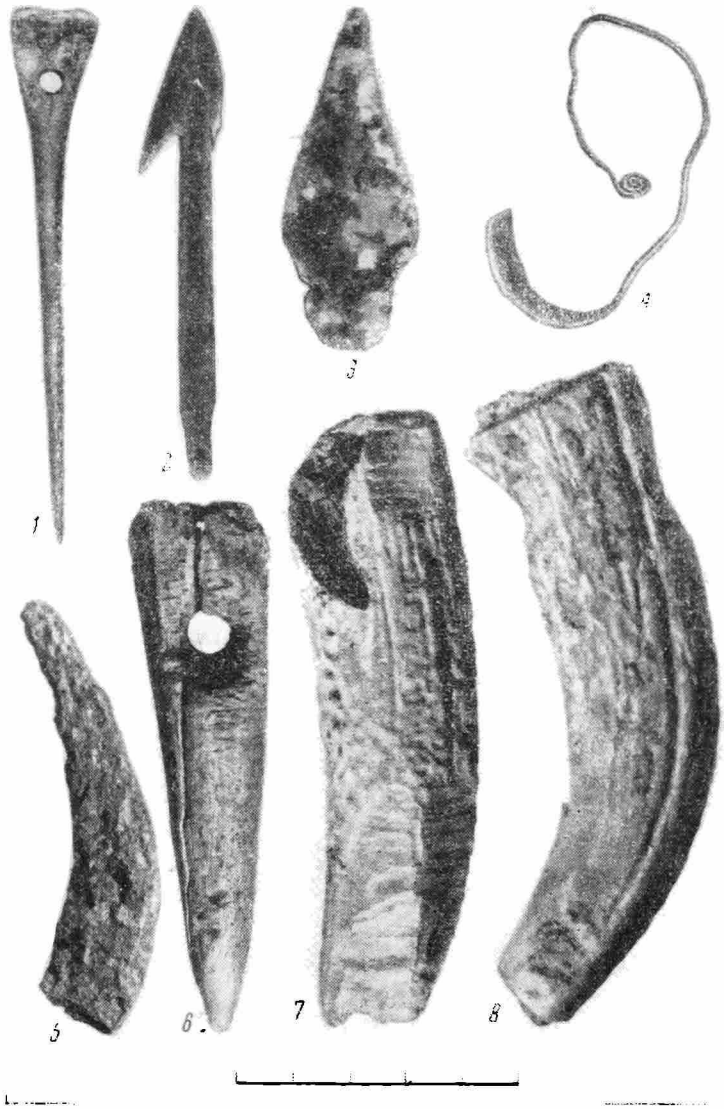


Рис. 2. Материалы из Серженюртовского поселения

1 — костяная проколка; *2*— костяной наконечник стрелы; *3*— бронзовый наконечник копья-дротика; *4* — обломок бронзовой шейной гривны; *5* — обломок железного серповидного ножа; *6—8* — орудия из рога

Северного Кавказа, в том числе и памятников Чечено-Ингушетии, характеризующих так называемую майкопскую культуру. Такие сосуды найдены, например, в знаменитом Майкопском кургане в Прикубанье [23], на Долинском поселении [24] и на других памятниках Кабардино-Балкарии [25], на Луговом поселении и в курганах у сел. Бамут в ЧИАССР [26]. По всей вероятности, с указанным кругом памятников и следует связывать в культурно-хронологическом отношении Серженюртовское поселение на раннем этапе его развития.

Таким образом, рассмотренная группа материала, связываемая нами с ранним этапом жизни Серженюртовского поселения, относится к эпохе

[23] Гос. Эрмитаж, инв. №№ 34/108, 34/127.

[24] А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 185.

[25] Там же, табл. XI, *1*, *5—7* (сосуды из Соломенского кургана); Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 57, рис. 12, *3* (сосуд из Старо-Лескенского кургана).

[26] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 101—102.

позднего энеолита — ранней бронзы — и должна быть датирована в пределах III тысячелетия до н. э. Это может быть подкреплено и некоторыми другими данными, в частности характером самого поселения, возникшего на холме. Как известно, подавляющее большинство древнейших поселений Кавказа расположено именно на холмах и холмообразных возвышенностях [27].

Другим важным аргументом, подтверждающим указанную датировку памятника, является наличие здесь остатков здания, сложенного из обожженных глиняных блоков. Внутри него сохранились очаги и найдены фрагменты архаической красно-охристой посуды [28]. Этот, по-видимому, бытовой комплекс следует сопоставлять с глинобитными сооружениями, открытыми в значительном количестве в памятниках III тысячелетия до н. э. Кавказа и, особенно, Закавказья.

Наконец, надо указать на находки глиняных очажных подставок с роговидными выступами и глиняного очага так называемого шенгавитского типа. Правда, они были найдены не на этом поселении, а на соседнем холме, примерно в 50 *м* от него, в сопровождении характерной красно-охристой керамики, обнаруженной и на поселении. Очаги указанного типа известны в значительном количестве на поселениях Закавказья III тысячелетия до н. э. Близкого типа очаги открыты и на Луговом поселении [29]. Что же касается очажных подставок, то совершенно аналогичные предметы обнаружены как на Луговом поселении [30], так и на поселениях в Шенгавите, Нахичеванском Кюль-Тапе и в других памятниках куро-аракской культуры Закавказья. Любопытно, что подставки из Сержень-Юрта, подобно шенгавитским и нахичеванским, имеют ручку, а с подставками из Лугового и Долинского поселений они сближаются наличием как роговидных выступов, так и продольных канавок на верхней плоскости [31].

Таким образом, несомненно, что описываемое поселение возникло на заре медно-бронзовой эпохи. Но этот ранний период развития поселения, судя по малочисленности находок, был, по-видимому, довольно кратковременным.

В эпоху поздней бронзы и раннего железа, в период развития кобанской культуры, на этом холме снова возникло поселение. С этим периодом жизни поселения и связывается вторая группа обнаруженного здесь материала, отличающаяся большим количеством и значительным разнообразием находок. Именно в этот период и были вырыты на поселении те многочисленные ямы, о которых мы говорили выше. В результате рытья этих ям, по всей вероятности, и был разрушен и практически сведен на нет культурный слой, образовавшийся на холме в более раннее время.

Основной материал, связанный с этим периодом жизни поселения,— это керамика. Она представлена многочисленными фрагментами разнообразных сосудов, а также различными глиняными поделками. Все сосуды лепные, отличаются хорошим обжигом. Поверхность большинства сосудов залощена. Встречены обломки сосудов с шероховатой, обмазанной жидкой глиной поверхностью.

Здесь представлены большие толстостенные сосуды, различные горшки баночной формы и миски. Удалось реставрировать остроребер-ный горшок, украшенный ниже края венчика тремя симметрично расположенными горизонтальными налепами (рис. 3, *1*) и миску (рис. 3, *2*).

---

[27] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 31—32.

[28] Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники..., стр. 30.

[29] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 40.

[30] Е. И. Крупнов. Прикаспийская экспедиция. КСИИМК, вып. 55, стр. 101, рис. 40, *5*, *6*; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 122, рис. 42, табл. XIX, *3*.

[31] А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., табл. III, *1—5*; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 123, рис. 43.

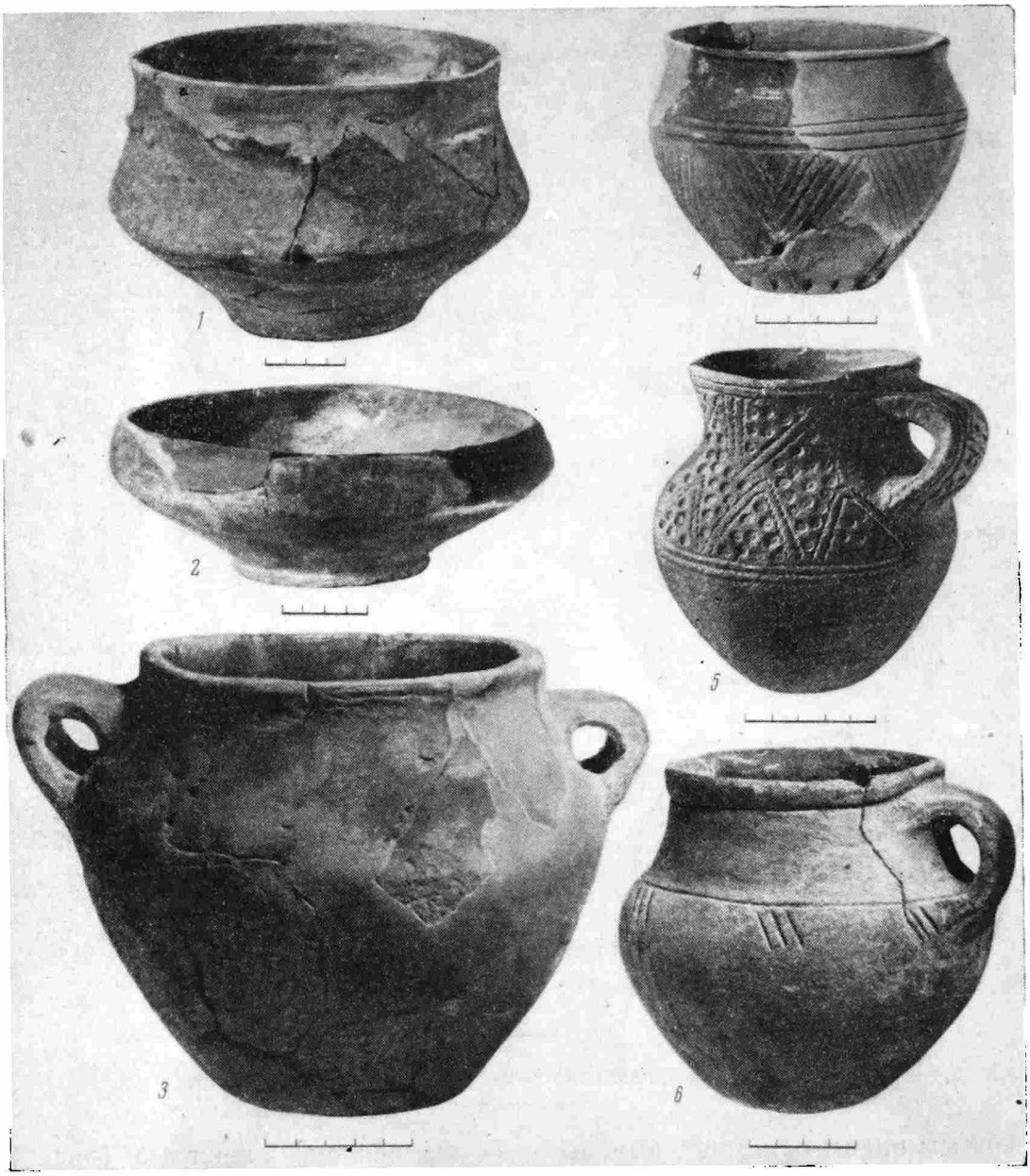


Рис. 3. Глиняные сосуды из древних памятников Чечено-Ингушетии

1, 2 — горшок и миска из Серженюртовского поселения; *3—6* — сосуды из курганов и хут. Новый Аршти

Последняя совершенно аналогична соответствующим образцам керамики из памятников восточной группы позднекобанской культуры (могильники Луговой, Нестеровский, Исти-Су и др.) [32].

Много фрагментов орнаментированных сосудов. Преобладает рельефный орнамент в виде налепных валиков, расположенных обычно ниже края венчика и имеющих иногда щипковые вдавления (рис. 4, *1*, *11*, *12*), а также в виде трехпалых (рис. *4, 7*) и иных фигур (рис. 4, *10*), вертикальных и горизонтальных налепов (рис. 4, *8*, *9*) и округлых налепов — «сосков» (рис. 4, *3*). Кроме того, на фрагментах отдельных горш-

[32] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 475, табл. LV, *7*, *9*; стр. 479, табл. LIX, *4*; О. А. Артамонова-Полтавцева. Ук. соч., стр. 28, рис. 6, *3*; стр. 37, рис. 12, *3* и др.

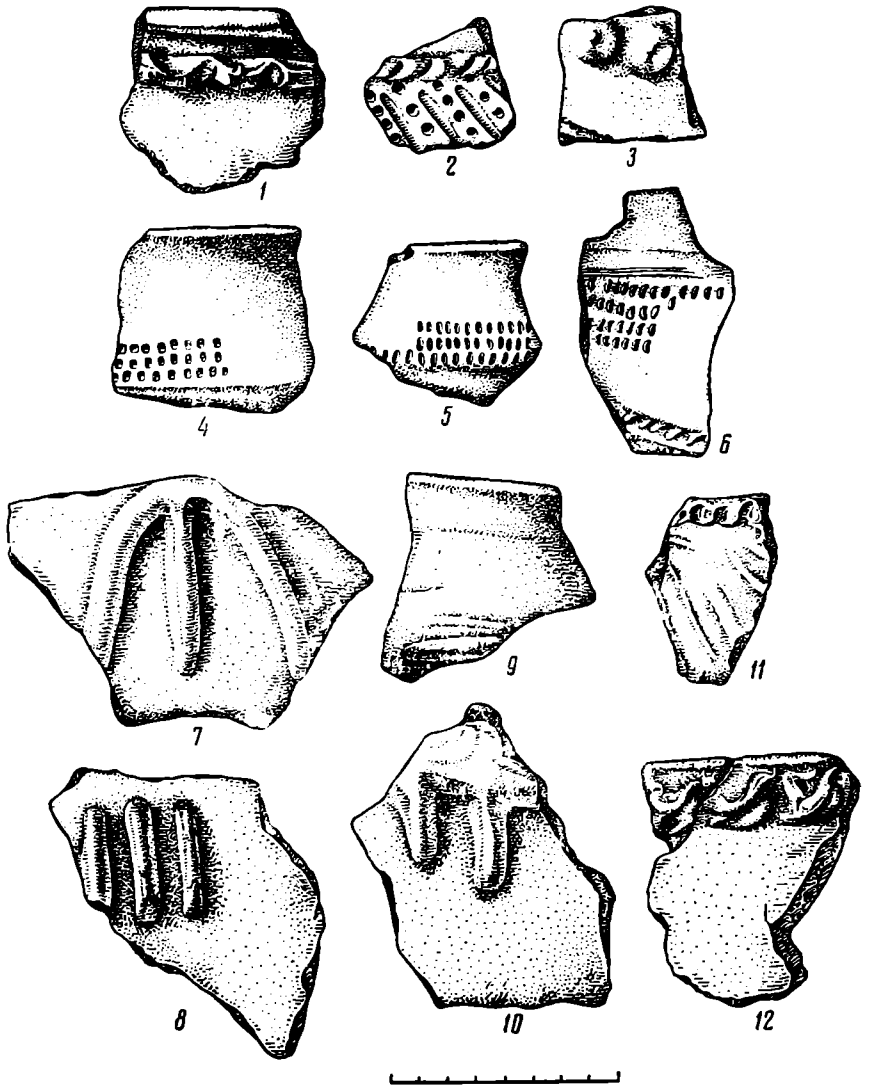


Рис. 4. Фрагменты орнаментированной посуды из Серженюртовского поселения

ков мы видим орнамент, выполненный вдавлением,— округлые (рис. 4, *2*), четырехугольные (рис. 4, *4*) и ногтевые вдавления (рис. 4, *5, 6*).

Глиняная посуда Серженюртовского поселения обнаруживает близость прежде всего с комплексами таких бытовых памятников кобанской культуры, как Алхастинское, Нестеровское и Змейское поселения [33]. Эта близость проявляется как в форме сосудов (миски, горшки и т. д.), так и в характере орнаментации (налепные украшения). Вместе с тем мы находим здесь такие формы сосудов (например, остроребериые горшки) и типы орнамента, которые не встречаются в керамических комплексах кобанской культуры. В этой связи следует отметить и тот факт, что на сосудах из Серженюртовского поселения лишь в единичных случаях отмечен резной геометрический орнамент, столь характерный для кобанской посуды [34]. Таким образом, посуда Серженюртовского поселения отличается и некоторыми оригинальными формами сосудов, и своеобразной орнаментацией; отдельные образцы посуды этого

[33] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 17—24; Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. I, Орджоникидзе, 1961, стр. 11—36.

[34] Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники..., стр. 29.

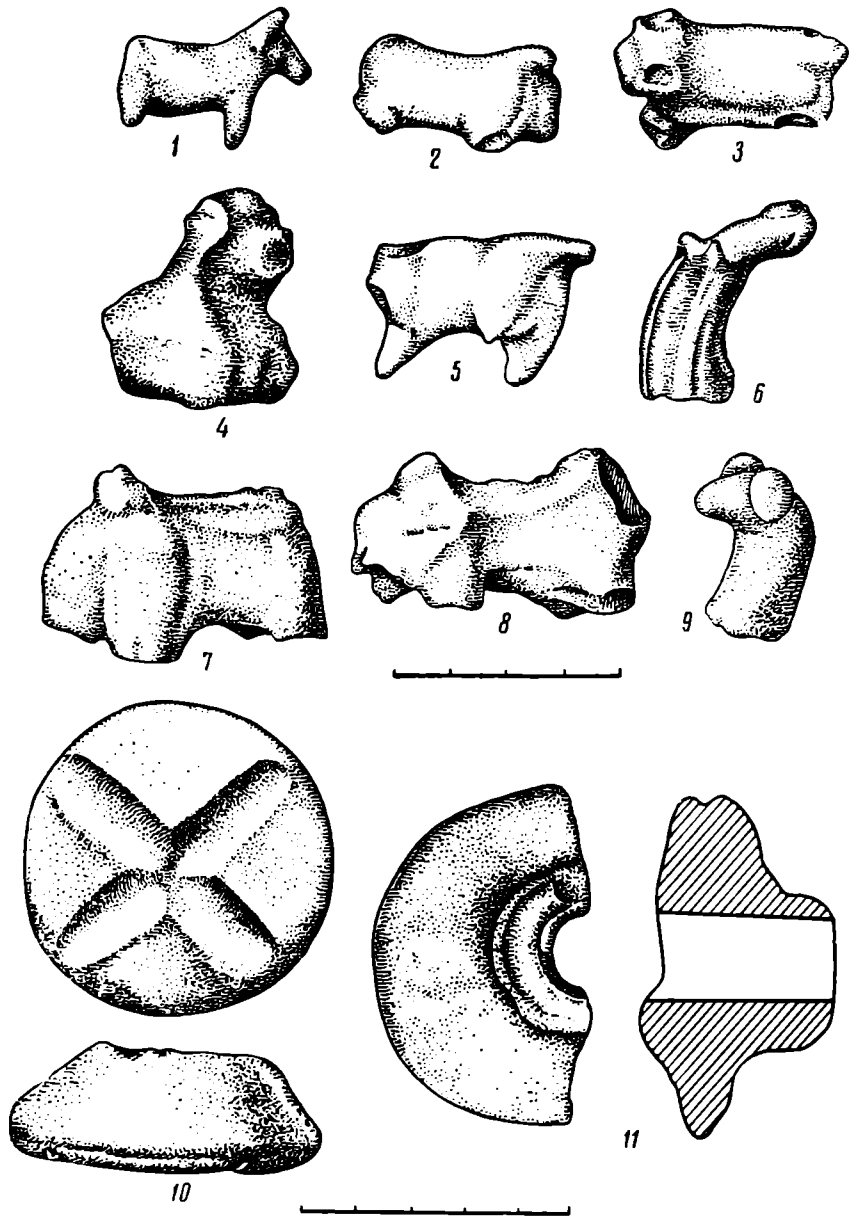


Рис. 5. Керамические поделки из Серженюртовского поселения

1 — фигурка быка; *2—9* — обломки фигурок животных; *10* — глиняная печать (пинтадера); *11* — обломок колесика со ступицей

поселения обнаруживают связь с сосудами позднебронзовой культуры Горной Чечни и Дагестана. На эту связь указывает наличие здесь фрагментов от сосудов с поверхностью, обмазанной жидкой глиной. Известно, что прием обработки поверхности сосудов путем обмазки ее жидкой глиной характерен для керамики каякентско-хорочоевской культуры и совершенно неизвестен в кобанской.

Связь с памятниками восточных районов хорошо документируется и наличием здесь сосудов, украшенных налепами в виде трехпалых фигур и «сосков». Такая орнаментация сравнительно часто встречается в памятниках эпохи бронзы Горной Чечни и Дагестана.

Другую и весьма интересную группу керамики Серженюртовского поселения составляют глиняные фигурки домашних животных — быка, лошади, барана, свиньи, собаки (рис. 5, *1—9*). Они найдены в значительном количестве, но, к сожалению, в подавляющем большинстве

в обломках. Обращают на себя внимание хорошо сохранившаяся статуэтка барана (рис. 5, *1*), обломок четко оформленной головы лошади (рис. 5, *6*) и передняя часть фигурки собаки (рис. 5, *4*). Всех их отличает большая реалистичность, они удивительно ярко и живо передают отличительные черты животных. На некоторых из фигурок четко подчеркнуты половые признаки [35]. Наиболее близкие аналогии рассмотренным фигуркам животных мы находим в материалах Алхастинского поселения [36].

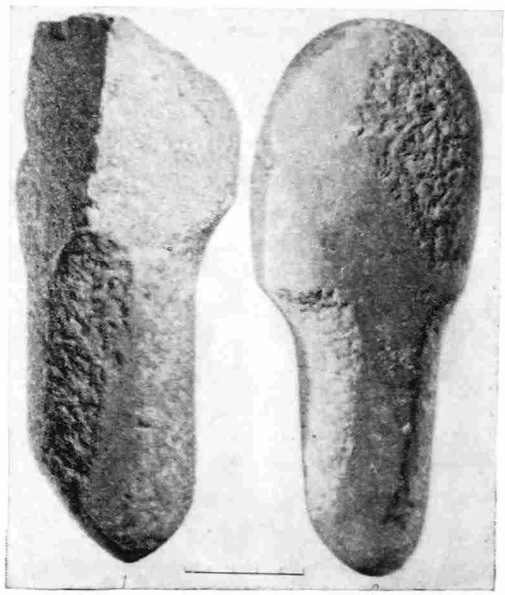


Рис. 6. Серженюртовское поселение. Каменные песты

Большой интерес представляет и круглый глиняный штамп — пинтадера с крестообразным рисунком (рис. 5, *10*). Здесь обнаружены пинтадеры и с рисунком в виде концентрических кругов. Укажем, что такие же глиняные штампы найдены в Алхастинском поселении [37]. Они известны и из других близких по времени памятников Кавказа, например из поселения-эпохи развитой бронзы в Азербайджане [38].

Из других керамических находок следует отметить обломок глиняной модели колеса с выступающей ступицей (рис. 5, *11*). Возможно, этот предмет относится к более раннему времени, т. е. связан с древним горизонтом культурного слоя поселения. Аналогичные глиняные модели колес, как известно, обнаружены в ряде памятников медно-бронзовой эпохи Кавказа, особенно Закавказья.

На Серженюртовском поселении обнаружены металлические предметы: бронзовые наконечник копья-дротика (рис. 2, *3*), булавка, обломок шейной гривны (рис. 2, *4*) и обломок железного серповидного ножа (рис. 2, *5*). Два последних предмета весьма близки по форме подобным изделиям из комплексов позднекобанской культуры, в то время как наконечник копья-дротика и булавка находят аналогии в более ранних комплексах, в памятниках так называемой северокавказской культуры [39].

В большом количестве на поселении найдены роговые и костяные изделия. Среди них — костяной наконечник стрелы с удлиненным черешком (рис. 2, *2*), мотыги, шилья и другие орудия из рога (рис. 2, *6—8*).

К верхнему слою поселения относятся и различные каменные изделия, в частности массивные песты (длиной до 25 *см*) с четко оформленной ручкой и следами работы в виде выщерблин (рис. 6), а также точильные камни — оселки прямоугольной формы (длиной до 8 *см*) с круглым отверстием на одном конце для прикрепления к поясу (рис. 1, *12*). Подобные каменные орудия обнаружены в ряде кобанских памятников Северного Кавказа. Так, например, совершенно аналогичные песты найдены в Алхастинском, Змейском и других близких

[35] Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники..., стр. 28.

[36] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII, М., 1941, стр. 195, табл. IV, *6—9*.

[37] Там же, стр. 195, табл. IV, *3—5*.

[38] И. Г. Нариманов. Некоторые данные о древнем поселении в окрестностях г. Казаха (АзССР). КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 140, рис. 54.

[39] В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 92, рис. 42, *9—12*; стр. 94, рис. 43, *10, 11*.

по времени поселениях [40], а оселки встречены почти во всех памятниках, особенно в могильниках кобанской культуры [41].

На Серженюртовском поселении обнаружено большое количество костей домашних и диких животных. На первом месте в количественном отношении представлены кости свиньи, затем мелкого и крупного рогатого скота. Добытый остеологический материал дает основание утверждать, что скотоводство имело ведущее значение в хозяйстве обитателей Серженюртовского поселения на позднем этапе его развития. Определенную роль играло, по-видимому, и земледелие. Были развиты некоторые ремесла, в частности, керамическое производство и ткачество. Имеются серьезные основания (находки на поселении в 1960 г. льячек) считать, что обитатели Серженюртовского поселения занимались литьем и производством бронзовых изделий, а находка здесь отмеченного обломка серпа доказывает, что жителям поселения было уже знакомо и железо. Наличие широких и четких аналогий с комплексами сопредельных областей (особенно западных), которые обнаруживает материал рассматриваемого памятника, свидетельствует не только о тесных связях древних серженюртовцев со своими соседями, но и об определенной культурной и хронологической близости Серженюртовского поселения к кругу памятников Северного Кавказа конца бронзового — начала железного века, объединяемых кобанской культурой. Следовательно, по совокупности приведенных данных верхний слой Серженюртовского поселения, характеризуемый многочисленным и разнообразным материалом, следует датировать первой четвертью I тысячелетия до н. э. Материалы из раскопок Серженюртовского поселения в 1960—1961 гг. полностью подтверждают такую его датировку [42].

Таким образом, Серженюртовское поселение дает весьма интересные и важные материалы для изучения и характеристики культуры Чечни энеолитической и раннебронзовой эпохи, с одной стороны, позднебронзового и раннежелезного века, с другой. Материалы этого поселения сближают его в культурном и хронологическом отношении с памятниками сопредельных областей Кавказа и вместе с тем обнаруживают признаки некоторых локальных особенностей развития местной культуры в древности. При этом необходимо иметь в виду, что Серженюртовское поселение находится почти на границе между ареалами кобанской и каякентско-хорочоевской культур. Это обстоятельство также усиливает интерес к изучению этого памятника.

Отсюда несомненна необходимость полного исследования Серженюртовского поселения.

* * *

Бамутский могильник был открыт разведочным отрядом Северокавказской экспедиции в 1958 г. [43]. Это довольно большой могильник, включающий в себя несколько групп разновременных курганов. Он начинается почти от самого сел. Ачхой-Мартан и тянется по левому берегу р. Фортанги на протяжении около 10 *км*, до сел. Бамут, т. е. до самых предгорий. Четкой закономерности в планировке и расположении курганов не наблюдается. Компактно расположена лишь группа сравни-

---

[40] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья, стр. 193, табл. II, *3*; его же. Археологические памятники верховьев рр. Терека и Сунжи, стр. 22, рис. 16; его же. Древняя история Сев. Кавказа, табл. XXIV, *8*.

[41] Е. И. Крупнов. Древняя история Сев. Кавказа, рис. 28, *13*; табл. XII, *6*, *7*; табл. XXXIX, *5*; табл. LXVI.

[42] Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники..., стр. 30.

[43] Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, вып. 84, 1961, стр. 56.

тельно небольших по размерам и почти исключительно земляных курганов, находящихся на северо-западной окраине сел. Бамут. В этой группе около 50 курганов. На расстоянии 0,4—1,5 *км* от нее, по краю второй террасы р. Фортанги, имеется другая группа курганов, состоящая исключительно из каменных насыпей. Как выяснено нашими раскопками в 1959—1960 гг., курганы в этих двух группах содержали одиночные захоронения, иногда в дубовых колодах, относящиеся к позднему средневековью (XV—XVI вв.) [44]. Поэтому в данной статье мы их не рассматриваем.

Интересующие нас курганы расположены к западу и северо-востоку от описанных групп курганов, как в окрестностях, так и в самом хут. Новый Аршти, находящемся примерно в 2 *км* от сел. Бамут. Этот хутор, по-видимому, через два года сольется с сел. Бамут и образует здесь крупный населенный пункт. В районе хут. Новый Аршти, особенно к СВ от него, в направлении к сел. Ачхой-Мартан имеется большое количество курганов, иногда значительных по размерам (высотой до 10 *м* и диаметром до 80 *м*) и содержащих часто каменные конструкции. Среди них более или менее четко выделяются два ряда курганов, тянущихся по направлению северо-восток — юго-запад. Выделить ряд четких групп и установить какую-либо закономерность в их расположении не удалось, так как значительная площадь к ССЗ от хут. Новый Аршти, где находятся эти курганы, покрыта густым колючим кустарником. Это затрудняет как установление общего количества курганов, так и выяснение их взаиморасположения. Пока удалось только выделить в этой общей группе несколько отдельных мелких групп курганов и установить, что в некоторых случаях вокруг большого кургана группируются несколько значительно меньших по размерам курганов.

Уже первые раскопки курганов в окрестностях хут. Новый Аршти показали, что мы имеем здесь дело с весьма интересными памятниками эпохи меди и бронзы. Небольшой, но весьма специфический керамический комплекс из раскопок 1958 г., включавший в себя три оригинальных сосуда, в том числе горшок на четырех ножках и сосуд с рельефными украшениями в виде лицевых изображений, указал на существование в бассейне р. Фортанги своеобразной культуры или локального варианта культуры Северного Кавказа раннего этапа медно-бронзового века [45].

Кроме того, в 1958 г. в одном из разрушенных подкурганных погребений был найден небольшой красно-охристый сосуд уплощенно-шаровидной формы, с прямым коротким венчиком, отогнутым наружу, и нарезным крестообразным орнаментом на днище [46]. Значение данной находки заключалось в том, что этот сосуд, представляющий собой одну из характерных форм керамики прославленной майкопской культуры, указывал впервые на наличие в Чечне элементов этой культуры.

В 1959 г. в окрестностях хут. Новый Аршти было раскопано пять курганов. Они содержали погребения, относящиеся к различным этапам развития культуры медно-бронзового века. В одном кургане, диаметром 21 × 22,5 *м* и высотой 1,55 *м* (№ 6 — по полевой документации 1959 г.), обнаружено даже более древнее захоронение. Последнее находилось в центре кургана, в могиле овально-прямоугольной формы (0,80 × 0,55 *м*), на глубине 2,15 *м*. Погребенный был положен на спине, лицом вверх, головой на юго-запад-запад. Ноги были сильно скорчены. Правая рука согнута в локте так, что кисть руки лежала на ко-

---

[44] Здесь раскопано около 25 позднесредневековых курганов. Нами совместно с Е. И. Крупновым подготовлена полная публикация материалов из этих курганов. Она печатается в сб. «Древности Чечено-Ингушетии», МИА, № 116.

[45] Р. М. Мунчаев. Новые данные..., стр. 56—58.

[46] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 103, табл. XII, *1*.

ленях правой ноги. Левая рука была вытянута вдоль туловища. Костяк был густо окрашен в ярко-красный цвет. У предплечья найдена кремневая пластинка с ретушью по краям и на конце. По всей могиле был разбросан мелкий пастовый бисер — до 400 штук [47].

Положение погребенного и сильная окрашенность его, а также характер инвентаря позволяют связывать это захоронение с погребениями Нальчикского могильника. Там, как известно, исследованы такие же захоронения на спине, с подогнутыми коленями, а в некоторых случаях наблюдается такая же густая посыпка погребенного красной краской [48]. Любопытно, что в одном из погребений этого могильника обнаружена аналогичная нашей кремневая пластина с ретушью по краям и на конце, причем она здесь также находилась в области черепа, у левой ключицы [49].

Рассмотренное подкурганное захоронение, следовательно, может быть отнесено к эпохе энеолита. По всей вероятности, оно входит в круг памятников, характеризующих начальный этап развития майкопской культуры.

В остальных курганах основные, наиболее древние погребения по способу захоронения и отдельным деталям погребального обряда, а также по сопровождающей их керамике оказались связанными с майкопской культурой, особенно позднего этапа ее развития.

Наиболее интересным среди них оказался курган № 9 (по полевой документации 1959 г.), содержавший 18 погребений. Он имел круглую форму и отличался значительными размерами (диаметр — 45 *м*, высота — 4,15 *м*).

Основное погребение находилось в центре кургана, под насыпью, почти на уровне древнего горизонта, на глубине 4,2 *м*. Над ним был насыпан небольшой каменный курганчик диаметром около 8 *м* и высотой 2 *м*, который был перекрыт сверху слоем желто-бурого суглинка мощностью до 1 *м*. Все это сооружение, в свою очередь, было обнесено массивным каменным кольцом в виде кромлеха диаметром около 15 *м*. Могила находилась под юго-западной частью каменного курганчика и имела прямоугольную форму (длина с севера на юг — 2,9 *м*, ширина с запада на восток — 2,6 *м*, глубина — 0,35—0,4 *м*). Стены ее были сложены из крупных дубовых бревен, а дно выложено плотным слоем галечника [50].

Костяк лежал в юго-западном углу могилы в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-западо-запад. Ноги были согнуты в коленях, руки подогнуты в локтях и подтянуты к лицу. Под костями ног и таза отмечены остатки красной охры. Перед лицевой частью находились три раздавленных сосуда, а непосредственно над погребением, между булыжниками, составлявшими каменный курганчик, был найден каменный сверленый топор проушного типа (рис. 7, *11*).

Сравнительное изучение этого погребения показывает, что оно до мелких деталей повторяет захоронения майкопской культуры. Известно, что погребальный обряд этой культуры характеризуется подкурганными захоронениями, скорченностью и окрашенностью костяков, наличием кромлехов вокруг погребений, подстилкой дна могил галечником и преимущественно южной ориентировкой погребенных [51]. Все эти признаки, как видим, имеют место в описанном кургане у хут. Новый Аршти. Кроме того, здесь обращают на себя внимание значительные размеры могилы и укрепление ее стен деревянной конструкцией. Но это не

---

[47] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 138—140, рис. 49, *1*, *2*.

[48] А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий, Б. Б. Пиотровский. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, стр. 107—108.

[49] Там же, стр. 93, 103, рис. 56.

[50] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., табл. XXI, IV; табл. XXII.

[51] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 56.

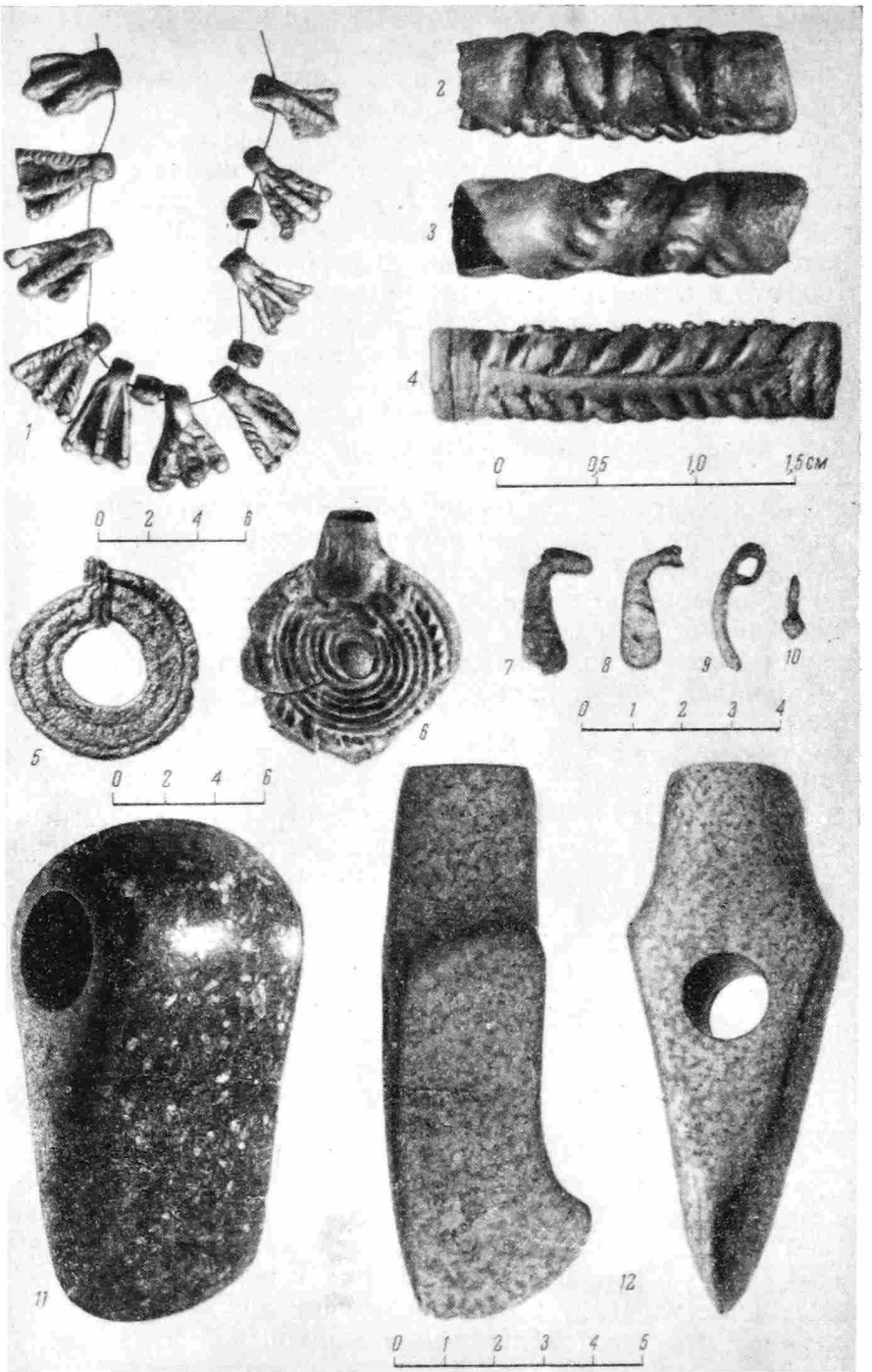


Рис. 7. Предметы из погребений в курганах у хут. Новый Аршти
1—10 — различные бронзовые подвески; *11*, *12* — каменные топоры

локальные особенности данного памятника. Большие погребальные камеры, почти такой же формы и размеров, открыты как в самом Майкопском кургане [52], так и в других памятниках этой культуры, в частности, в кургане у сел. Старый Урух [53]. Небезынтересно, кстати, и то, что погребенные в Майкопе и Старом Урухе лежали, как и в кургане у хут. Новый Аршти, в южной половине могилы. Что же касается укрепления

[52] ОАК за 1897 г., стр. 2—11.
[53] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 60.

стен могилы деревянной конструкцией, то и эта черта прослеживается в отдельных курганах майкопской культуры. Хорошо известно, например, что стены могилы в самом Майкопском кургане были обложены деревом. Таким образом, тесная связь рассмотренного комплекса с памятниками майкопской культуры совершенно очевидна. На эту связь, кроме того, прямо указывают найденные в погребении сосуды и отмеченный выше каменный сверленый топор, повторяющий форму медных топоров из Майкопского и других древнейших курганов Северного Кавказа.

В погребении находились три раздавленных сосуда, два из которых удалось восстановить [54]. Они сделаны из хорошо отмученной глины с небольшим количеством примесей (шамот) и имеют почти одинаковые размеры и форму (округлое тулово, невысокая вертикальная шейка с отогнутым наружу венчиком и плоское днище). Один сосуд (высота его — 23 *см*, диаметр по краю венчика — 15 *см*, диаметр днища — 11,5 *см*) красно-охристого цвета, а поверхность второго, особенно с лицевой стороны, покрыта слоем светло-коричневого ангоба.

Совершенно аналогичные по всем деталям формы и даже размерам сосуды обнаружены в целом ряде древнейших памятников Северного Кавказа (Луговое и Долинское поселения; Новосвободненский, Соломенский, Старо-Лескенский и другие курганы), они сближаются между собой также и по технологическим особенностям.

В отдельных комплексах этих памятников тоже наблюдается сочетание посуды красно-охристого цвета с сосудами, покрытыми светло-коричневым ангобом.

Следовательно, связь описанных сосудов с посудой майкопской культуры совершенно бесспорна. Отсюда и совершенно несомненна принадлежность рассмотренного комплекса к кругу памятников майкопской культуры.

С этой культурой связывается не только один этот курган у хут. Новый Аршти. Почти все большие курганы в его окрестностях содержат погребения майкопской культуры. Весьма выразительный и яркий комплекс предметов, характерный для этой культуры, был исследован и в 1961 г., когда мы раскопали здесь десять курганов. Ввиду большого интереса, который вызывает к себе этот погребальный комплекс, мы считаем необходимым остановиться подробно и на нем. Он был открыт в кургане № 9 (по полевой документации 1961 г.), расположенном примерно в 1 км к северо-востоку от вышеописанного кургана. Курган имел в плане почти округлую форму (рис. 8, *1*); диаметр его по оси север-юг составлял 28 *м*, а высота — 2,45 *м*.

В центральной части курганной насыпи, на глубине около 1,6—1,8 *м*, прослежена значительная каменная вымостка округлых очертаний (диаметром примерно 7,5 *м*), сложенная из нескольких рядов речных булыжников. На этом же уровне вокруг вымостки был сложен массивный каменный кромлех диаметром около 18 *м* (рис. 8, *1, 2*).

Речными булыжниками в несколько рядов была выложена и верхушка кургана, особенно ее южная половина. Остальная же часть насыпи состояла из гумусированного суглинка.

В кургане открыто девять погребений, в том числе восемь впускных. Впускные погребения (рис. 9, погр. №№ 1—6, 8) судя по характеру погребального обряда и сопровождавшей их в двух случаях керамике, относятся к эпохе бронзы и могут быть датированы приблизительно серединой II тысячелетия до н. э.

Погребения были совершены на разных уровнях, но все в центральной части кургана. Основное погребение (погр. № 9) находилось под насыпью, на уровне древнего горизонта, почти в самом центре кургана,

---

[54] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., табл. XII, *2, 3*.

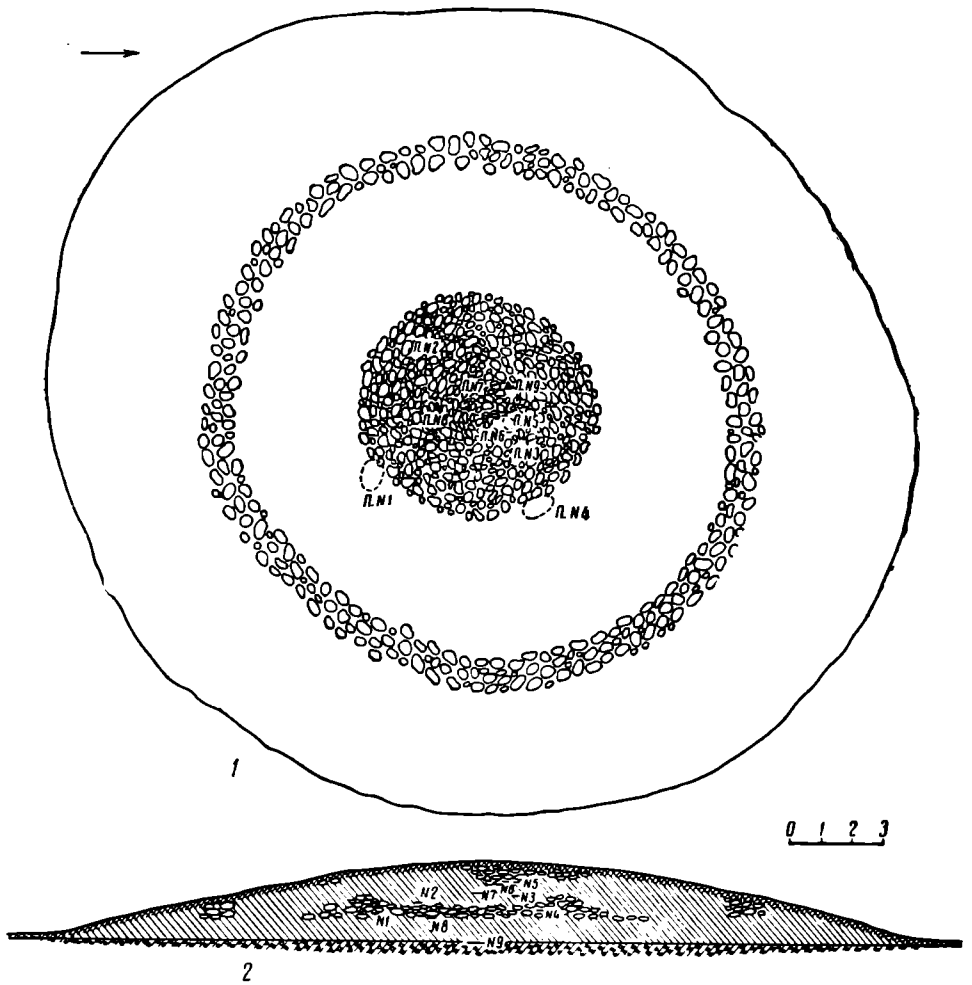


Рис. 8. Курган у хут. Новый Аршти, раскопанный в 1961 г.
1 — план кургана; *2* — разрез кургана по оси север — юг

Оно было засыпано мощным (до 0,8 *м*) слоем суглинка и перекрыто описанной выше каменной вымосткой.

Установить форму и точные размеры могилы не удалось. По-видимому, специального могильного сооружения здесь и не было. В центре кургана, на площади приблизительно 2 × 1,5 *м*, найдены различные глиняные, металлические и каменные предметы (рис. 9; погр. № 9). Все они находились на уровне древнего горизонта. Никаких следов костяка между и рядом с этими предметами не обнаружено.

В южном углу этой площади-могилы (рис. 9; погр. № 9) лежали два бронзовых ножа-кинжала (рис. 9, *4*) и бронзовое четырехгранное шило (рис. 9, *9*), рядом с которыми прослежена красная охра. Примерно в 2 *м* севернее от них находились: медный сосуд (рис. 9, *6*), точильный камень (рис. 9, *8*) и круглая каменная ступка (рис. 9, *5*), бронзовое вилообразное орудие-крюк (рис. 9, *7*) и два красноглиняных сосуда (рис. 9, *11*). Указанные предметы лежали в ряд по направлению северо-востоко-восток — юго-западо-запад.

Следов разрушения и ограбления погребения не отмечено. По всей вероятности, мы имеем здесь дело с могилой типа кенотафа, сооруженной в честь погибшего на стороне сородича. Как бы этот вопрос не решался, в конце концов, важно в данном случае, как нам представляется, другое, а именно то, что на территории Чечни открыт комплекс, совершенно аналогичный материалам из дольменов в ст. Новосвободная (б. Царская), характеризующих поздний этап развития майкопской

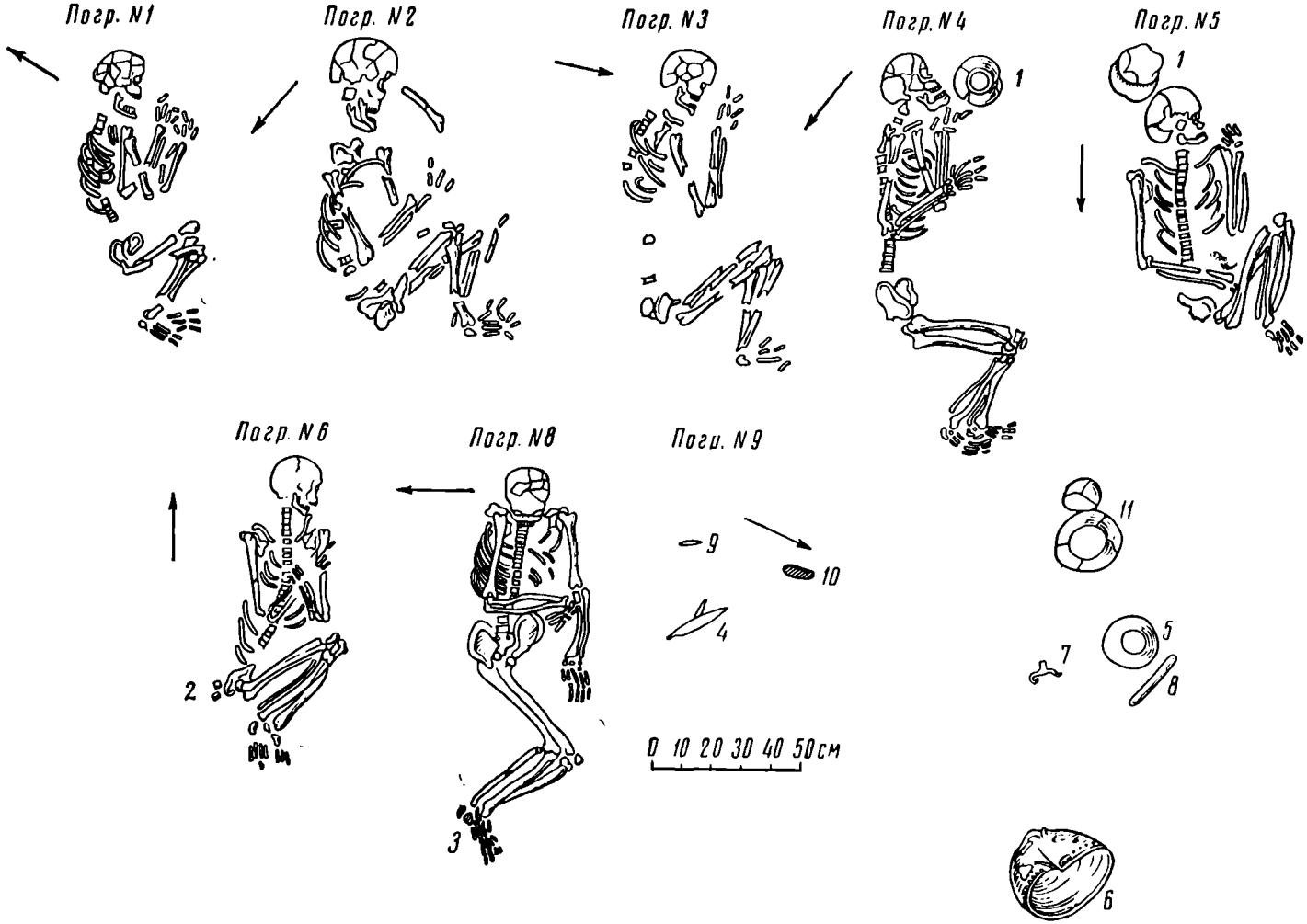


Рис. 9. Планы погребений в кургане у хут. Новый Аршти

1 — глиняный сосуд; *2* — зубы лошади; *3* — фаланги, густо окрашенные красной охрой; *4* — два бронзовых ножа; *5* — каменная ступка; *6* — медный сосуд; *7* — бронзовое вилообразное орудие — крюк; *8* — точильный камень; *9* — бронзовое шило; *10* — красная охра; *11* — два глиняных сосуда

культуры. Близость этого комплекса к памятникам Прикубанья просто поразительная.

В этом комплексе прежде всего обращает на себя внимание сосуд из тонко раскованной меди, украшенный в верхней части жемчужным орнаментом (рис. 10). Сохранность сосуда более или менее удовлетворительная. Под тяжестью насыпи он несколько деформировался, а днище его рассыпалось на мелкие части. В результате пребывания на огне почти вся внешняя поверхность сосуда закопчена, местами очень интенсивно. По верхнему краю сосуда имеется несколько заклепок, указывающих на то, что сосуд неоднократно ремонтировался.

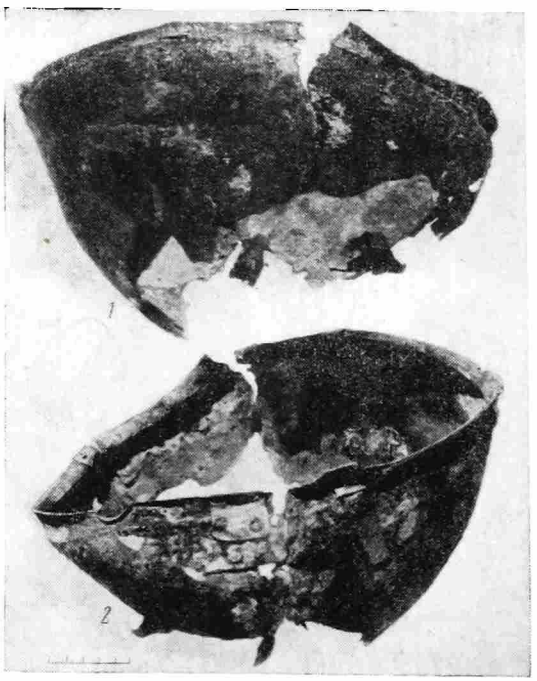


Рис. 10. Бронзовый сосуд из древнейшего погребения в кургане у хут. Новый Аршти

Хотя сосуд несколько деформирован и днище его разрушилось, форма его выясняется достаточно четко. При первом же взгляде на него нетрудно понять, что он повторяет форму медных сосудов из ст. Новосвободной, которые имеют такой же короткий венчик, широкое устье, выпуклое тулово и почти округлое днище. Последние также украшены в верхней части жемчужным орнаментом [55]. Приблизительные размеры сосуда: высота — около 25 *см*, при высоте венчика — 1,5 *см*, диаметр устья — 20 *см*. Примерно такие же размеры имеют сосуды и из Новосвободной. Весьма выразительным предметом в этом комплексе является бронзовое вилообразное орудие с двумя загнутыми остриями и небольшой трубчатой втулкой (рис. 11, 4*а*, 4*б*). Совершенно аналогичные предметы обнаружены как в Новосвободненских дольменах [56], так и в ряде других памятников позднего этапа развития майкопской культуры, в частности в кургане около ст. Махошевской [57]. Следует отметить, что близкие к ним по форме вилообразные орудия с одним, двумя или тремя крюками и трубчатой втулкой известны и из ранних комплексов причерноморских дольменов Кавказа [58]. Но особенно характерны эти орудия для так называемой Новосвободненской подгруппы памятников майкопской культуры [59].

Почти во всех памятниках новосвободненской подгруппы обнаружены и плоские бронзовые ножи-кинжалы (рис. 11, *1, 2*) и шилья (рис. 11, *3*), аналогичные найденным в описанном кургане у хут. Новый Аршти [60].

Все металлические предметы из рассматриваемого комплекса были подвергнуты Е. Н. Черных спектральному анализу в кабинете спект-

[55] ОАК за 1898 г., стр. 34—35, рис. 49—51.
[56] Там же, табл. II, *29—31*.
[57] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 84, рис. 4, *2*.
[58] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949, табл. XXXII, *3, 8*.
[59] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 83.
[60] ОАК за 1898 г., табл. III, *33—34*; табл. IV, *52*.

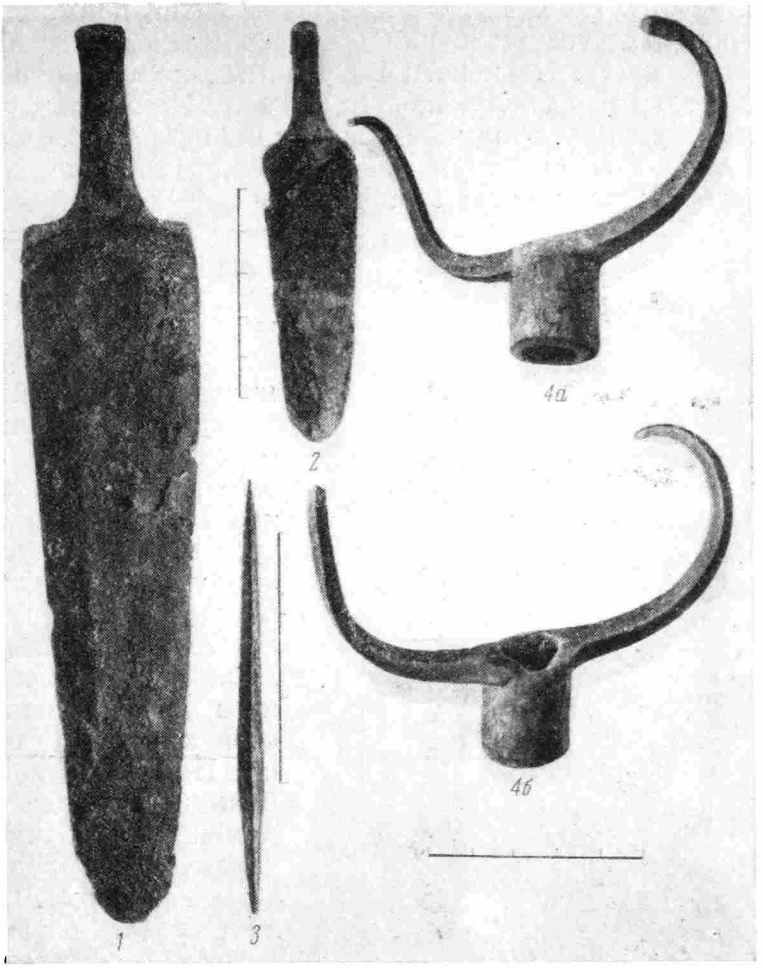


Рис. 11. Инвентарь древнейшего погребения в кургане у хут. Новый Аршти

1, 2 — бронзовые ножи-кинжалы; *3* — бронзовое шило; *4а, 4б* — бронзовый крюк

рального анализа Института археологии АН СССР. Анализ показал, что все они в основе медные, но в их составе имеется мышьяк. Причем большой нож содержит его 4,0%, маленький нож — 2,5%, вилообразное орудие — 1,6%, шило — 2,0%, стенка котла — 0,75%, заклепка на котле — 2,20%. Кроме того, большой нож, шило и заклепка на сосуде содержат 3,00—4,00% никеля. Как видим, рассмотренные предметы изготовлены из мышьяковистой бронзы, близкой по составу ранней прикубанской бронзе. Наличие же в составе металла никеля следует объяснить, по-видимому, особенностями медных руд, из которых выплавлялся сплав.

Кроме металлических предметов, в рассматриваемый комплекс входили каменная ступка, точильный камень и два глиняных сосуда. Уникальной следует признать каменную ступку. Она имеет уплощенно-шаровидную форму (рис. 12, *1*). В верхней части ее имеется отверстие диаметром 8 *см* и глубиной 6 *см* (рис. 12, *2*). Такие предметы неизвестны до сих пор в памятниках майкопской культуры.

Что же касается точильного камня (рис. 12, *3*), то близкие ему по форме и назначению предметы найдены в ряде древнейших памятников Прикубанья. В частности, подобные точильные камни найдены в Новосвободненских дольменах.

Весьма интересны и глиняные сосуды, один из которых удалось полностью восстановить (рис. 13). Он имеет невысокий прямой, отогнутый наружу, венчик, раздутое шаровидное тулово и плоское днище. Сосуд красно-охристого цвета. На некоторых участках наружной поверхности сохранились следы светло-коричневого ангоба. На тулове, чуть ниже шейки, имеется налепной орнамент в виде трех округлых выпуклин.

Этот сосуд совершенно аналогичен описанным выше сосудам из других древнейших подкурганных погребений у хут. Новый Аршти, а последние, как указано, тесно связываются по форме и некоторым технологическим особенностям с керамикой целого ряда памятников майкопской культуры. Теперь мы можем говорить о связи между керамикой этих памятников и по характеру орнаментации. Известно, что сосуды, украшенные орнаментом в виде округлых выпуклин, обнаружены как в поселениях (Хаджох I, III, Мешоко, Долинское) [61], так и в погребениях майкопской культуры (дольмены в ст. Новосвободной) [62]. Любопытно, что здесь этот орнамент переходит и на металлические предметы (сосуды и топоры). Особо следует сказать о том, что аналогичный орнамент отмечен и на отдельных образцах посуды из Лугового поселения [63]. Сравнительное изучение посуды, украшенной таким орнаментом, позволяет установить, что в Прикубанье сосуды, как правило, орнаментированы несколькими рядами округлых выпуклин-«жемчужин», в то время, как к востоку от Прикубанья — в Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии этими выпуклинами украшены лишь отдельные участки сосудов. Отличительной особенностью является и то, что на сосудах из Прикубанья эти шишечки продавлены изнутри сосуда, а на сосудах из Долинского и Лугового поселений и кургана у хут. Новый Аршти они налепные.

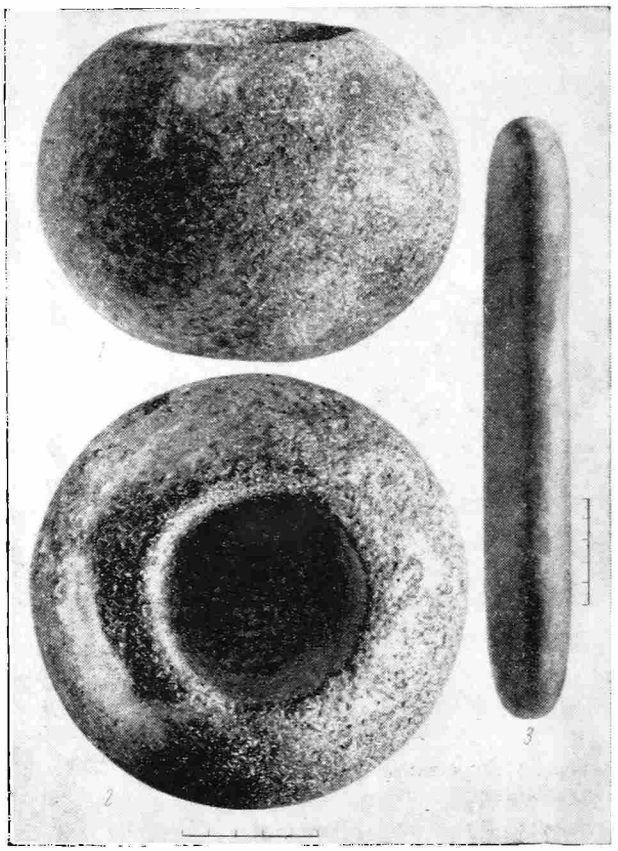


Рис. 12. Каменные предметы из древнейшего погребения в кургане у хут. Новый Аршти

1, 2 — ступка; *3* — точильный камень

Таким образом, тесная связь рассматриваемого комплекса с памятниками раннебронзовой эпохи Прикубанья, в частности, с материалами из Новосвободненских курганных дольменов, обосновывается с достаточной полнотой. Не остается никакого сомнения в том, что курганный

[61] А. А. Формозов. Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой в Краснодарском крае. Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II, Майкоп, 1961, стр. 54, рис. 12; стр. 65, рис. 20; А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. Там же, стр. 89, рис. 14, *1—3*; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., табл. VI, *1—3*.

[62] ОАК за 1898 г., табл. V, *57, 59, 63*.

[63] Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 104, рис. 28.

Рис. 13. Глиняный сосуд из древнейшего погребения в кургане у хут. Новый Аршти

могильник у хут. Новый Аршти представляет майкопскую культуру со всеми ее характерными признаками. Причем здесь представлены не только погребения позднего, так называемого новосвободненского этапа развития майкопской культуры, но и начальной поры ее развития.

Значение могильника у хут. Новый Аршти не ограничивается наличием в нем погребений, доказывающих распространение и развитие майкопской культуры на территории Чечни. Оно заключается и в том, что здесь, кроме того, представлено значительное количество погребений, характеризующих различные этапы развития северокавказской культуры II тысячелетия до н. э., слабо изученной на этой территории. Достаточно сказать, что только в 1961 г. здесь исследовано около 40 погребений, относящихся к этому времени. В погребениях, совершенных преимущественно в скорченном положении на правом и левом боку, головой чаще на восток, найдены характерные образцы посуды северокавказской культуры. Это, как правило, небольшие горшки (рис. 3, *3—6*). Среди них имеются орнаментированные сосуды, в том числе украшенные веревочным и штампованным орнаментом (рис. 4, *5*). Остальной инвентарь — это преимущественно бронзовые украшения. Здесь найдены разнообразные подвески, в том числе лапчатые (рис. 7, *1*), в виде топориков (рис. 7, *7*, *8*), круглой формы (рис. 7, *5*, *6*) и др. (рис. 7, *9*, *10*), а также цилиндрические пронизки (рис. 7, *2—4*), украшенные иногда рельефными изображениями змей (рис. 7, *2*).

Следует отметить находку в одном из погребений, раскопанных в 1960 г., прекрасно заполированного каменного сверленого топора (рис. 7, *12*). Он отличается от изящных топоров кабардино-пятигорского типа, но весьма близок по форме топору из могильника эпохи бронзы в сел. Первомайском (б. Галашки) в ЧИАССР [64].

---

[64] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 89, рис. 23, *11*, *12*.

Приведенные материалы с неоспоримостью свидетельствуют о большом значении Бамутского курганного могильника для изучения культуры Чечено-Ингушетии III—II тысячелетий до н. э.

Исследования рассмотренных памятников дают весьма ценные данные как для характеристики местной культуры медно-бронзового и раннежелезного века, так и для решения ряда важных проблем кавказской археологии. Среди них особо следует отметить проблему взаимоотношения и связи древнейших культур Закавказья (культура так называемого куро-араксского энеолита) и Северного Кавказа (майкопская культура).

С решением этой проблемы связано выяснение таких важных вопросов, как установление хронологии памятников Северного Кавказа III тысячелетия до н. э., определение точных ареалов древнейших культур Кавказа и их взаимоотношения с культурами древнего Востока и т. д.

В связи с раскопками Бамутского могильника представляется возможным более детально и широко охарактеризовать восточный вариант северокавказской культуры II тысячелетия до н. э.

Наконец, исследование Серженюртовского поселения позволяет выяснить процесс историко-культурного развития Чечено-Ингушетии в конце бронзового и в начале раннежелезного века, определить восточные границы кобанской культуры, выяснить взаимоотношение последней с каякентско-хорочоевской культурой горной Чечни и Дагестана.

С. А. ЕСАЯН, А. Н. ШАГИНЯН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ЗАНГЕЗУРЕ (Армянская ССР)

В 1959 г. на территории Армении были открыты новые интересные археологические памятники.

1. Памятники Горисского района. При строительстве шоссейной дороги Горис — Шинуайр, в местности Шакараджур, в 5 *км* западнее г. Гориса, были открыты следы поселения и могильников. При осмотре местности, представляющей собой крутой склон, заросший кустарником и лесом, на поверхности никаких следов археологических памятников мы не обнаружили. Поселение и могильники, тянувшиеся, по словам рабочих, на 1,5 *км*, были покрыты землей на 1,5—2 *м*. На указанном участке в большом количестве находили: битую посуду из черной и красной глины, кости животных и людей, а также много предметов домашнего обихода — ступки, зернотерки, терочники, каменные песты, точильные камни и т. п.

В разрезе склона нами в трех местах были зафиксированы круглые ямы, диаметром около 1 *м*, перекрытые сверху камнями: в том же слое земли были заметны остатки стен. Весь материал рабочими был сброшен под откос, кроме одного каменного колеса от модели повозки, которое было передано в Горисский музей.

При осмотре каменной насыпи, под откосом дороги, среди сброшенных камней нами были обнаружены следующие предметы: ступка из красного камня с обломанными краями (по словам рабочих, их было несколько штук), высота сохранившегося экземпляра — 30 *см* (рис. 1, *3*); пестик из пористого базальта, высотой 27 *см* (рис. 1, *3*); зернотерка из базальта в форме прямоугольной плиты (размером 26 × 14 *см*) с округлыми краями и обломок терочки размером 18 × 13 *см* (рис. 1, *2*); каменное колесо модели повозки (рис. 1, *4*); молотильная доска, представляющая собой камень треугольной формы, с плоской нижней рабочей и округлой верхней частью, на узком конце сделан перехват для привязывания каната, длина — 60 *см*. (рис. 1, *1*); по описанию рабочих, такой же камень с отверстием на шейке (вместо выемки) за день до нашего приезда был уложен в основу строящегося здесь моста.

Весь обнаруженный здесь материал (кроме молотильной доски) находит широкие аналогии среди памятников Армении. Так, в Шенгавитском поселении были обнаружены зернотерки, верхние терочники, каменные песты, модели колес и т. д. [1].

---

[1] Е. А. Байбуртян. Орудие труда в древней Армении (на арм. яз.). Вестник Ин-та истории и литературы, т. I, Ереван, 1938.

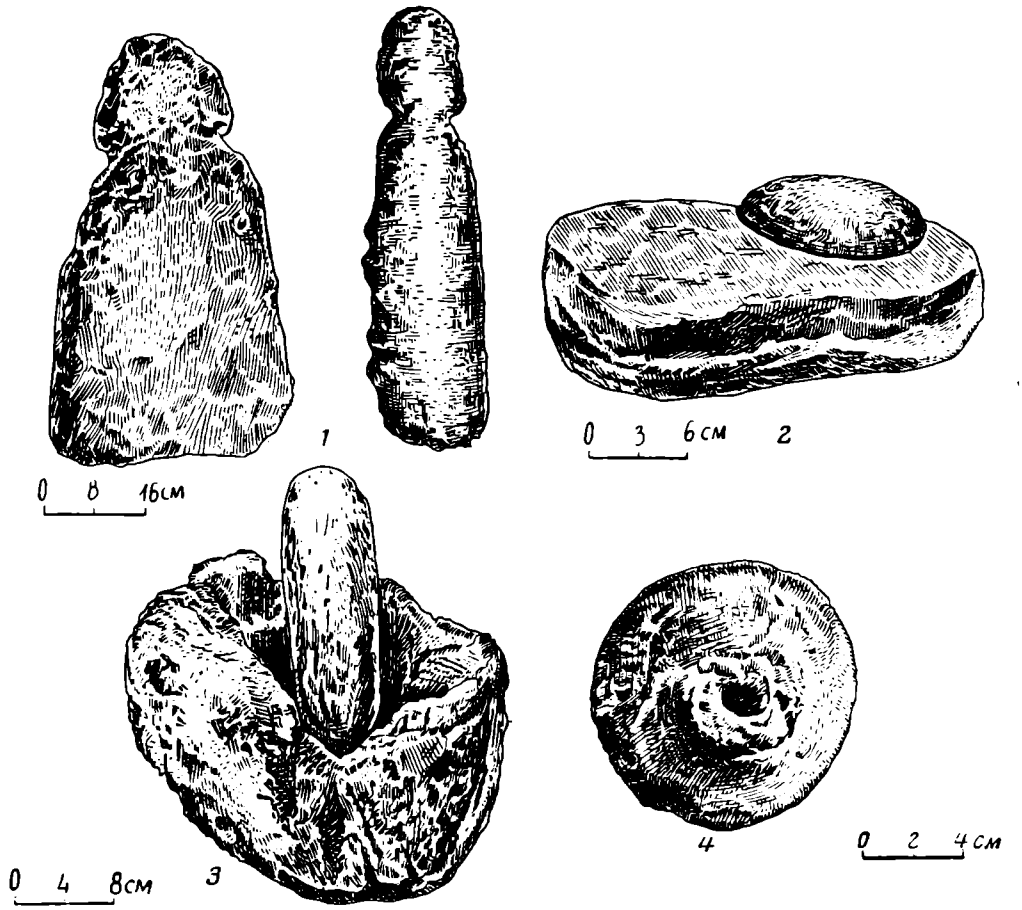


Рис. 1.

1 — каменная молотилка; *2* — зернотерка с терочником; *3* — каменная ступка с пестиком; *4* — каменное колесо модели повозки

Аналогичные предметы найдены и в других памятниках: Шреш-Блур [2], Эчмиадзин [3], Гарни [4], Двин [5] и на других поселениях Армении, а также и на территории Азербайджана и Грузии (Ханларское поселение [6], Мингечаур [7], Шамхор [8], Бешташенская крепость [9], Сачхерский район [10]). Указанный материал бытует на протяжении очень продолжительного времени. Единственным датирующим предметом для данного поселения является вышеописанная молотильная доска. Она сходна с лчашенскими молотилками, четыре экземпляра которых были найдены в каменных насыпях курганов, датируемых XIV—XII вв. до н. э.[11].

---

[2] Е. А. Байбуртян. Псевдонеолитические поселения Армении. ПИМК, Л., 1933, т. 1—2, стр. 39.

[3] ГМА, инв. № 780.

[4] Б. Н. Аракелян. Гарни, I. Сб. «Раскопки в Армении», № 3, Ереван, 1951, стр. 25.

[5] К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки, т. I, Ереван, 1952, стр. 179.

[6] Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 80—85.

[7] Р. М. Ваидов. Археологические работы в Мингечауре в 1950 году. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 89.

[8] Я. И. Гуммель. Археологические раскопки в районах АзССР, Изв. Аз. филиала АН СССР, 1939, № 3, стр. 61.

[9] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, стр. 112.

[10] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция в 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 70.

[11] Раскопки А. О. Мнацаканяна. Материалы не опубликованы.

Лчашенские молотильные доски делятся на два типа. Первый тип, чуть приподнятый в передней части, имеет отверстие, через которое вдевался канат, соединявший молотилку с ярмом быков. Второй тип, той же формы, вместо отверстия имеет выступ, служивший для привязывания каната. Интересно отметить, что лчашенские молотилки, в отличие от зангезурских, имеют одно техническое преимущество, которое объясняется или более высокой земледельческой культурой, или более поздней датой. Указанное преимущество заключается в том, что на нижней рабочей части лчашенских молотилок, в отличие от зангезурских, имеющих гладкую поверхность, проведены горизонтальные и вертикальные взаимно перекрещивающиеся борозды; оставшееся между ними пространство образует почти равные квадратные выступы, расположенные в правильном порядке. Обнаруженные на осушенной береговой полосе о. Севан, молотилки первоначально были приняты за якоря, но находки аналогичных камней высоко в горах Зангезура вместе с комплексом сельскохозяйственных орудий лишний раз подчеркивают их прямое назначение как архаичной молотильной доски, применявшейся в древней Армении.

Интересно отметить, что более поздние деревянные молотилки, обнаруженные на территории Армении, Грузии и Азербайджана, повторяют форму рассматриваемых нами молотилок, хотя и отличаются по размерам. Из числа подобных молотилок, датируемых началом I тысячелетия до н. э., следует упомянуть молотилку, найденную еще в конце прошлого столетия Ж. де Морганом в районе Ахталы [12]. Деревянная часть молотилки почти не сохранилась, но остались отдельные куски дерева со вставленными камешками. По данным де Моргана, большое количество остатков подобных молотилок было обнаружено в погребениях Шейтан-Дага, Мусиери и Ахталы [13]. Расположение камней на этих молотилках повторяет расположение выступов между бороздами лчашенских каменных молотилок.

Подобного типа деревянные молотилки обнаружены и в Азербайджане, неподалеку от Ханлара [14], в кургане № 2. Ханларская молотилка состояла из двух продольных половинок, соединенных друг с другом деревянной перекладиной. Передняя часть ее немного загнута кверху, так же как на каменных молотилках из Лчашена и Зангезура.

Деревянные молотилки известны и в Грузии, где они были обнаружены в Самтаврском могильнике и Цхинвали [15].

Из рассмотренного материала становится ясно, что до появления деревянных молотилок, относящихся к началу I тысячелетия до н. э., на территории Армении в середине II тысячелетия до н. э. бытовали каменные молотилки, причем древнейшей из них является описанная нами молотилка из Зангезура. Эта эпоха характеризуется развитым скотоводством, которое носило полукочевой характер [16]. Земледелие находилось еще на низком уровне, земледельческие орудия были несовершенны [17]. Одним из таких архаических орудий является описанная нами молотилка. Ее форма отличается появлением выступов-шипов между бороздами (лчашенские молотилки), а в начале I тысячелетия до н. э. в результате общего развития земледелия и земледельческих орудий принимает новую форму молотильных досок типа найденной в Ахталы, которые, с незначительным изменением, бытовали до недавнего прошлого.

---

[12] J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, т. I—II, Paris, 1889, стр. 133.
[13] Там же, стр. 134.
[14] Я. И. Гуммель. Курган № 2 близ Ханлара. КСИИМК, вып. XXIV, 1949.
[15] Т. Н. Чубинишвили. Погребение с молотильной доской на Самтаврском могильнике. Сообщ. АН ГрузССР, т. 12, № 1, 1951, стр. 61.
[16] А. З. Тамамшев. Крупный рогатый скот Армении в прошлом и настоящем. Ереван, 1947, стр. 15.
[17] Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 12.

Рис. 2.

1 — кружка с одной зубчатой ручкой; *2* — глиняная ваза с плоскими ручками; *3* — глиняные сапожки

Таким образом, Горисское поселение является одним из многочисленных поселений Северной Армении, которые в начале I тысячелетия до н. э., войдя в состав Урартского государства (или в орбиту его культуры), переходят на новую, более высокую ступень развития.

2. Находки в Кафанском районе. Интересные и весьма своеобразные глиняные сосуды обнаружены в пос. Давид-Бек. Здесь при проведении трассы водопровода были открыты два каменных ящика, расположенных с востока на запад. Погребения были выложены речным камнем и имели размер 2 × 0,8 × 0,5 *м* [18].

Сохранившаяся посуда, в основном не известная до настоящего времени в Армении, делится на несколько типов. К первому относятся две маленькие черные лощеные кружки с зубчатой ручкой, небольшим загнутым венчиком, широкой горловиной, низким округлым туловом и плоским дном. На горловине имеется пять горизонтальных вдавленных углубленных линий, проведенных пальцем по сырой глине, соединяющихся у нижнего основания ручки. Обе кружки отличаются друг от друга лишь размерами; первая имеет высоту 10 *см*, диаметр горла — 6,5 *см*, диаметр тулова — 10 *см*. Размеры второй кружки: высота — 9 *см*, диаметр горла — 6 *см*, диаметр тулова — 9 *см* (рис. 2, *1*).

К рассматриваемому типу принадлежит и третья кружка из глины сероватого цвета, которая отличается от двух вышеописанных еще меньшим размером и тем, что ручка у нее гладкая (высота — 7,5 *см*, диаметр горла — 4,5 *см*, диаметр тулова — 7,5 *см*). Таким образом, у всех трех кружек диаметр тулова равен высоте, все они хорошего обжига.

Кувшины с подобным орнаментом, но несколько отличающиеся по форме, известны и из других районов Армении, напр. в Камо (инв. ГМА 20/24). В Басаргечаре они найдены с вещами, относящимися к VI в. до н. э.[19]. Подобного же типа кружка, найденная в с. Кущи, датируется Я. И. Гуммелем эпохой развитой бронзы [20].

Второй тип сосудов представлен тремя кувшинами. Первый из них — красный лощеный одноручный кувшин, высотой 20 *см*, с шаровидным туловом, невысоким горлом и прямым венчиком; ручка круглая, витая,

[18] Найденная здесь посуда и несколько медных зубчатых браслетов были повреждены при работах, и лишь несколько изделий были переданы в Кафан заведующему отделом культуры исполкома М. Амбарцумяну, откуда они доставлены нами в Ереван

[19] А. О. Мнацаканян. Археологические находки в селе Басаргечар Армянской ССР. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 41.

[20] Я. И. Гуммель. Археологические очерки, стр. 136.

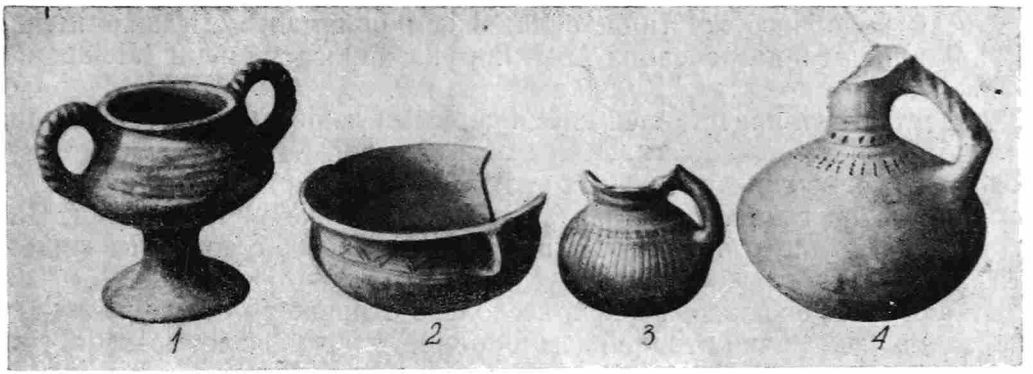


Рис. 3.
1 — глиняная ваза с витыми ручками; *2* — миска с одной ручкой; *3* — ковш; *4* — кувшин с витой ручкой

в виде перекрученного жгута, в нижней части она образует острый выступ и под прямым углом соединяется с туловом. Под горловиной нанесены два нешироких пояса: верхний — гладкий, нижний — с семечковидным орнаментом. Ниже, на тулове, проведена горизонтальная линия с вертикальными черточками, ниже нее расположен широкий пояс, образованный тремя рядами вдавленных углублений, дно широкое (рис. 3, *4*).

От второго красного лощеного кувшина сохранилась верхняя часть горловины и часть тулова с круглой гладкой ручкой. Узкое горло расширяется в верхней части, образуя прямой венчик. На горле три выпуклых выступа. Ручка в верхней части, в месте соединения, выступает над венчиком, образуя полукруглый выступ.

Третий кувшинчик имеет низкое широкое тулово с высоким, слегка расширяющимся горлом, ручка гладкая с выступом. Под венчиком на горле проходит широкий выпуклый пояс, на котором нанесен орнамент, напоминающий отпечаток следа человеческой ноги. Ниже на тулове проведены вертикальные лощеные линии. Высота сосуда 10 *см* (рис. 3, *3*).

Сосуды с одной ручкой, имеющей выступ в средней части, находят широкие аналогии в погребениях Армении.

К третьему типу посуды относятся две большие глубокие миски. Первая из них — с прямым слегка отогнутым наружу венчиком, от которого отходит одна маленькая сквозная вертикальная ручка. Под венчиком прочерчен пояс из двух горизонтальных линий шириной в 1,5 *см*, заполненный тройной ломаной линией; высота — 9 *см*, диаметр — 19 *см* (рис. 3, *2*).

Вторая миска повторяет форму первой, но венчик ее загнут внутрь. Под венчиком прочерчена чуть заметная углубленная линия. Высота — 10 *см*, диаметр — 20 *см*, дно плоское. Обе миски коричневого цвета, с гладкой лощеной поверхностью. Миски подобного типа широко распространены в погребальных инвентарях IX—VIII вв. до н. э., хотя в пережиточном состоянии они бытуют до VI в. н. э. (Айриванк, Макарашен [21], Шейтан-Даг [22], Мусиери [23], Хртаноц [24] и др.); их находили и в Грузии, и в Азербайджане, в погребениях, близких по времени с нашими (Цинцкаройское, погребение [25], Триалети [26], Кедабек [27], Мингечаур [28] и др.).

[21] А. А. Мартиросян. Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского времени. Изв. АН АрмССР, 1956, № 9, стр. 63—67.
[22] J. de Morgan. Ук. соч., стр. 144—148.
[23] А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван, 1954, стр. 21—27.
[24] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 56—57.
[25] Там же.
[26] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI, М., 1911.
[27] С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. История материальной культуры Азербайджана, т. I, Баку, 1949, стр. 9—15.
[28] А. А. Мартиросян. Раскопки в Кировакане..., стр. 62

Миски подобного же типа, с линейным орнаментом, также широко распространены в погребениях Армении указанного времени (Ленинакан, Тазакент, Кармир-Блур, Дилижан и др.) [29].

Четвертый тип представлен двумя черными лощеными вазами. Первая ваза на высоких ножках имеет две витые ручки. Верхнюю часть тулова опоясывают семь горизонтальных углубленных линий, проведенных пальцами по сырой глине. Высота вазы — 16 *см*, ножка внутри полая. Ваза изготовлена вручную, но имеет гладкую поверхность с хорошим лощением (рис. 3, *1*).

Вторая ваза, схожая с первой, несколько отличается от нее размерами и формой ручек. Ручки второй вазы широкие, плоские, с четырьями вертикально выступающими линиями. Ножка полая. Высота вазы — 14 *см* (рис. 2, *2*).

Эти вазы сходны с вазой из Сисиана (Зангезур), но последняя отличается гладкостью тулова и ручек, а также меньшим размером [30].

Ваза с ножкой, подобная нашим, обнаружена А. А. Ивановским в Кедабеке в погребении № 44 [31]. Она отличается от рассматриваемых нами ваз широкой мискообразной верхней частью и маленькими ручками. Под отогнутым наружу венчиком имеется орнамент, схожий с орнаментом мисок из рассматриваемого нами комплекса.

Нужно отметить, что для датировки указанного погребения № 44 из Кедабека большое значение имеет найденная там шейная гривна, часто встречающаяся в погребальных комплексах Армении VIII—VI вв. до н. э.

К пятому типу мы относим сосуд в виде пары сапог — это спаренные между собой кубки, сообщающиеся друг с другом сквозным круглым отверстием диаметром 2 *см* (рис. 2, *3*). Под венчиком кубков нанесены три вдавленных горизонтальных пояска. Между двумя кубками расположены широкие ручки (аналогичные ручкам вышеописанной второй вазы и одинакового с ними размера). В части соединения кубков-голенищ в передней части на правой ноге имеется треугольный шипастый выступ (на левой ноге — отбит). Высота сапожков — 20 *см*, диаметр голенищ-кубков — 10 *см* (следовательно, ступни имеют 1 *см* толщины), высота кубков — 10 *см*, емкость — 1 *л*. Ножки прямые по наружным краям, с внутренней стороны слегка вогнуты.

Кубки-сапожки ручной работы, черные лощеные, хорошего обжига. Подобного рода сосуды нам неизвестны, хотя в Закавказье имеются находки глиняных сапог и башмаков.

К такому же виду керамических изделий относится пара сапог прекрасной работы, с узкими носками, небольшой ножкой, с широкими раструбными голенищами, найденных при раскопках Кармир-Блура в 1959 г.; оба сапога «для правой ноги», украшены шахматным орнаментом [32].

Сравнительно много сосудов в виде сапожков оказалось в Азербайджане, в Мингечауре их найдено девять штук. Описавший их Г. И. Ионе подразделяет их на четыре группы [33]. Подобные изделия обнаружены также в Кармир-Ванке («красный монастырь» — по-армянски) в Нахичеванской АССР [34], где в разное время были обнаружены три сапога [35]. Глиняный сапог был обнаружен также в Ханларе [36]. Кроме того, по данным А. А. Иессена, приводимым в указанной статье Г. И. Ионе, подобные

[29] Материалы не опубликованы.

[30] Раскопки М. С. Асратяна. Материал не опубликован.

[31] А. А. Ивановский. Ук. соч., стр. 117.

[32] Материал не опубликован. Раскопки Б. Б. Пиотровского.

[33] Г. И. Ионе. Глиняные сосуды-сапожки из Мингечаура. Материальная культура Азербайджана, вып. III, Баку, 1953, стр. 37 сл.

[34] А. А. Спицын. Некоторые закавказские могильники. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 5.

[35] Г. И. Ионе. Ук. соч., стр. 46—47.

[36] Я. И. Гуммель. Погребальный курган (№ 1) около Елендорфа АзССР. Баку, 1931, стр. 6.

сапожки известны и из других мест [37]. Указанные изделия Г. И. Ионе датирует началом I тысячелетия до н. э., однако ряд изделий относит к V—III вв. до н. э. По абсолютной шкале автор датирует рассмотренный им материал в основном первой половиной I тысячелетия до н. э. В этой же статье Г. И. Ионе рассматривает вопрос о назначении сосудов-сапожков.

Часть исследователей (М. И. Максимова, А. А. Иессен и др.) считает, что сосуды-сапожки являются предметами для магических действий. Другие же (например, Паттер) считают, что эти сосуды использовались в быту и их форма случайна. Сам Г. И. Ионе относит мингечаурские сапожки к числу предметов магических действий, использовавшихся при обрядах хтонического культа.

Нам кажется, что кубки-сапожки не были лишь культовыми, магическими сосудами. Известно, что даже при исполнении обрядов заимствуются, в основном, бытовые предметы. Ни в коей мере не отрицая магического назначения указаных сосудов, мы предполагаем, что наряду с этим они использовались и в быту. Лучшим доказательством нашего мнения является факт обнаружения их при раскопках урартской крепости Тейшебаини, где они не могли использоваться при обрядах хтонического культа, так как известно, что урарты при погребении кремировали своих покойников. В инвентаре двух известных урартских колумбариев в Игдыре и Нор-Ареше (Ереван) подобных сосудов-сапог нет, однако они были найдены в крепости, неподалеку от винных кладовых.

Описанный нами сосуд имеет еще одну интересную особенность, которую мы считаем необходимым отметить. Ручки сосуда расположены в центральной части, оставляя края свободными, что очень удобно для питья, а сквозное отверстие позволяет жидкости переливаться из одного кубка в другой. Емкость сосуда — 1 *л* — также интересна тем, что многие современные рога для вина имеют такую же емкость.

Рассмотрение изложенного материала показывает, что мы имеем основание датировать сосуды VIII—VI вв. до н. э. (об этом, кроме приведенных аналогий, свидетельствуют также вышеупомянутые зубчатые браслеты), несмотря на то что некоторые элементы указывают на возможную их связь с более поздним временем (V—IV вв. до н. э.) [38].

3. Фигурка льва из Горисского музея. В Горисском краеведческом музее хранится бронзовая скульптура льва, найденная при земляных работах в 1951 г. в с. Сзнак Кафанского района (рис. 4). Вместе с ней был открыт ряд изделий из керамики и бронзовый котел, к сожалению, уничтоженные рабочими.

Сохранившаяся статуэтка представляет собой льва с вытянутыми передними лапами (правая сломана) и подогнутыми задними. Массивная голова приподнята, пасть разинута. Веки хищника чуть приспущены, сморщенные же ноздри стянуты вверх, создавая впечатление рассерженного чем-то хищника, сидящего в спокойной, но напряженной позе, что подчеркивается также нервно закинутым на спину хвостом и прижатыми ушами. Вся фигура — олицетворение мощи и силы, что подчеркивается отчетливо выраженными мышцами.

Фигура массивная, имеет 20 *см* в длину, 13 *см* в высоту и весит 5 *кг* 175 *г* (учитывая, что одна лапа сломана, а в нижней части при находке просверлили отверстия для определения металла, можно предположить, что статуэтка при изготовлении весила около 5,5 *кг*).

В нижней части скульптуры имеются две треугольные выемки,— очевидно, скульптура стояла на штативе или входила в какой-либо выступ, украшая части мебели или строения.

[37] Я. И. Гуммель. Погребальный курган (№ 1) около Елендорфа АзССР. Баку, 1931.

[38] К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959, стр. 160.

Рис. 4. Бронзовая статуэтка льва

Сплошная внутри, фигура отлита в единой бесствочатой форме и в дальнейшем обработана. Прекрасно сохранившийся металл покрыт бледно-зеленой благородной патиной.

Изображения львов известны на территории Армении еще с глубокой древности. К числу подобных изображений относятся рельефные фигуры трех пар львов на золотой чаше из богатого погребения в Кировакане, исследованного Б. Б. Пиотровским в 1948 г.[39]. Погребение, при котором они найдены, датируется второй половиной II тысячелетия до н. э.

Фигуры львов найдены и при раскопках Лчашенских курганов, относящихся к XIV—XII вв. до н. э. Здесь обнаружена бронзовая голова льва (обтянутая тонкой золотой пластинкой) с разинутой пастью, укрепленная на небольшой круглой подставке. Кроме того, в этих же погребениях найдены небольшие фигурки львов, украшавшие ажурные навершия деревянных деталей повозки[40]. Изображения львов, аналогичные кировоканским, датируемые той же эпохой, имеются и на золотом убранстве погребального штандарта из кург. № 15, раскопанного Б. А. Куфтиным в Триалети[41].

Следует отметить, что скульптура льва из с. Сэнак имеет большое сходство с изображениями львов из урартских памятников, в большом количестве обнаруженных как в центре Урартского царства — г. Тушпе (совр. Ван), так и на его окраинных крепостях — в Еребуни и Тейшебаини.

Среди памятников урартского монументального искусства примечательна фигура крылатого льва, высотой 0,46 *м*, лежащего на ножке трона (коллекция Вогюэ). Она не только свидетельствует о высоком металлургическом мастерстве урартов, но и является образцом художественного и технического совершенства[42]. Аналогичная статуэтка известна из раскопок Рассама на Топрах-Кале (Ван), она хранится в Британском музее. К этому же кругу памятников относятся статуэтка крылатого льва с

[39] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Л., 1949, стр. 47.

[40] Материалы не опубликованы. Раскопки А. О. Мнацаканяна.

[41] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I, стр. 435, табл. С.

[42] Б. Б. Пиотровский. Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа. Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа, Л., 1939, стр. 52.

человеческим торсом (высотой 0,16 *м* и длиной 0,15 *м*), хранящаяся в Гос. Эрмитаже, и фигура из Луврского музея. При рассмотрении указанных скульптур бросается в глаза их замечательная отделка и высокое мастерство изготовления [43]. Каждый отдельный предмет имеет свои определенные черты, отличающие его от остальных, что свидетельствует об их отливке в отдельных бесстворчатых формах, которые, как известно, уничтожались после первой отливки, в отличие от массовых изделий, которые в одной и той же форме отливались по нескольку штук.

Эти скульптуры, как считает Б. Б. Пиотровский, несомненно, относятся к придворному искусству, представляя собой, вероятно, части парадного трона урартских царей [44]. Они долгое время считались ассирийскими, настолько они схожи с художественными изделиями древнего Двуречья, особенно в трактовке и орнаментации фигур животных. Но, несмотря на это, указанные изделия следует признать урартскими.

Много общих черт с нашей фигуркой имеется и у изображения льва на каменном барельефе из Каркамыша (музей г. Алеппо), где изображен стоящий лев с разинутой пастью, прижатыми ушами и низко опущенным, волочащимся по земле хвостом. Короткая шея зверя покрыта густой гривой. Мускулы ног четко оконтурены округлыми линиями, подчеркивающими силу мышц, что мы замечаем и на урартских изображениях. Это подчеркивает общность культур древнего Востока, с сохранением за каждой своих индивидуальных черт.

Известны фигуры львов из Тушпы также на обломках щитов с надписями урартских царей Русы, сына Аргишти, и Русы, сына Эримены (685—585 гг. до н. э.); фигуры львов, имеющиеся на них, выполнены штампом, с последующей их чеканкой. Они имеют много общего с фигурами львов из Тейшебаини, которые, в свою очередь, аналогичны рассматриваемой нами скульптуре из Горисского музея.

Изображения львов из урартских крепостей Еребуни (на фресках) и Тейшебаини (на щитах) имеют много общих черт с описанным нами львом [45]. Здесь мы отмечаем у зверей также разинутую пасть и теми же приемами подчеркнутые мышцы.

Изображения львов имеются также на обломках бронзового колчана из Тейшебаини, найденного при раскопках 1950 г. [46]. Изображения животных здесь очень характерны и совпадают с изображениями из Тушпы, что еще более связывает памятники искусства, найденные в окраинной крепости Тейшебаини, с памятниками из центральной части Урарту.

Большое сходство имеется также между рассматриваемой нами фигурой и изображениями львов на обломках бронзовых поясов из урартского колумбария в Нор-Ареше, находящегося неподалеку от урартской крепости Еребуни [47]. На сохранившихся обломках изображены сцены охоты, аналогичные ассирийским, фигуры львов даны в движении, приемы, подчеркивающие их силу и мощь, общие для урартского искусства.

Особенно четко связь урартских изображений с горисским львом наблюдается по фигуре льва, завершающей ручку котла из Тейшебаини [48]. Здесь мы замечаем почти тот же поворот головы хищника, тот же страшный оскал разинутой пасти, те же сморщенные ноздри, приспущенные веки и прижатые уши.

Таким образом, рассмотренная нами статуэтка находит полную аналогию среди памятников урартского искусства и датируется последним периодом существования урартского государства — VII—VI вв. до н. э.

[43] Б. Б. Пиотровский. Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа, стр. 52—53.

[44] Там же, стр. 55.

[45] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, т. 3, Ереван, 1950—1955, стр. 30.

[46] Там же, т. 2, стр. 38.

[47] А. А. Мартиросян, А. Мнацаканян. Урартский колумбарий в Нор-Ареше. Изв. АН АрмССР, обществ. науки, № 10, 1958.

[48] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, рис. 41.

Однако особенно интересным является то обстоятельство, что, как известно, Зангезур (географическое название области, куда входят Горисский, Кафанский и ряд соседних районов АрмССР) не был в составе Урартского государства. Нахождение здесь памятника урартской культуры подчеркивает связи Урарту с племенами, населявшими рассматриваемые районы [49].

Рассмотренная нами скульптура льва, по нашему мнению, является предметом местного производства, так как урартские предметы монументального искусства изготовлялись полыми внутри — прием, который в богатом медью Зангезуре не имел особого значения. Однако в ней чувствуется большое влияние урартского искусства и культуры на племена Армянского нагорья. Последние (после гибели урартского царства) вместе с другими племенами (в том числе и с самими урартами) создали новое государственное объединение, возглавляемое армянскими племенами.

[49] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья..., стр. 56.

М. М. КОБЫЛИНА

СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ИЗ ФАНАГОРИИ

В искусстве Боспора большое место занимает скульптурный портрет. Известны официальные портретные статуи, ставившиеся в городах, и портретные статуи погребального значения, находимые в курганах [1].

В Пантикапее и Фанагории найдены постаменты статуй с надписями, говорящими о том, что на них стояли статуи правителей Боспора; в Фанагории, например, статуя царицы Динамии [2].

Мраморная статуя из Пантикапея в Гос. Эрмитаже (сохранившаяся без головы) по исследованию Б. В. Фармаковского, сопоставлявшего ее с изображением Спартока на рельефе из Пантикапея, определена им как портретная статуя Спартокида аттической работы [3]. В Керченском музее находится известняковая статуя воина-синда (может быть, меота), найденная близ пос. Сенной, датируемая по типу меча III веком до н. э. [4]. Она была, по всей вероятности, портретной, но лицо слишком повреждено для суждения об его исполнении. Несомненно, что статуя принадлежит боспорскому скульптору.

Хорошо сохранившиеся портретные статуи относятся только к более позднему времени: древнейшими из них являются мраморные статуи второй половины I в. н. э., найденные в 1850 г. в кургане под Керчью и ныне находящиеся в Гос. Эрмитаже [5]. К концу II в. н. э. относится портретная статуя из Анапы [6].

В Гос. Эрмитаже и в Керченском музее хранятся мраморные портретные бюсты и головы, принадлежавшие акролитным статуям и свидетельствующие о развитии боспорского портрета в конце эллинистического периода и в первые века нашей эры [7].

Памятник, который является предметом настоящей публикации, является чрезвычайно важным новым источником для суждения о боспорском портрете на его раннем этапе развития, нам очень мало известном.

---

[1] М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, № 19, 1951, стр. 172—173; М. И. Максимова, М. А. Наливкина. Скульптура. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.— Л., 1955, стр. 313.

[2] IOSPE, II, 356.

[3] Б. В. Фармаковський. Боспорські Спартокіді в атенському різьбярстві. Збірник на пошану акад. Д. І. Багалія, Київ, 1927, стр. 1133—1136.

[4] М. М. Кобылина. Ук. соч., рис. 8, *3*, *4*; Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, № 33, 1954, стр. 144; ОАК за 1896 г., стр. 124, рис. 441.

[5] О. И. Бич. Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г. СА, XXVIII, 1958, стр. 89; М. М. Кобылина. Скульптура Боспора, стр. 174, рис. 3; М. И. Максимова, М. А. Наливкина. Ук. соч., рис. 29а

[6] В. Д. Блаватский. Искусство античных городов Северного Причерноморья. М., 1947, рис. 61; М. М. Кобылина. Новейшие открытия в античной скульптуре. Журн. «Искусство», 1941, № 2, стр. 79; ее же. Скульптура Боспора, рис. 1, 2; М. И. Максимова, М. А. Наливкина. Ук. соч., рис. 29б.

[7] М. М. Кобылина. Скульптура Боспора, рис. 5, 6а, 6б; М. И. Максимова, М. А. Наливкина. Ук. соч., рис. 14.

Во время работы Фанагорийской экспедиции в 1959 г. архитектор Г. И. Гунькин в пос. Сенная среди груды камней, собранных для стройки дома, нашел мужскую голову (рис. 1), исполненную из мягкого местного камня известняка [8]. Голова явно принадлежала статуе; об этом свидетельствует не только излом по линии шеи, но более всего отверстие в толще шеи и головы, служившее для стержня, соединявшего голову с торсом; оно квадратное в плане (каждая сторона равна 0,035 *м*), длиной 0,10 *м*. Если судить по размерам головы (ее высота 0,26 *м*), то статуя была высотой в натуральный человеческий рост.

Находка была случайной, но так как пос. Сенная находится в районе Фанагорийского курганного некрополя, то можно предположить, что статуя была погребальной. Хотя, конечно, здесь могли быть и камни, вывезенные из города; особенно много их местное население выбирает с берегового обрыва, размываемого морем. Однако хорошая сохранность головы скорее говорит о том, что статуя была погребальной.

Голова имеет повреждения: отбит нос и кончик головного убора, выбоины — на левой стороне лица и над правой бровью. Прекрасная сохранность всей правой стороны лица, бороды, головного убора является совершенно исключительной для боспорской скульптуры из мягкого камня. Благодаря этой сохранности можно уверенно говорить не только о сюжете, но и о технике и стиле этой скульптуры.

Скульптура представляет собой изображение пожилого бородатого мужчины в остроконечном головном уборе, из-под которого спадают на лоб, виски и по сторонам шеи вьющиеся волосы. Общий тип широкого лица, обрамленного вьющимися волосами, безбородого или с курчавой бородой, очень близок типу лица персонажей, изображенных на боспорских надгробиях [9].

Головной убор представляет собой войлочную шапку; об этом свидетельствуют отгибающаяся назад острая ее верхушка и мягкие очертания (рис. 2, *3*). Изображения войлочной шапки из близкого ей по форме башлыка найдем и в произведениях греческого искусства, и в боспорской торевтике. Так, на греческом краснофигурном килике первой половины V в. до н. э. в таком головном уборе представлен киммериец [10]; на арибалле Ксенофанта, где изображена битва персов с грифами, персы показаны в мягких шапках типа башлыка с отворотом и развевающимися концами [11]. На куль-обской вазе [12] скиф, перевязывающий ногу раненому скифу, имеет на голове мягкую шапку с острым верхом. На некоторых изображениях ясно показан башлык с двумя длинными концами с боков и массивной частью, свисающей назад. Такой головной убор видим на варваре на белом лекифе в Кабинете медалей Национальной библиотеки в Париже [13], на голове перса (возможно, скифа) на золотой пластинке из Аму-Дарьинского клада в Британском музее [14].

Эти аналогии подтверждают определение головного убора на голове из Сенной как мягкой войлочной шапки. Головной убор и тип лица говорят об изображении местного жителя, не грека, вероятно, синда или меота. Кроме мягкого головного убора, на рассматриваемой нами голове имеется широкая повязка с широкими концами, которые свисают с затылка на шею (рис. 4). Спереди поверхность повязки немного сбита, но она явно имела надо лбом еще какие-то детали. Эта повязка, по всей вероятности, является знаком царского достоинства изображенного лица.

[8] Возможно, керченского.

[9] G. Kieseritzky, C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, табл. XXIX, *406*; табл. XXXII, *450*.

[10] E. H. Minns. Skythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 54, рис. 14.

[11] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 269.

[12] Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854, табл. XXXIII, *1*.

[13] «Древний мир на Юге России». Изборник источников под ред. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского. М., 1918, рис. 14.

[14] E. H. Minns. Ук. соч., стр. 255, рис. 174

Рис. 1. Портретная голова статуи из Фанагории второй половины IV в. до н. э. Песчаник

Рис. 2. Голова статуи в три четверти

Рис. 3. Голова статуи в профиль

Рис. 4. Голова статуи, вид сзади

Подобной формы царская диадема в виде кольца с повязками изображена на сасанидском рельефе, ее форму и изображение М. Ростовцев считал наследием греко-восточного искусства Малой Азии [15].

Хорошей аналогией является головной убор на скифских монетах с портретом царя Скилура [16]. Мы видим здесь коническую мягкую шапку и повязку с широкими концами, свисающую по сторонам шеи и назад. Несколько другого типа диадема изображена на портрете I в. до н. э. из Керчи, который определяется как изображение боспорского царя [17]. Изображенные на царских монетах повязки хорошо согласуются с указаниями авторов, которые говорят о диадеме как о мягкой и легкой ткани; царь Лисимах, раненный Александром Македонским, перевязал руку своей царской повязкой [18].

Таким образом, вероятно, что наша статуя представляла собой изображение царя. Статуя, видимо, была портретной; перед нами лицо пожилого человека с выражением величавого спокойствия, с надменно сжатым властным ртом, с заметными морщинами около носа и слегка опущенными углами рта.

Хорошо сохранившаяся поверхность этой скульптуры имеет следы обработки. У висков можно заметить следы траянки, на остальной поверхности лица они заглажены, на поверхности головного убора есть следы сглаживающего инструмента.

В обработке волос и головного убора широко применен режущий инструмент, от которого остались на поверхности вертикальные полоски и линии, отграничивающие детали головного убора, пряди волос, массу бороды и шею. Техника исполнения свидетельствует о приемах, которыми пользовались обычно греческие скульпторы. Даже в обработке волос не видно следов бурава (см. рис. 4, 5). Пластичность исполнения лица, зна-

---

[15] М. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, вып. 49, 1913, стр. 3—4, рис. 1.

[16] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 137, табл. XXXIII, *22*; В. В. Латышев. Исследование об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 121.

[17] М. Ростовцев. Ук. соч., табл. III, *1, 2*.

[18] Justin. XV, 3; Diadema, DAGR, т. 2, 1888, стр. 120.

ние греческой техники, наблюдаемые в этой скульптуре, дают возможность сопоставления ее с греческой портретной скульптурой и тем самым ее датировки.

Наш памятник является уникальным. Мне не удалось найти аналогий среди античных портретов, но некоторые стилистические черты и технические приемы дают возможность его определения.

В трактовке волос надо лбом и на висках и в исполнении лица есть противоречия, не свойственные греческой скульптуре. По трактовке волос фанагорийскую голову можно было бы отнести к началу V в. до н. э., настолько она архаична: волосы спадают на лоб параллельными короткими тонкими зигзаговидными рельефными прядями, более удлиненными на висках. Аналогичное изображение волос имеется на голове стратега в Мюнхене, датирующейся временем греко-персидской войны [19]. Однако исполнение бороды и лица фанагорийской головы указывает на ее более позднюю дату.

Борода изображена собранной массой, расчлененной на крупные локоны, обращенные к середине подбородка; усы трактованы так же, их кончики сливаются с завитками бороды. Подобную форму бороды наблюдаем на некоторых греческих портретах, оригиналы которых относятся к концу V и IV в. до н. э., как, например, портрет стратега в Риме (вилла Албани) [20], Геродота в Национальном музее Неаполя [21], портреты Сократа в Национальном музее в Неаполе [22] и в Национальном музее в Риме [23], в Гос. Эрмитаже [24] и др. Однако скульптор фанагорийской головы придает бороде более декоративный характер, каждый локон выделен и расчленен параллельными мелкими бороздками.

В трактовке лица фанагорийской головы мы наблюдаем такие же обобщенные приемы характеристики личности, как в греческих портретах философов, стратегов с бородатыми благообразными лицами. Но по сравнению с нашей скульптурой портреты V в. до н. э. не только более ранние, как, например, портрет неизвестного грека в Риме (вилла Албани) [25], более реалистический портрет Эсхила [26], но и более поздние портреты, как портрет Перикла [27] и даже портреты конца V — начала IV в. до н. э., как, например, портрет неизвестного грека в Капитолийском музее [28] или портрет Платона в Ватиканском музее [29] — кажутся более плоскостными. Фанагорийская голова отличается большей выразительностью портретной характеристики.

В трактовке лица фанагорийской головы есть та объемность и сложная светотень, сочетающая контрасты света и тени и их мягкие переходы, которые были созданы в скульптуре Скопасом [30]. Особенно это видно в трактовке глаз фанагорийской головы. Глазное яблоко выпуклое, внутренний угол глаза сильно углублен, внешний угол глаза тоже затенен, но меньше, верхнее веко показано узкой рельефной полоской, тогда как нижнее поднято и мягко затенено. Объемно выделены части лица; лоб выступает у висков, висок вдавлен и сильно затенен, выделяется щека,

---

[19] H. Brunn, P. Arndt. Griechische und römische Portraits. München, 1891—1912, табл. 21, 22.

[20] Там же, стр. 276—279.

[21] A. Hekler. Die Bildniskunst der Griechen und Römer. Stuttgart, 1912, табл. 16.

[22] Там же, табл. 19.

[23] Там же, табл. 20.

[24] О. Ф. Вальдгауэр. Этюды по истории античного портрета. Л., 1936, рис. 36—37.

[25] A. Hekler. Ук. соч., табл. 2

[26] A. Hekler. Ук. соч., табл. 14.

[27] Там же, табл. 4.

[28] Там же, табл. 9.

[29] Там же, табл. 22.

[30] Ch. Picard. Manuel d'archéologie grecque. La sculpture, t. IV. Paris, 1954, стр. 1—236.

мягкость и выпуклость которой подчеркнута тенью складки, идущей от носа к углу рта; выразительно и смело дана линия рта.

Обращает на себя внимание одна деталь в трактовке глаз нашего скульптурного портрета: глазное яблоко очень выпуклое в средней части, круто понижается к углам глаза, верхнее веко имеет вид очень крутой дуги, внешний конец которой сильно опущен, нижнее же веко приподнято; такое построение создает впечатление взгляда, устремленного несколько выше зрителя, и усиливает впечатление надменности и величавости изображенного лица.

Фанагорийская скульптура могла быть создана не раньше распространения достижений Скопаса, где-то в середине или второй половине IV в. до н. э. О том, что приемы Скопаса были известны в Северном Причерноморье, свидетельствует мраморная голова школы Скопаса из Ольвии, хранящаяся в Гос. Историческом музее [31].

От скопасовских скульптур, однако, голова из Фанагории отличается отсутствием сильного душевного движения, величавым спокойствием. В этом отношении она близка портретным статуям Мавсола и Артемисии середины IV в. до н. э., стоявшим на Галикарнасском мавзолее. Там применена та же трактовка лица обобщенными крупными массами [32].

Сочетание пластично исполненного лица и орнаментально-схематичных волос мы видим на голове второй половины IV в. до н. э., хранящейся в Британском музее, которую Ш. Пикар связывает с творчеством Бриаксида, как и статуи Мавсола и Артемисии [33]. О лице Артемисии нельзя ничего сказать, оно не сохранилось, но трактовка волос Артемисии архаична [34].

Близость фанагорийской головы к малоазиатской скульптуре свидетельствует о культурных связях Боспора с Малой Азией в середине и второй половине IV в. до н. э. Однако фанагорийский скульптор остается весьма оригинальным. Владея приемами и средствами выражения, присущими греческой скульптуре, он применил их по-своему; он передает правдиво этнический тип и выразительно характеризует индивидуальность. Вместе с тем мастер изобразил детали, не отрывая их от объема целого: головной убор, волосы, которые видны из-под него, концы повязки в виде рельефных полос. Статуя в таком головном уборе, очевидно, изображала человека в местном костюме и была, вероятно, подобной упомянутой статуе воина III в. до н. э., у которой все детали костюма и вооружения исполнены рельефом или прорезаны. В трактовке волос последней статуи, между прочим, также видна тенденция к орнаментальности исполнения деталей, как и в портрете из Фанагории.

В целом создается совершенно особый стиль, где правдивость изображения и пластичность исполнения сочетаются с тенденцией к орнаментальности и узорчатости деталей и монументальной компактности целого. Это сочетание особенно сильно чувствуется в нашем памятнике потому, что он высокого качества исполнения, его делал мастер, хорошо знакомый с достижениями греческой скульптуры, владеющий ее техникой, вероятно, грек, но живший на Боспоре и работавший на заказ боспорцев. Он создал цельный, своеобразный образ местного жителя, не грека.

Можно сказать, что не только в области торевтики и не только в декоративной живописи и коропластике, но и в области скульптуры в IV в. до н. э. на Боспоре были созданы своеобразные произведения, позволя-

---

[31] О. Ф. Вальдгауэр. Памятники древней скульптуры в Историческом музее в Москве. ИАК, вып. 23, 1907, стр. 76, рис. 4; В. Д. Блаватский. Искусство античных городов Северного Причерноморья, стр. 61, рис. 31.

[32] Ch. Picard. Ук. соч., рис. 37—39.

[33] Там же, стр. 95, 100.

[34] Там же, стр. 93, рис. 41—42.

ющие говорить о расцвете искусства Боспора в тот период, когда он достиг и экономического расцвета.

В IV в. до н. э. племена синдов и меотов были вовлечены в ту ожесточенную борьбу за власть, которая происходила после смерти Перисада между его сыновьями. Диодор рассказывает: «По смерти Перисада его сыновья начали борьбу из-за власти. Власть от отца получил старший из них Сатир [35]». «Евмел вступил в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и стал оспаривать у брата власть» [36].

«25. Евмел одержал победу над братом, оттеснил его к перешейку близ Меотийского озера и принудил сдаться...» [37].

Он присоединил значительную часть соседних варварских земель.

Возможно, что фанагорийская голова является портретом какого-нибудь царька-синда или меота.

---

[35] Diod. Bibl. Lib., XX, 22, 25.
[35] Там же, XX, 25.
[37] Там же.

И. Т. КРУГЛИКОВА

МРАМОРНАЯ ГОЛОВА ИЗ АПОЛЛОНИИ

При раскопках Аполлонии Иллирийской было найдено большое количество мраморных статуй[1]. Среди прекрасных образцов греческой скульптуры была обнаружена голова мужчины (рис. 1, 1*а* и 2), фотографии которой неоднократно публиковались среди других находок из Аполлонии[2]. Однако исследователи определяют и датируют ее по-разному. В. Д. Блаватский и С. Ислами считают, что, возможно, она является портретом оратора Демосфена и датируют ее концом II — первыми десятилетиями III в. н. э.[3]; Н. А. Онайко называет ее памятником римского портретного искусства II—III вв. н. э.[4]; Артур Кан определяет ее как скульптуру Демосфена и относит ко времени Антонинов[5].

Все эти статьи являются обзорными, и авторы их не имели возможности аргументировать своих определений. Между тем, эта мраморная голова является первоклассным памятником скульптуры и заслуживает специального исследования. Именно поэтому, прежде чем присоединиться к какому-либо из высказанных мнений или опровергнуть их, следует провести стилистический анализ этой скульптуры, найти памятники, аналогичные ей по стилю и технике выполнения.

Аполлонийская голова была найдена в 1958 г. при раскопках одного из домов римского времени. Принадлежала ли эта голова статуе, бюсту или герме — установить нельзя.

Голова эта прекрасно сохранилась. Она выполнена из мелкозернистого белого мрамора, имеющего теплый, чуть розоватый оттенок, близко напоминающего пентелейский мрамор, высота ее 28 *см*. Кроме небольшой царапины на левой надбровной дуге, голова не имеет никаких повреждений; правая ее сторона слегка патинирована. Поверхность лица великолепно отполирована, а поверхность волос, наоборот, матовая, шероховатая, резко контрастирующая с блестящей полировкой лица. При обработке поверхности волос на голове и бороды скульптор преимущественно пользовался прямой скарпелью, мало применял бурав, следы которого заметны только кое-где в местах разделения отдельных прядей. По-видимому, статуя или бюст предназначались для помещения в нише, так как задняя часть головы обработана значительно более схематично, пряди волос лишь намечены рельефом, без той детальной обработки, которую мы видим на волосах, расположенных спереди. Волосы, довольно коротко остриженные, у висков над ушами более пышные, благодаря чему верхняя часть головы сильно расширена. Бородой закрыта почти

---

[1] А. Kahn. Apollonia. City of Statues. Archaeology, т. 14, № 3, 1961, стр. 161 сл.; В. Д. Блаватский, С. Ислами. Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г. СА, 1959, № 4, стр. 166 сл.

[2] А. Kahn. Ук. соч., стр. 164. В. Д. Блаватский, С. Ислами. Ук. соч., стр. 178, рис. 9, *б*; Н. А. Онайко. Албанская экспедиция 1958 г. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 25, рис. 3.

[3] В. Д. Блаватский, С. Ислами. Ук. соч., стр. 180.

[4] Н. А. Онайко. Ук. соч., стр. 25.

[5] А. Kahn. Ук. соч., стр. 164.

половина щек и весь подбородок до самой шеи, у висков борода сливается с волосами головы. Небольшая курчавость волос выражена слегка загибающимися прядями на висках, на лбу и на затылке. Впечатление массы волос создается благодаря расчленению резцом отдельных прядей мелкими линиями различной глубины. На голове линии большей частью изогнутые, на бороде и усах они более прямые, но в нижних частях щек и под подбородком, где скульптор стремился показать густоту и пыш-

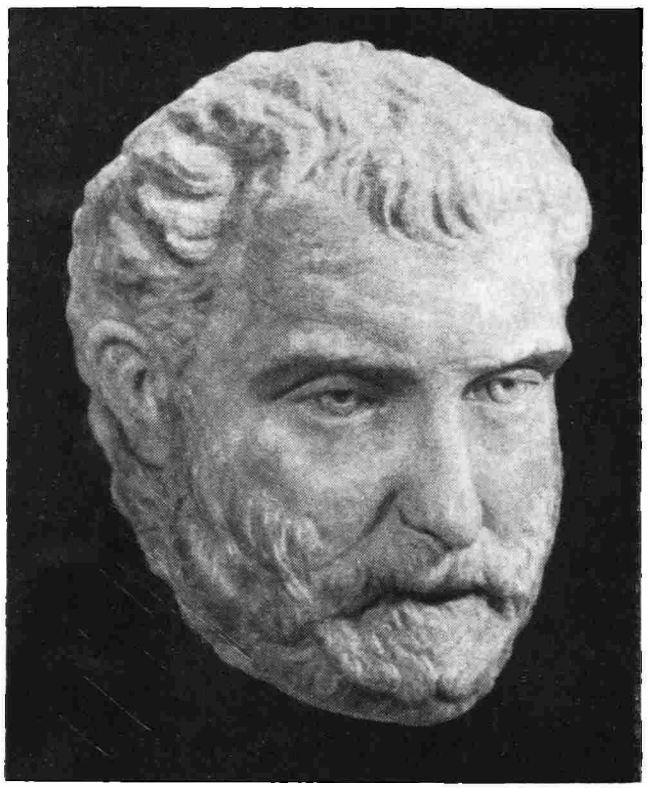


Рис. 2. Голова из Аполлонии

ность волос, также сделаны углубления в виде косых, полукруглых и асимметричных линий. Тонкий, очень выразительный нос с горбинкой слегка нависает вниз. Лоб нешироκий, крутой, слегка выступающий вперед. Глаза миндалевидной формы, посажены глубоко под нависающими бровями, сделанными невысоким рельефом и насечкой. Радужная оболочка подчеркнута врезанной линией. Зрачок — «бобовидный», сделан путем высверливания двух расположенных рядом неглубоких ямок. Верхнее веко изогнутое, натянутое, довольно тяжелое, слегка закрывает роговую оболочку и часть зрачка. Нижнее веко мягкое, слегка припухлое. Уши очень небольшие, почти скрыты в волосах. Скульптор очень искусно показал пожилой возраст изображаемого лица.

Описываемая нами голова представляет собой прекрасный образец психологического портрета. Удивительная по силе передачи выразительность лица и особенно сила взгляда, глаза, выражающие одновременно глубокую грусть, усталость, разочарование и, вместе с тем, сосредоточенный взгляд, свидетельствующий о силе мысли,— все это, в соединении с такими деталями, как наклон головы, глубокие морщины, идущие от носа к углам рта, глубоко посаженные глаза, прядь волос в центре лба, нависающие усы, короткие волосы и борода, напоминает скульптурный портрет оратора Демосфена. Именно для известных нам реплик портрета Демосфена характерны скорбный и сосредоточенный взгляд, глубоко-

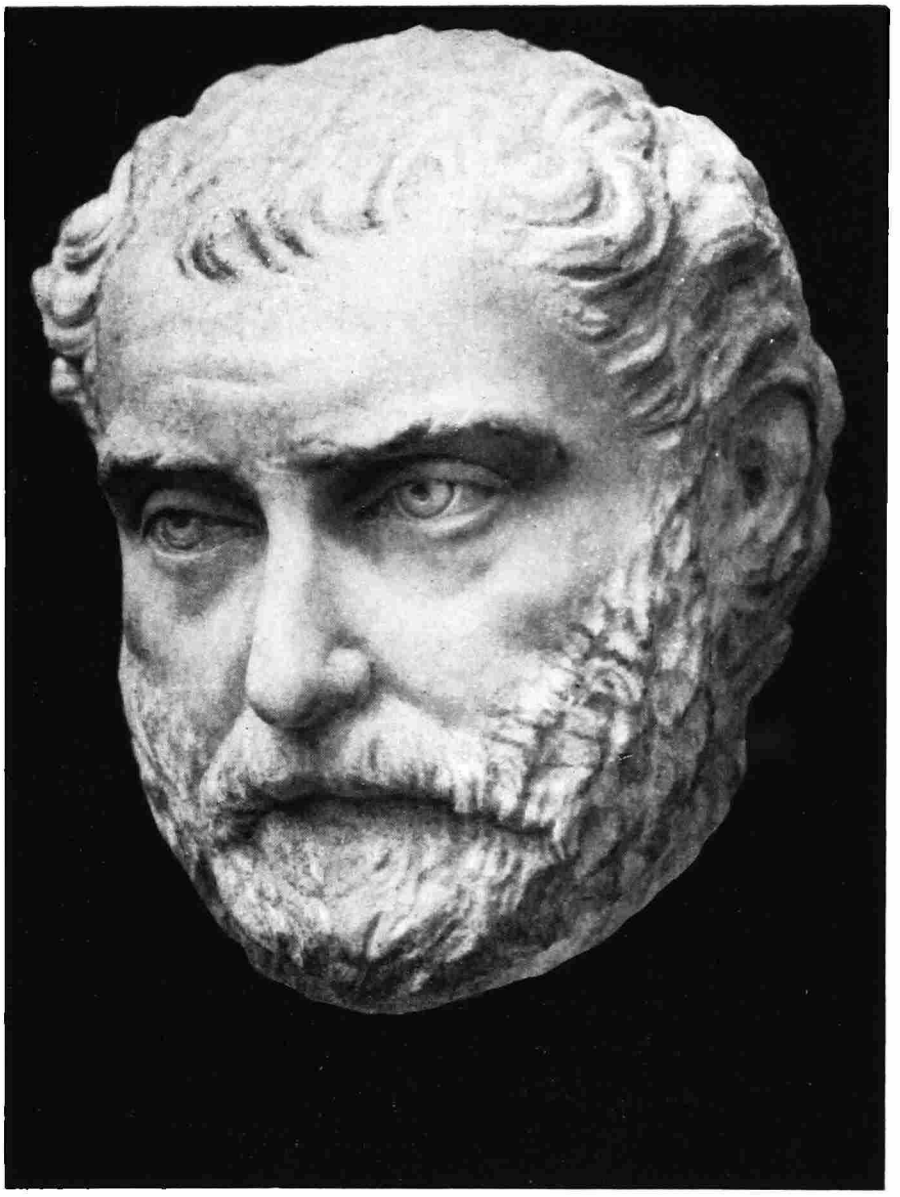


Рис. 1. Голова из Аполлонии

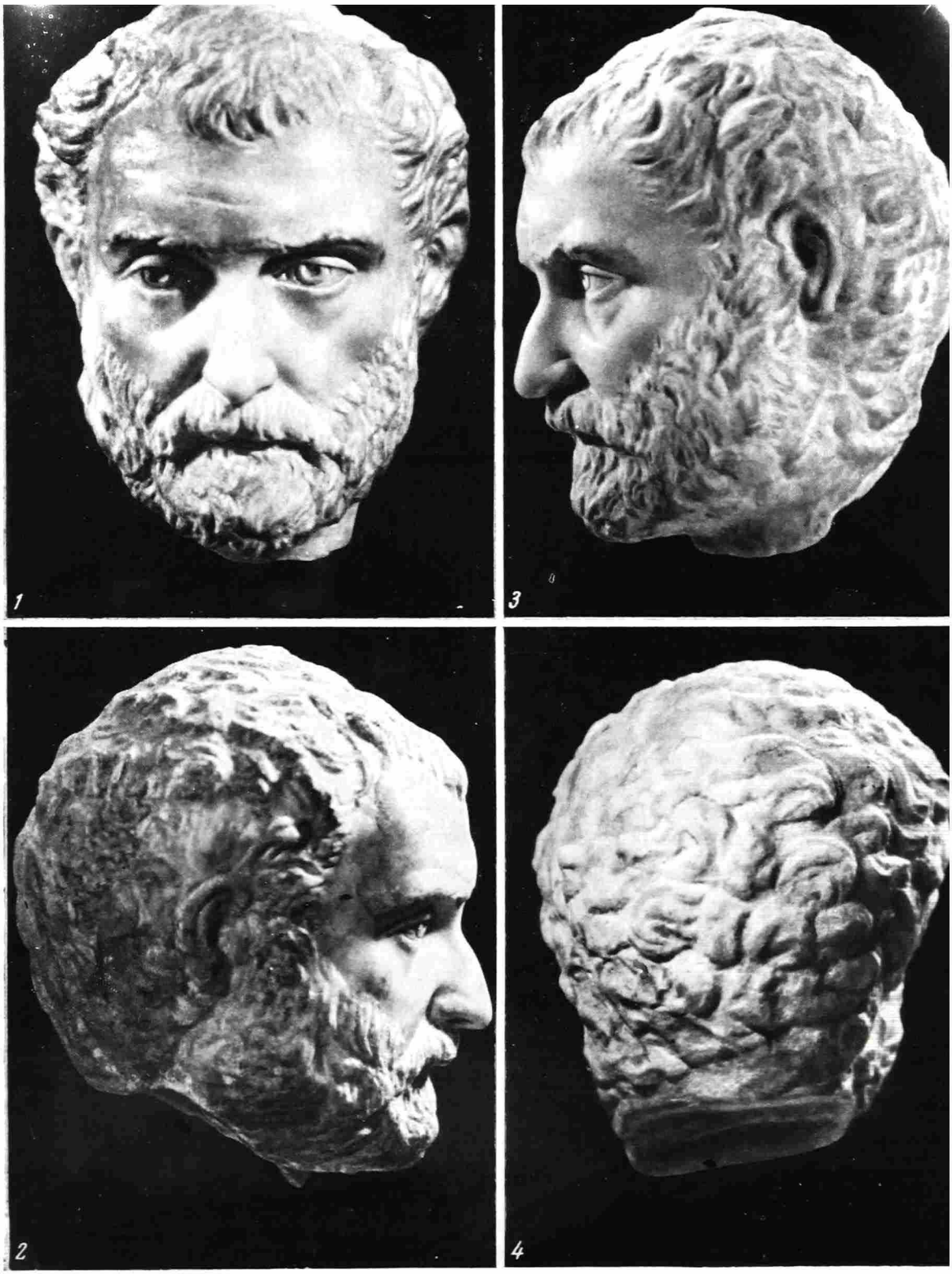


Рис. 1а. Голова на Аполлоний

лежащие глаза под насупленными бровями, грустное выражение лица, отражающее скорбные мысли и некоторую усталость. Плутарх, нарисовавший яркий образ этого пламенного оратора, сообщает, что афиняне через 42 года после смерти Демосфена, т. е. в 280 г. до н. э., воздвигли ему на агоре, около алтаря двенадцати богов, бронзовую статую работы Полиевкта, на пьедестале которой была вырезана надпись: «О, Демосфен! Если б сила твоего характера соответствовала силе твоей мысли, то Арес Македонян никогда не поработил бы эллинов» [6].

В настоящее время известно более 40 голов и бюстов и 3 статуи, которые считаются репликами статуи Полиевкта. Находка подписного бронзового бюста в Геркулануме [7] (рис. 3), а также статуэтки, хранящейся сейчас в Америке [8], позволили антиковедам идентифицировать с Демосфеном три мраморные статуи: ватиканскую [9] (рис. 4), копенгагенскую [10] и Кноле (Кент) [11], а также множество бюстов, герм и отдельных голов из разных музеев мира [12]. Вполне вероятно, что прав В. Д. Блаватский, считающий, что голова, найденная в 1958 г. в Аполлонии, возможно, является новым вариантом портрета Демосфена. В противоположность мюнхенской герме, парижскому, ватиканскому и другим бюстам, изображающим Демосфена угрюмым и хмурым, с довольно твердым и решительным взглядом, который в то же время горек и печален, черты лица аполлонийской головы скорее запечатлели выражение глубокой скорби и некоторой усталости. В глазах отражена сила мысли Демосфена; в то же время лицо не имеет черт, выражающих силу характера. Отсутствуют резкие складки над переносицей, складки в углах глаз, нет резких морщин на лбу, столь характерных для всех наиболее знаменитых реплик статуи Полиевкта. Узкий и вертикально поднимающийся лоб также отличен от формы лба большинства портретов. Изменена и обычная форма рта, под усы спрятана не только верхняя, как обычно, но и нижняя губа.

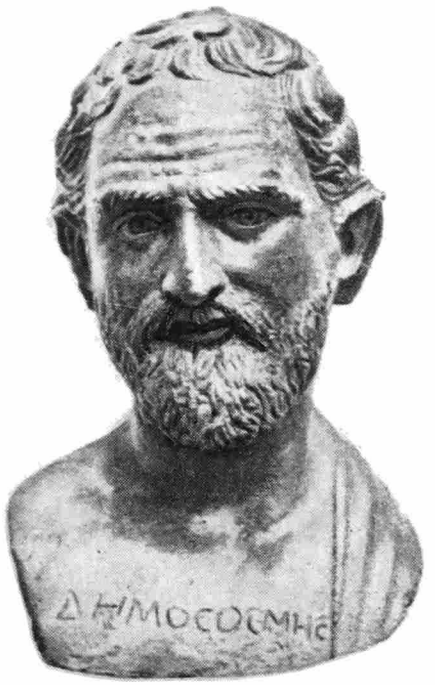


Рис. 3. Бронзовый бюст из Геркуланума

Аполлонийская голова имеет много общего с бюстом неизвестного грека из Неаполитанского музея (рис. 5), который Шеффельд определяет как копию времени Клавдия с бронзовой статуи Солона, сделанной после 300 г. до н. э., а Маргарита Бибер считает портретом Аристотеля [13].

---

[6] Plut. Vita X orat. Demosth. 44, 45; L. Laurenzi. Ritratti greci. Florenz, 1941, №№ 147, 329, 330.

[7] A. Hekler. Die Bildniskunst der Griechen und Römer. Stuttgart, 1912, стр. XVII, рис. 3; J. J. Bernoulli. Griechische Ikonographie. München, 1901, т. II, табл. XII.

[8] A. Hekler. Bildnisse berühmter Griechen. Berlin, 1940, стр. 25, табл. IV; BCH, 1924, стр. 505, рис. 19.

[9] A. Hekler. Bildnisse berühmter Griechen, табл. IV.

[10] K. Schefold. Die Bildnisse der antiken Dichter, Redner und Denker. Basel, 1943, стр. 107.

[11] J. J. Bernoulli. Ук. соч., т. II, стр. 81, рис. 7.

[12] Там же, стр. 69 сл.; Ad. Michaelis. Die Bildnisse des Demosthenes. Leipzig, 1887; S. Casson. A New Copy of a Portrait of Demosthenes. JHS, 1926, XLVI, I, стр. 72; A. D. Fraeser. A Head of Demosthenes in Washington. AJA, 1937, 41, 1—2, стр. 212.

[13] M. Biber. The Sculpture of the Hellenistic Age. № 3, 1955, стр. 61, рис. 192—193.

К. Шефольд вместе с тем отмечает удивительную близость этого бюста с портретом Демосфена [14], относя, однако, оригинал данного бюста ко времени, предшествующему Демосфену. Он отмечает также психологическое различие в трактовке образов, подчеркивая наличие у Демосфена прискорбного взгляда. Сходство мраморной головы из Аполлонии с этим бюстом скорее внешнее, тогда как сходство с портретом Демосфена более глубокое и выражается в одинаковой психологической трактовке образа.

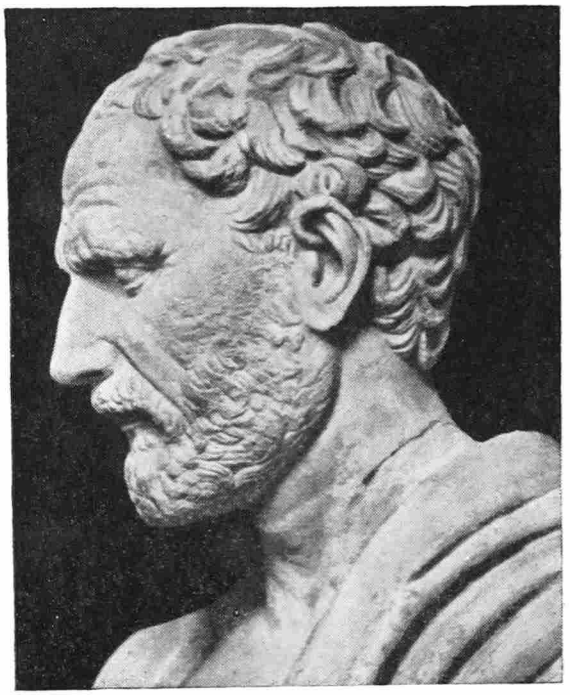


Рис. 4. Портрет Демосфена из Ватиканского музея

Время исполнения описываемого нами скульптурного портрета из Аполлонии довольно легко устанавливается по наличию отдельных технических приемов ее выполнения; наиболее характерной для определения ее времени является техника изображения глаз. Как известно, пластическое изображение радужной оболочки глаза и зрачка на мраморных статуях пришло на смену живописному со времени Адриана. Радужная оболочка стала изображаться врезной линией, а зрачок в виде точки или полулуния делали ударом прямой скарпели или с помощью бурава. Новый технический прием лишь постепенно, к середине второй половины II в. н. э., полностью вытеснил старый и стал господствующим. Эльмер Шер, публикуя мраморную голову из Рочестера, которую он относит к концу царствования Марка Аврелия, отмечает, что ее зрачок в виде двух маленьких ямок [15] отличается своей формой от зрачков мраморной головы философа из Бейрута, выполненных буравом. Фридерик Пульсен сравнивает форму зрачков этой головы из Бейрута с изображениями их на портретах Септимия Севера и Каракаллы [16]. Зрачок в виде двух высверленных углублений, не имеющих перемычки, так называемый зрачок «в виде фасоли», имеется у портрета из Капитолийского музея, датируемого временем около 200 г. н. э. [17]. Именно такова форма зрачков и у аполлонийской головы.

Для второй половины II в. характерны схематическая полукруглая линия верхнего века, которое стали изображать слегка опущенным, прикрывающим часть зрачка, и очень короткий и тупой внутренний угол глаза. Последний бывает сильно вытянут на портретах первой половины III в. [18]. Разрез глаз у аполлонийской головы имеет довольно сильно

[14] K. Schefold. Ук. соч., стр. 104.

[15] E. G. Suhr. A Roman Head in Rochester. AJA, 1949, т. 53, № 3, стр. 259—230. Он, вслед за Стронгом, считает, что две точки должны показать «точку зрения», что они «имитируют движение света в той позиции, куда повернуты глаза».

[16] F. Poulsen. A Philosopher Head in the Museum of the American University. Beirut. «Berytus», т. IV, Copenhagen, 1937, I, стр. 114.

[17] H. Stuart Jones. A Catalogue of the Ancient Sculptures of the Museo Capitolino. Oxford, 1912, табл. 39, *52*; Roman Portraits Oxford — London 1945. № 70.

[18] А. А. Передольская. По поводу портретного бюста эпохи Септимия Севера в Петергофе. Сб. «Античный портрет», Л., 1929, стр. 108, примеч. 15.

вытянутую форму с чуть опущенными вниз слезницами. Такой же разрез глаз встречается на портретах молодого Каракаллы[19], некоторых косметов[20] и на других портретах III в.[21]. В отличие от эпохи Адриана, когда скульпторы, изображая глаз, отделяли веки от поверхности глазного яблока острыми краями, в более позднюю эпоху глаза выполняли очень мягко[22]. Именно такая мягкость изображения характерна и для аполлонийской головы. Трактовка волос и прически также имеют свои особенности в отдельные периоды императорской эпохи. Со времени Антонина Пия входят в моду курчавые волосы и бороды в стиле изображений греческих философов. После Каракаллы бороды снова бреют (так же как в республиканскую и раннеимператорскую эпохи) или носят очень коротко остриженными. Однако датировка по прическе может быть применима лишь к портретам современников. При рассмотрении копий греческих статуй или подражаний им можно принимать во внимание только технику исполнения прически и только в том случае, если скульптор не копирует точно все детали оригинала. Изменение приемов трактовки волос в скульптуре II—III вв. прослеживается довольно отчетливо. Если в эпоху Адриана скульптор отделывает каждый локон, пользуясь буравом и скарпелью[23], в эпоху поздних Антонинов скульптор почти не выделяет отдельных локонов, но применяя сверление и делая глубокие ямки, он создает игру света и тени, благодаря чему получается впечатление массы волос в целом. При Септимии Севере стремление к живописности еще более усиливается, и «темная» масса волос резко контрастирует с гладко полированной поверхностью лица. Со времени Каракаллы для отделки поверхности волос все реже применяется бурав, основным инструментом становится скарпель. Позднее, с середины III в. н. э., волосы стали изображаться очень суммарно, иногда же, особенно на бороде, они сделаны в виде простых насечек, нанесенных шпунтом[24]. По технике исполнения волос аполлонийская голова близка портретам времени ранних Северов. Волосы на ней представлены как аморфная масса, бурав применен очень мало. Скульптор, работая главным образом круглой скарпелью, воспроизвел шершавую поверхность подстриженных, слегка курчавых волос, при этом многочисленные неглубокие впадины создают хорошую игру света и тени. При переходе от гладкой поверхности лица к волосам скульптор применяет живописный прием, создавая впечатление постепенности перехода от кожи лица к бороде и волосам головы благодаря применению мелких углублений на щеке в виде насечек, а затем врезов по выпуклостям волос. Позднее, как это можно проследить на портрете Филиппа Араба, такие насечки полностью заменили рельефное изображение волос[25]. Манера выполнения волос бороды у аполлонийской скульптуры близка той, что мы видим на портрете Аристида из Капитолийского музея[26], а также на многих других скульптурах[27]; изображение волос на затылке сходно с

[19] A. Hekler. Die Bildniskunst..., № 271a; Carl Blümel. Römische Bildnisse. Berlin, 1933, R95 и R96; Гос. Эрмитаж, инв. № 212.

[20] P. Graindor. Les cosmètes du Musée d'Athènes. BCH, Paris, 1915, № 20; H. Brunn, P. Arndt. Griechische und römische Porträts. München, 1891 и сл.; № 386 (238/39 г. н. э.) и № 387 (конец II — нач. III в. н. э.).

[21] E. B. Harrison. Portrait Sculpture. The Athenian Agora, Princeton, 1953, т. 1, табл. 19, № 28; Гос. Эрмитаж, инв. № 571.

[22] Н. С. Гаршина. Два римских портретных бюста II в. по Р. Хр. из собрания Эрмитажа. ЗКОРАО,т.IX, 1917, стр. 265.

[23] В. Д. Блаватский. Техника античной скульптуры. Докторская диссертация. М., 1941.

[24] L'Orange. Studien zur Geschichte des Spätantiken Porträts. Oslo, 1933.

[25] A. Hekler. Die Rildniskunst..., № 293; Собрание Гос. Эрмитажа, инв. № 232.

[26] Там же, № 274a.

[27] W. Amelung. Die Sculpturen des Vaticanischen Museums, т. I, Berlin, 1903, № 51, табл. 8 (Время Антонинов); H. Brunn, P. Arndt. Ук. соч., № 50 (конец II в. н. э.); О. Ф. Вальдгауэр. Римская портретная скульптура в Эрмитаже. Птрг., 1923, рис. 34, инв. № 571.

их трактовкой на портретах греков из Броклесби Парк [28] и из Афин [29]. Основываясь на технике изображения глаз и волос, аналогии которой находятся среди скульптуры конца II и начала III в., мы считаем, что временем создания аполлонийской головы является период от правления Марка Аврелия до Каракаллы, т. е. примерно 180—211 гг. По стилю выполнения аполлонийская голова стоит ближе всего к портретам греческой школы. Именно для греческих мастерских характерна такая необычайная свежесть и мягкость обработки поверхности лица. Скульптура была сделана рукой мастера, воспитывавшегося на лучших образцах греческой скульптуры, верного традициям греческой классической и эллинистической скульптуры, хотя он и использовал новые, современные ему технические приемы моделировки. По трактовке деталей лица эта голова аналогична некоторым портретам, найденным на афинской агоре [30], и портретам афинских косметов [31]. По мягкости отделки поверхности лица она близка работам скульпторов эпохи Флавиев [32].

Известно, что, начиная с I в. до н. э. и в течение всего императорского периода, было очень развито копирование портретов знаменитых греческих философов, поэтов и ораторов, изображения которых ставили в библиотеках богатых римлян [33]. Об этом свидетельствуют Плиний [34] и Цицерон [35]. Лукиан сообщает, что Нигрин дома был окружен портретами древних мудрецов [36], а Филострат пишет, что отец Ирода Аттика украсил свой дом гермами знаменитых ораторов [37]. Судя по большому количеству реплик, Демосфен был очень популярен у римлян, увлекавшихся риторикой [38]. Известно, что Антонин Пий официально учредил в Афинах школу риторики. Для жителей Аполлонии, которая была покорена сначала македонянами, затем Римом, образ Демосфена, страстного борца за национальную независимость, мог иметь, кроме того, особую привлекательность.

Находки изображений Демосфена, обнаруженные в различных частях античного мира, повлекли за собой появление большого числа исследований, посвященных образу Демосфена в античном искусстве [39]. Кессон все известные ему портреты Демосфена распределил на четыре группы. К первой он относит группу портретов, ближе всего стоящих к оригиналу Полиевкта, выражающих напряженную сосредоточенность взгляда Демосфена. Все они имеют три глубокие складки между бровями, причем средняя из них расположена наклонно, две или три морщинки у внешних концов глаз, две глубокие складки, идущие от носа к углам рта, и асимметричное лицо. К этой группе он относит статую

---

[28] P. Arndt, W. Amelung. Photographische Einzelaufnahmen antiker Skulpturen, 1893 сл., №№ 3001—3002. Ф. Пульсен датирует его II в. н. э.

[29] E. B. Harrison. Ук. соч., табл. 26, № 39.

[30] Там же, табл. 19, № 28; 24, № 37; 17, № 25.

[31] H. Brunn, P. Arndt. Ук. соч., №№ 386—387.

[32] Например, портрету сириянки из собрания Гос. Эрмитажа, инв. № 205; О. Ф. Вальдгауэр (Ук. соч., рис. 24) датирует ее второй половиной II в. н. э., а Фредерик Пульсен считает возможным отнести не ко времени Адриана, отмечая, вместе с тем, сходство моделировки лица с приемами эпохи Флавиев (F. Poulsen. Greek and Roman Portraits in English Country Houses. Oxford, 1923, стр. 65).

[33] Gisela Richter. Greek Portraits. A Study of their Development. Bruxelles, 1955, стр. I сл.

[34] Plin. NH, V.

[35] Cic. Ep., IV, 10.

[36] Lucian. Nigrinus, 2.

[37] Philostratos. Lives of Sophists, 521.

[38] Cic. Or., 110. Цицерон говорит о бронзовом бюсте Демосфена, стоявшем в Тускуланской вилле Брута.

[39] Ad. Michaelis. Die Bildnisse des Demosthenes. Leipzig, 1887; S. Casson. Ук. соч., стр. 72 сл.; A. D. Fraser. Ук. соч., стр. 212 сл. (В этих работах имеется богатая библиография).

из Ватикана, происходящую из Афин [40], статую Кноле из Кампании [41], мюнхенскую герму из Рима [42], афинскую голову, найденную в Королевском саду [43] (рис. 6), малоазийскую голову [44] и др. [45].

Ко второй группе Кессон относит ряд портретов, которые он считает слабыми версиями того же оригинала. Среди них одна голова из Лувра [46], головы из Британского музея [47], из Капитолийского музея и др.[48] Эта группа портретов отличается от первой либо пропорциями лица, либо отсутствием на нем некоторых характерных деталей.

У портретов третьей группы тип лица Демосфена сильно изменен. Изменены пропорции и имеются новые детали на лице. К этой группе Кессон относит голову из Афин [49] и два бронзовых бюста из Неаполя [50]. Несмотря на некоторые различия, эти три группы портретов Демосфена имеют много сходных черт. Так, почти у каждого из них имеются более или менее четкие складки над переносицей и у внешних углов глаз, морщины на лбу, глубокие складки, идущие от носа к углам рта; у всех имеется небольшая бородка, из-под опущенных усов видна нижняя губа, волосы на голове коротко острижены, глаза глубоко посажены.

К четвертой группе он относит портреты, имеющие иногда совершенно иную трактовку образа Демосфена. К ней принадлежит, например, голова из Питворда [51], у которой пропорции лица видоизменены, борода едва заметна, усы короткие, рот большой, щеки дряблые и очень морщинистый лоб. Вероятно, к этой же группе надо отнести голову из Вашингтона [52], опубликованную уже после работы Кессона. Эта голова не имеет наклона вперед, как у большинства портретов Демосфена, отсутствует сосредоточенный, характерный для скульптуры Полиевкта взгляд, плоскостно трактовано лицо, круглые глаза широко раскрыты.

Портрет Демосфена из собрания Робинзона в Лондоне [53] тоже отличается от портретов первых трех групп сильно вытянутыми пропорциями головы, очень высоким лбом и узким лицом, мало заросшим волосами. Один из хранящихся в Лувре скульптурных портретов, происходящий из виллы Боргезе [54], имея общий контур лица Демосфена, отличается от основной группы портретов, родственных мюнхенской и ватиканской репликам. На этом портрете нет морщины над переносицей, пряди волос на лбу, опускающейся в виде языка, резко выраженных складок, идущих от носа к углам рта. Совсем по-иному трактованы глаза с резко очерченным глазным яблоком. Отсутствует характерная для портретов Демосфена черта: глубоколежащие глаза, окруженные тенью от нависающих надбровных дуг, и эмоциональность взгляда.

Существование так различно трактованных портретов Демосфена позволяет предположить наличие, кроме статуи Полиевкта, и других

---

[40] H. Brunn, P. Arndt. Ук. соч., № 574.
[41] J. J. Bernoulli. Ук. соч., т. II, № 22.
[42] H. Brunn, P. Arendt. Ук. соч., №№ 136—137.
[43] Там же, № 1117; S. Casson. Ук. соч., стр. 73, рис. 2; A. D. Fraser. Ук. соч., стр. 213, рис. 3.
[44] S. Casson. Ук. соч., стр. 72, рис. 1 и табл. V.
[45] J. J. Bernoulli. Ук. соч., № 29, табл. XIIб; H. Brunn, P. Arndt. Ук. соч., № 138; S. Casson. Ук. соч., стр. 74, рис. 3.
[46] H. Brunn, P. Arndt. Ук. соч., №№ 139—140; J. J. Bernoulli. Ук. соч., № 16.
[47] R. P. Hinks. Greek and Roman Portrait Sculpture. London, 1935, стр. 8, № 7b; A. H. Smith. A Catalogue of Sculpture of Britisch Museum. London, 1904, № 1840.
[48] Philosophenzimmer № 31; Museum Chiaramonti, № 422; J. J. Bernoulli. Ук. соч., № 6.
[49] S. Casson. Ук. соч., стр. 76, рис. 4.
[50] J. J. Bernoulli. Ук. соч., т. II, №№ 7 и 8, табл. XII; A. Hekler. Die Bildniskunst..., стр. XVII, рис. 3.
[51] S. Casson. Ук. соч., стр. 78, рис. 5.
[52] A. D. Fraser. A Head of Demosthenos in Washington, стр. 213, рис. 1.
[53] P. Arndt, W. Amelung. Ук. соч., № 4925.
[54] J. J. Bernoulli. Ук. соч., т. II, стр. 70, № 18.

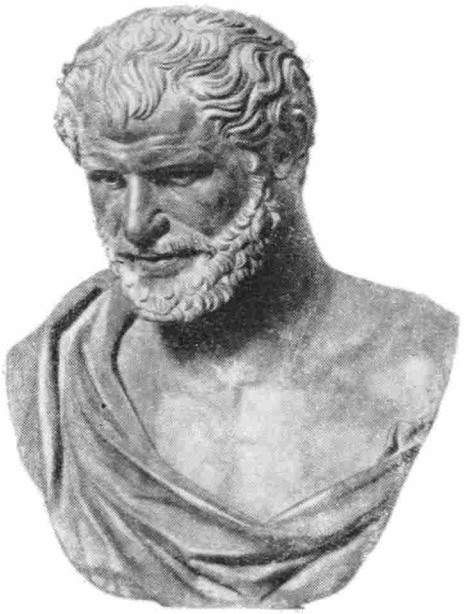


Рис. 5. Бронзовый бюст неизвестного грека из Неаполитанского музея

изображений Демосфена, которые также могли служить оригиналами для копирования в римское время. Статуя Полиевкта, сделанная через 42 года после смерти оратора, хотя и прекрасно передала психологический образ, но не смогла иконографически точно воспроизвести черты лица Демосфена. Кроме того, скульпторы эллинистического времени, стремясь создать образ в целом, опускали случайные черты, в отличие от скульпторов римского времени, сохранявших для потомства возможно точные изображения индивидуумов [55]. Возможно, упоминания Павсания о памятнике Демосфену, стоявшем внутри священной ограды у храма Посейдона на острове Калаврия [56], и о почестях, которые воздавались Демосфену в разных местах Эллады [57], допустимо считать подтверждением предположения о наличии различных портретов Демосфена.

Нам известны разные способы копирования греческих статуй в римскую эпоху. Лукиан рассказывает о том, как скульпторы ежедневно снимали слепки со статуи Гермеса, стоявшей на площади, покрывая ее предварительно смолой [58]. С такой «пластической маски» скульпторы механически переносили пропорции на камень, причем размеры копии могли соответственно уменьшаться или увеличиваться. При таком прямом копировании оригиналов пропорции их сохранялись точно, и скульптор мог изменять лишь незначительные детали. Такое копирование, по-существу, не было художественным творчеством, им занимались ремесленники. Но в первом веке нашей эры существовала и другая школа скульпторов-копиистов — последователей Пасителя, Стефана и Менелая, связываемых с так называемым эклектическим направлением. Скульпторы этой школы, прекрасно изучившие греческие модели, при воспроизведении какой-либо известной греческой статуи видоизменяли ее, внося новые черты, иногда заимствованные у других греческих статуй.

Уникальность аполлонийской головы, значительное отличие ее от реплик статуи Полиевкта, в частности отсутствие некоторых характерных для них черт, например глубоких складок на переносице, изменение некоторых черт лица, например западение нижней губы, узкий лоб и особенная мягкость исполнения, характерная для эпохи Флавиев,— все это позволяет предположить, что оригиналом для этой головы являлся какой-нибудь мраморный портрет Демосфена, сделанный в конце I в. н. э. Именно поэтому так поражает особая мягкость моделировки лица аполлонийской головы, ее большая реалистичность и наличие сходных черт со скульптурами позднеклассического времени. Отдельные детали на портрете из Аполлонии имеют аналогии с портретом Аристотеля позднеклассического времени: в трактовке бороды, более пышной в нижней части

[55] О. Ф. Вальдгауэр. Ук. соч., стр. 12.
[56] Paus., II, 33, 3.
[57] Там же, II, 33, 5.
[58] Lucian. Zeus Tragados, 33 (Лукиан. Сочинения. Изд. «Академия», М.—Л., 1935, стр. 486—487).

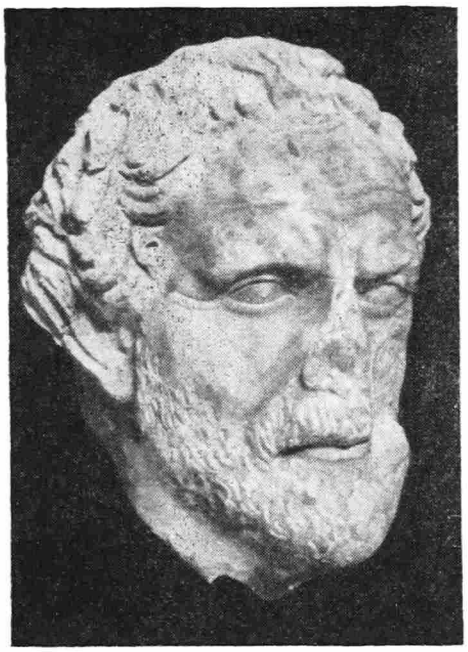


Рис. 6. Портрет Демофсена из Афинского музея

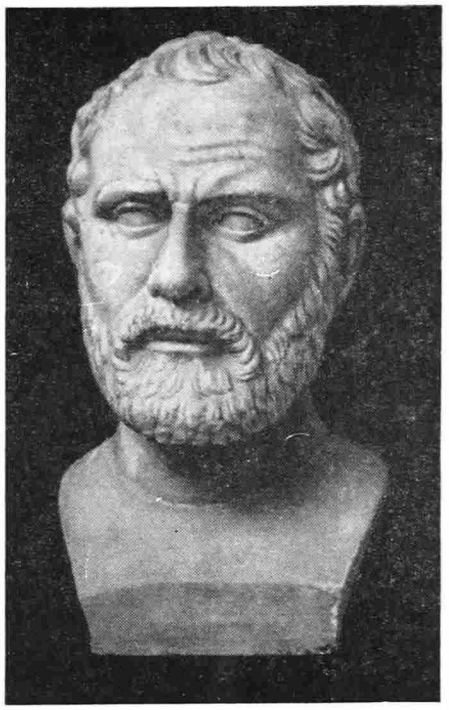


Рис. 7. Портрет Демосфена из Эрмитажа

щек [59]. Наклон головы и углубленный взгляд имеют много общего с бронзовым бюстом неизвестного грека из Геркуланума [60] (см. рис. 5). Трактовка рта напоминает голову Антисфена [61]. Аполлонийский скульптор, в свою очередь, не ограничился ролью простого копииста, а привнес в трактовку портрета новые черты, свойственные искусству его времени. Это нашло отражение в приемах изображения глаз, волос и в обработке поверхности. В результате получился совсем новый образ Демосфена, не имеющий прямых аналогий.

Своеобразие приемов в тот или иной период развития портретного искусства, так же как и особенности скульптурной школы, к которой принадлежал мастер, находят отражение в портретах Демосфена, относящихся к различному времени. Из большого количества дошедших до нас изображений Демосфена только некоторые могут быть датированы более или менее точно. Так, например, Кессон относит статую из Асмолеан Музея к периоду между 280 и 180 гг. до н. э., на основании прекрасного ее исполнения «при умеренном употреблении сверла» [62]; Пульсен же считает ее римской копией [63]; Фрезер относит портрет из Вашингтонского музея [64], имеющий заметные следы влияния пергамской школы скульпторов.

Бóльшая часть изображений Демосфена, которые могут быть датированы, относится к периоду от конца I в. до н. э. до начала II в. н. э. Среди них выделяется голова из Берлинского музея, которую О. Ф. Вальдгауэр считает не копией с оригинала Полиевкта, но «любо-

[59] A. Hekler. Bildnisse berühmter Griechen, стр. 20; его же. Die Bildniskunst..., стр. 87—88; K. Schefold. Ук. соч., стр. 97.

[60] H. Brunn, P. Arndt. Ук. соч., №№ 157—158; О. Ф. Вальдгауэр. Этюды по истории античного портрета. М.— Л., 1938, стр. 60—61.

[61] K. Schefold. Ук. соч., стр. 87.

[62] K. Casson. Ук. соч., стр. 71.

[63] P. Arndt, W. Amelung. Ук. соч., текст к №№ 3008—3010. Поскольку я имела возможность ознакомиться с этой скульптурой только по репродукции, я не могу уверенно присоединиться ни к одному из указанных мнений.

[64] A. D. Fraser. Ук. соч., стр. 216

пытной переделкой эпохи Флавиев»[65]. Она сильно отличается от мюнхенской копии мягкостью выполнения. Головы из Афин[66], Эрмитажа (рис. 7)[67], Копенгагена[68], Ватикана (рис. 4)[69], Мюнхена[70], хотя и отличаются между собой деталями, передают в целом один и тот же тип головы с удлиненным лицом. На мастера конца I в. до н. э., сделавшего голову, хранящуюся в Афинском Национальном музее, оказала сильное влияние школа классической скульптуры. Лицо этой головы трактовано несколько абстрактно. Строгость и холодность исполнения, характерные для стиля траяновской эпохи, сказались на выполнении головы Демосфена из Эрмитажа (рис. 7). Более реалистично, в духе эллинистической школы, сделаны головы из Копенгагенского и Ватиканского музеев. Отличается от этих портретов голова из Афинского Национального музея, датирующаяся II в. н. э.[71] (рис. 6). Сделавший ее скульптор применил новые приемы в трактовке волос головы и бороды. Вместо гладких волос, характерных для реплик портрета Демосфена предшествующего времени, скульптор, широко применяя сверло, изобразил более густую массу волос, закрывающих даже часть ушей. Бороду, наоборот, он передал в импрессионистической манере, с помощью глубоких врезов. Лицо у данного портрета кажется более широким и мясистым. Голова, найденная в Аполлонии, является единственной из всех известных мне реплик статуи Демосфена, которую можно уверенно отнести к послеантониновскому времени. Печать грусти и разочарования на лице, что вошло в моду с конца II в., увлечение скульптурой V в. до н. э., характерное для эпохи Антонина Пия, влияние восточного искусства — все это нашло отражение в работе аполлонийского мастера. Живописность, свойственная египетской портретной скульптуре[72], массивность черт лица, большая экспрессия и выразительность выгодно отличают аполлонийскую голову от более сухих работ некоторых других копиистов, особенно начала II в. н. э.

Но нельзя совсем отказаться от возможности толкования данной мраморной головы как портрета какого-нибудь греческого философа, неизвестного нам по другим репликам, или даже как портрета аполлонийца. В Греции во II — начале III в. н. э. был широко распространен обычай придавать изображениям последователей отдельных философских школ образ основателей этих школ. Возможно, следуя этому обычаю, скульптор придал умышленное сходство с образом Демосфена портрету какого-либо знаменитого в это время ритора. В таком случае запавшая нижняя губа, возможно предполагающая отсутствие передних зубов на нижней челюсти[73], узкий лоб и отсутствие складок на переносице, так отличающие аполлонийскую голову от других портретов Демосфена, могут быть истолкованы как индивидуальные портретные черты. Только новые скульптурные находки, повторяющие этот вариант портрета Демосфена, а также детальное изучение особенностей школы, к которой принадлежал скульптор, работавший в Аполлонии на рубеже II и III вв., позволят уничтожить остающиеся сомнения в принадлежности данной головы именно портрету Демосфена.

---

[65] О. Ф. Вальдгауэр. Этюды.., стр. 183 и 244.
[66] K. Casson. Ук. соч., стр. 76, рис. 4.
[67] О. Ф. Вальдгауэр. Этюды.., стр. 184—185.
[68] K. Schefold. Ук. соч., стр. 107.
[69] A. Hekler. Die Bildniskunst..., стр. 56—57.
[70] H. Brunn, P. Arndt. Ук. соч., №№ 136—137.
[71] K. Casson. Ук. соч., стр. 73, рис. 2.
[72] P. Graindor. Bustes et statues portraits d'Egypte romaine. Cair, стр. 15.
[73] Среди греческих и римских портретов такое западение губы встречается не часто. Сходное изображение рта на портретах Антисфена (два герма из Ватикана, см. A. Hekler. Die Bildniskunst..., №№ 28 и 30а), у Элия Аристида (герм в Капитолийском музее, см. там же, № 274а). Почти не видно нижней губы на портрете Биаса на двойном герме из Ватиканского музея (G. Lippold. Die Skulpturen des Vaticanischen Museums Berlin, 1956, III, табл. 198).

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ПОДВОДНЫЕ РАЗВЕДКИ В ОЛЬВИИ

Подводная археологическая экспедиция 1961 г. была организована Институтом археологии АН СССР при участии исторического факультета МГУ и Подводного клуба МЭИ [1].

Задачей экспедиции было, продолжая изучение затопленных частей античных городов Северного Причерноморья, обследовать ту часть Ольвии, которая покрыта водой. Ведь, как известно, в настоящее время восточная часть Ольвийского городища находится в следующем состоянии: верхние напластования размыты, а нижние затоплены и покоятся на дне Бугского лимана.

О том, что прибрежная часть Ольвии находится под водой, было известно очень давно; более века тому назад об этом писал А. С. Уваров [2].

Этому обстоятельству уделял особое внимание Б. В. Фармаковский [3], по поручению которого В. И. Деренкин произвел обмеры и нанес на генеральный план затопленные развалины Ольвии [4]. В 1946 г. были сфотографированы крупные каменные блоки, оказавшиеся частично обнаженными во время спада воды [5].

Привлекая эти материалы, А. Н. Карасев в своей статье, изданной в 1948 г. [6], сделал попытку наметить границы затопленной части Ольвии. Согласно опубликованному им плану, ширина затопленной части Ольвийского городища (т. е. протяжение его с востока на запад) составляет примерно 120—140 *м*. В другой статье, вышедшей через восемь лет, А. Н. Карасев снова остановился на вопросе о размерах затопленных частей Ольвийского городища. На этот раз им было выдвинуто иное положение, а именно, что «в древности правый берег Бугского лимана по сравнению с современным проходил на 500 *м* далее на восток; другими

---

[1] Состав экспедиции: начальник — В. Д. Блаватский, его заместитель — В. И. Кузищин, врач — Д. Г. Наливайко; археологи-подводники: Г. А. Кошеленко, Б. Г. Петерс, Ю. А. Савельев; старшины аквалангистов: В. П. Волжев и А. В. Блаватский; аквалангисты: инженеры — Б. К. Карелин, Ю. А. Смирнов и Ю. Н. Старостин, К. С. Жербин, И. В. Ольховой и Л. А. Пименов, выпускник МГУ В. А. Лесков, техник Ю. А. Данилов; завхоз — Г. А. Воронин, шофер — А. Д. Якименко. Работы велись с 19 июля по 15 августа 1961 г.

[2] А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, Вып. I, СПб., 1851, стр. 40.

[3] Б. В. Фармаковский. Ольвия. М., 1915, стр. 23.

[4] Так называемая пристань нанесена на генеральный план Ольвии (городища и некрополя), составленный В. И. Деренкиным в 1915 г. и опубликованный Б. В. Фармаковским в 1926 г. (см. Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 году. СГАИМК, т. I, Л., 1926, стр. 145, рис. 3). Разрез береговой полосы в районе так называемой пристани был опубликован А. Н. Карасевым в 1948 г. Тогда же названным исследователем был опубликован план Ольвийского городища, заключавший также затопленные части его, а именно так называемую пристань (лежащую против раскопа *НГФ)* и (расположенную против раскопа *НГ*) группу крупных камней (см. А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 30, рис. 4; стр. 33, рис. 7).

[5] А. Н. Карасев. Ук. соч., стр. 32, рис. 6; В. Д. Блаватский. О подводной археологии. СА, 1958, № 3, стр. 75, рис. 3.

[6] А. Н. Карасев. Ук. соч., стр. 30, рис. 4, стр. 31 сл.

словами, за истекшие 2000 лет правый берег Буго-Днепровского лимана разрушился полосой, шириною около полукилометра»[7].

Вот, в сущности, те данные, которыми можно было располагать по вопросу о размерах и характере затопленных частей Ольвии, когда, по предложению директора Института археологии АН УССР С. Н. Бибикова, мы приступали к работам летом 1961 г.[8].

Составляя план наших разведочных работ в Ольвии в 1961 г., мы наметили разрешить следующие задачи: 1) составить план микрорельефа той части дна Бугского лимана, которая прилегает к Ольвийскому городищу; 2) пройти визуальной разведкой несколько маршрутов (с запада на восток) по дну лимана, ведя наблюдения над характером грунта и встречающимися находками.

Базовая линия[9] была разбита около самого берега, главным образом на узкой полосе берегового песка, а отчасти на скалистом побережье в южной части городища. Названная линия проходила на отметке около 0,5 *м* над уровнем лимана. Несколько извилистый характер берега заставил придать ей очертания ломаной линии: она состояла из 17 отрезков (различной длины), заключенных между 18 пикетами. Общая длина базовой линии достигала 1532 *м*.

Как при составлении плана микрорельефа дна, так и при визуальной разведке мы применяли следующий прием фиксации нужных точек. На каждом пикете базовой линии и прямо к западу от него (т. е. на территории городища) устанавливались две створы, сколоченные из досок. Эти створы позволяли лодкам строго соблюдать заданное направление, а именно плыть от пикета точно на восток. Положение поставленной в стороне лодки точно фиксировалось засечкой теодолитом с соседнего пикета. Однако обычно мы пользовались другим, более удобным приемом. Лодка двигалась от пикета (в створе) по направлению на восток и, отмерив заданное расстояние концом до 50 *м* длиной, становилась на якорь. Прочные капроновые концы (с отметками через каждые 5 *м*) позволяли, соблюдая сильное натяжение, промерять расстояния, причем каждый из отрезков был до 50 *м* в длину; при этом работы могли производиться даже при волне 2—3 балла и ветре в 3—4 балла. Установка лодок на двух якорях гарантировала их пребывание на нужной точке необходимое время.

При измерении глубины для съемки микрорельефа дна лимана работа велась с двух шлюпок. Первая останавливалась на заданном расстоянии (обычно 30 *м*) от пикета, и с нее бросали лот. Затем вторая шлюпка принимала конец с первой и, войдя в створу, продвигалась на восток на заданное расстояние, а затем становилась на якорь, для того чтобы бросить лот. После этого первая шлюпка повторяла маневр второй, и далее вся работа шла таким же чередом.

В тех случаях, когда понижение дна было постепенным, глубины измеряли (как нами было отмечено) через тридцатиметровые интервалы; когда же понижение становилось более резким, измерения вели через десятиметровые промежутки.

Таким образом, был составлен достаточно подробный план площади длиной (с севера на юг) 950 *м* и шириной 450 *м* (а включая более бегло пройденные участки,— почти 1,5 *км* длиной при той же ширине).

---

[7] А. Н. Карасев. Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии Ольвии. МИА, № 50, 1956, стр. 33 сл., рис. 11.

[8] Необходимо отметить, что (как нам довелось узнать, уже во время работ в Ольвии) там в 1957 г. группа одесских врачей производила съемку плана затопленных развалин ольвийских сооружений. Результаты этих работ, к сожалению, до сего времени остались неопубликованными.

[9] Привязка базовой линии была осуществлена следующим образом: два пикета, расположенные возле раскопов *НГ* и *НГФ*, были привязаны к наиболее монументальным сооружениям из числа находящихся на этих раскопах.

Визуальную разведку дна вели по участкам, имевшим форму полукругов или квадрантов. Длина радиусов этих фигур доходила до 50 *м*. Сотрудник, стоявший на страховом конце, обычно находился в лодке (а при обследовании смежных с берегом участков — на берегу). Подводники ходили на страховых концах длиной 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 40, 45 и 50 *м*, исследуя соответствующую половину или, чаще, четверть окружности; о всем, что было видно на дне, они сообщали, поднимаясь на поверхность воды, археологу, который записывал показания в дневник и отмечал на плане обнаруженные скопления рваных камней и более монументальные остатки сооружений. Таким образом была достигнута достаточно точная фиксация остатков сооружений, как это показали неоднократно произведенные проверки (рис. 1).

Природные условия не были благоприятными. Нередко ветры приносили грандиозные скопления мельчайших растений, и вода на подлежащих исследованию участках превращалась в зеленую жижу, где видимость полностью отсутствовала. Да и в самые благоприятные дни видимость у дна была не более чем на 30 *см*, а чаще только на 5—10 *см*. Иной раз мешали нам и сильные ветры, поднимавшие волну до 3—4 баллов, что затрудняло точную установку наших лодок на нужных пунктах, а иногда волны настолько захлестывали лодки, что приходилось прерывать работу. Наконец, причиняли неудобства и обильные острокрайние раковины, которыми обросли камни на дне лимана, что было особенно ощутимо, ибо подводники часто обследовали дно в полумраке или в условиях отсутствия видимости.

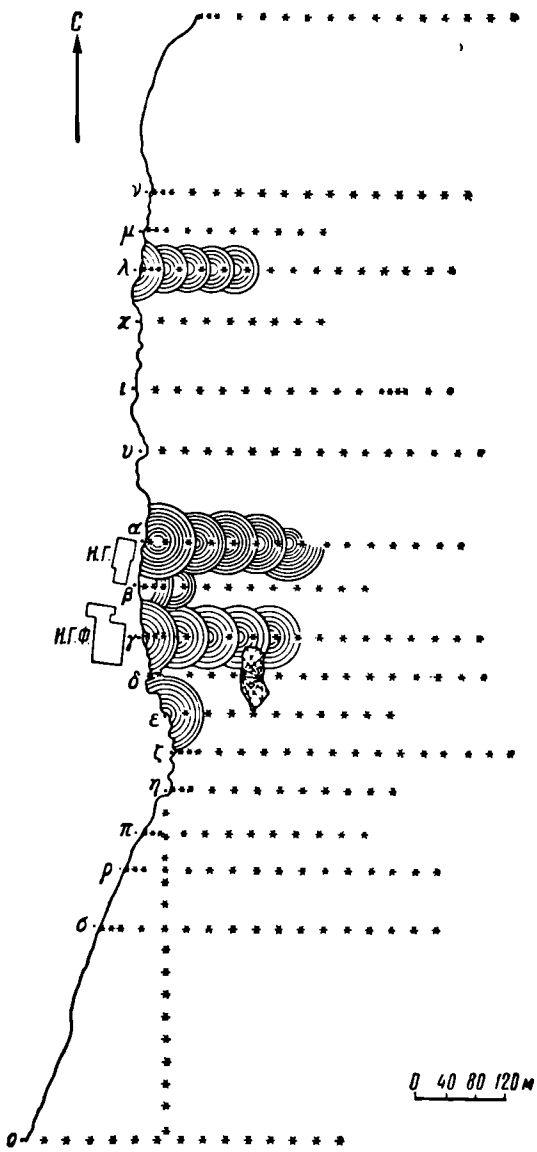


Рис. 1. Генеральный план обследованного района во время подводных работ в Ольвии в 1961 г.

* * *

Уже самое беглое ознакомление с характером дна Бугского лимана в районе Ольвии показало, что там наблюдается сложная картина, которая, по всей видимости, возникла не только в результате размывов культурных наслоений, но также и наносов песка. Эта картина значительно сложней, чем та, которая наблюдалась в Фанагории [10]; именно в силу этого обстоятельства нам и представилось необходимым уделить особое внимание топографической съемке затопленной части Ольвии.

В результате произведенных обмеров выяснено, что характер рельефа

[10] В. Д. Блаватский и В. И. Кузищин. Подводные разведки древней Фанагории. ВАН, 1959, № 1, стр. 130 сл.; их же. Подводные разведки в 1958 г. КСИА АН СССР, вып. 83, 1961, стр. 163 сл.

[11] В редких случаях такая глубина наблюдается лишь на расстоянии 30 *м* (или даже немного больше).

следующий: почти повсеместно [11] на расстоянии около 10 *м* от берега глубина достигает 1 *м*. Далее нарастание глубины до 1,5—2 *м* идет на различных участках неравномерно. Так, глубина 1,5 *м* наблюдается на расстояниях от 30 до 130 *м*, но по большей части примерно в 100 *м* от берега. Понижение до 2 *м* имеет место на расстоянии в 90—170 *м* от берега, но чаще всего примерно в 130—140 *м*. Что же касается глубины 2,5 *м*, то последняя отмечена на расстоянии от 150 до 300 *м*, но по большей части — немного более 200 *м*.

Трехметровая глубина была установлена против северной части городища на расстоянии около 320 *м* в средней части, это расстояние сильно сокращается, местами не превышая 230 *м*, а в южной снова возрастает, достигая 400 *м*.

Далее наблюдается следующее: дно лимана против средней и южной частей городища резко падает. Переход с трехметровой глубины до четырехметровой занимает интервал в 10—30 *м*, а местами, особенно в южной части, нарастание глубины с 4 до 5 *м* также занимает интервал не более 30 *м* длиной. Против северной части городища и особенно к северу от него дно понижается более постепенно; за Северной балкой, даже в 400 *м* от берега, глубина не достигает 3 *м*.

Исходя только из наблюдений над рельефом дна, нельзя, конечно, делать каких-либо окончательных заключений. Допустимы разве самые предварительные предположения. Так, не исключена возможность, что довольно резкое падение глубин с трехметровой отметки связано с древней береговой линией. Коль скоро уровень Черного моря за последние два тысячелетия поднялся [12] примерно на 4 *м*, то допустимо предположение, что то же самое произошло и на Бугском лимане. При таких обстоятельствах береговая линия в античное время должна бы проходить примерно в 250—300 *м* к востоку от нынешнего берега средней и южной частей городища [13]. Что же касается возможной границы застройки в средней части городища, то таковая в древнее время вряд ли могла проходить более чем в 230 *м* к востоку от нынешнего берега.

Выше мы уже описали приемы, которыми мы пользовались при визуальной разведке. Такой разведке был подвергнут ряд полукруглых участков общей площадью около 44 600 $м^2$. Кроме того [14], визуальной разведкой еще была обследована так называемая пристань (каменная платформа или навал камней), в силу чего общая площадь, которая была нами изучена и нанесена на план, составила около 5,5 *га*.

Обследованные участки находились главным образом против средней части городища, а именно: 1) в створе α (против раскопа *НГ*), где пройденная площадь достигала 240 *м* в длину и 50 *м* в ширину; 2) в створе γ (против раскопа *НГФ*), где длина пройденной площади доходила до 205 *м*, а наибольшая ширина также 50 *м*; 3) сравнительно небольшая площадь (около 3000 $м^2$) была обследована в створе β (между α и γ) и 4) несколько бóльшая (около 3750 $м^2$) к югу от названных участков, в створе ε.

Наконец, в северной части Ольвийского городища (в 260 *м* к северу от участков α) была обследована площадь до 160 *м* длиной и до 40 *м* шириной (участки в створе λ).

Работы в створе λ выявили довольно бледную картину, ибо там бóльшая часть площади оказалась покрытой наносами песка. Только возле берега, на расстоянии от 30 до 60 *м*, обнаружены прерываемые песчаны-

[12] В. Д. Блаватский. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. СА, 1961, № 1, стр. 279.

[13] В настоящее время мы воздерживаемся от каких-либо заключений о более мелком участке против северной части городища, которое мы еще слишком мало обследовали. К тому же не исключена возможность наличия там значительных наносов песка.

[14] Помимо этих работ, производились еще менее значительные обследования к югу от участка α IV, не давшие значительных результатов.

ми прогалинами россыпи рваного камня, по большей части мелкого, а местами — средней величины. Встречались также единичные довольно крупные рваные камни.

Несравненно более богатые результаты нам дали работы, производившиеся против средней части городища — в створах α, β, γ, δ, ε (рис. 2).

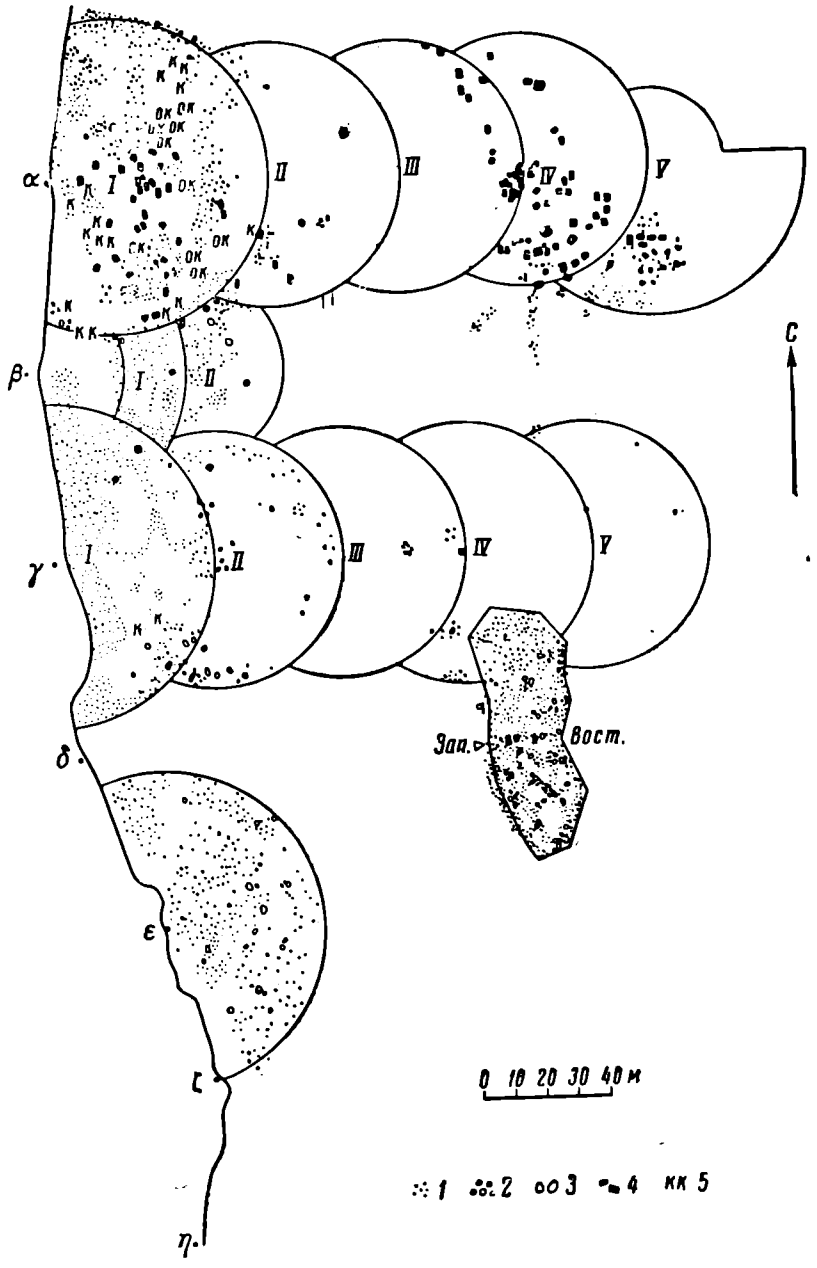


Рис. 2. План затопленных участков, расположенных против средней части Ольвийского городища.

1 — мелкие камни; *2* — средние камни; *3* — крупные камни; *4* — плиты; кк — керамика.

Общий характер дна лимана, правда, и там имеет некоторое сходство с таковыми на северном участке. Такое же наличие россыпей рваного камня мелкого и средней величины, которые тянутся на 30—60 *м* вдоль берега, местами прерываемые песчаными прогалинами, а далее же, в глубь лимана, преобладают наносы чистого песка.

Однако среди этих россыпей рваного камня обнаружено значительное количество обломков античной керамики, преимущественно остродонных

амфор. Особенно обильными эти находки были в створе *а*, меньше их было в створе γ и еще меньше — на участке ε.

Еще более существенно наличие довольно значительных, а иногда и очень больших каменных квадров. Часть этих квадров лежала в одиночку, другие составляли большие скопления.

Первое большое скопление (на участке αI) находится на расстоянии от 8 до 55 *м* от берега. Это скопление простиралось с северо-запада на юго-восток, достигая в длину 60 *м*, а в ширину — 25 *м*. Его составляли до четырех десятков больших каменных, по большей части квадровых блоков. Расстояния между блоками были различными. Иногда они лежали почти впритык, но чаще на интервалах в 1, 2, 3 и более (примерно 10) метров. Нижние части камней были занесены песком. Размеры блоков были весьма различными. Длина колебалась от 0,6 до 1,6 *м*, ширина от 0,3 до 0,6 *м*, высота — от 0,15 до 0,6 *м*. Приведем несколько примеров.

Размеры в метрах	Блоки				
	I	II	III	IV	V
Длина	0,60	1,00	1,20	1,40	1,60
Ширина	0,30	0,60	0,90	0,70	0,50
Высота	0,15	0,20	0,50	0,60	0,25

Второе скопление также было обнаружено в створе α (на участках α III, IV и V). Число обнаруженных там блоков достигало восьми десятков. Ближайшие к берегу блоки находятся на расстоянии около 110 *м*, а наиболее отдаленные — около 200 *м*. Это скопление блоков, так же как и первое, тянулось с юго-востока на северо-запад, простираясь в длину несколько более чем на 100 *м*, а в ширину — до 50 *м*. В северо-западной части отмечена дюжина крупных блоков, которые были расположены сравнительно редко (на расстояниях от 1—2 до 10—12 *м* друг от друга). Значительно чаще встречались блоки в средней части скопления. Там крупные квадры числом до 25 лежали почти рядом друг с другом или на расстояниях не более 5—6 *м*. Длина этих камней достигала 1 *м*.

Далее, к юго-востоку, наблюдалась небольшая прогалина шириной 10—12 *м*, после чего — новая группа блоков числом также до 25. Размеры этих камней доходили до 1,5 × 1,5 *м*, при высоте до 0,6 *м*.

Еще одна прогалина, 7—8 *м* шириной, отделяла последнюю группу от предшествовавшей. В этой крайней группе было до полуторы дюжины крупных блоков. Пять из них представляли собой большие квадры. Длина их была до 2,5 *м*, ширина — 0,5—0,8 *м*, а высота — до 0,9 *м*. Они обрамляли с севера всю описываемую группу камней; четыре из них лежали в ряд (по направлению с востока на запад), обращенные торцами один к другому на интервалах около 0,4 *м*. Пятый блок, обращенный торцами к северу и югу, замыкал этот ряд с запада. Южнее, двумя несколько беспорядочными рядами лежали блоки около 1 *м* длиной и 0,5—0,6 *м* шириной, а еще дальше к югу — камни еще меньшие по размеру.

Помимо описанных двух скоплений, как уже было отмечено, встречались и одиночные блоки. Два из них были обнаружены на участке α II, между скоплениями блоков. К юго-востоку от первого скопления (на участках β I, β II, и γ I) зафиксированы пять блоков на расстояниях от 7 до 23 *м* один от другого. Наконец, еще один блок отмечен в 60 *м* к югу от самого южного из этой пятерки.

Не подлежит сомнению, что оба скопления камней, а равно и отдельные блоки представляли собой остатки сооружений из культурных напластований, размытых водами лимана.

Примерно в 100 *м* к югу от второго скопления камней в 135 *м* к юго-востоку от первого скопления находится так называемая пристань. Она представляет собой каменную платформу или навал камней, а вернее — и то и другое. Западный край этого навала находится на расстоянии

около 130 *м* от пикета δ, а ширина его (т. е. протяжение с запада на восток) в этом месте равна 24 *м*. Две эти точки на краях навала послужили пикетами базовой линии. С них посредством засечки велась съемка очертаний навала и, кроме того, было пройдено 15 ходов (с западной — 7 на ССВ, СВ, ВСВ, В, ВЮВ, ЮВ и ЮЮВ; с восточной — 8 на С, ССЗ, СЗ, ЗСЗ, ЗЮЗ, ЮЗ, ЮЮЗ и Ю).

Как показали эти работы, навал имеет сильно вытянутую форму в меридиональном направлении. По своим очертаниям он близок многоугольнику с закругленными углами и не совсем ровными сторонами. Восточная граница этого многоугольника немного вогнута, западная слегка выпуклая, с южной стороны очертания как бы заострены, а с северной как бы затуплены. Длина навала (с севера на юг) достигает 75 *м*, наибольшая ширина в северной части — 29 *м*, в остальных частях она не более 25 *м*.

Приведенные данные о местоположении и очертаниях так называемой пристани свидетельствуют о значительной неточности в этом отношении, которая была допущена на ранее опубликованных планах [15].

Каменный навал местами довольно резко, местами менее четко отделяется от прилежащей к нему части дна лимана. Платформа с навалом камней представляется заметно более плотной массой, чем грунт, который окружает ее со всех сторон; это хорошо можно было почувствовать при прощупывании дна шестом. Вместе с тем навал возвышается над дном лимана. Местами подъем наблюдается довольно отчетливо, достигая в высоту 0,2, 0,3, даже 0,4 *м*, что особенно резко выражено у северо-восточного края. Но чаще подъем выражен совсем не резко, а высота его нередко достигает всего 0,05—0,1 *м*, а в длину он растягивается на протяжении 0,5—1 *м*, а иногда 2—3 *м* и даже более.

У северо-восточного края платформы обнаружена группа блоков, лежавших навалом; длина их около 0,8 *м*, ширина — около 0,5 *м*, а высота — 0,20—0,25 *м*. У северного края встречались лежавшие в беспорядке камни различной величины (от 0,4 × 0,5 *м* до 0,80 × 1 *м*) при высоте 0,3—0,4 *м*. Там же были найдены обломки синопских соленов эллинистического времени.

У южного и юго-восточного края платформы отмечены большие скопления рваных камней, в основном не очень больших (длиной до 0,5 *м*), лежащих на мелких камнях, под которыми находился слой песка. Небольшие расчистки показали, что под песком находится ровная поверхность, которую составляют четыре камня, плотно пригнанные один к другому. Просветы между этими камнями не более 0,02 *м*. При зачистках встречались обломки античной керамики [16], главным образом гераклейских, фасосских и косских амфор IV—III в. до н. э. Кроме того, были найдены обломок амфоры, возможно, хиосской V в. до н. э., и кусок калиптера, вероятно, римского времени.

Внутренняя часть поверхности платформы покрыта перемежающимися более или менее значительными скоплениями, россыпями, а также отдельными мелкими и средней величины рваными камнями, а местами и довольно крупными блоками (до 0,70 *м* длиной).

В некоторых местах, особенно в средней части (в створе δ) наблюдались глубокие щели, судя по характеру,— скорее швы между камнями кладки, чем расселины в породе.

Окончательное заключение о том, что представляет собой описываемый памятник, конечно, станет возможным лишь после надлежащих раскопок. До этого можно сделать лишь предположения. Как нам кажется, так называемая пристань состоит из двух напластований, граница меж-

---

[15] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 145, рис. 3; А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии, стр. 30, рис. 4.

[16] Все определения керамики были любезно сделаны И. Б. Зеест.

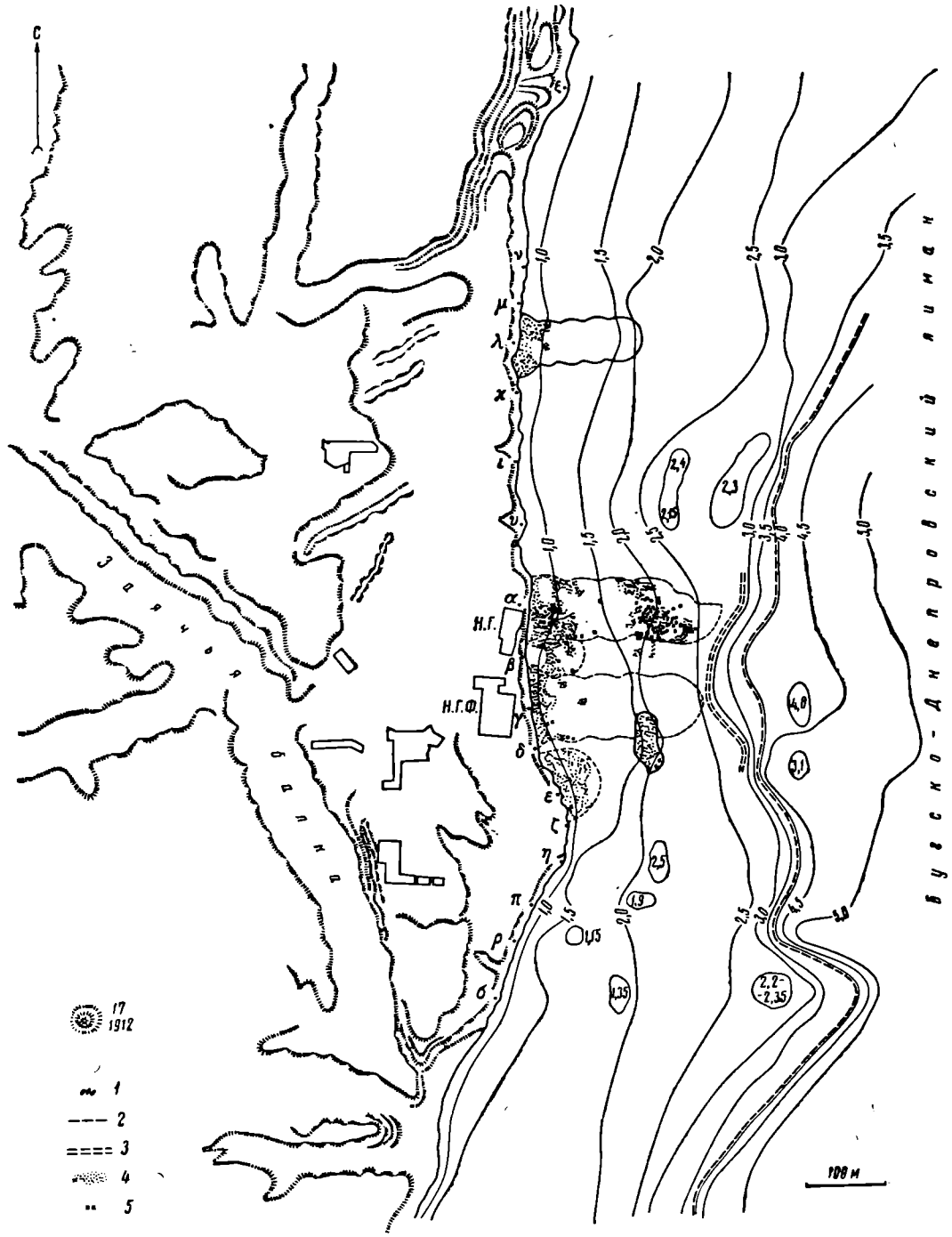


Рис. 3. Генеральный план затопленной части Ольвии по данным работ 1961 г.

1 — каменные блоки; *2* — примерная береговая линия в античную эпоху; *3* — примерная граница городской застройки; *4* — россыпи рваного камня; *5* — обломки керамики

ду которыми, возможно, далеко не всегда выражена достаточно четко. Верхнее из этих напластований значительно легче поддается исследованию. Оно представляет собой навал камней, высотой до 0,4 *м*, образовавшийся в результате размыва культурного слоя. По всей видимости, при этом размыве насыпь слоя была смыта не только между лежавшими в ней камнями, но и под ними. Поэтому нужно думать, что многие из камней навала некогда принадлежали верхним напластованиям и, вероятно, лишь небольшая часть их продолжает оставаться in situ, а большинство опустилось на грунт с различных отметок.

Менее ясным остается для нас нижнее напластование, почти полностью скрытое под навалами камней или наносами песка и ракушек. По всей видимости, это напластование пребывает in situ, представляя собой остатки какого-либо сооружения, возможно, каменной платформы, состоящей из монументальной кладки и, может быть, отчасти из выходов материковой скалы.

Однако следует еще раз подчеркнуть, что наблюдения велись в крайне плохих условиях видимости, в силу чего все сказанное в значительной мере является предположением.

Подведем итоги подводных разведок Ольвии в 1961 г.

Против раскопа *НГ* (в створе α) обследованы два больших скопления крупных блоков. Одно из них, видимо, нанесено на план, опубликованный в 1948 г. [17], но там оно показано значительно дальше от берега, чем оно находится в действительности. Между тем за прошедшее время это расстояние могло только возрасти и, вероятно, возросло, а никак не стало меньше.

Второе скопление, на расстоянии 110—200 *м* от берега, по-видимому, было зафиксировано нами впервые. Оно позволило сказать с полной уверенностью, что затопленная часть Ольвийского городища простирается не менее чем на 200 *м* к востоку от нынешнего берега, во всяком случае в районе против раскопа *НГ*. Если в результате дальнейших исследований такое же расстояние будет отмечено и в других участках затопленной части Ольвийского городища, то тогда размеры Ольвии возрастают не менее чем на 20 *га*.

Вместе с незатопленной частью городища, обычно определяемой как 33 *га* [18], это должно составить примерно 50 *га*, а может быть, и больше; такие размеры являются весьма солидными для северопонтийского города (рис. 3). Уступая по величине Пантикапею, который превосходит ее не менее чем в два раза, Ольвия может оказаться примерно равной Фанагории и несколько больше, чем Херсонес. Если сказанное подтвердится дальнейшими исследованиями, то тогда окажется, что и число жителей в Ольвии было значительно больше, чем это можно было предполагать до сего времени.

Обследование так называемой пристани показало сложность этого памятника, верхняя часть которого состоит из навала камней, видимо образовавшегося в результате размыва культурного слоя, а нижняя местами представляет собой каменную платформу. Уточнение назначения или происхождения этого памятника до его раскопок, конечно, невозможно, но во всяком случае местонахождение его в 130—154 *м* от берега не дает никаких оснований считать его пристанью.

Топографическая съемка показала, что в средней и южной частях [19] городища до глубины 3 *м* наблюдается сравнительно постепенное падение горизонтали. При этом глубина в 3 *м* наблюдалась в среднем на расстоянии около 250 *м* от берега (в створе α это расстояние достигало 270 *м*, в створе γ — 230 *м*, а в створе ζ — 250 *м*).

[17] А. Н. Карасев. Ук. соч., стр. 30, рис. 4.

[18] Л. М. Славин. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 15.

[19] Возможно, что отмеченное изменение рельефа в средней и южной частях городища несколько затуманено в результате наносов песка.

Далее, на сравнительно небольшом протяжении глубина падает довольно резко; на расстоянии 15—40 *м* наблюдается понижение до 4 *м*. Это явление, вероятно, связано с древней береговой линией. Возможно, что эта полоса представляет собой не застроенную в древности береговую кромку между окраиной города и водами лимана.

Если наши предположения справедливы, древняя береговая линия проходила не дальше чем в 300 *м* от современной [20].

Сделанные наблюдения — это лишь начало исследования затопленных частей Ольвии; основываясь на них, можно приступить ко второму этапу работ — подводным раскопкам городища.

[20] В силу сказанного отпадают прежние предположения: более раннее, согласно которому затопленная часть городища простиралась в сторону лимана примерно на 120—140 *м* (А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии, стр. 30, рис. 4), и более позднее, о том, что берег лимана в древности лежал, примерно, в 500 *м* к востоку от нынешнего (А. Н. Карасев. Планы Ольвии XIX в...., стр. 33 сл., рис. 11).

Попутно отметим значительную погрешность ранее опубликованного разреза береговой полосы, в районе так называемой пристани (А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии, стр. 33, рис. 7; повторен: В. Д. Блаватский. О подводной археологии, стр. 75, рис. 4); там к востоку от пристани показано очень резкое (примерно под углом 45°) понижение рельефа дна, что совершенно не отвечает действительному положению.

И. С. КАМЕНЕЦКИЙ, В. В. КРОПОТКИН

ПОГРЕБЕНИЕ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ БЛИЗ ТАНАИСА

Археологические памятники IV—V вв. в Подонье и Приазовье слабо изучены. Нам известны богатые погребения этого времени, обнаруженные случайно в Морском Чулеке, на берегу Азовского моря [1], и в Кизиярской балке, под Мелитополем [2].

Новый интересный памятник этого времени — погребение у ст. Синявка был обнаружен случайно.

Между ст. Синявкой и хут. Недвиговкой, где находится Танаис, коренной берег долины Дона отходит от русла Мертвого Донца, образуя широкую заболоченную луговину. На окраине ст. Синявки коренной берег прорезан долиной речки Донской Чулек. Недалеко от этого места, к востоку, на краю обрыва имеется небольшой песчаный карьер, разрабатываемый для нужд жителей Синявки. Здесь и было обнаружено описываемое погребение.

История открытия изложена в письме председателя Синявского сельсовета тов. И. П. Мамченко от 3 августа 1958 г., адресованном в Таганрогский музей [3].

16 августа И. С. Каменецкий, проводивший в это время разведки в Приазовье, выехал на место находки. Так как с момента обнаружения погребения прошло уже довольно много времени, то осмотр места, где были найдены вещи, ничего не дал, всякие следы могилы были уже уничтожены. Из опроса жителей (и, прежде всего, открывателей) было выяснено следующее. Поверхность земли в этом месте была ровной,

---

[1] Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1868, д. № 4, лл. 1, 5, 6, 10, 11; ОАК за 1868 г., стр. XVIII—XIX; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПб., 1890, стр. 140—142.

[2] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 216. Материал хранится в Мелитопольском краеведческом музее. См. В. Ф. Пешанов. Мелитопольская диадема. КСИА АН УССР, вып. 11, Киев, 1961, стр. 51—54. В погребении в Кизиярской балке была обнаружена медная диадема с золотой обкладкой, украшенная вставками янтаря и зернью. По верхнему краю расположены стилизованные фигурки, орнаментированные вставками рубина (в центре) и янтаря. Нам известны новые находки подобных венцов с полихромной инкрустацией из с. Игрень, Днепропетровского района, Днепропетровской области (случайная находка, поступила в Днепропетровский краеведческий музей) и на земле колхоза им. Калинина, Красноармейского района, Крымской области (случайная находка 1959 г., поступила в Симферопольский краеведческий музей).

[3] В письме говорилось: «Синявский с/совет, Неклиновского района, Ростовской обл., сообщает Вам следующее: 26 июля с. г. недалеко от Недвиговского городища — бывшей крепости Танаис — жителями с. Синявка Фионовым Павлом (шофер колхоза «Заветы Ильича»), грузчиком Бакумовым Владимиром и Толочным (секретарем комсомольской организации колхоза) при погрузке песка и глины были обнаружены следующие археологические ценности: 1) скелет человека; 2) ваза стеклянная, художественно оформленная; 3) несколько золотых вещей; 4) серьга и др. предметы украшения; 5) две маленькие фигурки-вазочки. Для изучения археологической находки просим выслать Вашего представителя».

Пользуемся случаем выразить т. И. П. Мамченко искреннюю благодарность за сообщение о находке и помощь в получении найденных вещей.

и никаких курганных насыпей не было. Могильная яма четко прослеживалась в песчаном грунте более темным заполнением, глубина ее от поверхности — приблизительно 1,5—2 *м*. Сведений о форме ямы, о ее ориентировке и положении погребенного выяснить не удалось.

Перечисленные ниже вещи из погребения, находившиеся у открывателей, были переданы И. С. Каменецкому и затем поступили в Таганрогский музей.

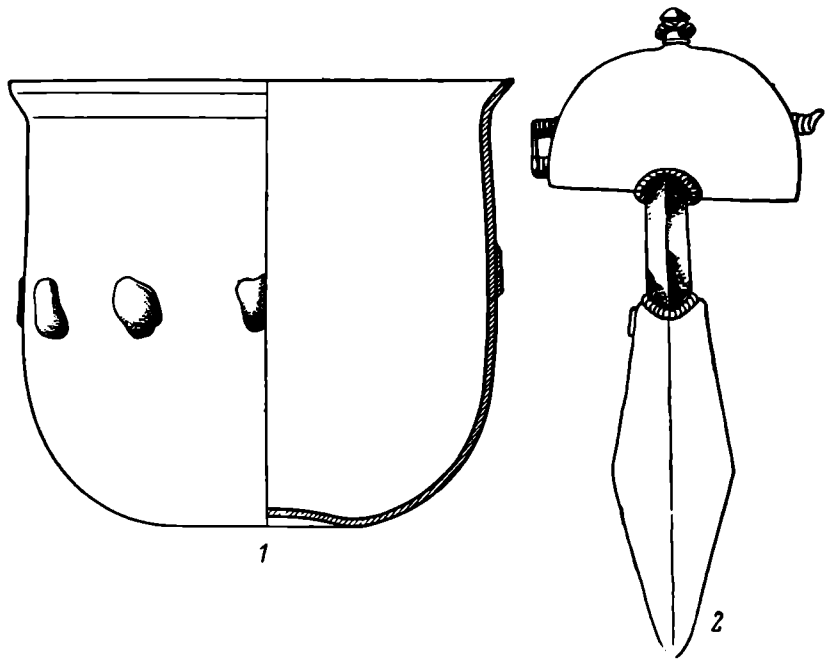


Рис. 1

1 — стеклянный кубок с синими глазками; *2* — серебряная фибула

1. Крупная серебряная двупластинчатая фибула (рис. 1, *2*) с двойной пружиной. Длина — 13,9 *см*. Полукруглый щиток имеет выступ, на который надета рубчатая обоймочка, рубчатые же пояски расположены у основания граненой дужки. Ромбовидный щиток также имеет продольную грань. По аналогии с другими погребениями этого типа можно предположить, что в составе инвентаря находилась еще одна фибула, ныне утраченная.

2. Золотая серьга из круглой в сечении проволоки, с четырнадцатигранником на одном конце и заострением на другом. Диаметр — 16 *мм*, сечение проволоки — около 1,5 *мм* (рис. 2, *1*).

3. 15 круглых нашивных бляшек из тонкого золотого листка (рис. 2, *3*). В центре — полушарная выпуклость, по краю — два ряда ложной зерни. Диаметр — 9 *мм*. Имеется три отверстия для пришивания.

4. Девять треугольных нашивных бляшек (рис. 2, *2*) из тонкого золотого листка. В центре — выпуклость в виде трехгранной усеченной пирамиды, по краю — ряд ложной зерни. Один угол оттянут и оформлен в виде ушка. Размеры сторон треугольника: 9—10, 5—10,5 *мм*.

5. Пять золотых рубчатых двойных пронизей (рис. 2, *4*), свернутых S-образно из тонкого листка. Длина — 11 *мм*, диаметр — приблизительно 2 *мм*.

6. Одна круглая уплощенная бусина из темного янтаря (рис. 2, *5*) грубообработанная. Диаметр — 16,5 *мм*, толщина — 5,5 *мм*.

7. Одна цилиндрическая фрагментированная бусина темно-синего стекла (рис. 2, *6*). Диаметр — 14 *мм*, длина не менее 19 *мм*.

8. Бисер в виде кольцевых нарезок из белой пасты — 3 шт. (рис. 2, 7). Диаметр — 2,8 *мм* и длина — 2,8 *мм*.

9. Два небольших флакончика в виде удлиненных кувшинов (рис. 2, *9*, *10*). Один, с отбитой ручкой, сделан из черного глухого стекла с узором из темно-зеленого стекла в виде двух поясков у ножки и крупного зигзага на тулове. Другой флакончик сделан из того же черного стекла, но узор на нем белый: на нижней части тулова спираль

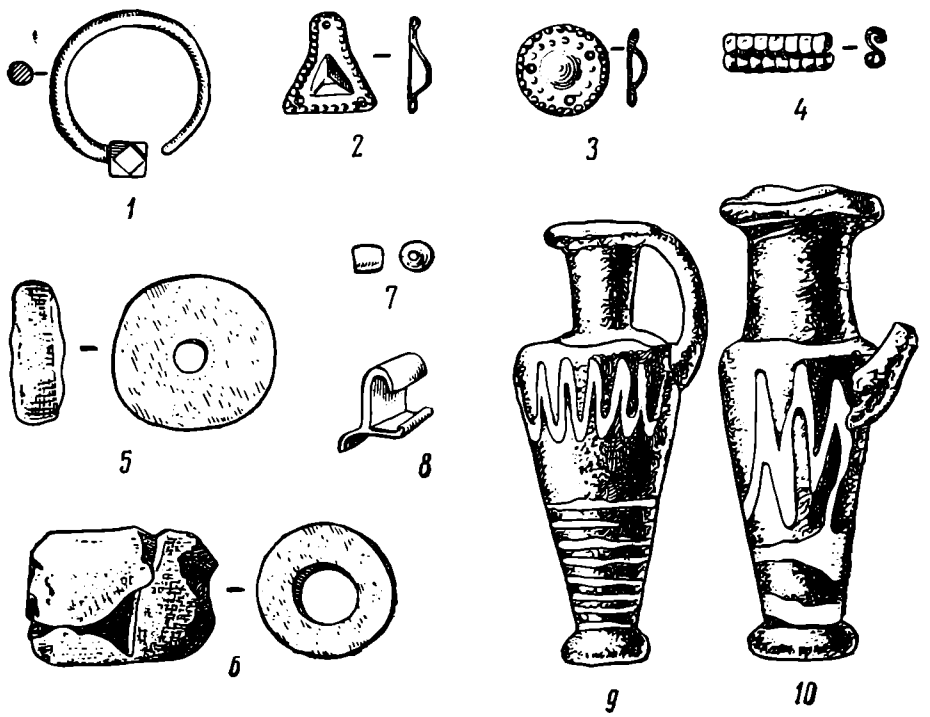


Рис. 2.

1 — золотая серьга; *2*, *3* — золотые бляшки; *4* — золотая пронизка; *5* — янтарная бусина; *6* — стеклянная бусина; *7* — бисер из белой пасты; *8* — обломок бронзового предмета; *9*, *10* — стеклянные флаконы

в восемь витков, в верхней части — зигзаг. Высота первого — 4,8 *см*, второго — 4,55 *см*. Флакончики были, по-видимому, одноручными.

10. Деталь предмета (рис. 2, *8*), сделанная из полоски бронзы, напоминает держатель фибулы.

Кроме перечисленных вещей, был найден и разбит на месте стеклянный сосуд, обломки которого, собранные школьниками, были переданы в существующий при синявкинской школе небольшой музей, откуда и поступили в Таганрог.

11. Фрагментированный стеклянный сосуд (рис. 1, *1*). Его прямые вертикальные стенки закругляются ко дну, имеющему в центре небольшое вдавление. Низкий венчик отогнут наружу и сверху срезан. Стекло тонкое, желтого цвета, прозрачное. В средней части тулова в один ряд расположены выпуклые глазки из темно-синего стекла. Высота — 9,5 *см*, диаметр тулова на уровне глазков — 9,8 *см*.

Таковы достоверные сведения о Синявкинском погребении. Среди местных жителей ходили слухи, что там же был найден железный меч, который рассыпался. Однако найти свидетеля, видевшего этот меч, не удалось. Можно полагать, что эти сведения относятся уже к области вымысла.

Вместе с остальными вещами были переданы четыре зуба, по которым определявший их антрополог А. Пулянос установил, что они при-

надлежат человеку 18—25 лет. Судя по сохранившемуся инвентарю, в могиле у ст. Синявки была похоронена богатая молодая женщина.

Аналогии вещам из этого погребения имеются в памятниках Северного Причерноморья, Закавказья и Западной Европы. Значительное число близких аналогий мы находим в керченских склепах и погребениях, исследованных В. В. Шкорпилом или обнаруженных при кладоискательских раскопках. Серебряные фибулы с двойной пружиной были найдены в склепе № 154 на Госпитальной улице в 1904 г.[4]. Форма и размеры керченских и синявкинских фибул полностью совпадают; имеется лишь небольшое различие в оформлении отростка на полукруглом щитке. Склеп датируется золотым венком с оттиском монеты Валентиниана I (364—375) [5]. Близкие по форме фибулы, но с одной пружиной, были найдены в катакомбе № 6 в Керчи при раскопках В. В. Шкорпила в 1905 г.[6].

Золотая серьга из Синявки находит полную аналогию в керченском склепе, обнаруженном при кладоискательских раскопках 24 июня 1904 г.[7], а также в погребении на Тарханской дороге[8].

В склепе 24 июня 1904 г., кроме того, найдены две серебряные фибулы, обтянутые золотым листком и украшенные камнями[9], и большое количество круглых и треугольных золотых нашивных бляшек. Фибулы близки нашей, но типологически представляются нам несколько более ранними. Погребальный комплекс склепа хорошо датируется золотой монетой последней трети царствования императора Констанция II (337—361), золотой монетой императора Констанция Галла (351—354), индикацией монеты Савромата II (174—210), индикацией монеты императора Валентиниана I (364—375), двумя индикациями монет императора Валентиниана II (375—392) и серебряным блюдом с изображением императора Констанция II, которое относится к 343 г.[10] Таким образом, комплекс склепа датируется концом IV — началом V в.[11]. Погребение на Тарханской дороге по медной монете боспорского царя Фофорса 293 г. и золотой индикации монеты императора Лициния (307—323) должно быть датировано первой половиной или серединой IV в. н. э. Следует учитывать, что серьги с четырнадцатигранником характерны для значительного отрезка времени. Аналогию синявкинской серьге мы находим и в склепе № 19, раскопанном В. В. Шкорпилом в 1904 г.[12], который датируется краснолаковым блюдом с клеймом в виде креста концом IV — началом V в.

Наконец, стеклянные сосуды из зеленовато-желтого стекла с синими глазками также были найдены в ряде керченских погребений: кубок из

---

[4] ОАК за 1904 г., стр. 71; В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904. ИАК, вып. 25, 1907, стр. 41—44. Фибулы не изданы и хранятся в Гос. Эрмитаже, инв. № 1820/319—320. Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность К. М. Скалон за помощь в изучении материала из склепов Госпитальной улицы.

[5] ОАК за 1904 г., стр. 72, рис. 107.

[6] ОАК за 1905 г., стр. 61; В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году; ИАК, вып. 30, 1909, стр. 3, 4. Фибулы хранятся в Гос. Эрмитаже, инв. № 1820/888—889.

[7] ОАК за 1904 г., стр. 78—83. Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 1820/570.

[8] Земляной склеп недалеко от кладбища, вправо от Тарханской дороги; вещи были обнаружены в 1914 г. при кладоискательских раскопках (см. ОАК за 1913—1915 гг., стр. 100—102). Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 1820/1014.

[9] А. Спицын. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г. ИАК, вып. 17, 1905, стр. 115 сл., рис. 32.

[10] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Памятники Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1926, стр. 9 и 20.

[11] Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 20; его же. Погребение варварского князя в Восточной Европе. ИГАИМК, вып. 112, М.— Л., 1934, стр. 51.

[12] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г., стр. 8; Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, стр. 50 сл.

подбойной могилы № 100 [13], сосуды из уже упомянутого склепа № 154, раскопанного В. В. Шкорпилом в 1904 г. [14], сосуд из склепа № 146 [15], сосуд из склепа № 145 [16], небольшой кубок из склепа № 165, раскопанного в 1904 г. [17]. Аналогичные сосуды найдены в Мцхетском могильнике, где они датируются IV в. н. э. [18]. Наиболее близкие аналогии стеклянному кубку из с. Синявки обнаружены в Танаисе и в Нижней Австрии (Zeiselmauer) [19]. Австрийская находка датирована IV в. Несмотря на то, что кубок из Синявкинского погребения не имеет точных аналогий среди причерноморских стеклянных сосудов, нет сомнения в том, что и он и названные нами другие сосуды изготовлены приблизительно в одно и то же время. Орнаментация синими глазками и характерный зеленовато-желтый цвет стекла объединяют эти сосуды, различные по форме и деталям орнамента, в одну группу, которую можно датировать IV — началом V в. Для подтверждения этой даты можно привлечь и ряд других аналогий. Треугольные нашивные бляшки были найдены в известном Суджанском погребении, которое Л. А. Мацулевич относит к рубежу IV—V вв. н. э. [20]. Аналогичные бляшки были найдены в Унтерзибенбрунне [21], где они датируются тем же временем. Там же были найдены однотипные с нашей фибулы, украшенные вставками [22]. Аналогичная же нашей фибула найдена в Эране (Aigan), в Нормандии [23]. Большой интерес представляет комплекс фибул, обнаруженных во втором кладе из Силадь-Шомлио [24] Н. Феттих, датирующий весь комплекс временем около 400 г., выделяет (по ряду технических особенностей и деталям формы) две группы фибул. Поскольку украшения на синявкинской фибуле отсутствуют, мы лишены возможности сравнить технические особенности. По форме же ромбовидного щитка наша фибула занимает промежуточное положение между этими двумя группами.

Таким образом, на основании привлеченных аналогий мы можем датировать Синявкинское погребение концом IV — первыми десятилетиями V в. н. э.

Археологические раскопки в Танаисе дали некоторый материал для изучения последнего этапа существования этого города в IV в. н. э. Как известно, в середине III в. н. э. город был разгромлен могущественной коалицией причерноморских племен, которые в античных источниках выступают под именем скифов или готов. Длительное время городище не было заселено, и только во второй половине IV в. в Танаисе появля-

---

[13] В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 24. В могиле, кроме упомянутого кубка, найден еще один стеклянный сосуд и 17 стеклянных бус; хранятся в Гос. Эрмитаже, инв. № 1820/147.

[14] Гос. Эрмитаж, инв. №№ 1820/345 и 1820/356.

[15] В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 37. Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 1820/285. По форме фибул и пряжек, по характеру стекла катакомба отнесена к III—IV вв. н. э.

[16] Гос. Эрмитаж, инв. № 1820/156. См. В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 32—36. В погребении найдены индикация монеты Гордиана III (238—244) и чаша 343 года с изображением Констанция. Л. А. Мацулевич относит комплекс в целом к середине или второй половине IV в. (см. Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, стр. 20).

[17] Гос. Эрмитаж, инв. № 1820/436.

[18] Сосуды хранятся в экспозиции Гос. музея Грузии.

[19] Стеклянный кубок из Танаиса найден в 1960 г. (Раскоп XII, подвал «А», инв. № 48; хранится в ИА АН СССР). Rudolf Noll. Kunst der Römerzeit in Österreich. Salzburg, 1949, рис. 75.

[20] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя..., стр. 50—52, рис. 9.

[21] N. Aberg. Ein Beitrag zur Chronologie der Merowingerzeit. Mannus-Bibliothek. Herausgegeben von Prof. G. Kossina, № 22, Leipzig, 1922, стр. 113, рис. 10; W. Kubitschek. Grabfunde in Untersiebenbrunn. Jahrbuch für Altertumskunde, т. V, Wien, 1911, стр. 43—47, табл. 5.

[22] N. Aberg. Die Franken und Westgoten in der Völkerwanderungszeit. Uppsala — Leipzig, 1922, стр. 43, рис. 55.

[23] Там же, стр. 43, рис. 55.

[24] N. Fettich. Der zweite Schatz von Szilagj-Somlio. Archaeologia Hungarica, т. VIII, 1932.

ется какое-то население, построившее свои жилища на старых развалинах. К сожалению, мы почти не располагаем погребениями этого времени на территории некрополя, за исключением одного детского захоронения в амфоре с округлым дном и перехватом посередине (№ 132) [25] и грунтовой могилы № 39 с медной серьгой, которая может быть датирована IV—V вв. н. э. [26].

Погребение, открытое между ст. Синявкой и хут. Недвиговкой, не имеет, по-видимому, прямого отношения к некрополю Танаиса. Типичный набор погребального инвентаря позволяет нам отнести это одиночное погребение к широкому кругу памятников, оставленных остроготами, аланами и другими племенами, входившими в готский племенной союз, известный нам под именем «державы Германариха».

Вопрос об этнической принадлежности одиночных погребений эпохи переселения народов, обнаруженных в Северном Причерноморье, крайне сложен и не может быть разрешен на основе только одного археологического материала.

Готский историк Иордан, рассказывая о переселении готов из Скандинавии в Северное Причерноморье, сообщает, что из области Ойум которую современные исследователи предположительно размещают в низовьях Днепра [27], часть переселенцев двинулась на восток, в Приазовье. Около 375 г. аланы и остроготы, обитавшие в Подонье и Приазовье, были разгромлены гуннами. Поэтому, характеризуя погребение из Синявки, следует говорить о варварском погребении гуннского времени, которое очень близко по инвентарю позднеантичному, сильно варваризованному некрополю Пантикапея. Именно в это время в алано-готской среде сложился и расцвел новый для Северного Причерноморья облик материальной культуры.

---

[25] Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961, стр. 45, 46.

[26] Там же, стр. 17.

[27] Иордан. О происхождении и деяниях готов. Getica. Перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. М., 1960, § 28, 38, 39 и стр. 195 сл.

С. А. ПЛЕТНЕВА

ПОДГОРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Подгоровский могильник, как большинство бескурганных могильников, был обнаружен случайно жителями дер. Подгоровка, б. Валуйского у., Воронежской губ. (ныне Вейделевский район Белгородской области). В 1926 г. Воронежский областной музей организовал для обследования этого могильника экспедицию под руководством С. Н. Замятнина [1], проведшего на нем небольшие разведочные раскопки (вскрытая площадь равна примерно 100 $м^2$).

Результаты раскопок были настолько значительными, что могильник этот, аналогичный по составу находок и обряду погребения Салтовскому, сразу вошел в археологическую и историческую литературу как один из характерных салтово-маяцких памятников бассейна Дона [2]. Тем не менее, несмотря на то, что могильник представлял очевидный интерес, материалы раскопок не были опубликованы С. Н. Замятниным. За время Великой Отечественной войны богатые коллекции Подгоровского могильника оказались частично затерянными и перепутанными. Только благодаря подробному полевому отчету [3] материалы не погибли полностью и могут быть в настоящее время изучены.

Целью предлагаемой работы является публикация результатов раскопок С. Н. Замятнина в 1926 г. и тех интереснейших материалов из могильника, которые удалось обнаружить в личном архиве С. Н. Замятнина, хранящихся сейчас в фондах Музея этнографии в Ленинграде.

Могильник расположен на восточной окраине дер. Подгоровки, на пологом склоне высокого глинистого правого берега р. Ураевой (левого притока р. Оскол) в урочище «Желтая Круча». Поверхность его сильно задернована. Подъемный материал (обломки лощеной керамики, горшков, амфор, костей животных) распространен на могильнике не равномерно, а пятнами. Наши раскопки на синхронном с Подгоровским Дмитровском катакомбном могильнике открыли аналогичную картину россыпей обломков, целых сосудов и грудок костей животных в слое могильника. Эти компактные скопления горшков и костей, иногда врытые даже в материк, а чаще поставленные в неглубокие ямки в культурном слое, мы связываем с остатками поминальных тризн [4]. Вполне возможно, что

---

[1] Об условиях находки и начале исследования могильника подробно рассказывается в работе И. И. Ляпушкина (см. И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 204, 205).

[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 157; Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы. СА, XXIII, 1955, стр. 146; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958, стр. 88; сб. «Очерки истории СССР», т. II. Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1958, стр. 611.

[3] Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, д. 238/1926.

[4] С. А. Плетнева. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья. Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961.

пятна находок на Подгоровском могильнике также являются размытыми и разрушенными остатками тризн.

Раскопки могильника были начаты на краю одного из оврагов, в разрезе которого была обнаружена частично разрушенная пастухами катакомба (№ 1). Здесь были раскрыты и исследованы семь катакомб. Все

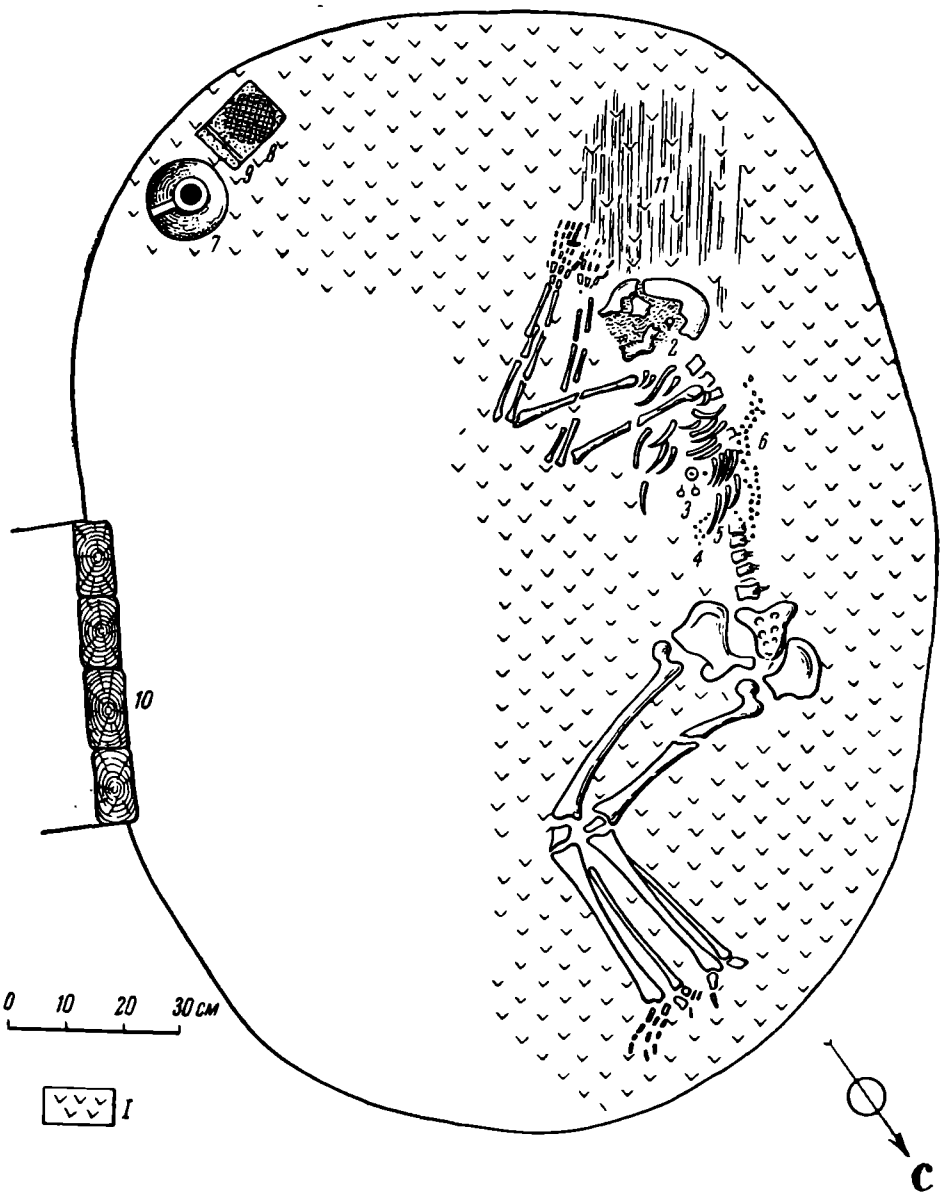


Рис. 1. Погребение женщины в кат. № 4.

1 — бронзовый перстень; *2* — бронзовая серьга; *3* — два бронзовых бубенчика, бусина и перламутровая пуговица; *4* — сердоликовая бусина и различные мелкие украшения; *5, 6* — низки бус; *7* — глиняный кувшин; *8* — зеркало; *9* — следы ткани от мешочка; *10* — заслон из деревянных плах; *11* — следы просяной соломы; I — уголь

они были раскопаны сверху, так как своды камер обвалились и открывать их из дромосов, как это делали в Дмитровском и частично в Салтовском могильнике, не было возможно. Все семь катакомб представляли собой овальные в плане камеры с ведущими в них длинными дромосами. Раскопки показали, что расположение катакомб на склоне устранило необходимость выкапывать дромосы с крутым спуском или несколькими ступенями в полу. Наибольший угол уклона дна дромоса — 17°. Вход в камеру отделялся от засыпанного землей дромоса массивными дубовыми плахами, поставленными на торец.

Три из семи раскопанных катакомб (№№ 2, 3, 6) оказались разрушенными грабителями еще в древности. Кости похороненных в этих катакомбах людей были разбросаны в беспорядке на полу или сдвинуты в кучу, деревянные заслоны уничтожены, вещи почти полностью расхищены. Однако по сохранившимся в них остаткам скелетов и некоторым вещам можно сказать, что во всех трех катакомбах были одиночные богатые захоронения (с поясами, серьгами и т. д.).

В остальных четырех катакомбах представлены три типа захоронений: одиночное (кат. № 4), парные взрослые (кат. №№ 1 и 5) и парное детское (кат. № 7) [5].

В кат. № 4 была похоронена женщина (рис. 1). Ее скелет лежал вдоль внутренней стенки катакомбы на правом боку, лицом к выходу, с подогнутыми руками и ногами. Под скелетом и в юго-западной части пол катакомбы был засыпан толстым слоем угля, поверх которого был настлан слой просяной соломы, особенно отчетливо прослеженный в юго-западной части камеры. При погребении, рядом с ним и на полу камеры, обнаружены различные украшения и предметы быта. Слева от входа стоял кувшинчик и лежало металлическое зеркало в мешочке из ткани вишневого цвета. На черепе — серьга, на фалангах указательного пальца левой руки был обнаружен перстень со стеклянной вставкой. У спинных позвонков лежал сильно перержавевший железный ножик в деревянных ножнах, а вдоль всего позвоночника тянулась низка из синих и зеленых стеклянных бус и пронизок, вплетенная, по-видимому, в косу и оканчивающаяся у спинных позвонков несколькими сердоликовыми бусинами и круглыми глазчатыми бусинами из заглушенного стекла.

Погребальный ритуал обоих парных захоронений почти одинаков.

В кат. № 1, юго-западная часть которой полностью разрушена, обнаружены остатки двух человеческих скелетов (кости ног, таза и несколько спинных позвонков). Скелет мужчины лежал на спине, с вытянутыми конечностями, у внутренней стенки камеры. Женский скелет лежал на левом боку, лицом к центру катакомбы, с подогнутыми ногами. Пол под скелетами был покрыт толстым слоем угля. На полу у входа обнаружены кувшины, остатки деревянного сосудика с бронзовой оковкой и металлическое зеркало. У правой ноги женщины лежали бронзовая серьга (типа рис. 2, *4*) и круглая железная пряжка. Рядом с мужским скелетом, у бедра правой ноги, найдены остатки сабли в деревянных ножнах, три кинжала и бронзовый перстень, у локтя левой руки — костяная воронка, служившая горлом бурдюка, а у ног — несколько бронзовых пронизок и обрывки ремней.

В ногах обоих скелетов расчищены остатки кожаной сбруи (седло и оголовье), состоящие из двух стремян, железных оковок от седла, удил и ремней с бляшками и бубенчиками.

В кат. № 5, как и в предыдущей, были захоронены мужчина и женщина (рис. 3). Мужской скелет лежал вдоль внутренней стенки катакомбы на толстой прослойке угля, вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками; женский, почти детский, миниатюрный и плохо сохранившийся,— скорченно, на правом боку, лицом ко входу, руки согнуты в локтях, кисти у лицевых костей. Погребение отличается богатым и разнообразным инвентарем. Мужчина был погребен с саблей (вдоль левого бока) и длинным поясом с бляшками, наконечником и пряжечкой. На поясе же были прикреплены три бусины: две — из заглушенного стекла, цилиндрические полосатые, и одна — плоская желтая, прозрачная. Справа, между тазом и рукой, обнаружены три различных по

[5] Общий план раскопанной части могильника и планы пяти катакомб (№№ 1, 4—7) с подробным перечислением находок в них изданы И. И. Ляпушкиным (см. И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье..., рис. 91, 92, 94—97).

величине кинжала в деревянных ножнах, а у правого плеча — железный боевой топорик с остатками деревянной рукояти.

Женское погребение отличалось от мужского обилием разнообразных бус, обнаруженных в виде двух низок у шейных и спинных позвонков и у локтевых костей. Первый набор мелких стеклянных бус был, как

Рис. 2.

1—3 — бляшки от поясного набора кат. № 5; *4* — серьга из кат. № 5; *5* — пряжка от поясного набора кат. № 5; *6* — наконечник ремня от поясного набора кат. № 5; *7* — подвесная бляшка от оголовья из кат. № 1; *8—11* — бляшки от поясного набора кат. № 2; *12* — бляшки от оголовья из кат. № 1

и у женщины в кат. № 4, вплетен в косу погребенной, вторая низка бус, обнаруженная у пояса, состояла из разноцветных больших стеклянных бусин, штампованного бубенчика, трех клыков и пястной косточки лисицы. У черепа женщины найдена пара бронзовых литых серег с длинными подвесками (рис. 2, *4*), а у лица были поставлены сероглиняный лощеный кувшин и фляга, изготовленная из глины, аналогичной амфорной. В головах погребенных была положена железная мотыжка, а в ногах — конская сбруя: седло и оголовье. От седла сохранились стремена, остатки кожи, дерева и войлока; от оголовья — удила, ремни с бляшка-

ми и пряжкой и большая налобная бронзовая штампованная бляха для укрепления султана на голове коня (рис. 4, *4*). В дромосе, у входа в камеру, были поставлены еще два лощеных кувшина.

Кат. № 7 с детскими погребениями отличается от всех остальных малыми размерами (рис. 5). Оба скелета лежали на спине вытянуто,

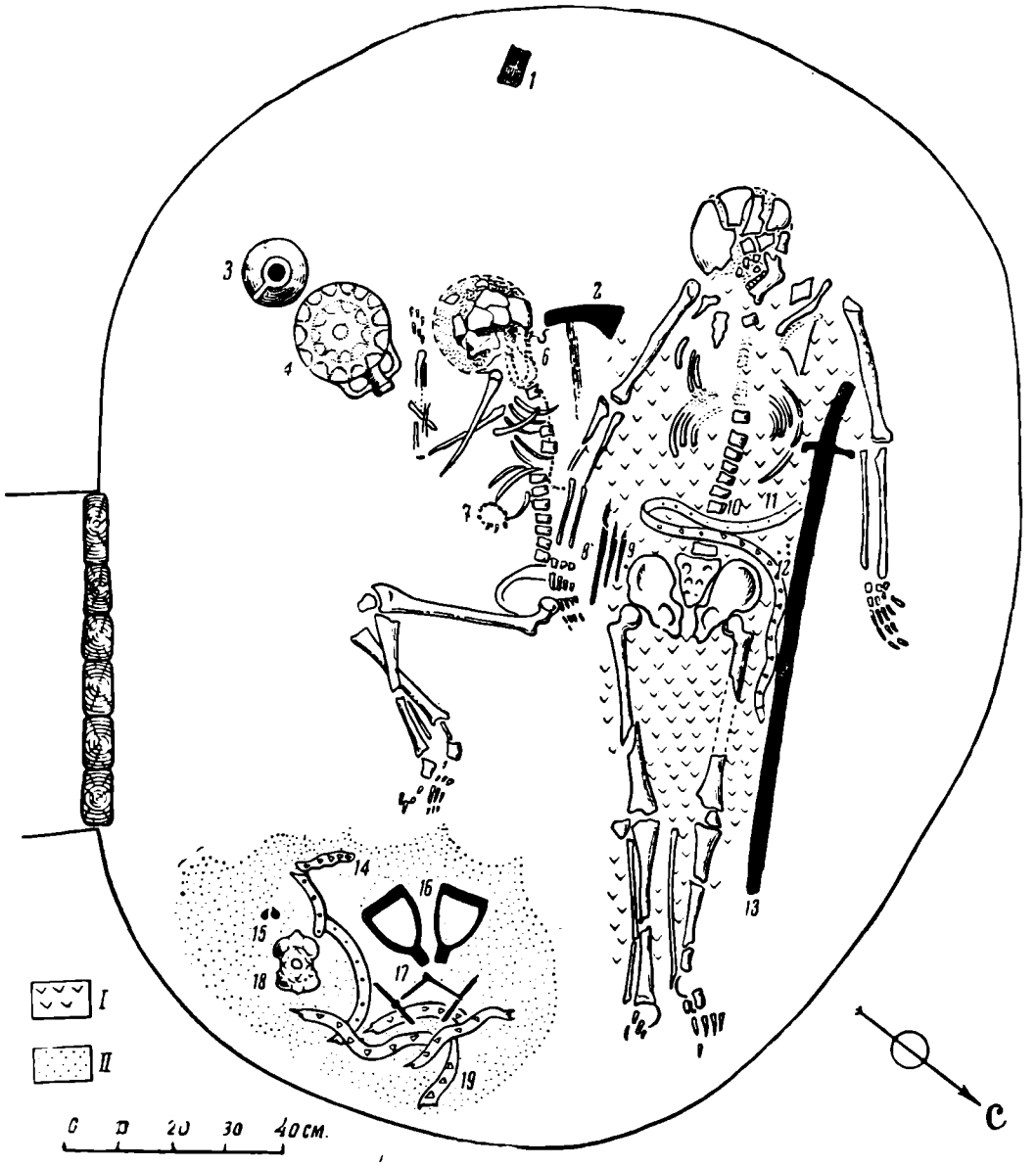


Рис. 3. Погребение мужчины и женщины в кат. № 5.

1 — железная мотыжка; *2* — железный боевой топорик; *3* — кувшинчик; *4* — фляга; *5* — две серьги; *6* — стеклянные бусы и пронизки; *7* — низка бус и амулетики; *8* — три железных ножа; *9* — бусина; *10* — поясной набор; *11* — поясная пряжка; *12* — три стеклянных бусины; *13* — сабля; *14* — бляха с крючком; *15* — два бронзовых бубенчика; *16* — железные стремена; *17* — удила; *18* — налобная бляха; *19* — ремни от оголовья
I — уголь; II — тлен от кожи

с вытянутыми вдоль тела руками. Меньший, принадлежавший, по-видимому, девочке, лежал у внутренней стенки камеры. У черепа девочки обнаружены две бронзовые серьги (типа рис. 2, *4*), а на поясе — три бронзовых бубенчика и большая бронзовая пластинчатая подвеска в виде гусиной лапки. У второго скелета (мальчика) найдены на поясных позвонках и тазу несколько бубенчиков и бронзовых украшений,

у черепа — одна серьга (типа рис. 2, *4*) и боевой железный топорик. Никакой подсыпки на полу и под скелетами не было. Между скелетами и входом были поставлены две глиняные лощеные кружки, третья лощеная кружка стояла в дромосе у входа в катакомбу.

Анализ погребального обряда Подгоровского могильника приводит нас к следующим выводам.

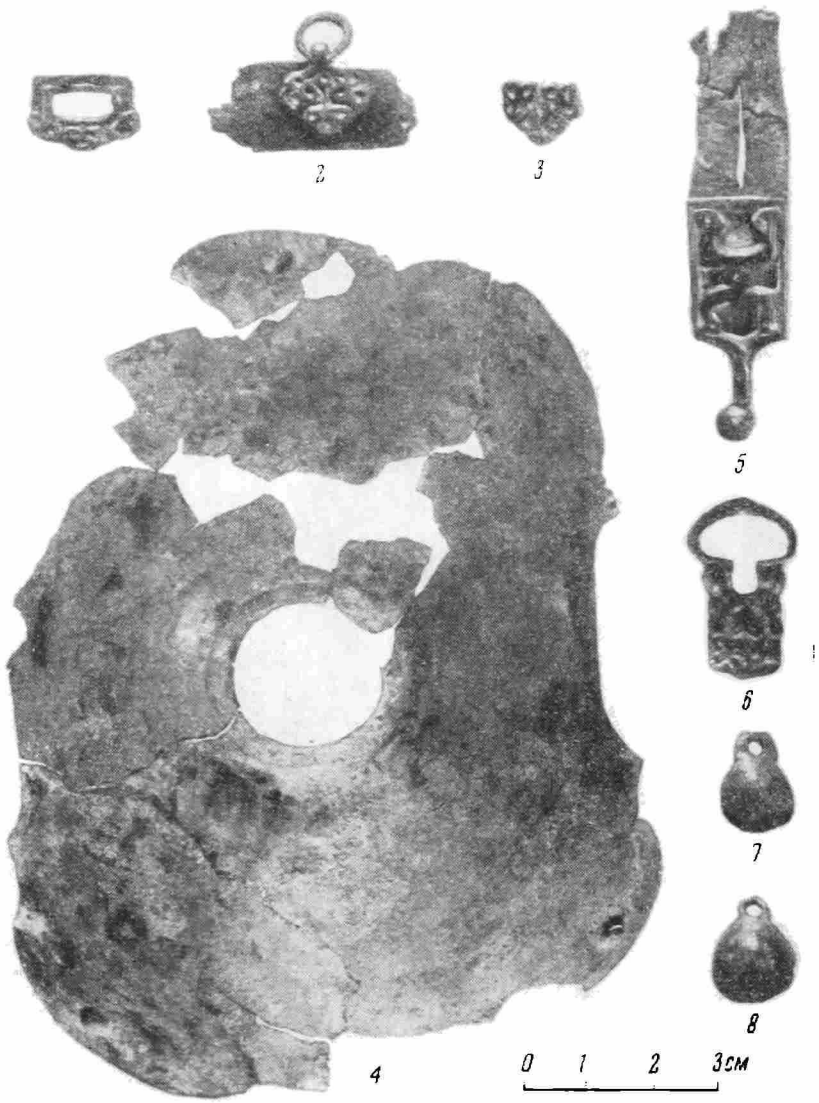


Рис. 4. Сбруйный набор из кат. № 5.

1 — 3 — бляшки; *4* — налобная бляха; *5* — бляшка с крючком; *6* — пряжка; *7 — 8* — бубенчики

1. Форма и общее устройство небольших, с деревянными заслонами катакомб имеет ближайшие аналогии в расположенных севернее могильниках — Салтовском и Дмитровском.

2. Ориентировка покойников довольно устойчива — они уложены вдоль длинной оси камеры, головой на юго-запад.

3. Мужчин хоронили всегда вытянуто, на спине, женщин — скорченно, на левом или правом боку, лицом или спиной ко входу. Различие в обряде погребения мужчин и женщин прослежено было нами и в Дмитровском могильнике. Обряд этот был широко распространен в среде

степных кочевых и полукочевых народов в VIII—IX вв.[6] и объясняется, вероятно, подчиненным положением женщины в обществе, поскольку известно, что в наиболее бедных мужских погребениях этого времени (погребение слуг и рабов) скелеты лежали также скорченно[7]. Различия в трупоположении девочек и мальчиков не было, и тех и других погребали вытянуто.

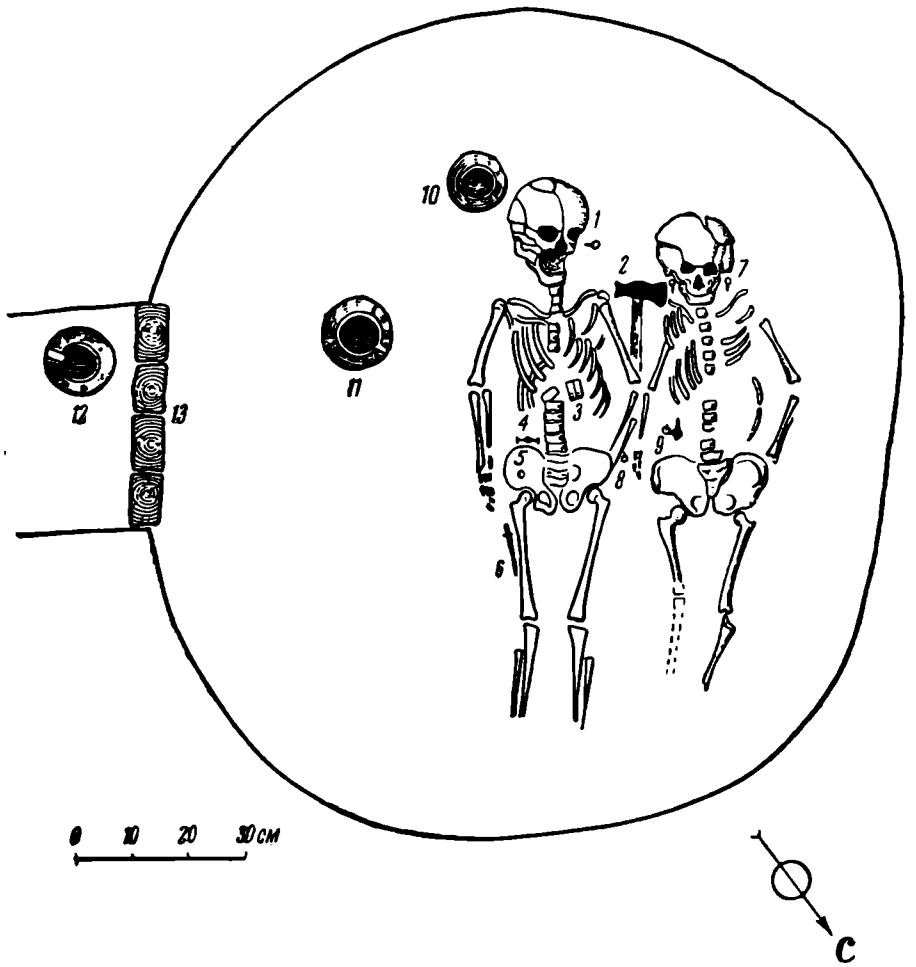


Рис. 5. Погребения детей в кат. № 7

1 — бронзовая серьга; *2* — железный топорик; *3* — железная пряжка; *4* — обломки бубенчика, *5* — бронзовый бубенчик; *6* — железный нож; *7* — две бронзовые серьги; *8* — бронзовый бубенчик; *9* — бубенчик и подвеска в виде гусиной лапки; *10—12* — кувшины и кружки; *13* — деревянный заслон

4. Под всеми взрослыми покойниками насыпали более или менее толстый слой древесного угля, что было связано с верой в очистительную и предохраняющую силу огня. Дети, а также умершие в юном возрасте (в частности, девушка из кат. № 5) были похоронены без угля. Интересно, что в VII—VIII вв. и ранее у кыргызов на Енисее, где господствовал обряд трупосожжения, детей хоронили не сжигая[8].

5. Вместе с покойниками в могилу ставили сосуды с питьем и пищей, клали принадлежавшие им при жизни вещи. На поясе девушки (кат.

---

[6] В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, № 24, 1952, стр. 129. Отголосок этого обряда встречается в позднекочевнических погребениях X — начала XI в. в могильнике у Саркела — Белой Вежи (кург. 38, погр. 2).

[7] С. Р. Станчев. Новый памятник болгарской культуры. СА, XXVII, 1957, стр. 121

[8] Л. А. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. Тр. ГИМ т. VIII, 1938; В. П. Левашова. Несколько вариантов таштыкских погребений КСИИМК, вып. 25, 1949.

№ 5) найдена низка бус — амулет с зубами и пястной костью лисицы. Подобные амулеты-обереги неоднократно встречались в погребениях Дмитровского могильника, причем всегда у пояса женщин. В Новопазарском раннеболгарском могильнике VIII в. подобные кости-амулеты (когти орла, собаки, косточки зайца) находили обычно в мужских погребениях [9].

Как уже говорилось, разнообразный и богатый инвентарь, полученный из описанных катакомб, был перемешан и частично утерян во время войны. Однако фотографии сосудов, зарисовка некоторых вещей и, наконец, дошедшие до нас наиболее ценные и хорошо сохранившиеся вещи дают ясное представление о характере всего комплекса находок в целом.

Нет особой надобности останавливаться на вещах, известных нам только по зарисовке на чертежах. Это прежде всего железные вещи, оружие и конская сбруя: сабли с почти прямым однолезвийным клинком и слегка наклонной к острию рукоятью, боевые топорики, однолезвийные острые кинжалы, удила с гвоздевидными псалиями, высокие стремена с выделенной прямоугольной петлей и прямой подножкой, железные большие круглые пряжки. Типы этих вещей даже в мелких штриховых зарисовках совершенно ясны, все они имеют аналогии среди степных древностей VIII—IX вв. и, в частности, в ближайших могильниках — Салтовском, Дмитровском и Зливкинском.

Не выходят за хронологические рамки VIII—IX вв. и сосуды, обнаруженные в погребениях [10]. По форме и по назначению они делятся на три основные группы: кувшины, кружки и фляги. Кувшины с приземистым туловом, коротким горлом и слегка оттянутым вверх носиком. Тулово орнаментировано вертикальными — прямыми, наклонными или зигзагообразными лощеными полосками. Ручки небольшие, овальные в разрезе. Кружки с шаровидным туловом, прямым горлом и ручками, отходящими от тулова или соединяющими тулово с венчиком. В последнем случае ручки в большей или меньшей степени поднимаются над венчиком. Фляга имеет форму низкого цилиндра с плоской внутренней и выпуклой наружной сторонами. На боку сосуда находится горло с отходящими от него ручками. Горло и ручка также близки по общему облику с горлом и венчиком амфор VIII—IX вв. Наружная поверхность украшена несложным орнаментом, нанесенным буро-красной краской. Орнамент состоит из двух рядов расположенных по кругу дужек. В целом баклажка почти тождественна баклажке с тюркской надписью, изданной М. И. Артамоновым [11].

На донцах 4 из 11 сосудов обнаружены гончарные клейма: двусторонний двузубец, круг с крестом (кат. № 5), два концентрических кружка и круг с крестом и двумя петлями (кат. № 7).

Наиболее интересной находкой в могильнике является костяное горлышко бурдюка, найденное в кат. № 1. Оно изготовлено из конца берцовой кости крупного животного (быка, лося?) и представляет собой сплющенный с двух сторон конус с полукруглым основанием (рис. 6). В верхней части он имеет слегка выпуклый бортик и отверстие для привязывания крышки или втулки. С обеих сторон горлышко украшено сложным узором. На одной стороне изображен двухгорбый верблюд, запряженный в двухколесную арбу. Впереди верблюда (по боковой стороне) вычерчен ведущий его за узду человек. Верблюд изображен в чрезвычайно живой и характерной для него позе, человек — очень примитивно, однако можно

[9] С. Р. Станчев. Ук. соч., стр. 131 и сводная таблица погребений.

[10] И. И. Ляпушкин издал все сосуды Подгоровского могильника, негативы с которых хранятся в архиве ЛОИА АН СССР (см. И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье..., рис. 93).

[11] М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея. СА, XIX, 1954, стр. 265, рис. 3.

понять, что художник нарисовал его одетым в длинный двубортный кафтан, грудь его защищена, по-видимому, кольчугой. На лице видны только точки — глаза, вертикальная палочка — нос, и под носом две горизонтальные слегка изогнутые черточки — усы.

На обратной стороне, справа, изображена большая рыба, слева — какое-то животное или птица с длинной шеей и колчан с перевязью. В центре помещен рисунок юрты или иного наземного жилища, а в нижней части под рыбой — большой пятилепестковый цветок, похожий на кувшинку. Вся картина в целом — это рассказ о жизни людей, населявших берега степных рек, об их переездах на летние пастбища на арбах, запряженных верблюдами, об их длинноусых воинах, о рыболовстве и охоте на птиц, о жилищах, стоявших на берегах рек, заросших камышом и кувшинками.

В хазарском слое Саркела — Белой Вежи обнаружено очень близкое по форме костяное горлышко бурдюка с вычерченным на нем с обеих сторон узором. Рисунок сделан в той же манере, тонкими линиями, и изображает оленя, скачущего по холмам, птиц и стилизованные растения [12]. Та же техника изображения применялась и на многих других костяных вещах, обнаруженных в слое IX — начала X века в Саркеле.

Обломки такого же горлышка были найдены в одной из катакомб Салтовского могильника в 1947 г. [13]. Рисунки на нем выполнены теми же приемами. Они изображают оседланного и взнузданного коня, косулю, кабана, рыб и птиц, т. е. опять-таки животных, окружавших «салтовцев» в их повседневной жизни.

В то время как в коллекции из подгоровских катакомб железные вещи почти полностью утеряны и сломаны, мелкие предметы (в частности, бронзовые и серебряные поясные и уздечные наборы) сохранились сравнительно хорошо (хотя и они частично утеряны и, что почти то же самое, перепутаны). Наиболее интересны и полны два набора из кат. № 5. Один из них состоит из серебряных сердцевидных бляшек со звериной мордой (сохранилось 24), двух бляшек с кольцами, наконечника ремня и простой прямоугольной пряжки (рис. 2, *1—3, 5, 6*). Можно предполагать, что это — поясной набор, так как в него входят наконечники ремня, а в наборе, принадлежащему уздечке, судя по отчету, наконечника не было.

Уздечка украшена набором серебряных бляшек, орнамент которых составлен из нескольких трех- и четырехлепестковых стилизованных цветочков (рис. 4, *1—3*). Пять из дошедших до нас бляшек этого набора — сердцевидные, семь — сердцевидные с колечком, три — прямоугольные с прорезью. К этому же набору относится пряжка, украшенная аналогичным узором (рис. 4, *6*), литой бронзовый крючок от застежки с изображением на прорезном щитке двусторонней двузубой тамги (рис. 4, *5*) и тонкая выпуклая бляха, употреблявшаяся в качестве начельника для укрепления султана (рис. 4, *4*). Поверхность бляхи покрыта геометрическим узором, нанесенным зубчатым двухрядным штампом.

Аналогии этим бляхам известны в Салтовском могильнике и в могильниках Северного Кавказа.

Поясные бляшки из разоренной кат. № 2 имеют совершенно иной, отличный от бляшек из кат. № 5 рисунок. Это, во-первых, птица с раскрытыми крыльями и, во-вторых, геометрический узор из веточек и трилистников (рис. 2, *8—11*). В то же время в богатой по набору вещей кат. № 1 пояса не было, только оголовье коня было украшено несколько-

[12] М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62, 1958, стр. 41, рис. 27.
[13] С. А. Семенов-Зусер. Дослідження Салтівського могильника. АП, т. III, 1952, стр. 282, рис. 5.

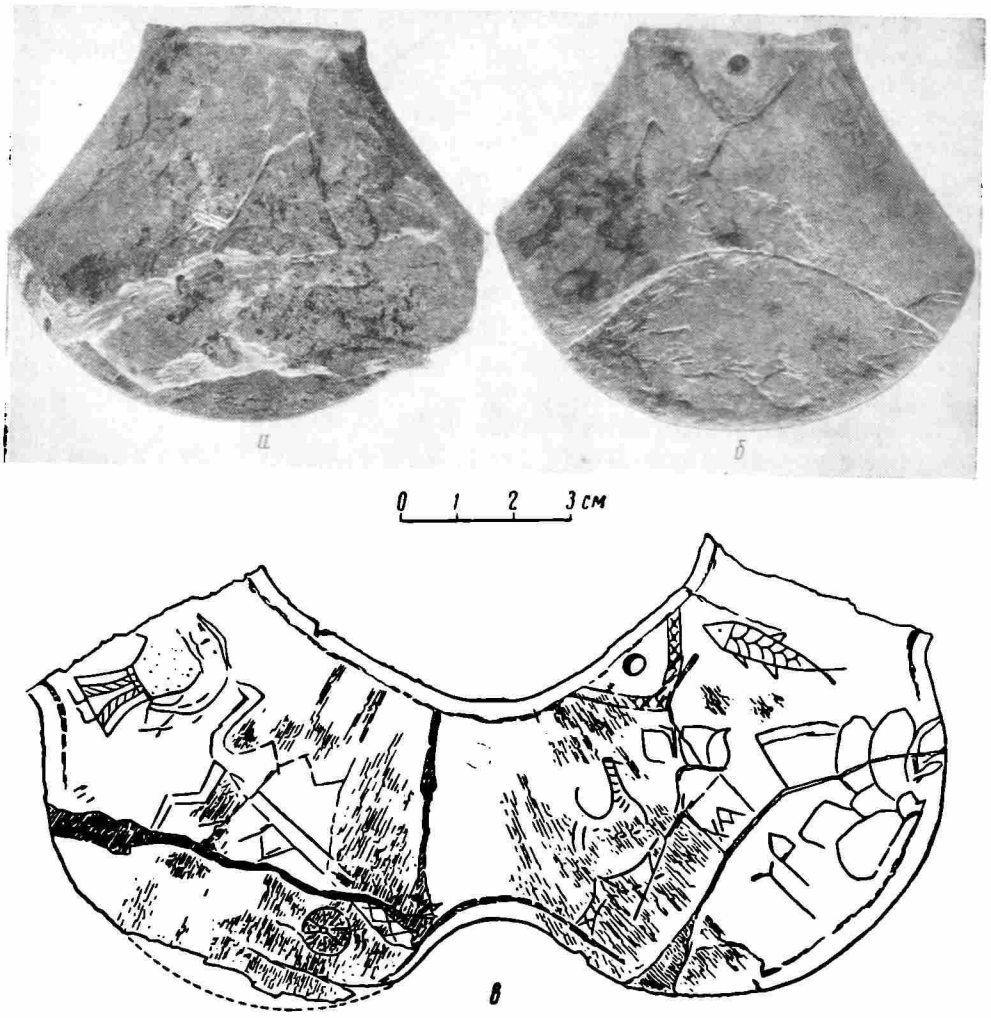


Рис. 6. Костяное горлышко бурдюка из кат. № 1

а — сторона горлышка с изображением верблюда; *б* — сторона с изображением юрты; *в* — разворот рисунка на горлышке

ми литыми круглыми бляшками (рис. 2, *12*) и литой бляшкой, состоящей из продолговатой колодки и кольца со звериными головками (рис. 2, *7*) [14].

Изучение поясных наборов и уздечек приводит к следующим выводам: 1) поясные наборы сопровождали только мужские погребения; 2) их клали в могилу не всем мужчинам, а, по-видимому, выдающимся воинам (военачальникам); 3) бляшкам каждого поясного набора свойствен свой, отличный от других узор; 4) узор бляшек уздечных наборов не совпадает с узором поясных бляшек.

Аналогичные явления прослежены Д. Ласло в аварских могильниках [15]. Он считает, что разный рисунок на бляшках означает принадлежность умерших к различным родам или кланам, а различное количество бляшек и наконечников в погребении определяет ранг покойника.

К сожалению, бляшки в погребениях Подгоровского могильника сохранились не полностью, однако совершенно очевидно, что в кат. № 5

[14] Близкие по форме бляхи известны в кочевнических погребениях Сибири и Средней Азии VIII—IX вв. Кроме того, они же в виде подвесных поясных блях изображаются на сибирских каменных статуях. См. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952, рис. 65, стр. 109; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, табл. III.

[15] G. Laslo. Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars. AH, т. XXXIV, Budapest, 1955, стр. 16, 51, 56.

был похоронен наиболее знатный и богатый воин. Род его носил бляшки со звериной мордочкой, а его личной тамгой был двусторонний двузубец, изображенный на сбруйной подвесной бляшке. Тот же двузубец был на дне одного из кувшинов, обнаруженных в катакомбе [16].

Подгоровский могильник как по инвентарю, так и по обряду датируется VIII—IX вв. и оставлен одним из племен, заселявших степь в бассейне Дона и входивших в состав Хазарского каганата. В археологической литературе культура этих племен, так же как и культура ближайшего к ним населения Тамани и отчасти Крыма, называется общим именем — салтовской или салтово-маяцкой.

Подгоровский могильник, согласно классификации И. И. Ляпушкина и Н. Я. Мерперта, относится к северному варианту этой культуры, этнически связываемому с алано-сарматским миром [17]. По обряду погребения он идентичен катакомбным могильникам северного варианта: Салтовскому, Дмитровскому и даже отчасти Маяцкому [18]. Ряд общих черт погребального обряда (и особенно вещевой материал) связывает все эти могильники с кочевым и полукочевым народами, населявшими огромные степные пространства от предгорий Алтая до берегов Адриатического моря в VIII—IX вв. Географически Подгоровский могильник стоит на границе северного и южного вариантов салтово-маяцкой культуры.

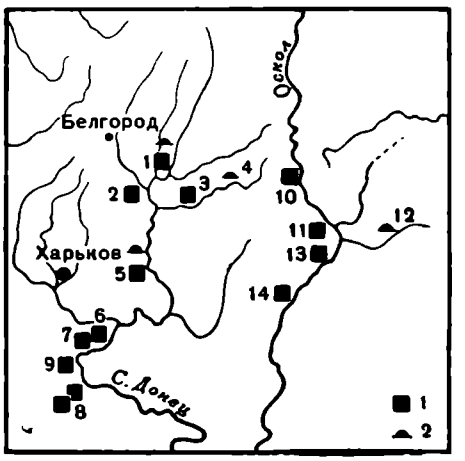


Рис. 7. Схематическая карта верховьев Северского Донца и Оскола с нанесенными на нее городищами (1) и могильниками (2) салтово-маяцкой культуры

1 — с. Дмитровское, Шебекинского р-на, Белгородской обл.; *2* — с. Архангельское, того же р-на и обл.; *3* — г. Волчанск, Харьковской обл.; *4* — дер. Бочково, Волчанского р-на, Харьковской обл.; *5* — с. Верхнее Салтово, Салтовского р-на, Харьковской обл.; *6* — с. Ст. Покровское, Чугуевского р-на, Харьковской обл.; *7* — с. Мохнач, Змеевского р-на Харьковской обл.; *8* — дер. Сухая Гомольша, Змеевского р-на, Харьковской обл.; *9* — дер. Коробовы хутора, того же р-на и обл.; *10* — с. Ютановка, Волоконовского р-на, Белгородской обл.; *11* — дер. Поминова, Валуйского р-на, Белгородской обл.; *12* — дер. Подгоровка, Вейделевского р-на, Белгородской обл.; *13* — дер. Подлысенки, Уразовского р-на, Белгородской обл.; *14* — дер. Новомлинская, Двуреченского р-на, Харьковской обл.

Наша разведка по р. Осколу в 1958 г. показала, что последнее городище, характерное для северного варианта — Подлысенковское — расположено всего на 10 *км* южнее Подгоровского могильника. Это небольшое городище на мысу с крутыми склонами, укрепленное с напольной стороны несколькими каменными валами и рвами и окруженное неукрепленными селищами. Около самого могильника городища не было, но открытые поселения были обнаружены нами в его окрестностях: одно — в непосредственной близости от могильника, другое — в 3 *км* западнее дер. Подгоровки — находится также на правом берегу р. Ураева (у дер. Рождествено, Уразовского района, Белгородской области).

Ниже по Осколу, в 40 *км* от устья р. Ураева, обнаружено у с. Новомлинского, Двуреченского района, Харьковской области типичное для южного варианта большое поселение с земляными валами (рис. 7).

---

[16] По-видимому, правы в какой-то степени К. Черногорский и Р. Л. Розенфельдт высказавшие гипотезу о том, что клейма — это не знаки ремесленников, изготовлявших горшки, а знаки заказчиков. См. K. Černohorsky. Keramika a feudalismus Českí lib Ročnik, т. 40, 1953, № 1, стр. 21—31; Р. Л. Розенфельдт. Доклад на славяно-русском секторе ИИМК АН СССР в 1953 г.

[17] Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.

[18] Дромосы в Маяцком могильнике, в отличие от двух первых, имеют вид прямоугольных широких ям, от которых отходит несколько погребальных камер.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ИЗРАЗЦОВЫЙ ФРИЗ ЦЕРКВИ ТРОИЦЫ В КОСТРОМЕ

Церковь Троицы в г. Костроме, построенная в 1650 г., в 1936 г. была разобрана, ибо мешала движению транспорта. Этот памятник имеет определенное значение для истории русской архитектуры и для русского прикладного искусства благодаря наличию на нем замечательного фриза из зеленых изразцов, находившегося в верхней части на всех сторонах четверика постройки. Помещенный на значительную высоту (14 *м* от поверхности земли), фриз этот вследствие небольшого размера изразцов с изображениями был плохо различим снизу и не привлек особого внимания исследователей.

При разборке церкви значительная часть его изразцов была сохранена и поступила в музеи Москвы, Костромы и Ленинграда, где изразцы и находятся в настоящее время [1].

Просмотр серии изразцов фриза позволяет говорить о том, что формы для них были изготовлены первоклассным резчиком того времени. Изразцы эти не были изготовлены специально для наружного декора постройки; для сооружения фриза было использовано несколько наборов обычных для того времени печных изразцов. Употребление печных изразцов для наружного декора монументальных сооружений в Московском государстве в это время известно достаточно хорошо. Близкие по конструкции изразцы украшают постройки Вознесенского монастыря и колокольню церкви Дмитрия на Крови в г. Угличе, шатер церкви Зосимы и Савватия в Троицко-Сергиевской лавре (где ныне бóльшая часть из них новые), башни Иосифо-Волоколамского монастыря и многие другие здания Москвы, Суздаля, Ярославля, Ростова [2].

Несмотря на значительные художественные достоинства печных изразцов этого времени, из-за небольших размеров изображений на их лицевых пластинах, рассчитанных на обзор с небольшого расстояния, они с середины XVII столетия перестают применяться для декора монументальных сооружений. Вместо них употребляются специально изготовленные для этой цели изразцовые панно и фризы из более крупных изразцов с крупным рисунком на них, выполненные обычно в полихромной технике. Рисунок размещался часто не на одном изразце, а на нескольких, рядом расположенных. Одним из первых зданий, украшенных специально изготовленными для него изразцами, был собор Ново-Иеру-

[1] Обмерные чертежи и фотографии церкви Троицы в Костроме хранятся в Музее истории архитектуры СССР и фототеке музея. Фотографии памятника, снятые И. Ф. Барщевским, находятся в Отделе архитектурной графики ГИМ. Изразцы фриза хранятся в Москве в музее филиала ГИМ — в Покровском соборе, в музее-усадьбе Коломенское, в Музее истории архитектуры СССР. Некоторое количество изразцов фриза сохраняется в керамической лаборатории-установке Академии строительства и архитектуры СССР. Кроме того, изразцы фриза есть в Русском музее в Ленинграде и в Костромском областном музее.

[2] Н. В. Воронов, И. Г. Сахарова. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов. МИА, № 44, 1955, стр. 77—115; Е. В. Михайловский. Углич. М., 1948; Б. Эдинг. Ростов Великий. Углич. М., 1913.

салимского монастыря. Позже подобные изразцы появились в Москве на церкви Григория Новокесарийского, на соборе Андреевской богадельни, на соборе в Измайлове, на соборе Иосифо-Волоколамского монастыря. Изразцы для таких фризов изготовлялись Воскресенскими изразцовыми мастерскими, а позже теми же мастерами, но переведенными в Москву в ведение Оружейной палаты [3].

Фриз церкви Троицы в Костроме состоит, как это видно по сохранившимся фотографиям памятника, примерно из 230 изразцов, каждый из которых имеет лицевую пластину квадратной формы, со стороной в 22 *см*, оконтуренную плоской рамкой, шириной около 1 *см*. Румпа изразцов близка к современным, она слегка отступает от края лицевой пластины изразца, и край ее завернут. В румпе каждого изразца имеется по два круглых отверстия для крепления. Высота румпы — около 11 *см*. Во фризе есть и угловые изразцы с двумя лицевыми пластинами, поставленными одна по отношению к другой под прямым углом. Одна лицевая пластина такого изразца имеет размер 22 × 22 *см*, а другая — 22 × 11 *см*. Подобные изразцы в печном деле применялись для выкладки углов печной облицовки. Изразцы формованы из красножгущейся глины, лицевые пластины покрыты зеленой поливой. Для того чтобы полупрозрачная светло-зеленая глазурь имела более чистый тон и сквозь нее не просвечивало бурое тесто изразца, лицевые пластины до нанесения поливы ангобировались белой глиной, как, впрочем, и бóльшая часть русской поливной керамики этого времени. Толщина лицевых пластин изразцов и румпы около 1 *см*. Следует заметить, что изразцы Троицкой церкви имеют такую конструкцию румпы и углового изразца, которая распространилась в Московском государстве лишь после организации Никоном изразцовых мастерских в Валдайском Святоозерском монастыре. До первой половины XVII в. у московских изразцов румпа — ящичной конструкции, а угловые изразцы имеют одну лицевую пластину и скошенную румпу [4]. Конструкция румпы и углового изразца у тех, которые были употреблены для составления фриза на церкви Троицы, была, конечно, более совершенной.

На лицевых пластинах троицких изразцов насчитывалось около полутора десятков сюжетных изображений, из которых нам известно 13. Изразцы располагались во фризе без особой последовательности изображений. Сюжетные изображения на изразцах фриза дают наглядное представление о художественных вкусах горожан Московского государства того времени, говорят о хорошем знакомстве резчиков изразцовых форм с литературой того времени.

Троицкие зеленые изразцы не самые ранние в Московском государстве, им предшествовали различные серии красных неполивных изразцов. Сравнение изображений на тех и других изразцах дает возможность проследить появление новых сюжетов и исчезновение ранних.

Среди различных изображений, встречающихся на московских красных изразцах, одной из наиболее распространенных была сюжетная композиция, рассказывающая о взятии Александром Македонским града Египта — иллюстрация к «Псевдокалисфеновской Александрии».

Эта сюжетная композиция состояла из пяти изразцов [5], расположенных по горизонтали. На одном изображен сам град Египет в виде крепости, на другом — осада града — осадная лестница и воины, поднимающиеся по ней, на третьем и четвертом изразцах изображалось войско, участвующее в осаде: конница, пехота, пушкари с пушками. На пятом

[3] Н. В. Воронов, И. Г. Сахарова. Ук. соч., стр. 113, 114.

[4] А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, вып. 1, М., 1938, стр. 36—37.

[5] Р. Л. Розенфельдт. Красные изразцы. Сб. «Памятники культуры», вып. 3. М., 1961, стр. 228—241.

изразце изображен Александр Македонский во главе конного отряда. Эта строчная изразцовая композиция встречалась на каждой печи, сложенной из красных изразцов. К середине XVI в. на печах из зеленых изразцов последовательность изображений перестает соблюдаться, изразцы в облицовке печи уже не образуют сюжетной линии. Среди троицких изразцов встречены два из входивших ранее в эту сюжетную линию. На одном из них изображен Александр Македонский во главе конного отряда, на другом — сцена осады крепости.

Все троицкие изразцы имеют рельефные пояснительные надписи, рассказывающие о содержании изображенных на них рисунков. Изразцы с пояснительными надписями появляются не ранее середины XVII в. На ранних московских изразцах, как красных, так и зеленых, таких надписей нет. Они не были нужны из-за небольшого числа сюжетных композиций, представленных ранее в облицовке печей, где значительное число изразцов имело, кроме того, просто растительный орнамент. В середине XVII в., когда изображение на каждом изразце стало иметь самостоятельный сюжет и появилось много изразцов с новыми, не известными ранее сюжетами, такие надписи оказались необходимыми.

На первом из упомянутых выше троицких изразцов изображена сцена осады. Справа по осадной лестнице (рис. 1, *1*) поднимаются два воина. Первый — со знаменем в руке, второй — с пищалью и копьем. Внизу, у подножья лестницы, отряд из трех воинов. У одного из них в руках знамя, у другого — бердыш, у третьего — копье и пищаль. В левом верхнем углу изразца находятся две пушки с пушкарями, у левого из них в руке пальник. Все воины одеты в короткие подпоясанные кафтаны и штаны, заправленные в сапоги. На их головах треугольные островерхие шапки. Под осадной лестницей изображены падающие с нее или с крепости поверженные воины и вооружение. В верхней части пластины изразца надпись: «ПРИСТУПАЕТЪ». При сравнении этого изразца с красными в их изображениях отмечаются некоторые различия. Так, на красных изразцах (с этим же сюжетом) на месте пушкарей с пушками обычно изображался всадник с обнаженной саблей в руке, а вместо поверженных воинов — еще один участник осады с двузубыми вилами, при помощи которых ставилась осадная лестница.

На другом изразце, входившем ранее в ту же сюжетную композицию, а ныне существующем отдельно, изображен Александр Македонский на коне во главе конного отряда (рис. 1, *2*). На его голове трехчленная корона с шариками на зубцах, в руке короткая кривая сабля с прямым перекрестием. За спиной в виде крыла изображен развевающийся плащ. Позади него — три всадника с пиками в руках, на концах пик значки. Воины одеты в кольчуги, на головах их треугольные островерхие шапки. Конь хорошо изображен только под царем. На нем видны сбруя, седло. От остальных коней, расположенных сзади, видны только три крупа с хвостами и пять ног. В левом верхнем углу изразца стоит пеший воин, судя по изображениям на аналогичных изразцах, это — трубач. В руках у него копье и щит. На нем кольчуга и треугольная шапка. По верху лицевой пластины изразца надпись Ц (А) РЬ (АЛЕ) КСАНДРЬ МАКИД (ОНСКИЙ) [6].

Третий изразец по сюжету изображения относится к этой же серии. На нем изображен Александр Македонский на коне. Он в коротком подпоясанном кафтане (рис. 1, *3*). Через плечо царя перекинут плащ, конец которого развевается за спиной. На голове царя корона. Одной рукой Александр Македонский держит повод, в другой, поднятой кверху, короткая кривая сабля с прямым перекрестьем. Конь изображен под-

[6] Близкого рисунка полихромный изразец издан О. Лавровой (см. О. Лаврова. Рельефные изразцы с сюжетами. Сб. «Быт», вып. IV, М., 1928, стр. 86, рис. 33). Издавая ею серия изразцов датируется концом XVII в.

Рис. 1. Рамочные поливные изразцы из фриза церкви Троицы в г. Костроме

1 — приступ пехоты; *2* — царь Александр Македонский с воинским отрядом; *3* — царь Александр Македонский; *4* — орел; *5* — лев; *6* — гриф; *7* — единорог; *8* — сирин; *9* — Соловей-разбойник; *10* — Бова и Полкан; *11* — некий царь; *12* — видение над Царьградом

робно, хорошо различимы сбруя и седло. За спиной царя помещено фантастическое растение или цветок. Другой, иного рисунка цветок изображен под туловом лошади. Под копытом левой передней ноги лошади — рельефная восьмиконечная звездочка. По верху лицевой пластины изразца надпись: ЦРЬ АЛЕКСАНДРЬ М(АКЕДОНСКИЙ). Обращает на себя внимание отделка деталей изображения полосками из мелких рельефных треугольников. Она весьма характерна для всех изразцов этой серии. Такой изобразительный прием на более ранних красных изразцах не встречается (кроме орнаментации круглых рамок изразцов с орлами). Надо думать, что он специфичен для изразцов середины XVII в.

Помещение на лицевых пластинах троицких изразцов сюжетов, иллюстрирующих «Александрию», еще раз говорит о широкой известности этой повести в Москве в XVII в.

Среди троицкого фриза есть несколько однотипных изразцов с изображениями двуглавых орлов (рис. 1, *4*). В отличие от красных изразцов, на которых рисунки всегда изображались в дополнительной круглой рамке, эти орлы занимают всю плоскость лицевой пластины изразца. Клювы их раскрыты, на головах трехчленные короны с шариками на зубцах. О том, что эта птица изображена в геральдической позе, кроме рисунка, говорит и надпись по верху лицевой пластины: ОРЬ(Е)ЛЪ ПТИ(ЦА) ЦА(РС)КА(Я). Известны изображения орлов подобного вида и на более поздних рамочных полихромных изразцах. Так, серия полихромных изразцов с изображениями орлов, относящихся к 80-м годам XVII в., вмонтирована в крыльцо церкви Николы на Берсеньевке в Москве.

Среди сюжетов изразцовых изображений довольно распространенными были реальные и фантастические звери. Имеются они и на троицких изразцах. Так, на одном из них есть изображение льва, что подтверждается и надписью, помещенной в верхней части лицевой пластины: ЛЕВЪ ЗВѢРЬ (рис. 1, *5*). У льва большая человекообразная голова с высунутым языком и лохматая грива. На конце хвоста зверя характерная кисточка. Позади льва, выше него, изображено какое-то строение, по-видимому, дворец. В дверях стоит человек в подпоясанном кафтане и треугольной шляпе. По-видимому, на этом изразце изображена иллюстрация к какой-то сказке, но к какой именно — сказать трудно, ибо лев как охранитель входа фигурирует во многих из них. На красных изразцах тоже есть фигуры львов, но там вместе с ними не встречены изображения построек и людей.

Значительный интерес представляет встречающееся на троицких изразцах изображение грифа. Это комбинированный зверь. У него собачья голова на львином туловище, по сторонам которого поднятые кверху и расправленные птичьи крылья (рис. 1, *6*). Туловище зверя, крылья, лапы тщательно разукрашены треугольниками, собранными в линии, полурозетки, овалы, полоски. По верху лицевой пластины изразца надпись: ГРІВЪ ЗВѢРЬ ЛЮТЫІИ. Довольно близкие по выполнению изображения этого зверя есть и на красных изразцах. В Гос. Историческом музее в Москве сохраняется резная деревянная изразцовая форма с рисунком этого сюжета, близкая по выполнению к рисунку на троицком изразце.

На следующем изразце изображен единорог — сюжет, известный на Руси еще с домонгольского времени (рис. 1, *7*). У него конские голова и туловище. От лба зверя отходит длинный слегка изогнутый рог. Над корпусом зверя изображен отходящий от него длинный и разветвленный побег растительного орнамента. По верху лицевой пластины изразца надпись: ИНЪАРОКЪ ЗВѢРЬ ЛЮТЫИ. Этот сюжет — излюбленный в московском изразцовом производстве, и он представлен на всех типах московских рамочных изразцов, с начала по 80-е годы XVII в.

В составе троицкого фриза есть несколько изразцов, на которых изображена, как о том гласит надпись: СИРИНЪ ПТИЦА РАЙ(СКАЯ) (рис. 1, *8*). У этого фантастического существа туловище птицы и голова женщины. На голове сирина — корона или кокошник, волосы его распущены. Изображение дано в обрамлении побегов растительного орнамента. Интересно отметить, что, несмотря на то, что на Руси птица Сирин изображалась и в домонгольское время (рельефы Юрьев-Польского собора), на красных изразцах ее нет. В изразцовом производстве этот сюжет, по-видимому, появился не ранее 40-х годов XVII в., в более позднее время он на изразцах встречается часто, причем это один из немногих сюжетов, который впоследствии переходит на безрамочные изразцы конца XVII в. Там эта птица изображается обычно сидящей на ветке. На костромских изразцах птицы нарисованы в отрыве от земли, от растительности, которые не изображаются.

Интересный сюжет фриза — Соловей-разбойник верхом на коне (рис. 1, *9*). Он исполнен примерно в той же манере и в том же виде, что Александр Македонский. В соответствии с текстом былины он изображен невооруженным. На нем подпоясанный кафтан, а на голове — характерная шапка с загнутыми кверху полями. Кафтан на груди расшит узорами. На лице изображены огромные усы. Свободное поле заполнено стилизованными побегами растительного орнамента, звездочками. По верху лицевой пластины изразца надпись: СОЛОВЕI РАСБОИНИКЪ. Этот персонаж русских былин не известен на ранних изразцах и появился на них, по-видимому, не ранее середины столетия. Близкого вида изображение Соловья-разбойника есть на муромских изразцах конца XVII в. Однако то изображение полихромное.

Десятый сюжет изразцов из Костромы иллюстрирует широко распространенную книжную повесть о Бове Королевиче (рис. 1, *10*). На изразце изображена сцена поединка Бовы с богатырем Полканом. Бова стоит слева в коротком подпоясанном кафтане. Левой рукой он держит Полкана за пояс, в правой поднятой кверху руке сабля. Она кривая и короткая, с прямым перекрестьем, такая, какие были на вооружении в середине XVII в. За спиной у Бовы — колчан со стрелами. У Полкана, согласно содержанию повести, собачье тулово и хвост, загнутый в петлю, его шея переходит в человеческий корпус. Правой рукой Полкан держит Бову за пояс, в левой, поднятой кверху,— дубинка. Оба богатыря изображены без головных уборов. В скрученном в петлю хвосте Полкана — рельефный треугольник, долженствующий изображать камень, который мечется хвостом, как пращей. В правом верхнем углу лицевой пластины изразца изображен и объект спора между богатырями — принцесса Друженна. Она в длинной одежде, с косой и с короной на голове. По верху изразца двустрочная надпись: БОВА С ПОЛЪК/-(А)НОМ БИЕТЪ(СЯ). Как нам кажется, это одно из наиболее ранних изображений Бовы и Полкана, впоследствии прочно вошедшее в русский народный лубок. В отличие от более поздних изображений, здесь Бова представлен пешим. На лубочных картинках он всегда на коне, в той же позе, в которой ранее на изразцах изображались Александр Македонский и Соловей-разбойник.

Следующий изразец иллюстрирует еще одну книжную повесть о святом Георгии — избавителе от змея (рис. 1, *11*). На изразце изображен дворец с луковичными главами, а слева от него — город с башнями и воротами. В нижней части изразца стоит царь в короне и подпоясанном кафтане, слева от него — его дочь. Она тоже в короне и в длинной одежде. Еще левее — царица, тоже в короне, с рукой, поднесенной к лицу (по-видимому, вытирающая слезы). В правом нижнем углу изразца, рядом с царем, выглядывает из норы и сам змей с собачьей головой и огромной раскрытой пастью. По верху изразца надпись: НЕКИ(Й) Ц(А)РЬ СВЕДЕ(Д)ЩЕРЬ СВОЮ ЗМЕЮ. Сюжет этот на красных из-

разцах неизвестен, впервые, как и другие сюжеты на зеленых изразцах, он появляется с середины XVII в. Позже он встречается и на полихромных рамочных изразцах 70—90-х годов XVII в.

На следующем изразце иллюстрирован рассказ о единоборстве в воздухе орла и змея. Ниже их изображены постройки города (рис. 1, *12*). По верху лицевой пластины изразца надпись: БЫСТЬ ВИДЕНИЕ СИ(Е) В ЦАРЬ ГР(АДЕ). Это иллюстрация из широко известной на Руси книжной повести Нестора Искандера о взятии Царьграда. Изображение относится к началу повести и показывает знамение, случившееся при основании Царьграда императором Флавием, когда в воздухе произошла эта легендарная битва. Изразец свидетельствует о том, что в середине XVII в. эта повесть была хорошо известна на Руси и сцены из нее воспроизводились в изображениях. Орел на изразце изображен довольно реалистически. Змей имеет собачью голову и членистое вытянутое тулово с короткими лапами. Зверь и птица изображены в смертельной схватке. Свободное пространство лицевой пластины изразца заполнено побегами растительного орнамента.

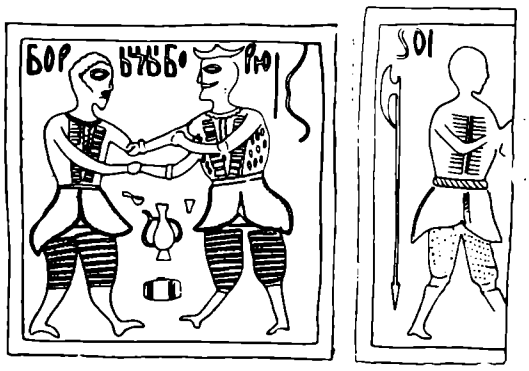


Рис. 2. Зеленые изразцы

1 — изразец из фриза церкви Троицы в Костроме с изображением борцов; *2* — изразец, найденный в Москве на территории Яузской гончарной слободы

Последний известный нам сюжет фриза — схватка двух борцов (рис. 2, *1*). Оба одеты в короткие подпоясанные кафтаны, расшитые на груди. Левый из борцов без головного убора и, по-видимому, с бородой. Правый борец в характерной островерхой шапке с загнутыми кверху полями и с большими усами. Борьба, надо думать, ведется «по правилам», «честно». Руки борцов переплетены, причем у левого борца левая рука лежит на плече правого. Между борцами изображены бочонок и кумган с прохладительными напитками, а также ковшик и чарка. В правом верхнем углу изразца представлены отложенные лук и стрела (рис. 2, *1*). По верху изразца надпись: БОРЪЦЫ БОРЮ(ТС). Надо полагать, что здесь изображено единоборство Ильи Муромца и Соловья-разбойника. Соловей-разбойник по головному убору и усам похож на другое свое изображение, помещенное нами на рис. 1. Не случайно здесь и изображение лука со стрелой.

Просмотр всей серии изразцов позволяет утверждать, что все формы к ним резаны одним мастером, на всех изразцах чувствуются одинаковые приемы резьбы, одинаковая отделка деталей изразцов, сходная трактовка костюмов, вооружения. Судя по предельной четкости изображений, по-видимому, формы были вырезаны незадолго до изготовления изразцов для фриза.

Как сказано выше, все эти изразцы были печными, употреблявшимися главным образом при сооружении изразцовых печей. Ближайшие аналогии этим изразцам можно указать среди находок, собранных в Москве на территории Яузской гончарной слободы, где в XVII в. находилось крупное изразцовое производство. Здесь при строительных работах был найден угловой изразец-половинка, на котором видно изображение воина (рис. 2, *2*) в коротком подпоясанном кафтане, выполненное в той же манере, что и на троицких изразцах. К сожалению, сохранилась только часть представленной на изразце сцены, ибо пластинка была разрезана вдоль при изготовлении изразца. Однако можно предполагать, что здесь, как и на костромских изразцах, изображена сцена

борьбы, а остатки трех букв образуют начало надписи: БОРЦЫ БОРЮТСЯ. Правда, в деталях этот изразец отличается от включенного во фриз. Здесь за спиной левого борца мы видим изображение алебарды, которой на костромском изразце нет.

Другой обломок изразца, найденный на Яузской слободе, совпадает с левым верхним углом костромского изразца с изображением Сирина. На нем виден точно такой же побег растительного орнамента и остатки рельефной надписи: СИРИНЪ П[ТИЦА РАЙ(СКАЯ). Судя по всему, оба эти изразца сделаны в одной форме. Находки изразцов, подобных костромским, на Яузе в Москве позволяют утверждать, что фриз для церкви Троицы в Костроме был изготовлен изразечниками Яузской гончарной слободы. Из литературы хорошо известна (и в это, и в более позднее время) практика поставки больших серий изразцов не только для выкладки печей, но и для наружного декора монументальных памятников архитектуры. Так, все изразцы на башнях Иосифо-Волоколамского монастыря изготовлены в Москве.

В заключение нужно отметить, что зеленые поливные изразцы типа, примененного при изготовлении фриза церкви Троицы в Костроме, послужили оригиналом, с которого непосредственно (или через промежуточные звенья) часть сюжетных изображений перешла в русский народный лубок. Так, в собрании Д. А. Ровинского есть гравюры XVIII в. с изображениями Александра Македонского и исполненными в той же манере изображениями индийского царя Пора, которые буквально являются копиями своих изразцовых прототипов. Резчики, выполнявшие клише для гравюр, не только сохранили композиционное построение изображений, но и даже мелкие детали, такие как побеги растительного орнамента и звездочки, помещавшиеся на изразцах для придания изображениям статичности и для заполнения свободного пространства.

Публикуемая серия изразцов несомненно сыграла определенную роль в развитии художественных вкусов того времени и в ознакомлении жителей Московского государства с рядом сказочных и легендарных персонажей русской народной литературы.

А. В. НИКИТИН

БЕЛГОРОДСКАЯ КРЕПОСТЬ XVI—XVII вв.

Укрепления Белгорода тесно связаны с системой обороны южных границ Руси XVI—XVII вв. и, в частности, с Белгородской чертой. Поэтому их изучение — первый шаг в исследовании Засечной черты в целом.

Возникнув на путях, шедших из Крыма на Русь, Белгород вошел в историю борьбы с татарами как важнейший южный форпост Руси, как центральное звено огромной оборонительной линии, тянувшейся от левобережной Украины до Урала. История его трудно отделима от тех широких оборонительных мероприятий, которые систематически проводились московским правительством на юге страны и были связаны также с усилением крепостнического гнета, заставлявшего население центральных областей государства искать убежища на его окраинах.

После разгрома Казани борьба с татарами не утихла, а приобрела повседневный характер. Отказавшись от больших походов, крымские ханы ежегодно пытаются проникнуть в жизненно важные районы Московского государства, громят города, уничтожают села, грабят отдельные дома, захватывают одиноких пахарей.

Учитывая изменение тактики татар, московское правительство ответило мероприятиями, постепенно ослабившими силу набегов, а затем и парализовавшими их. К числу таких мероприятий надо отнести, во-первых, перераспределение сторожевых полков и реформу сторожевой службы, что было теснейшим образом связано со строительством новых городов на юге государства, и, во-вторых, реконструкцию засечной черты в 1638 г.

Однако в первой половине XVII в. границы Московского государства были продвинуты уже за пределы Засечной черты. Кроме того, после польско-шведской интервенции государственная казна настолько упорядочилась, что появилась возможность провести крупные работы по укреплению позиций Москвы и на этих более южных землях. В связи с этим к городам-крепостям Курску, Ливнам, Кромам, Воронежу, Осколу, Валуйкам и Белгороду, построенным при царе Федоре, в 30-х годах XVII в. удалось прибавить новые — Черновск, Козлов, Тамбов, Ломов. Одновременно были восстановлены Ливны, Орел и другие укрепленные пункты, пострадавшие во время иностранной интервенции.

Среди этих мероприятий крупнейшим было строительство Белгородской черты, законченное в 1645 г. В 1637 г. на юг были посланы Федор Сухотин и подъячий Евсей Юрьев, «а велено им досмотреть на Калмиюской и на Изюмской сакме и на Муравском шляху: мочно ль на тех сакмах в которых местах, для бережения от приходу воинских людей, поставить городы и остроги жилые и стоялые, чтоб теми городами и острогами от Крымских и Ногайских и от Азовских людей в Оскольских и в Ливенских и в Елецких и в Белгородцких и в Курских и во всех украинных городах войну отнять; а в которых местах на поле на Калмиюской и на Изюмской сакме и на Муравском шляху, для береженья от приходу воинских людей, города и остроги жилые и стоялые учинить

и меж городов и острогов на сакмах какия крепости доведется поделать, и то все велено им написать в роспись и на чертеж начертить»[1].

Решив сделать Белгород опорным пунктом новой Черты, московское правительство хорошо учло стратегические преимущества его расположения. Как раз неподалеку от Белгорода проходили Изюмский, Калмиусский и Муравский шляхи — главные пути проникновения татар на Русь, наблюдение за которыми нужно было вести постоянно. Муравский шлях пролегал в междуречье Ворсклы, Северского Донца и Оскола, что давало возможность расположенному поблизости Белгороду вовремя принимать меры к перекрытию этого пространства.

Включение Белгорода в состав укреплений Белгородской черты делит его историю на два периода — до постройки Черты и после ее организации. В соответствии с этим публикуемые материалы разделены на две части — данные о крепостных сооружениях и остатках материальной культуры Белгорода конца XVI — начала XVII в. и данные о Белгородской крепости первой половины XVII в. Материал для первой части дали раскопки, проведенные в 1951 г. на Меловой горе[2]; для второй части материалом послужили письменные источники, так как крепость первой половины XVII в. теперь уже не существует.

Укрепления Белгорода конца XVI—начала XVII в.

Белгород был заложен в 1593 г. по указу Федора Иоанновича[3]. Свое название он получил от Белой горы, на вершине которой был расположен (рис. 1). Основу белгородских укреплений составляла прямоугольная в плане крепость, стоявшая на земляном валу (рис. 1). По углам и в средних точках стен крепость имела башни. С ее восточной стороны находился обрыв высокого берега Северского Донца, прикрывавший вместе с водным пространством реки крепость с востока. С трех других сторон, не имевших надежного естественного прикрытия, прямоугольная крепость была защищена двумя концентрическими линиями земляных валов, опиравшихся своими концами на берег Северского Донца.

Расположенная на вершине Белой горы, достигавшей высоты 35—40 *м*, Белгородская крепость господствовала над окружающей местностью. Наиболее широкий вид открывался с нее в восточном направлении, с юга он ограничивался расположенными поблизости возвышенностями.

К 1951 г. от белгородских укреплений сохранились лишь сильно деформированные земляные валы и заплывшие рвы перед ними. Вал восточной стены прямоугольной крепости теперь исчез, как и концы дополнительных концентрических валов; по-видимому, они были срыты в XIX в. при прокладке полотна железной дороги, перекрывшей старое русло Северского Донца[4].

Для изучения конструкций оборонительных сооружений прямоугольной крепости Белгорода ее северный и южный валы и рвы были прорезаны траншеями.

Северный раскоп (площадью 136 $м^2$) дал следующую картину: под дерном был по всей поверхности вскрыт сплошной слой обожженной

---

[1] ААЭ, т. I, СПб., 1836, стр. 109—110.

[2] Археологическое исследование Белгорода производилось нами летом 1951 г. в связи с разработкой Меловой горы местными мело-известковыми заводами и необходимостью получить хотя бы некоторые данные о характере укреплений и застройки крепости. Приносим глубокую благодарность А. В. Гусаркиной, Л. А. Клюевой, М. Г. Рабиновичу, И. А. Талицкой и С. Н. Фоминой, принявшим участие в этих работах.

[3] ПСРЛ, т. XIV, первая половина. СПб., 1910, стр. 45.

[4] Сейчас центральная часть крепости уже не существует, так же как и значительная часть южной половины крепости.

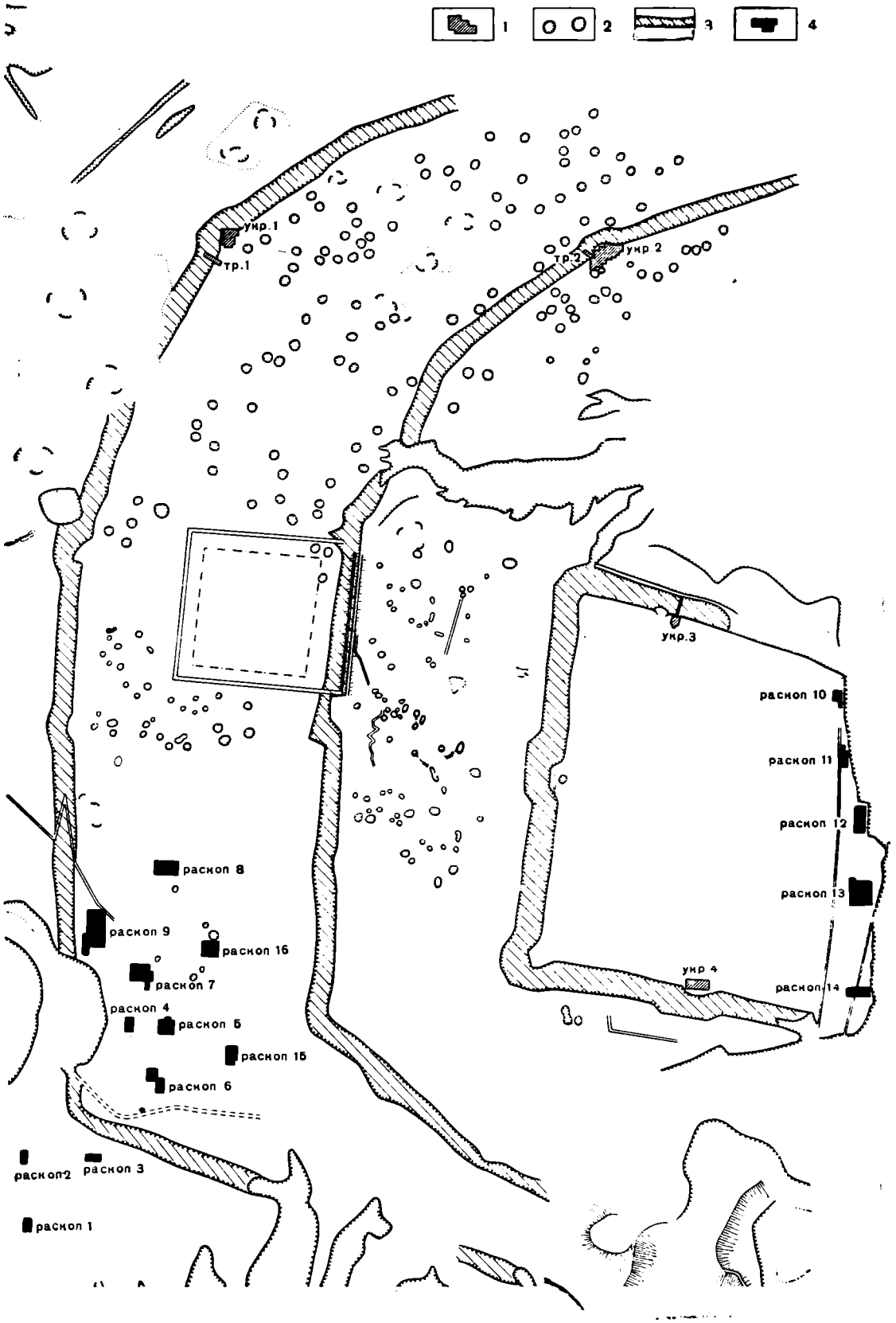


Рис. 1. План Белгородской крепости. (Съемка 1951 г.)

1 — укрепления; *2* — ямы от построек, нарушения слоя; *3* — рвы крепости; *4* — раскопы 1951 г.

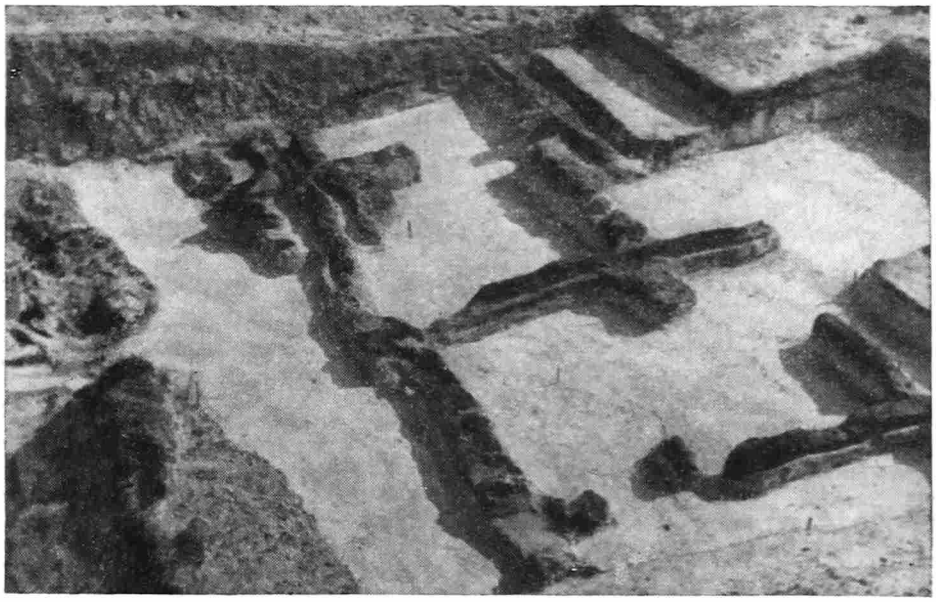


Рис. 2. Остатки оборонительных сооружений северного вала центральной части крепости

глины — остатки обожженной обмазки вала. В восточной части раскопа этот слой достигал толщины 40—45 *см*. Вкрапления угля, сажи и золы являются, по-видимому, следами костров, разжигавшихся для обжига обмазки. Такой прием укрепления насыпи был распространен в оборонительных сооружениях XVI—XVII вв. В верхнем слое глиняной обмазки по остаткам угля, золы и отдельным головням удалось проследить нижние части сгоревшей рубленой стены, стоявшей на вершине вала (рис. 2). Она состояла из квадратных срубов со сторонами 1,4—1,9 *м*. Фрагментарность остатков не позволяет точно определить конструкцию стены; вероятно, это была рубка тарасами. Вал, судя по профилю, дважды подсыпался.

В 0,8—1,2 *м* к северу от сгоревшей деревянной стены и глубже ее основания сохранилось целое, не тронутое огнем бревно. Возможно, что это след другого, более раннего ограждения, в виде обычной стены, рубленной в забор в стояках и шедшей по внешнему краю первоначального вала. Разрез рва показал, что он был глубиной до 2 *м* и имел почти вертикальные стенки. Ров был сухим, на его дне прослежены правильно расположенные по его продольной оси пятна от вбитых вертикально кольев. Это обычный, препятствовавший форсированию рва «частик» из заостренных бревен.

Второй раскоп, площадью 128 $м^2$, перерезал южный вал прямоугольной крепости примерно в его середине, где вал имел выступ в сторону рва, позволявший предполагать здесь наличие какого-то сооружения, предназначенного для фланговой защиты южной стены «города». С восточной стороны площадка раскопа была сильно попорчена зигзагообразной траншеей окопа времени Великой Отечественной войны. Уже с первого штыка здесь стали попадаться сильно перегнившие и частично обуглившиеся остатки бревен. Здесь найдено много кованых гвоздей, железных костылей, обломков глиняной посуды, а глубже, в северо-восточной части раскопа, найдены наконечники стрел, небольшие висячие замки разной формы, топор и две серебряные серьги. На глубине 0,6 *м* в западной части раскопа прослежены (рис. 3) обугленные остатки двух пар уложенных параллельно бревен, лежавших по оси и поперек вала, образуя как бы клеть с двойными стенками. С восточной ее стороны шел ряд вертикально стоявших бревен. Их смысл не-

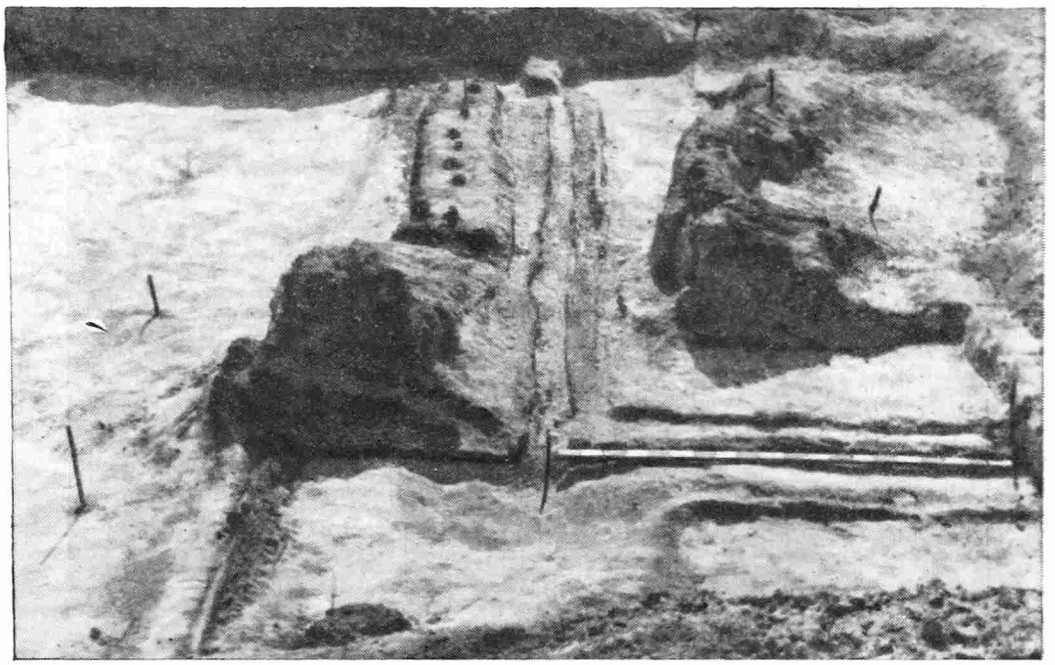


Рис. 3. Остатки укреплений южного вала центральной части крепости

ясен. Остатки же «клети», видимо, так же как и в северном раскопе, являются остатками сгоревшей стены крепости.

В профиле раскопа видны два угольных слоя пожаров. Поверхность вала также состояла из слоя обожженной глины (местами толщиной до 0,7 *м*).

Таким образом, крепость первоначально возникла (к 1593 г.) как отдельное, самостоятельное сооружение, с небольшим валом и со стеной в виде бревенчатой ограды в стояках. Затем в связи с ростом значения города произошла реконструкция крепости. Вал был подсыпан и укреплен слоем обожженной глины, а на его гребне стала более крепкая стена, рубленая, вероятно, тарасами. Видимо, в это время крепость была опоясана двумя линиями валов с западной стороны и превратилась в своеобразный «детинец», где сосредоточивались главные военные силы Белгорода и укрывалось городское население.

Первоначальная крепость Белгорода на высокой горе в зоне татарских шляхов существовала самостоятельно. Система сторожевых и «стоялых» острогов, связанных между собой лишь временными разъездами и разбросанных на всем пространстве от Москвы до Перекопа, складывалась уже с XV в. В следующем столетии при Иване Грозном сторожевая служба была закреплена уставом 1571 г. и получила вполне упорядоченный характер; «сторожи» дозирали и Северский Донец [5].

Третий раскоп (площадью 212 $м^2$) был заложен в северной оконечности второго, опоясывающего крепость вала, где ров и вал хорошо сохранились. Однако в раскопе не обнаружено никаких остатков деревянных стен. Сам вал достигал высоты около 2,5 *м*. Вкрапления в слое золы и кусков угля могут принадлежать какой-то сгоревшей изгороди, однако следов ее не сохранилось. Несомненно, здесь был тын, прикрывавший стрелков. Ров был трапециевидным в сечении, глубиной 1,5 *м* и шириной 4,5 *м*. В земле, затянувшей ров, прослежены остатки лежавших вплотную друг к другу сгоревших бревен, толщиной 16—20 *см*, и прослойка угля. Возможно, что это также остатки упавшей при пожаре изгороди или тына, служивших для прикрытия стрелков.

[5] С. М. Соловьев. История России, т. VII, М., 1960, стр. 27.

Четвертый раскоп (рис. 1, «укрепление № 1»; площадь 120 $м^2$) был заложен в северной оконечности наружного вала, в месте выступа, позволявшего предполагать остатки какого-либо сооружения. Здесь, непосредственно под дерновым слоем, были прослежены идущие вдоль оси вала две параллельные полосы угля. Ниже залегали два ряда обгорелых бревен, лежавших параллельно друг другу, с промежутком в 15—50 *см*, заполненным серо-желтой глиной, отличной от окружающего грунта и являвшейся искусственным заполнением двойной бревенчатой стены. Подобные конструкции рубленых стен известны и в других деревянных крепостях. Обе части стены примыкали к углам выступающей наружу квадратной клети (размером 5 × 5 *м*) с такими же двойными стенами и глиняным заполнением. Хотя это сооружение сохранилось плохо, однако совершенно ясно, что это остатки башни, рубленой «в обло». Разрез крайне оплывшего вала в 12 *м* от юго-западного угла раскопа траншеей в 2 × 14 *м* показал, что под дерновым слоем залегает плотный слой обмазки вала — желтой необожженной глины, покрывавший всю поверхность вала и спускавшийся на откос рва. На вершине вала слой достигал толщины 20—30 *см*, на склонах — 15 *см*. С внутренней стороны вала был выявлен ряд стоявших вдоль него обгорелых столбов толщиной 10—15 *см*; земля около них сильно насыщена известью, вероятно, столбы вкапывались уже после насыпки вала. Это, по-видимому, крепление основания стен (см. рис. 3).

В верхней части вала были прослежены следы двойной стены в виде неглубоких канавок с древесным тленом. Снаружи вала находился ров, о первоначальных размерах которого судить трудно, так как он сильно заплыл.

Таким образом, внешняя линия обороны Белгорода состояла из рва и вала, имевшего сильно выступавшие вперед площадки для деревянных башен, фланкировавших ров. По гребню вала стояли стены. Рубка стен и башен была двойной с внутренним глиняным заполнением. Судя по конфигурации сохранившегося вала, расстояние между башнями не превышало 100—150 *м* (см. рис. 1).

Следовательно, оборона Белгорода конца XVI — начала XVII в. состояла из трех поясов. Внешний вал, выдерживавший первый удар противника, был укреплен сильнее, чем второй вал, который в случае прорыва должен был задержать врага: на его гребне стоял (в лучшем случае) редкий тын для прикрытия стрелков. Основой же обороны была прямоугольная крепость. Однако эта цитадель имела уязвимое место — она не располагала хорошим водоснабжением на случай осады.

Жилые сооружения Белгорода с конца XVI — начало XVII в.

Наши раскопки дали также некоторый материал для характеристики жилищ, в которых протекала повседневная жизнь служилых и тяглых людей, заброшенных на окраину государства. Жилая застройка города располагалась, естественно, прежде всего внутри его укреплений.

Внутри прямоугольной крепости были заложены пять раскопов общей площадью 532 $м^2$. Так как прежде всего нужно было исследовать быстро разрушающуюся часть обрыва Меловой горы, то раскопы были сосредоточены в восточной стороне крепости, почти вплотную к краю обрыва.

Раскопы №№ 10 и 11, заложенные на краю обрыва в северной части крепости, не дали ничего, кроме обломков глиняной посуды. В раскопе № 2 в средней части участка, кроме обломков посуды, найдено 15 кованых гвоздей, семь подковок для сапог и серебряная

монета-полукопейка 1535—1547 гг. Интересен медный перстень-печатка с изображением двух сражающихся и одного упавшего воинов.

Следы жилья обнаружены в раскопе № 13, заложенном несколько южнее. Здесь, под развалом обожженной глины с вкраплениями золы и угля, вскрылась площадка утрамбованной обожженной глины — остаток небольшой глинобитной печи. Следов постройки рядом с печью нет; видимо, что летняя печь на территории усадьбы — явление, обычное для XVI—XVII вв. Восточнее печи обнаружено небольшое количество обгоревших досок, а неподалеку от них — почти четырехугольное пятно из пережженных кусков глины, угля, дерева и сырцового кирпича. Эти остатки сильно повреждены при пахоте; по-видимому, это следы деревянной постройки с глинобитной печью. Здесь найдены: кованый железный наконечник стрелы, четырехконечный крест-тельник и несколько подковок для сапог.

Особенно следует отметить находки в раскопе № 13 обломков посуды роменского типа, говорящей о существовании на территории Белгородского городища роменского поселения.

Хотя по сравнению с площадью крепости наши раскопы были невелики, все же они позволяют считать, что застройка четырехугольной крепости была незначительной [6].

Иные результаты дали раскопки западной части территории между вторым и третьим валом (см. рис. 1). Здесь было заложено восемь раскопов общей площадью 1088 $м^2$. Культурный слой во всех раскопах не превышал 0,20—0,25 *м* и был распахан, тем не менее остатки жилищ хотя и были этим нарушены, но все же дали возможность сделать некоторые наблюдения.

В северной части раскопа № 7 (площадью 180 $м^2$; рис. 4) был вскрыт развал обгоревших бревен, угля и обожженной глины, площадью около 16 $м^2$; первоначальные размеры жилища примерно 4 × 4 *м*. В его юго-западном углу можно было различить остатки глинобитной печи; ее под лежал на дощатом настиле, уложенном на вбитые в землю стояки (прослежен один). Пол жилища был, видимо, земляной, без покрытия; его перекрывал слой золы, на котором местами лежали (в направлении запад — восток) обугленные доски потолочного перекрытия. Дом, видимо, был бревенчатым. С запада и, частью, с юга и севера, параллельно границам пятна жилища прослежены канавки шириной 20—25 *см*, углубленные до материка и заполненные темным слоем земли. Возможно, это — след изгороди, окружавшей дом. К западу от нее находилась довольно бесформенная яма, может быть, остатки погреба.

Второе, также срубное жилище, несколько меньшего размера (примерно 3,5 × 3,5 *м*), находилось рядом с первым, к юго-востоку от него. Пятно жилища состояло из слоя угля и золы; от западной стены сохранилось обуглившееся бревно. В юго-восточном углу жилища были прослежены остатки развала глинобитной печи, а около них собраны обгоревшие зерна пшеницы, скорлупа лесного ореха и обломок железного ножа.

В заложенном к северу раскопе № 9 (площадью 360 $м^2$) были вскрыты две усадьбы, границы которых определялись полосами тлена шириной в 10—12 *см*, оставшимися от изгородей из хвороста или донецкого камыша, обмазанных глиной и закреплявшихся на столбах. Один из них прослежен на углу изгороди. Жилища стояли в глубине огороженного двора.

От дома северной усадьбы сохранилось лишь расплывшееся пятно; размер жилища примерно 4 × 4,5 *м*. Как можно судить по слабым

[6] Раскопки 1955—1956 гг. подтвердили это предположение — центральная часть оказалась совершенно незастроенной.

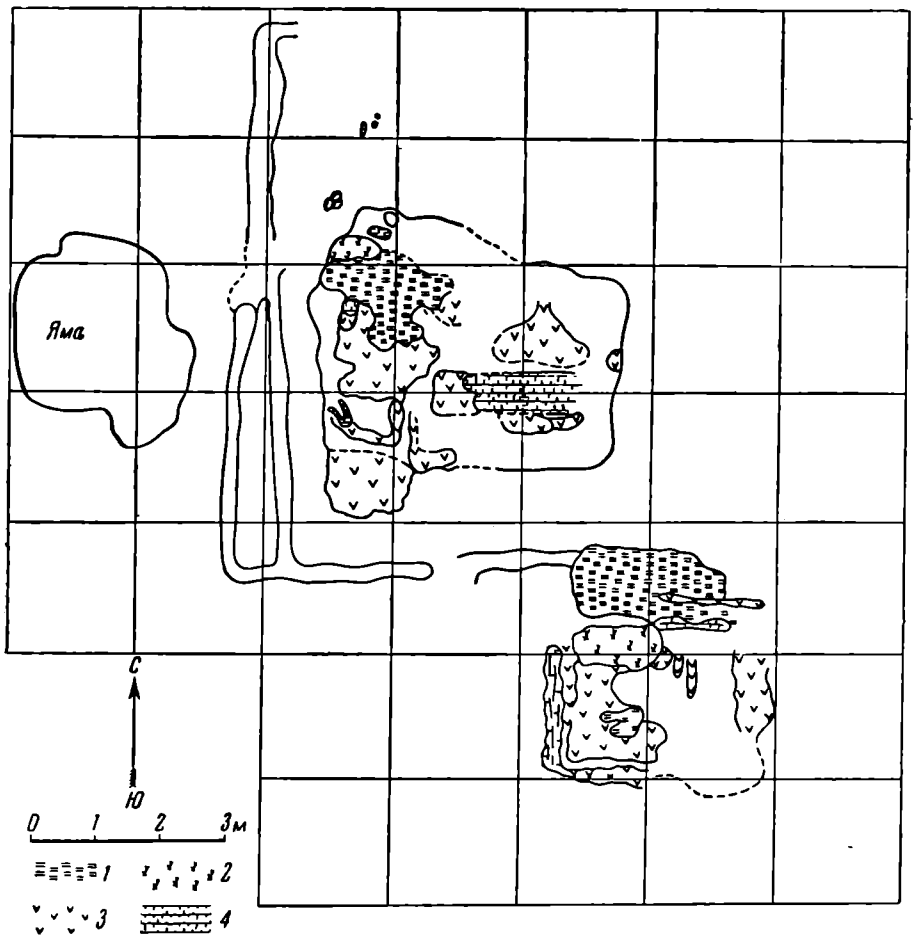


Рис. 4. План раскопа № 7

1 — глина; *2* — обожженная глина, *3* — уголь; *4* — обгоревшее дерево

остаткам, стены дома были глинобитными. Пол был земляным, плотно утрамбованным; на нем найдены обломки посуды, нож, крестик-тельник, рыболовное грузило, зерна пшеницы, ржи, гречи. В северо-западном углу жилища (несколько отступя от стены) стояла приподнятая над полом глинобитная печь, почти прямоугольной формы, с выступавшим вперед шестком. Печка была сбита на деревянной основе — на обломках ее свода сохранились отпечатки досок опалубки шириной 10—15 *см*. Упавший свод раздавил стоявший в печи горшок, обломки которого оплавились и деформировались от сильного огня. К северу от жилища нами раскопан погреб почти правильной четырехугольной формы, вырытый в песке; его стенки крепились досками, забранными в угловые стояки (следы одного из них прослежены в юго-восточном углу). Глубина погреба — 1,9—2 *м*, длина по дну — 3 *м*, ширина — 1,9—2,1 *м*. Возможно, что погреб, тесно примыкавший к дому, находился с ним под одной кровлей. В юго-западном углу усадьбы находилась яма — 1 × 1,4 *м*, глубиной 1 *м*; назначение ее неясно.

От жилища южной усадьбы сохранились лишь распаханные следы. Оно имело размеры примерно 4 × 4 *м*. Прослежены остатки глинобитных стен толщиной около 40 *см*, со стояками в их основе. В северо-западном углу дома вскрыто пятно развала глинобитной печи, несколько приподнятой над утрамбованным земляным полом. На нем найдены обломки глиняной посуды, железный сошник, ножи, груз от безмена, гвозди, кости животных. Неподалеку от дома найдены: половинка мед-

Рис. 5. Костяки погибших жителей (погреб раскопа № 6)

ного складня с изображением конного святого Георгия, поражающего дракона, железные наконечники копья, пешни и стрелы. Между северной стеной дома и изгородью усадьбы был, как и в южной усадьбе, погреб — 3 × 2,5 *м* и глубиной 2 *м*. На стенках погреба сохранились следы их дощатой облицовки. На дне собраны обломки горшков и лесные орехи. К западу от жилища расчищена разрушившаяся изгородь и яма, заполненная песком, глиной и обломками; назначение этой ямы неясно.

Место раскопа № 5 (площадью 108 $м^2$) определилось выходом на поверхность остатков жилища и ямой около него. По расчистке верхнего слоя обнаружились контуры квадратной постройки размером 4 × 4 *м*. Остатки ее стен сохранились в виде широкой полосы глины со следами дощатых отпечатков на ее обгоревших кусках. Стены были глинобитными, толщиной 40—50 *см*, и возводились с помощью дощатых ящиков, в которые глина забивалась. На утрамбованном земляном полу в юго-западному углу жилища находился развал глинобитной печи, свод которой, судя по обломкам, был возведен также по деревянной опалубке. Печь имела, видимо, грушевидную в плане форму, примерно 1 × 0,5 *м*; чело и шесток были с узкой стороны. К юго-западу от жилища находилась высеченная в меловой скале прямоугольная яма размером 2,4 × 3,2 *м*. Почти на дне ямы были обнаружены обгорелые бревна, а под ними — обломки разбитых сосудов; около южной стены, под обгоревшими досками, лежали обломки жерновов; один из них придавил собаку, костяк которой частично сохранился. Как и в предыдущих комплексах, это, по-видимому, был погреб или хозяйственная яма. Как и жилище, он разрушился при пожаре и его накат рухнул.

В раскопе № 6 (площадью 120 $м^2$) обнаружены остатки комплекса, аналогичного предыдущему, но более плохой сохранности. Уцелел лишь развал печи в виде груды обожженной глины, золы и угля; следы очертаний жилища полностью стерты. В непосредственной близости от развала печи находился погреб, также прямоугольный в плане, размером 2,4 × 1,6 *м*, высеченный в меловом массиве на глубину 1,2—1,5 *м*. На его дне (рис. 5) было обнаружено пять человеческих скелетов, один из них детский. Три скелета лежали в вытянутом положении, четвертый — в скорченном, под ним и находился костяк ребенка. Несомненно, это

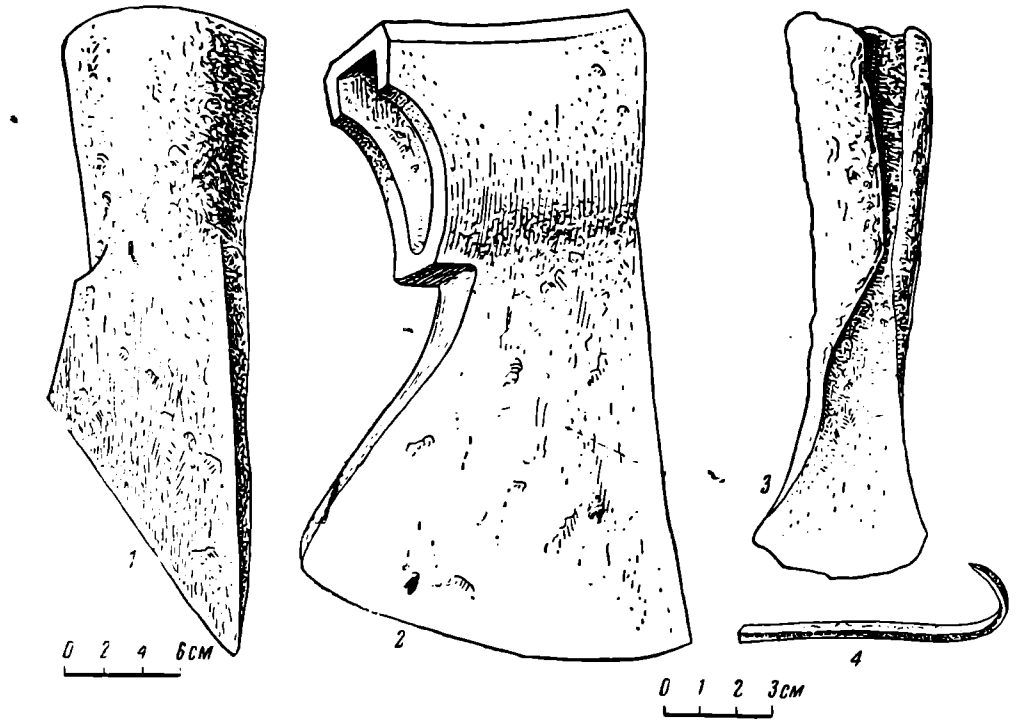


Рис. 6. Орудия сельского хозяйства
1 — сошник; *2* — топор; *3* — пешня; *4* — крючок

останки жителей Белгорода, укрывавшихся в погребе и погибших во время какой-то военной катастрофы и пожара крепости.

Раскопом № 15 (площадью 80 $м^2$), заложенным к востоку от предыдущих, вскрыто аморфное пятно развала сгоревшего жилища размером 4,5 × 6 *м*, с едва различимыми остатками печи в юго-западном углу. Рядом с жилищем, с востока, находилась прямоугольная яма погреба — 2,4 × 2,6 м, глубиной 1,4—1,6 *м*. В ее заполнении было много угля, обломков посуды, костей животных, а на дне лежали куски обгорелых досок, возможно, от перекрытия. На дне, по середине стен и по углам, прослежены ямки от стоек, крепивших облицовку стен ямы.

Таким образом, благодаря раскопкам нам удалось выяснить, что территория между валами была довольно густо заселена.

Три раскопа (площадью по 60 $м^2$), заложенные к юго-западу от укрепленной зоны, не дали положительных результатов: находок и следов культурного слоя здесь нет. Следовательно, и жилых построек в этом районе не было. Не было их и к северу от крепости: резко понижающийся рельеф исключал возможность заселения этой территории. К западу от укреплений культурный слой отсутствует, и характерных признаков в виде ям, служащих для определения мест расположения жилищ, здесь нет; подъемный материал ничтожен. Таким образом, вне крепости население, видимо, не жило.

Вещевой материал, добытый раскопками, в общем очень скуден и немногим дополняет картину быта населения крепости. Дадим краткую характеристику находок.

Из орудий сельского хозяйства отметим хорошо сохранившийся железный правый сошник (от двузубой сохи), в виде клиновидного лезвия, с конусообразным расширением для его крепления к сохе. Он отличается тщательностью ковки (рис. 6, *1*). Другой сошник имеет конусообразную втулку, диаметром около 5 *см*, постепенно переходящую в расширяющуюся заостренную симметричную часть. Интересны также: пешня (рис. 6, *3*); массивный топор, приближающийся по типу к колуну,

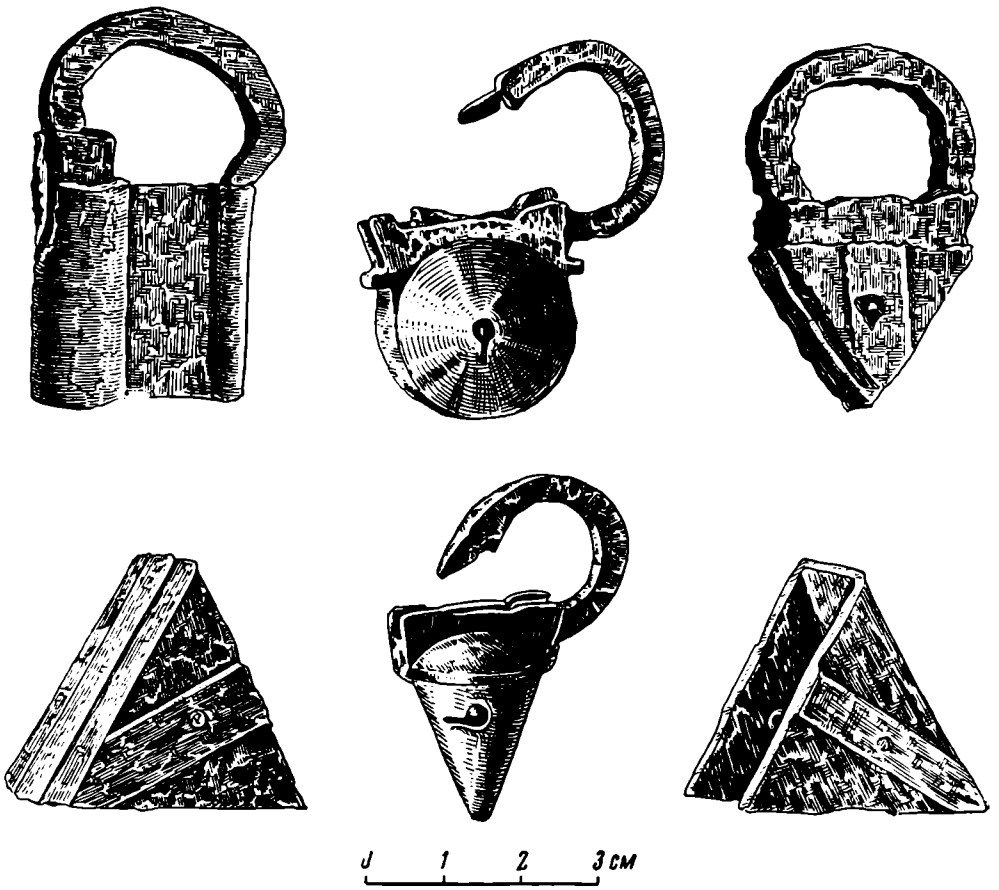


Рис. 7. Замки

с округленной рабочей частью и бородкой (рис. 6, *2*), крупный рыболовный крючок (рис. 6, *4*).

Замки найдены как пружинные (1 экз.), так и с механизмом, приближающимся к современному (рис. 7). Все они небольшие, вероятно, для шкатулок и небольших сундуков. Два небольших замка треугольной формы отличаются тщательностью отделки. Их корпуса изготовлены из целых пластин железа, согнутых так, чтобы в них можно было вставить запирающий механизм, и по сторонам украшены выступами. Весьма хорошей работой отличается шаровидный замок с обычным для нашего времени запором. Он состоит из каркаса, к которому с двух сторон прикреплены полые полушария и дужка запора. Другой замок, также искусной работы, сделан в виде конуса, на котором сверху крепилась дужка запора. Ключей от замков не найдено; ключ из случайных находок при работах в меловых карьерах принадлежал цилиндрическому замку средней величины.

Множество железных подковок для сапог различных размеров (рис. 8, *1*) свидетельствует о преимущественном распространении сапог с наборным каблуком. Подковки обычно имеют форму полумесяца с шипами; они крепились или в вырез каблука, или на его плоскости. Кованые гвозди двух типов — с широкими и плоскими или пирамидальными шляпками; иногда на концах крупных гвоздей есть нарезка. Небольшая тщательно отделанная однорогая наковальня (из случайных находок в меловом карьере; рис. 8, *3*) предназначалась для мелкой, возможно, ювелирной работы.

Из бытовых предметов назовем хорошо сделанный светильник для трех свечей, с подвижной планкой, позволявшей регулировать свет (рис. 8, *2*).

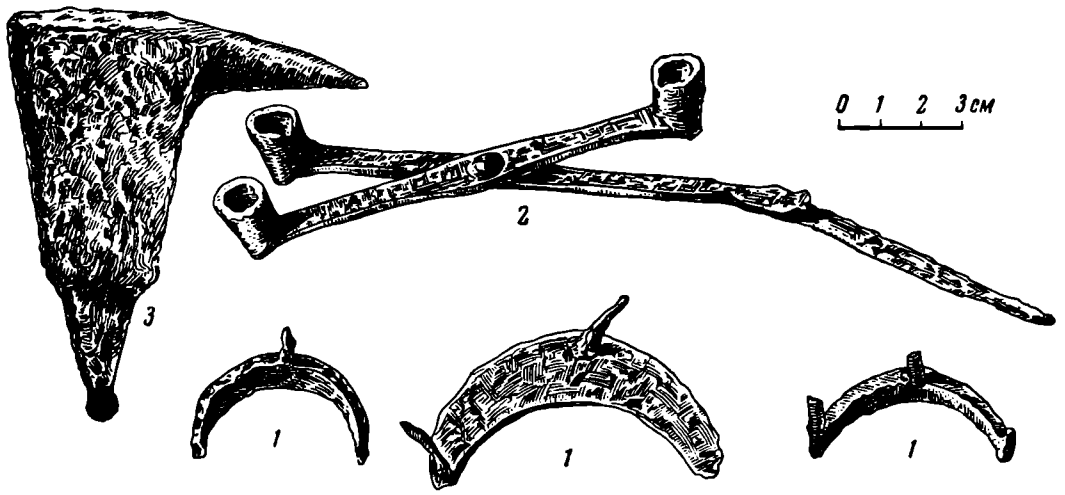


Рис. 8. Изделия из железа

1 — подковки от сапог; *2* — светец; *3* — наковальня

Естественно, что среди находок были остатки холодного и огнестрельного оружия. Таковыми являются сулица (из случайных находок в меловом карьере; рис. 9, *2*), наконечники стрел — ромбовидные и тонкие граненые (рис. 9, *3—10*). От огнестрельного оружия найдены различные замковые части и другие детали.

Из украшений назовем две пары однотипных довольно массивных серебряных серег в виде колец из толстой проволоки (диаметром 12—14 *мм*), к которым крепились стержни с нанизанными цилиндриками, покрытыми ложной зернью и полудрагоценным камнем на конце.

Найдено несколько медных четырехконечных крестов-тельников — обычных и складней и половинка медной же иконки-складня с изображением конного Георгия Победоносца в пластинчатом панцире, поражающего копьем дракона (рис. 10).

Среди белгородской глиняной посуды преобладает красная, мореная. Обычно это обломки толстостенных, отличающихся хрупкостью и плохим обжигом горшков, обжигавшихся в печи при температуре не выше 700°. Видимо, это посуда местного изготовления. Черепков тонкостенных сосудов из хорошо отмученного теста значительно меньше; обломков лощеной посуды очень мало. Посуда Белгорода аналогична московской XVI—XVII вв.[7].

Упомянутые выше обломки посуды роменского типа (рис. 11) принадлежат лепным горшкам с толстыми (15—20 *мм*) стенками, плоским дном, округлым туловом и широким, несколько отогнутым наружу венчиком. Обжиг — костровый, поверхность шероховатая; на плечах и обрезе венчиков — гребенчатый орнамент.

Изложенный фактический материал при всей своей фрагментарности позволяет все же сделать некоторые выводы о характере застройки крепости, связанной с ее населением и гарнизоном.

Следует прежде всего отметить, что вскрытые жилища однотипны. Это небольшие глинобитные, реже — бревенчатые дома, площадью в среднем 16 $м^2$, с земляным полом и глинобитной же печью в одном из углов. Снаружи, примыкая к жилищу или на некотором расстоянии от него, был погреб или кладовка с подпольем. Той же стандартностью, по-видимому, отличались и усадебные наделы, равно как и расположение жилья и погреба на усадьбе; об этом можно судить по их очертаниям в раскопе № 9.

[7] Определение М. Г. Рабиновича.

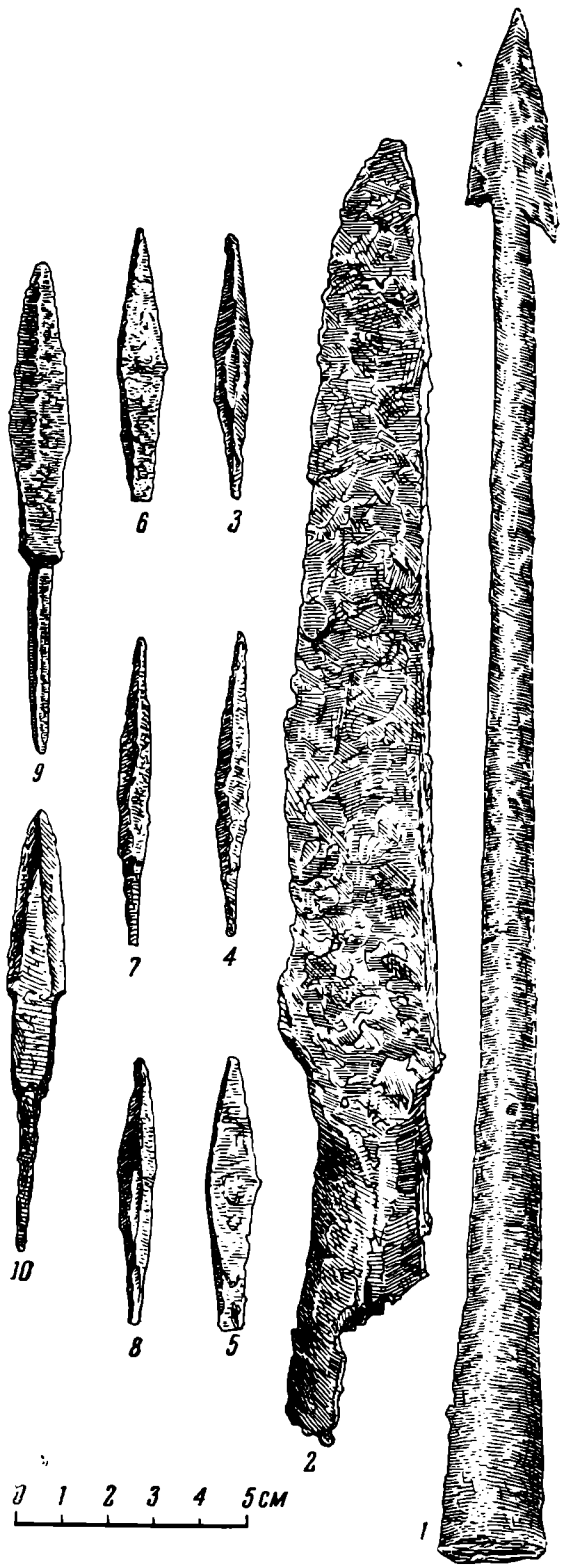


Рис. 9. Оружие

Население крепости кормилось продуктами пригородной пашни и рыбной ловли. Едва ли в пограничных условиях в Белгороде было сильно развито ремесло. Находки из раскопок ничего не дают для выводов в этом отношении.

Как укрепления Белгорода, так и жилища его гарнизона не раз страдали от вражеских нападений и пожаров. Скелет собаки, придавленной в погребе в раскопе № 5, скелеты людей, укрывшихся в погребе и погибших во время пожара (раскоп № 6), свидетельствуют с достаточной ясностью о трагических моментах в жизни города.

Весьма вероятно, что одной из причин гибели сильной крепости было отсутствие хорошего водоснабжения (тайник давал плохую воду), и она могла быть взята «облежанием», т. е. блокадой. Видимо, в частности, с этим и был связан перенос крепости на новое место — на противоположный, левый берег Северского Донца.

Крепость Белгорода первой половины XVII в.

Источником для изучения новых укреплений Белгорода служат отписки самих строителей, а также донесения воевод и дозорщиков, присылавшихся из Москвы для осмотра сооружений. Все дозоры, росписи и отписки почти всегда сопровождались более или менее подробно иллюстрировавшими их чертежами. В Разрядном приказе был специальный штат чертежников — «чертещиков», которых посылали из Москвы на место. Такие чертежники были и на Засечной черте[8]. В результате их работы в Разряде сосредоточился огромный графический материал; однако бо́льшая

[8] А. В. Никитин. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI—XVII вв. МИА, № 44, 1955, стр. 124.

часть его к концу XVII в. безвозвратно погибла[9]. Совершенно случайно в бумагах Белгородского стола[10] сохранился чертеж Белогорода 1693 г., отличающийся высоким качеством исполнения (рис. 12). К сожалению, сопоставить его с остатками укреплений невозможно, так как крепость почти полностью исчезла в процессе интенсивной застройки современного города[11].

В 30-годах XVII в. Белгород стоял уже на своем новом месте, где теперь находится село «Старый город». Здесь было организовано хорошее водоснабжение, и почва была лучше. Однако военно-стратегические качества новой крепости были несравнимы с теми, которые давала крепости Меловая гора. Новая крепость стояла на низменном, открытом месте, хорошо защищенном лишь с запада Северским Донцом и его сильно заболоченным берегом; зато с остальных сторон она была полностью открыта.

В донесении 1634 г. в Разряд Афанасия Тургенева сообщается, что новая крепость уже испытала вражеский удар: «...острогу в Белгороде нет, в приход литовских воинских людей сожон»[12].

По описанию А. Тургенева, город стоял в то время из двух частей. Основой его была деревянная крепость с двумя проезжими и шестью глухими башнями. В плане она имела вид трапеции со сторонами в 80, 81,5, 67 и 78,5 *м*. Стены имели два яруса боя, башни — три яруса. Крепость окружал ров, в которой вели «вылазы». Внутри крепости находился воеводский двор, съезжая изба и дворы отдельных служилых людей[13]. Крепость была хорошо обеспечена водой: «В городе колодезей на воеводском дворе, колодез перед съезжей избою, колодез у раскатной башни, колодез у наугольной башни. За Пушкарскою слободою колодез. У Донецких ворот

Рис. 10. Иконка-складень и перстень из цветных металлов

[9] См. работу А. А. Гоздаво-Голомбиевского «Опись чертежей, хранившихся в разряде во второй половине XVIII в.». Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. М., 1889, кн. VI, отд. 2, стр. 1—28.

[10] ЦГАДА, Белгородский стол, 1358, л. 289.

[11] План опубликован В. И. Кошелевым. См. В. И. Кошелев. Чертеж Белгорода Меньшего 1693 г. Изв. Воронежского гос. педагогического института, т. XII, вып. 1, Воронеж, 1950, стр. 145—156. Ввиду того, что чертеж подробно описан автором, ниже мы даем лишь сведения о характере крепости по описям 1670 и 1676 гг., т. е. до ее перестройки, зафиксированной чертежом 1693 г.

[12] ЦГАДА, Московский стол, стб. 109, л. 105.

[13] Там же, лл. 105—114.

колодез. На Головине дворе колодез. А во всех колодезях вода неглубоко. В осадное время водою пробыть мочна» [14].

Вторым поясом обороны Белгорода была стена длиной 600 сажен, с двумя ярусами боя и башнями, стоявшими примерно на расстоянии 40 сажен. Стена прикрывала основную крепость и ее посад с трех сторон. С западной стороны, где протекал Северский Донец и проходила

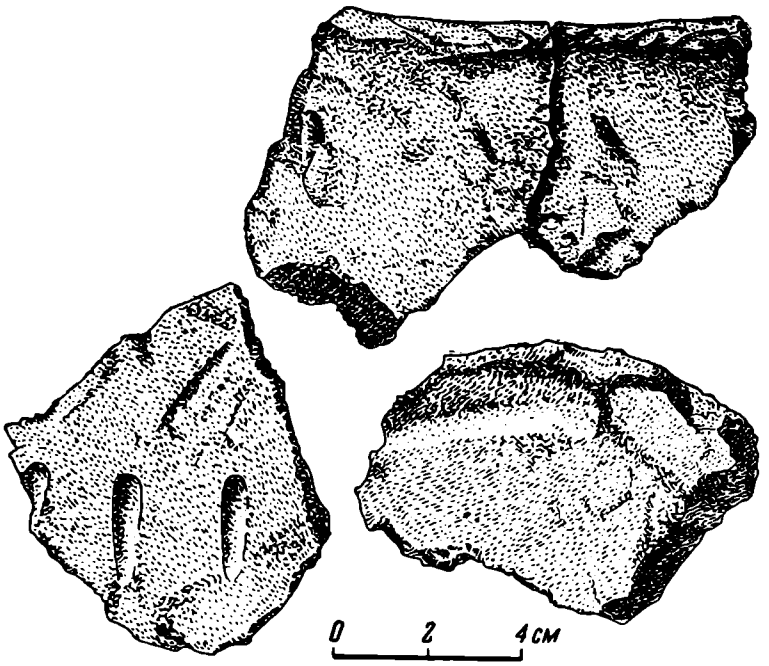


Рис. 11. Роменская керамика

широкая полоса заболоченного берега, стены, наверно, не было, так как нападение с этой стороны было маловероятным.

Видимо, вскоре после дозора А. Тургенев провел работы по ремонту крепости, так как из росписи 1644 г. [15] известно, что она была восстановлена в том же виде и к 1644 г. уже пришла в ветхость: «Город в подошве промеж башен от земли по пряслам вес ветх, подгнил» [16].

Этот «город» в основном повторял планировку крепости на Меловой горе. Как и там, в центре располагалась крепость, обнесенная дополнительной острожной стеной с часто размещенными башнями, которые обеспечивали насыщенность огня, что было необходимо для защиты города, выстроенного в маловыгодных природных условиях. Интенсивность огневых средств основной крепости была не ниже. Однако, в отличие от крепости на Меловой горе, новая крепость была целиком деревянная и не имела земляных укреплений, что объяснялось, видимо, тем, что грунт был здесь песчаным, малопригодным для насыпи валов без задернования, а дерна взять было негде.

Однако вскоре после постройки крепости ясно обнаружилась невыгодность ее расположения. В связи с этим в 1646 г. из Москвы в Белгород были посланы опять Н. И. Одоевский и Б. П. Шереметьев для определения нового места для крепости. К этому времени сооружение Белгородской черты в целом было уже закончено [17], и правительство дало

[14] ЦГАДА, Московский стол, стб. 109, л. 86.

[15] ЦГАДА, Дела разных городов, кн. 15, лл. 597—612.

[16] Там же, л. 605.

[17] В архивах могут быть обнаружены материалы, которые в сочетании с результатами исследования Белгородской черты в натуре дадут возможность составить о ней более или менее полное представление. Остатки этой линии обороны Московского го-

приказ о включении этой крепости в состав Белгородской черты: «...вместо де нынешнего белгородского города пристойно новому городу быть на Северском Донце промеж земляного валу, который зделан от Карпова сторожевья, через степь к Северскому Донцу. И служилых людей в том городе устроить мочно. А из города по земляному валу к Карпову будет виден на многие версты. А по реке по Северскому Дон-

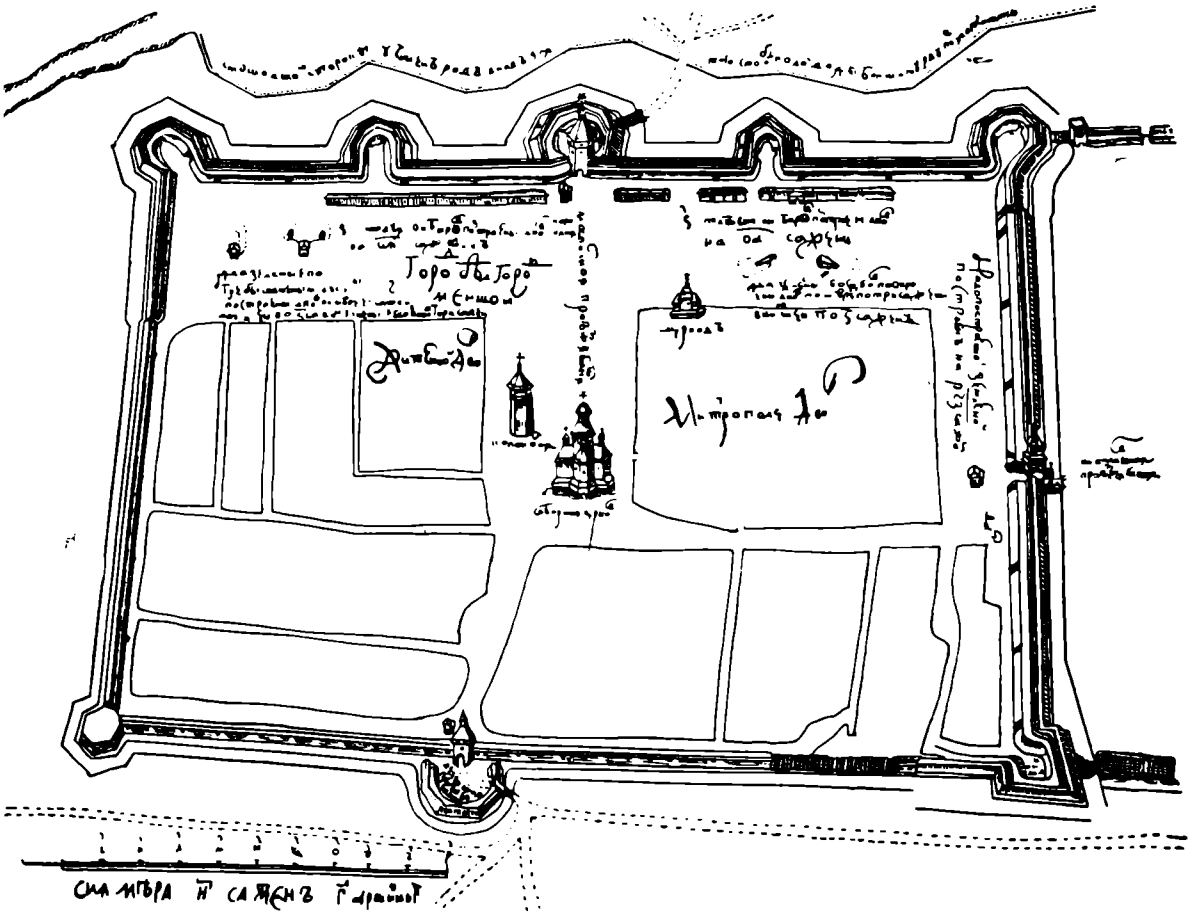


Рис. 12. План крепости на р. Везелке

цу виден будет вниз до речки до Разумной. И в приход воинских людей из города твоим государевым служилым людем для бережения к земляному валу вскоре поспешит и помочь учинит будет мочно. А нынешний же белгородский город устроен не в угожем месте под горою в низком и топком месте, в болоте от земляного валу далеко. И прежнее де строение город и острог згнило и в приход воинских людей для бережения к земляному валу из города городцким твоим государевым служилым людем вскоре поспешит будет и помочь учинит не уметь» [18].

Одоевский и Шереметьев, как видно из отписок, подробно ознакомились с топографией района, побывали и в новой крепости, и на Меловой горе, и на устье р. Везеницы, куда предполагалось перенести укрепле-

сударства в виде разнообразных укреплений и земляных валов еще совсем недавно существовали на поверхности земли. Так, в Воронежской губернии около Демшанска вал тянулся на протяжении 40 верст (см. В. Н. Майнов. Остатки засечно-сторожевой линии в Воронежской губернии. «Древняя и Новая Россия», 1875, № 5, стр. 58—77). В описании Саранского уезда Пензенской губернии указано, что от Симбирска до Уреня вал идет на протяжении 75 верст (ЖМВД, кн. 5, 1844, стр. 498—500). Возможно, что изучение Белгородской черты выяснит ее отличия от Засечной черты, связанные с иной политической ситуацией и иными географическими условиями защиты огромных открытых пространств.

[18] ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 317, л. 153.

ния. Они, однако признали план правительства неудачным, так как «из-за реки из-за Северского Донца с крымской стороны прилегли горы большие, по мере тех гор до того места через реку Донец триста сажен и с тех гор город будет виден» [19]. Вслед за ними такую же точку зрения высказали в 1646 г. Репнин, Головкин и Карпов, добавившие при этом, что «земляного ... города на месте делать не в чем, что дерна взять негде, пришли места лещаные» [20]. Проект постройки крепости у р. Везеницы был подвергнут сомнению.

В связи с этим было предложено перенести крепость снова на Меловую гору, «на старое городище, где преж сего бывал город». «И то место,— писали авторы этого проекта,— крепко и город и острог на том месте построить и крепости всякие укрепить мочно. А воды, государь, на том старом городище и в остроге нет. И мы холопи твои призывали горододельца мочно ему тайник сделат в город — ... (и он) нам холопем твоим сказал, что тайник в город сделать мочно. А тот тайник вести косогором... А где, государь, был старый тайник и тот, государь, тайник далече и крут, и вода имана из Донца, а в Донце, государь, вода нездорова с мелом» [21].

Все же трудности водоснабжения города были велики. К тому же крепость оставалась за пределами основной линии обороны. Вероятно, эти обстоятельства и заставили правительство настаивать на первоначальном плане — постройки крепости у устья р. Везеницы: в 1650 г. Репнину, Головкину и Карпову было приказано строить на этом месте новую крегость по чертежу, присланному из Москвы [22]. В этом же году постройка крепости была начата и в сентябре 1651 г. закончена.

До нас дошли две росписи ее укреплений — 1670 [23] и 1676 гг. [24]. В них не упоминается о перестройке укреплений за предшествующие 1651—1670 гг. Следовательно, они описывают крепость 1651 г.; планировка ее центральной части в первоначальном виде не изменилась до конца XVII в. (на плане 1693 г. нет лишь Болоховских ворот в западной стене) [25].

Новая крепость, как и ее предшественники, состояла из двух частей — основного деревянного города в центре и земляного вала вокруг.

Деревянный город был почти прямоугольным в плане. «Отводные земляные городки» (бастионы) защищали башни и стены, давая возможность вести фланговый огонь. Крепостные стены, стоявшие на земляном валу и усиленные тарасами, имели два яруса боя. Крепость опоясывал ров шириной от 2 до 4 сажен и глубиной 3 сажени. Значительная высота стен (в среднем 2 сажени без обламов) обусловила устройство круговой бермы шириной 1,5 сажени. Однако вместо так называемых отводных городков, по данным росписи 1676 г., стояли тарасы в 6 сажен высотою [26].

В городе были построены государев и житенный дворы, обнесенные острогом. В трех амбарах на житенном дворе хранились ружья и казна. Здесь же стояло два соляных амбара и 23 хлебные житницы [27].

С трех сторон деревянный город был окружен дополнительным земляным валом и острогом. Общая длина этих укреплений равнялась

---

[19] ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 317, л. 154.
[20] Там же, л. 155.
[21] Там же, л. 157.
[22] Там же, Приказный стол, стб. 2172, л. 5.
[23] Там же, Белгородский стол, кн. 124, лл. 78—96.
[24] Там же, кн. 97, лл. 54—65.
[25] Как крепость Белгород был упразднен в 1785 г.— спустя два года после завоевания Крыма.
[26] На плане 1693 г. бо́льшая часть укрепления изображена уже перестроенной: вместо тарас и стен с обламами были сделаны земляные укрепления. Подробности см В. И. Кошелев. Ук. соч.
[27] ЦГАДА, Белгородский столб. кн. 97, л. 53.

1887,5 сажени. С севера — с «Московской стороны» шел земляной вал длиною 854,5 сажени, на котором, как и на южном валу, стояла вдоль р. Везеницы острожная стена высотою 2 сажени. С востока крепость прикрывалась стенкой с деревянными тарасами. С запада земляной вал примыкал к деревянному городу. По углам и в центре каждой стены находились башни с тремя ярусами боя. С «московской стороны», наиболее слабо защищенной естественными препятствиями, было пять башен и один отводный городок, усиленный земляными тарасами и турами. С трех сторон земляной город окружался рвом шириной 3 сажени и глубиной 2—3 сажени. С восточной стороны рва не было, «потому что у того острогу в летнее время водяно, рву выкопать не мочно»[28].

Внутри земляного города было несколько колодцев с хорошей водой, так что необходимость устройства тайников отпадала[29]. В черте земляного города помещались двор воеводы, разрядная изба и шесть сараев, где хранился «государев большой полковой походный наряд». Кроме того, здесь было 353 двора служилых и «жилецких» людей.

Такой была новая Белгородская крепость 1651 года.

* * *

Первоначально Белгород был основан на высоком берегу Северского Донца как небольшой городок, вокруг которого вскоре были возведены две дополнительные сильные линии обороны. В таком виде белгородские укрепления просуществовали вплоть до 30-х годов XVII в., после чего город дважды переносился на новые места. Однако строители независимо от места расположения сохраняли одинаковую структуру укреплений (основная крепость и дополнительные пояса обороны), всегда искусно приспособляя ее к условиям местности. В этом сказался опыт оборонительного строительства Руси, получивший свое обобщение в «Уставе ратных, пушечных и других дел» О. Михайлова в 1621 г.: «Ко всему тому аж будет возможно добро б было, чтоб всякие стены были с одной стороны к крепи ко рвам или к горам, или к мишарне, или к топи и ко мхам, и к иным крепям тем же подобным к пособе и защите, и как бывает во время приточное при недрузях от такие крепи с другие стороны вскоре мочно другую половину учинити шанцею, или обозом»[30].

В крепости XVI—XVII вв. на Меловой горе строители использовали так называемый капонирный тип укреплений, тогда как в это время уже существовал более совершенный бастионный прием[31]. Он был применен лишь при перенесении Белгорода на новое место. По-видимому, это «отставание» системы белгородских укреплений объясняется примитивностью военных средств татар, против которых главным образом и была обращена крепость.

Построение нескольких линий обороны и значительная мощность внешнего пояса требовали от противника ведения длительной осады, а татары, как известно, исключительно редко прибегали к ней. Надежность этого внешнего пояса подтверждается тем, что внутренняя крепость не была плотно заселена, предназначаясь, видимо, главным образом для укрытия на случай прорыва. Основное же население сосредоточивалось между первой и второй линиями обороны, о чем говорит интенсивная застройка этой территории в крепости XVI—XVII вв.

---

[28] ЦГАДА, Белгородский стол, кн. 97, л. 62.

[29] Там же, л. 65.

[30] О. Михайлов. Устав ратных, пушечных и других дел. СПб., 1777, стр. 55—56.

[31] В 1582 г. по этому типу был сооружен Малый Земляной город Новгорода. См. А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, № 31, 1952, стр. 47.

Рядовые жилища были небольшими, главным образом глинобитными, с глинобитными же печами, топившимися по-черному. Глинобитные жилища Белгорода по своей технике близки к постройкам, существующим и ныне в городе. Новоселы из центральной полосы заимствовали технику домостроительства, обычную для правобережной Украины.

Скудость вещевых находок не позволяет делать выводов о быте населения, его занятиях и ремеслах. Несомненно, что условия пограничной крепости накладывали свой отпечаток на уровнь культуры. Так, белгородская посуда говорит о низком уровне развития гончарного дела; в центральной полосе в это же время была распространена высококачественная посуда, в Белгороде преобладала грубая, посредственно обработанная. Здесь не было хорошего сырья, да и хороших гончаров. Вероятно, лишь кузнечное дело, необходимое для починки и производства оружия, было обеспечено квалифицированными мастерами.

Крепость на Меловой горе просуществовала недолго: уже в 1634 г. она была перенесена к востоку, на низменное место [32]. Кроме соображений военного характера, к этому побудил, видимо, и рост населения Белгорода, необходимость хорошего водоснабжения и потребность в лучших пахотных землях при крепости. У крепости на Меловой горе почва была плохая и сильно заизвесткованная, новоселы же, как это легко проследить по указам московского правительства, искали «угодной землицы» далеко за пределами крепости.

Работы по изучению крепости на Меловой горе требуют широкого исследования по архивным материалам и в натуре вдоль всего гигантского пояса Белгородской черты — интереснейшего оборонительного сооружения Русского государства XVII в.

[32] ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 134, лл. 321—327.

Заметки

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

КЛАД АНДРОНОВСКИХ БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ с. БРИЧМУЛЛА БЛИЗ ТАШКЕНТА

Во время поездки в Среднюю Азию весной 1959 г. мне удалось познакомиться в Институте истории и археологии АН Узбекской ССР с интересным кладом бронзовых вещей, найденным около с. Бричмулла. Бастандыкского района, Ташкентской области, в 1954 или 1955 г.[1].

Обстоятельства находки клада остались невыясненными. Осталось также неизвестным, все ли вещи, входившие в клад, поступили в Институт истории и археологии.

В настоящем виде клад состоит из одного крупного орудия, четырех наконечников стрел, двух небольших бляшек и одной крупной бляхи. Все эти предметы, за исключением большой бляхи, отлиты из отличной золотистой бронзы. Большая бляха изготовлена путем отковки из такой же бронзы.

Приведем описание вещей из клада.

1. Крупное бронзовое орудие (рис. 1) представляет собой массивный ромбический в разрезе наконечник, похожий на наконечник копья. Орудие двулезвийное, широкое, длинное, с закругленным концом. С одного края втулка оттянута и образует длинный желобчатый выступ, с помощью которого орудие могло лучше закрепляться на древке; в основании втулки и на конце выступа имеются два круглых отверстия для гвоздей. Длина орудия — 31 *см*, ширина — 5,7 *см*.

2. Все четыре наконечника стрел (рис. 2, *1—4*) однотипные, крупные, лишь несколько различающиеся между собой размерами. Наконечники листовидной формы, двухлопастные, с круглой втулкой, не выступающей из лопастей. У трех наконечников по втулке продольно обозначена грань. Длина наконечников — 3,9—4,5 *см*.

3. Гладкая, слегка выпуклая бляшка, имеющая на обратной стороне узкую дужку для прикрепления к ремню (рис. 2, *5*). Отверстие в дужке при литье образовано посредством вставки прямоугольной формы, след которой отчетливо виден на внутренней стороне бляшки. Диаметр — 4,2 *см*.

4. Бляшка меньших размеров (рис. 2, *6*), очень выпуклая, почти полушарная, с массивной дужкой для ремня на обратной стороне. Отверстие в дужке круглое. Диаметр бляшки — 2,4 *см*.

5. Тонкая, сильно выпуклая бляха с гладкой поверхностью и неровными краями (рис. 2, *7*). Ни отверстий, ни дужки для прикрепления бляха не имеет. Диаметр ее — 9.4 *см*.

Культурная принадлежность и время клада из Бричмуллы отчетливее всего определяются по наконечникам стрел. Такого рода крупные листовидные втульчатые наконечники стрел ныне стали хорошо известны для андроновской культуры. Впервые они были выделены для нее по находке стрелы на Алексеевском поселении на р. Тоболе О. А. Кривцовой-

[1] Благодарю дирекцию Института истории и археологии АН УзССР, любезно разрешившую мне опубликовать эту находку.

Граковой[2]. Интересная серия стрел происходит с поселения андроновской культуры около дер. Мало-Красноярка на Иртыше. Среди последних, наряду с такими, которые ничем не отличаются от стрел из Бричмуллы[3], имеются и с длинной втулкой[4]. С более полным перечнем таких андроновских наконечников стрел, происходящих главным образом из Казахстана, знакомит нас С. С. Черников[5]. В 1940 г. во время строительства Ташкентского канала около с. Ангар были найдены два больших двухлопастных наконечника стрел [6]. Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, описывая подобный бронзовый наконечник стрелы из могильника бронзового века в Фергане близ с. Вуадиль, специально отметили его сходство с наконечниками стрел из Бричмуллинского клада[7]. Широкие листовидные втульчатые бронзовые наконечники стрел крупных размеров, очевидно, очень типичны для андроновской культуры. Они имеют вполне устойчивую форму, так что их нельзя смешивать ни с предскифскими, ни тем более с раннескифскими стрелами, которые отличаются меньшими размерами, иными пропорциями частей, причем раннескифские обычно бывают снабжены шипом.

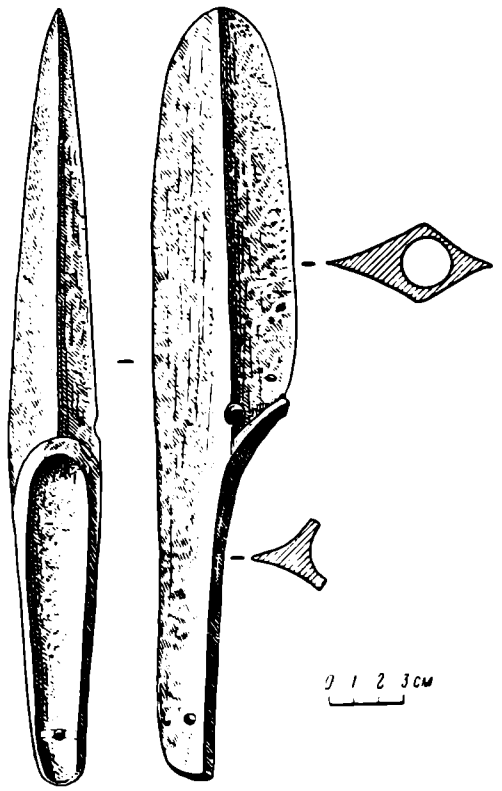


Рис. 1. Бронзовое орудие

Кроме описанного орудия в виде алебарды, в настоящее время известны еще три подобных же находки. Об одной из них, происходящей из с. Колонтаева Харьковской губернии, сообщает А. М. Тальгрен[8]. Другая входит в состав клада бронз, найденного на берегу Тюпского залива оз. Иссык-Куль, недавно тщательно изученного Е. Е. Кузьминой[9]. Этот же автор сообщает и о третьем известном ему орудии такого рода, хранящемся в музее г. Уральска. У всех этих орудий, как отмечает Е. Е. Кузьмина, втулка сквозная, а не закрытая, как у алебадры из Бричмуллы.

Изучение иссык-кульского клада привело Е. Е. Кузьмину, по-видимому, к правильному выводу, что он должен быть отнесен к концу бронзового века, ко времени около рубежа II — I тысячелетий до н. э.[10].

---

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 108, 162, рис. 33, *1*.

[3] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. XXXVI, *4*, *6*, стр. 79.

[4] Там же, табл. XXXVI, *2*, *11*, *12*.

[5] Там же, стр. 162.

[6] По неопубликованным материалам автора, собранным во время строительства канала.

[7] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1961, № 1, стр. 131—133, рис. 4.

[8] A. M. Tallgren. La Pontide préscythique apres l'introduction des métaux, ESA II, Helsinki, 1926, стр. 151, рис. 85.

[9] Е. Е. Кузьмина. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы, Известия Академии наук Киргизской ССР, т. III, вып. 3, Фрунзе, 1961, стр. 106—107, рис. 3.

[10] Там же, стр. 110.

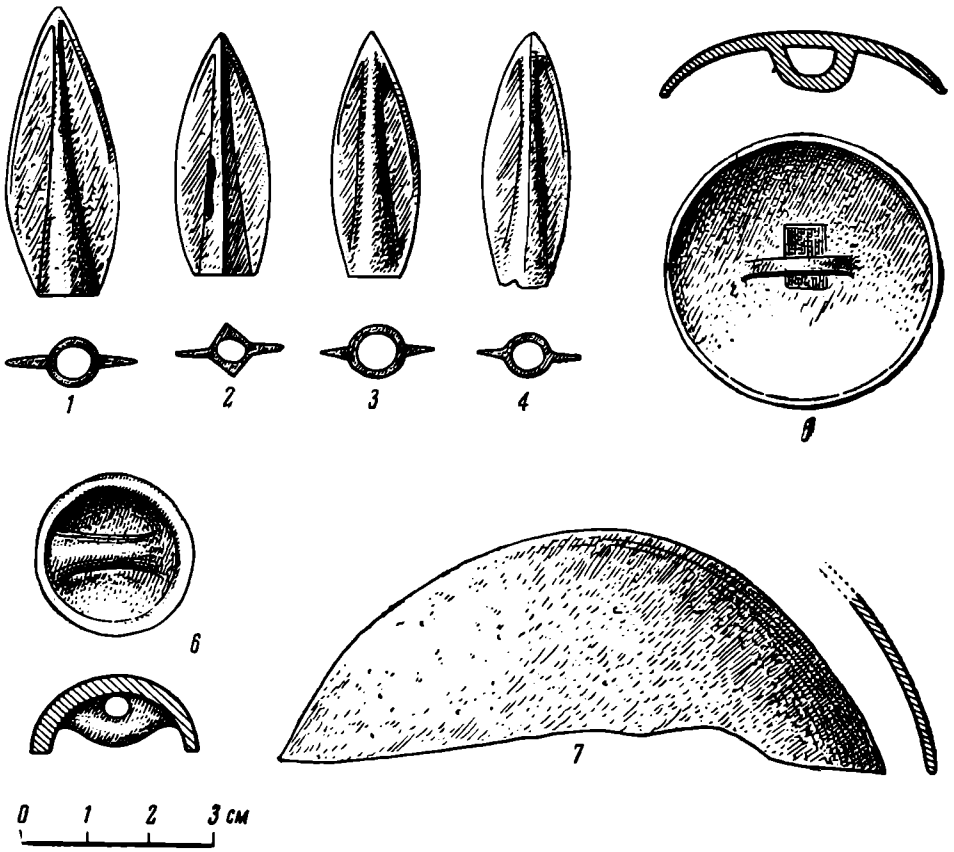


Рис. 2.

1—4 — бронзовые наконечники стрел; *5—7* — бронзовые бляхи

Клад из Бричмуллы обогащает представление о составе бронз ташкентско-ферганского варианта андроновской культуры. Среди них замечательны алебардообразное орудие, хороший набор наконечников стрел.

Большое значение имеют и различные бляхи, составляющие часть набора от конской узды андроновской культуры, первый опыт изучения которой дается в интересной статье К. Ф. Смирнова, посвященной описанию снаряжения верхового коня у племен бронзового века в степях Поволжья и Южного Приуралья [11].

[11] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 46 и сл.

Е. К. МАКСИМОВ

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ХВАЛЫНСКОГО МУЗЕЯ

Археологические коллекции Хвалынского краеведческого музея невелики, но разнообразны и интересны. Наиболее ранними предметами являются кремневые изделия, мотыги, проколки, гарпун из кости или рога с «коричневым загаром», типичным для вещей из позднечетвертичных отложений, относящихся к концу мезолита или ранней поре неолита [1]. Эпоха бронзы представлена фрагментами керамики с местных срубно-хвалынских поселений и различными случайными находками металлических изделий.

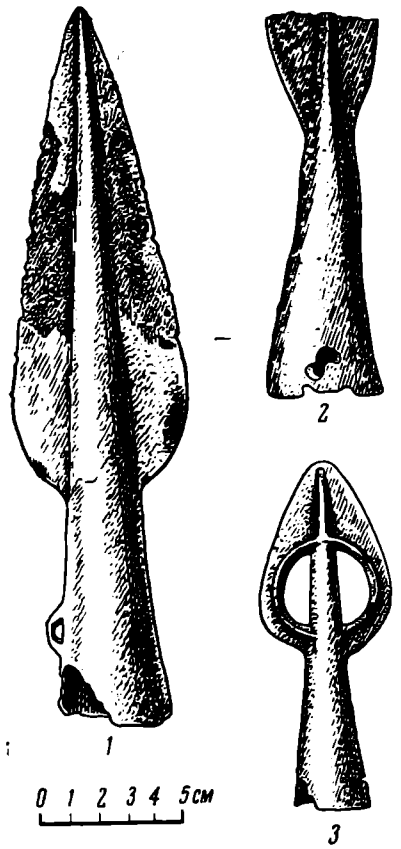


Рис. 1. Бронзовые наконечники копий

1 — с. Благодатное; *2* — с. Апалиха; *3* — с. Подлесное

Среди металлических изделий особенно интересны находки наконечников копий, кельта и топора, а также материалы из сборов на поселении у с. Ершовка на берегу Волги.

1. Бронзовый и листовидный наконечник копья (рис. 1, *1*) найден случайно в 1936 г. в окрестностях с. Благодатное Хвалынского района (ин. № 3250). Лезвия пера прямые и под острым углом сходятся у острия. Стержень, круглый в сечении, имеет полую втулку. Сбоку втулка снабжена небольшим ушком, отлитым вместе с наконечником.

Находка подобного копья в Саратовском Повольже не единична. В курганах №№ 7 и 8 около г. Энгельса (б. Покровск) П. С. Рыковым в 1924 г. были обнаружены аналогичные наконечники копий; однако копье из кургана № 7 несколько отлично: оно имеет ребро вдоль стержня и утолщенный ободок по краю основания [2]. Весьма сходен с благодатнинским наконечник копья из погребения с сожжением в Карамышском кургане. На втулке карамышского копья отлит орнамент в виде ряда треугольников, обращенных вершинами к острию наконечника [3].

Бронзовый наконечник копья со втулкой найден на Арменских горах, близ с. Апалаха Вольского района. На втулке имеется небольшое отверстие для крепления наконечника к древку. Общая длина предмета [4] — 16 *см*. Другой наконечник копья, плохого литья, длиной 19 *см*, с шириною пера — 3,4 *см*, подобран случайно в 5 *км* от с. Горюши Хвалынского района, близ Золотой балки [5].

---

[1] П. С. Рыков. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936, рис. на стр. 5; О. Н. Бадер. О древних остатках человека с острова Хорошенского под Хвалынском. Уч. зап. МГУ, вып. 158, 1952, стр. 193 сл.

[2] P. Rykov. Berichte über die Ausgrabungen in den J. 1924 und 1925. ESA, т. I 1927, стр. 75, рис. 19, *1*, стр. 77, рис. 20, *1*; M. Gimbutas. Borodino, Seima and Their Contemporaries. Key Sites for the Bronze Age Chronology of Eastern Europe. The Proceedings of the Prehistoric Society for 1956, new series, т. XXII, London, 1957, стр. 166, рис. 21.

[3] Е. К. Максимов. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области. Тр. Саратовского обл. музея краеведения, вып. 1, 1956, стр. 116, рис. 66.

[4] Архив ЛОИА, 1922, д. 87, л. 48.

[5] Там же.

Подобного типа копья хорошо известны и в других районах Восточной Европы и даже в Сибири [6]. Все они в основном датируются временем Бессарабского клада [7].

Кроме целого наконечника, в Хвалынском музее экспонируется обломок наконечника копья — втулка с нижней частью пера, найденная в 1927 г. в окрестностях с. Апалиха Вольского района (рис. 1, *2*). Судя по сохранившейся части пера, оно было гораздо уже, чем у указанных выше. Сам наконечник отлит довольно грубо, со многими изъянами и с затеками на месте соединения литейной формы.

Следы литейного шва, впоследствии сглаженного, заметны и на наконечнике из с. Благодатного. Все это говорит об отливке подобных наконечников в двухсторонней литейной форме и о последующей правке отковкой и заточкой. Находки обломка наконечника у с. Апалиха, испорченного плохим литьем копья — у с. Горюши, обломка литейной формы для отливки лавролистных наконечников копий с ушками на втулке и литейных шлаков — в окрестностях с. Старая Яблоновка Хвалынского района [8], а также Сосново-Мазинского клада, в состав которого, помимо неотделанных и не бывших в употреблении вещей, входили металлический лом, слитки меди [9], свидетельствуют о наличии местного очага медно-бронзового производства.

Наконечник копья несколько иного типа происходит из случайной находки в 1914 г. в окрестностях с. Подлесного Хвалынского района (рис. 1, *3*). Листовидной формы перо имеет полуовальные прорези, внешний край которых окружен низким полуовальным бортиком. Круглый в сечении стержень переходит во втулку с отверстием на одной стороне для прикрепления к древку. В Нижнем Поволжье нам известны еще две находки прорезных втульчатых наконечников копий лавролистной формы: близ г. Вольска и близ с. Рудни, б. Камышинского уезда [10]. Оба наконечника напоминают копье из находки у с. Пустобаево Кировской области [11]. Весьма вероятно, что эти наконечники являются привозными изделиями. Основная масса прорезных копий известна из Волго-Камского района, хотя единичные находки встречаются и в других местах.

2. Бронзовый кельт (рис. 2, *1*) обнаружен в 1915 г. на Белой дороге по Зеленому гребню, в районе с. Старая Яблоновка, близ Хвалынска (инв. № 3251). Он асимметричен (с одной стороны имеет небольшую грань) и снабжен ушком на выпуклой стороне.

Асимметричные кельты с двумя ушками — боковым и лобным — известны в Сосново-Мазинском кладе, найденном на территории Хвалынского района и хранящемся в ГИМ. Два кельта отлиты в одной литейной форме, хорошо обработаны и имеют орнамент в виде «елочки». Третий кельт отлит с браком. Орнамент выполнен в виде трех вписанных друг в друга зубцов [12]. Четвертый бронзовый кельт (рис. 2, *4*), найденный около с. Сосновая Маза, находится в Саратовском музее краеведения. Он

---

[6] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960, стр. 107, табл. VI.

[7] О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. Тр. ГИМ, Памятники культуры, вып. I, 1949, стр. 20, 21, 28; M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 169.

[8] П. Рыков. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском у., Саратовской губ. в 1922 г. Тр. ОИАЭ при Саратовском университете, вып. 34, ч. 1, Саратов, 1923, стр. 15—16; Саратовский музей, инв. № 564.

[9] А. А. Спицын. Некоторые находки медного века. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 65—67; В. В. Гольмстен. «Серпы» из Сосновой Мазы. ПИМК, 1933, № 5—6, стр. 32.

[10] Архив ЛОИА, ф. 5, д. 184, л. 5; Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2 (новая серия), 1896, ч. IV, стр. 141.

[11] I. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, т. I, Helsingfors, 1877, стр. 61, рис. 250.

[12] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 60; А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 66

Рис. 2. Бронзовые кельты

1 — с. Старая Яблоновка; *2* — между сс. Стригай и Старая Жуковка; *3* — с. Красный Яр на р. Медведице; *4* — с. Сосновая Маза; *5* — неизвестного происхождения

такого же типа, что и происходящие из клада: одна сторона плоская, другая — трехгранная, причем грани сходятся к уголкам лезвия. Сбоку и на лобной стороне имеет по ушку. Плоская сторона орудия орнаментирована короткими спускающимися вниз от ободка рельефными линиями с шариком на конце.

Помимо сосново-мазинского, в Саратовском музее хранятся еще три кельта. Двуухий кельт, с хорошо изготовленным лезвием, слегка расширяющимся книзу, выпахан случайно в поле между сс. Стригайем и Старой Жуковкой Базарно-Карабулакского района, Саратовской области (рис. 2, *2*). Такого типа кельты хорошо известны в Приднепровье и получили название «киммерийских». В бассейне р. Медведицы, около с. Красный Яр Волгоградской области, найден одноушный кельт с прямыми гранями (рис. 2, *3*). Место находки последнего предмета (рис. 2, *5*) неизвестно. Он несколько отличается от описанных сильно расширяющимся лезвием. В верхней части у втулки он снабжен боковым и лобным ушками.

3. Бронзовые топоры в Хвалынском музее (инв. №№ 3252 и 3253) представлены находками кавказского типа. В 1912 г. крестьянин Мудров при рытье ямы у болота «Озеро», в 3 *км* восточнее с. Селитьбы, обнаружил бронзовый топор с прямым обухом, круглым проухом и округлым,

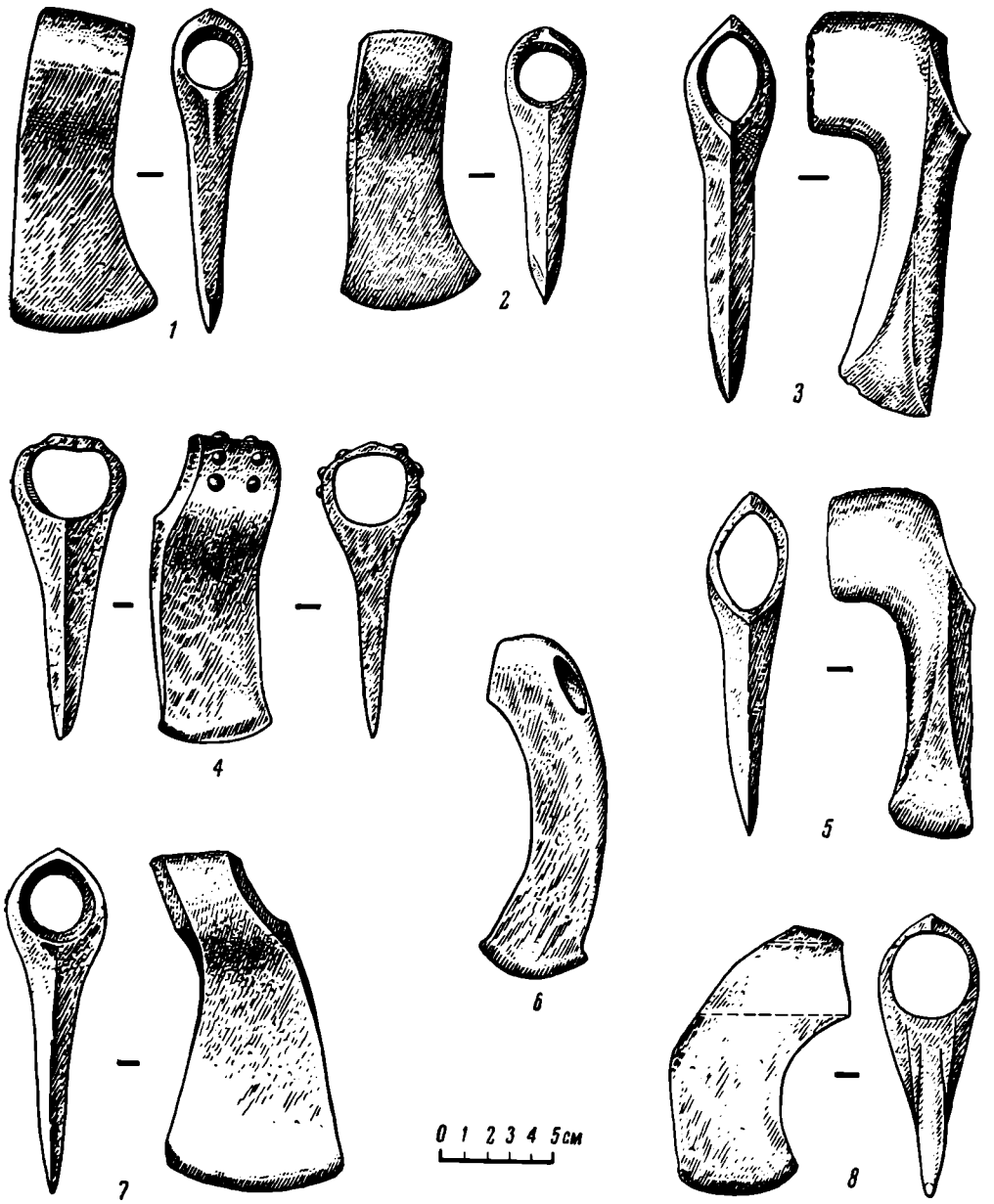


Рис. 3. Бронзовые топоры

1 — с. Селитьба; *2* — с. Болтуновка; *3* —с.Дурасовка; *4* — с. Труевская Маза; *5* — с. Старая Яблоновка; *6* — с. Подстепное; *7* — Увек; *8* — с. Широкий Буерак, овражек «Вязовый дол»

слегка расширяющимся лезвием (рис. 3, *1*). Аналогичный топор (рис. 3, *2*) случайно найден у с. Болтуновки Хвалынского района. Топоры такого же типа хорошо известны на Северном Кавказе. Особенно близки им находки у ст. Апшеронской и у с. Локшукай [13].

Наиболее близкое сходство с кавказскими типами обнаруживает топор из находок на берегу р. Терешки у с. Труевская Маза Вольского района, хранящийся в Саратовском музее (рис. 3, *4*). Он имеет прямой обух и прямой клинок. С верхней стороны вдоль топора проходит ребро. На обухе расположены с каждой стороны шесть шишечек, по три в ряд. По форме этот топор близок топору из погребения, раскопанного в 1927 г. у с. Котлубанка, Оренбургской области [14], но по наличию шишечек на

[13] Краснодарский музей, инв. № 3662.

[14] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху бронзы, рис. 14, *1*; В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. Тр. СА РАНИОН, т. IV, 1928, рис. 35.

обухе он особенно сближается с новосвободненским топором [15]. Все эти находки свидетельствуют о связях нижневолжского населения с племенами Кавказа и о влиянии кавказского очага металлургии на металлургию Нижнего Поволжья. Раскопанные В. П. Шиловым погребения литейщиков у с. Калиновки Волгоградской области, с двустворчатыми литейными формами для отливки подобного типа топоров [16] указывают на местное производство топоров так называемого «кавказского типа».

В Саратовском музее краеведения [17] хранятся два топора южноуральского типа. Большой топор (рис 3, *3*) найден весною 1909 г. при рытье канавы на левой стороне р. Медведицы, в 4 *км* к северо-западу от с. Дурасовка Лысогорского района, Саратовской области. Обух топора прямой и плавно переходит в узкий, тоже прямой клинок. По клинку проходят слабоочерченные грани. Проушное отверстие — эллипсоидной формы. Край выходного отверстия вогнут. Такой же топор, но меньшего размера, происходит из Липового оврага около с. Старая Яблоновка Хвалынского района (рис. 3, *5*). Этот топор отлит плохо, поверхность его бугристая, лезвие смято. Подобные топоры известны из Казанской области (б. Чистопольский уезд) [18], из окрестностей г. Елабуги [19] и из других мест. Время их существования не выходит за рамки второй половины II тысячелетия до н. э.

Вислообушный топор с округлым и слегка расширяющимся к обуху клинком (рис. 3, *6*) [20] найден крестьянами при рытье кургана около с. Подстепное Терновского района, Саратовской области. Вместе с топором из кургана были извлечены бронзовые серп и клещи. Близкие аналогии этому топору широко известны в Среднем Зауралье, Прикамье и Казанском Поволжье [21]. Появление камских вислообушных топоров обычно относят ко второй четверти II тысячелетия до н. э. В начале I тысячелетия до н. э. этот тип орудия исчезает.

Кроме указанных, в Саратовском музее хранятся еще два топора: один (инв. № 560), с прямым обухом и широким лезвием (рис. 3, *7*), с Увека, найденный в дореволюционные годы С. Щегловым; другой (инв. № 561) — с округлым переходящим в клинок обухом, из случайной находки в овражке «Вязовый дол», севернее с. Широкий Буерак Вольского района (рис. 3, *8*). Известно также о находке бронзового топора (длина — 15,5 *см*, ширина — 5,5 *см*, диаметр отверстия — 3,3—4 *см*) в размыве овражка недалеко от с. Поповки б. Хвалынского уезда. Тип топора установить не удалось.

Помимо указанных случайных находок медно-бронзовых предметов из Хвалынского музея, представляет интерес хранящаяся там же коллекция с Ершовской стоянки эпохи бронзы. Стоянка расположена на правом берегу Волги, примерно в 0,5 *км* к северу от с. Ершовка, в 7,5 *км* вверх по Волге от Хвалынска. Здесь в разные годы были собраны черепки глиняной посуды и отдельные предметы.

Керамика представлена значительным числом обломков как гладких, так и орнаментированных (рис. 4, *2—6, 8, 9*). Сосуды изготовлены из серо-черной глины, без гончарного круга. Поверхность сосудов серая или серо-коричневая, грубо сглаженная с наружной стороны. Форма сосу-

---

[15] ОАК за 1898 г., 1901, стр. 33—38; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960, стр. 35, рис. 6, *1*.

[16] В. П. Шилов. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. МИА, № 60, 1959, рис. 5.

[17] Саратовский музей, инв. №№ 563 и 565.

[18] ГИМ, инв. № 34707.

[19] А. А. Штукенберг. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. ИОАИЭКУ, т. XVII, вып. 4, Казань, 1901, табл. III, *2*; IV, *10*.

[20] Саратовский музей, инв. № 562. В работах О. А. Кривцовой-Граковой и Б. Г. Тихонова искажено название места находки — Подетенное.

[21] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., стр. 59—62.

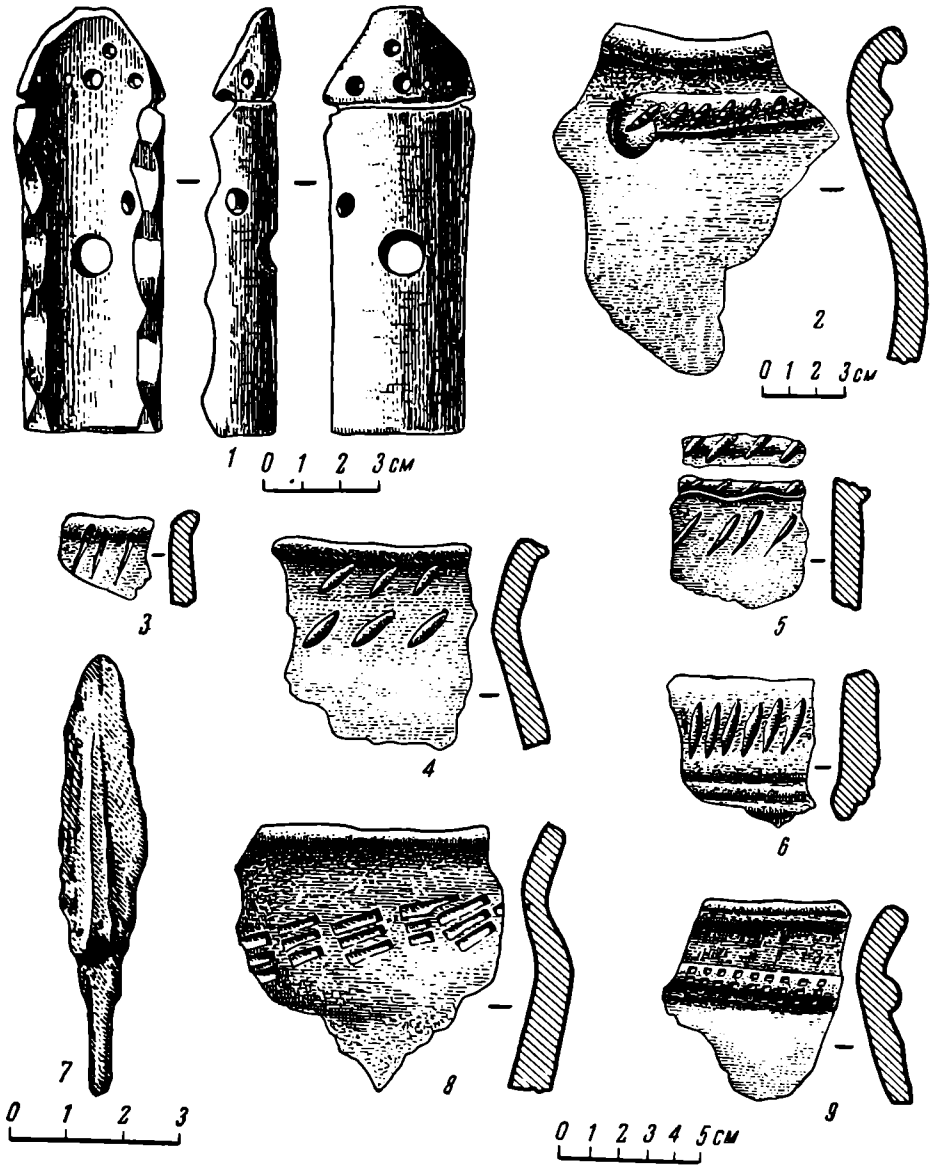


Рис. 4. Находки с Ершовского поселения

1 — костяной псалий; *2—6, 8, 9* — фрагменты керамики; *7* — бронзовый наконечник дротика

дов преимущественно баночная, с прямо срезанными венчиками. Редкие экземпляры имеют слабо выраженную шейку или слегка отогнутый наружу венчик. Дно сосудов толстое, массивное. Размеры сосудов разные. Поверхность большинства горшков орнаментирована косыми насечками, выполненными палочкой, линиями крупного чекана, зернообразными углублениями и т. д. У единичных сосудов по обрезу венчика встречается косая насечка.

Среди рядовой срубно-хвалынской керамики выделяют сосуды, украшенные по плечикам налепным валиком (рис. 4, *2, 9*). Валиковая керамика позднесрубной культуры широко распространена в Нижнем Поволжье. Она известна на Ивановском селище под Хвалынском [22], в срубном слое Танавского городища под Саратовом [23], на Кайбельском поселении в Среднем Поволжье [24], в кургане № 15 у с. Быково Волгоградской

[22] В. Ф. Орехов. Две раскопки на церковной земле села Ивановки, Хвалынского уезда, Саратовской губернии. Тр. СУАК, вып. 33, Саратов, 1916, стр. 46.

[23] Раскопки И. В. Синицына в 1960 г.

[24] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61. 1958, стр. 145, рис. 24.

области [25] и в других местах. Все эти памятники датируются концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Костяной псалий (рис. 4, *1*) с Ершовского поселения найден в 1927 г. Он изготовлен из трубчатой кости, расколотой пополам, и имеет форму удлиненного прямоугольника с прямым нижним краем и треугольным верхним. На верхнем конце имеются четыре отверстия у основания треугольника и одно — в центре него. В центре псалия просверлено большое отверстие, и несколько выше, у левого края,— другое, несколько меньшего размера. Снаружи псалий отполирован. С внутренней стороны по бокам сделаны по четыре зубца.

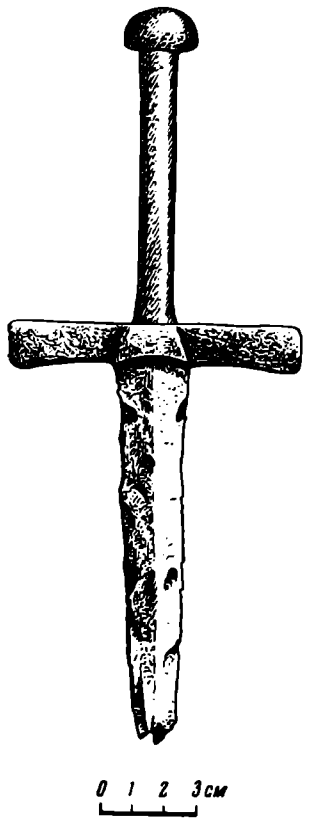


Рис. 5. Кинжал из с. Демкино

Ершовский псалий очень похож на псалий из Комаровского кургана, раскопанного А. Е. Алиховой в Куйбышевской области [26]. Отличие состоит лишь в отсутствии орнамента на ершовском псалии. Столь же близок псалий с поселения срубной культуры «Моечное озеро» близ Комаровки [27]. Известны псалии и в других местах. К. Ф. Смирнов в одной из своих работ [28] собрал и издал все находки подобных предметов и распределил их по типам. Псалии первого типа, в том числе и ершовский, он склонен датировать XV—XII вв. до н. э.[29]. Это вполне согласуется с найденной на Ершовской стоянке валиковой керамикой, которая появляется на срубно-хвалынских поселениях в последние века II тысячелетия до н. э.

Кроме описанного материала, на Ершовской стоянке найдены обломок песта-терочника из диорита и бронзовый наконечник дротика (рис. 4, 7) с узким пером, вдоль которого проходит ребро.

Из предметов раннего железного века, имеющихся главным образом в экспозиции Хвалынского музея, обращают на себя внимание: половина бронзовых удил, найденная близ с. Мордовские Карагужи, и удила с поломанными внешними стремявидными кольцами из с. Старая Лебежайка Хвалынского района. Несколько своеобразен кинжал из с. Демкино Вольского района (рис. 5). Он имеет бронзовую рукоять, изготовленную из круглого в сечении прута, с грибовидным навершием. Перекрестие бронзовое, прямое, разделенное на три поля, из которых центральное — трапециевидное. Клинок кинжала железный, конец обломан. По определению В. А. Городцова, кинжал относится к рубежу нашей эры. Однако находки аналогичных предметов в Среднем Преднепровье [30] и в Румынии [31] позволяют датировать демкинский кинжал VIII—VII вв. до н. э.

---

[25] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 211, рис. 15, *14*.

[26] А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 97, рис. 38.

[27] А. Е. Алихова. Комаровское поселение у Моечного озера. МИА, № 61, 1958, стр. 164, рис. 6.

[28] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 46 сл.

[29] Там же, стр. 57.

[30] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, рис. 4, *1, 3*.

[31] M. Roska. Der Bestand der Skythischen Altertümer Siebenbürgens. ESA, т. XI, 1937, рис. 6.

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

ПО ПОВОДУ ПОРТРЕТНЫХ СКУЛЬПТУР СКИФСКИХ ЦАРЕЙ СКИЛУРА И ПАЛАКА

В 1827 г. И. П. Бларамбергом на городище Керменчик, которое он отождествил со скифским Неаполем, было найдено несколько скульптурных и эпиграфических фрагментов; среди них имелся обломок стелы с парным рельефным изображением двух варваров, обращенных вправо. И. П. Бларамберг поспешил определить изображение как портреты скифских царей II в. до н. э. Скилура и Палака.

Версия И. П. Бларамберга почти никем из ученых впоследствии не была поддержана, однако в экспозициях ряда музеев гипсовые копии этого рельефа сопровождаются этикеткой, представляющей зрителю изображения рельефа как портреты названных скифских царей. Лишь сравнительно недавно П. Н. Шульц в пространной статье, повторяющей утверждения Бларамберга, равно как и его доводы, выступил на защиту этого более чем рискованного отождествления [1].

Наиболее веским из его соображений (высказанным, впрочем, уже И. П. Бларамбергом) является сопоставление профиля царя Скилура, известного по монете этого царя, чеканенной в Ольвии [2], с профилем старшего из варваров, представленных на рельефе из Неаполя, между которыми П. Н. Шульц, подобно И. П. Бларамбергу, улавливает портретное сходство. Кроме того, для подтверждения своих предположений П. Н. Шульц, например, устанавливает, что имена Скилура и Палака в источниках-де всегда упоминаются вместе [3]. Это убеждает П. Н. Шульца в естественности парного изображения отца и сына также и в скульптуре.

Даже оставляя в стороне то обстоятельство, что монетное изображение профиля Скилура дает слишком мало оснований для установления сходства его с профилем бородатого варвара на рельефе (поводом для подобного утверждения служит наличие клинообразной бороды на монете и окладистой — на рельефе и головного убора — шлема — неопределенного на монете и со своеобразным закругленным теменным утолщением на рельефе), равно как и то, что совместное упоминание Скилура и Палака Страбоном еще не доказывает того, что изобразительная традиция должна их знать непременно вместе — оставляя это все в стороне, необходимо указать, что фигуры на рельефе из Неаполя не могут быть портретными изображениями скифских царей по другим, и при этом совершенно определенным, причинам.

Рельеф, как об этом достаточно отчетливо позволяют судить воспроизведения сделанного с него гипсового слепка (рис. 1; оригинал давно утрачен) и исполненного еще самим И. П. Бларамбергом рисунка [4], весьма близко повторяет изображения даков на рельефах колонны Траяна в Риме (рис. 2) [5]. Приходится отметить не только чрезвычайно большое стилистическое сходство между рельефами колонны Траяна и рельефом из Неаполя, но и в особенности некоторые общие этнографические детали, убеждающие в том, что на рельефе из Неаполя изображены именно даки: это прежде всего их характерные, круглые с утолщениями на теменной части, волосяные шлемы (pilei) и не менее характерные короткие, наподобие римских, плащи, застегнутые фибулой на правом плече и вы-

[1] П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 44 сл.

[2] П. О. Бурачков. Общий каталог монет, т. I, Одесса, 1884, табл. XVIII, *1*.

[3] Такое упоминание в действительности содержится у Страбона (VII, 4, 3), где речь идет о сыновьях Скилура с Палаком во главе.

[4] П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 46, 47, рис. 21, 22.

[5] C. Cichorius. Die Reliefs der Trajanssäule, т. I, 1896, табл. XXXI, *75*; XLIII, *114*, LXIV, *159*; LXVI, *168*; LXVI, *170*; LXXV, *193—194, 197*.

Рис. 1. Копия рельефа из Неаполя скифского

Рис. 2. Деталь изображения даков на колонне Траяна в Риме

соко подпоясанные в талии. Указанные детали характеризуют даков на всех перечисленных выше рельефах колонны Траяна и на многих других, в отличие от изображений сармат, представленных на той же колонне [6] соответственно описанным Тацитом сарматским катафрактариям [7] в чешуйчатых панцирях и в конической формы (явно металлических) шлемах.

Сходство рельефа из Неаполя с изображением на Траяновой колонне становится особенно разительным, если мы сопоставим рельеф с каким-либо парным изображением даков (например, даки, умоляющие о пощаде) [8].

Трудно сказать что-либо определенное о происхождении и назначении рельефа из Неаполя, в особенности из-за его весьма фрагментарного состояния. Несомненно лишь то, что стилистическое и иконографическое сходство с изображениями на колонне Траяна заставляет отнести его не ко II в. до н. э., как это делает П. Н. Шульц, а, по крайней мере, на три столетия позже, т. е. ко II в. н. э. То обстоятельство, что этот рельеф найден был вместе с вотивной стелой, имеющей на себе изображение так называемого «фракийского всадника» и публикуемой П. Н. Шульцем в той же статье [9] в качестве конного портрета Палака, делает вероятным происхождение стелы с изображением даков откуда-либо из придунайских мест, куда она, в свою очередь, была, быть может, привезена с Запада. Стилистическая близость неапольского рельефа с соответствующими изображениями эпохи Траяна и Марка Аврелия [10] заставляет подозревать официальное происхождение нашего рельефа и предположить, что речь идет об обломке какого-то мемориального или вотивного памятника, воздвигнутого римскими войсками где-либо в области дунайского limes'a. Парные изображения варваров, в том числе даков, исполненные, правда, в совершенно другом стиле, чем неапольский рельеф и чем изображения на колонне Траяна, могут быть отмечены и на других памятниках времени того же императора, например на монументе из Адамклисси в Румынии [11].

[6] Там же, табл. LXXXII, *167*.
[7] Tacit., Hist., I, 79.
[8] C. Cichorius. Ук. соч., табл. XXXI, *75*; ср. также профиль старшего варвара на рельефе из Неаполя с головой Децебала в профиль на колонне Траяна, изданной отдельно у E. Strong. Art in Ancient Rome. т. II, 1928, стр. 75, рис. 354.
[9] П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 44, рис. 19.
[10] Ср. изображения воинов даков на колонне Марка Аврелия в Риме. M. Wegner. Marcussäule, JDAI, т. 46, 1931, стр. 149, рис. 42.
[11] G. Tocilescu. Das Monument von Adamklissi. Bucureşci, 1895, стр. 67, рис. 95.

П. П. ХОРОШИХ

ОЛЕННЫЙ КАМЕНЬ ИЗ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Летом 1928 г. во время поездки в Забайкалье автором данной заметки был осмотрен «оленный камень» на западном берегу Гусиного озера, в 27 *км* от старинного города Селенгинска [1].

Этот археологический памятник в то время находился на площадке у Гусиноозерского дацана и служил коновязью для «священной» лошади (Диу), участвовавшей на ламайском религиозном празднике «Цам-хурал».

Оленный камень (рис. 1) представляет собой монументальную, вертикально стоящую гранитную плиту, высотой около 2 *м*, шириной 0,72 *м* и толщиной 0,20 *м*. Верхняя часть плиты несколько заострена. На широ-

[1] Краткие сведения об этом памятнике впервые сообщил в 1889 г. Г. Н. Потанин (см. ИВСОРГО, т. XX, № 3, 1889, стр. 77).

ких сторонах плиты высечены большие своеобразно стилизованные изображения оленей с большими ветвистыми загнутыми рогами. Головы оленей переданы неестественно, они напоминают головы птиц с длинными клювами. На одной стороне плиты высечены три фигуры оленей, на другой — четыре. Высекание фигур сплошное. Глубина высекания — более 0,5 *см*. Фигуры оленей расположены одна над другой, за исключением нижних, небольших фигур оленей, которые на обеих сторонах плиты обращены головами вниз. В верхней части плиты с обеих сторон четко высечены большие круги, которые, по-видимому, являются изображениями солнечных дисков. На боковых сторонах плиты имеются небольшие, слабо заметные изображения оленей.

Рис. 1. Оленный камень

Использование ламами оленных камней в качестве коновязей — не случайное явление. Культ оленя в ламаизме нашел большое отражение. Так, ламы во время пантомимических танцев на религиозном празднике «Цам-хурал» надевают особые «оленьи маски», фигуры коленопреклоненных оленей обычно изображаются на воротах и над входами ламайских дацанов, изображения оленей встречаются также на многих предметах ламайского культа.

Используя оленный камень в качестве коновязи, ламаиты, очевидно, рассчитывали иметь не простую коновязь, а специальный «оберег» для «священных» лошадей.

Описанный нами оленный камень по стилю изображения и технике высекания рисунков имеет полную аналогию с оленными камнями, известными в Забайкалье в долинах рек Селенги, Уды, Онона и Иволги [2]. Следует отметить различие в стиле оленных камней, известных в Забайкалье и Монголии. Одни из них изображают настоящих оленей, другие же представляют сильно стилизованные их подобия.

Возможно, что более реалистические изображения оленей являются и более древними и принадлежат той народности, которая когда-то практически была знакома с оленеводством. Позднее, когда оленеводство ушло в область преданий, изменились стиль и техника изображения оленей. Фигуры оленей стали изображаться сугубо стилизованно, исчезли, в частности, типичные морды этих животных. В полной мере сохранился только основной атрибут оленей — рога. Оленья символика вообще является одной из древнейших в области скотоводства, она встречается не только на оленных камнях, но и на писаницах Сибири [3], на бронзовых дисках, на орудиях труда и на других предметах.

Солнечные диски, высеченные на оленных камнях, по-видимому, свидетельствуют о культе солнца.

Оленные камни относятся ко времени ранних кочевников VIII—II вв. до н. э.

---

[2] Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. Тр. ОИПКГЭ, т. I, 1941, стр. 273; А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии. ИАН, сер. ист. и фил., т. VIII, № 5, 1951, стр. 447; В. Н. Скалон. Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства. СА, XXV, 1956, стр. 87, 93.

[3] В. Н. Скалон, П. П. Хороших. Об оленных писаницах Северной Азии. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 53—62.

М. А. РОМАНОВСКАЯ

СЕЛИЩЕ ЛУКАШЕВКА II

(*По материалам раскопок 1959 г.*)

Селище Лукашевка II расположено в средней части Молдавии, в районе Кодр. Оно лежит на мысу между двумя долинами, по которым текут притоки безымянного ручья, впадающего в р. Реут. Урочище носит название «ын фунд» — «в углу» — и в самом деле напоминает по форме треугольник, вершиной обращенный к северу. С юга к селищу подступает лес, с востока — средневековое поселение, северная граница теряется за дорогой, ведущей из огорода колхоза им. М. И. Калинина в с. Лукашевка, которое находится в 1,5—2 *км* к востоку от селища. У дороги — колодец. Площадь селища — 100×200 *м*. Оно полого спускается к северу. Культурный слой, глубиной 0,6—0,8 *м*, сильно нарушен вспашкой.

В 1,5 *км* к западу от селища имеется могильник II—I вв. до н. э., по-видимому, относящийся к селищу [1].

Раскопки на селище и могильнике проводились Прутско-Днестровской археологической экспедицией [2].

В результате раскопок на селище обнаружены шесть жилищ, из них полностью вскрыто пять. Жилища двух типов — наземного и полуземляночного; все они однокамерны и невелики по размерам (16—24 $м^2$), овальны по форме и находятся на небольшом расстоянии одно от другого. Около каждого жилища располагаются хозяйственные ямы, иногда — выносные печи, составляющие единый хозяйственный комплекс с жилищем.

По конструкции жилища очень просты. Чаще всего (№№ 1—4) это дома, углубленные в землю на 0,2—0,9 *м*, с центральным столбом посредине и тремя столбами вдоль двух стен. В жилище № 4 у одной стены обнаружены сгоревшие столбы, но нет столбовых ям; у другой стены столбы не прослеживаются вовсе. Совсем не прослежены столбы в жилище № 6 [3].

Пол в жилищах песчаный, часто с углублениями, в которых находятся сосуды. На полу — глинобитные или каменные печи.

Стены сделаны из жердей, переплетенных прутьями и обмазанных глиной с большой примесью соломы, т. е. так же, как делают до сих пор в Молдавии стены полуземлянок. Остатки рухнувших стен хорошо видны в разрезе заполнения жилищ, как и следы сгоревших деревянных перекрытий.

Ямы имеют глубину до 1 *м*; они с узкой горловиной и расширяются книзу; дно иногда выстилалось черепками и плоскими камнями.

Яма у жилища № 6 более глубока, чем остальные, и образовалась из двух.

Все вещи, найденные при раскопках, располагались в жилищах или рядом с ними. Самая многочисленная группа вещей — глиняные пряслица (рис. 1, *12—19*). Лепные пряслица — дисковидные, усеченно-конические и биконические; преобладают пряслица, сделанные из стенок амфор и лепных сосудов. Интересно отметить, что из 22 пряслиц, найденных на селище в 1959 г., 18 оказалось или в жилище № 4, или рядом

---

[1] Г. Б. Федоров. Лукашевский могильник. КСИИМК, вып. 68, 1957.

[2] Материалы раскопок опубликованы: Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 17—20 и 240—246. В 1959 г. селище Лукашевка II раскапывалось Лукашевским отрядом, в который входили М. А. Романовская (нач. отряда), Г. Ф. Никитина, И. С. Топуридзе.

[3] В современной Молдавии встречаются жилища, построенные без врытых в землю стоек — обвязка положена прямо на землю. Возможно, жилища №№ 4 и 6 были построены именно таким способом.

с ним, в то время как в других жилищах больше трех пряслиц не встречалось. Вероятно, обилие пряслиц в одном жилище объясняется тем, что они изготавливались здесь в доме. Это предположение подтверждается наличием в жилище и обломков амфор, из которых делались пряслица, а также расколотых пряслиц и плоского глиняного кружочка (диаметром 3,5 *см*, без отверстия) из стенки сосуда лукашевского типа.

В 1,5 *м* от жилища № 6 найден железный серп с обломанными концом и рукоятью (рис. 1, *1*). По форме этот серп ближе всего к серпам из Пастерского городища, хотя трудно определить, был ли он снабжен крюком [4]. Около жилища № 6 найдена и железная втульчатая лавролистная стрела (рис. 1, *3*), какие встречаются в римское время.

В жилищах №№ 4 и 5 и около жилища № 6 найдены три точильных бруска из песчаника; один из них — с отверстием для ношения.

В заполнении жилища № 4 найдены четыре лощила или растиральника из ручек родосских амфор.

В яме у жилища № 6 найден кабаний клык (рис. 1, *4*). По-видимому, им дорожили как амулетом, потому что после того, как клык сломался в месте отверстия для его ношения, рядом было сделано второе отверстие.

Около жилища № 5 найдена синяя стеклянная глазчатая бусина (рис. 1, *6*). Глазки желтые, инкрустированные, внутри них по синему полю — мелкие белые кружочки. Соединяются глазки белой ломаной полоской.

Кроме стеклянных бус, обитатели селища пользовались и глиняными бусами цилиндрической формы. Некоторые из них, как и пряслица, сделаны из стенок амфор, другие — лепные.

Из литого стекла сделан позднеэллинистический кубок, обломок венчика которого найден в жилище № 4. Стекло желтоватого цвета, прозрачное. Острый скол сточен. Создается впечатление, что куском стекла пользовались как скребком. Кубок по форме напоминает стеклянные кубки Прикубанья [5].

В этом же жилище на полу среди скопления раковин виноградной улитки найден обломок раковины каури (рис. 1, *2*), а рядом с ямой — коническое глиняное грузило (диаметр — 8 *см*) с обломанным верхом; там же были два оленьих рога со следами обработки.

Вещи, найденные в жилищах, а также характер самих жилищ говорят об оседлом образе жизни населения Лукашевки II, о существовании простейших ремесел: ткацкого, костерезного. Находка грузила свидетельствует о наличии ткацкого станка; железный шлак, найденный в жилище № 4, позволяет предполагать, что на селище производилась плавка железа.

Особый интерес представляет керамика селища. Вся она лепная. Выделяются определенные типы.

1. Наиболее многочисленная группа — керамика из рыхлой, плохо обожженной глины с большой примесью шамота, со сглаженной желтовато-серой, розовато-серой или розовато-коричневой поверхностью.

Преобладающая форма — горшки с почти прямым или слабоотогнутым венчиком, овальным туловом и плоским дном (рис. 2, *1, 5, 7—9*). Горшки разной величины, по-видимому, служили для приготовления пищи. Иногда форма этих сосудов приближается к баночной. Они бывают снабжены ручками-упорами в виде шишечек, горизонтальных ушек и двойных конусов. Орнамент — налепной валик с защипами — находится в нижней части тулова; иногда сосуд бывает украшен двумя валиками, а также ямочками или насечками по краю венчика; иногда ямочки идут по тулову, так же как и насечки.

[4] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Поднепровья, вып. II, 1889, табл. IV, *513, 514*.

[5] К. Ф. Смирнов. Северский курган. Тр. ГИМ, Памятники культуры, вып. XI, 1953, стр. 21, рис. 10.

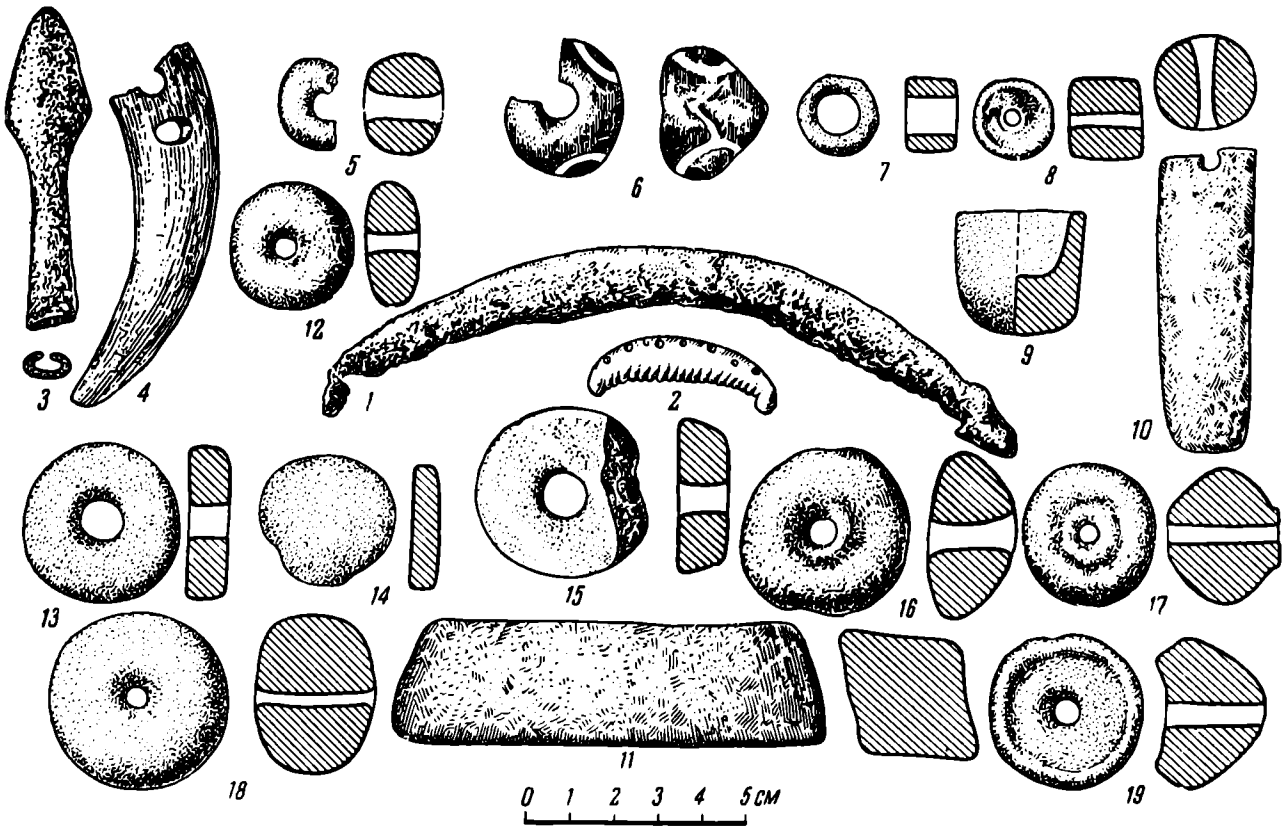


Рис. 1. Вещи из раскопок 1959 г.

1 —железный серп; *2* — обломок раковины каури; *3* — железная втульчатая стрела; *4* — кабаний клык-амулет; *5,8* — глиняные бусины; *6* — синяя стеклянная бусина с инкрустированными желтыми глазками, соединенными волнистой белой линией; *7* — бусина из стенки амфоры; *9* — сосудик из ножки амфоры; *10, 11* — точильные бруски; *12—19* — пряслица

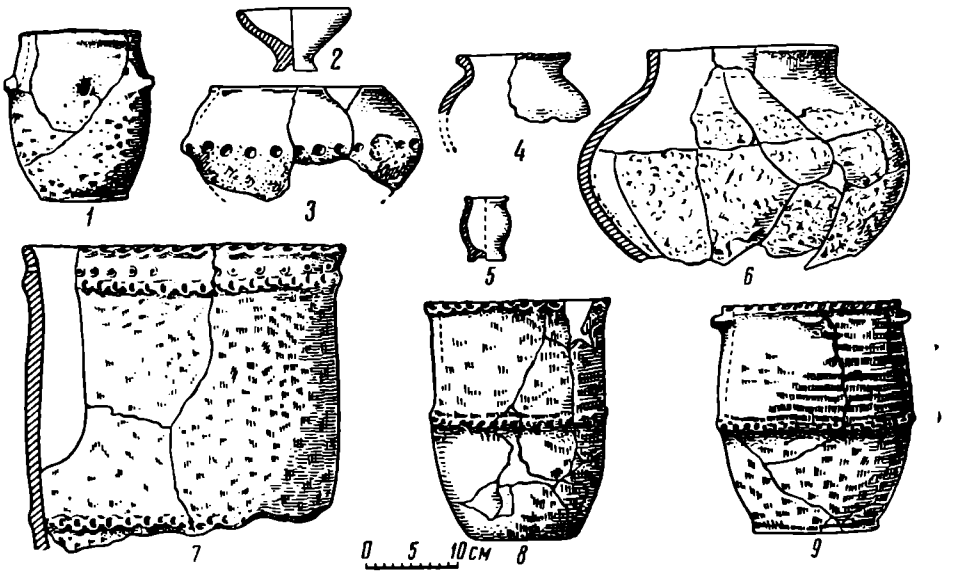


Рис. 2. Сосуды с заглаженной и шероховатой поверхностью

К этой же группе сосудов относятся глубокие чашки с загнутым внутрь краем, неглубокие небольшие чашечки, мисочки со сквозными дырочками для приготовления сыра, мисочки-светильники на высоком поддоне со следами сажи на внутренней поверхности и плоские кружочки-лепешечницы, иногда украшенные несквозными, беспорядочно расположенными отверстиями. Сосуды этой группы связаны с более ранними сосудами, известными как на территории Молдавии [6], так и вне ее: в Среднем и Нижнем Поднепровье [7], в Ольвии и на Буге [8]. Сосуды баночного типа с ручками-упорами, а также с налепным валиком с защипами и ямками или насечками по венчику очень напоминают гетские [9].

2. Следующая группа сосудов — горшки, также с примесью шамота в глине, отличающиеся очень грубой, шероховатой поверхностью (рис. 2, *б*). Венчики у этих сосудов всегда сглажены, иногда даже со следами лощения. Это большие сосуды серого или серовато-красного цвета, снабженные ручками-упорами. Верхнюю часть от нижней, шероховатой, отделяют валики в виде веревочки или с защипным орнаментом. Внутренняя поверхность этих сосудов изредка бывает лощеной. По-видимому, сосуды эти служили для хранения пищи.

Сосуды, аналогичные этим, встречаются в памятниках зарубинецкой культуры в Поднепровье и в памятниках лужицкой культуры в Польше.

3. Сосуды с лощеной поверхностью (рис.3). В первую очередь это миски и низенькие горшки лукашевского типа [10], отличающиеся черным лощением, с вкраплениями ракушечника в глине, граненым венчиком и округлым бочком. Такие сосуды составляют 12,1% керамики на селище и преобладают на могильнике. Надо сказать, что на селище, в отличие от могильника, встречаются миски с иксовидными ручками. Кроме сосудов лукашевского типа, лощеную поверхность имеют серые или серо-желтые миски с загнутым внутрь краем и округлым бочком, со слабо выраженной шейкой; лощеную поверхность имеют миски с утол-

[6] Сахарнянский и Тираспольский могильники, Бутученское городище.

[7] Зарубинецкий и Корчеватовский могильники, Дмитровичи, Пуховка. См. Е. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань в мижріччі Рось — Тетерев. Канд. диссертация. Киев, 1949, Альбом, таблица керамики.

[8] С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, № 50, 1956, рис. 6, *5*; рис. 7, *2*.

[9] См. R. et E. Vulpe. Les fouilles de Poiana, Dacia, т. III—IV, ч. I, 1927—1932, рис. на стр. 284—287.

[10] См. Г. Б. Федоров. Ук. соч.

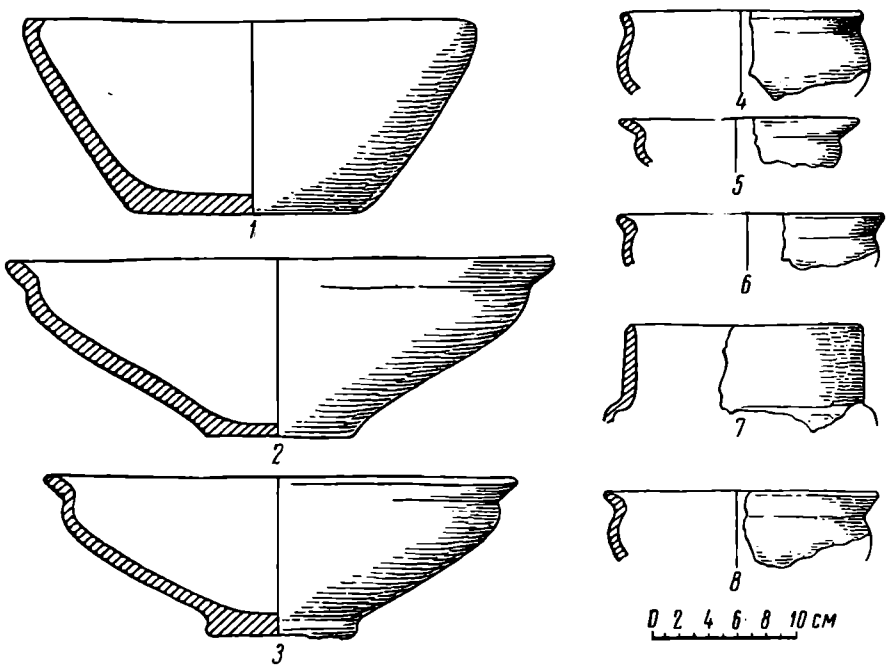


Рис. 3. Лощеные сосуды

щенным венчиком, слегка отогнутым наружу, и со слабо выраженной шейкой; залощены также миски, подобные лукашевским, но с более высоким венчиком. Среди лощеных — серый сосуд с вертикальным прямым венчиком и округлым бочком. Под венчиком — желобок. В этом сосуде были отверстия для починки.

Полностью залощен также сосуд из печки в жилище № 6. По форме он относится к сосудам первой группы. Он украшен налепным валиком с защипами. Тесто с большой примесью шамота, рыхлое, плохо обожжено.

Таким образом, группа лощеных сосудов, найденных на селище, отличается бо́льшим разнообразием форм, чем сосуды из могильника.

Аналогии для этой группы находятся не только на территории Молдавии [11], но и среди местной керамики Неаполя скифского [12], в Среднем и Нижнем Поднепровье (поселения Сахновка, Золотая Балка, Любимовка, Харьевка), а также и на территории Румынии [13], в Прикарпатье, в бассейне Вислы и Одера [14]. Интересно, что сосуды с граненым венчиком и округлым бочком имеют только западные аналогии, в то время как остальные связаны с более широкой территорией. Ближайшей аналогией для сосудов лукашевского типа являются сосуды из могильника Поянешты. Но в составе его керамики есть и сосуды, отличные от лукашевских: сосуды с меандровым орнаментом, чернолощеные кружки.

Исследователь Поянештского могильника Р. Вульпе создал гипотезу, в которой, основываясь на сведениях античных авторов о движении бастарнов с северо-запада на юго-восток, начавшемся в III в. до н. э. и продолжавшемся до I в. до н. э., связывает появление мисок с граненными венчиками и округлыми бочками, а также сосудов с меандровым орнаментом, не имеющих предшествующих форм в местной керамике именно с движением бастарнов [15].

[11] См. миски с городища Бутучены, экспонирующиеся в Музее АН МССР.

[12] О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. МИА, № 64, 1958, рис. 3, *14—19*.

[13] См. R. Vulpe. Sapaturile dela Poienesti din 1949. Materiale arheologice privind istoria veche a RPR, т. I, 1953, стр. 320, 326, 342, 343, 364, 370, 384.

[14] J. Marciniak. Cmentazysko ciałopalne z okresu poznolatenskiego w Wilanowie kolo Warszawy. Materiały starozytne, т. II, Warszawa, 1957, стр. 7 и таблицы.

[15] См. R. Vulpe. Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. Bucarest, 1955.

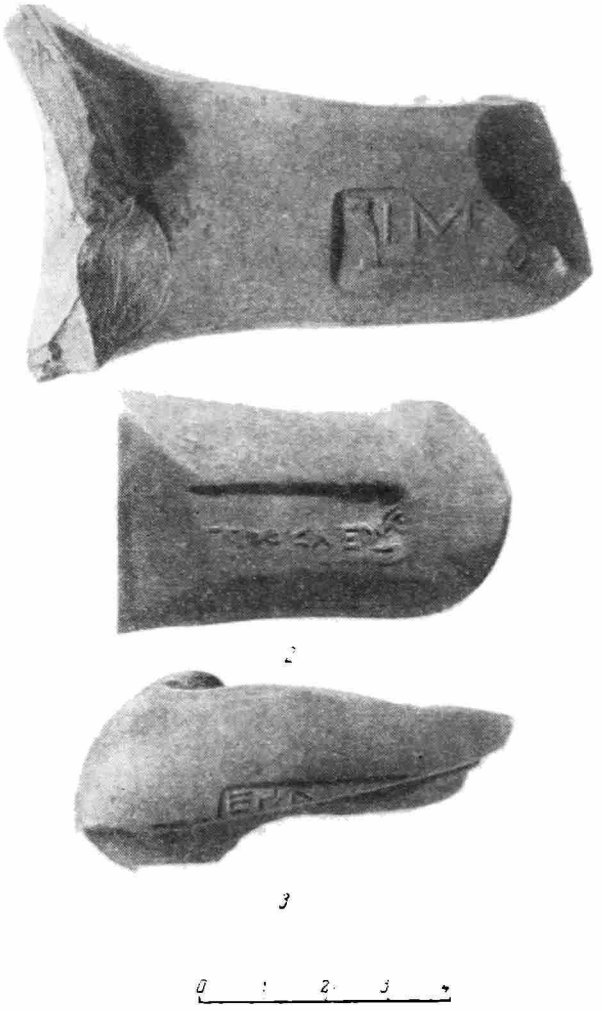


Рис. 4. Амфорные клейма

Меандрового орнамента нет ни в Лукашевском могильнике, ни на селище Лукашевка II. Может быть, появление сосудов с граненым венчиком и округлым бочком каким-то образом связано с продвижением бастарнов, но количество этих сосудов на поселении так невелико, а элементы скифские и гетские настолько многочисленны и ярко выражены, что вполне естественно предположить существование в районе Кодр населения, усвоившего местные традиции в изготовлении керамики.

Топография Лукашевского селища говорит о возможности занятий его жителей земледелием.

Анализ костного материала [16], в котором явно преобладают кости крупного и мелкого рогатого скота, дает право предполагать наличие скотоводства. Обитатели селища разводили коров, овец, свиней, имели лошадей и собак, занимались охотой на кабанов и оленей.

Об экономических и культурных связях населения с городами Северного Причерноморья говорят находки амфор родосских, косских и боспорских. В жилище № 4 найдены были три ручки родосских амфор с прямоугольными клеймами. На первом клейме надпись IMA, слева от букв — изображение ритона, под ними — кадуцей. На втором клейме (рис. 4, *3*) сохранилась лишь левая часть верхней строчки, читаются всего три буквы: ЕПІ.

Третья ручка использовалась как лощило или растиральник. Надпись сделана в одну строку и идет по нижнему краю клейма. Восстановлена Б. Н. Граковым как Ἀγαθοκλέτς и датируется по парфянскому и карфагенскому комплексам 230—140 гг. до н. э. Так же датируются и два первых клейма.

Таким образом, весь комплекс вещей, найденных на селище в 1959 г., дает возможность датировать его, как и могильник, II—I вв. до н. э. [17].

Селище Лукашевка II находилось на окраине гетского мира; этим можно объяснить позднее появление гончарного круга, известного гораздо раньше в гетских городах. Но даже после появления посуды, сделанной на кругу, еще долго в Молдавии продолжает существовать лепная посуда, украшенная валиком с защипным орнаментом.

[16] Костный материал определен В. И. Цалкиным.

[17] См. Г. Б. Федоров. Ук. соч., стр. 59.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

СТАТУЭТКА СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ ИЗ КАНСКА

Канский лесостепной район до сих пор, к сожалению, остается белым пятном на археологической карте Сибири. Вся специальная литература, непосредственно посвященная этому району, ограничивается лишь двумя небольшими статьями без иллюстраций, по которым вряд ли возможно составить представление о древностях района Канска [1]. Между тем этот район, будучи расположен в лесостепном «коридоре», протянувшемся между Обью и Ангарой, безусловно играл важную роль в исторических судьбах древних сибирских племен, способствуя установлению культурных взаимосвязей Западной и Южной Сибири с Восточной.

Судить об этом можно даже по случайным находкам из Канского района, хранящимся в различных музеях Сибири, Москвы и Ленинграда. Часть бронзовых орудий труда и оружия, найденного в этом районе, преимущественно из известной коллекции И. А. Лопатина [2], опубликована В. В. Радловым [3], и только бронзовые кельты были подвергнуты изучению [4]. В последние годы при случайных работах в окрестностях Канска открыты два погребения с бронзовыми предметами, сходными с инвентарем тагарской эпохи (VII—III вв. до н. э.) [5].

Такая неизученность археологических памятников Канского района заставляет с большим вниманием относиться и к древним предметам, случайно добываемым в этой местности, в особенности — к находкам эпохи раннего железного века.

В 1956 г. к западу от г. Канска, между городом и аэродромом, при прокладывании траншеи для водоотвода гидролизного завода к р. Кан, на глубине 1,5 *м*, в слое глины была обнаружена строителями древняя статуэтка оленя. Никаких других изделий или костей находчиками не отмечено, а дополнительного обследования местонахождения произведено не было [6].

Фигурка эта (рис. 1) небольшая. Ее длина между концами морды и хвоста — 10,7 *см*, толщина — 2,3 *см*. Еще в древности были отломаны ноги, а также отколото правое ухо. Скульптура покрыта трещинами, от которых особенно пострадал ее левый бок.

Статуэтка представляет собой высокохудожественное реалистическое воспроизведение фигуры оленя, сделанное, очевидно, из отколотой пластины бивня мамонта. Рот, нос и глаза вырезаны металлическим острием после отделки всего туловища. Уши и хвост сделаны объемными, а рога были вставными — для них имеются два аккуратно высверленных отверстия. После изготовления фигурка была до блеска отполирована.

---

[1] А. Ермолаев. К археологии окрестностей г. Канска. «Сибирский архив». Журнал археологии, истории и этнографии Сибири. Иркутск, 1912, № 4, стр. 237—243; Н. И. Воробьев. Дюнная стоянка в окрестностях г. Канска. ИОАИЭКУ т. XXXIII, вып. 4, 1927. Отметим еще статью по соседнему району Восточного Саяна: А. В. Адрианов. Писаницы по реке Мане. ЗОРСА РАО, т. IX, 1913.

[2] Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 5531.

[3] В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 1, МАР, № 3, 1888; т. I, вып. 2, МАР, № 5, 1891; т. I, вып. 3, МАР, № 15, 1894; т. II, вып. 1, МАР, № 27, 1902. Ср. сообщение о канской части коллекции О. Б. Згерского-Струмилло в «Отчете Российского Исторического музея в Москве за 1915 г.», стр. 9.

[4] G. von Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926; Г. А. Максименков Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов. СА, 1960, № 1.

[5] Хранятся в Канском музее. В 1957 г. вместе со скелетом человека были найдены литые предметы из бронзы: кельт красноярского типа, однодырчатый змейчато-обушковый нож, шило с круглой головкой, четыре полусферические бляшки и одна четырехлепестковая. Дата — IV—III вв. до н. э.

[6] В 1956 г. член музейного совета Канского краеведческого музея врач А. Н. Пятов привозил эту статуэтку для определения ее даты на кафедру археологии МГУ и в ГИМ. Он сообщил условия находки и дал любезное согласие на публикацию, за что приношу ему благодарность.

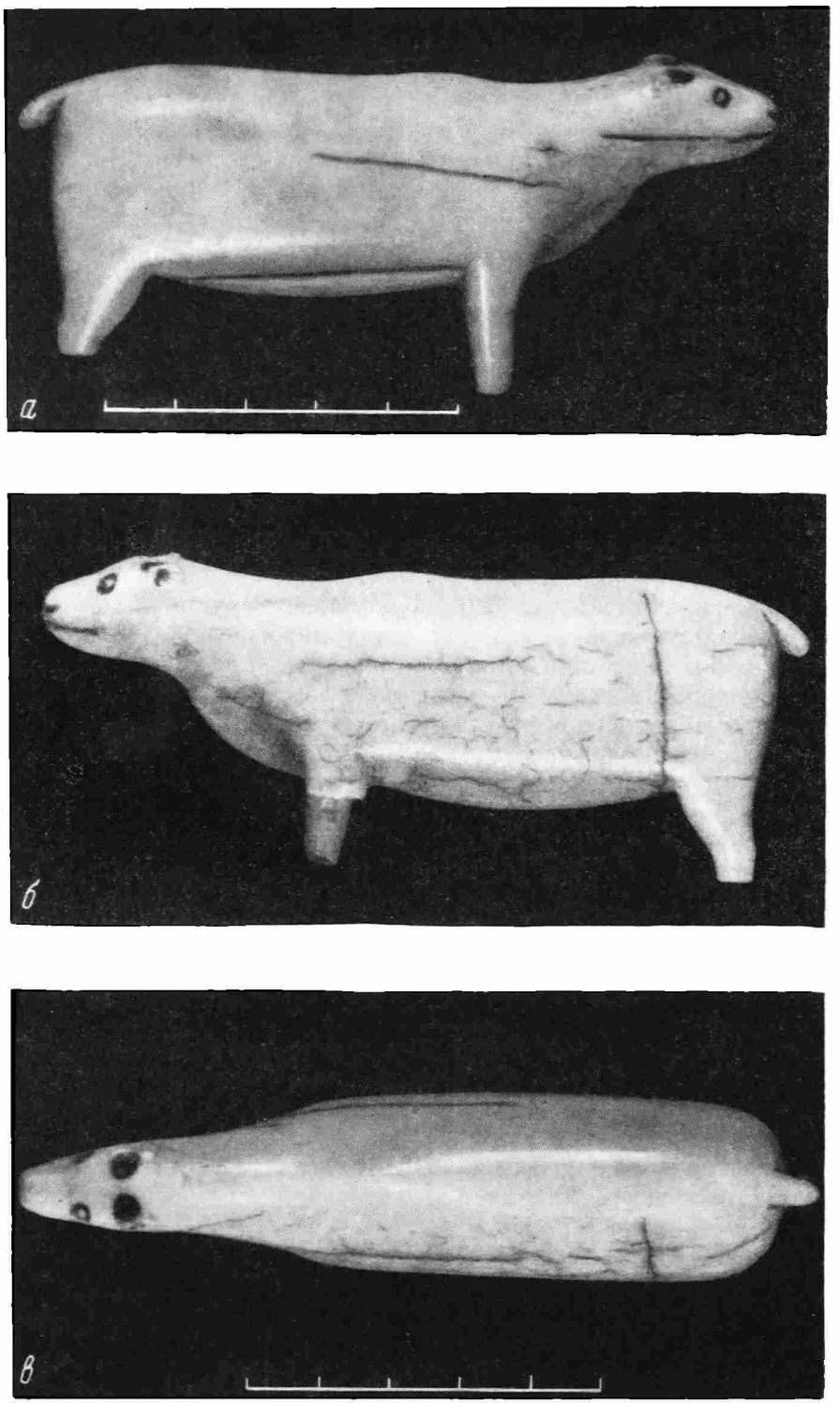


Рис. 1. Статуэтка оленя из Канска

Мастер-резчик был очень хорошо знаком с анатомией изображаемого им животного, ибо он вырезал не оленя вообще, а именно саянского северного оленя (Rangifer tarandus sibiricus M.).

Свидетельством тому являются следующие признаки: плотное крупное туловище с летним небольшим подгрудком, короткая шея, маленькая голова с высоко поставленными глазами и уплощенным лбом, а также приподнятый кверху хвостик. Олени саянских оленеводов (тофа-

ларов на северном склоне Восточного Саяна и тувинцев-тоджинцев на южном его склоне) отличаются от животных прочих оленеводческих районов крупным ростом, весом, удлиненным туловищем, в особенности у быков, которые кажутся коротконогими и имеют меньшую длину головы [7].

Всеми этими особенностями отличается и канская оленья фигурка, которая поэтому скорее всего изображает домашнее, а не дикое животное. Дикий северный олень, как известно, водится по Мане и в верховьях Кана [8]. Но там еще недавно жили и оленеводы-камасинцы, ныне обрусевшие и отпустившие оленей в тайгу.

Лесные камасинцы были потомками древних самодийских племен Саяно-Алтайского нагорья. Они занимались, кроме оленеводства, охотой, рыболовством и собирательством, жили в берестяных чумах (маа), оленей своих называли «то», использовали их для верховой езды под специальным седлом (конзан) и ездили с посохом [9].

Это заставляет полагать, что оленеводство в северных отрогах Восточного Саяна и в подтаежных местах, к которым примыкает Канская лесостепь, было распространено с древности [10]. Одним из косвенных доказательств этого может являться публикуемая фигурка северного оленя.

Вся манера воспроизведения фигуры оленя, статичность его позы, составные рога, для которых делали специальные отверстия — все это ближайшим образом совпадает с характерными чертами скульптур северного ездового оленя, найденных в таштыкских склепах соседней Хакасско-Минусинской котловины, относящихся к сырскому этапу (I—II вв. н. э.) [11].

Именно в это время под воздействием ханьского Китая, в Южной Сибири и Центральной Азии широко распространяются в погребальном обряде скульптуры прямостоящих животных [12], не только в большом количестве известные в сырских склепах таштыкской эпохи, но встречающиеся и в гуннских курганах I в. н. э. в Монголии (могильник Ноин-Ула) [13]. В другие исторические периоды этого не наблюдается, и тем более никогда статуэтки не имеют подобных стилистических особенностей.

Все это позволяет заключить, что канская скульптура северного оленя связана с погребальным обрядом [14] и относится к I—II в. н. э. Очевидно, воздействие мощной таштыкской культуры Среднего Енисея достигало и канской лесостепи. Говорить о распространении динлино-гяньгуньских племен в этом направлении у нас нет данных.

Изготовление в районе Канска погребальной статуэтки из мамонтовой кости не может вызвать удивления, так как ископаемые кости мамонта часто использовались народами Сибири для различных поделок не только в древности, но даже в самое недавнее время. Так, грубые

---

[7] М. П. Виноградов. Экстерьер тофаларских и сойотских оленей. Советское оленеводство, вып. 6, 1936.

[8] И. Н. Шухов. Обзор распространения охотничьих промысловых млекопитающих в Енисейской губернии, Туруханском крае и Урянхайской земле. Тр. Енисейского губ. лесного отдела, т. I, вып. 2, Красноярск, 1925, стр. 16.

[9] А. Я. Тугаринов. Последние калмажи. М., 1926.

[10] Оленеводами являются живущие к северу эвенки. Еще в XVII в. они обитали не только на Ангаре, но и по р. Бирюсе.

[11] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 132—134, 183—185.

[12] Там же, стр. 132—135; его же. Древнейшее свидетельство об оленеводстве. СЭ, 1952, № 2.

[13] Ср. деревянную статуэтку благородного оленя со вставными ушами и рогами из Ноин-Улы (C. Trever. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932, табл. 32, *1*).

[14] Глубина 1,5 *м*, на которой найдена канская статуэтка, соответствует обычной глубине таштыкских склепов.

статуэтки ритуальных животных, в том числе и оленей, из мамонтовой кости изготовляли юраки на р. Таз [15], а у якутов был целый художественный промысел по обработке мамонтовой кости еще в XIX в. [16].

В средневековье, как сообщают письменные источники, добыча мамонтовой кости у народов Саяно-Алтайского нагорья была настолько распространена, что как простая кость, так и поделки из нее были важной статьей экспорта местных племен в Китай, Среднюю Азию и Иран. В различных источниках X—XI вв., персидских (аноним Худуд ал-Алам и Гардизи) [17] и китайских [18], добываемые племенами Саяно-Алтайского нагорья (особенно хакасами и их кыштымами) [19] ископаемые кости мамонта назывались «хуту» («рог хуту») или «гуту» («гуду» или «гудуси»). Такое совпадение названия у разноязычных авторов свидетельствует, что сам термин для обозначения мамонтовых костей [20] является местным, южносибирским, скорее всего происходящим не из тюркских, а, по-видимому, из самодийских языков.

Ясно, что ископаемые кости мамонтов добывались в этом районе и в более раннее время, в том числе и в самом начале нашей эры, свидетельством чего является публикуемая статуэтка северного оленя.

---

[15] Н. Костров. Очерки Туруханского края. Зап. СОРГО, кн. IV, СПб., 1857, стр. 153.

[16] С. А. Токарев, И. С. Гурвич. Якуты. Сб. «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 280. В 1846—1852 гг. и ранее из Туруханского края вывозилось по 200 пудов в год мамонтовых костей, поступавших в ясак. См. А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I, М., 1881, стр. 131.

[17] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 111; V. Minodsky. Hudūdāl-Ālam. «The Regions of the World». London, 1937, стр. 62 и 97.

[18] Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 36, 52 и 59.

[19] Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, вып. VIII, 1960.

[20] Ср. А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 62—67 и 227.

Ю. А. КРАСНОВ

КУРГАНЫ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ У дер. ГОРЫШКИНО

У дер. Горышкино Звенигородского района, Московской области, недалеко от левого берега р. Большая Вяземка, притока Москвы-реки, известны две курганные группы. Первая из них находится на окраине леса в 1 *км* к западу-северо-западу от Горышкина, и состоит из 22 насыпей. Вторая расположена в лесу, в 0,5 *км* к северо-западу от первой и состоит всего из двух насыпей.

В 1959 г. нами производились раскопки в обеих группах. Курганы в первой группе содержали обычные для Подмосковья трупоположения без вещей. Значительно интереснее оказались курганы во второй группе, содержавшие остатки трупосожжений.

Оба кургана с трупосожжениями (рис. 1) внешне не отличались от курганов с трупоположениями первой группы. Они представляли собой насыпи полусферической формы, довольно сильно оплывшие, без ясных следов ровиков вокруг них. Внешняя высота кургана № 1 в этой группе составляла 1,45 *м*, при диаметре 7,5 *м*, кургана № 2— 1,05 *м* при диаметре 8 *м*. Погребенная почва залегает ниже современного уровня, и внутренняя высота курганов оказалась поэтому соответственно 1,65 и 1,35 *м*. Курганы насыпаны из светло-желтого песка с примесью гравия. В насыпи попадались отдельные угольки. Погребенная почва представляла собой плотную серую супесь, достаточно ясно отличавшуюся от насыпи по структуре.

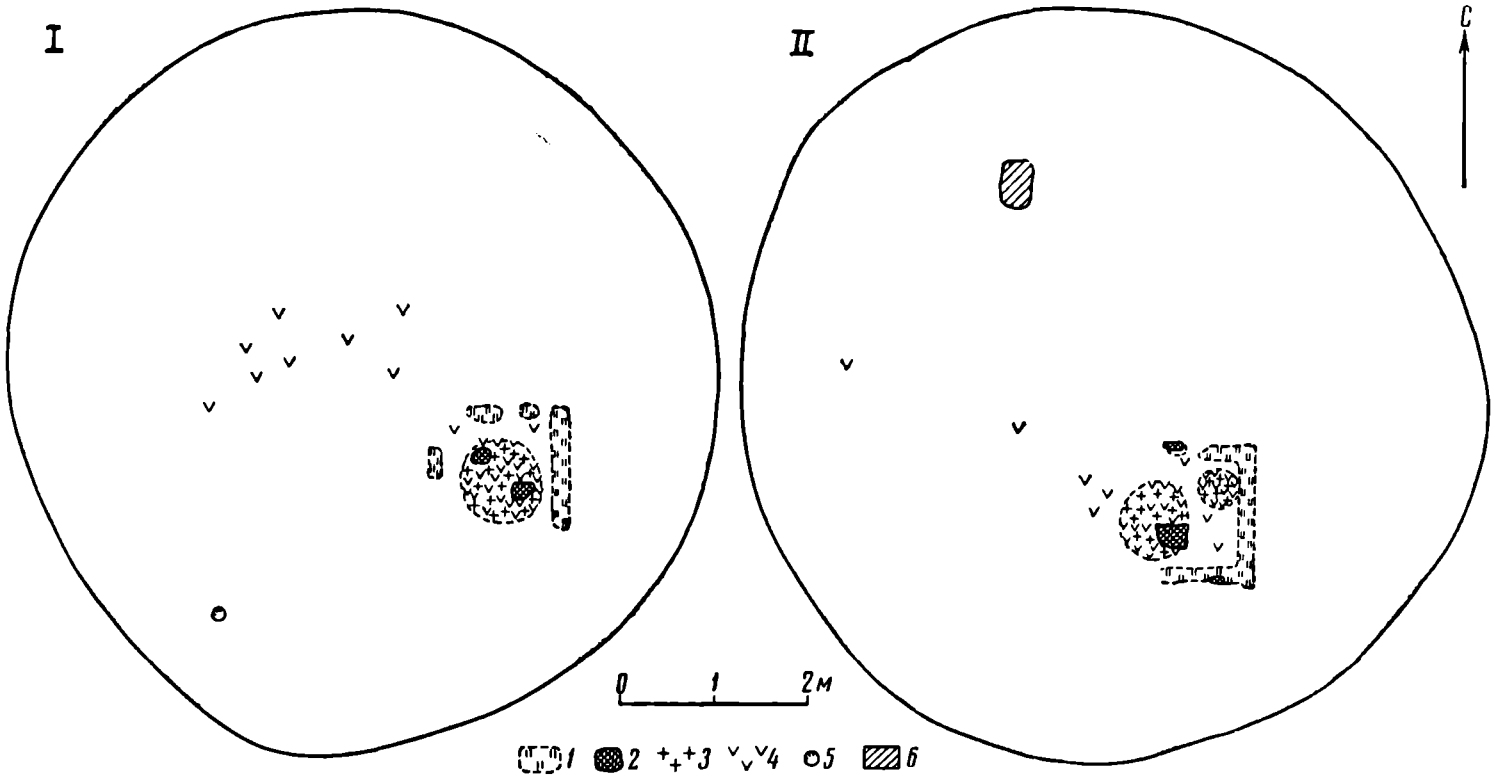


Рис. 1. Горышкинские курганы с групосожжениями. Планы курганов № № 1(*I*) и 2 (*II*) на уровне материка

1 — следы дерева в материке; *2* — сгнившее дерево; *3* — кальцинированные кости; *4* — уголь; *5* — камень; *6* — углубление в материке

Под юго-восточными полами курганов были обнаружены остатки погребальных сооружений из дерева. В обоих курганах на высоте 0,25—0,30 *м* над уровнем погребенной почвы стали заметны бесформенные следы дерева. Проследить размеры и форму открывшихся сооружений удалось лишь на уровне погребенной почвы, причем и здесь следы дерева наблюдались лишь местами, в виде темных полос и отдельных небольших кусков, совершенно сгнивших. Можно было, однако, проследить, что подкурганные сооружения имели форму квадрата, со стороной для кургана № 1—1,25—1,30 *м*, для кургана № 2—1,40 *м*. Сооружения были ориентированы по странам света. Высота сооружений не могла быть точно определена, но, вероятно, была небольшой, около 0,30 *м*. Толщина стенок сооружения в обоих случаях, судя по следам в материке, составляла 0,15—0,20 *м*. Сооружение могло представлять собой сруб из нетолстых бревен или плах, один — два венца. Сверху сооружение имело крышку, остатки которой прослежены в виде небольших кусков сгнившего дерева, лежавших в пространстве, огражденном контурами стенок, причем они находились на остатках захоронения, так что не могли быть следами днища, которое отсутствовало.

В погребальных сооружениях обнаружены следы произведенных на стороне трупосожжений в виде небольшого количества сильно кальцинированных костей, угля, золы и темной земли, рассыпанных тонким слоем. В кургане № 2 были две такие грудки праха, что может указывать на захоронение здесь останков двух человек. В насыпи этого кургана, кроме того, имелось впускное детское захоронение (трупоположение), без вещей.

Почва под остатками трупосожжений не носила следов огня. Установить, ссыпался ли прах покойного в уже готовое сооружение или это последнее возводилось над ним, не представилось возможным.

Среди останков сожжения в кургане № 1 найден маленький оплавившийся сгусток стекла, вероятно бусина, попавшая в огонь погребального костра. В кургане № 2 в одной из грудок праха обнаружен сильно пережженный обломок толстостенного лепного сосуда. Других вещей при погребениях обнаружено не было.

Обряд захоронения сожженного вне кургана покойника в особых деревянных подкурганных сооружениях сближает описанные нами курганы с ранними вятичскими, известными в верховьях Оки и сопредельных районах древней вятичской территории. Однако горышкинские курганы имеют и ряд особенностей. Так, здесь нет погребальных урн, нет кольцеобразной канавки или оградки вокруг подкурганного сооружения. Впрочем, указанные признаки иногда отсутствуют и в верхнеокских ранних курганах. Возможно, что эти особенности являются хронологическими или местными.

Датировка описанных курганов затруднительна. Однако можно считать, что эти курганы более древние, чем вятичские курганы с трупоположениями, и характеризуют, вероятно, ранний период заселения вятичами долины Москвы-реки. На их сравнительную древность может указывать и находка обломка лепного горшка в кургане № 2. Раскопки горышкинских курганов с трупосожжениями показывают, что даже среди хорошо изученных подмосковных курганов могут быть найдены новые интересные типы.

М. В. ФЕХНЕР

ГЛИНЯНЫЕ ЛАПЫ ИЗ ТИМЕРЕВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

При раскопках Тимеревского курганного могильника (близ Ярославля) в ряде погребений обнаружены глиняные лапы, которые в археологической литературе считаются изображениями медвежьих лап[1].

Эти лапы, вылепленные из грубой глины, плохо обожженные или даже совсем необожженные, встречаются только в погребальных памятниках. Кроме Тимерева, находки глиняных звериных лап известны из раскопок Михайловского могильника и некоторых курганных групп, расположенных в окрестностях Ростова, Суздаля, Переславля-Залесского и Юрьева-Польского[2]. Вне территории СССР аналогичные лапы встречены в большом количестве на Аландских островах (более чем в десяти могильниках) и один экземпляр найден в Швеции, в Седерманланде — части Скандинавского полуострова, смежной с Аландскими островами[3] (рис. 1). Грубый характер обработки этих лап и полное отсутствие их среди остатков древних поселений и жилищ дает основание считать, что они изготовлялись специально для погребального обряда.

Следует отметить, что в Тимереве, как и в других курганных могильниках, глиняные лапы встречаются исключительно в погребениях с трупосожжениями как в мужских, так и в женских и детских. Известен лишь один случай, когда глиняная лапа была найдена при костяке у дер. Большая Брембола (курган № 1546)[4].

Из 222 раскопанных в Тимереве курганов с трупосожжениями глиняные изображения звериных лап найдены в целом виде и во фрагментах в 46 насыпях: в 9 мужских, в 10 женских, в 3 детских, в 9 курганах с совместными захоронениями взрослого и ребенка и в 1 кургане с захоронением мужчины и женщины. В остальных 14 курганах половую принадлежность погребенных из-за плохой сохранности костного материала и по погребальному инвентарю определить не удалось.

Курганы, в которых обнаружены лапы, разбросаны по всей площади могильника и по своим внешним признакам не отличаются от остальных насыпей. Что же касается датировки лап, то по ряду совместных находок со скорлупообразными и кольцевидными фибулами, с кресалами калачевидной формы, поясными наборами в виде сердцевидных и четырехугольных бляшек, гирьками четырнадцатигранной формы и с другими вещами они могут быть отнесены к X — началу XI в., т. е. к тому же времени, что и весь могильник в целом.

К тому же времени, как известно, относятся глиняные лапы и из других курганных групп Ярославской и Владимирской областей.

Чрезвычайно показательно, что лапа занимала определенное место в погребении. Как правило, в каждом кургане находилось по одному экземпляру глиняной лапы[5], которая всегда лежала на кострище, чаще всего среди кальцинированных костей, собранных в груду, а иногда вместе с останками сожженного — в погребальной урне. Это

---

[1] Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. Краеведческие записки, вып. IV, Ярославль, 1960, стр. 49—50.

[2] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. МИА, № 6, 1941; А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, стр. 188—190.

[3] E. Kivikoski. Eisenzeitliche Tontatzen aus Aland. ESA, IX, 1934, стр. 381—391.

[4] А. С. Уваров. Ук. соч., стр. 188.

[5] В курганах №№ 7, 165, 174, 195 и 290 Тимеревского могильника найдены фрагменты двух глиняных лап.

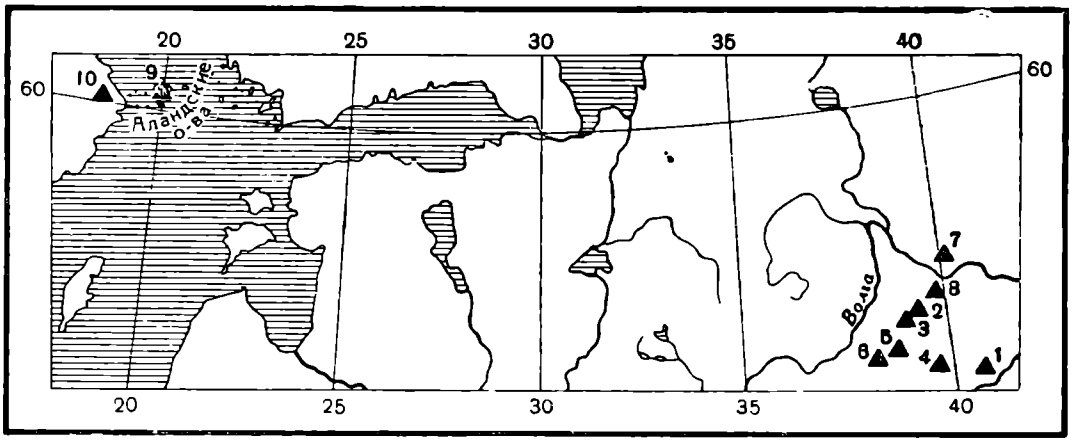


Рис. 1. Карта находок глиняных лап

1 — дер. Васильки, близ Суздаля; *2* — дер. Богослово, близ Ростова; *3* — дер. Шурскало, близ Ростова; *4* — дер. Городище, близ Юрьева-Польского; *5* — дер. Большая Брембола, близ Переславля; *6* — дер. Веськово, близ Переславля; *7* — дер. Михайловское, близ Ярославля; *8* — дер. Тимерево, близ Ярославля; *9* — Аландские острова; *10* — Седерманланд

обстоятельство в свою очередь бесспорно указывает на культовое значение этих глиняных вещей. Из 46 находок лап в десяти случаях они были найдены совместно с глиняными кольцами, которые, очевидно, также имели магический характер.

Теперь возникает вопрос, действительно ли эти лапы являются изображениями медвежьих лап и можно ли их связать с культом медведя, характерного для ряда северных народов Европы и Азии.

Это сомнение возникло в связи с тем, что среди костей животных, постоянно встречающихся в Тимеревском могильнике, при трупосожжениях ни разу не были найдены кости, когти и зубы медведя. Среди костей животных, найденных в курганах, определены костные остатки лошади, собаки, крупного рогатого скота, овцы, свиньи, кошки, а также кости бобра, лисицы, зайца-русака, косули и кабана. При этом кости бобра занимают четвертое место по числу находок костей животных [6] и первое место среди костей диких животных.

Кроме костей бобра, в ряде насыпей обнаружены ожерелья, состоящие из просверленных астрагалов бобра (№№ 68, 80, 161, 263, 269, 300, 325, 355, 420), а при двух мужских захоронениях вместе с так называемой медвежьей лапой найден костяной предмет (рис. 2, *2*) в виде круглого в сечении, несколько изогнутого стержня с отверстием для подвешивания; один конец стержня завершен скульптурным изображением головы бобра. Подобные костяные острия, у которых тупой конец обработан в виде головы зверя, встречены не раз в погребениях и на поселениях X—XI вв. Однако назначение этих предметов остается до сих пор неясным [7].

Особенно искусно выполнена голова зверя из кургана № 57. Прекрасно изображены мощные резцы, по два в каждой челюсти (резцы нижней челюсти частично обломаны), составляющие одну из интереснейших особенностей бобра. Резцы нижней и верхней челюстей стоят наклонно друг к другу и, сходясь вершинами, образуют единый режущий край. Они настолько велики, что выставляются наружу даже тогда, когда рот у бобра закрыт, чему способствует особое строение его губ, которые могут плотно смыкаться позади резцов. При помощи рез-

[6] Первое место занимают кости лошади, второе — собаки, третье — крупного рогатого скота.

[7] Костяные острия встречены в мужских погребениях в Киеве, в женском погребении на берегу оз. Имоложье, на Гочевском и Борщевском городищах. См. М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.— Л., 1958, стр. 158.

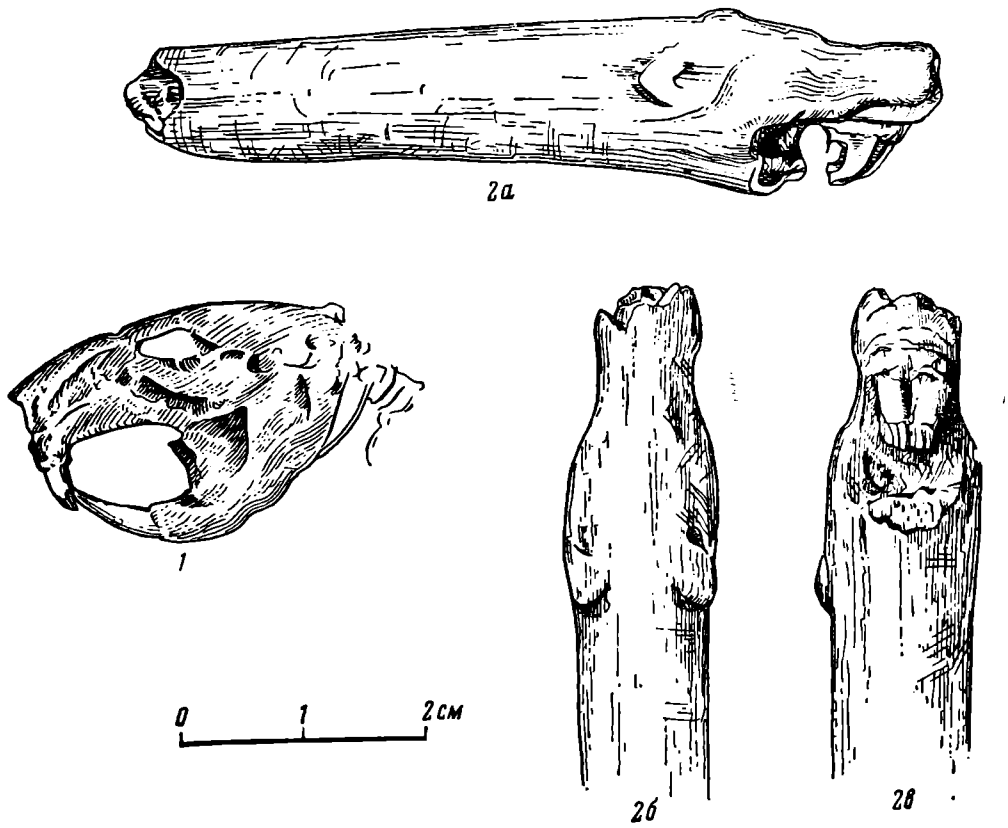


Рис. 2

1 — череп бобра; *2* — костяное изделие с головкой бобра

цов бобры могут пережевывать пищу даже под водой, ими они подгрызают, валят и перетаскивают стволы деревьев. Так как резцы все время в работе, они быстро изнашиваются, но благодаря постоянному росту поддерживается их величина и исправность [8].

Сравнение костяного стержня с черепом бобра [9] (рис. 2, *1*) показывает, с какой предельной точностью резчику удалось изобразить голову этого грызуна, широко распространенного в ту эпоху на территории современных Ярославской и Владимирской областей [10].

В связи с этими фактами мы обратились к зоологам для определения интересующих нас глиняных лап. По единодушному мнению Е. Г. Андреевой и А. Н. Формозова, все без исключения глиняные лапы из тимеревских, михайловских и владимирских курганов и известные нам лапы из раскопок на Аландских островах и в Швеции оказались изображениями бобровых лап.

На рис. 3 приведены изображения конечностей бобра [11] и глиняных лап из Тимерева, дер. Васильки и с Аландских островов, а на рис. 4 для сравнения показан след левой задней ступни медведя [12].

Бобр и медведь являются стопоходящими животными (при ходьбе они опираются на всю ступню); между их конечностями имеется то сходство, что у обоих они пятипалые, вооруженные сильными когтями. Однако, не говоря уже о том, что лапа медведя значительно массивнее, пальцы у него сформированы иначе, чем у бобра: короткие, малоразвитые пальцы медведя расположены на одном уровне как на передних.

[8] А. В. Федюшин. Речной бобр. М., 1935, стр. 15, 22, 23.

[9] Там же, стр. 20.

[10] Ф. Кеппен. О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России. ЖМНП, 1902, июль, стр. 130—131.

[11] С. П. Наумов, Н. П. Лавров. Биология промысловых зверей и птиц СССР. М., 1948, стр. 169.

[12] Следы охотничьих животных. М., 1905, стр. 65.

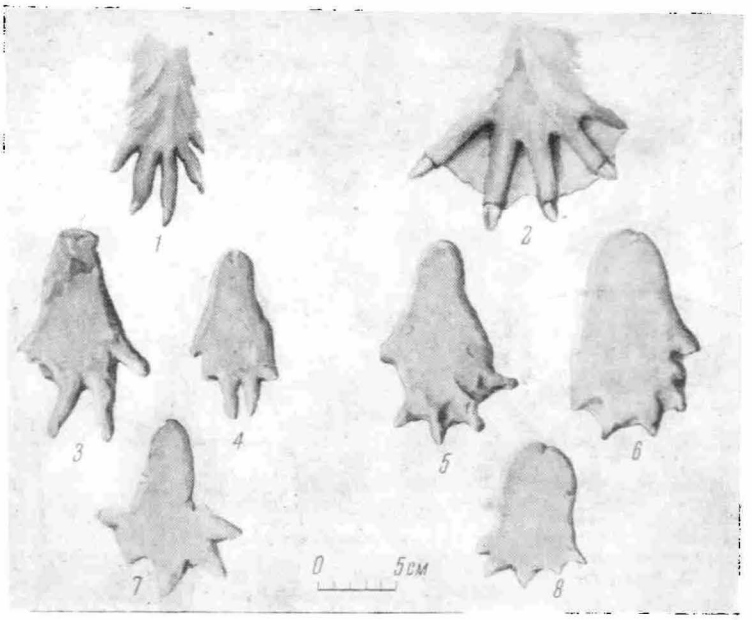


Рис. 3

1 — передняя лапа бобра; *2* — задняя лапа бобра; *3, 4, 6* — лапы из Тимерева; *5* — лапы из дер. Васильки; *7, 8* — лапы из могильников на Аландских островах

так и на задних конечностях. Что же касается бобра, то сильно развитые пальцы лап расположены у него веерообразно. При этом передние конечности меньше и слабее задних. Пальцы задних ног, кроме того, соединены между собой широкой плавательной перепонкой, которой нет у передних лап. Бросается в глаза поразительное сходство глиняных лап с конечностями этого грызуна. В курганах встречаются глиняные изображения как передних, так и задних ног бобра, выполненные в натуральную величину. На некоторых экземплярах задних лап показана даже плавательная перепонка. Особенно отчетливо это прослеживается на лапе из кургана дер. Васильки.

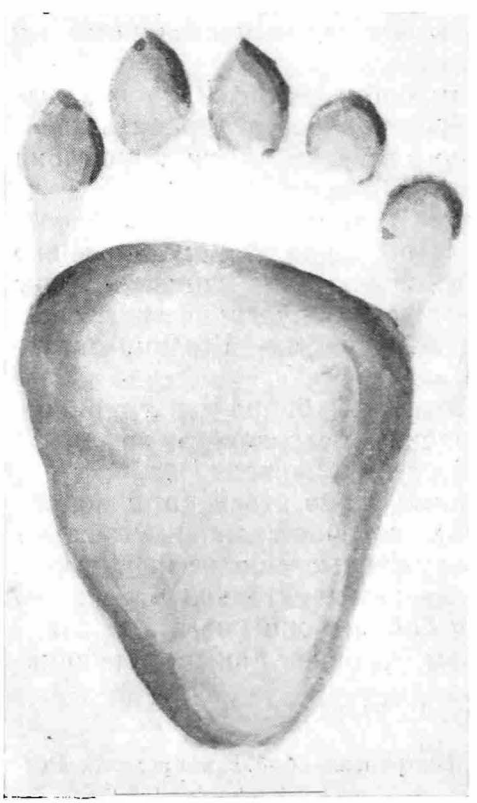


Рис. 4

След левой задней ступни медведя

В интересной монографии В. Н. Скалона убедительно доказано, что бобр в древней Руси занимал особое положение, как хозяйственно ценное животное, и являлся объектом правильного охотничьего хозяйства [13]. На это, в частности, указывает специальная статья Русской Правды, касающаяся штрафа за кражу бобра. Штраф за кражу бобра взимался в размере 12 гривен, в четыре раза превышая штраф за кражу лошади [14].

В связи с этим очень характерно, что в погребения клали вещи, свя-

[13] В. Н. Скалон. Речные бобры Северной Азии. М., 1951, стр. 104—119.

[14] Правда русская, т. I, М.—Л., 1940, стр. 434.

занные с бобром — животным, имевшим тогда большое экономическое значение: в древней Руси бобровые шкуры считались одним из лучших пушных товаров, мясо его — первоклассной пищей, а бобровая струя широко применялась в качестве лечебного средства.

Не исключена возможность, что в курганах, где находились глиняные лапы, захоронены были люди, связанные с бобровым промыслом.

В. Н. Скалон собрал ряд археологических и этнографических данных, свидетельствующих о том, что почитание бобра, признание за ним целительной силы было широко распространено среди различных народов мира. Например, черепа и зубы бобра встречались в качестве почти обязательного элемента в языческих погребениях лопарей; у древних германцев, финнов и норвежцев бобр был жертвенным животным. Норвежцы еще и в средние века сохраняли веру в сверхъестественные свойства бобра. Амулеты из когтей бобра найдены и при раскопках Асотского городища (Латвия) [15].

Пережитки поклонения бобру, веры в его человеческое происхождение прослеживаются и у сибирских народов. Отзвуки этого культа сохранились в Кондо-Сосьвинском водоразделе до 20-х годов нашего столетия. Так, у хантэ и манси при исполнении религиозных церемоний обязательным являлось применение бобровой струи.

На основании косвенных данных автор вышеупомянутой работы приходит к выводу, что культ бобра был развит и у восточных славян. Он считает, что с бобром связано много черт верований в водяных [16].

Обнаруженные в курганах X в. глиняные лапы, представляющие собой, несомненно, изображения конечностей бобра, являются уже прямым доказательством существования в бассейне Верхней Волги культа бобра.

Необходимо отметить, однако, что признание в древней Руси культа бобра не исключает существования параллельно с ним также медвежьего культа. Известно, что последний сочетался нередко у различных народов с культом других животных [17].

---

[15] Э. Д. Шноре. Асотское городище. Рига, 1961, стр. 129.
[16] В. Н. Скалон. Ук. соч., стр. 134—159.
[17] F. Liebrecht. Romulus und die Welfen. Zur Volkskunde. Heilbroun, 1879. стр. 17—25.

Э. А. МАКАЕВ

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ НОВГОРОДА

Во время раскопок, производившихся в Новгороде в 1958 г. археологической экспедицией под руководством А. В. Арциховского, в квадрате 1650 в 25-м ярусе (первая половина XI в.) был обнаружен обломок левой локтевой кости домашней свиньи [1] с рунической надписью (рис. 1).

Данная руническая надпись, являющаяся третьей рунической находкой на территории СССР [2], представляет собой сохранившийся на $^2/_3$ рунический алфавит, выполненный младшими рунами или, точнее,

---

[1] Кость определена Д. Н. Гофманом.
[2] Первые две рунические надписи найдены на о. Березани и в Старой Ладоге.

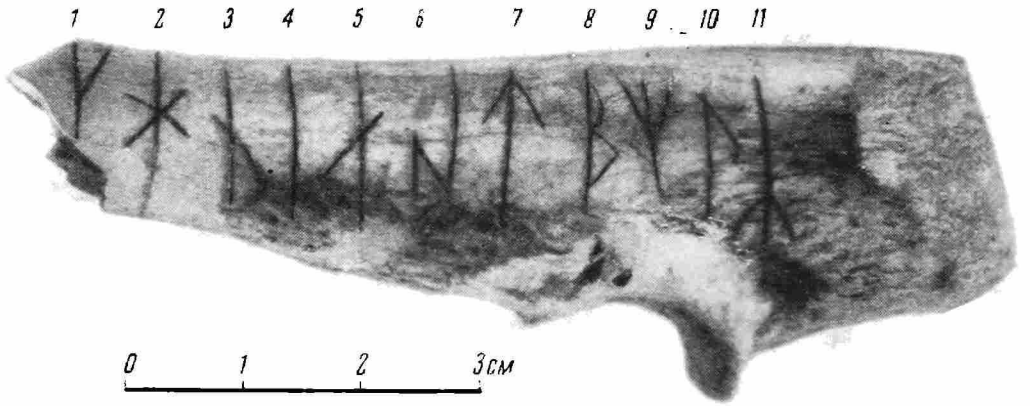


Рис. 1. Обломок кости с рунической надписью

датскими рунами типа футарка из Герлева [3]. Сохранившийся обломок дает следующее чтение: ...khniastbmlR (рис. 2).

Нет никакого сомнения в том, что недостающая часть кости содержала звено (или первый род) датского футарка и должна была иметь следующие руны: ᚠᚢᚦᚨᚱ fu ᚦ ar. Ср. футарк из Герлева [4]: ᚠᚢᚦᚨᚱᚲᚼᚾᛁᛅᛋᛏᛒᛘᛚᛦ fu ᚦ arkhniastbmlR. Таким образом, в найденном обломке кости недостает части с пятью рунами (рис. 3).

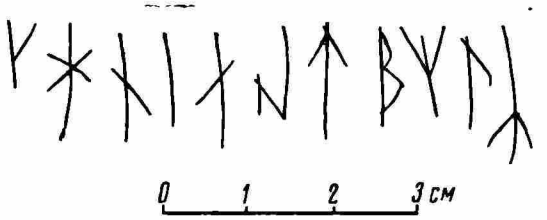


Рис. 2. Прорись рунической надписи

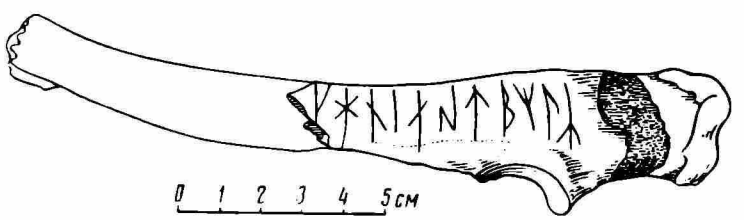


Рис. 3. Кость с рунической надписью (реконструкция)

Хронологически футарк из Герлева определяется 800—900 гг. Группа Хельнес — Герлев типологически относится к периоду 2. 1. по периодизации Л. Якобсен — Э. Мольтке [5], т. е. к 750(800) — 900 гг.

---

[3] О датских рунах см. L. Jacobsen, E. Moltke. Danmarks Runeindskrifter, т. I, København, 1942, стр. 767—773; H. Arntz. Handbuch der Runenkunde. Halle, 1944, стр. 107—108; O. von Friesen. Nordisk Kultur, т. VI, Runorna — Stockholm — Oslo — København, 1933, стр. 148 сл.

[4] L. Jacobsen, E. Moltke. Ук. соч., стр. 770.

[5] Там же, стр. 1020—1022.

Есть ряд оснований, позволяющих по данным рунологической типологии отнести новгородскую руническую надпись к более позднему периоду. В данной надписи руна № 9 (см. рис. 1 и 2) имеет форму ᛘ (m).

Первоначальный вид руны «m» в младшем руническом алфавите был ᛘ и ᛘ[6], и лишь к концу XI в. начинает преобладать руна ᛘ[7].

Таким образом, можно предполагать, что руническая надпись из Новгорода относится к XI—XII вв.

Данная руническая надпись представляет большой интерес для рунологии. В настоящее время известно 13 рунических надписей[8], представляющих собой выписанный полностью или частично младший рунический алфавит, так называемый датский футарк. Руническая надпись из Новгорода является четырнадцатым по счету изображением датского футарка. Довольно значительное количество сохранившихся рунических алфавитов, а также разбросанность памятников на обширной территории (от Дании до Новгорода) заставляет снова поднять вопрос о назначении данных алфавитов в истории германских и, в более позднее время, отдельных скандинавских племен и народов. Не исключена возможность, что наряду с определенными магическими целями рунические алфавиты преследовали и не менее определенные практические задачи обучения руническому письму. Сохранившиеся надписи с руническим алфавитом, в том числе и данная новгородская руническая надпись, как бы перебрасывают мост от раннегерманских рунических магических заклинаний к средневековым скрипториям и скрибам. Но анализ этого вопроса выходит за рамки настоящего сообщения.

[6] Там же, стр. 963.

[7] См. H. Arntz. Ук. соч., стр. 107; L. Jacobsen, E. Moltke. Ук. соч., стр. 963—964.

[8] L. Jacobsen, E. Moltke. Ук. соч., стр. 770—772.

В. В. СЕДОВ

ВОЙНОСОЛОВСКИЙ КРЕСТ

Войносоловский каменный крест (рис. 1) находится на месте старинного кладбища на территории дер. Войносолово Кингисеппского района, Ленинградской области[1]. Рядом с подписным крестом расположено еще несколько четырехконечных каменных крестов без каких-либо эпиграфических знаков. В 1885 г. около дер. Войносолово Л. К. Ивановский раскопал 138 курганов[2]. Уже А. А. Спицын при издании материалов из раскопок Л. К. Ивановского, подчеркивая своеобразие инвентаря войносоловских курганов, счел возможным отнести их к погребальным памятникам водского населения Новгородской земли[3]. Единичные славянские погребения этого могильника относятся к XII—XIII в., украшения же из войносоловских курганов XIV—XV вв. принадлежат исключительно к числу водского погребального инвентаря[4]. В XIV—XV вв. русское население этого края, по-видимому, хоронило умерших уже не в курганах[5], а на христианских кладбищах, к числу

[1] Войносолово является старым поселением и упоминается (как село Войносола) в Переписной оброчной книге Водской пятины (Новгородские писцовые книги, т. 3, СПб., 1868, стр. 906, 919).

[2] А. А. Спицын. С.-Петербургские курганы в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 100—101.

[3] Там же, стр. 51—52.

[4] В. В. Седов. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. СА, XVIII, 1953, стр. 226—229.

[5] Еще в первой половине XVI в. водское население Толдожского погоста, в состав которого входило и с. Войносола, хоронило умерших в курганах (см. П. Кеппен, Водь и Вотская пятина. ЖМНП, т. LXX, 1851, стр. 114).

Рис. 1. Войносоловский крест

Рис. 2. Надпись войносоловского креста

которых относится и войносоловское кладбище с каменными крестами.

Войносоловский подписной крест принадлежит к типу новгородско-псковских жальничных крестов. Изготовлен он из плитняка, высота креста 125 *см*, ширина 87 *см*, толщина 22 *см*. Это — четырехконечный крест с короткими сросшимися концами, разделенными между собой сквозными круглыми отверстиями диаметром 10 *см*. Концы креста (кроме нижнего) заканчиваются двухскатно. Широкое, расширяющееся книзу его основание имеет выступ для помещения в вырезе каменной плиты, подложенной под крест. Подобное устройство обычно для жальничных крестов новгородского типа. Однако форма войносоловского креста не является широкораспространенной. Подобные каменные кресты Новгородской земли И. А. Шляпкин объединяет в четвертый тип своей классификации, в который включает всего три креста [6]. Из числа последних наиболее близок к войносоловскому только один — крест с жальника при дер. Рабитицы бывш. Ямбургского уезда [7]. Отдаленными прототипами рабитицкого и войносоловского крестов, по-видимому, были стерженский и воймерицкий каменные кресты.

А. А. Спицын, указывая на эти аналогии, считает возможным датировать рабитицкий жальничный крест XIII в.

В верхней части войносоловского креста (рис. 2) [8] помещены обычные для намогильных крестов монограммы «ІСЪ» и «ХЪ» под титлами и «НИКА», в средокрестии изображен восьмиконечный крест неусложненной формы на подножии. Ниже высечена надпись: «ХРОСТЪ РАБА БИЖ САВЫ ТАРАСИНА КУЗНЕЦА».

---

[6] И. А. Шляпкин. Древние русские кресты, ч. 1, СПб., 1906, стр. 27.

[7] А. А. Спицын. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 220 и рис. 373.

[8] Фотография креста выполнена местным краеведом Д. И. Смольским. Публикуется с его разрешения, за что выражаю ему благодарность.

Таким образом, войносоловский крест был поставлен над могилой, по-видимому, местного кузнеца Савы Тарасина [9]. Лицевая сторона креста, кроме того, по краю обведена каймой, что очень характерно для новгородско-псковских жальничных крестов XIV—XV вв.

По начертанию многих букв надпись войносоловского креста ближе всего стоит к надписи на каменном кресте при церкви Благовещения у Аркажского монастыря, датированном XIV в. [10]. Для определения даты войносоловского креста наиболее важными являются следующие палеографические приметы.

Наиболее архаичной чертой является написание «Ы» с петлей в виде небольшого треугольника, что является формой, распространенной в памятниках XI—XIII вв. Для памятников XIV в. характерны уже набухшие округлые и ломаные петли [11]. А. В. Арциховский при издании новгородских берестяных грамот часто подчеркивает, что в грамотах XIII в. петли «Ъ» еще треугольны, петли «В» уже набухшие [12]. Однако на войносоловском кресте петли «Ъ» в трех других случаях имеют легкое набухание, что вместе с сильно набухшей нижней петлей «В» позволяет думать, что рассматриваемая надпись сделана после XIII в. «В» войносоловского креста находит аналогии в памятниках XIV — начала XV в. [13].

«Р» войносоловского креста в двух случаях имеет четырехугольную головку, что находит многочисленные аналогии в памятниках XIV в. [14].

И. А. Шляпкин считает подобное написание характерным для XIII в., так как в XIV в. верхняя часть этой буквы обостряется и хвост входит в строку [15].

На войносоловском кресте «Р» всюду в строке и в одном случае имеется заостренное «Р». В берестяных грамотах XV в. «Р» почти всюду имеет заостренную головку [16].

Буква «А» войносоловского креста характеризуется узкой и длинной петлей, что довольно типично для надписей XIV в. Написание йотованного А с соединительной чертой в верхней части (см. рис. 1, 2) находит аналогии в памятниках XIV в. [17]; впрочем, такое же начертание встречается и на более поздних берестяных грамотах.

«И» (иже) войносоловского креста во всех случаях имеет горизонтальную поперечную черту, лежащую посредине, что архаично. Однако этот архаизм держится в новгородских берестяных грамотах в течение всего XIV и заходит в XV в.

«Ы» на войносоловском кресте написано с «ером», что также указывает на XIV в., так как в XV в. эта буква уже пишется с «ерем» [18]. В некоторых письменных памятниках начала XV в. еще встречается «Ы»

---

[9] На рубеже XV—XVI вв. в с. Войносоле жили четыре кузнеца (Новгородские писцовые книги, т. 3, стр. 918—919).

[10] А. А. Спицын. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских, стр. 214 и рис. 364.

[11] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 105.

[12] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.). М., 1954, стр. 61.

[13] Например, упомянутый выше аркажский крест, апостол 1391 г., написанный в Новгороде (А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1908, табл. 6), стихарь 1422 г. (Я. И. Трусевич. Изборник 1905 г. Свод 260 азбук и образцов кирил лицы, вып. 1. СПб., 1905, № 154) и др.

[14] Я. И. Трусевич. Ук. соч., №№ 88, 134, 140; Новгородские берестяные грамоты №№ 30, 43, 58, 59 и др.

[15] И. А. Шляпкин. Русская палеография. СПб., 1913, стр. 58.

[16] Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 255.

[17] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 206.

[18] И. А. Шляпкин. Русская палеография, стр. 63; Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 204.

с «ером», но петли «ера» в отличие от войносоловской надписи всегда набухшие.

Учитывая все эти особенности палеографии, войносоловский крест нужно датировать XIV в.[19].

Случаи перехода «Е» в «О» в новгородских письменных документах зафиксированы неоднократно[20]. Однако изменение «Е» в «О» на войносоловском кресте (хрьст-хрест-хрост) не оправдано грамматически и, по всей вероятности, является следствием отвердения «Р», что в настоящее время имеет место в части псковских говоров.

Войносоловский крест не был до сих пор известен археологам.

---

[19] Простой восьмиконечный крест на подножии, изображенный в средокрестии войносоловского креста, имеет аналогии на многих новгородских каменных крестах XIV — начала XV в. (см. А. А. Спицын. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских, рис. 332, 337, 338, 340, 370, 372; Тр. XV АС, т. I, М., 1914, стр. 153) Датированные памятники с изображением подобного креста относятся к XIV в. В. Л Янин (см. В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1955 г. МИА, № 65, 1959, стр. 299—302) отмечает, что уже в конце XIV в. этот крест на свинцовых печатях сменяется восьмиконечным крестом сложной формы.

[20] Р. И. Аванесов. Фонетика. Сб. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955, стр. 92—93.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 81, 1960. 220 стр. +5 карт. Тираж 2200. Цена 17 руб. 75 коп.

Непрерывное и за последние годы особенно быстрое накопление материалов из раскопок советских археологов поставило перед нами задачу создания сводов археологических источников, справочников, археологических карт. Уже вышли первые тома свода археологических памятников СССР, над которым работает коллектив Института археологии АН СССР. Составлением археологических карт своих республик заняты археологи академий наук Украины, Казахстана и др. В этой связи важно учесть опыт уже опубликованных археологических справочников. Одним из таких справочников является книга Н. А. Береговой «Палеолитические местонахождения СССР».

Эта книга — результат многолетнего кропотливого труда. Еще до войны Н. А. Береговая начала составлять картотеку по палеолитическим стоянкам. Список памятников, зафиксированных к 1938 г., был ею опубликован совместно с П. П. Ефименко[1]. После войны сбор материала был продолжен, и все исследователи палеолитических стоянок считали своим долгом сообщать Н. А. Береговой об очередных находках. Таким образом, рецензируемый труд — не только плод большой работы автора, но в известной мере и создание всего коллектива советских исследователей палеолита.

Нет сомнений в том, что специалисты по каменному веку и у нас, и за рубежом будут многократно обращаться к этому справочнику, находя в нем и точные координаты памятников, и библиографические справки, и карты стоянок. Отметим, что в справочнике 1938 г. карт не было. Составление 23 карт, 18 из которых дают представление о группировании памятников в отдельных районах СССР,— большая заслуга автора.

Польза справочника настолько очевидна, что положительная оценка книги не требует многих слов. Задача этой рецензии не в том, чтобы еще раз сказать о важности создания таких сводок — настольных книг для специалистов той или иной области археологии. Мы хотим остановиться на структуре справочника, отборе материала для его статей, чтобы извлечь из этого уроки для других аналогичных изданий.

Материал в справочнике распределен по четырем рубрикам: 1) древний палеолит, 2) средний палеолит, 3) поздний палеолит и мезолит, 4) арктический палеолит. Деление странное. Большинство советских специалистов по палеолиту не выделяет мустьерскую эпоху в особый средний палеолит, но почти для всех археологов ясно, что мезолит — важный самостоятельный период истории первобытного общества. Те немногочисленные исследователи, которые не выделяют мезолит в особую эпоху, всегда присоединяют его к неолиту, так как мезолитические стоянки по характеру культуры ближе к неолитическим, чем к палеолитическим. Таким образом, более правильным было бы деление: 1) древний палеолит, 2) поздний палеолит, 3) мезолит.

Введение в справочник арктического палеолита вообще неоправдано. Ведь это термин сугубо условный, покрывающий памятники мезолитической и неолитической эпох. Показательно, что в разделе об арктическом палеолите перечислены те же 12 пунктов, что и в справочнике 1938 г., т. е. пункты разведок Б. Ф. Землякова. Аналогичные памятники обследовались и позднее, но теперь исследователи называют их просто неолитическими. Не включив такие памятники в свой справочник, Н. А. Береговая не должна была включать и подобные им материалы из старых разведок.

Несостоятельность разбивки памятников по четырем разделам становится еще яснее, если мы обратимся к самому списку. Н. А. Береговая относит к древнему палеолиту Выхватинцы, Киик-Кобу, Ненасытец, Круглик, Красноводск и к среднему — Красную Глинку, Тунгуз, Хрящи. Между тем с неменьшим основанием можно было бы поступить наоборот. Фауна Выхватинцев с остатками мамонта, северного оленя, шерстистого носорога не может быть ашельской. Провести грань между ашелем и мустье на материалах аллювиальных местонахождений чрезвычайно трудно. Сомнительные

---

[1] П. П. Ефименко, Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 2, 1945, стр. 254–290.

случаи мы найдем и при делении стоянок на средний и поздний палеолит. Единичное скребло с р. Нарын в Восточном Казахстане (№ 213) скорее надо отнести к верхнему палеолиту сибирского типа, чем к мустье. Зато местонахождение Малый Кот с зубом трогонтерия не может быть верхнепалеолитическим (№ 394). Пещера Медведь-Камень по комплексу фауны и анализам костей методом коллагена должна быть отнесена к мустье, а не к позднему палеолиту (№ 305). Нижний же слой Сагварджиле (№ 165) относится скорее к началу верхнего палеолита типа Таро-Клде и Хергулис-Клде, чем к мустье. Таким образом, значение разбивки материала по четырем хронологическим группам невелико.

В то же время напрашивается деление на совсем другие четыре рубрики. Учтенный автором материал неравноценен. С одной стороны, мы имеем памятники, исследование которых составляет гордость советской археологии. Это стоянки, раскопанные на большой площади, давшие богатые находки, комплексы фауны и кремня, материалы о планировке поселений и т. д. Таковы Киик-Коба, Тешик-Таш, Костенки I и IV, Авдеево, Мальта и т. д. С другой стороны, перед нами такие пункты, как, например, №№ 73 и 124. В верхнем (т. е., по А. П. Чернышу, мезолитическом) слое стоянки Владимировка найден отщеп архаичного облика. Может быть, это и мустьерский отщеп, использованный в мезолитическую эпоху [2], но не исключено, что это просто мезолитический отщеп, случайно получивший архаичную форму. И вот этот отщеп фигурирует под отдельным номером, тогда как сама стоянка Владимировка, где выявлено восемь разновременных культурных слоев, тоже идет за один номер. Ясно, что такое сопоставление находок во Владимировке как однозначных памятников невозможно.

№ 124 — единичная находка отщепа кремня на р. Альме. Описывая отщеп, О. Н. Бадер отметил: «не исключена возможность и естественного происхождения его» [3]. Можно ли равнять такие местонахождения с Костенками и Киик-Кобой?!

Нам представляется, что справочник надо было делить на четыре рубрики: 1) стоянки с культурным слоем, подвергшиеся раскопкам, давшие бесспорные комплексы; 2) местонахождения без культурного слоя, но с большим подъемным материалом, достаточно характеризующим памятник, хотя и не решающим вопрос о единстве комплекса. В этот раздел войдут Сатани-Дар, Арзни, Яштух, Лаше-Балта и т. д.; 3) случайные находки, бесспорно палеолитического возраста и 4) спорные и ложные памятники.

Эта рубрика тоже нужна, и, пожалуй, именно в данном справочнике ей надо уделить особое внимание. В литературе имеется немало сомнительных сообщений о находках палеолита. Проверка некоторых из них убедила исследователей в ошибочности сведений. Такие отрицательные данные обычно не публикуются, а в справочнике как раз и уместно их поместить, чтобы ложные сведения не засоряли литературу. Так, стоило бы отметить, что Умрихинское и Бжедуховское местонахождения фауны, описанные как палеолитические стоянки в специальных статьях [4], обследованы (первое — С. Н. Замятниным, а второе — А. А. Формозовым), и эти обследования сняли вопрос о палеолитическом характере местонахождений. Бжедуховское местонахождение фигурирует даже в зарубежных сводках [5], и развенчать его особенно нужно.

Н. А. Береговая не внесла в настоящее издание справочника ряд пунктов, отмеченных в первом издании. В большинстве случаев пункты исключены обоснованно, но список местонахождений, не вошедших в справочник, не расшифрован. Стоило бы указать, что Ат-Баш, Балин-Кош, Юсуповский Бассейн исключаются, так как по типам кремневых орудий ясно, что это неолитические стоянки; Джаман-Клыч [6] не внесен потому, что здесь с кремнем найдена керамика, и т. д., и т. п. Если бы вместо проблематичного деления на хронологические группы материал был распределен по степени его достоверности, мы получили бы очень нужное представление о состоянии наших источников и более реальные данные о числе известных стоянок.

Об этом числе надо сказать особо. Ни один обзор работ советских археологов не обходится без цифр: до революции известно было 12 палеолитических стоянок, к 1938 г. — 300, а сейчас — более 900. Успехи советского палеолитоведения общепризнанны, но ценность этих цифр крайне мала. Посмотрим, как складываются цифры в данном справочнике. На открытом местонахождении Яштух есть находки разного возраста. Поэтому на Яштух дано три номера (22, 148, 874). Может быть, это и логично, но тогда почему же на каждую из многослойных стоянок Костенок и многослойных

---

[2] Находки древних орудий, принесенных как поделочный материал на более поздние стоянки, известны в пещерах Таро-Клде и Сакажиа, однако эти находки не отмечены Н. А. Береговой — еще один случай непоследовательности составителя справочника.

[3] Н. И. Николаев. Материалы к геологии палеолита Крыма. Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. геол., т. XVIII, № 2, 1940, стр. 51.

[4] В. П. Каншин. Умрихинский мамонт и следы человека палеолитической эпохи. Тр. КУАК, вып. 1, 1911; Л. В. Олейников. Палеоэтнологические разыскания в окрестностях ст. Бжедуховской. Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения, № 5—7, 1926, стр. 29—30.

[5] F. Hančar. Urgeschichte Kaukasiens. Wien, 1937, стр. 154—155.

[6] С. Е. Максимов. Находка палеолита в районе Аральского моря. Уч. зап. ЛГУ, № 70, сер. геол.-почв. наук, вып. 11, 1944, стр. 167.

пещер Крыма и Кавказа дается лишь по одному номеру? Ведь здесь разновозрастность находок зафиксирована лучше, чем при сборах на разрушенном местонахождении. Далее, в одном случае сборы в трех пунктах близ Луки-Врублевецкой идут под тремя соседними номерами (43—45), а в другом аналогичном случае сборы в трех местах близ ст. Бакинской взяты под один № 37. Около двух десятков мезолитических стоянок Белоруссии и Литвы названы только в примечаниях к № 480 и 488 и не получили собственных номеров. Если к этому добавить, что в справочник попало несколько неолитических и ложных памятников и не попали многие мезолитические стоянки, цена огульных цифр будет окончательно ясна.

Разнобоя с распределением материала по номерам не получилось бы, если бы палеолитические местонахождения СССР были расклассифицированы не по возрасту, а именно по типу местонахождений: разрушенные стоянки отделены от памятников с культурным слоем и т. д. Может быть, стоило дать общий список местонахождений по географическому принципу, отмечая особыми значками против каждого номера, к какому типу местонахождений относится памятник. Кстати, географический принцип в книге Н. А. Береговой применен неудачно: материал по верхнему палеолиту перечисляется по республикам, а внутри этого деления — по бассейнам рек. В результате к памятникам Десны, Сожа, Прибалтики, Кавказа приходится возвращаться вторично после перечисления 200 сибирских стоянок. Резать единые группы памятников Средней Десны или Черноморского побережья Кавказа по границе республик нет ни малейших оснований, тем более что карты составлены вне зависимости от административных границ.

Что касается отдельных статей о местонахождениях, то тут тоже может быть сделан ряд замечаний. Библиографические справки не всегда полны, а в список литературы, напротив, включено много статей, не использованных в тексте. Далеко не везде указано, где хранятся коллекции со стоянок. Иногда такие сведения, может быть, и трудно было получить, но ничто не мешало автору указать, где находятся коллекции из Выхватинцев, Кирилловской стоянки, Гонцов или Елина Бора. Нет надобности говорить о том, как такие сведения увеличили бы ценность справочника. Они гораздо нужнее, чем пересказ того, что думают об Амвросиевке П. П. Ефименко, И. Г. Пидопличко и П. И. Борисковский, в чем расхождения в датировке слоев Костенок между П. П. Ефименко и А. Н. Рогачевым и т. д. Это материал не для справочника, а для монографии.

Текст статей мог бы быть короче: описание планировки, стратиграфии и материала стоянок в той форме, в какой мы здесь это имеем, мало что дает. Справочного же материала, вплоть до номеров коллекций в музеях, хотелось бы получить больше.

Перейдем к частным замечаниям. Думается, что мезолитические стоянки включать в справочник не следовало. Конечно, в ряде случаев трудно провести грань между палеолитом и мезолитом, но еще труднее провести грань между мезолитом и неолитом. Некоторые местонахождения, вошедшие в справочник, несомненно, тесно примыкают по времени к неолиту (круг памятников типа Кунда-Пярну, арктический палеолит). Ну, а если мезолит все же включен в справочник, то надо было учитывать все местонахождения и все материалы как для палеолита, а не делать выборочного списка. Названы более или менее все мезолитические стоянки Волго-Окского бассейна и Крыма (нет только нижнего слоя Джайляу-Баш и навеса Буран-Кая), но данные о стоянках Литвы, Белоруссии, Донетчины приведены выборочно. Неполны материалы и по мезолиту Кавказа (нет Кеп-Багаза, Чоха), Днепровских порогов (нет балки Кляуза и трех мезолитических могильников) и Прикамья (нет Левшина). В статьях о мезолитических стоянках хуже учтена и литература. Так, по мезолиту Литвы и Эстонии учтено лишь несколько обзорных статей на русском языке, но нет ссылок на публикации отдельных памятников на литовском, эстонском и немецком языке.

Замечания по отдельным памятникам.

№ 109. Барбашин Овраг. Палеолитический возраст найденного здесь орудия сомнителен. Еще В. В. Гольмстен, а затем О. Н. Бадер находили на Барбашиной Поляне неолитические изделия [7].

№№ 136 и 137. «Воронцовская пещера» Д. А. Крайнова и «Партизанская пещера» Л. Н. Соловьева — это одно и то же [8].

№ 270. Сведения о Ясакове после обследования А. И. Москвитина в 1951 г. требуют пересмотра. А. И. Москвитин установил, что остатки четвертичной фауны залегают много ниже слоя погребенной почвы, где П. И. Борисковский нашел отдельные кремни. Следовательно, сомнителен и палеолитический возраст местонахождения.

№ 838. Бодрак. Так как в верхнем палеолите Крыма нет двусторонне обработанных наконечников копий, но они весьма многочисленны в неолите и энеолите Крыма, палеолитический возраст обломка наконечника, найденного на поверхности, более чем сомнителен.

№№ 833 и 857 — Константиновка и Черная Балка — типичные стоянки Крымского неолита с трапециями со струганой спинкой.

---

[7] О. Н. Бадер. Ранний палеолит Урала и Поволжья. Уч. зап. Пермского ун-та, т. VII, вып. 2, 1955.

[8] Л. Н. Соловьев. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа. Сб. «Вопросы карста на юге Европейской части СССР», Киев, 1956, стр. 53.

№ 884. Неолитический возраст Одиши после раскопок аналогичных стоянок (Нижняя Шиловка, Анасеули и Мицисцихе) не вызывает сомнений.

№ 930. Палеолитический возраст наскальных изображений Зараут-Сая маловероятен.

№ 951. Если, как пишет Н. А. Береговая, раскопки А. П. Окладникова в Кизил-Лае обнаружили керамику в одном слое с орудиями, ранее считавшимися палеолитическими, это местонахождение незачем включать в основной список.

О сомнительности палеолитического возраста находок в Мельтинове (№ 113) и Идельбаеве (№ 304) нам уже приходилось писать.

Таковы замечания о справочнике «Палеолитические местонахождения СССР». Мы не хотим умалить большую пользу добросовестного и скрупулезного труда Н. А. Береговой. Ценность его несомненна, но хочется пожелать, чтобы автор вновь продумал структуру и отбор материала для будущих изданий справочника, которые безусловно потребуются через ряд лет. В справочнике должно быть больше справочных данных и меньше субъективности при выборе материала, делении его на хронологические группы и т. д.

А. А. Формозов

Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959, 190 стр. + 47 таблиц. Тираж 20000. Цена 21 руб. 10 коп.

В 1959 г. вышла в свет книга, подводящая первые итоги крупных археологических раскопок в Мингечауре, проведенных Академией наук Азербайджанской ССР в 1946—1953 гг.

Положение Мингечаура «у ворот Куры» — главной водной артерии Закавказья — делало эту зону средоточием интенсивной жизни с древнейших времен. Поэтому семилетняя работа авторов рецензируемой книги и других археологов Азербайджана под руководством С. М. Казиева в Мингечауре пополнила советскую археологическую науку весьма значительным фондом новых материалов. За 89 месяцев полевых работ Мингечаурская археологическая экспедиция раскопала около 35 000 $м^2$ и добыла более 20 000 предметов, относящихся ко времени от эпохи энеолита до средневековья включительно.

Рецензируемая книга содержит факты и обобщения, связанные с древнейшей частью мингечаурского археологического комплекса, относящейся к эпохе энеолита и бронзы. Книга состоит из глав (историко-географический очерк; энеолит; памятники эпохи бронзы; хозяйство и ремесло). В приложениях даны сводная таблица погребальных комплексов, анализы металлических предметов, справки об остеологическом материале и об исследованиях тканей эпохи бронзы. На 47 графических и фототаблицах воспроизведены основные типы добытых вещей.

Все, что до сих пор было опубликовано по археологии Мингечаура, посвящалось отдельным памятникам, их сравнительно небольшим группам или представляло собой предварительные обобщения по вопросам хронологии и периодизации мингечаурских памятников. В рецензируемой книге впервые сведен, систематизирован и проанализирован огромный материал эпохи энеолита и бронзы, добытый в Мингечауре.

Научное значение данной книги для азербайджанской и всей советской археологии трудно переоценить.

Наслаивавшиеся на сравнительно небольшом пространстве, там, где Кура выходит из предгорий Большого Кавказа на равнину, мингечаурские археологические памятники дали много нового для понимания ряда основных вопросов древней истории Закавказья.

Мингечаурская экспедиция впервые вскрыла в этой зоне погребения и жилища энеолитического периода, памятники которого были известны лишь в Армении, Грузии и Дагестане. Тем самым была заполнена неясная для периода энеолита археологическая зона Азербайджана. После Мингечаура этот тип энеолитических памятников выявлен в Азербайджане у с. Варданлы Варташенского района (раскопки С. М. Казиева), на берегу р. Акстафачай Казахского района (раскопки И. Г. Нариманова), на берегу р. Аракса в Нахичеванском районе (раскопки О. А. Абибуллаева).

Раскопки в Мингечауре четко выявили две хронологические группы памятников эпохи бронзы. После раскопок Я. И. Гуммеля в зоне г. Ханлара опровергнута была старая точка зрения о том, что отсутствие жилищ эпохи бронзы в Азербайджане свидетельствовало о кочевом образе жизни населения. Мингечаур, как и другие археологические объекты Азербайджана, где выявлены поселения эпохи бронзы (Сары-Тепе, Узерлик-Тепе, Тойра-Тепе и др.), вполне подтвердил наличие здесь оседлого населения, связанного с земледелием, в том числе с виноградарством. Более того, синхронность и однотипность археологического материала этих объектов, число которых, очевидно, будет возрастать, дает основание считать, что полоса оседлости в Азербайджане эпохи бронзы была весьма значительной и сплошной. При этом в Мингечауре археологические материалы из погребений и жилищ вполне однотипны.

Жилища, грунтовые погребения и подкурганные погребения древнего Мингечаура дают однородные материалы, в основном соответствующие широко распространенной в Азербайджане ходжалы-кедабекской культуре. Мингечаур рубежа II—I тысячелетий до н. э. выявил сходство с ней и в обрядах погребения, в таких деталях его, как наличие панциря черепахи рядом с головой погребенного. Тот факт, что в Мингечауре нет погребальных сооружений ходжалы-кедабекской эпохи из массивных камней, объясняется особенностями этой зоны, в которой отсутствует камень. Мингечаур, кроме того, обогатил наши сведения о ходжалы-кедабекской культуре новыми памятниками (гончарные печи, металлургические горны, бронзовые орнаментированные пояса).

Мингечаурские материалы имеют в своем составе среди массы бесспорно местных вещей отдельные предметы (раковины каури, поливная керамика, кинжал луристанского типа, бесчерешковый кинжал колхидо-кобанского типа и др.), явно завезенные с Запада и с Юга. Часть их, по-видимому, шла через земли Мидии.

Последние этапы мингечаурских памятников эпохи бронзы и раннего железа свидетельствуют о серьезных социальных изменениях в древнем Азербайджане. Подкурганные погребения Мингечаура дают инвентарь, резко отличающийся своим богатством от инвентаря грунтовых погребений. Это — яркое свидетельство имущественной дифференциации и, вероятно, признак выделения рабовладельческой знати.

В Мингечауре добыт ряд уникальных вещей для Кавказа эпохи раннего железа, среди которых выделяются модели жилищ-кибиток, обнаруженные в погребениях (стр. 128—130, 163).

В рецензируемой книге, как и во всякой первой большой работе, базирующейся на новом археологическом материале, неизбежны недостатки и ошибки. К наиболее общим из них нужно отнести следующие. Абсолютная и, отчасти, относительная хронология памятников не всегда достаточно аргументирована и требует уточнения. В частности, курганы датированы XI—IX вв. до н. э. без достаточных оснований (стр. 120). В этих курганах имеются бронзовые разнотипные удила, известные на Кавказе с IX в. до н. э., железные изделия, свидетельствующие о сравнительно позднем этапе эпохи бронзы, поливная керамика, сходная с найденной в Ходжалах и датируемая VIII в. до н. э. черешковые трехгранные наконечники стрел с выемками у оснований крыльев, относящиеся ко времени не ранее IX в. до н. э. Все это не дает права датировать мингечаурские курганы таким ранним временем, каким они датированы в рецензируемой книге.

В книге сделана попытка доказать, что в могильнике Мингечаура над слоем сильно скорченных погребений эпохи бронзы, датируемых XIII—IX вв. до н. э., расположены вытянутые погребения, датируемые VII—IV вв. до н. э., а над последними — слабо скорченные, датируемые IV—II вв. до н. э. (стр. 15—16). Нам кажется, что эта стратиграфия требует уточнения. Инвентарь слабо скорченных погребений (железные копья, керамика и пр.) по ряду черт является как бы развитием инвентаря сильно скорченных погребений и подкурганных захоронений. Поэтому не исключено временное параллельное существование вытянутых и слабо скорченных погребений. Это тем более возможно, что и сильно скорченные и слабо скорченные костяки имеют одинаковую (северо-западную) ориентацию.

Каменные орудия, которые авторы считают неолитическими, следовало бы скорее отнести к энеолиту.

Наличие железных вещей в грунтовых погребениях и курганах, где преобладал бронзовый инвентарь, авторы или обходят молчанием, или (стр. 96) пытаются объяснить деятельностью грабителей. Однако железо известно и в других мингечаурских погребениях, синхронных курганам с железными вещами. Сами же авторы (стр. 123) отмечают в Мингечауре конца эпохи бронзы наличие железных серпов.

Совершенно недостаточно внимания авторы книги уделили анализу идеологии и искусства, изучению антропологических фактов.

Одну группу миндалевидных кремневых наконечников стрел с выемкой у оснований авторы отнесли к энеолиту (стр. 31), хотя такие же наконечники в другом месте книги (стр. 43) они относят к эпохе поздней бронзы. Нам кажется, что последняя датировка более приемлема для всех мингечаурских находок этого типа.

Мингечаур дополнил азербайджанскую археологическую коллекцию каменных сосудов эпохи бронзы и раннего железа новыми образцами.

В Мингечауре в слоях эпохи бронзы найдено несколько сот раковин каури (стр. 154). Для определения их значения авторы книги ссылаются на неазербайджанские материалы, но почему-то обошли молчанием безусловно известные им факты бытования до последних лет в качестве амулетов этих раковин у азербайджанцев.

Мелкомасштабна и поэтому не совсем ясна схема археологических объектов (стр. 14). В книге, к сожалению, нет именных указателей. Неудачно наименование главы IV — «Хозяйство и ремесло», ибо в этой формулировке ремесло как бы ставится вне хозяйства. Не всегда точны ссылки: на стр. 9 (сноска 2) неправильно указано цитируемое произведение; не всегда полны выходные данные цитируемой литературы (стр. 31 и др.). Трижды ошибочно отмечено имя первого исследователя древней Кавказской Албании А. Яновского (стр. 19) и т. д.

Отмеченные недостатки и ошибки рецензируемой книги не умаляют ее большого научного значения для археологии Азербайджана и всего Кавказа.

И. Г. Нариманов, З. И. Ямпольский

L. Dupree. Shamshir Ghar: Historic Cave Site in Kandahar Province, Afghanistan. New York, 1958. 171 стр.+ 27 табл.

В 1950 г., во время работ американской экспедиции под руководством В. Фэрсервиса, в Афганистане были предприняты поиски каменного века. В Южном Афганистане с этой целью были произведены раскопки пещеры, носящей эффектное название Шамшир-Гар («пещера сабли»), расположенной в долине р. Аргендаб, к западу от г. Кандагар. Однако оказалось, что следы каменного века здесь отсутствуют и что пещера эпизодически посещалась людьми лишь в сравнительно поздние периоды. Публикации обнаруженных здесь материалов и посвящена монография Л. Дюпре, вышедшая в свет после появления в печати целого ряда предварительных сообщений [1].

Обнаруженный при раскопках пещеры материал, состоящий главным образом из фрагментов керамики, автор подвергает тщательному анализу и считает возможным выделить четыре периода в обживании пещеры. В раннекушанский период, относимый им к 100 г. до н. э.—100. г. н. э., была распространена красноангобированная керамика, около четверти которой покрывалось росписью. Несложные линейные и геометрические орнаменты наносились темно-красной, черной или кремовой краской. В основном этот же тип сохраняется и в позднекушанский период (100—300 гг. н. э. по Л. Дюпре). К этому периоду относит автор и найденный в пещере небольшой железный трехперый наконечник стрелы с приостренным черешком. Представляют интерес печати с изображениями крылатого верблюда на одной и какой-то птицы на другой. В период, называемый автором кушано-сасанидским, продолжает бытовать расписная керамика. Наконец, в самом верхнем слое (700—1222 гг.) обнаружены характерные фрагменты поливной керамики, которые находят себе прямые аналогии в среднеазиатских материалах.

Слабая археологическая изученность Афганистана, и особенно его южных районов, делают весьма ценным появление всяких новых материалов. В этом аспекте данные, публикуемые Л. Дюпре, впервые хоть как-то проливают свет на материальную культуру древней Арахосии. Вместе с тем следует отметить, что предлагаемую автором стратиграфию следует рассматривать как весьма условную. Сложность стратиграфических наблюдений в пещерах, где культурный слой образуют главным образом зольные отложения, хорошо известна. По Л. Дюпре, позднекушанский слой имеет толщину 10 *см*, кушано-сасанидский — 5—10 *см* и «раннеисламский» — 20 *см*. Вполне естественно, что в таких условиях при отсутствии корректирующих стратиграфических схем, полученных на других памятниках, дробное членение материала не может считаться вполне надежным. Наличие наряду с раннесредневековыми материалами вещей более раннего, скорее всего кушанского времени не вызывает сомнений (наконечник стрелы, печати, ножки бокалов, венчики хумов, близко напоминающие парфянские материалы). Но выделение трех ранних периодов, даты для которых, как пишет сам автор, предлагаются на основании общеисторических данных (стр. 208), является преждевременным.

Вместе с тем, как уже отмечалось, материалы Шамшир-Гара в известной мере способствуют изучению культуры кушанской Арахосии. Широкое распространение здесь расписной керамики в этот период представляет одну из черт местного своеобразия. На территории Бактрии это явление не отмечено. На территории Паропамисад расписной узор эпизодически появляется на бокалах в слое Беграм II. Несколько неожиданные по отдаленности аналогии расписной керамике Шамшир-Гара дает древняя Фергана (комплекс Шурабашата), но и здесь наблюдаются значительные различия.

В. М. Массон

---

[1] L. Dupree. Preliminary Field Report on Excavations at Samashir Ghar. «Afghanistan», 1950, № 4; его же. Shamshir Ghar, a Cave in Afghanistan. Archaeology, 1957. № 2 и др.

Н. Н. Залесский. Этруски в Северной Италии. Изд-во ЛГУ, 1959. 114 стр. Тираж 1000 экз. Цена 5 руб. 20 коп.

Труд Н. Н. Залесского «Этруски в Северной Италии», как сообщает в предисловии автор, является извлечением из большого и частично опубликованного исследования, посвященного культурно-экономическим связям, а также экспансии и господству этрусков в Италии (VII—V вв. до н. э.). Следует заметить, однако, что содержание рецензируемой книги выходит далеко за пределы очерченного автором сравнительно узкого круга избранных им сюжетов. Изучение материальной культуры Паданской Этрурии позволило ему поставить и наметить пути решения таких проблем, как проблема происхождения этрусков, проблема этрусской колонизации, проблема государственного строя и социальной структуры Паданской Этрурии и т. д. Перед нами, в сущности, первая оригинальная монография по вопросам этрускологии на русском языке. Все это делает книгу Н. Н. Залесского крупным событием в советском антиковедении и привлекает к ней внимание читателя.

Рецензируемая книга состоит из двух глав. В первой главе подробно рассматривается история вопроса и анализируются источники, освещающие проблему пребывания этрусков в Паданской области и в Альпах. Вторая глава представляет собой краткий очерк истории Паданской Этрурии.

Излагая историю вопроса, Н. Н. Залесский подробно останавливается на так называемой «ретийской» теории происхождения этрусков. В основе этой теории лежит, как известно, предположение о тождестве расенов-этрусков с ретами — народностью, населявшей Центральные Альпы. В частности, один из видных представителей этой теории, Л. Парети, основываясь на своем истолковании ретийских надписей и топонимики Центральных Альп, утверждал, что именно в этом районе находится очаг возникновения протоэтрусской культуры, в дальнейшем распространившейся на юг. Попыткой примирить «ретийскую» теорию с античной традицией о малоазиатском происхождении этрусков является точка зрения, согласно которой имелись два слоя этрусского населения — рето-тиррены северного происхождения и более поздние этрусские колонисты, явившиеся в Италию из Эгеиды.

Проделанный Н. Н. Залесским анализ античной традиции, посвященной Северной Италии, анализ этрусских и ретийских надписей, а также данных языка убедительно опровергает эти построения. Автор показал, что традиция не содержит каких-либо сведений, которые позволили бы говорить об автохтонности этрусков в Северной Италии и в Альпийском районе; более того, единственный источник, свидетельствующий о близости ретов с этрусками (Liv., V, 33, 9—11), говорит только о том, что реты происходят от этрусков, прибывших в Альпы с юга. Исследование эпиграфического материала показывает, что правы ученые (к которым присоединяется и автор рецензируемой работы), считающие этрускизмы в ретийских надписях явлением неорганичным. Общий вывод Н. Н. Залесского о необоснованности «ретийской» теории происхождения этрусков представляется весьма интересным, плодотворным и убедительно доказанным.

Подбор и републикация североэтрусских надписей (с историческим и филологическим комментарием к ним) делают книгу Н. Н. Залесского особенно ценной.

Привлекает внимание читателя богатый археологический материал, изученный и систематизированный в рецензируемой работе: памятники Мисы, Фельзины, Спины и ряда других пунктов. В частности, раскопки Мисы позволили установить характерные черты этрусского градостроительства в последней четверти VI в. до н. э. Интересно открытие там же этрусского храма с тремя целлами и пяти святилищ, ориентированных по странам света и имевших вход с южной стороны. Памятники Фельзины позволяют проследить процесс возникновения этрусской колонии в этнически чуждой среде. Доэтрусское население Фельзины автор относит к «сожигающим италикам», осторожно высказываясь в то же время в пользу умбрского происхождения паданской Виллановы. Автор полагает, что синойкизм «виллановианских» поселений Фельзины сопровождался перепланировкой города в соответствии с этрусским ритуалом. Уточняя это положение во второй главе, Н. Н. Залесский высказывает предположение о том, что город Фельзина возник в результате слияния укрепленного лагеря колонистов-этрусков с местными «виллановианскими» поселениями. Не исключено, что это объединение носило мирный характер. Значительное место в археологическом материале, происходящем из этрусских поселений Северной Италии, занимают фонды керамики.

Во второй главе наиболее интересны замечания автора, посвященные проблеме этрусской колонизации, причиной которой Н. Н. Залесский считает обострение социальной борьбы в складывавшихся рабовладельческих общинах Этрурии VII—VI вв. до н. э. Процесс колонизации носил в общем стихийный характер. Основными центрами колонизационного движения были Клузий, Кортона, Вольсинии, Волатерры, Фезулы. Автор устанавливает следующие этапы процесса этрусской колонизации: в VII в. до н. э.— переход на правый берег Арна, затем — овладение горными проходами в Северных Апеннинах и, наконец, в VI в. до н. э.— проникновение в Паданскую область.

Автор справедливо отмечает недостаточность сведений о государственном строе и социальной структуре Паданской Этрурии. Заслуживают внимания, однако, его указания на то, что гегемоном Паданского Двенадцатиградия, возможно, была Фельзина. Имеются данные, свидетельствующие о социальном расслоении населения. Важно указание на сходство политической структуры мантуанской общины с делением римской общины на трибы и курии. Н. Н. Залесский справедливо отмечает искусственность схематизированной гентильной организации этих общин.

Значительное место в книге Н. Н. Залесского занимает характеристика хозяйственной жизни этрусков — сельского хозяйства, ремесла и торговли.

Рецензируемая книга не лишена некоторых недостатков. Представляется не вполне удачной ее композиция, вынуждающая автора подчас повторяться, поскольку исследовательская часть работы оказывается отделенной от выводов, сконцентрированных во второй главе. Следовало бы, как нам кажется, привлечь для характеристики социальной структуры Паданской Этрурии параллельный материал, характеризующий собственно Этрурию, и, в частности, важнейшие колонизационные центры. В особенности обидно отсутствие каких-либо данных по истории североэтрусского рабовладения, в отношении чего имеются как археологические, так и эпиграфические данные [1].

Несмотря, однако, на это, монография Н. Н. Залесского, несомненно, восполняет существенный пробел в советской историографии.

И. Ш. Шифман

[1] См. P. Ducati. Storia di Bologna. 1928, стр. 69 сл.; I. Heurgon. L'état étrusque. «Historia», 6, 1957, стр. 63 сл.; его же. Les Pénestes étrusques chez Dénys d'Halicarnasse. «Latomus», XVIII, 4, 1959, стр. 713 сл.

Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э.— V в. н. э.). Изд-во МГУ, 1960, 197 стр. + 62 рис. + 4 табл. Тираж 1100. Цена 17 руб.

Во введении автор определяет задачу книги как «попытку раскрыть содержание сложного этногенетического процесса, протекавшего на Саяно-Алтайском нагорье в конкретно-исторических условиях так называемого „таштыкского времени"». Дальше в этой же вводной главе детально излагается история знакомства с памятниками таштыкской культуры, начиная от чисто внешнего описания их исследователями Сибири XVIII в. и кончая раскопками послевоенных лет, проведенными самим автором.

Первые две главы книги посвящены типологии и периодизации памятников, следующие две — описанию материальной и духовной культуры таштыкских племен по хронологическим этапам с вытекающими из их изучения выводами об этническом составе и языковой принадлежности этих племен. Пятая глава, содержащая общий исторический очерк, является итогом исследования, решением задач, поставленных автором.

В 1-й главе, озаглавленной «Типы погребальных сооружений», автор описывает различного рода могилы. По внешнему виду он выделяет: 1) грунтовые могилы без наземных сооружений, обозначенные с поверхности углублениями; 2) юртообразные курганы; 3) усеченно-пирамидальные курганы и 4) каменные выкладки. По конструкции внутренних сооружений — деревянных склепов — Л. Р. Кызласов устанавливает пять различных типов их. При этом выясняется, что в одних и тех же могильниках встречаются разные виды могил, что одни типы склепов характерны для территории левобережья, другие — для правобережья Енисея; одни датируются более ранним, другие — более поздним временем; некоторые виды и типы сосуществовали в течение продолжительного времени, другие же связаны с каким-либо одним определенным хронологическим этапом.

Во 2-й главе дается «Хронологическая периодизация таштыкских памятников» на основе взаимовстречаемости в погребениях определенных типов вещей двух категорий: характерных для таштыкской культуры пряжек и глиняной посуды. Типы пряжек удалось очень точно датировать по материалу трех разнотипных и разновременных склепов, уцелевших от разграбления и исследованных самим автором на Изыхском и Сырском чаатасах. Изучение этих сохранившихся нетронутыми и довольно богатых комплексов могильного инвентаря позволило автору составить сводную таблицу находок пряжек в других могильниках и получить наглядное подтверждение правильности датировки разных типов погребальных сооружений.

Далее Л. Р. Кызласов описывает керамику и классифицирует ее орнаменты, сводя типы их в общие таблицы по всем могильникам, по четырем хронологическим этапам. При описании типов керамики автор приводит сравнения и аналогии, устанавливает преемственность некоторых форм от тагарских, отмечает новшества и объясняет, каким путем они могли появиться. Это очень ценно, но в целом его классификацию посуды как «типологическую» нельзя назвать вполне удачной. Л. Р. Кызласов не выдерживает в ней основного принципа — выделения типов по единому признаку. Большинство типов выделено (как и было задумано автором) по форме самого сосуда, но некоторые типы — по второстепенному признаку (наличие ушков) или, наоборот, по обобщающему (форма дна). Из-за этого «подвесной» тип включает в себя и горшки (табл. IV, *54*), и обычный бочонковидный сосуд (табл. IV, *151*), и бочонковидный со сливом, близкий к кувшину (табл. IV, *197*). «Чашкообразный» тип представлен плоскодонной чашечкой (рис. 17, *2*), а чашечка с круглым дном (табл. IV, *144*) выделена в особый «круглодонный» тип. Не всегда удачны и точны названия типов. Например, сосуд с косыми плечами (табл. IV, *199*) никак не может ассоциироваться с термином «бомбовидный», он совсем не похож на настоящие бомбовидные (табл. IV, *44*), как не похож на бутылку горшочек (рис. 12, *6*). Тулово кувшина на табл. IV, *47* действительно является имитацией лежащего на боку деревянного бочонка, но нет никакой надобности выделять этот вариант кувшина в особый «бочонкообразный» тип, тем более что в классификации уже есть термин «бочонковидный», вызывающий привычное представление о сосуде без шейки, сужающемся ко дну и краю.

3-я глава — «Раннеташтыкское время» — посвящена памятникам I хронологического этапа, так называемого изыхского (I в. до н. э.— середина I в. н. э.). Наряду с описанием погребального обряда и могильного инвентаря она содержит развернутую характеристику раннеташтыкского искусства с его двумя направлениями — реалистическим и схематическим — и вытекающие из анализа археологического материала выводы.

4-я глава — «Последующие этапы таштыкской эпохи» — включает в себя такую же детальную характеристику материальной и духовной культуры среднеташтыкского (сырский этап, середина I—II в. н. э.) и позднеташтыкского (уйбатский этап, III — начало IV в. н. э., и камешковский этап, IV—V вв. н. э.) времени.

Автор книги — археолог, и написана книга в основном на археологическом материале, но в то же время автор полностью использует все исторические источники и выводы антропологов, широко привлекает этнографический материал и пользуется данными лингвистики. Владея хакасским языком и разбираясь в наречиях других тюркоязычных племен, автор смог лучше других археологов оперировать лингвистическим материалом. Такое содружество смежных дисциплин создает для исследователя воз-

можность взаимопроверки одних данных другими, а совпадение выводов делает их особенно убедительными.

Анализируя в 1-й главе особенности могильных сооружений и обряды погребений, автор не только прослеживает преемственность некоторых из них от предшествовавшей эпохи, но и устанавливает истоки новых особенностей, появившихся с определенного времени. Привлечение этнографического материала помогло найти аналогии строительной технике таштыкцев в архитектуре жилищ современных угорских племен. Благодаря всем этим наблюдениям автор смог связать виды и типы могил не только с определенным временем, но и с определенными этническими группировками — исконным населением и новыми пришельцами.

Всесторонний анализ памятников (главы 3-я и 4-я) помог выявить уже на раннем этапе таштыкской эпохи разноплеменный состав местного населения, взаимовлияния аборигенов и пришельцев, внешние связи таштыкцев.

Привлекая сравнительный этнографический материал, автор устанавливает сходство таштыкских обрядов и религиозных представлений с обрядами и представлениями хантов. Различия в погребальном обряде и инвентаре между склепами и грунтовыми могилами, объясняемые исследователями до сих пор как проявление социальной неоднородности общества, рассматриваются в работе Л. Р. Кызласова как этническая неоднородность.

Новое освещение получают обычаи мумификации трупов и захоронения в таштыкских могилах кукол. Заново пересмотрен вопрос о погребальных масках в отношении техники изготовления (изменявшейся с течением времени) и назначения их: в уйбатском этапе назначение масок было уже иным, чем в изыхском.

Очень большое внимание уделяет Л. Р. Кызласов истории искусства таштыкской эпохи. Датированы многие образцы его (например, литые зооморфные фигурки и некоторые каменные изваяния), не имевшие прежде определенного места в общей хронологической классификации минусинских древностей. Выявлены истоки и время появления новых мотивов в прикладном искусстве. В частности, установлено, что уникальные деревянные статуи взнузданных оленей и других домашних животных, не имеющие прототипов в местном искусстве, создавались под влиянием искусства Китая. Эти же находки явились доказательством древности оленеводства у определенных этнических групп в предгорье Саян.

В итоговой, 5-й, главе приведены свидетельства письменных источников о судьбах населения изучаемой территории в конце I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры, об ее аборигенах, втянутых в политическую жизнь Центральной Азии, и новых пришельцах, появившихся в Минусинской котловине в результате гуннских завоеваний. Использование материалов смежных дисциплин позволило автору четко выделить ряд этнических групп, смешение которых привело к образованию еще в таштыкскую эпоху тюркоязычных угорских племен. Топонимика и сравнительный археологический материал помогли проследить путь продвижения угров на север, что подтверждает этническое родство некоторых современных сибирских народностей, в частности обских угров, с таштыкскими племенами.

В этой же главе дана общая характеристика комплексного хозяйства таштыкцев — оседлых земледельцев и полукочевых степняков-скотоводов и таежников-оленеводов. Но здесь приходится отметить одну ошибку Л. Р. Кызласова. При описании сельскохозяйственных орудий он необоснованно датирует мотыги II—I вв. до н. э., наральники бесподошвенного рала — I—V вв. н. э., а наральники рал с подошвой — IV—X вв. (стр. 180, 181; рис. 62). Ошибка автора заключается в том, что он классифицирует части пахотных орудий по принципу: простая форма — ранняя, сложная — более поздняя, между тем как конструкция пахотных орудий (а следовательно, и форма железных частей их) обусловлена характером обрабатываемой почвы. Бесподошвенное рало действительно является более примитивным орудием, чем рало с подошвой, но зато подошвенное рало (для горизонтальной вспашки) непригодно для лесных почв. В то же время бесподошвенное рало (орудие, малопригодное для вспашки степной целины) употреблялось и в степной зоне на старопахотных землях, где целина уже поднята плугом. Примером здесь могут служить находки плужных лемехов и примитивных наральников на Райковецком и других древнерусских городищах, а также совместное бытование этих видов орудий до XIX в. Уровень производительных сил таштыкского общества вполне позволяет выдвигать гипотезу о наличии пахотных орудий не только у таштыкцев, но и у тагарцев, но связывать случайные находки определенного типа наральников именно с таштыкским временем нельзя, пока такой наральник не будет найден с датирующим материалом. И тем более нельзя категорически ограничивать время употребления этих орудий I—V вв. Что касается мотыжек, изображенных на рис. 62, то орудия такого типа дожили у хакасов до современности как «озупы», наконечники своеобразного заступа с педалью. Возможно, что и древние мотыжки употреблялись как озупы, особенно если учесть, что «ножная» работа озупом, пожалуй, более продуктивна для вскапывания степного дерна, чем ручная работа маленькой мотыгой.

Производство таштыкской эпохи автор определяет как общинное, но достигшее такой ступени развития, когда продукты его принимают товарную форму, развивается обмен и возникает частная собственность.

Определение строя таштыкского общества как племенного союза, стоящего на грани перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу и государству,

вытекает из анализа археологического материала и подкрепляется историческими свидетельствами о войнах динлинов с гуннами и сяньбийцами.

Касаясь вопроса этногенеза хакасов, Л. Р. Кызласов отмечает, наряду с угроязычными потомками динлинов и тюркоязычными гяньгунями, еще одну аборигенную группу — самодийские племена,— также оставившую свой след в топонимике.

Как показывает критический разбор книги Л. Р. Кызласова, содержание ее является не просто «попыткой» (по скромному определению своей задачи автором), а действительным раскрытием сложных этногенетических процессов, протекавших некогда на территории южной части Красноярского края. Насколько позволило современное состояние источников, Л. Р. Кызласов дал стройный исторический очерк, всесторонне освещающий жизнь предшественников и предков хакасов в эпоху раннего железного века и устанавливающий этногенетические связи современных народов других районов Сибири с древним населением Саяно-Алтайского нагорья. Такая книга, несомненно, является ценным вкладом в нашу науку.

В. П. Левашева

В. Й. Довженок. Землеробство древньої Русі (до середины XIII ст.), Київ, 1961, 265 стр. + 102 рис. + 3 карты. Тираж 500 экз. Цена 1 руб. 40 коп.

История русского земледелия является важнейшей частью истории русского хозяйства, но до последнего времени наша наука не располагала фундаментальными исследованиями по этому вопросу.

Роль земледелия в развитии славянского общества долгое время искусственно и тенденциозно принижалась. Для историков-норманистов, избравших своим девизом слова летописца о лесных племенах, которые «живяху в лесе звериньским образом», всегда является особенно важным изобразить всех славян во все эпохи такими дикарями-охотниками, не знающими земледелия.

При объективном отношении к данным языка, летописи, фольклора давно уже были сделаны верные выводы о ведущей роли древнего славянского земледелия, но тенденциозное направление в исторической науке до сих пор продолжает преуменьшать эту роль.

Ровно за сто лет до книги В. И. Довженка вышла работа Шеппинга[1] по истории русского земледелия, и, несмотря на вековую давность этой работы, до сих пор еще ощущается отрицание или замалчивание роли земледелия.

В 1930-е годы в Москве происходила дискуссия о роли земледелия в древней Руси, и С. В. Бахрушин отстаивал тезис о позднем появлении земледелия. Пашенное земледелие, по его мысли, появилось (!) в Киевской Руси только в середине XI в. Непрерывно возраставший археологический материал — оседлые земледельческие поселения, ямы для зерна, зерна злаков, бобовых и волокнистых растений, сошники, серпы, чересла, жернова, печеный хлеб, солома, овины-«шиши» и др.— произвел решительный перелом во взглядах историков.

Б. Д. Греков выступил с новой концепцией русской истории, опираясь в фактической части на этот обильный, неоспоримый вещественный материал, а в теоретической части — на марксистско-ленинское учение о формациях. Однако специального рассмотрения вопросов земледелия, его эволюции, его конкретной истории и географических различий у нас не было.

Книга В. И. Довженка и ряд предшествовавших ей статей того же автора заполняют давний пробел в советской исторической науке. Здесь впервые поставлены все вопросы и рассмотрен материал целой тысячи лет славянской истории.

Для характеристики круга проблем, исследованных В. И. Довженком, достаточно привести оглавление его книги:

1. Введение, дающее историю развития взглядов на роль земледелия в русском хозяйстве.
2. Исторические источники о значении земледелия в древнерусском хозяйстве. Здесь разобраны и данные языка, и письменные, и археологические данные.
3. Обработка почвы и эволюция типов пахотных орудий в разных ландшафтных зонах.
4. Системы земледелия и агротехника.
5. Возделывавшиеся культуры.
6. Собирание урожая и обработка земледельческой продукции.
7. Вопросы продуктивности земледелия.
8. Крестьянское хозяйство.
9. Вотчинное феодальное хозяйство.

В таком объеме и с таким размахом комплексное рассмотрение земледелия в агротехническом, экономическом и социальном плане проводится впервые.

На два года ранее книги В. И. Довженка во Франции под редакцией прогрессивного историка Роже Порталя вышла книга английского историка Роберта Смита, в своей основной части базирующаяся на более ранних статьях В. И. Довженка[2].

---

[1] Д. О. Шеппинг. Опыт первоначальной истории земледелия и отношение его к быту и языку русского народа. М., 1861.

[2] R. Smith. The Origins of Farming in Russia. Paris, 1951. Большие выписки из работ В. И. Довженка см. на стр. 88—90, 99 и др.

Плюсом и минусом компилятивной работы Р. Смита является ее еще бо́льшая широта, чем книги В. И. Довженка: автор хочет дать всю историю земледелия в Восточной Европе — от неолитической мотыги до средневекового плуга, от трипольской культуры до нашествия татар. Такой очерк заслуживал бы полного одобрения, если бы основывался на всех новейших археологических материалах, но Р. Смит в ряде случаев вынужден ограничиваться только старыми советскими работами 1930-х годов, работами, в которых социологическая схема нередко заменяет подлинные материалы.

Помимо земледелия, Р. Смит очень внимателен и к истории скотоводства.

Кроме того, Р. Смит пытался дать своему читателю общее представление о русском феодализме и социальных отношениях в аграрной средневековой стране. При решении этой задачи он становится особенно компилятивным и пытается объединить иногда далеко расходящиеся взгляды Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова и того же В. И. Довженка. Здесь широта охвата обращается уже против самого Р. Смита, и его небольшая книга (193 стр.), представляющая собой добросовестную (и доброжелательную) сводку советских исследований, только расширяет круг людей, знакомых с древнерусским хозяйством, но в очень незначительной степени двигает науку вперед.

Книга В. И. Довженка является результатом многолетних изысканий и археологических раскопок. Ее хронологический диапазон у́же книги Р. Смита, но она глубже и самостоятельнее.

Впервые историческая наука получила полное рассмотрение вопросов истории славяно-русского земледелия на широком историческом фоне, в разработке которого сам В. И. Довженок давно принимает участие, написав ряд общеисторических статей о времени возникновения феодализма, о феодальной раздробленности и пр.[3]. Изучение земледелия неразрывно связано с его общими работами.

Первое исследование такой многогранной проблемы, как история славянского и русского земледелия, не может быть свободно от недостатков. Некоторые недочеты не зависят от автора и связаны с состоянием науки. Так, например, у нас недостаточно широко применяется пыльцевой анализ культурного слоя городищ (впервые использованный латышскими археологами), и при определении системы земледелия мы зависим от случайных находок земледельческих орудий. Недостаточно проведено морфологическое изучение древних зерен (в том числе и сорняков), успешно начатое для Новгорода А. В. Кирьяновым.

Но самому В. И. Довженку может быть поставлено в вину недостаточное внимание к рассмотрению естественных ландшафтных зон. Правда, к книге приложены карты с обозначением лесных и лесостепных областей, в самом тексте повсеместно проведено раздельное рассмотрение этих зон, но все же четкой истории лесных и лесостепных племен нет. Это было бы особенно важно для той отдаленной эпохи первых веков нашей эры, когда на Юге, в лесостепи, рождалась яркая и высокая по своему уровню культура «мудрых и смысленных полян», а лесные области жили еще «яко же всякий зверь».

Нет в книге и микрогеографии отдельных районов. Думаю, что важно было бы поставить в связь с характером почв широкую безлюдную полосу вдоль левого берега Днепра: ее слабая заселенность хорошо объясняется солончаками и псаммофитовой растительностью. Как только кончаются солончаки, так сразу же на черноземе восточнее линии Нежин — Полтава мы наблюдаем густое размещение поселений. То же самое следует сказать и о левом бесплодном береге Дона в районе знаменитых боршевских городищ: границы Руси в этих местах объясняются границей пригодных для земледелия почв.

Главным недостатком работы В. И. Довженка я считают слабую изученность докиевского периода в истории славянского земледелия. Не обязательно углубляться в далекие тысячелетия трипольской или ямной культуры; тех упоминаний о древности яровой пшеницы и ячменя, которые сделаны в книге (стр. 131—134), вполне достаточно. Но земледелие скифского времени должно было для исторической ясности быть обрисовано значительно полнее.

Скифы-пахари, зольничная культура, юхновская и милоградская культуры, дьяковская и другие — все это важные и сложные проблемы, почти полностью обойденные автором. Не служит для него извинением и запутанность этнической стороны дела. В работе о земледелии можно остаться в рамках своей темы, разобрав историю земледелия в этих археологических культурах.

Обрисовка земледелия у племен черняховской культуры II—IV вв. (по моему твердому убеждению, славянских) невыгодно отличается от остальных, солидных разделов работы В. И. Довженка. Эта тема затронута автором на стр. 29—31, 57, 58 и 171, что в целом не превышает четырех страниц из 264 страниц всей книги.

Мне давно уже приходилось писать о том, что для черняховской культуры мы можем предполагать такие исключительные условия, как экспортное земледелие,

---

[3] М. Ю. Брайчевский, В. И. Довженок. О времени сложения феодализма в древней Руси. ВИ, 1950, № 8; В. И. Довженок. Феодальний маєток в епоху Київської Русі в світлі археологічних даних. Археологія, т. VIII, 1953.

возникшее, быть может, не столько под влиянием внутренних причин, сколько под воздействием постоянного и настойчивого спроса со стороны римских городов и эмпориев на Черном море, с которыми среднеднепровские черняховцы были, несомненно, прочно связаны.

Единство русских и римских зерновых мер могло возникнуть только во II—IV вв. н. э.

Огромный поток римского монетного серебра I—IV вв., разлившийся по всей черняховской земледельческой лесостепи, необъясним без допущения существования широкой и устойчивой хлебной торговли.

Весьма совершенные мельничные устройства, открытые И. С. Винокуром на Житомирщине, свидетельствуют о высоком уровне земледелия.

В. И. Довженок относит возникновение рала с полозом только ко времени после черняховской культуры, но мне это кажется сомнительным. Лемех из с. Кринички предназначен по самой конструкции для горизонтального рала с полозом (т. е. того, что могло в древности именоваться «плугом»): его втулка равномерно расширяется кверху и не рассчитана на боковое сопротивление. Для преодоления бокового сопротивления рала без полоза (135°) нужны цилиндрические втулки с почти смыкающимися закраинами (рис. 11 и 20). Втулка раструбом и со слабо загнутыми закраинами (как в криничках и позднее, в материалах XI—XIII вв.) рассчитана на то, что при горизонтальном положении полоза во время пахоты сопротивление земли будет все время насаживать этот лемех на полоз и поэтому захват закраин может быть минимальным — они, закраины, здесь не работают.

Мне кажется, что в черняховское время кое-где уже появился деревянный бесколесный «плуг» — рало (может быть, без чересла) с горизонтальным полозом и средних размеров лемехом, у которого лопата плавно переходила в раструбистую втулку. Почти такие же лемехи господствовали позднее в эпоху Киевской Руси, но тогда плуг был несомненно оснащен чересломи.

Отсутствие чересла в черняховском рале объясняется, может быть, не только тем, чем в нашем распоряжении еще нет находок (они могут быть, но могут и не быть), но и тем, что чересло не особенно было нужно на мягких землях, излюбленных черняховцами.

В пользу высокоразвитого земледелия и строго расписанных по дням аграрных молений у черняховцев говорит кувшин-календарь из Ромашек, знакомящий нас с агротехникой яровых посевов (пшеницы и ячменя) IV в. н. э. в земле полян.

Дальнейшие раскопки черняховских поселений дадут более надежный материал для суждения о месте земледелия этой интересной эпохи в общем ходе развития восточнославянских земель.

Мелких замечаний может быть сделано по всем разделам много, но все они являются редакционными поправками или отдельными разногласиями.

Так как тираж книги В. И. Довженка непомерно мал, то надо надеяться, что будет второе издание этой книги, в котором многие разделы могут быть расширены и углублены, а мелкие недостатки устранены.

Исключительно важны и интересны выводы В. И. Довженка об экономической и социальной стороне земледелия Киевской Руси.

При всей условности демографических расчетов о плотности населения и размерах городов, расчетов урожайности, распахиваемых и засеваемых площадей такие расчеты абсолютно необходимы. Без таких расчетов-реконструкций история будет мертва. Уточнять эти расчеты, совершенствовать их методику можно только тогда, когда первые варианты их уже сделаны. И В. И. Довженок имел смелость сделать первые расчеты, оказавшиеся весьма интересными (стр. 183—189).

Быть может, при расчете количества десятин, вспахиваемых и засеваемых в одном крестьянском хозяйстве (В. И. Довженок определяет 8 десятин), следует исходить, во-первых, из того, что потенциальные возможности пахаря XI—XIII вв. были большими, а во-вторых, из самого термина «десятина», т. е. «одна десятая часть». Если «десятину» считать десятой частью, то целое будет равняться 10 десятинам, что очень близко к величине, установленной В. И. Довженком.

Можно ли определить то целое, что состояло из десяти десятин? Думаю, что это — «поприще», архаичная земельная мера, известная нам позднее только как мера длины, а не площади. «Поприще» или «верста» — это длина борозды от начала до поворота. При больших неделимых родовых полях дофеодального периода это было естественной мерой длины поля, определявшейся необходимым отдыхом лошади.

Десять десятин — это узкая полоса земли в одно поприще (1350 *м*) длиной и в 50 мерных саженей шириной. Как мера площади она была заменена словом «рало», или «плуг», а потом, при феодальном хозяйстве, когда появились дробные участки и чересполосица, громоздкое понятие «поприще», уступило место своей десятой части — «десятине», дожившей до 1924 г.

Очень интересно и верно ставит В. И. Довженок вопрос о феодальной ренте, выдвигая на более заметное место ренту продуктовую (стр. 200). Это очень важный тезис, в свете которого должны быть пересмотрены многие взгляды на историю Киевской Руси.

Новым и важным разделом является раздел о феодальной вотчине. Впервые здесь, на страницах этой книги, объединились данные Русской Правды с результатами археологических раскопок.

Решение проблемы закупов, определение городищ XII—XIII вв. как мест концентрации временно зависимого населения имеет очень большое значение для понимания сущности института закупничества и холопства и устраняет все недоумения археологов по поводу «крестьянских городов» с большим количеством земледельческих орудий внутри кольца укреплений. Это заставляет по-новому отнестись и к эволюции барщины, и к некоторому возрождению холопского труда в XII в. Не рабовладельческий способ производства, а развитие типичных феодальных отношений приводит к таким явлениям.

Важные выводы В. И. Довженка потребуют в дальнейшем от историков и археологов уточнения хронологии: нужно точнее определить время появления или бытования земледельческих орудий в укрепленных «городах», и очень важно точнее определить время и место кодификации Пространной Русской Правды. Нельзя далее удовлетворяться точкой зрения М. Н. Тихомирова, что этот юридический кодекс возник будто бы в Новгороде после 1209 г.

В целом рецензируемая книга В. И. Довженка производит вполне благоприятное впечатление, и надо надеяться, что она выйдет вторым расширенным изданием, восполняя существенный пробел в нашей историко-археологической литературе.

Б. А. Рыбаков

* * *

В. И. Довженок уже много лет занимается изучением земледелия восточного славянства и Киевской Руси. Рецензируемая книга является как бы завершающим этапом его многолетних исследований в области земледелия древней Руси.

В книге затронут широкий круг вопросов земледелия древней Руси, однако основное внимание автор уделяет техническим вопросам древнерусского земледелия, изложению которых он посвящает четыре главы. Автор знакомит читателя с почвообрабатывающими орудиями, способами обработки почвы, с культурными растениями, возделывавшимися в древней Руси, а также рассматривает важнейший вопрос о системах земледелия. Таким образом, эти четыре главы (III—VI) являются главнейшими и составляют основное содержание книги.

Глава VII посвящена вопросу продуктивности земледелия Киевской Руси. В последних двух главах (VIII—IX) автор рассматривает вопрос о крестьянском хозяйстве и хозяйстве феодальной вотчины Киевской Руси.

Оставляя в стороне вопросы социального характера, остановимся на рассмотрении главнейших разделов, посвященных изложению вопросов земледелия.

Содержание главы II — «Исторические источники о значении земледелия в хозяйстве древней Руси» — дает представление о том огромном материале, который использован при составлении книги. Автор весьма широко привлек самый разнообразный материал: лингвистический, этнографический, свидетельства древнерусских письменных источников и другие данные, имеющие отношение к земледелию восточного славянства и древней Руси. Кроме того, в работе использованы опубликованные материалы результатов археологических исследований восточнославянских и древнерусских памятников.

Глава III посвящена рассмотрению вопроса об обработке почвы. Железные наконечники упряжных почвообрабатывающих орудий восточных славян, найденные при раскопках, автор делит на три основные группы: 1) узколопастные наральники от рала без полоза и широколопастные наральники от рала с полозом, 2) лемехи и чересла от плугов, 3) симметричные и асимметричные сошники от сох. Эти наконечники принадлежали трем видам орудий древней Руси: ралу, плугу, сохе.

Классификация железных наконечников орудий для обработки почвы, предложенная автором, в основном не вызывает возражений. Однако эта классификация, основанная на конструктивных признаках, носит несколько формальный характер. Следовало бы указать причины и условия возникновения и дальнейшего развития орудий обработки почвы восточных славян. Дело в том, что восточнославянская территория разделялась на две части, лесную и лесостепную, резко отличные по ландшафтным, почвенным и климатическим признакам. Своеобразие ландшафта и в связи с этим специфика освоения новых земель для сельскохозяйственной культуры оказали решающее влияние на конструкцию и функциональные свойства орудий обработки почвы, сложившихся в этих зонах.

В зависимости от условий в этих зонах сложились два орудия, различные по своей конструкции и по назначению. В лесной полосе появилось специфическое орудие — соха, пригодное для разрыхления почвы подсеки и обработки мелких лесных почв. В лесостепной полосе из первоначального примитивного орудия — рала — возник плуг, главное назначение которого заключалось в уничтожении мощной дернины путем оборота пласта.

Автор приводит описание каждого орудия отдельно. Рало — это орудие обработки почвы рыхлящего типа, возникшее в лесостепной полосе в глубокой древности, в ту пору еще деревянное; оно применялось, очевидно, как упряжное. Подобные орудия находили широкое применение у земледельческих племен черняховской культуры; наряду с деревянными были рала и с железными наконечниками — наральниками, которые находят при раскопках поселений названной культуры. Можно согласиться с мне-

нием автора, что эти узколопастные наральники принадлежали ралу без полоза, появление которого следует рассматривать как значительный прогресс в земледельческой технике.

Однако автор переоценивает рала с железным наконечником, утверждая, что они «давали возможность обрабатывать более значительные площади земли» и даже повышали урожайность полей (стр. 58). Дело в том, что деревянные рала и рала с железным наконечником имеют одинаковые функциональные свойства. На мягких окультуренных почвах деревянные рала и рала с железным наконечником могли работать с одной и той же производительностью. Но значительное преимущество последних заключалось в том, что при обработке плотных и покрытых травянистой растительностью почв железный наральник во много раз меньше подвергался стиранию, чем деревянный. Этот момент и отметил В. Х. Фрибе, оценивая русские пахотные орудия, применявшиеся на рубеже XIX в.[1].

Во второй половине I тысячелетия н. э. рало с железным наконечником появилось в лесной полосе восточнославянской территории, о чем свидетельствуют находки железных наконечников при раскопках Старой Ладоги в слоях VII—VIII вв.

Появление земледельческой техники лесостепной полосы в областях Приладожья следует связывать с продвижением земледельческих славянских племен на север. Это положение не противоречит утверждению Б. А. Рыбакова, что «в V—VI веках н. э., а частично и раньше, восточные славяне расширили свою территорию, распространив земледельческую культуру на северные области в бассейне озера Ильменя и Верхней Волги»[2]. Продвигаясь на север, славянские племена несли с собой не только земледельческую технику, но и культурные растения южных областей — полбу и просо, которые возделывались в Старой Ладоге в VII—VIII вв. н. э.

Любопытно отметить, что железные наральники найдены только в Старой Ладоге и не обнаружены при раскопках других памятников лесной полосы. Из этого единичного археологического факта автор делает прямолинейный вывод о распространении подобных орудий в лесной полосе, а также утверждает, что «железные рабочие части пахотных орудий безусловно свидетельствуют о замене подсечного земледелия, которое здесь господствовало, земледелием пашенным» (стр. 60).

Автор, вероятно, не совсем четко представляет себе сущность подсечного и пашенного земледелия. Дело в том, что сущность подсечной системы, как и всякой системы земледелия, заключается в способах использования и способах восстановления плодородия почвы. Сущность же пашенного земледелия заключается в способах обработки почвы упряжными орудиями.

Восстановление и повышение плодородия почвы происходит в результате сложных процессов, протекающих главным образом в пахотном слое почвы. Пашенное земледелие — это механическое воздействие на почву упряжными орудиями. Пашенное земледелие может быть при любой системе земледелия: паровой, переложной и др. Подсечное земледелие нельзя заменить пашенным.

Во второй половине I тысячелетия н. э. в земледелии восточного славянства появляется более совершенное орудие — широколопастное рало с полозом. Однако появление такого орудия автор не связывает с ходом исторического развития земледелия восточного славянства, а объясняет чисто формальными причинами, принимая во внимание только изменение конструктивных недостатков рала без полоза, которые, по мнению автора, и послужили причиной появления рала с полозом и широколопастным наральником (стр. 64).

Действительно, на определенном этапе исторического развития земледелия восточного славянства появляется рало с полозом, которое было уже орудием плужного типа, но еще не имело отвального приспособления. Рало с полозом было широко распространено в лесостепной полосе восточнославянской территории. Наральники этих орудий встречаются при раскопках славянских памятников второй половины I тысячелетия н. э. В числе раскопанных памятников, где были найдены широколопастные наральники, автор называет и Новгород, но без ссылки на опубликованные материалы (стр. 66)[3].

В ходе исторического развития земледелия в результате усовершенствования рала с полозом возник плуг, появление которого следует относить, вероятно, к IX в. н. э. Надо отметить, что автор весьма подробно и обстоятельно приводит описание древнерусского плуга и отмечает, что появление плуга знаменовало собой огромный прогресс в земледельческой технике восточного славянства.

В разделе о сохе много спорных положений и уязвимых мест. При разделении сох на группы автор исходит из этнографического материала, в то время как археологический материал по технике земледелия, собранный при раскопках славянских и древнерусских памятников, дает представление о сохах, применявшихся в древней Руси.

---

[1] В. Х. Фрибе. Ответ на задачу, предложенную в 1804 году. О сравнительной доброте пахотных орудий в России. Тр. ВЭО, ч. X, 1808, стр. 277.

[2] Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь», М., 1953, стр. 5.

[3] Автор рецензии много лет участвовал в работах Новгородской экспедиции и специально занимался изучением орудий обработки почвы, применявшихся в Новгородской земле в X—XV вв. Широколопастные наральники в Новгороде не найдены.

Все виды русских сох, известные по этнографическим данным, автор разделяет на две группы: «сохи, которые работают наклонно к почве и сверху разрыхляют ее, и сохи, которые работают в горизонтальном положении и снизу подрезают слой почвы. К первой группе принадлежат сохи с симметричным сошником, представителями которых являются все однозубые и многозубые сохи, а также некоторые виды двузубых сох. К другой группе принадлежат двузубые сохи с асимметричными сошниками» (стр. 83). Действительно, сохи с симметричными сошниками применялись в лесной полосе древней Руси в рассматриваемый автором период. Двузубые сохи с асимметричными сошниками были в Старой Ладоге, о чем свидетельствует находка сошников в слоях IX—X вв.

По мнению автора, двузубая соха с асимметричными сошниками появилась «одновременно с плугом и по назначению подобна ему, но предназначалась для работы в других условиях» (стр. 85). Для доказательства этого положения автор указывает на находку при раскопках Новотроицкого городища в слоях VIII—IX вв. железного наконечника, считая его сошником двузубой сохи.

Дело в том, что при раскопках этого городища найдены широколопастные наральники, принадлежащие ралу с полозом. Поэтому трудно себе представить, что в VIII—IX вв. в условиях лесостепного Левобережья на черноземных почвах существовали два орудия, различные по конструкции и по назначению. С одной стороны, рало с полозом — орудие плужного типа, способное производить достаточно глубокую обработку черноземных почв, и, с другой, соха — специфическое орудие лесной полосы, приспособленное для обработки мелких лесных почв Севера.

Можно принять мнение исследователя Новотроицкого городища И. И. Ляпушкина, что этот единственный непарный железный наконечник принадлежал орудию специального назначения. Это был так называемый отрез, служивший для разрезания поверхности поля, покрытого травянистой растительностью, в целях облегчения последующей обработки идущим следом за ним ралом с полозом, которое уже способно до некоторой степени оборачивать в вертикальном направлении отрезанный этим орудием пласт почвы.

Земледельческая практика дает нам много примеров применения подобных орудий для разрезания поверхности обрабатываемого поля. В бывш. Малмыжском уезде Вятской губернии такие орудия применялись для разрезания поверхности пустошей [4]. Любопытно отметить, что форма и размеры этих отрезов имеют большое сходство с отрезом, найденным при раскопках Новотроицкого городища.

Далее пытаясь найти материалы, в большей мере подтверждающие наличие двузубых сох в лесной полосе, автор указывает, что «сошник от двузубой сохи, который относится к XI—XII вв., найден в Новгороде», ссылаясь на статью А. В. Арциховского. Но А. В. Арциховский упоминал о трех совершенно одинаковых сошниках симметричной формы, «...совсем не похожих на асимметричные сошники двузубой сохи» [5].

Таким образом, в свете имеющихся в настоящее время археологических материалов представляется вполне достоверным, что в рассматриваемый автором период (до XIII в.) двузубые сохи с асимметричными сошниками применялись только в Старой Ладоге, а может быть, и в смежных с ней территориях.

Автор утверждает, что функциональные свойства двузубых сох с асимметричными сошниками подобны свойствам широколопастного рала. Такое утверждение встречает серьезные возражения. Следует отметить, что у рала с полозом точка опоры находится на полозе и наральник установлен почти горизонтально по отношению к поверхности почвы. При такой конструкции орудия оно могло отрезать пласт почвы в горизонтальном направлении. Это было уже орудие плужного типа, но еще не имеющее отвального приспособления.

Наоборот, у двузубых сох, применявшихся в рассматриваемое автором время, точка опоры находилась на концах сошников, установленных лишь с некоторым наклоном по отношению к поверхности почвы. В силу такой конструкции эта соха не могла отрезать пласт почвы в горизонтальном направлении, как рало с полозом. Сохи с перекладной полицей, способные отрезать пласт почвы в горизонтальном направлении, появились на Руси в более позднее время, вероятно, в XIV—XV вв.

В вопросе о происхождении русской сохи автор разделяет мнение Д. Зеленина, высказанное им более полувека назад, о том, что русская соха произошла от древнейшего орудия лесостепной полосы — рала. Поддерживая это давно устаревшее мнение, В. И. Довженок принимает во внимание находки в Старой Ладоге в слоях VII—VIII вв. наральников, принадлежащих узколопастному ралу. Как уже было указано выше, на основании этого единственного археологического факта автор делает вывод о распространении узколопастного рала в лесной полосе, а кроме того, считает рало родоначальником русской сохи.

Следует отметить, что уже более четверти века назад П. Н. Третьяков убедительно показал, что суковатка — примитивное орудие подсечного земледелия — послужила технической предпосылкой сложения русской сохи [6].

---

[4] Материалы по статистике Вятской губернии. Малмыжский уезд. М., 1886, стр. 63.

[5] А. В. Арциховский. Археологическое изучение древнего Новгорода. Тр. Новгородской экспедиции, т. I, МИА, № 55, 1956, стр. 30.

[6] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. М., 1932.

Мнение П. Н. Третьякова разделял ряд авторов (В. М. Слободин, А. К. Супинский и др.). Наконец, археологические материалы из раскопок Новгорода дали исключительно богатые материалы, подтверждающие происхождение русской сохи от примитивных деревянных орудий обработки почвы лесной полосы.

Глава IV посвящена изложению вопроса о системах земледелия. Переложную систему земледелия автор считает господствующей у племен черняховской культуры. Он пишет: «В отдаленное время у восточных славян было много свободных не паханых земель, в том числе и в лесостепной зоне. Поэтому переложную систему следует считать господствующей формой земледелия у восточнославянских племен лесостепной полосы в I тысячелетии» (стр. 104).

По мнению автора, земледельческие орудия, которые тогда существовали, «представляли возможность осуществлять эту систему», а рало с узколопастным наральником, бывшее тогда единственным орудием обработки почвы, «позволяло обрабатывать довольно большие площади земли, покрытые травянистой растительностью» (стр. 104).

Но ведь рало без полоза с узколопастным наральником как орудие рыхлящего типа ни в какой мере не отвечало требованиям обработки перелогов и тем более — целинных земель. Оно не имело отвального приспособления и не могло оборачивать пласт почвы, пронизанный корнями травянистой растительности и поэтому не поддающийся рыхлению и крошению.

Кроме того, у земледельцев черняховской культуры основная часть орудий обработки почвы была деревянной, еще более непригодной для обработки таких почв. Любопытно отметить, что и автор признает неприспособленность подобных орудий для обработки почв с мощной степной дерниной. «Рало с узколопастным наральником,— пишет он,— не могло подрезать слой почвы горизонтально, как это делает, например, плуг, вклиниваясь своей рабочей частью сверху под углом, оно лишь разрыхляло ее» (стр. 61—62).

Однако, несмотря на явное противоречие, автор принимает это положение для обоснования господствующего значения переложной системы земледелия у племен черняховской культуры.

Далее автор пишет: «В эпоху Киевской Руси в связи с уменьшением незанятых площадей территория распространения переложной системы сократилась» (стр. 104). Автор, очевидно, имеет в виду формирование более прогрессивных форм земледелия, и в частности — переход к паровой системе. Но ведь смена систем земледелия в данном случае не связана с исчерпанием свободных земель, а общее развитие производительных сил и появление усовершенствованных орудий обработки почвы были главнейшими причинами развития и смены примитивных систем земледелия более прогрессивными. На определенном этапе исторического развития земледелия у восточных славян возникает более прогрессивная паровая система земледелия. Не приводя достаточно убедительных доказательств, автор утверждает, что первоначальной формой паровой системы было двуполье. Возникновение его он связывает с появлением широколопастного рала, которое, как известно, применялось в лесостепной полосе уже во второй половине I тысячелетия н. э.

Формально подходит автор и к решению вопроса о возникновении трехполья. «Трехпольная система земледелия,— пишет он,— появилась одновременно и в связи с появлением усовершенствованных пахотных орудий — плуга и двузубной сохи». И далее: «Это было наиважнейшим условием перехода от двупольной к трехпольной системе земледелия» (стр. 121).

Практика русского земледелия недалекого прошлого дает нам много примеров перехода от переложной системы к трехполью, минуя двуполье. Именно «пестрополье», когда пар и яровые посевы чередуются без всякого порядка, было той переходной формой паровой системы земледелия, после которой оформлялось правильное трехполье. Это и отметил в своей работе А. С. Ермолов[7].

При решении вопроса о сложении паровой системы земледелия, которая могла проявляться в различных формах (залежно-паровой, пестрополья, двуполья, трехполья и др.), автор не учитывает одного весьма важного обстоятельства. Дело в том, что при паровой системе земледелия пар является средством восстановления и повышения плодородия почвы и мерой борьбы с ее засоренностью. При этом отмечается огромное расширение посевов озимых культур: ржи и пшеницы, высеваемых в пару.

Надо отметить, что в ту пору озимая рожь занимала первое место по размерам посевов и была главнейшей продовольственной культурой в древней Руси. Распространение ржи получило самое широкое отражение в археологическом материале. При раскопках древних русских городов (Новгород, Псков, Москва, Изяславль и др.) в слоях XI—XIII вв. находят огромное количество ржи, что является убедительным доказательством главенствующего положения этой культуры в земледелии древней Руси.

Если принять положение автора о том, что двузубая соха с асимметричными сошниками явилась одной из причин сложения трехполья, то получается, что уже в Старой Ладоге в IX—X вв. было трехполье. Там была соха двузубая с асимметричными сошниками, но в ту пору в Старой Ладоге не было озимых культур. Земледельческое хозяйство обитателей этого городища базировалось только на возделывании яровых хлебов. Таким образом, получается, что было трехполье, но без озимых культур.

[7] А. С. Ермолов. Организация полевого хозяйства. СПб., 1891, стр. 139.

С другой стороны, в Новгородской земле в XI—XIII вв. уже утвердилось трехполье, существование которого убедительно доказано на основе видового состава семян сорных растений, обнаруженных при раскопках Новгорода среди зерен ржи [8], но там не было двузубых сох (хотя автор, основываясь на неправильном толковании текста статьи А. В. Арциховского, считает, что они там были). Обработка полей под посев озимых и яровых хлебов производилась многозубыми сохами с искривленными сошниками, обеспечивающими глубокое рыхление почвы. Несоответствие в книге В. И. Довженка происходит по той причине, что автор, пытаясь связать развитие и сложение систем земледелия с развитием земледельческой техники, не исходит из конкретного археологического материала, а создает искусственную схему развития систем земледелия в древней Руси.

Так, господствующее положение переложной системы земледелия у племен черняховской культуры в I тысячелетии н. э. автор связывает с наличием узколопастного рала, явно не отвечающего требованиям обработки перелогов и тем более — целинных земель; возникновение двуполья во второй половине I тысячелетия — с появлением широколопастного рала; и, наконец, трехполье, по мнению автора, сложилось одновременно с появлением плуга и двузубой сохи с асимметричными сошниками.

Следует привести пример совершенно необоснованного доказательства существования трехполья на Руси. Автор пишет, что зерна озимых и яровых культур сохранялись в одних помещениях, принадлежащих отдельным хозяйствам, и делает вывод, что «это свидетельствует об одновременном выращивании озимых и яровых культур в одних и тех же хозяйствах», которое «означало разделение пахотной земельной площади на три части, одна из которых должна находиться под озимыми хлебами, другая — под яровыми и третья — под паром» (стр. 121). Это весьма упрощенное и ни на чем не основанное доказательство существования трехполья в древней Руси.

Следует отметить, что по морфологическим признакам древнего зерна, и тем более обугленного, невозможно выделить озимые и яровые формы хлебов. Только в том случае можно будет говорить об озимых хлебах, когда при исследовании древнего зерна на засоренность будут найдены семена озимых сорняков, и в частности — зерен костра ржаного, типичного сорняка озимой ржи.

При рассмотрении вопроса о системах земледелия автор делает основной акцент на чисто внешнюю сторону их развития, слабо раскрывая их содержание и значение для производительности земледелия древней Руси.

Глава V посвящена вопросу о культурных растениях, возделывавшихся в древней Руси. Автор весьма широко использовал все доступные материалы, относящиеся к этому вопросу. Однако эта наиболее привлекательная сторона его работы омрачается невнимательным отношением к литературным источникам, порою искажающим существо вопроса.

Так, ссылаясь на статью П. М. Жуковского, автор пишет, что «рожь принадлежит к наиболее древним культурам Европы, на территории которой она распространилась, как полагают, из стран Средиземноморья, где возникла из дикорастущих форм» (стр. 129). Но П. М. Жуковский [9] не упоминает о ржи как о древнейшей культуре Европы и о выведении ее из дикорастущих форм, возникших в странах Средиземноморья. Такое утверждение автора свидетельствует о незнакомстве его с вопросом о происхождении культурной ржи и о путях проникновения ее на территорию Восточной Европы.

Далее, ссылаясь на статью М. М. Якубцинера, автор указывает, что в Старой Ладоге в слоях VII—IX вв. была найдена полба вместе с зернами ржи и пшеницы (стр. 132). Но М. М. Якубцинер не упоминает о ржи, а говорит только о находках полбы и мягкой пшеницы [10].

Содержание главы VI — «Уборка урожая и обработка продуктов земледелия» — имеет уже косвенное отношение к земледелию, особенно раздел об обработке продуктов земледелия.

При составлении этой главы широко использованы опубликованные материалы и привлечены свидетельства древнерусских письменных источников.

При описании древнерусских серпов использованы работы В. П. Левашовой и А. В. Арциховского. Подробно приводится описание обмолота хлебов цепами, способов хранения зерна, размола зерна на мельницах и т. п. Короче говоря, автор дает описание всего цикла превращения зерна в хлеб.

Таковы замечания по наиболее существенным вопросам земледелия. Кроме того, считаю необходимым сделать некоторые мелкие, частные замечания.

При изложении ряда вопросов древнерусского земледелия автор допускает неточности формулировок чисто агротехнического характера, а иногда обнаруживает не совсем четкое представление о сущности агротехнических приемов, применявшихся в земледелии. Например: «Рала повышали урожайность полей» (стр. 58). «Сохи, кото-

---

[8] А. В. Кирьянов. История земледелия новгородской земли X—XV вв. МИА, № 65, 1959.

[9] П. М. Жуковский. Введение (Об отечественных и пришлых зарубежных культурных растениях в СССР). Материалы по истории земледелия СССР, т. II, М., 1956.

[10] М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. Там же, стр. 137.

рые работают наклонно к почве, и сохи, которые работают в горизонтальном направлении» (стр. 83). «Урожайность полей при двупольной системе была выше, нежели при переложной» (стр. 118). Неправильное представление автора о сущности черного пара (стр. 119); нечетко представление о биологии сорных растений (стр. 64) и др.

По существу говоря, эти неточности не меняют содержания книги. Но дело в том, что эта единственная книга, посвященная такому важному вопросу, каким является земледелие древней Руси, несомненно вызовет интерес у специалистов в области сельского хозяйства, которые будут расценивать эти агротехнические погрешности как отсутствие у автора необходимых знаний в области общего земледелия.

В книге помещены плохого качества рисунки лемехов, наральников, серпов, кос и др. Некоторые рисунки (рис. 2, 89, 94, 95, 99) не соответствуют изложению и нет необходимости помещать их в книге. Фотографии зерен из Райковецкого городища плохо выполнены и не дают представления о морфологии зерна. О некоторых рисунках только из подписи под ними читатель узнает, что это фотографии зерен проса, конопли и др.

К книге приложены карты с обозначением пунктов находок железных частей почвообрабатывающих орудий. На карту нанесены примерные границы распространения типов почв на территории Восточной Европы. Подобная карта составлена также для находок зерен культурных растений.

Со всей объективностью надо признать, что такая важная и обширная тема, какой является земледелие древней Руси, не раскрыта автором во всем ее содержании. В книге слабо отражено самое главное, т. е. прогрессивное развитие замледелия восточного славянства на протяжении рассматриваемого периода, влияние земледелия на ход исторического развития славянского общества. Между тем этот вопрос является наиболее важным в проблеме земледелия древней Руси.

По нашему мнению, композиция книги, заключающаяся в изолированном рассмотрении вопросов земледелия, не допускает изложения данной темы в плане развития земледелия. В части изложения вопросов земледелия книгу В. И. Довженка следует рассматривать как сводную работу, основанную на использовании огромного и разнообразного материала, относящегося к данной теме.

Проблема земледелия древней Руси с давних пор привлекала внимание ученых. Этой проблеме посвящено много работ, выход в свет которых отмечался как определенный этап в изучении земледелия древней Руси. Хотя книга В. И. Довженка содержит ряд спорных положений и не раскрывает всю сущность земледелия древней Руси, все же ее следует рассматривать как весьма важный этап в изучении древнерусского земледелия.

А. В. Кирьянов

Ю. Н. ДМИТРИЕВ

29 ноября 1961 г. скончался крупный советский ученый-искусствовед.

Юрий Николаевич Дмитриев родился в 1902 г. в г. Киеве, в семье служащего. В г. Пензе окончил реальное училище. В 1920 г. Ю. Н. Дмитриев поступил в Уральский горный институт (ныне Свердловский госуниверситет). Но материальные затруднения заставили его в 1922 г. оставить университет и вернуться в Пензу, где он прожил около двух лет. Лишь в 1924 г. удалось уехать в Ленинград, где Юрий Николаевич сначала пытался продолжать образование в Горном институте, но определившаяся к тому времени склонность к гуманитарным наукам и искусству заставила перевестись в недавно организовавшийся Институт истории искусств.

Первыми учителями Ю. Н. Дмитриева были К. К. Романов, прививший ему любовь к древнерусскому зодчеству, А. П. Смирнов, сделавший Ю. Н. Дмитриева патриотом Русского музея, и Н. В. Малицкий, сыгравший немалую роль в сложении научных интересов молодого ученого.

Под руководством К. К. Романова Ю. Н. Дмитриев еще в студенческие годы принимал участие в научных экспедициях на север с целью изучения народных искусств и выявления памятников древней деревянной архитектуры.

С 1927 г., когда он окончил институт, по 1931 г. Юрий Николаевич работал в музеях гг. Ростова и Ярославля.

В 1931 г. Ю. Н. Дмитриев вернулся в Ленинград и начал свою работу в Государственном Русском музее, которую и вел (с несколькими короткими перерывами [1]) до последнего дня жизни.

В Русском музее Ю. Н. Дмитриев начал свою работу в Отделе пропаганды искусства, затем был старшим научным сотрудником и заведующим Отделом древнерусского искусства и, наконец,— главным хранителем музея.

Круг научных интересов Ю. Н. Дмитриева был весьма широк: его привлекали к себе и теоретические высказывания, и организация работы древнерусского живописца, зодчество и миниатюра, станковая и монументальная живопись древней Руси. Но всегда главным объектом его исследований был Великий Новгород. И его зодчество, и его фрески, его мастера и «передние люди» одинаково влекли к себе Ю. Н. Дмитриева. Им посвящены самые обстоятельные исследования и самые задушевные страницы его трудов.

Из числа многих работ, посвященных новгородской архитектуре, пожалуй, самой ценной представляется статья о Церкви Николы на Липне, опубликованная в сборнике «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками на территории СССР» (М., 1947).

Однако самым капитальным вкладом в историю русского искусствознания явилась работа Ю. Н. Дмитриева «Заметки по технике русских стенных росписей (живопись,

---

[1] В период 1934—1937 гг. он работал старшим научным сотрудником в Институте истории и теории искусства, в 1941—1942 гг. находился в рядах Советской Армии, а в 1948—1953 гг. работал в Гос. Эрмитаже.

мозаика)», напечатанная в «Ежегоднике Ин-та истории искусств АН СССР» (М., 1954, стр. 238—278). Методы работы русских монументалистов, организация дружины, техника и технология живописи в неразрывной связи со всем комплексом художественных проблем мастерства получили всестороннее освещение в этой работе.

От вопросов мастерства, которым он посвятил еще несколько работ, Ю. Н. Дмитриев обращается к вопросам эстетики. Им написано серьезное исследование «Теория искусства и взгляды на искусство и письменность древней Руси» (ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953), являющееся одной из немногих в советском искусствознании попыток дать освещение основных положений теоретической мысли средневековой Руси. Вслед за этим, во введении к IV тому «Истории русского искусства» он дает широкую картину борьбы течений в период кризиса средневекового мировоззрения. Еще раньше, в III томе того же издания, он поместил исследование о Строгановской школе живописи, широко привлекая не только материал станковой живописи, но и мало изученную миниатюру того времени.

Интересы Ю. Н. Дмитриева не ограничивались лишь искусством древней Руси, он всегда был в курсе ключевых вопросов развития современного советского искусства, хорошо знал искусство XVIII и XIX вв.

Серьезный и взыскательный к себе, Ю. Н. Дмитриев был тем исключительным «энтузиастом от искусства», трудами которых поддерживается высокий уровень музейного дела и повседневно обогащается наука об искусстве.

Память о Ю. Н. Дмитриеве останется надолго не только в коллективе сотрудников Государственного Русского музея, но и среди всех, кому приходилось соприкасаться с деятельностью этого незаурядного ученого.

Группа товарищей из Института истории искусств

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты Археографической экспедиции
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗАО — Записки Археологического общества
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗНОРАО — Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИБГД — Известия на Българското географско дружество
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
ИЯИМК — Институт языка, истории материальной культуры Академии наук Грузинской ССР
КОПИ — Картотека Отдела полевых исследований Института археологии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СГАИМК — Сообщения Государственной академии материальной культуры
СЭ — Советская этнография
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТВУАК — Труды Всеукраінського археологічного комітету АН УРСР
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ВНИГРИ — Труды Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного института
Тр. ВЭО — Труды Вольного экономического общества
Тр. ГАИМК — Труды Государственной академии истории материальной культуры
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ОИПКГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
Тр. СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. СУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.
AH — Archaeologia Hungarica
AJA — American Journal of Archaeology
ASPR — Americal School of Prehistoric Research
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
DAGR — Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
JDAI — Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts
JHS — Journal of Hellenic Studies
JNES — Journal of Near Eastern Studies
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
OIP — Chicago University. The Oriental Institute Publications
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

С. Н. Бибиков (Киев). Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы . 3
Л. А. Мацулевич (Ленинград). Чаша из Бартыма 25
А. А. Бобринский (Москва). Древнерусский гончарный круг 33
Л. А. Голубева (Москва). Археологические памятники веси на Белом озере 53
Г. К. Вагнер (Москва). Грифон во владимиро-суздальской фасадной скульптуре 78
Н. В. Рындина (Москва). О древнерусском литье «навыплеск» 91
С. П. Бурлацкая (Москва). О датировании археологических объектов археомагнитным методом 99
К. Домбровский, П. Стопиньский, Е. Ступницкая (Варшава). Исследование археологических памятников методом определения величины электросопротивляемости грунта 105
К. С. Николэеску-Плопшор (Бухарест). К изучению палеолита Румынии . 116
Л. А. Фадеев (Москва). Основные проблемы африканской археологии . . . 134

Публикации

З. А. Абрамова (Ленинград). Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре 147
В. М. Массон (Ленинград). Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе . . 157
Р. М. Мунчаев (Москва). Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии 176
С. А. Есаян, А. Н. Шагинян (Ереван). Археологические находки в Зангезуре 199
М. М. Кобылина (Москва). Скульптурный портрет из Фанагории 209
И. Т. Кругликова (Москва). Мраморная голова из Аполлонии 215
В. Д. Блаватский (Москва). Подводные разведки в Ольвии 225
И. С. Каменецкий, В. В. Кропоткин (Москва). Погребение гуннского времени близ Танаиса 235
С. А. Плетнева (Москва). Подгоровский могильник 241
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме . 252
А. В. Никитин (Москва). Белгородская крепость XVI—XVII вв. 260

Заметки

А. И. Тереножкин (Киев). Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бричмулла близ Ташкента 279
Е. К. Максимов (Саратов). Материалы из Хвалынского музея 282
Л. А. Ельницкий (Москва). По поводу портретных скульптур скифских царей Скилура и Палака 289
П. П. Хороших (Иркутск). Оленный камень из Забайкалья 291
М. А. Романовская (Москва). Селище Лукашевка II 293
Л. Р. Кызласов (Москва). Статуэтка северного оленя из Канска 299
Ю. А. Краснов (Московская обл.). Курганы с трупосожжениями у дер. Горышкино 302
М. В. Фехнер (Москва). Глиняные лапы из Тимеревского курганного могильника 305
Э. А. Макаев (Москва). Руническая надпись из Новгорода 309
В. В. Седов (Москва). Войносоловский крест 311

Критика и библиография

А. А. Формозов (Москва). Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР 315
И. Г. Нариманов, З. И. Ямпольский (Баку). Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур 318
В. М. Массон (Ленинград). L. Dupree. Shamshir Ghar 320
И. Ш. Шифман (Ленинград). Н. Н. Залесский. Этруски в Северной Италии. 320
В. П. Левашова (Москва), Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины 322
Б. А. Рыбаков, А. В. Кирьянов (Москва). В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі 324

Хроника

Ю. Н. Дмитриев 333

SOMMAIRE

Articles

S. N. Bibikov (Kiev): De l'histoire des faucilles en pierre dans le sud-est de l'Europe 3

L. A. Matsoulévitch (Léningrad): La coupe de Bartym 25

A. A. Bobrinsky (Moscou): Tour de potier de la Russie ancienne 33

L. A. Goloubeva (Moscou): Les monuments archéologiques des Vès 53

G. K. Wagner (Moscou): Griffon dans la sculpture de Vladimir-Souzdal . . . 78

N. V. Ryndina (Moscou): Sur le moulage «navyplesk» (au jet) dans la Russie ancienne 91

S. P. Bourlatskaya (Moscou): Sur la datation des objets archéologiques par méthode archéomagnétique 99

K. Dąbrowski, V. Stopiński, E. Stupnicka (Varsovie): Recherches de monuments archéologiques par méthode de détermination de la grandeur de la qépression Khakassie-Minousinsk 105

K. S. Nicolaescu-Plopor (Bucarest): Sur l'étude du Paléolithique en Roumanie 116

L. A. Fadéev (Moscou): Les problèmes de l'archéologie africaine 134

Publications

Z. A. Abramova (Léningrad): Krasny Yar, station paléolithique sur à Apollonia 147

V. M. Masson (Léningrad): Fouilles sur Djeïtoune et Kara-Tépé 157

R. M. Mountchaev (Moscou): Les monuments de la civilisation maïkopienne de Tchétchéno-Ingouchety 176

S. A. Esayan, A. N. Chaguinian (Erevan): Trouvailles archéologiques dans Zanguézour 199

M. M. Kobylina (Moscou): Sculpture portrait de Phanagorie 209

I. T. Krouglikova (Moscou): Le portrait de Démosthène trouvé 215

V. D. Blavatsky (Moscou): Recherches sous-marines dans Olbie 225

I. S. Kamenetcky, V. V. Kropotkine (Moscou): Sépulture du temps des Huns près du Tanaïs 235

S. A. Pletneva (Moscou): La tombe de Podgorovka 241

R. L. Rozenfeldt (Moscou): La frise en carreaux de faïence de l'Eglise de la Trinité de Kostroma 252

A. V. Nikitine (Moscou): La forteresse de Belgorod des XVe—XVIe siècles . 260

Notes

A. I. Térénojkine (Kiev): Le trésor d'objets en bronze Andronovsky du village Britchmoulla près de Tachkent 279

E. K. Maximov (Saratov): Pièces du musée Khvalynsk 282

L. A. Elnitsky (Moscou): Au sujet des sculptures portraits des rois scythes Skilour et Palak 289

P. P. Khorochikh (Irkoutsk): «La pierre de cerf» de Transbaïkalie 291

M. A. Romanovskaya (Moscou): Vestiges du village Loukachevka II 293

L. R. Kyzlasov (Moscou): La statuette de renne du nord de Kansk 299

I. A. Krasnov (région de Moscou): Tumulus avec crématoire près Gorychkino 302

M. V. Fekhner (Moscou): Les pattes en argile de tumulus de Timérévo . . . 305

E. A. Makaev (Moscou): L'inscription runique de Novgorod 309

V. V. Sédov (Moscou): La croix de Voïnosolovo 305

Critique et Bibliographie

A. A. Formosov (Moscou): N. A. Bérégovaya. Les lieux de trouvailles paléolithiques en URSS 315

I. T. Narimanov, Z. I. Yampolsky (Bakou): Minguétchaour ancien 318

V. M. Masson (Léningrad): L. Dupree. Shamshir Ghar 320

I. Ch. Chifman (Léningrad): N. N. Zalessky. Les Étrusques dans l'Italie du Nord 320

V. P. Lévachova (Moscou): L. R. Kyzlasov. L'époque Tachtyk 322

B. A. Rybakov, A. V. Kirianov (Moscou): V. I. Dovjénok. L'agriculture dans la Russie ancienne 324

ПОПРАВКА

В № 2, 1962 г., в статье И. Т. Кругликовой «О гончарной мастерской в Горгиппии», стр. 224, строку 10 снизу следует читать: во II в. до н. э.